

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

129 [1]

1877 May

B. 27297 d. 42

14/133

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

1877

М А Й

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПОСЛѢДНЯЯ АНГЛІЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. А. Д.
- II. О ДРАМѢ. Гл. IX—XII. Д. В. Аверкіева.
- III. РОССИЯ И ЕВРОПА НА ВОСТОКѢ ПРЕДЪ АДРИАНОПОЛЬСКИМЪ МИРОМЪ. Р.
- IV. ОЛЛАНТА. Древне-перуанская драма изъ временъ Инковъ. Въ трехъ актахъ. Переводъ. Ѳ. Б. Миллера.
- V. ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА. Гл. I—III. Н. П—ова.
- VI. 1) THE EMPRESS OF INDIA. 2) ДВА БѢСА. (Баллада.) Стихотворенія. А. Н. Майкова.
- VII. ПАВЗАНИЙ, СПАРТАНЕЦЪ. Посмертный романъ Бувера, лорда Литтона, изданный его сыномъ. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Книга первая. Гл. IV—V. Книга вторая. Гл. I—II.
- VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) „Въ чудный міръ, въ обитель грезъ далекихъ“. 2) „Да, ты права—метелью безпощадной“. 3) „Изъ сада, гдѣ лица предъ нами мелькали, мелькали.“ Всеволода Соловьева.
- IX. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Т.
- X. ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА 1853—1856. Окончаніе. В. И.
- XI. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. XXVI—XXXI. Андрея Печерскаго.
- XII. ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Съ приложеніемъ картъ: 1) Европейской Турціи. 2) Театра военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. 3) Дуная отъ Браилова до Измаила. 4) Окрестностей крѣпости Карса. М.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ЧЕРНАЯ ИНДІЯ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. VI—X.

Digitized by Google

Прилагается только-что полученная отъ нашего корреспондента копія со съемки окрестностей крѣпости Ардагана и его укрѣпленій, про

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
На Страстномъ Бульварѣ
1877

JAN 10 1956

RECEIVED

SEP 17 1956

SEP 17 1956

SEP 17 1956

ПОСЛѢДНЯЯ АНГЛІЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

Въ концѣ октября минувшаго года возвратилась въ Портсмутскую гавань полярная экспедиція, отправившаяся въ путь въ маѣ 1875 года. Цѣль путешествія не была вполнѣ достигнута, потому что почти весь экипажъ переболѣлъ скорбутомъ, и громадныя не тающіе полярныя льды заградили дальнѣйшій доступъ къ сѣверному полюсу, котораго, несмотря на всѣ усилія самыхъ отважныхъ и мужественныхъ мореплавателей, все еще не удалось достигнуть пылкому изслѣдователю. Ни одна арктическая экспедиція не была снаряжена съ такимъ стараніемъ и съ такимъ предусмотрѣніемъ возможныхъ случайностей. По тщательномъ изученіи неблагоприятныхъ условій и затрудненій, съ которыми долженъ бороться путешественникъ въ полярныхъ странахъ и всего чему научилъ опыты многочисленныхъ предшествовавшихъ экспедицій, англійское Адмиралтейство не пощадило издержекъ на снабженіе экипажа лучшимъ и обильнымъ запасомъ провизіи, соответствующею климату одеждой, медиками, врачебными средствами и всякими удобствами. Были приняты всѣ мѣры чтобы люди въ долгую полярную ночь не оставались безъ занятій и развлеченій; корабли *Alert* и *Discovery*, были снаряжены самыя крѣпкіе и приспособленные къ плаванію среди льдовъ; экипажъ былъ составленъ изъ отборныхъ,

отважныхъ, ловкихъ и знающихъ свое дѣло людей, а начальство надъ ними было поручено одному изъ лучшихъ моряковъ англійскаго флота, капитану Нерсу. Въ то время когда готовилась экспедиція, послѣдній находился въ командировкѣ. Въ концѣ 1872 года Адмиралтейство отправило его на корабль *Challenger* въ долговременное кругосвѣтное плаваніе, предпринятое по ходатайству Лондонскаго Королевскаго Общества для изслѣдованія въ физическомъ и біологическомъ отношеніяхъ океановъ Атлантическаго, Тихаго и Южнаго. По дружественному плаванію капитанъ Нерсъ получилъ въ Гонконгѣ предложеніе Адмиралтейства принять начальство надъ предпринимаемою арктическою экспедиціей. Оставъ команду *Challenger* капитану другого стоящаго въ Гонконгѣ англійскаго корабля, Нерсъ съ радостью послѣдшилъ на новую несравненно труднѣйшую службу, и въ концѣ 1874 года вернулся въ Лондонъ.

Несмотря на всѣ разумныя предосторожности, труды вынесенные людьми развѣдочныхъ партій, которыя снаряжались съ кораблей для изслѣдованія береговъ и для приближенія къ полюсу по морскому льду, были такъ утомительны, а зимніе морозы оказались такъ суровы, что почти весь экипажъ сильно пострадалъ отъ скорбута, развившагося, какъ полагаютъ англійскіе врачи и фізіологи, вслѣдствіе продолжительнаго лишенія дневнаго свѣта въ долгую полярную ночь.* Не разчитывая на новые успѣхи экспедиціи отъ дальнѣйшаго пребыванія среди льдовъ ослабленныхъ болѣзнію экипажей, капитанъ Нерсъ былъ принужденъ возвратиться въ Англію ранѣе предположеннаго срока. При крайне неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ пришлось признать за счастье и то что изъ малочисленныхъ экипажей было похищено смертію не болѣе четырехъ жертвъ, и что *Alert* и *Discovery* вернулись благополучно домой, такъ какъ при отправленіи ихъ лорды Адмиралтейства не надѣялись что оба корабля выйдутъ побѣдителями изъ борьбы съ полярными льдами.

Хотя экспедиція не имѣла полной удачи, тѣмъ не менѣе одной изъ ея развѣдочныхъ партій удалось добратъсѣ до наивысшей когда-либо доселѣ достигнутой сѣверной широты въ 83° 20'. Капитанъ Парри доходилъ лишь до широты 82° 45'; Австро-Венгерская экспедиція Вейлрехта и

* Обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса недавно поручено особой ученой комиссіей.

Найери 1872—1874 годовъ, принужденная бросить свой затертый льдами корабль и спасенная отъ гибели на Новой Землѣ нашими Поморомъ Воронилымы, не заходила далѣе 82° 5'; Американская арктическая экспедиція капитана Галла добралась въ 1872 году до 82° 18', и вѣроятно въ слѣдующій годъ пошла бы далѣе, еслибы преждевременная смерть не сразила этого отважнаго мореходца. Необытныя ледяныя сплоскыя льды, толщиною отъ 20 и даже до 30 саженъ, походившіе на марсу, смерзшихся въсѣхъ ледяныхъ горъ, преграждавъ экспедиціи капитана Нерса дальнѣйшій путь на сѣверъ. Эти громадные древніе льды сплутались въ 1876 году ближе обшарованнаго къ выходу изъ канала Робсона, вслѣдствіе чего зима оказалась чрезвычайно суровою. Арктическіе путешественники никогда не подвергались такимъ страшнымъ морозамъ какіе пришлось выносить развѣдочнымъ партіямъ *Alert* и *Discovery*. Кратковременное удобное для плаванія среди льдовъ время тоже оказалось въ концѣ лѣта 1876 года повсемѣстно до того неблагоприятнымъ, что въ Беринговомъ проливѣ погибла цѣлая флотилія катободныхъ судовъ.

Главнѣйшіи географическіи результатами экспедиціи были: открытіе выхода изъ канала Робсона въ Сѣверное Полярное море; осмотръ значительномъ протяженіи очертанія береговъ Сѣверо-Американскаго материка на западъ, и береговъ Гренландіи на востокъ отъ этого канала, доказательство отсутствія твердой земли далеко на сѣверъ въ изслѣдованной части Полярнаго моря, и рѣшеніе вопроса о томъ есть ли Гренландія островъ. Впрочемъ, географическіи открытія едва ли должны занимать первое мѣсто въ числѣ матеріаловъ доставляемыхъ наукамъ арктическими путешествіями. Самые полюсы земли, все еще недоступные, имѣютъ для естественнаго не болѣе значенія чѣмъ близкія къ нимъ мѣстности; но арктическія страны, болѣе доступныя чѣмъ антарктическія, сами по себѣ особенно важны для наблюденія многихъ явленій природы въ области магнетизма, сѣверныхъ сияній, метеорологіи, геологіи, ботаники и зоологіи. Для трудовъ этого разряда офицеры экспедиціи получили въ прощальный даръ отъ английскихъ ученыхъ такое собраніе лучшихъ всякаго рода скаридовъ и инструментовъ, а совѣтъ Лодонскаго Королевскаго Общества составилъ для нихъ руководство для научныхъ изслѣдованій въ арктическихъ странахъ и указатель

тѣхъ предстоящихъ имъ работъ, которыя, по своей важности, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Надъ сочиненіемъ Руководства и Указателя трудились первостепенные англійскіе ученые: Эвансъ, Стоксъ, Томсонъ, Адамсъ, Тиндаль, Гейдъ, Споттисвудъ, Гоутонъ, Локьеръ, Гукеръ, Гексли, Форбсъ и другіе. Написанный ими объемистый томъ въ 800 страницъ заключаетъ въ себѣ въ высшей степени любопытное обзорное изложеніе вопросовъ разрѣшенія которыхъ наука ожидаетъ отъ изслѣдователей дальняго сѣвера, и изложеніе способовъ которыми можно достигнуть желаннаго результата.

Экспедиція капитана Перса конечно не изчерпала предположенной ей задачи, но она обогатила цѣннымъ вкладомъ сокровищницу нашихъ знаній. Экспедиція эта новое свидѣтельство готовности съ какою въ Англіи общество слѣдуетъ оказывать участіе и поддержку всякому предпріятію связанному съ интересами науки. Какъ ни алчны ея купцы и промышленники, какъ бы ни была безсердечна ея политика, къ какой бы эгоистической и беззащитничьей цѣли не стремились ея дипломаты, въ образованномъ цвѣтѣ націи всегда есть люди готовые служить пользамъ науки съ полнымъ самоотверженіемъ и принести всякія жертвы для расширенія области нашихъ знаній. Сколько славныхъ и безвѣстныхъ могилъ сокрыто въ знойныхъ пустыняхъ Африки и въ мертвенныхъ льдахъ сѣвера! Всякій разъ когда лорды Адмиралтейства рѣшаются снарядить новую многотрудную экспедицію англійскіе моряки и ученые наперерывъ добиваются чести въ ней участвовать, и остается только изъ способныхъ людей выбрать самыхъ даровитыхъ и свѣдущихъ и привыкшихъ выносить самыя тяжкія лишенія. Сколько ученыхъ обществъ процвѣтаетъ въ Англіи безъ всякой правительственной поддержки, затрачивая ежегодно значительныя суммы, собираемыя взносами членовъ и частными пожертвованіями, на свои изданія и предпринимаемыя ими изслѣдованія, причемъ государство даже не освобождаетъ ихъ отъ уплаты налога за квартиру, почтовыхъ расходовъ и т. п.! Правительство не особенно щедро и на награды за долговременныя и славныя труды на ученомъ поприщѣ. Пособія многочисленныхъ заслугъ, немногимъ лицамъ, стяжавшимъ себѣ европейскую славу, назначается окромя лонсія или жалованья титула баронета. За всѣ лишенія и страданія перенесенныя экипажами *Alert* и *Discovery* офицеры были

произведены въ слѣдующіе чины, матросы награждены медалями выбитыми для нихъ по повелѣнію королевы, а начальнику экспедиціи пожалованъ орденъ Бани.

Позволяемъ себѣ думать что описаніе арктическаго плаванія не лишено современнаго интереса и предлагаемъ читателямъ *Русскаго Вѣстника*, въ сокращенномъ видѣ, донесеніе капитана Перса лордмъ Адмиралтейства о его путешествіи, съ того времени когда карабли его вступили въ царство льдовъ. Экспедиція благополучно достигла Баффинава залива и зашла на западномъ берегу Гренландіи собаками для возки саней и логонщиками Эскимосами: оба корабля взяли каждый на бортъ по 30 собакъ. Научные результаты экспедиціи будутъ изданы въ свѣтъ по окончаніи ученой обработки собранныхъ матеріаловъ; но предлагаемое донесеніе даетъ полное понятіе о трудностяхъ и лишенияхъ ожидающихъ мореходца и изслѣдователя прирды въ ледовитомъ поясѣ и развертываетъ предъ глазами читателя картину суровой природы околуполарныхъ странъ.

I.

Оба корабля экспедиціи, *Alert* и *Discovery*, одинъ на буксирѣ другаго, вышли изъ Алернивика (на западномъ берегу Гренландіи, въ Баффиновомъ заливѣ) 22го іюля 1875 года.

На морѣ стоялъ густой туманъ и потому я шелъ къ северу на парахъ, между островомъ и материкомъ, пользуясь теплою погодою до острова Кангитака, гдѣ туманъ, прокрадываясь съ моря, постепенно захватывалъ и наконецъ совершенно окружалъ насъ. Многочисленные, живописные скалистые острова и утесы въ лабиринтѣ этого защищеннаго отъ вѣтровъ прохода изображены на нашихъ картахъ такъ неправильно, что нѣтъ возможности пробраться между ними безъ лоцмана. Сопровождавшій насъ для этой цѣли Эскимось сказалъ мнѣ что многіе изъ сходныхъ по виду каналовъ загорожены поперекъ затонувшими утесами, и судя по многимъ скаламъ, воздымавшимся прямо на пути предъ нами, слова его заслуживаютъ довѣрія.

Обширный Алернивикскій ледникъ имѣетъ одинъ только выходъ обращенный прямо къ морю, и потому многочисленныя отрывающіяся отъ него ледяныя горы, всякой величины, сгучиваются вслѣдствіе прилива, отлива и теченій,

между лежащими на югѣ островками и соевѣмъ запирають собою каналы между ними до педнаго лѣта; но когда въ юлѣ проходъ прорывается ледяными горами опирающимися основаніемъ на подводныя скалы и другими; высота которыхъ надъ уровнемъ моря несомнѣнно указываетъ глубокую воду, тогда эти горы болѣе помогаютъ чѣмъ мешаютъ плаванію въ теплую погоду. Утромъ 23го, послѣ безпокойной ночи, проведенной среди густого тумана, въ узкомъ каналѣ, при сильномъ теченіи водѣ дѣйствіе отлива, на такой глубинѣ что мы не доставали дна выпустивъ 600 футовъ лотная, въ разстояніи одного кабельтова отъ берега, гадя *Discovery* на буксирѣ, мы замѣтили, когда атмосфера проявилась на минуту, двухъ Эскимосовъ въ своихъ педкахъ. Послѣ переговоровъ черезъ нашего переводчика они согласились привести насъ на якорную стоянку. Слѣдуя за ними къ указанному ими мѣсту и не доставая ручнымъ лотникомъ дна противъ середины корабля, я замѣтилъ что носъ его слегка скользиль по землѣ. Сквозь туманъ можно было разсмотрѣть что берегъ отъ насъ не далѣе 150 футовъ. Эскимосы очевидно не смекнули что наши корабли требовали болѣе глубоины чѣмъ ихъ утлая лада. Такъ какъ отливъ уже кончался, но вода еще понижалась, то я оставилъ *Alert* стоять спокойно на своемъ мѣстѣ, удерживая *Discovery* на буксирномъ канатѣ, и воспользовался невольною задержкой чтобы высадить на берегъ корабельныя команды для стирки бѣлья.

Съ дальнѣйшимъ наступленіемъ дня туманъ началъ слегка уходить вверхъ, приливъ поднялъ корабль и онъ выплылъ на воду не потерпѣвъ ни удара, ни какого-либо поврежденія. Я отпустилъ лотмана, который не былъ виноватъ въ нашей бѣдѣ, и пошелъ въ море, держась вдали отъ сѣвернаго берега Кангитока, крайняго острова всей группы, по мнѣнію коего въ каналѣ не встрѣчается болѣе затрудненій.

Считая вѣроятнымъ что до Европы дойдетъ искаженный слухъ о томъ какъ мы натолкнулись на берегъ, я въ послѣднюю минуту набросалъ карандашомъ письмо гидрографу капитану Эвансу, чтобы разказать ему какъ ничтожна была приключившаяся задержка.

Въ 4 часа пополудни мы прошли острова Броуна, имѣя вокругъ себя море соевѣмъ чистое отъ льда. Обсудивъ внимательно всѣ обстоятельства и принявъ въ соображеніе

высокое и спокойное стояние барометра послѣ юго-восточнаго вѣтра, предвѣщавшее, что тихая погода, которою мы пользовались вѣроятно продолжится, намъ рѣшился проложить себѣ дорогу сквозь ледъ по предѣлу Баффинаго залива, вмѣсто того, чтобы идти обычнымъ путемъ вкругъ залива Медвилья. Оба корабля были направлены съ полною скоростью къ западу и пошли вмѣстѣ къ мысу Йорку, видя предъ собою не болѣе дюжины ледяныхъ горъ плававшихъ по гладкому какъ зеркало морю и заслонявшихъ намъ дорогу. Когда мы отошли отъ земли туманъ постепенно разсѣлся и открывъ намъ великолѣпную, единственную въ своемъ родѣ панораму, прикрытыхъ ледяною шапкой Гренландскихъ горъ, въ которыхъ беретъ свое начало Апервикискій ледникъ, загороженный съ моря безчисленными ледяными горами и прикрытый далеко впереди группой разбросанныхъ черныхъ островковъ, между которыми мы пробирались минуящею ночью, и изъ которыхъ Кангитокъ самый сѣверный.

Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни 24го числа мы врывались въ плотъ скученнаго льда, въ разстояніи семидесяти миль* отъ Кангитока. Масса состояла изъ плавающихъ льдинъ, толщиною отъ одного до трехъ, а иногда и до четырехъ футовъ. Сперва попадались глыбы діаметромъ не болѣе 750 футовъ, очень рыхлая, легко разбивавшіяся и дававшія проходъ кораблю когда онъ случайно о нихъ ударился. Отраженіе на небѣ близъ горизонта показывало что ледъ, раздѣленный широкими полыньями на югъ отъ насъ, скупенъ гораздо сильнее на сѣверѣ. Около шести часовъ пополудни, когда мы проплыли среди ледянаго пласта тридцать миль, ледъ сдѣлался скученнѣе, а льдины обширнѣе, до миль въ діаметрѣ, такъ что нужно было разборчиво выбирать лучшіе между ними каналы. Мы шли четырнадцать часовъ и проплыли шестьдесятъ миль среди такого льда, не довольно сомкнутого чтобы претрудить намъ путь, но тѣмъ не менѣе требовавшего бдительнаго наблюденія съ мачты. Въ 8 часовъ пополудни каналы сдѣлались замѣтно шире и многочисленнѣе, такъ что я постепенно направлялъ нашъ путь прямо на сѣверъ и поплылъ прямо на мысъ Йоркъ, причемъ море все болѣе и болѣе очищалось отъ льда.

* Морская миля равняется 1,74 версты — 60 на градусъ широты.

Вечеромъ 25го іюля, въ 9 часовъ 30 минутъ, показались горы лежація къ сѣверу отъ мыса Йорка, а въ 11 часовъ мы, къ немалому нашему удивленію, благополучно вступили въ сѣверныя воды, пробравшись, безъ приключеній, въ тридцать четыре часа, сквозь ледъ въ срединѣ Баффинава залива, хотя вдоль ватерлиній кораблямъ досталось не мало параличъ. Теперь можно было: для береженія угля погасить пары.

Наше удачное лутешествіе сквозь льды въ срединѣ Баффинава залива не даетъ еще права заключить что подобный переходъ можетъ быть всегда совершенно успѣшно. Самые опытные плаватели по арктическимъ морямъ справедливо опасаются этого скученнаго льда. Большія ледяныя горы и пластовый ледъ, плавая въ водѣ на различныхъ глубинахъ, подѣ влияніемъ вѣтра и теченій Океана движутся съ различными скоростями. Когда горы обгоняютъ пласты, послѣдніе, какъ болѣе легкіе, не могутъ противостоятъ напору и быстро разбиваются на куски тяжелыми скалами ледяныхъ горъ. Когда корабль попалъ въ скученныя льды между ледяными горами, и нѣтъ кругомъ его открытой воды позволяющей ему уклониться въ сторону, тогда ему постоянно грозитъ опасность быть прижатымъ къ ледяной горѣ.

Вскорѣ послѣ того какъ показалась земля и мы высвободились изъ пловучихъ льдовъ, *Discovery* отдѣлился чтобы вступить въ сношеніе съ туземцами мыса Йорка, а *Alert* направился къ островамъ Карей. Множество ледяныхъ горъ, изъ которыхъ многія упирались въ дно, были густо скучены противъ мыса и расположились линіями параллельными берегу, направленному къ Коническому Утесу и къ мысу Атолла. Въ открытомъ морѣ этихъ горъ было меньше, что я приписываю южному теченію, замѣченному нами въ слѣдующій день на пути къ островамъ Карей. Оно захватывало и увлекало съ собою на югъ тѣ изъ нихъ которыя отдѣлялись отъ главной массы и были уносимы на западъ за предѣлы сѣвернаго теченія вдоль Гренландскаго берега.

Покуда *Discovery* стоялъ у мыса Йорка, туземцы свосились съ экипажемъ при помощи переводчика Петерсена и Эскимоса Ганса. Братъ этого Ганса ушелъ на охоту на неопредѣленное время, а потому капитанъ Стефенсонъ благоразумно отказался отъ надежды воспользоваться его

услугами для экспедиціи и ушелъ къ островамъ Карее, гдѣ соединился съ кораблемъ *Alert*. Оба корабля прибыли туда въ полночь 26го іюля.

Мы съезли на берегъ катеръ и запасъ въ 3.600 раціоновъ и сложили ихъ на юго-восточномъ берегу юго-восточнаго острова. Тамъ же, на вершинѣ, подъ набросанною нами высокою грудой камней, мы спрятали описаніе нашего плаванія. Затѣмъ экспедиція отправилась даѣе къ сѣверу, оберегая по возможности уголь. Море было спокойное, а погода стояла ясная. Въ исключеніемъ многихъ разсѣянныхъ ледяныхъ горъ, здѣсь съ высшей точки острововъ Карее не было видно льда. Прохода между островами Гаклюйтомъ и Нортумберландомъ; корабли были противъ мыса Робертсона въ восемь часовъ пополудни 27го іюля. Ледъ ловидному до самаго берега вполнѣ запералъ заливъ Импафалда, на востокъ отъ мыса Акланд, но оба входа въ заливъ оставались свободны. Въ восемь часовъ пополудни 28го іюля, черезъ пять съ половиной сутокъ послѣ того какъ мы снялись съ якоря въ Алернивикѣ, экспедиція, къ моему удовольствію, бросила якорь близъ порта Фулька, предъ совершенно свободнымъ отъ льда входомъ въ проливъ Смита. При свѣжѣмъ сѣверномъ вѣтрѣ, не было видно льдовъ плывущихъ на югъ.

Пока капитанъ Стефенсонъ обследывалъ обращенную къ морю часть залива Фулька чтобъ узнать найдетъ ли тамъ удобное для зимовки мѣсто корабль который выслали бы намъ на помощь, я вмѣстѣ съ командоромъ * Маркгамомъ отправился въ катерѣ на островъ Линкольнъ и въ заливъ Спасательной Лодки, гдѣ въ 1871 году потерѣла крушеніе *Полярная Звѣзда*. Мы скоро отыскали складъ, гдѣ, по указанію доктора Бесселя и Брайнга, участвовавшихъ въ экспедиціи къ сѣверному полюсу снаряженной Соединенными Штатами, были спрятаны нѣкоторые инструменты и ящики съ книгами, но тамъ ничего не оказалось. Принадлежности одежды и много маленькихъ сокрытыхъ складовъ тюленьяго и моржеваго мяса были разбросаны всюду по маленькимъ полуостровкамъ въ сосѣдствѣ зимовья экипажа, а близъ развалинъ его дома мы нашли четыре или пять ящи-

* Англійскій флотскій чинъ, средній между чинами лейтенанта и капитана.

ковъ, оставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, безъ всякой защиты. Всѣ ящики были перевязаны веревками и прикрыты тяжелыми камнями, чтобъ ихъ не снесло вѣтромъ. Въ этихъ ящикахъ мы имѣли: термометръ, къ сожалѣнію не такой, который бы самъ отмѣчалъ свои показанія, доску изъ кожаной одежды, старая перчатка, плотничьи инструменты, нитки, игла, и много мелочей: очень полезныхъ для Эскимосовъ, но очевидно не тронутыхъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были оставлены. Въ нихъ же лежали: нѣсколько книгъ и копія съ журнала корабля или самый его оригиналъ, со времени отплытія изъ Соединенныхъ Штатовъ, по 20 мая слѣдующаго года. Не оказалось ни малюшка, ни ласкайнаго снаряда, ни хронометра. Три кожаныхъ модки, вытѣсненные на берегу и нагруженные камнями, были въ полномъ порядкѣ. Мы пользовались самою маленькою изъ нихъ для переноски на мысъ Сабина.

По возвращеніи на *Alert* мы высадили на берегъ острова Литлтона, сложили на окраинѣ его юго-восточной возвышенности груду камней и схоронили подъ нею записку о плаваніи и дѣяніяхъ нашихъ экспедиціи. Съ высокаго мѣста на островкѣ не было видно льдовъ; но наши охотники, бродившіе по брѣжѣ высокимъ мѣстностямъ материка, сказали по возвращеніи что замѣтили отблески льда на сѣверѣ.

II.

Портъ Фуадка до настоящаго времени лучшее известное мѣсто для зимней стоянки въ арктическихъ странахъ. Теплое океаническое теченіе и вѣтры при узкомъ входѣ въ проливъ Смита постоянно разбиваютъ ледъ зимой и позволяютъ съ ранней весны, ехотиться за тюленями и моржами и добывать обидную добычу. Сырость и тепло, придаваемые атмосферѣ непокрытыми льдомъ водами, настолько умягчаютъ климатъ, что растительность земли здѣсь богаче чѣмъ въ соседствѣ, и доставляетъ болѣе питанія для арктическихъ животныхъ. Сверхъ важнаго удобства доставляемаго запасами свѣжаго мяса, сообщеніе здѣшнихъ водъ съ сѣверными водами за мысомъ Йорка остается открытымъ, а потому можно всякое лѣто заходить въ Портъ Фуадка

не подвергаясь другимъ опасностямъ, кромѣ такихъ, которыя обычно встрѣчаются въ арктическомъ плаваніи.

Утромъ 29го июля, оба корабля, при хорошей погодѣ, переплыли черезъ проливъ, направляясь къ мысу Изабеллы; но по мѣрѣ нашего приближенія къ западному берегу съ глущины земли поднялась сильная вьюга и настигла насъ. Когда мы подошли къ мысу, Воздухъ такъ затемнился, что съ борта кораблей нельзя было разсмотрѣть положенія мыса, и видѣли его только наши люди, которые, сѣхавъ на берегъ, сложили тамъ небольшой запасъ провизіи и наклали груду камней. Груда была построена на вершинѣ самой восточной части мыса, на высотѣ около 700 футовъ надъ водой. Когда катеръ вернулся къ кораблю, въ 5 часовъ пополудни, я пошелъ на паряхъ на сѣверъ къ мысу Сабина; вѣтеръ стихъ, но валившій свѣтъ дѣлалъ погоду сумрачною. Въ 8 часовъ пополудни, въ разстояніи пятнадцати миль къ сѣверу отъ мыса Изабеллы, показался ледъ между нами и берегомъ и заставилъ насъ держаться далѣе отъ земли.

Рано утромъ 30го июля, пройдя разстояніе до мыса Сабина, я погасилъ пары, а въ пять часовъ по полудни туманъ разсѣялся, и я замѣтилъ что *Discovery* залеглъ ближе берега цѣлымъ плотомъ скученныхъ льдовъ, шириной въ пять или шесть миль, между тѣмъ какъ въ открытомъ морѣ льда не показывалось. Не желая чтобы корабли разлучались, и благопріятствуемый тихою погодою, я прорѣзался сквозь плотъ, который хотя и казался сомкнутымъ въ одну массу, но настолько раздавался, что не мѣшалъ медленному ходу корабля, достигъ *Discovery*, и привелъ оба корабля въ удобную пристань, въ двухъ миляхъ къ югу отъ мыса Сабина. Мы ее назвали именемъ снастливаго и энергическаго арктическаго мореплавателя лейтенанта Пайера. Здѣсь, на самомъ южномъ изъ островковъ, въ удобномъ для странствующихъ партій мѣстѣ, мы сложили 240 раціоновъ и сложили на вершинѣ самаго возвышеннаго и крайняго островка груду камней, гдѣ спрятали записку о нашемъ путешествіи.

Ледяной плотъ состоялъ изъ глыбъ, толщиною отъ пяти до шести футовъ, перемѣшанныхъ здѣсь и тамъ съ глыбами болѣе старыми и массивными, въ 10—12 футовъ толщины; но всѣ онѣ были разрыхлены и предвѣщены на подобіе сота; тѣмъ не менѣе требовалось въ немъ быть осторожнѣе чѣмъ со льдомъ чрезъ который мы проицъ въ заливъ Баффина.

Здѣсь я обращаю вниманіе на обманчивость впечатлѣнія, которымъ увлекаются неопытные путешественники. Когда, глядя на море съ высокаго мѣста, они не усматриваютъ вдали ледяной границы. Островъ Литльтона отстоитъ отъ мыса Сабина только на двадцать пять миль. Въ ясный вечеръ, съ высоты въ 700 футовъ, при хорошѣмъ очертаніи береговъ и горизонта, нигдѣ не было видно льда, и казалось, можно было надѣяться что экспедиція достигнетъ безъ затрудненія болѣе высокой широты. Тѣмъ не менѣе спустя 24 часа оба наши корабли были заперты льдами.

Трое сутокъ были мы задержаны въ пристани Пайера. Выжидая пока льды раздвинутся и дадутъ намъ проходъ, мы не разъ опускались съ якоря при малѣйшей надеждѣ выбраться изъ нихъ, но не могли обогнуть мыса Сабина и должны были возвращаться назадъ. Мѣсто нашей стоянки было прекрасное, защищенное отъ налива большихъ глыбъ; мы могли пользоваться обширнымъ видомъ съ близкой большой возвышенности, и предъ нами шли на сѣверъ и на югъ глубокіе удобные для плаванія каналы, по которымъ можно было выйти въ море какъ скоро благоприятный западный вѣтеръ раздвинетъ ледъ. Положеніе наше близъ выдающагося мыса, гдѣ теченія прилива и отлива идутъ съ увеличенною скоростью, было выгодное; хотя и подверженное порывистымъ вѣтрамъ; впрочемъ лѣтомъ, въ ледовитыхъ моряхъ, когда ждешь чтобы разступился ледъ, такіе вѣтры болѣе полезны чѣмъ вредны, ибо ихъ усилія, вмѣстѣ съ морскими теченіями, наиболѣе содѣйствуютъ къ устраненію препятствій на пути корабля.

Рано утромъ 4го августа, послѣ нѣсколькихъ часовъ легкаго юго-западнаго вѣтра, главная масса льдовъ, оставаясь на сѣверной сторонѣ совершенно сомкнутою и непроницаемою, отодвинулась отъ земли на такое разстояніе что корабли могли идти на западъ вокругъ мыса Сабина. Въ надеждѣ найти проходъ на западной сторонѣ острова, котораго мысы Викторіи и Алберта составляютъ наиболѣе выдающіяся восточныя части, мы тотчасъ подняли паруса, успѣшно прошли двадцать миль вдоль южныхъ береговъ залива Гиббса, потерявъ на пути только одну задержку и то не надолго, и ввели оба корабля въ уютную пристань. Въ сосѣдствѣ наши охотники отыскали долину покрытую богатою растительностью и нашли въ ней много слѣдовъ

мускусныхъ быковъ. Два ледника, спускаясь почти съ противоположныхъ сторонъ, не соединялись вмѣстѣ въ своемъ направленіи книзу, но примыкая одинъ къ другому боролись въ нескончаемой битвѣ за побѣду, что подало намъ мысль назвать эту мѣстность долиной Ледниковъ-Близнецовъ.

Въ заливѣ стоялъ ледъ годовалый, таявшій такъ быстро что еслибъ его и не унесило въ море, то онъ самъ по себѣ черезъ недѣлю уже не могъ бы помѣшать плаванію корабля на ларахъ. Сильные приливы и отливы и юго-западный вѣтеръ очистили 5го августа проходъ на сѣверо-западъ и мы подвинулись на нѣсколько миль впередъ; но не желая тратить много угля остановились среди пласта изъ легкаго льда. Простоявъ достаточно долго чтобъ удостовѣриться что приливъ попрежнему приходилъ съ востока и что онъ повидимому уступалъ въ силѣ теченію отлива на востокъ, я направилъ корабль къ берегу сквозь ледяной пластъ и вмѣстѣ съ капитаномъ Стефенсономъ взобрался на холмъ высотой въ 1.500 футовъ. Съ этой точки видъ земли не подавалъ надежды найти каналъ къ сѣверу, но такъ какъ западный вѣтеръ окрѣлъ и можно было ожидать что онъ откроетъ намъ проходъ на востокъ мыса Алберта, то мы рѣшились покориться и вернуться ко входу въ заливъ. Корабли направились скорымъ ходомъ, подъ парусами, къ мысу Алберту, и когда мы туда пришли вѣтеръ стихъ а ледъ остался неплотно скученнымъ. Вдоль материка тянулась къ сѣверу чистая полоса воды, а какъ между мысами Викторіи и Алберта берегъ не представлялъ никакой защиты, то я на ларахъ вѣзлся обоими кораблями въ скученный ледъ, надѣясь проложить себѣ черезъ него дорогу; но до полуночи мы были залепты кругомъ, а толстый ледяной пластъ къ которому примкнули оба корабля, въ трехстахъ футахъ разстоянія одинъ отъ другаго, быстро кесса на ледяную гору. Мы тотчасъ приготовили корабли къ грозному столкновенію, и сняли рули и вѣнты. Наибольшая опасность угрожала оперва *Discovery*, но поддерживавшій насъ пластъ, повернувшись колесомъ, избавилъ капитана Стефенсона отъ неминуемой бѣды и поставилъ *Alert* прямо на пути приближавшейся массы, которая быстро пробивала себѣ дорогу по промежуточному тонкому плоскому льду. Не далѣе какъ въ разстояніи трехсотъ футовъ

ледяная гора слегка повернулась и обратилась своею болѣе широкою стороною къ надвигавшимся льдинамъ, которыя стали предъ нею накапливаться въ такомъ количествѣ что наполнили собою уголъ и образовали какъ бы выступъ изъ стиснутыхъ льдинъ, достаточно крѣпкій чтобы раздѣлить и раздробить собою ледяной пласть и дѣйствовать впереди ледяной горы въ родѣ тарана. Эта работа была исполнена очень успѣшно, и нашъ пласть былъ разбитъ на множество кусковъ. Корабль отдѣлался отъ бѣды легкимъ толчкомъ, счастливо проскользнулъ бокомъ и выплылъ на лолыню чистот воды образовавшуюся позади ледяной горы вслѣдствіе болѣе быстрого хода тонкаго льда.

Слѣдующіе двадцать четыре часа мы пробивались къ берегу сквозь плаоть скученныхъ льдовъ, составленный изъ льдинъ рѣдко болѣе четырехъ футовъ толщины, кое-гдѣ попадались глыбы до двѣнадцати футовъ въ толщину, образовавшіяся изъ обыкновенныхъ наскочившихъ и нагроможденных одна на другую льдинъ, спаянныхъ вмѣстѣ зимнимъ морозомъ. Потертыя и закругленные макушки ихъ поднимались надъ водою на 6—8 футовъ. Ледяныя горы, очевидно оторванные отъ нижнихъ ледниковъ, возвышались надъ моремъ отъ 20 до 40 футовъ и имѣли около 200 футовъ въ діаметрѣ.

Нелюбопытство вѣтра и измѣнчивость теченій прилива и отлива не позволили намъ оставаться долго ни въ одной изъ прогалинъ чистой воды: или подверглась ледяная гора и уносила насъ съ собою въ опасную сторону прежде чѣмъ мы успѣвали переменить положеніе канатовъ на которыхъ держались; или же плаоть скученныхъ льдинъ, легко поддававшійся вліянію вѣтра, двигаясь при каждой перемѣнѣ въ противоположномъ направленіи, заливалъ собою открытую воду. Поставить корабли какъ бы въ докъ, въ рыхломъ льдѣ, при такомъ большомъ числѣ ледяныхъ горъ, было неблагоуразумно; ихъ затауило бы далѣе на югъ, въглубь ледянаго плаща. Поэтому намъ не оставалось другаго выбора какъ развести полные пары и прорваться силой, пользуясь каждою благопріятною для насъ переменною. Корабли рѣдко разставались на долго, и теперь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, они взаимно помогали одинъ другому. Калитанъ Стефенсонъ и офицеры управляли

Discovery мастерски, смѣло и вывотъ очень осмотрительно, что необходимо въ арктическомъ плаваніи. Судьба обоихъ кораблей не разъ висѣла на волоскѣ. Особенно удачно вывернулся изъ бѣды *Discovery*, когда, сдвѣвая за нами по смыкавшемуся каналу между ледяною горой и толстымъ пластомъ, онъ было притиснуть къ ледяной горѣ прежде чѣмъ успѣлъ выйти изъ опаснаго прохода. Еслибы корабль не уперся въ высунувшійся впередъ ледяной языкъ, то съ одного борта свесло бы все его катеры. Къ счастью движущійся ледъ вытолкнулъ его на чистую воду; почти также наканунѣ онъ выручилъ *Alert*.

Имѣя менѣе высокія мачты, болѣе мягкій выгибъ бортовъ и что особенно важно, болѣе наклонный носъ, *Discovery* легче могъ пробивать себѣ путь сквозь лоты скученныхъ льдинъ. Я никогда не забуду съ какою отвагой онъ бросился къ намъ на помощь когда нашъ крутобокий передовой корабль застрялъ во льдахъ, которые подъ его напоромъ накопились вкругъ бортовъ и затонули подъ ними, между тѣмъ какъ большое число льдинъ, впадывая на верхъ за кормой, совсѣмъ заперло его сзади. *Discovery* отступалъ заднимъ ходомъ чтобы осколки разбитаго предшествовавшимъ ударомъ льда могли улечься и чтобы корабль, удаваясь на некоторое разстояніе, могъ запасть на ходу достаточною силой для новаго удара. Набѣгая съ возможною быстротой *Discovery*, врѣзывался бортами въ ледъ до фокмачты, а командиръ, стоя на шканцахъ, направлялъ корабль чтобы онъ не промахнулся, ибо не ударъ онъ ловко въ ледъ, онъ могъ бы соскочить на *Alert* и причинить много бѣды и намъ и себѣ. Съ перваго момента напора наклоненный носъ заставлялъ бортъ подниматься отъ трехъ до четырехъ футовъ вверхъ, по мѣрѣ того какъ корабль врѣзывался отъ 15 до 20 футовъ въ сплошной ледъ и застревалъ въ немъ прежде чѣмъ была израсходована вся сила удара; когда же поступательное движеніе прекращалось, тогда наклоненная масса осыпалась и еще болѣе дробила ледъ впереди себя. При этихъ наскокахъ *Discovery* не разъ едва не касался своими снастями катеровъ *Alert*. Нѣсколько удачныхъ опытовъ придали намъ столько увѣренности что мы стали вполне довѣрять другъ другу. Можно бросаться смѣло нарыханыя глыбы льда толщиной до четырехъ футовъ, когда

онѣ таютъ; ледъ же болѣе толстый и твердый благоразумнѣе обходить. Толчки претерпѣнные кораблями какъ въ этомъ такъ и во многихъ другихъ случаяхъ мало вліяли на ходъ нашихъ хронометровъ, чѣмъ доказывается ихъ достоинство и хорошій способъ ихъ храненія.

Въ 8 часовъ утра 8го августа, мы добрались наконецъ до прибрежныхъ водъ мыса Викторіи. Въ этомъ тяжеломъ испытаніи поврежденія кораблей ограничились тѣмъ что у насъ треснули верхнія части рулей, и мы потому часто принуждены были идти съ полною скоростью заднимъ ходомъ. Всѣ мы были очень довольны тѣмъ что успѣли высвободиться изъ плотовъ скученнаго льда. Два острова представленные на картѣ при входѣ въ проливъ Гайеса составляютъ въ дѣйствительности одинъ островъ, какъ то было изображено прежде адмираломъ Инглфильдомъ.

Непріятно обнаруживать ошибки своихъ предшественниковъ, но нельзя не замѣтить что мореплаватели не должны, безъ крайней надобности, мѣнять на картахъ имена данныя мѣстамъ тѣмъ кто ихъ открылъ, лишь потому что по причинѣ бурной погоды сдѣлана небольшая ошибка въ глазомѣрномъ опредѣленіи высотъ надъ моремъ или разстоянія. Если же исправляющій карту впадаетъ самъ въ еще болѣшія погрѣшности и составляетъ новую карту еще менѣе благонадежную чѣмъ прежняя, то онъ заслуживаетъ осужденія. Названіе мысовъ, несомнѣнно открытыхъ адмираломъ Инглфильдомъ, не слѣдовало бы мѣнять доктору Кану и Гайесу, тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ издалъ очень невѣрные очертанія того же берега.

Когда мы миновали мысъ Викторіи одинъ офицеръ высадился на берегъ чтобы разслѣдовать каковъ ледъ, но густой туманъ и снѣжная мятель заставили его вернуться. Мы причалили корабли въ заливъ принцесы Маріи къ ледяному пласту состоявшему изъ льда послѣдней зимы, который удержался въ цѣлости. Онъ былъ очень разрыхленъ, но настолько еще твердъ что не позволялъ намъ проложить себѣ сквозь него дорогу, и когда въ приливъ его нагоняло на насъ, онъ напиралъ такою сплошною массой что однажды корабль подвергся опасности быть выброшеннымъ на берегъ. Наконецъ ледъ раздался и намъ удалось перебраться черезъ заливъ и причалить корабли къ береговому льду

въ заливѣ Франклина Пирса, на южномъ берегу Земли Гриннеля.

Заливъ шириной въ три мили, а длиной въ полторы, въ которомъ мы нашли цѣльный гладкій пласть годовалаго льда, защищенъ отъ всякаго сильнаго напора островомъ Нормана Локьера и Моржовою отмелью, лежащею на одну милю далѣе на востокъ, а потому удобенъ для зимней стоянки. Впрочемъ, сколько можно было замѣтить въ наше краткое пребываніе, въ здѣшнихъ окрестностяхъ очень мало добычи для охотника. Моржовая отмель получила свое названіе отъ множества найденныхъ на островѣ слѣдовъ Эскимосовъ и разбросанныхъ моржовыхъ костей, очевидно доказывавшихъ что Эскимосы питались преимущественно этими животными. Теперь можно считать эту мѣстность самымъ сѣвернымъ предѣломъ до котораго доходятъ моржи, ибо далѣе на сѣверъ мы встрѣчали ихъ очень мало. Сравнительно вялое теченіе приливовъ и отливовъ при входѣ въ заливъ означаетъ что берегъ тянется не въ направленіи главнаго тока, а если такъ, то рукавъ Принцессы Маріи есть только глубоко вдающійся въ землю заливъ.

Близъ Моржовой отмели мы должны были продержаться трое сутокъ, не успѣвая пройти въ день, въ какомъ-либо направленіи, болѣе одной мили. Такъ случилось до 12го августа, когда, въ тихую погоду, волной отлива отодвинуло ледъ отъ берега и мы безъ большаго затрудненія могли плыть на ларяхъ за мысъ Гаукса, между нимъ и островомъ Вашингтона Ирвинга (или Сфинкса); но здѣсь ледъ остановилъ насъ, потому что волна прилива залепила каналъ по которому мы подвигались впередъ. Въ слѣдующій отливъ, 13го августа, пробивъ себѣ путь чрезъ ледяной перешеекъ, я успѣлъ провести корабли къ восточному берегу и ввелъ ихъ какъ бы въ докъ, въ обширный ледяной плотъ, въ четырехъ миляхъ на сѣверо-западъ отъ мыса Гилгарда. На милю сѣвернѣе насъ лежалъ островъ Императорскаго Принца, отдѣленный отъ восточнаго берега залива каналомъ въ полмили шириной. Прибрежный не взломанный въ это лѣто ледъ тянулся отъ острова на западъ черезъ весь заливъ. Множество маленькихъ ледяныхъ горъ вмерзли среди этого льда въ головѣ залива, гдѣ спускались къ морю нѣсколько большихъ ледниковъ названныхъ именемъ Императрицы Евгеніи. Наши развѣдки показали что

въ здѣшнихъ мѣстахъ очень мало дичи и что растительность здѣсь скудная. Въ заливѣ между мысами Гилгарда и Луи-Наполеона мы замѣтили плотъ изъ прошлогодняго льда, а нагроможденный у основанія этихъ мысовъ ледъ обнаруживалъ слѣды недавняго могучаго напора съ востока.

Вечеромъ 15го августа, послѣ тяжелой работы намъ удалось пробить и разчистить преграду отдѣлявшую корабли отъ воднаго канала, который открывалъ намъ луть за мысъ Луи-Наполеона; но каналъ этотъ былъ такъ узокъ что при всей осторожности капитана Стефенсона, *Discovery* на нѣсколько минутъ коснулся дна плывя на ларяхъ между окраинамъ льдовъ по мелкому побережью. Въ слѣдующій день, въ 8 часовъ по полудни, мы приблизились къ мысу Фразера на разстояніе пяти миль; но здѣсь мы опять наткнулись на ледъ.

Характеръ скученныхъ въ плотъ льдовъ значительно измѣнился. Почти всѣ ледяныя горы сидѣли на днѣ, а пласты состояли по большей части изъ старыхъ глыбистыхъ кусковъ, стиснутыхъ въ одну массу, толщиной отъ 12 до 20 футовъ, и были устланы на поверхности разрыхленными глыбами бутылочнаго синяго цвѣта, чѣмъ отличается очень старый ледъ. Врѣзаться въ такой ледъ, какъ въ докъ, было невозможно, потому что на это потребовалось бы много времени, еслибъ у насъ и были достаточно длинныя пилы. Мы были принуждены, для безопасности, держаться берега у края сидѣвшихъ на днѣ ледяныхъ горъ, что заставило наши корабли разлучиться. *Alert* присталъ къ одной горѣ, а *Discovery* отошелъ далѣе по берегу и пріютился между тремя меньшими ледяными горами.

Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ дней ледъ попрежнему тянулся на югъ и на западъ. При такомъ постоянномъ движеніи тяжелые пласты льда, сойдись они вмѣстѣ, какъ лезвія гигантскихъ ножицъ мгновенно раздробили бы зацементированный между ними корабль. Это очень насъ тревожило, побуждало къ непрестанной бдительности и дало много работы офицерамъ и экипажу. Съ какимъ сокрушеніемъ мы замѣчали что мы снова теряемъ тѣ три или четыре мили на которыя намъ удалось продвинуться впередъ! Мы то и дѣло снимали и снова ставили на мѣсто рули и вѣнты, и должны были убраться на палубу шляпки съ

средины бортовъ, потому что ледъ доставалъ ихъ киль; пары же, когда мы ими не пользовались, мы всегда держали наготовѣ, такъ чтобы черезъ двадцать минутъ можно было двинуть корабли. Единственное серьезное поврежденіе которое мы при этомъ потерпѣли заключалось въ томъ что сломалась верхняя часть руля. Утромъ 19го августа, въ самый высокій новолунный приливъ, ледъ вокругъ насъ нѣсколько раздвинулся и съ высокаго мѣста на Горѣ Радости я увидалъ что можно добраться до пункта съ котораго насъ снесло и подвинуться далѣе на сѣверъ. Зная что не представится другаго случая выйти изъ нашего положенія при тогдашнихъ приливахъ и отливахъ пока не подуютъ сильные западные вѣтры, и что ледяной плотъ раздвинулся въ первый разъ, я рѣшился пробить себѣ на двѣ мили дорожку черезъ плотъ и мнѣ удалось выбраться въ каналъ разчистившійся вокругъ мыса Фразера, который долго считался самымъ труднымъ пунктомъ на нашемъ пути къ сѣверу. Въ девять часовъ полудни, послѣ непродолжительной задержки вслѣдствіе того что волна прилива снова пригнала ледъ къ берегу, мы благополучно стояли въ каналѣ Кеннеди, причаливъ къ пласту льда противъ мыса Джона Барро. Двумя днями ранѣе, въ 1853 году, корабль *Resolute* былъ сорванъ съ зимней стоянки у острова Меллевила. У насъ оставалось еще двѣ недѣли удобнаго для плаванія времени.

Вскорѣ послѣ полуночи ледъ отодвинулся отъ берега, очистилъ проходъ и позволилъ намъ идти далѣе. По мѣрѣ того какъ мы подвигались на сѣверъ полыньи дѣлались шире и встрѣчались чаще. Пройдя устье широкаго залива вдававшагося на десять миль въ глубь земли, пробираясь сквозь ледъ по весьма извилистому пути и часто подвергаясь крайней опасности быть снова увлечену на югъ въ ледяной плотъ, мы достигли наконецъ изображеннаго на картѣ мыса Коллинсона (вѣроятно хотѣли изобразить мысъ Скоресби; но такъ какъ мысъ Фразера нарисованъ на картахъ на восемь миль, а заливъ Скоресби на двадцать миль сѣвернѣе чѣмъ слѣдуетъ, и остальной западный берегъ представленъ очень невѣрно, то трудно сказать куда именно мы зашли).

На мысъ мы сдѣлали складъ провизіи для нашихъ будущихъ путешественниковъ на югъ вдоль берега. Теченіе на югъ оказалось быстрое. Каждая волна прилива проносила

мимо насъ около пяти миль пловучаго льда; въ продолженіе же четырехъ часовъ отлива онъ стоялъ неподвижно, и такимъ образомъ ежесуточно утлывало на югъ около десяти миль льда въ проливъ Смита, гдѣ онъ накоплялся, если не плылъ далѣе, чрезъ южный входъ въ Баффиновъ заливъ.

Утромъ 21го августа видъ водныхъ каналовъ въ срединѣ проливовъ былъ такъ заманчивъ что мы тронулись въ путь на гребнѣ волны прилива, но насъ отнесло льдомъ такъ далеко отъ земли что я вернулся къ нашимъ благодѣтелямъ—пластовому льду и ледяной горѣ и простоялъ тамъ до отлива; чтобы предохранить себя отъ опасности быть защемленнымъ между ними, я пытался налорами корабля на пласть разчистить себѣ болѣе простора; но убѣдившись что потребовалось бы слишкомъ много угля чтобы заставить пласть разойтись, что можно было при этомъ повредить корабль, и что на взрывѣ льда пришлось бы потратить много пороху, я, по совѣщаніи съ капитаномъ Стефенсономъ, бросилъ эту попытку. Имѣя въ виду постоянно открытые каналы воды въ морѣ, я заключилъ что далѣе есть еще болѣе свободной ото льда воды. Въ 9 часовъ пополудни, почти въ конецъ отлива, оба корабля снова тронулись въ путь, и послѣ трехъ миль труднаго перехода между скученными тяжелыми льдинами мы пришли въ полыньи тянушіяся на сѣверо-востокъ вдоль пролива. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ, сопровождаемый туманомъ и снѣгомъ, въ ту пору еще болѣе усилился, помчалъ съ собою ледъ на югъ и заставилъ насъ идти противъ вѣтра на паряхъ, съ парусами на фокъ и бизань-мачтахъ, часто лавируя чтобы уклониться отъ наиболѣе массивныхъ токовъ льда. Послѣ этой снѣжной бури земля уже не очищалась отъ снѣга.

Въ полдень 22го августа намъ удалось, наперекоръ снѣжему вѣтру, обогнуть сѣверный мысъ самого обширнаго на западномъ берегу залива, носящаго на новѣйшихъ картахъ имя Карла Риттера, но соответствующаго, по географической широтѣ и положенію относительно берега на сѣверной сторонѣ, заливу Ричардсона. Въ этой части канала было очень мало льда, но три или четыре мили далѣе на сѣверъ массивный ледяной плотъ тянулся поперекъ его къ острову Крозьера и заставилъ насъ идти въ этомъ направленіи. Вечеромъ вѣтеръ слегъ и я, распустивъ паруса на фокъ и

бизань-мачтахъ, поплылъ на сѣверъ по наиболѣе открытымъ каналамъ, прошелъ мимо острова Франклина съ западной стороны и въ полночь пришелъ къ острову Ганса. Между нами и восточнымъ берегомъ вода была совершенно чиста, но плавающие льды мѣшали намъ приблизиться къ западному берегу. Никакого глубоко вдающагося въ землю залива нѣтъ на томъ мѣстѣ берега гдѣ на картахъ показанъ заливъ Карла Риттера. Плывъ къ сѣверу на ларяхъ, я старался подойти къ западному берегу южнаго мыса Кракрофта, но ледъ помѣшалъ и заставилъ меня повернуть къ востоку. Ледяной плотъ тянется сплошь отъ мыса Мортонна и острова Джо до мыса Либера, а юго-восточный вѣтеръ безпрестанно нагоняетъ на сѣверъ еще новыя массы льда изъ канала Кеннеди. *Discovery* сложилъ на мысѣ Мортонна 240 раций для предстоящихъ развѣдокъ въ заливѣ Петермана, послѣ чего корабли вернулись назадъ къ заливу Бесселя, при входѣ въ который мы нашли на сѣверѣ острова Ганна защищенную якорную стоянку.

Августа 24го, при продолжающемся юго-западномъ вѣтрѣ, отъ дѣйствія котораго ледъ на западномъ берегу бассейна Гаалла долженъ былъ завѣдомо разступиться, я взомелъ на мысѣ Мортонна. На высотѣ въ 2.000 футовъ было совершенно тихо, при ясномъ небѣ. Выдающіеся мысы канала были явственно видны. Весь западный берегъ канала Кеннеди, до мыса Либера и залива Леди-Франклинъ, былъ свободенъ отъ льда, а среди канала между льдомъ тянулись далеко на сѣверъ полосы удобной для плаванія воды. Я послѣдствовалъ вернуться на шлюпку, подалъ знакъ кораблямъ готовиться въ путь и мы быстро поплыли подъ ларусами на сѣверъ поперекъ канала. Пять миль сѣвернѣе мыса Либера ледяной плотъ заставилъ меня войти въ заливъ Леди-Франклинъ, на сѣверной сторонѣ котораго зазубрина въ берегу обѣщала намъ защиту. Подойдя ближе мы нашли обширную, хорошо защищенную бухту на островѣ лежащемъ прямо къ западу отъ мыса Белло, въ который улирался ледяной плотъ канала. Здѣсь утромъ 25го августа корабли причалили почти къ самому берегу.

При входѣ въ бухту мы очень обрадовались увидавъ стадо изъ девяти мускусныхъ быковъ и всѣхъ ихъ перебили. Довольные удачей охотниковъ мы были еще болѣе утѣшены

вѣстью что растительность здѣсь гораздо богаче чѣмъ на всѣхъ берегахъ посѣщенныхъ нами на сѣверѣ отъ порта Фулька, считаемаго раемъ арктическихъ странъ. Найдя гавань во всѣхъ отношеніяхъ удобною для зимней стоянки и надѣясь что за обиліемъ тощей арктической растительности въ окрестностяхъ окажется довольно дичи, я рѣшилъ оставить здѣсь *Discovery*, а самому идти далѣе на *Alert*.

III.

Мы зашли уже такъ далеко на сѣверъ что солнце хотя и держалось еще надъ горизонтомъ въ полночь, но поднималось такъ низко въ полдень что высота его почти не вліяла на температуру, вслѣдствіе чего послѣ 20го августа температура воздуха была постоянно ниже точки замерзанія, и среди дня молодой ледъ началъ образоваться здѣсь гораздо ранѣе чѣмъ лодъ болѣе южными широтами. Несмотря на это, зная какъ много зависитъ арктическое плаваніе отъ вѣтра, я заключилъ что скоротечное двадцатидневное благоприятное время еще далеко не кончилось.

Я перевелъ на свой бортъ лейтенанта Роусона и семь членовъ изъ экипажа *Discovery*, составлявшихъ вмѣстѣ одну партію для санныхъ развѣдочныхъ экскурсій, и затѣмъ оба корабля, которыхъ офицеры и люди такъ согласно и успѣшно работали вмѣстѣ, разстались утромъ 26го августа. Отправлявшихся въ дальнѣйшій путь веселила надежда что по всему вѣроятію имъ удастся исполнить главную часть возложеннаго на экспедицію труда, если только карты и донесенія нашихъ предшественниковъ окажутся вѣрными; тѣ же которые оставались, хотя и были воодушевлены пріятными ожиданіями своихъ сотоварищей, не могли не скорбѣть о томъ что на долю ихъ выпала второстепенная роль въ исполненіи общей программы и должны были лобороть въ себѣ это тяжелое чувство.

При входѣ въ заливъ намъ пришлось продержаться два дня, и лишь августа 28го, когда ледъ рѣшительно разступился, мы подняли шлюпки, послали сигналомъ послѣднее прощаніе экипажу *Discovery* и окончательно двинулись въ путь. Мы отошли на пятнадцать миль къ сѣверо-востоку и насъ

раздѣляла лишь одна миля отъ мыса Бича, когда столкновение съ крулою ластовою льдиной такъ повредило нашъ руль, уже сильно попорченный нѣсколько дней тому назадъ, что имѣ почти вѣлья было пользоваться. Замѣтивъ при этомъ что ледяной плотъ крѣпко налипаетъ на мысъ съ сѣверной стороны, я поставилъ корабль среди упоравшагося во дно льда и поднялъ руль на палубу. Покуда мы были задержаны у этой части берега нашими охотникамъ несчастливилось убить еще трехъ мускусныхъ быковъ и тѣмъ увеличить нашъ запасъ свѣжаго мяса.

Ледяной плотъ на сѣверѣ мыса Бича продержался сомкнутымъ до полудня 29го числа, когда я съ вершины мыса увидалъ что онъ разступился. Кораблю тотчасъ былъ поданъ сигналъ идти впередъ и мою шлюпку подыали на ходу. Мы добрались до залива Линкольна послѣ трудной и опасной борьбы съ массивнымъ ластовымъ льдомъ. Берегъ въ глуби залива, казавшійся издали прикрытымъ изрядною растительностью, былъ загроможденъ ледянымъ плотомъ, составленнымъ изъ небольшихъ ластовыхъ льдинъ, діаметромъ менѣе четверти мили, перемѣшанныхъ съ мелкими глыбами и обломками, и такъ твердо сплоченныхъ вмѣстѣ наступившими морозами, что намъ стоило большаго труда разчистить докъ для корабля.

Августа 30го мы сложили на сѣверномъ берегу залива 1.000 раціоновъ провизіи для нашихъ партій въ предстояшія имѣ развѣдочныя путешествія. Вскорѣ послѣ прилива ледъ значительно раздвинулся и мы пошли далѣе на сѣверъ, но встрѣченныя на пути необыкновенно массивныя и обширныя ластовыя льдины заставили меня, къ крайнему моему сожалѣнію, держаться въ разстояніи около трехъ миль отъ берега, подвергая корабль опасности быть запертымъ въ плоту изъ сомкнутыхъ льдинъ, чего я крайне боялся и всѣми мѣрами старался избѣгнуть.

Съ той поры какъ мы встрѣтили ледъ противъ мыса Сабина, я замѣтилъ постепенную, но значительную перемѣну въ видѣ и строеніи ластовыхъ льдинъ. Самыя массивныя, первыя попавшіяся намъ навстрѣчу, льдины имѣли въ толщину не болѣе восьми или десяти футовъ. Противъ мыса Фразера мы нашли нѣсколько болѣе старыхъ ластовъ, толщиной, какъ намъ сперва показалось, въ двадцать футовъ, но потомъ мы удостоверились что они были еще толще.

Въ настоящемъ случаѣ главный плотъ былъ составленъ изъ массивнаго льда, и я почти убѣдился что мы подходимъ не къ открытому морю съ болѣе теплымъ климатомъ, но постоянно приближаемся къ такому морю гдѣ ледъ имѣеть совершенно иное строеніе чѣмъ тотъ который мы видѣли доселѣ. Подобный ледъ встрѣчали лишь немногіе арктическіе мореплаватели и только одному изъ нихъ удалось побороть его съ успѣхомъ. Я заключилъ что мы приближаемся къ тому самому морю гдѣ образуется ледъ встрѣченный на берегу Америки Коллинсономъ и Мак-Клюромъ, и оквозъ который послѣднему удалось пробраться на ларусномъ кораблѣ, почти на сто миль, въ его замѣчательномъ и опасномъ плаваніи вдоль сѣверо-западнаго берега Земли Банка, отъ мыса Алфреда до мыса Спасенія, гдѣ судно осталось запертымъ навсегда. Такой же ледъ былъ встрѣченъ Парри въ томъ же каналѣ въ 1820 году, причѣмъ на долю его выпало еще болѣе трудное плаваніе противъ теченія и господствующаго вѣтра и онъ принужденъ былъ признать побѣжденными себя и своихъ опытныхъ соотоварищей. Этотъ же ледъ заперъ навсегда корабли *Эрест* и *Терроръ*, подъ командой сэръ-Джона Франклина, и погубилъ корабль *Ганзу* Нѣмецкой арктической экспедиціи.

Вся наша надежда двинуться на сѣверъ противъ общаго направленія теченія, не говоря уже о крайней опасности которой мы подвергались оставаясь среди подобнаго пласта, заключалась въ томъ чтобы вернуться къ берегу, а потому мы держали въ готовности полныя лары чтобы немедленно воспользоваться всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Ночью, въ высокую воду прилива, ледяной плотъ, тянувшійся предъ тѣмъ всею сомкнутою массой на югъ, слегка приостановился у окраинъ обширныхъ и глубоко сидѣвшихъ въ водѣ пластовыхъ льдинъ, вслѣдствіе разности въ силѣ теченій на поверхности и въ глубинѣ; но прежде чѣмъ мы успѣли очистить за кормой достаточно мѣста чтобы освободить руль, ледъ снова замкнулся и заставилъ насъ остаться въ локоѣ. Въ полную силу теченія отлива ледяной плотъ опять былъ готовъ разступиться, но результатъ вышелъ такой же.

Въ полной увѣренности что въ отливъ обстоятельства переменятся, мы съ большимъ трудомъ разчистили мѣсто подъ кормой, но чуть было не упустили случая вслѣдствіе

того что нашъ запасный руль былъ дурно уравновѣшенъ. Наконецъ пользуясь тѣмъ что напоръ льда на минуту ослабѣлъ, также какъ къ концу прилива, при еще болѣе сильномъ давленіи ларовъ чѣмъ то какому подвергали котлы въ официальной пробѣ, корабль тронулся. То подаваясь впередъ, то отступая назадъ чтобы заластись силой разбѣга, мы вступили наконецъ въ ледъ менѣе сложенный и благополучно добрались до берега залива Линкольна. Еслибы мы залоздали еще на пять минутъ, то корабль нашъ застрялъ бы среди ледяного плота въ бурный вѣтеръ, который въ тотъ же вечеръ подулъ съ юго-запада и держался двое сутокъ.

Въ послѣдней нашей борьбѣ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обнаружилось какъ тщетны были усилія экипажа разчистить предъ носомъ и вокругъ бортовъ ледъ мѣшавшій движенію корабля, сравнительно съ тѣмъ могучимъ напоромъ, которымъ онъ пробивалъ себѣ путь между льдинами, даже при обыкновенной скорости. Поэтому ларовыя суда могутъ пролагать себѣ дорогу сквозь такой плотъ льда, который прежніе мореходцы на ларусныхъ корабляхъ считали непроходимымъ. Тѣмъ не менѣе есть предѣлъ далѣе котораго подвергаться опасности неблагоприятно: еще не сумѣли построить такой корабль который смогъ бы противостоять сдавливанію между двумя массивными льдинами.

IV.

Въ полдень 31го августа, вскорѣ послѣ того какъ мы причалили корабль къ крѣпкому льду въ заливѣ Линкольна, вѣтеръ съ юго-запада сталъ постепенно снѣживъ, дувъ съ земли при небольшой снѣжной мятели и угрожающихъ признакахъ дурной погоды. Сколько можно было разглядѣть сквозь снѣгъ, главный ледяной плотъ несло вѣтромъ на сѣверъ вверхъ по каналу; но зная что пройдетъ нѣсколько часовъ пока разчистится за мысомъ Союза удобный для плаванія проходъ, я прождалъ до утра 1го сентября, и тогда разведя лары на случай надобности, мы пошли вверхъ по проливу подъ сильнымъ вѣтромъ, дѣлая по $9\frac{1}{2}$ узловъ въ часъ, между западнымъ берегомъ и ледянымъ плотомъ, который быстро тянулся на сѣверъ почти въ трехъ миляхъ

разстоянія отъ земли. Въ полдень когда *Alert* достигъ 82° 24' сѣверной широты, до которой прежде насъ не добирался ни одинъ корабль, мы подняли флагъ. Подвигаясь на западъ у сѣвернаго входа въ Робсоновъ каналъ, мы подъ яркимъ свѣтомъ земли попали въ затишье и должны были, убравъ ларуса, идти на паряхъ.

Непосредственно по выходѣ изъ Робсонова канала земля загибается на сѣверо-западъ, линія берега теряетъ свою крутизну и большія льдины садятся на дно въ разстояніи отъ 200 до 600 футовъ отъ берега, образуя собою кайму изъ оторванныхъ глыбъ поднимающихся надъ водой отъ 20 до 60 футовъ съ глубины отъ 48 до 72 футовъ, исключая тѣхъ мѣстъ гдѣ побережье слишкомъ мелко. Мы стали внутри этой предохранительной ограды, сложивъ на берегу запасъ въ 2.000 раціоновъ для нашихъ будущихъ развѣдочныхъ партій. Сумрачная погода стояла до вечера, но въ эту пору намъ удалось осмотрѣть окрестности съ высоты въ 300 футовъ надъ уровнемъ моря. Береговая линія тянулась миль на тридцать къ сѣверо-западу, образуя собою обширный заливъ ограниченный грядой горъ Соединенныхъ Штатовъ, между которыми нельзя было не признать горы Маріи и Юліи и мысъ Іосифа-Генриха, несмотря на значительное отклоненіе ихъ отъ положенія показаннаго на картѣ. Наперекоръ нашему желанію нельзя было отличить земли на сѣверѣ, хотя мы все еще надѣялись что густыя облака въ этомъ направленіи можетъ быть скрываютъ ее отъ нашего зрѣнія. Но принимая въ соображеніе строеніе и движеніе льда, я противъ воли принужденъ былъ признать ихъ за убѣдительное доказательство тому что даже въ значительномъ разстояніи нѣтъ земли и что мы достигли береговъ Арктическаго Океана, хотя и вовсе не похожаго на предполагаемое „открытое полярное море“.

Утромъ 2го сентября вѣтеръ повернулъ съ юго-запада на сѣверо-западъ, причемъ онъ началъ быстро гнать къ землѣ ледяной плотъ и заставилъ корабль повернуть бортомъ къ массивному льду сидѣвшему на днѣ. Къ счастью барометръ предвѣщалъ вѣтряную перемену; полагаясь на это, мы развели пары и, не безъ тяжелаго труда, подняли якорь. Нашъ защищенный докъ былъ такъ малъ, а входъ въ него такъ тѣсенъ и такъ загроможденъ льдомъ что нужно

было напречь всѣ усилія чтобы, несмотря на крайнія затрудненія, втащить туда корабль, кормой впередъ, пользуясь совокупнымъ дѣйствіемъ вѣтра и теченія прилива, которые напирали подъ прямымъ угломъ къ направленію хода. Намъ очень тревожилъ вопросъ, что войдетъ прежде, ледъ или корабль? и я крайне обрадовался когда вся масса сѣвернаго ледяного пласта подошла къ наружной сторонѣ благопріятствовавшихъ намъ пластовыхъ ледяныхъ горъ, а носъ нашего корабля безопасно плавалъ внутри ограды. Ледяной пластъ не только не причинилъ намъ вреда, но значительно укрѣпилъ защищавшую насъ ограду, осадивъ въ медководы нѣсколько новыхъ льдинъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ такой же мѣрѣ ослабѣвала наша надежда на возможность двинуться далѣе по нашему желанію. Мы поняли какой мы избѣгли опасности когда увидѣли какъ ледяной пластъ съ необходимою силой понесся мимо насъ на востокъ со скоростью одной мили въ часъ.

Предъ нашими глазами какой-нибудь заостренный конецъ обширнаго пласта упирался въ дно на глубинѣ 60 или 70 футовъ подъ водой; подъ вліяніемъ напора пловучей массы, которую этотъ конецъ не могъ затормозить, отъ нея отламывался кусокъ; а какъ затѣмъ давленіе не прекращалось, то оторванную льдину тащила вверхъ по круто-покатому двучасто та самая масса отъ которой она отломилась. Льдина медленно и величественно поднималась изъ воды на 10 или 12 футовъ выше своего прежняго уровня и оставалась почти въ стоячемъ положеніи. Это движеніе было совершенно иное чѣмъ то которое происходило при взаимной встрѣчѣ двухъ обыкновенныхъ пластовъ льда, толщиною въ 4 или 6 футовъ; зазубренные окраины такихъ пластовъ въ борьбѣ другъ съ другомъ легко поднимаются и сталкиваются съ шумнымъ трескомъ. Здѣсь же необъятное давленіе, поднимая сравнительно безъ шума массы вѣсомъ часто въ 30.000 тоннъ, обнаруживало съ торжественнымъ величіемъ свое могущество. Не знаю что случается при столкновеніи пластовъ льда толщиною въ 80 футовъ; но такъ какъ они поднимаются надъ водой выше корабля, то послѣдній подвергся бы при этомъ такой же опасности какъ еслибы сдвинулись вмѣстѣ стороны дока гдѣ онъ стоитъ.

Въ слѣдующіе трое сутокъ дулъ легкій западный вѣтеръ. Ледъ близко примыкалъ къ берегу, двигаясь вообще на юго-

востокъ; но иногда онъ останавливался и въ отливъ сливался на сѣверо-западъ. Во время прилива часто образовывались на юго-восточной сторонѣ полыньи въ лопали длины и четверть мили ширины; но эти полыньи всегда были отдѣлены одна отъ другой нѣсколькими милями массивнаго льда. Въ открытомъ морѣ видѣлись немногія обширныя ластовыя льдины, ледяной же плотъ въ состояніи пяти миль отъ земли обыкновенно состоялъ изъ пластовъ менѣе мили въ поперечникѣ и множества мелкихъ льдинъ, очевидно оторванныхъ отъ крупныхъ пластовъ когда они пролагали себѣ путь за мысы берега лежавшаго отъ насъ на сѣверо-западъ. Самая дорога по такому плоту была вѣообразимо дурна.

Благопріятная пора для сколько-нибудь правильнаго плаванія очевидно уже миновала, и я былъ очень озабоченъ желаніемъ вывести корабль до наступленія зимы изъ его опаснаго положенія; но быстро наступавшее холодное время года предостерегало меня что не слѣдуетъ двигаться съ мѣста если нельзя разчитывать съ вѣроятностью что намъ удастся добраться до защищенной стоянки. Поэтому я послалъ 5го сентября двухъ офицеровъ осмотрѣть удаленный отъ насъ миль на восемь къ западу заливъ, который былъ виденъ съ соседняго холма. Они довели что мы найдемъ тамъ хорошо защищенную гавань, обнесенную молодымъ льдомъ, но что непрерывная стѣна изъ опирающихся на дно пластовыхъ ледяныхъ горъ тянется поперекъ входа и не позволяетъ намъ вступить въ нее.

Послѣ этого донесенія температура постоянно держалась между—5° и—10° Реомюра, а защищавшая насъ ограда изъ опиравагося на дно льда, увеличившаяся въ ширину къ морю на 600 футовъ, залепла насъ какъ бы въ тюрьмѣ. Большія глыбы льда плотно соединились между собою при помощи мелкихъ льдинъ и обломковъ набросанныхъ проливомъ въ ихъ промежутки и смерзшихся вмѣстѣ послѣ оттепели. Я рѣшился сложить на берегъ провизію и запасы загромождавшіе лабуды и зимой для насъ ненужные, еслибы намъ посчастливилось пріютиться въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

6го, 7го и 8го сентября шелъ густой снѣгъ, который своимъ грузомъ заставилъ окунуться глубже молодой ледъ, причежъ просочившаяся вверхъ вода сдѣлала ледяной пластъ очень

мокрымъ и неудобнымъ для ходьбы. Не было надежды что періодическія теченія прилива и отлива заставятъ ледъ разступиться. Я причалилъ корабль къ берегу якоремъ и канатомъ, сложилъ на землю большіе запасы для экипажа на случай несчастія съ кораблемъ, и отправилъ лейтенанта Альдриха съ капитаномъ Фейлденомъ и докторомъ Моссомъ въ развѣдку на сѣверъ, а лейтенанта Роусона на югъ. Послѣдній вернулся черезъ два дня, найдя что въ трехъ миляхъ разстоянія отъ корабля нельзя пробраться за мысъ у входа въ Робсоновъ каналъ, ни по землѣ, потому что скалы слишкомъ круты, ни по водѣ, потому что непрерывное движеніе разбитаго ледянаго плота не позволило ему пробраться даже на шлюпкѣ. Партія лейтенанта Альдриха возвратилась на четвертый день. Ему удалось сложить запасъ провизіи и разслѣдовать линію берега на двадцать миль къ сѣверо-западу. Путешествіе оказалось крайне затруднительнымъ, потому что ледъ былъ очень неровенъ, а глубокій снѣгъ былъ подъ низомъ мокрый и вязкій. Трое взятыхъ въ дорогу саней поломались, хотя ихъ нагрузили только вполовину. Молодой ледъ, встрѣченный въ нѣкоторыхъ прогалинахъ, былъ слишкомъ тонокъ и неблагонадеженъ для тяжелыхъ саней; одни изъ нихъ провалились и вытаскать ихъ стоило большаго труда.

Наконецъ 10го сентября подувшій съ берега западный вѣтеръ, дѣйствуя совокупно съ теченіемъ отлива, открылъ, въ первый разъ со времени нашего здѣсь пребыванія, узкій проходъ между льдомъ усѣвшимся на днѣ и ледянымъ плотомъ, который тянулся на полмили за мысъ Шеридана, но стремился отодвинуться въ море. На другой день также вѣтеръ не прерывался, а каналъ раздвинулся до милы въ ширину и протянулся на шесть миль на западъ, оканчиваясь въ двухъ миляхъ разстоянія отъ берега. Пользуясь представившимся случаемъ двинуть впередъ по водѣ большой запасъ дорожной провизіи и шлюпки, командоръ Маркгамъ отправился въ путь съ сильною партіей, для чего ему пришлось сперва перетаскать шлюпки черезъ массивную ограду окружаваго насъ льда, среди которой былъ задержанъ нашъ корабль, закованный морозомъ вѣроятно на всю зиму.

Небо отлично прояснилось и въ этотъ день мы впервые могли окончательно рѣшить вопросъ о томъ, существуетъ

ли та сѣверная земля о которой упоминала экспедиція *Полярной Звѣзды*. Послѣ продолжительнаго осмотра, замѣчая тщательно движенія болѣе темныхъ прогалинъ, я очень неохотно принужденъ былъ заключить что на сѣверѣ не видно земли. Разсматриваемое сквозь легкій туманъ темное отраженіе неба отъ отдѣльныхъ прогалинъ воды въ открытомъ морѣ отличалось такъ рѣзко отъ свѣта отраженнаго тутъ же рядомъ поверхностью сплошнаго льда, свѣта очень похожаго на яркій блескъ отраженія отъ песчаной равнины, что очень легко было ошибиться и признать что видишь предъ собою землю въ явленіи марева. Такъ, при сильномъ желаніи и въ надеждѣ увидать землю, обманулись многіе изъ насъ. Поэтому неудивительно что ошиблись люди *Полярной Звѣзды*, которымъ случайно пришлось быть на часахъ; но болѣе опытные офицеры экипажа не должны бы были такъ неосмотрительно впасть въ заблужденіе.

Юго-западный вѣтеръ, постепенно снѣжившій, 13го сентября сдѣлался бурнымъ, дулъ съ сильными порывами и очевидно распространился по всему каналу Кеннеди; ибо волненіе въ открытомъ морѣ, разведенное имъ съ подвѣтрянаго берега, простерлось вкругъ мыса Робсона, а дойдя до насъ взломало весь молодой ледъ и унесло его въ море. На мѣстѣ остались только улиравшіяся въ дно ластовыя ледяныя горы, между которыми образовались открытые проходы. Легко было бы выбраться по нимъ изъ нашего заключенія, но главный ледяной плотъ на западѣ все еще примыкалъ къ берегу въ разстояніи шести миль отъ корабля.

Корабль былъ причаленъ канатомъ къ берегу и прилежался бортомъ къ большой ластовой ледяной горѣ, съ которою онъ, при волненіи, слегка сталкивался. Вечеромъ вѣтеръ дулъ бѣшенными порывами и поднялась снѣжная вьюга. Вспоминая о бѣдственной участи нашихъ лутниковъ которые въ такой штормъ укрывались въ палаткахъ, я увидалъ командора Маркгама идущаго прямо къ кораблю. Хотя берегъ былъ не далѣе 350 футовъ, но нужно было посадить въ шлюпку двойное число гребцовъ чтобы въ благоприятную минуту затишья свезти веревку съ корабля на берегъ и установить сообщеніе. Я узналъ что Маркгамъ вернулся за помощью потому что одинъ изъ его людей выбылъ изъ силъ. При содѣйствіи гребцовъ, люди сан-

ной партіи были до полуночи перевезены на бортъ и жизнь замерзшаго была спасена; но всѣ прибывшіе съ санями путники, такъ бодро выдержавшіе штормъ, очень изнемогли и оправились лишь черезъ нѣсколько дней.

Утромъ 15го, вѣтеръ значительно стихъ, и подъ командой лейтенанта Парра вернулись остальные люди партіи командора Маркгама, которые крайне непріятно переждали штормъ въ своихъ палаткахъ. Взойдя на холмъ служившій намъ мѣстомъ наблюденія, я замѣтилъ что ледъ на западѣ, между берегомъ и каналомъ въ ледяномъ плотѣ, ушелъ въ море очистивъ намъ дорогу для отысканія убѣжища. По поданному знаку на кораблѣ тотчасъ развели пары и поставили руль, но оказалось невозможнымъ вложить винтъ. Пока его подымали чтобъ очистить ледъ, началась снѣжная вьюга при густомъ туманѣ, все скрылось съ глазъ и нельзя было тронуться съ мѣста. До полуночи штормъ разразился съ прежнею силой.

Утромъ 16го числа, штормъ все еще не допускалъ до берега главный ледяной плотъ, погода же снова прояснилась. Мы опять хотѣли вложить винтъ, но безуспѣшно, по причинѣ намерзшаго льда. Пока мы счищали ледъ вѣтеръ постепенно повернулся на сѣверо-западъ и мы съ прискорбіемъ увидѣли что ледяной плотъ быстро приближается къ землѣ. Въ два часа пополудни онъ дошелъ до берегового льда и окончательно залеръ насъ на всю зиму. На сѣверо-западѣ отъ нашего мѣста онъ уже болѣе не отходилъ отъ берега, хотя на востокѣ, между нами и каналомъ Робсона, оставалась широкая полынья, пока вѣтеръ дулъ съ востока.

Замѣчу здѣсь что послѣдующія обозрѣнія осенью и весной береговой линіи вполнѣ убѣдили меня что наше невольное заключеніе въ послѣдній штормъ было для насъ очень благотвельно. На всемъ берегу не оказалось ни одного открытаго залива для корабля, и ледъ при входѣ въ каждый изъ нихъ былъ такой толстый что прежде чѣмъ намъ удалось бы пробить себѣ въ немъ дорогу, мы были бы залерты главнымъ ледянымъ плотомъ.

V.

Громадныя глыбы льда противъ берега, у котораго мы были принуждены перезимовать, служили намъ защитой; упираясь въ дно на глубинѣ 70 футовъ онѣ не могли вредить нашему кораблю. Сперва я опасался что нагнанный съ моря менѣе крупный ледъ прижметъ насъ къ берегу, но когда я увѣрился что съ моря прибываютъ только такія же массивныя льдины, я примирился съ нашимъ положеніемъ. Въ концѣ-концовъ оказалось что здѣсь было наилучшее защищенное мѣсто на всемъ берегу, представлявшее собою хорошее убѣжище. Во всѣхъ другихъ частяхъ берега дно или спускалось такъ круто что огромныя льдины подступали къ самому берегу, или же было такъ локато что образовалось довольно обширное мелководье, куда могли заходить не очень крупныя и болѣе опасныя льдины, упоравшіяся въ дно на той же глубинѣ на какой лавала корабль.

Въ продолженіе слѣдующей недѣли люди готовились къ осеннимъ саннымъ экскурсіямъ; всѣ были заняты пригонкой дорожнаго платья и снаряженіемъ саней. Когда прибрежный ледъ достаточно окрѣлъ, командоръ Маркгамъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ лейтенантовъ Парра и Майя, отправился 25го сентября съ тремя санями чтобы сложить въ возможно дальнемъ разстояніи на сѣверо-западъ запасъ провизіи. За четыре дня предъ тѣмъ лейтенантъ Альдрихъ съ двумя легкими саночками запряженными собаками ушелъ разслѣдовать путь для большой партіи вокругъ мыса Іосифа-Генриха. Онъ возвратился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ 5го октября, послѣ тринадцатидневнаго отсутствія. Съ горы вышиной въ 2.000 футовъ, подъ широтой въ $82^{\circ} 48'$, нѣсколько далѣе на сѣверъ отъ того крайняго пункта до котораго доходилъ нашъ славный предшественникъ Парри въ своемъ знаменитомъ походѣ на шлюпкѣ къ сѣверному полюсу, Альдрихъ видѣлъ 27го сентября что земля тянется на сѣверо-западъ на разстояніи шестидесяти миль, до широты $83^{\circ} 7'$, и что внутри ея, на югѣ, воздымаются высокія горы. На сѣверѣ не было видно земли.

14го октября, спустя два дня послѣ того какъ солнце покинуло насъ на долгое зимнее время, вернулся съ пар-

тій командоръ Маркгамъ изъ своего девятнадцатидневнаго странствія. Съ большимъ трудомъ ему удалось сложить запасъ провизіи подъ широтою $82^{\circ} 44'$, и прослѣдить линію берега еще двѣ мили далѣе на сѣверъ, до той самой широты до которой доходилъ Парри. Желая извѣстить капитана Стефенсона о нашемъ положеніи и передать ему какой хорошей удачи можно было ожидать его весеннимъ развѣдкамъ для изслѣдованія сѣверо-западнаго берега Гренландіи, я снова послалъ лейтенанта Роусона отыскать дорогу между нашими двумя кораблями, хотя и не надѣялся на успѣхъ. Онъ отправился 2го октября и вернулся 12го, не достигнувъ цѣли: неблагонадежный ледъ, въ разстояніи девяти миль отъ корабля, преградилъ ему путь. Взломанные и сбитыя вмѣстѣ льдины, опираясь на утесы, громоздились во многихъ мѣстахъ болѣе чѣмъ на 30 футовъ вышины, а глубокіе снѣжные наносы избороздили равнины, вслѣдствіе чего переходъ съ санями очень замедлился и затруднился.

Въ эти санныя осеннія экскурсіи, при температурѣ ниже нуля отъ $7,5^{\circ}$ до 24° Р., тяжелая работа, затрудненія и неудобства, неизбѣжныя въ арктическомъ путешествіи, увеличились болѣе обыкновеннаго. Причиной тому были рыхлый, мокрый снѣгъ, слабый ледъ и полыньи, вслѣдствіе чего приходилось тащить сани въ обходъ по холмамъ; къ тому же бушевали сильные вѣтры и погода стояла туманная. Изъ 21 человѣка и трехъ офицеровъ сѣверной развѣдочной партіи, на корабль вернулись семь человѣкъ и одинъ офицеръ съ отможенными частями тѣла; трое изъ нихъ пострадали такъ сильно что потребовалась ампутація, и они пролежали больные на своихъ кроватяхъ большую часть зимы.

Сани съ поклажей четыре раза проваливались въ воду, а люди очень часто; послѣдніе, промокнувъ до нитки, мѣняли одежду и тѣмъ избавлялись отъ дурныхъ послѣдствій. Отмороживанію членовъ путники подвергались когда имъ приходилось переходить черезъ мягкій и мокрый ледъ. Случалось что снѣгъ ладалъ двѣнадцать дней сряду и ложился рыхлымъ слоемъ толщиною въ два фута, а въ метели сбиался въ гряды вдвое болѣе глубокія. Тонкій ледъ, не выдерживая такого прибавочнаго груза, опускался глубже, причѣмъ вода сквозь него просачивалась. Защищенная снѣжнымъ покровомъ отъ холодной температуры воздуха, эта вода не замерзала даже при 32° Р. мороза. Наши вначалѣ

неопытные путешественники должны были тащить сани по подобной дорогѣ, ихъ ноги промокали и они отмораживали себѣ пальцы, сами долго того не замѣчая; а къ вечеру, когда разбивали палатку, положеніе настолько ухудшалось, что уже нельзя было возстановить кровообращеніе. Палатка до того наплаталась мерзлою сыростью что по возвращеніи на корабль вѣсила вдвое болѣе чѣмъ въ прежнемъ сухомъ видѣ. Чтобы избавиться отъ лишней бессонной ночи подъ мерзлыми шерстяными одѣялами, люди сѣверной экспедиціи, послѣдняя добравшись до корабля, чрезвычайно напрягли силы и сдѣлали въ послѣдній день большой переходъ по глубокому снѣгу. Они вернулись бодрые и веселые. Рѣшительная настойчивость съ которою они превозмогли препятствія встрѣченныя ими на пути и благодушіе съ которымъ они перенесли всѣ неизбѣжныя трудности, выше всякой похвалы. Сани оказались слишкомъ мало упругими; передки ихъ ломались и нужно было часто останавливаться для починки; но послѣ того какъ желѣзныя скрѣпы были замѣнены ремнями они отлично выдерживали свою крайне трудную работу.

Странствовавшая на сѣверъ партія ни разу не нашла въ эту пору года снѣга настолько плотнаго чтобы можно было строить изъ него домики для ночлега. Лейтенантъ Роусонъ напалъ разѣ, въ оврагахъ на югѣ, на такой слежавшійся снѣгъ что ему удалось однажды соорудить себѣ изъ него избушку. Удачные результаты осеннихъ экскурсій заключались въ томъ что мы приготовили себѣ склады провизіи на предбудущее время и приобрѣли много опытности въ арктическихъ странствіяхъ съ санями. Кромѣ того, благопріятное для насъ постоянное сосѣдство земли, по которой или около которой мы могли производить наши развѣдки, доставило намъ возможность превзойти смѣло исполненный подвигъ сэръ-Парри и его слугъ и поднять британскій флагъ подъ еще вышею сѣвornoю широтой. Различныя мѣстности подъ широтой достигнутою Парри въ 1827 году я назвалъ на картѣ именами этого мореплавателя и его сотоварищей. По возвращеніи путешествовавшихъ партій, когда солнце уже простилось съ нами, мы стали готовиться къ зимѣ. Надъ кораблемъ была сдѣлана крыша, провизія и запасы, которые могли выдержать погоду и которымъ не доставало мѣста въ трюмѣ, были сложены на

берегу, а жилыя палубы были сдѣланы по возможности свободными. Люкъ надъ помѣщеніемъ машины былъ прикрытъ толстымъ слоемъ снѣга, чтобы холодъ во всю зиму не могъ проникнуть въ нижнюю часть корабля. Температура трюма и машиннаго помѣщенія, когда не топились печи, была постоянно выше—1,05 Р., почти такая же какъ температура окружающей воды. Насосы пожарныхъ трубъ спускались на шесть футовъ ниже ватерлиніи и могли быть всегда употреблены въ дѣло.

Суровую арктическую зиму, при ста сорока двухъ дневномъ отсутствіи свѣта, мы провели на кораблѣ въ весьма хорошемъ расположеніи духа. Обычныя дневныя занятія были такъ однообразны что казалось судили впереди нескончаемую скуку, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, время текло такъ быстро что мы едва ощущали потребность свѣта, когда въ январѣ первый проблескъ полуденныхъ сумерекъ съ каждымъ днемъ дѣлался замѣтно продолжительнѣе, и только 1го марта, когда вернулось къ намъ солнце, мы ясно почувствовали въ какую глубокую тьму мы были такъ долго погружены. Разнообразныя обязанности корабельной службы, увеличенныя нескончаемою починкой нашего снѣжнаго вала, который то и дѣло обрушивался подъ вліяніемъ каждаго новолуннаго или полнолунаго прилива, такъ какъ корабль застрѣлъ во льду обокъ съ огромною льдиной, улиравшеюся основаніемъ во дно, занимали время экипажа и требовали весь день много работы. Пять вечеровъ въ недѣлю люди экипажа охотно посѣщали школу открытую въ нижней палубѣ командоромъ Маркгамомъ и нѣсколькими офицерами, а по вторникамъ тамъ слушали лекціи, чтенія, пѣли, а иногда давали театральныя представленія. Все было устроено Маркгамомъ такъ хорошо что экипажъ постоянно находилъ удовольствіе въ этихъ развлеченіяхъ. На вентиляцію было обращено особенное вниманіе доктора Колана и я самъ много о ней заботился. Благодаря простору въ кораблѣ она была вполне удовлетворительна. За исключеніемъ одного человѣка экипажъ и офицеры наслаждались отличнымъ здоровьемъ.

Съ наступленіемъ новаго года мы начали готовиться къ весеннимъ путешествіямъ и какъ только показалось достаточно свѣта подлейтенантъ Леклеръ-Эджертовъ началъ ежедневно приучать къ дорогѣ нашихъ собакъ. Ледяной плотъ въ открытомъ морѣ пребывалъ въ движеніи до первой

недѣли ноября; въ эту пору онъ постепенно остановился и занялъ свое зимнее положеніе. Последнюю полынью мы видѣли 16го числа противъ мыса при входѣ въ каналъ Робсона. Всю зиму ледъ не шевелился и только трескался за льдинами сидѣвшими на днѣ отъ періодическихъ теченій прилива и отлива. Въ новолунные и полнолунные приливы и отливы края трещинъ расходились на разстояніе отъ двухъ до трехъ футовъ. Несмотря на частые признаки сильныхъ вѣтровъ въ Робсоновомъ каналѣ въ нашей зимней стоянкѣ погода стояла замѣчательно тихая. Господствующій вѣтеръ былъ западный; ни разу не показался онъ съ востока и дулъ всегда съ земли. Еслибы не промежуточные затишья, то постоянные западные вѣтры можно было бы назвать ласкательными. Только два дня вѣтры при сильной метели не позволяли намъ сойти съ корабля на прогулку. Такое спокойное состояніе атмосферы сопровождалось самыми суровыми морозами, которые когда-либо случалось переносить въ арктическихъ странахъ.

Въ началѣ марта, въ теченіе долго длившагося холода на кораблѣ *Alert* замѣченъ наибольшій морозъ въ $46^{\circ}98$; въ то же время, по наблюденію *Discovery*, термометръ опустился до $45^{\circ}56$ Р. Въ 1850 году, въ Волсенгольмскомъ заливѣ, подъ сѣверною широтой въ $76^{\circ}30'$, *Полярная Звѣзда* испытала холодъ въ $45^{\circ}1$ Р. Въ 1854 году, въ гавани Ренселера, подъ сѣверною широтой въ $81^{\circ}37'$, докторъ Кенъ вытерпѣлъ холодъ въ $40^{\circ}0$ Р. Самый продолжительный замѣченный до насъ моряками сильный холодъ испыталъ сэръ-Бельчеръ въ Нортумберландскомъ заливѣ, подъ сѣверною широтой въ $76^{\circ}52'$, гдѣ въ теченіе десяти дней сряду продержалась въ 1853 году средняя температура въ $35^{\circ}96$ Р. *Discovery* въ теченіе семи дней подвергся средней температурѣ въ $40^{\circ}08$. *Alert*, въ продолженіи тридцати дней выдержалъ среднюю температуру въ $40^{\circ}4$ Р, а въ теченіе пяти дней она равнялась $43^{\circ}68$ Р. Въ февралѣ ртуть замерзла на пятнадцать дней сряду, послѣ чего, подъ четырехсуточнымъ дуновеніемъ легкаго юго-западнаго вѣтра, немного потеплѣло; но какъ только вѣтеръ стихъ, наступилъ опять холодъ и ртуть замерзла снова на пятнадцать дней.

Послѣ упомянутыхъ выше снѣжныхъ осеннихъ дней снѣга выпало очень мало, и собирать его, столько сколько требовалось для вала кругомъ корабля, было очень затрудни-

тельно, потому что нерѣдко приходилось доставать его съ берега. По причинѣ малаго количества снѣга вылавшаго зимой, по нашему измѣренію не болѣе 6—8 дюймовъ, вершины пригорковъ на берегу были обнажены вѣтромъ и остались въ такомъ видѣ до начала іюня, когда снова выпало много снѣга, который покрылъ землю слоемъ въ футъ толщины. Въ долинахъ и на побережьяхъ обращенныхъ къ востоку снѣгъ лежалъ рыхлый и ходить по немъ безъ лыжъ было очень трудно. Въ незащищенныхъ долинахъ и на побережьяхъ, по которымъ свободно бушевалъ вѣтеръ, снѣгъ былъ такъ плотенъ что дорога по немъ была очень удобна.

Свѣтлыя полосы сѣвернаго сіянія иногда показывались на различныхъ высотахъ, и обыкновенно тянулись черезъ зенитъ. Ни одно изъ нихъ не было особенно блестяще. Явленіе это оказалось здѣсь чрезвычайно слабо и, насколько мы могли замѣтить, не имѣло никакой связи съ магнитными или электрическими возмущеніями.

Зимой командоръ Маркгамъ и лейтенантъ Джиффардъ усердно и прилежно занимались наблюденіями въ магнитной обсерваторіи, устроенной на берегу въ нѣсколькихъ просторныхъ и высокихъ домикахъ изъ снѣга, соединенныхъ между собою снѣжными галлереями. Наклоненіе магнитной стрѣлки и сравнительная величина полной силы опредѣлялись еженедѣльно, и наблюденія были иногда повторяемы въ тотъ же день. Абсолютную горизонтальную напряженность опредѣляли разъ въ три недѣли, а въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду производили ежечасно, переноснымъ магнитометромъ, дифференціальныя наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки. Въ различныхъ пунктахъ между зимними стоянками *Discovery* и *Alert*, при каждомъ удобномъ случаѣ, были опредѣлены наблюденіями наклоненіе и величина полной напряженности, а иногда и величина абсолютнаго склоненія.

Лейтенантъ Альдрихъ завѣдывалъ метеорологическими наблюденіями и дѣлалъ наблюденія полярископомъ Уитстона, а лейтенантъ Парръ, несмотря на суровость зимы, собралъ хорошій рядъ астрономическихъ наблюденій и производилъ наблюденія спектроскопомъ и переноснымъ электрометромъ Томсона.

Казначей Фейлденъ, натуралистъ нашей экспедиціи, не теряя ни минуты удобнаго времени неутомимо собиралъ

коллекціи и наблюдалъ природу. Своею услужливостію и все-сылымъ расположеніемъ онъ приобрѣлъ дружбу всѣхъ насъ и былъ для нашей экспедиціи тѣмъ же чѣмъ былъ капитанъ Сабинъ для экспедиціи Парри.

Искусный и даровитый наблюдатель докторъ Моссъ, сверхъ исполненія своихъ медицинскихъ обязанностей, вполнѣ посвящалъ свои досуги различнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Онъ изучалъ ледяныя горы изъ пластового льда, пластовый ледъ, опредѣлялъ количество содержащагося въ немъ хлора, измѣрялъ его удѣльный вѣсъ, изслѣдовалъ микроскопомъ осѣвшую на немъ пыль; опредѣлялъ количество хлора въ зимней морской водѣ, измѣрялъ ея удѣльный вѣсъ и изслѣдовалъ ее микроскопически; изучалъ осадки воздушной пыли, измѣрялъ количество угольной кислоты и водяныхъ паровъ въ воздухѣ, и произвелъ нѣсколько опытовъ надъ хрупкостью желѣза въ сильныя морозы.

Окрестности нашей зимней стоянки были бѣдны дичью. Вскорѣ по нашемъ прибытіи мы увидали нѣсколько утокъ и лять изъ нихъ убили, а зимой и весной мы застрѣлили близъ корабля трехъ зайцевъ. Этимъ ограничилась наша добыча до конца мая. Въ мартѣ неожиданно локался волкъ и въ тотъ же день, въ двухъ миляхъ отъ корабля, мы нашли слѣды мускусныхъ быковъ или сѣверныхъ оленей; но эти животныя очевидно забѣжали сюда случайно. Въ іюлѣ мы застрѣлили всѣхъ шесть мускусныхъ быковъ которыхъ мы видѣли въ нашемъ сосѣдствѣ. Наши странствующие партіи добыли немного болѣе дичи чѣмъ мы. Въ іюнѣ было застрѣлено нѣсколько тетеревей, утокъ и гусей. Мы отдали ихъ нашимъ больнымъ, которые въ іюлѣ и августѣ ежедневно получали порцію свѣжаго мяса. Въ мартѣ и началѣ апрѣля перелетѣли черезъ корабль дюжины двѣ тетереви, направляясь парами на сѣверо-западъ. Не найдя въ нашемъ сосѣдствѣ нелокртой снѣгомъ зелени, птицы летѣли искать себѣ лучшаго для прокормленія мѣста. Наши партіи почти всѣхъ ихъ перестрѣляли у мыса Іосифа-Генриха. Въ серединѣ мая прилетѣли кулики. Мы застрѣлили нѣсколькихъ, но не нашли ни ихъ гнѣздъ, ни яицъ. Рано въ іюнѣ утки и гуси пролетѣли на сѣверо-западъ небольшими стадами штукъ по дюжинѣ, но по причинѣ вылаваго густаго снѣга, который шелъ три дня и прикрывъ землю сплошнѣе чѣмъ когда-либо въ наше здѣсь пребываніе, не менѣе поло-

вины ихъ, не найдя себѣ лица на сѣверѣ, вернулись на югъ.

Послѣ долгаго отсутствія солнце вернулось 1го марта. Наступила пора санныхъ экскурсій и я заготовилъ приказъ капитану Стефенсону чтобъ онъ употребилъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для изслѣдованія сѣвѣднаго берега и сѣвернаго берега Гренландіи. Запряженные собаками сани должны были, въ случаѣ благопріятной погоды, отправиться съ этимъ порученіемъ 4го марта на *Discovery*, но суровый морозъ помѣшалъ отъѣзду. Сильная стужа продержалась до 12го числа. Въ этотъ день, при установившейся хорошей погодѣ и температурѣ въ -29° R., отправился въ путь съ санями на собакахъ подлейтенантъ Эджертонъ. Его сопровождали принадлежавшій къ экипажу *Discovery* лейтенантъ Роусонъ и переводчикъ Петерсенъ. Я желалъ чтобы Роусонъ переговаривалъ съ капитаномъ Стефенсономъ объ изслѣдованіи Гренландскаго берега. Зная что дорога будетъ стоить тяжелыхъ трудовъ я оставилъ на борту, какъ человѣка слабаго, Эскимоса Фридерика, погонщика собакъ. Черезъ четыре дня, послѣ того какъ въ промежуткѣ температура значительно повысилась и подулъ сильный южный вѣтеръ, партія вернулась по причинѣ тяжкой болѣзни Петерсена. Во второй день пути онъ занемогъ слазмами въ желудкѣ и сталъ потомъ такъ забоекъ что ничѣмъ нельзя было его согрѣть. Такъ какъ латка оказалась для больного слишкомъ холодною, то оба офицера вырыли нору въ снѣгу и успѣли довести въ ней температуру до -11° ; но несмотря на это Петерсенъ чувствовалъ себя очень дурно, такъ что сотоварищи его прикрыли всѣми своими теплыми одеждами, снявъ ихъ съ себя, и согрѣвали его своимъ тѣломъ. Послѣ настойчивыхъ стараній имъ удалось наконецъ возстановить до нѣкоторой степени кровообращеніе въ конечностяхъ. На слѣдующій день больному не полегчало, и они благоразумно рѣшились немедленно возвратиться съ нимъ на корабль. Въ этомъ переходѣ, длинной въ шестнадцать миль, Эджертонъ и Роусонъ мужественно жертвовали собою; сами они много пострадали отъ мороза, но успѣли привезти больного живымъ на корабль. Обѣ ноги были отморожены и пришлось ихъ отнять. Несмотря на искусство и неуслынные заботы доктора Колана, Петерсенъ не оправился отъ тяжкаго потрясенія организма, которому

онъ подвергся въ этой экскурсіи, и умеръ отъ истощенія три мѣсяца спустя. Въ Копенгагенѣ у него остались жена и дѣти, которыхъ, я надѣюсь, получать пенсію.

Въ хорошую погоду, 20го марта, при температурѣ—27°,6 Р., Эджертонъ и лейтенантъ Роусонъ, нѣсколько уже оправившіеся отъ утомленія послѣ похвальныхъ трудовъ перенесенныхъ ими при уходѣ за Петерсеномъ, снова отправились съ двумя матросами на *Discovery*. Преодолевъ чрезвычайныя затрудненія на пути черезъ крайне-неровный ледъ въ Робсоновомъ каналѣ и на крутыхъ свѣжныхъ склонахъ при подножіи обрывистыхъ прибрежныхъ скалъ, они добрались на шестой день до корабля. По дорогѣ они встрѣчали воду только въ трещинахъ образовавшихся у самого берега отъ движеній прилива и отлива. Температура мѣнялась отъ—25° до —34° Р. Въ концѣ марта люди санныхъ партій съ утра до вечера готовили себѣ провизію и снаряжали сани для весеннихъ развѣдокъ. Для моціона они дѣлали дальнія прогулки и съезди на югъ, на разстояніе нѣсколькихъ миль, складъ провизіи для гренландской партіи.

3го апрѣля офицеры и матросы, въ числѣ пятидесяти трехъ человекъ, съ семьєю санями, тронулись въ путь. Всѣ люди пользовались отличнымъ здоровьемъ и сознавая какую тяжелую работу и какіе труды предстоятъ имъ впереди, были несмотря на то веселы и полны рѣшимости исполнить свой долгъ. Нельзя было набрать лучшихъ людей для нашихъ трехъ санныхъ партій.

Первая партія, подъ начальствомъ командора Маркгама и помощника его лейтенанта Парра, была снабжена двумя лодками и снаряжена на семьдесятъ дней. Она должна была проложить себѣ по льду дорогу на сѣверъ и сойти съ земли близъ мыса Иосифа-Генриха.

Люди при трехъ саняхъ были подчинены доктору Моссу, который, сверхъ своихъ медицинскихъ обязанностей, принявъ на себя добровольно начальническую должность. Инженеръ Уайтъ вызвался сопровождать отрядъ въ качествѣ волонтера покуда достанетъ провизіи. Лейтенантъ Альдрихъ, съ санною партіей подъ начальствомъ лейтенанта Джиффарда, долженъ былъ изслѣдовать берега Земли Гранта на сѣверѣ и на западѣ, вдоль береговой линіи открытой имъ въ минувшую осень.

Считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что зная чрезвычайныя трудности пути предстоявшаго командору Маркгаму и его

партіи, я мало надѣялся чтобъ имъ удалось добраться до значительной сѣверной широты, ибо съ легкими и тяжелыми санями они могли ежедневно подвигаться впередъ лишь на очень малое разстояніе. Тѣмъ не менѣе я призналъ за лучшее убѣдиться на опытѣ, можно или нѣтъ достигнуть полюса прямою дорогою по льду, если нѣтъ для путешествія непрерывной земли. Пославъ такихъ рѣшительныхъ начальниковъ какъ Маркгамъ и Парръ и лучшихъ людей изъ самого по себѣ отборнаго экипажа, я былъ вполнѣ увѣренъ что все возможное будетъ ими исполнено.

Когда готовилась эта развѣдка мы ничего не знали о движеніяхъ полярнаго льда. Я даже сомнѣвался не всегда ли онъ движется въ открытомъ морѣ, а потому рѣшился отправить съ партіей двѣ довольно большихъ лодки, чтобъ онѣ могли служить не только для переправы, но и для плаванія. Поэтому людямъ пришлось тащить очень большія тяжести. Нужно было также везти съ собою большой запасъ провизіи, потому что благодаря хорошей погодѣ и нашему высокому наблюдательному посту мы заранѣе удостовѣрились что на разстояніи пятидесяти миль отъ мыса Іосифа-Генриха не было земли.

Когда санная партія тащить съ собою лодку даже при запасѣ провизіи лишь на нѣсколько дней, и идетъ по гладкому пласту льда, она должна дѣлать ежедневно два перехода по одному и тому же пути, какъ принужденъ былъ путешествовать Парри въ 1827 году. Поэтому, сообразивъ какой самый большой конецъ можно пройти дважды въ день взадъ и впередъ по гладкому льду, былъ взятъ съ собою запасъ на шестьдесятъ четыре дня пребыванія вдали отъ земли. Уменьшить грузъ передовой партіи помощію ряда вспомогательныхъ саней нельзя, когда при каждахъ вспомогательныхъ саняхъ нужно тащить еще лодку для переправы всѣхъ находящихся при нихъ людей.

На слѣдующій день по отправленіи въ дорогу нашихъ партій Эджертоизъ, лейтенантъ Роусонъ и ихъ слутники вернулись съ *Discovery*. Страствіе ихъ было многотрудное и совершено ими при температурѣ отъ—21° до—34° R.; они пришли назадъ здоровые и бодрые, но отморозили себѣ носы и концы пальцевъ.

Вѣсти съ *Discovery* принесены хорошія. Хотя экипажу и посчастливилось убить до тридцати мускусныхъ быковъ,

тѣмъ не менѣе одинъ неловѣкъ былъ сильно боленъ скорбутомъ. Экипажъ удобно провелъ зиму имѣя вдоволь всякой работы для тѣла и ума, проводя досуги въ пріятныхъ развлеченіяхъ и питаясь часто свѣжимъ мясомъ. Капитанъ Стефенсонъ сдѣлалъ нужныя приготовленія къ изслѣдованію залива Леди Франклинъ и береговъ Гренландіи.

Апрѣля 16го пришли съ *Discovery* лейтенантъ Бомонъ и докторъ Колпингеръ. Ледъ въ Робсоновомъ каналѣ былъ такъ взломанъ и такъ неудобенъ для ходьбы что на дорогу въ семьдесятъ шесть миль они, таща съ собою легкія сани, употребили десять дней. Отъ нихъ мы узнали что въ бассейнѣ Галля ледъ стоялъ сплошной, что перейти по немъ поперекъ всего бассейна было очень не трудно и что запасъ провизіи въ заливѣ Полярной Звѣзды сохранился хорошо и былъ пригоденъ для употребленія. Эти обстоятельства позволили мнѣ снарядить лейтенанта Бомона въ путь на Гренландскій берегъ. Онъ долженъ былъ отправиться съ легко нагруженными санями по этому берегу на западъ и, по окончаніи путешествія, вернуться къ запасу въ заливѣ Полярной Звѣзды до 15го іюня, а къ этому времени должны были прибыть туда съ *Discovery* двѣ лодки для переправы черезъ проливъ, на случай если ледъ вскроется.

Капитанъ Стефенсонъ и помощникъ казначея Митчелъ пришли ко мнѣ съ *Discovery* 23го апрѣля, и я воспользовался совѣщаніями съ первымъ изъ нихъ о предстоящихъ услугахъ нашихъ многочисленныхъ путешественниковъ, разсѣянныхъ въ эту пору по окрестнымъ берегамъ, такъ что на нашихъ двухъ корабляхъ оставались только офицеры и немногіе хворые люди. Мы сдѣлали нужныя распоряженія для изслѣдованія залива Петермана, а если время окажется благоприятнымъ, то и для осмотра ледяного мыса на югѣ залива Бесселя. Стефенсонъ ушелъ на свой корабль 30го апрѣля.

VI.

Пока все шло удачно для экспедиціи. Оба корабля зашли такъ далеко на сѣверъ какъ только было возможно; ихъ положеніе было чрезвычайно удобно какъ для развѣдокъ, такъ и для другихъ цѣлей; а санныя партіи, составленныя изъ людей вполне здоровыхъ и сильныхъ,

отправились въ путь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Это мая докторъ Коланъ донесъ мнѣ что у пяти человѣкъ показались признаки скорбута; но какъ каждый случай можно было приписать предрасполагавшимъ причинамъ, то я не очень тревожился, пока это не заболѣли еще три квартермистра и два бойкіе матроса вернувшіеся съ санною партіей. Въ началѣ іюня четырнадцать человѣкъ изъ экипажа *Alert* и три человѣка изъ экипажа *Discovery*, попавшіе къ намъ на бортъ, уже пострадали отъ этой губительной болѣзни или требовали еще помощи врача. Калитанъ Стефенсонъ увѣдомилъ меня что и въ его экипажѣ четыре человѣка больны скорбутомъ.

Въ прежнихъ арктическихъ развѣдкахъ люди санныхъ партій нерѣдко заболѣвали скорбутомъ, но иные изъ нихъ вовсе не подвергались этой болѣзни; поэтому принимая въ соображеніе наше прекрасное снаряженіе и обиліе тщательно приготовленныхъ припасовъ, которыми были снабжены *Alert* и *Discovery*, появленіе у насъ скорбута было необъяснимо и вовсе неожиданно. Изъ донесеній предшествовавшихъ экспедицій мы къ утѣшенію нашему узнали что припадки болѣзни обыкновенно оказывались скоропреходящими и что больные быстро выздоравливали когда получали покоемъ, получали болѣе питательную пищу и наступало лѣто.

Въ продолженіе первой недѣли мая температура поднялась до -14° Р., что позволило мнѣ снять снѣгъ наваленный надъ люками и круглыми стеклами чтобъ открыть свѣту доступъ съ палубы; но какъ надъ нижнею палубой люка не имѣлось, то тамъ все еще было очень темно. Замѣчу здѣсь что въ корабляхъ назначенныхъ для арктическаго плаванія необходимо дѣлать по возможности большой люкъ надъ жилою палубой.

До самаго конца мая санная партія безпрестанно возвращалась и отправлялась увозя съ собою склады провизіи для нашихъ дальнихъ партій на ихъ обратномъ пути.

Въ первый день іюня я получилъ вѣсть съ *Discovery* по 22 мая. Лейтенантъ Арчеръ подробно осмотрѣлъ западную окраину залива Леви Франклинъ и убѣдился что здѣсь море вдается длинною губой въ землю и что кругомъ тянется страна гористая съ долинами покрытыми ледниками.

Лейтенантъ Фульфордъ, съ людьми вернувшимися изъ партіи лейтенанта Арчера, перетащилъ черезъ бассейнъ Галля двѣ лодки для переправы лейтенанта Бомона на его возвратномъ пути въ болѣе позднюю пору. Капитанъ Стефенсонъ, сопровождаемый натуралистомъ Гартомъ, встрѣтилъ эту партію 12го іюня въ заливѣ Полярной Звѣзды. На слѣдующій день путешественники подняли американскій флагъ и съ подобающею торжественностію положили на могилу схороненнаго здѣсь капитана Галля бронзовую доску, заготовленную въ Англіи. На доскѣ начертана слѣдующая надпись: „Посвящается памяти Галля, капитана „Полярной Звѣзды“, корабля Соединенныхъ Штатовъ. Онъ пожертвовалъ жизнью для успѣха наукъ и умеръ 8го ноября „1871 года. Эта доска положена Британскою полярною экспедиціею 1875 года, которая, слѣдуя по его стопамъ, воспользовалась его опытомъ.“

Докторъ Коллингерь, возвращаясь изъ партіи лейтенанта Бомона, которому онъ служилъ помощникомъ, осматривалъ каменную гряду, сложенную капитаномъ Галлемъ на мысѣ Бреворта, и складъ оставленный имъ въ шлюпкѣ въ заливѣ Ньюмана. Немногія сколько-нибудь пригодныя хранившіяся въ нихъ вещи были доставлены на *Discovery*. Шлюпка, за исключеніемъ одной пробоины, которую не трудно было зачинить, еще годилась въ дѣло. Капитанъ Стефенсонъ вернулся на *Discovery* 18го мая, оставивъ на Гренландскомъ берегу лейтенанта Фульфорда и доктора Коллингера для изслѣдованія залива Петермана. По полученному мною донесенію путешествіе вдоль берега Робсонова канала становилось невозможнымъ, вслѣдствіе того что прибрежный ледъ уже тронулся, и потому мы приняли его партію на бортъ *Alert*.

Вечеромъ 8го іюня неожиданно прибылъ на корабль лейтенантъ Парръ съ печальнымъ извѣстіемъ что почти всѣ люди сѣвернаго санныго отряда заболѣли скорбутомъ и требовали немедленной помощи. Командоръ Маркгамъ и немногіе изъ его слутниковъ, которые могли держаться на ногахъ, успѣли дотащить больныхъ до мѣста близъ мыса Іосифа-Генриха, въ разстояніи тридцати миль отъ корабля; но болѣзнь усиливалась съ каждымъ днемъ, способные еще къ работѣ слабѣли и умножали собою число больныхъ,

отчего въ опасной мѣрѣ увеличивалась тяжесть которую приходилось тащить на саняхъ. При такихъ обстоятельствахъ лейтенантъ Парръ, съ обычною ему смѣлою рѣшимостью, полагаясь на свои силы, отважно пустился въ путь чтобы извѣстить меня о случившемся несчастіи и доставить помощь своимъ сотоварищамъ. Взявъ съ собою альпійскую лаку и немного провизіи, онъ въ одиночествѣ совершилъ въ двадцать четыре часа длинный переходъ по очень неровному льду, глубоко прикрытому новымъ выпавшимъ снѣгомъ. Немедленно были сдѣланы всѣ приготовленія чтобы выступить на помощь Маркгаму. Вмѣстѣ съ офицерами, которые всѣ добровольно вызвались сами тащить сани, а съ двумя партіями отправился въ полночь въ дорогу. Четыре офицера, безъ которыхъ можно было обойтись на кораблѣ, ухватились за санныя веревки, а лейтенантъ Май и докторъ Моссъ ушли впередъ съ санями запряженными собаками и нагруженными медицинскими снадобьями.

Сдѣлавъ усиленный переходъ, послѣдніе добрались до лагеря командора Маркгама черезъ пятьдесятъ часовъ послѣ того какъ ушелъ отъ него лейтенантъ Парръ; но къ сожалѣнію они уже не застали въ живыхъ одного больного, который умеръ за нѣсколько часовъ до ихъ прибытія и былъ погребенъ во льду. Встрѣча съ товарищами очень утѣшила бѣдствующую партію, которая, какъ могла, подвигалась впередъ по своему пути. Когда же рано утромъ на слѣдующій день подошла партія выступившая на помощь, тогда надежда и довѣріе, никогда не покидавшія этихъ отважныхъ людей, вполнѣ ихъ оживили; даже больные упавшіе духомъ, какъ всегда случается въ скорбѣ, и смущенные утратой сотоварища, и тѣ пріободрились. Рано утромъ 14го іюня, благодаря искусству и неуныльному вниманію доктора Мосса и помощи запряженныхъ собаками саней, которые лейтенантъ Май и одинъ матросъ, не давая себѣ ни минуты отдыха, гнали безостановочно впередъ, мы добрались до корабля не потерявъ въ пути ни одного человѣка. По возвращеніи мы всѣ вмѣстѣ воздали благодареніе Богу за сохраненіе жизни больныхъ, которые были поручены леченію врача экипажа доктора Колана.

Изъ числа семнадцати человѣкъ составлявшихъ партію только пятеро, два офицера и три матроса, могли тащить

сани; трое другихъ до конца мужественно продержались на ногахъ; переноса острую боль и крайнее изнеможеніе, они не садились въ сани чтобы не увеличить собою груза который должны были везти ихъ ослабѣвшіе сотоварищи и дотаскивались лѣзкомъ до борта корабля. Остальные восемь, послѣ долгой борьбы съ недугомъ, совершенно изнемогли люди его бременемъ и должны были лечь въ сани. Изъ всей партіи только два офицера не подверглись скорбуту. Послѣ нѣсколькихъ дней покоя и лѣченія одинъ больной оправился и началъ исполнять свои обязанности, а трое другихъ были въ состояніи ухаживать за своими больными товарищами; но одинъ страдалецъ, мужественно боровшійся съ болѣзнію пока былъ дѣятелемъ, изнемогъ въ локоѣ: ему свело ноги и положеніе его было самое трудное. Люди постепенно оправлялись и сошли всѣ со спуска больныхъ когда корабль, на пути домой, выбрался изъ льдовъ.

Нельзя было искусстве и мужественнѣе предводить такимъ многотруднымъ путешествіемъ какъ предводили командоръ Маркгамъ и его достойный помощникъ лейтенантъ Парръ, и я надѣюсь, что лорды Адмиралтейства наградятъ ихъ заслуги. Благодаря ихъ заботливости сани, отъ сохраненія которыхъ зависѣла жизнь партіи, вернулись цѣлыми и въ такомъ же пригодномъ для употребленія видѣ въ какомъ ихъ отправили съ корабля, не смотря на столь трудную дорогу, что во всѣхъ прежнихъ подобныхъ случаяхъ путешественники не рѣшались идти далѣе возвращались назадъ. Въ этомъ замѣчательномъ путешествіи къ сѣверному полюсу по льду Океана, въ которомъ выказались въ полномъ блескѣ отвага и твердая рѣшимость англійскихъ моряковъ въ настойчивой борьбѣ, день за днемъ, съ препятствіями повидимому непреодолимыми, командоръ Маркгамъ, лейтенантъ Парръ и ихъ смѣлые спутники подняли національный флагъ подъ сѣвornoю широтой въ $83^{\circ} 20' 26''$, откуда оставалось еще пройти до полюса разстояніе въ 400 миль.

Чтобы добраться до этого дальнѣйшаго сѣвернаго пункта, отстоявшаго отъ корабля въ прямомъ направленіи лишь на 73 мили, нужно было пройти 276 миль на пути туда и 225 миль на пути обратномъ. Тягостные труды и напряженные усилія которыхъ стоила дорога конечно не могутъ быть превзойдены. Взытая неровностями поверхность, по

которой нужно двигаться, составляла непреодолимое препятствіе. Такъ какъ каждыя сани по необходимости приходилось перетаскивать отдѣльно съ одного привала до другаго, то мы можемъ съ точностію опредѣлить возможную скорость движенія впередъ и для такого путешественника который рѣшился бы отправиться на сѣверъ съ одними легкими санями, не имѣя при себѣ вспомогательныхъ средствъ для обратнаго пути въ позднѣйшее время года, на случай если позади его откроется ледъ. Наибольшее разстояніе на которое, при такихъ условіяхъ, можно подвинуться впередъ, равняется $2\frac{1}{4}$ миль въ сутки; среднимъ же числомъ нельзя пройти болѣе $1\frac{1}{4}$ миль.

Къ этому времени почти всѣ на кораблѣ перенесли скорбутъ, и я началъ беспокоиться о здоровьѣ людей лейтенанта Альдриха, возвращавшихся изъ экскурсіи на западъ. Мои оласенія увеличились когда я замѣтилъ что груда камней, накиданныхъ надъ запасомъ приготовленной для нихъ провизіи, въ тридцати миляхъ отъ насъ на сѣверо-западѣ, осталась нетронутою въ тотъ день въ который партія должна была къ ней придти, и я выслалъ къ ней на встрѣчу лейтенанта Майя съ санями запряженными собаками и тремя сильными матросами. Обѣ партіи встрѣтились 20го іюня у склада и подали знакъ кораблю. Лейтенантъ Альдрихъ едва успѣлъ кончить свое путешествіе по землѣ, ибо на слѣдующей недѣлѣ подулъ съ юга бурный вѣтеръ, сдѣлалось теплѣе и оттепель начала дѣйствовать такъ быстро что идти съ санями по снѣжнымъ долинамъ было уже совершенно невозможно. Лейтенантъ Майй встрѣтилъ партію въ тотъ послѣдній день въ который бѣольшая часть ея людей могла еще держаться на ногахъ. Послѣ многотруднаго бодро перенесеннаго путешествія партія достигла пункта съ котораго повернуть назадъ командоръ Маркгамъ; но здѣсь постигъ ихъ недугъ поразившій и сѣверную партію. Западный отрядъ долго боролся съ болѣзнію, но наконецъ всѣ люди, за исключеніемъ лейтенанта Альдриха и одного матроса, совершенно выбились изъ силъ; два матроса, мужественно переносив свои страданія, кое-какъ еще тащались около саней, но остальныхъ четырехъ, больныхъ, превозмогавшихъ недугъ до послѣдней минуты, пришлось положить въ сани и везти. Въ такихъ обстоятельствахъ прибытіе лейтенанта Майя съ помощію было спасительно. При его содѣйствіи

Альдрихъ съ своею партіей добрался до корабля утромъ 26го июня. Весь экипажъ общемою молитвою поблагодарилъ Бога за избавленіе сотоварищей отъ смерти и больные были отданы на поличеніе доктора Колана. Скорбуту не подвергся только офицеръ.

Несмотря на то что партія должна была совершать свой путь по землѣ, имѣя при себѣ тяжело нагруженные сани, лейтенанту Альдриху удалось изслѣдовать береговую линію къ западу отъ *Alert* на разстояніи 220 миль. Берегъ сперва тянется на девяносте миль къ сѣверо-западу до ближайшаго къ сѣверу мыса Колумбіи, лежащаго подъ широтой $83^{\circ}7'$ и $70^{\circ}30'$ долготы отъ Гривича, потомъ, на протяженіи шестидесяти миль, онъ направляется къ западу, до долготы $79^{\circ}0'$, и наконецъ постепенно поворачивается къ югу до широты $82^{\circ}16'$ и долготы $85^{\circ}33'$, крайняго пункта достигнутого партіей. На сѣверѣ и западѣ ни разу не было видно земли или чего-либо на нее похожаго. Судя по сплошной массѣ и толщинѣ льда, я заключаю что здѣсь вовсе нѣтъ земли на доступномъ отъ берега разстояніи. Хотя многіе изъ партіи на пути впередъ болѣе или менѣе пострадали отъ недуга, но люди считали болѣзнь преходящею немоущею, и только на возвратномъ пути, при появленіи скорбутныхъ признаковъ въ деснахъ, догадались чѣмъ они больны. Люди этой партіи неустрашимо и терпѣливо исполняли свой долгъ и заслуживаютъ такой же похвалы какъ и товарищи ихъ участвовавшіе въ сѣверной партіи. Они пострадали еще болѣе послѣднихъ: пораженные не менѣе тяжкимъ недугомъ, они принуждены были работать и тянуть санныя веревки, потому что въ такомъ удаленіи отъ помощи ни одному изъ нихъ нельзя было лечь въ сани не подвергая опасности жизнь всѣхъ сотоварищей.

Скорбутъ наравнѣ съ нами поразилъ и экипажъ *Discovery*. Когда въ началѣ апрѣля отправились въ путь санныя партіи изъ отборныхъ и повидимому совершенно здоровыхъ людей, я предполагалъ что, благодаря превосходному качеству нашей провизіи, мы избавимся отъ болѣзни; теперь же я долженъ заключить что она и тогда уже таилась въ насъ, но что тяжелые труды, перенесенные въ лутешествіяхъ съ санями, ее усилили и обнаружили, какъ то случалось почти со всѣми прежними экспедиціями, когда экипажъ не могъ добыть себѣ достаточнаго количества дичи

и у него недоставало лимоннаго сока. Сперва заболѣвали слабые, а потомъ и сильные расположенные къ скорбуту люди; но всего болѣе пострадали люди участвовавшіе въ продолжительныхъ и особенно трудныхъ развѣдкахъ. Еслибы не привелось партіямъ тащить сани, то скорбутъ вѣроятно бы не показался, и еслибъ офицеры съ самаго начала принуждены были исполнять ежедневно тяжелыя работы наравнѣ съ матросами, то они конечно не менѣе ихъ потерпѣли бы отъ болѣзни. Черезъ двѣ недѣли по возвращеніи послѣдней санной партіи, 9го іюля, на нашемъ кораблѣ уже переболѣло скорбутомъ 36 человекъ, а 24 больныхъ еще находились на леченіи врача.

Обращаясь къ экспедиціи лейтенанта Бомона. Продолжая свой путь, онъ дошелъ 21го мая до 82°18' сѣверной широты и 50°40' западной долготы и открылъ землю, повидимому островъ, но, судя по свойству льда, вѣроятно продолженіе Гренландскаго берега, который тянется до 82°54' широты и 48°33' долготы. Къ этому времени признаки скорбута обнаружались у двоихъ, а вскорѣ послѣ того какъ партія пошла въ обратный путь заболѣли всѣ, и только лейтенантъ Бомонъ да двое людей могли тащить сани, остальныхъ же четырехъ пришлось везти, для чего нужно было всегда дѣлать два, а нередко и три перехода по одному и тому же концу сѣверной и до нельзя утомительной дороги. Отважные путники тѣмъ не менѣе мужественно пробивались далѣе, не предавались отчаянію и были рады когда имъ удавалось подвинуться въ день на милю. Бомонъ крайне опасался что помощь подослѣтъ такъ поздно что нельзя будетъ спасти отъ смерти двухъ тяжелыхъ больныхъ. Видя что къ назначенному дню партія не вернулась въ заливъ Полярной Звѣзды, лейтенантъ Роусонъ, взявъ съ собою доктора Коллингера, Эскимосца Ганса и сани запряженные собаками, вышелъ ее провѣдать 22го іюня. Обѣ партіи встрѣтились въ заливѣ Ньюмана, въ разстояніи двадцати миль отъ склада. На слѣдующій день еще одинъ человекъ, выбившись изъ силъ, не могъ долѣе тянуть веревку и едва тащился самъ на ногахъ, четырехъ же больныхъ пришлось везти двумъ офицерамъ, доктору и одному матросу, а въ сани запряженные собаками нагроулили провизію и дорожныя принадлежности. 27го августа заболѣлъ послѣдній способный къ работѣ матросъ и ползая коекакъ съ своимъ товарищемъ, а сани съ больными должны

были везти оба лейтенанта и докторъ уже безъ всякой помощи. Приблизившись къ складу на одинъ переходъ 28го іюня, двухъ самыхъ трудныхъ больныхъ отправили впередъ съ докторомъ Жоллиангеромъ; но вскорѣ по окончаніи пути одинъ изъ нихъ умеръ. Остальная партія прибыла къ складу 1го іюля, и такъ какъ до выздоровленія больныхъ нельзя было переправиться черезъ проливъ и вернуться на *Discovery*, то она рѣшилась поселиться здѣсь на мѣсяцъ. Кто могъ охотиться, тотъ стрѣлялъ дичь для страдальцевъ; охота была такъ удачна что послѣдніе ежедневно получали порцію свѣжаго мяса. Доставленная вовремя помощь лейтенантомъ Роусономъ спасла несчастную партію Бомона; не трата времени на переправу черезъ бассейнъ Галля чтобы сообщить свои опасенія капитану Стефенсону, онъ не медля рѣшился идти на встрѣчу Бомону и избавилъ его партію отъ бѣлаго числа смертныхъ случаевъ.

VII.

Принявъ въ соображеніе результаты весеннихъ санныхъ экскурсій я заключилъ что по неимѣнію земли, которая тянулась бы на сѣверъ, и по невозможности плаванія въ полярномъ ледяномъ плотѣ, ни по тому ни по другому берегу пролива Смита, нельзя довести корабль далѣе достигнутого нами положенія, и что ни съ какого удобнаго для стоянки пункта въ томъ же проливѣ нельзя пробраться съ санями ближе насъ къ полюсу. Поэтому все что могла бы выиграть экспедиція, рѣшившись перезимовать еще разъ въ этой мѣстности, имѣло бы результатомъ лишь дальнѣйшія развѣдки по берегамъ Земли Гранта на юго-западъ и по берегамъ Гренландіи на сѣверо-востокъ или на востокъ. Но такъ какъ при всѣхъ средствахъ находившихся въ распоряженіи экспедиціи нельзя было ожидать что удастся пробраться далѣе чѣмъ миль на пятьдесятъ за пункты до которыхъ доходили наши партіи, и такъ какъ экипажъ, хотя и быстро оправлявшійся отъ поразившей его болѣзни, конечно не могъ бы вывести въ будущемъ году дальнихъ санныхъ экскурсій, то я рѣшился вернуться въ Англію лишь только ледъ вскрыется и освободитъ корабль. Съ крайнимъ

сожалѣніемъ я счелъ обязанностью отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія сѣвернаго берега Гренландіи.

Вокругъ трещинъ во льду отъ движеній прилива и отлива уже въ началѣ іюня образовались полыньи, но порядкомъ начало таять лишь въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца. Въ первый день іюля потекла вода по оврагамъ, и съ этой поры оттепель стала быстро дѣйствовать на берегу и на льду, хотя послѣдній до 20го числа почти не трогался съ мѣста. При сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ ледяной плотъ отступилъ 23го на милю отъ берега, но при этомъ, такъ же какъ и осенью, не открылось вдоль берега прохода въ море. Я приказалъ сложить на берегу груды камней и 26го числа схоронилъ въ ней описаніе всего что было совершенно экспедиціей, присовокупивъ что я намѣреваюсь отправиться на югъ. Послѣ тяжкаго труда намъ удалось 31го проложить себѣ дорогу чрезъ преграду изъ горъ ластоваго льда, такъ хорошо укрывавшую насъ въ продолженіе зимы, и при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ, уносившемъ ледяной плотъ въ море, мы обогнули мысъ Роусона и вступили въ каналъ Робсона на пути домой. Пройдя десять миль вдоль берега въ открытомъ каналѣ, между ледянымъ плотомъ и обрывистымъ ледянымъ основаніемъ, окаймлявшимъ берегъ, мы были остановлены большимъ ластомъ, имѣвшимъ около полутора миль въ поперечникъ и упиравшимся въ землю четыре мили сѣвернѣе мыса Союза. Укрыться было некуда и мы ввели корабль въ небольшую зазубрину среди группы сидѣвшихъ на днѣ горъ изъ ластоваго льда, которыя тянулись вдоль берега противъ той его части гдѣ вода была мелка.

Рано утромъ 1го августа тронулся большой ластъ, оставившій насъ наканунѣ. Приближаясь къ кораблю, онъ угрожающимъ образомъ задѣвалъ ледяное основаніе берега. Пользуясь готовыми парами мы снялись съ мѣста и благополучно проскользнули между ластомъ и берегомъ, послѣ того какъ лервый, мощно ударившись о выдававшійся впереди насъ мысокъ, отпрянулъ отъ земли и открылъ у берега свободный каналъ.

Плывя впередъ, на глубинѣ отъ 60 до 120 футовъ, такъ близко отъ береговыхъ ледяныхъ скалъ, вышиной отъ 20 до 40 футовъ, что мы не разъ задѣвали ихъ нашими шлюпами, мы дошли до двухъ миль разстоянія отъ мыса Союза.

Такъ какъ у этого мыса ледяной плотъ оставался сплошнымъ въ приливъ и въ отливъ, то здѣсь пришлось остановить корабль. Къ счастью намъ удалось поставить его противъ широкаго ручья, котораго теченіе было такъ сильно что подмыло на протяженіи 150 футовъ прибрежныя ледяныя скалы, заставило ихъ обрушиться и всплыть на водѣ; вслѣдствіе чего у берега нашлось довольно мѣста чтобы корабль могъ въ немъ укрыться, и въ случаѣ напора льда его бы только отнесло вверхъ по склону берега прежде чѣмъ напирající пластъ самъ засѣлъ бы на днѣ. Здѣсь мы принуждены были простоять двадцать четыре часа, снявъ шлюпки съ борта подвергавшагося напору льда и припрятавъ ихъ на берегу.

3го августа съ большимъ трудомъ мы добрались до сѣверной стороны мыса Бичея. Послѣ двухчасоваго выжиданія, въ виду большихъ водныхъ прогалинъ на сѣверѣ, открылся проходъ позволившій намъ обогнуть мысъ. Здѣсь вмѣстѣ съ обрывистымъ берегомъ окончилась и отдѣлавшая его у основанія ледяная скала. Къ югу отъ мыса земля по береговой линіи тянется отлогимъ склономъ и ограждена валомъ изъ взломанныхъ ледяныхъ пластовыхъ горъ, сходныхъ съ тѣми которыя окаймляютъ берега Полярнаго моря, но величиной нѣсколько менѣе. Между этими горами сталъ нашъ корабль, на глубинѣ 18 футовъ, въ разстояніи 60 футовъ отъ берега и на милю южнѣе мыса. Сравнительно съ нашею гораздо болѣе открытою зимнею стоянкой я счелъ положеніе корабля безопаснымъ.

Пока мы сидѣли въ заключеніи, ледяной плотъ въ открытомъ морѣ, подъ вліяніемъ теченій прилива и отлива, носился вверхъ и внизъ по проливу, а отъ дѣйствія вѣтра увеличивалась скорость его движенія и продолжительность его хода какъ на сѣверѣ, такъ и на югъ, хотя вообще льдины здѣсь были значительно менѣе чѣмъ въ Полярномъ морѣ или при сѣверномъ входѣ въ каналъ Робсона, тѣмъ не менѣе мимо насъ тянулось не мало массивныхъ полярныхъ пластовъ уносимыхъ на югъ сѣвернымъ вѣтромъ.

Сѣверный вѣтеръ значительно усилился 6го августа и обратился въ штормъ. Въ продолженіе высокой воды прилива теченіемъ на югъ пронесло внизъ по проливу рядъ огромныхъ пластовыхъ льдинъ, которыя на пути задѣвали ограждавшую насъ защиту и одну изъ большихъ ледяныхъ

пластовыхъ горъ опрокинули вверхъ дномъ. Гора эта крѣпко засѣла, на глубинѣ 70 футовъ, на отгибѣ лежащей противъ насъ, въ разстояніи 600 футовъ отъ главной гряды пластовыхъ ледяныхъ горъ, и была для насъ очень полезна тѣмъ что удерживала достаточно далеко отъ корабля главную массу носившагося по проливу ледяного пласта. Утромъ 7го августа, при поднявшемся съ земли легкомъ вѣтрѣ, ледъ отодвинулся отъ берега и далъ кораблю просторъ, но не позволялъ выбраться въ болѣе укрытое положеніе. Полнодню на короткое время очистилась полынья; мы тотчасъ развели пары и приладили руль, но не успѣли еще, по причинѣ перегнившихъ веревокъ, поставить его совсѣмъ на мѣсто какъ ледъ снова заперъ насъ. Ночью вѣтеръ значительно усилился и при теченіи прилива на югъ ледъ понесся мимо насъ со скоростью двухъ миль въ часъ. Вслѣдствіе того что нѣсколько грузныхъ массъ сѣли на дно за линіей нашей ледяной ограды, ледяной плотъ началъ ближе направляться своею окраиной на занимаемое нами положеніе, и наконецъ двѣ крупныя льдины подошли къ самому кораблю; наружная изъ нихъ засѣла на двѣ вдоль борта, отбросила корабль почти къ самому берегу и такъ его прижала что онъ всѣмъ корпусомъ поднялся на три фута изъ воды. Съ повышеніемъ воды отъ прилива, мелкіе куски прибрежнаго льда начали пролагать себѣ путь подъ корабельнымъ дномъ и нѣсколько ослабили давленіе, такъ что спустя четыре часа корабль поднимался изъ воды лишь на шесть дюймовъ выше обыкновенной своей ватерлиніи.

Не оставалось другой надежды освободить корабль какъ разбить грузную льдину засѣвшую на двѣ у насъ подъ бокъ. Всѣ люди принялись за работу и начали рубить ее кирками. Послѣ трехдневнаго труда масса была настолько уменьшена отбитыми отъ нея кусками что 10го августа, въ приливъ, она всплыла на воду и освободила корабль. Вмѣстѣ съ тѣмъ главный ледяной плотъ сталъ удаляться отъ берега, и мы подвинулись на пять миль впередъ, а на слѣдующій день, послѣ многихъ трудовъ, намъ удалось соединиться съ *Discovery*. Я отправилъ всѣхъ больныхъ на бортъ *Discovery* и укрылъ *Alert* у входа въ гавань.

Тихая погода и слабое вслѣдствіе ея движеніе льда задержали насъ здѣсь до 20го августа, пока представился удобный случай, и мы отправились въ путь пролагая себѣ

дорогу сквозь ледяной плотъ, который по мѣрѣ нашего движенія впередъ становился все менѣе скученнымъ и вывелъ насъ на сравнительно открытую воду противъ мыса Либера, гдѣ нѣсколько дней дулъ сильный юго-западный вѣтеръ, который не смогъ однако перебраться черезъ ледъ въ бассейнъ Галла. Когда мы подошли къ мысу Лоренса, ледъ сгущавшійся по мѣрѣ нашего приближенія къ югу сдѣлался такъ скученнымъ что мы должны были либо вернуться на сѣверъ и врѣзаться въ плотъ, либо причалить корабли къ одной изъ застѣвшихъ на днѣ ледяныхъ горъ или крупныхъ глыбъ ластового льда. Я избралъ послѣднее, вошелъ въ заливъ непосредственно южнѣе мыса, и мы поплыли вдоль берега пока не очутились среди пространнаго внутренняго бассейна совершенно огражденнаго землей. Хотя въ новолунный приливъ ледъ лѣниво тянулся въ заливъ и постепенно его наполнялъ, я поставилъ здѣсь корабли безо всякаго опасенія. Къ несчастію въ высокую воду прилива незначительная по видимому льдина наперла на корабль и въ то же время застѣвшая между нами и берегомъ ледяная ластовая гора, къ которой мы причалили, всплыла въ приливъ и была выброшена на берегъ, такъ что корабль нашъ вдругъ застѣлъ носомъ въ земаѣ, а подъ кормой была глубокая вода. Прежде чѣмъ мы успѣли принять нужныя мѣры чтобы выйти изъ этого положенія, вода въ отливъ понизилась на четырнадцать футовъ, причемъ киль подъ носомъ вышелъ наружу, а корабль легъ на бокъ и накренился подъ угломъ въ двадцать два градуса. Когда вода начала прибывать, мы облегчили корабль, взорвали стѣснявшій насъ ледъ, завезли якоря, и въ приливъ стащили корабль не потерпѣвъ никакого поврежденія.

Августа 22го, юго-западный вѣтеръ снова разчистилъ проходъ, которымъ мы немедленно воспользовались и пошли на югъ не встрѣчая на пути особенныхъ затрудненій кромѣ тѣхъ которыми обычно сопровождается плаваніе между льдовъ въ сильныя снѣжныя метели, въ туманную погоду и при бурныхъ противныхъ вѣтрахъ. Цѣлые три дня мы огибали мысы Фразера и Гайеса. Два раза насъ отнесило назадъ къ мысу Маури прежде чѣмъ намъ удалось укрыть корабли среди застѣвшихъ на дно ледяныхъ горъ близъ мыса Луи-Наллеона, вѣроятно тѣхъ самыхъ у ко-

торыхъ мы искали защиты въ прошлое лѣто, когда мы шли на сѣверъ.

Огибая мысъ Фразера, я встрѣтилъ не болѣе опасностей или затрудненій чѣмъ въ плаваніе по другимъ мѣстамъ; замѣчу только что здѣсь, вслѣдствіе поворота береговой линіи, никакой вѣтеръ дуящій вверхъ или внизъ по проливу не въ состояніи разогнать одновременно ледъ на сѣверной и южной сторонахъ мыса. Терпѣливо и медленно пробирались мы вдоль берега подвигаясь въ день лишь на одну милю и укрываясь подъ защиту то одной, то другой осѣвшей на дно ледяной горы, сколько то позволяло слабое движеніе льда въ тихую погоду. Иногда мы были принуждены забираться въ ледяной плотъ, но постоянно держались какъ можно ближе берега и обогнули мысъ Луи-Наполеона, а 29го августа прибыли на Императорскій Островъ, въ заливъ Доббина, сердечно всѣ довольные тѣмъ что вышли наконецъ изъ ледяного плота, избавились отъ бродячихъ ледяныхъ горъ и можемъ опять причаливать корабли къ неподвижному льду.

Въ продолженіе предшествовавшей недѣли погода стояла туманная и шелъ густой снѣгъ, выпавшій слоемъ въ пять дюймовъ глубины, отчего видъ ландшафта совершенно перемѣнился: ярко окрашенные сланцовыя горы прикрылись своею зимнею одеждой, которую онѣ снимаютъ съ себя только на краткій семинедѣльный срокъ. Поднялся сѣверный вѣтеръ, не довольно сильный чтобы значительно повліять на движеніе льда, но достаточный для того чтобы разчистить атмосферу и понизить температуру болѣе чѣмъ до -15° R, а затѣмъ днемъ и ночью началъ безпрестанно образовываться молодой морской ледъ. Когда туманъ разсѣялся открылась прекрасная панорама высокихъ покрытыхъ снѣгомъ горъ съ промежуточными долинами, наполненными ледниками; изъ нихъ одинъ тянется до берега и спускается въ заливъ Доббина много ледяныхъ горъ. Этому самому обширному доходящему до берега леднику на западномъ берегу пролива Смита было дано имя Императрицы Евгеніи, которая принимала живое участіе въ судьбѣ экспедиціи и подарила ей при ея снаряженіи много простыхъ но очень полезныхъ вещей, доставившихъ каждому изъ насъ много удобствъ и удовольствія.

Мы миновали заливъ Доббина 1го сентября, а 3го съ большими усиліями и по сожженію большого количества угля обогнали мысъ Гаукса.

Когда мы достигли мыса Алмана, на половинѣ пути между мысомъ Гаукса и мысомъ Франклина Пирса, вода кончилась, а новый ледъ оказался столь крѣпкимъ что я считалъ за лучшее выжидать случая когда онъ вскрыется чѣмъ пробиваться чрезъ него силой на всѣхъ парахъ. На слѣдующій день не показывалось признака что ледъ разступится, и я, желая укрыться въ болѣе защищенномъ положеніи на западной сторонѣ залива, пустилъ впередъ *Discovery*, такъ какъ этотъ корабль былъ лучше приспособленъ къ разбиванію льда чѣмъ *Alert*, и приказалъ ему пробить на всѣхъ парахъ каналъ во льду, имѣвшемъ отъ одного до трехъ дюймовъ толщины. *Discovery* нѣсколько разъ совсѣмъ останавливался; тогда весь экипажъ перебѣгалъ по верхней палубѣ съ одной стороны на другую, отчего корабль раскачивался, высвобождаясь отъ ущемленія во льду и опять шель далѣе. Въ головѣ залива Алмана мы нашли длинную долину, спускавшуюся съ высокихъ дальнихъ горъ и наполненную огромнымъ ледникомъ, который тянется на востокъ вѣроятно до залива Доббина. Мы назвали его ледникомъ Эванса, по имени президента Лондонскаго Геологическаго Общества. Въ заливѣ температура воды на поверхности равнялась 0°, между тѣмъ какъ по наступленіи морозовъ мы ни разу не встрѣчали воды теплѣе 1°. На вкусъ она оказалась почти прѣсною, чѣмъ вполнѣ объяснялась прибыль въ толщинѣ новаго льда. Въ послѣдствіи мы замѣчали то же явленіе въ сосѣдствѣ каждаго попадавшагося намъ на пути ручья изъ ледника. Это доказываетъ что вода подъ ледниками, укрытая отъ возрастающаго холода, не замерзаетъ и течетъ когда температура уже значительно опустилась ниже точки замерзанія.

Ледъ мѣшалъ намъ лавить далѣе до 6го сентября. Рано на слѣдующій день, остановившись только разъ въ дорогѣ чтобы дать время льду разойтись, мы добрались до острова Нормана Локьера, и увидали что на третью часть пути полереку залива Принцессы Маріи тянутся водные каналы. Наступило такое позднее время года что одинъ ошибочный шагъ вѣроятно принудилъ бы насъ провести въ этихъ моряхъ еще одну зиму, безъ соотвѣтственной пользы для результатовъ экспедиціи; поэтому прежде чѣмъ рѣшиться

плыть поперекъ залива я взобрался съ капитаномъ Стефенсономъ на вершину острова, откуда мы къ нашему удовольствію увидѣли въ разстояніи какихъ-нибудь двадцати миль обширное пространство открытой воды, которое простиралось до входа въ проливъ Смита, и между которыми и нами тянулось лишь небольшое число зловѣщихъ полосъ льда. Подавъ знакъ кораблямъ мы послѣшили вернуться на бортъ и добрались до двухъ третей разстоянія поперекъ залива, лишь однажды задержанные въ пути на часъ времени чтобы ручною работою и всею силою паровъ *Discovery* пробить себѣ дорогу черезъ полосу льда. Но здѣсь насъ остановили три огромныя старыя ластовыя льдины, ущемленные между нѣсколькими сидѣвшими на днѣ ледяными горами и мысомъ Викторіи и залиравшими собою выходъ льду изъ залива Принцессы Маріи. Открытая вода была теперь видна съ мачты, но нашъ запасъ угля такъ уже убавился, что въ случаѣ еслибы намъ не удалось освободить корабли, намъ пришлось бы во вторую зиму крайне стѣснить себя въ расходѣ топлива. Сентября 9го ледъ тронулся съ перемѣной воли прилива и отлива и мы подвинулись на милю впередъ. Утромъ 10го, замѣтивъ что грузный ледъ вѣроятно пройдетъ близъ самыхъ задерживавшихъ его ледяныхъ горъ, мы развели лары, и чрезъ пять минутъ послѣ того какъ открылся каналъ мы двинулись по нему и пришли прямо противъ мыса Викторіи.

За симъ оставалось только одно серьезное препятствіе на нашемъ пути впередъ. Благодаря тихой погодѣ новый ледъ замерзъ такъ крѣпко что разбивать его можно было не иначе какъ полною силою паровъ, особенно же когда намъ приходилось прокладывать себѣ дорогу черезъ такой ледъ среди котораго снова смерзлись вмѣстѣ въ сомкнутую массу отдѣльные куски стараго льда. При встрѣчѣ съ послѣднею преградой этого рода, *Alert*, налетая на нее на всѣхъ ларахъ и съ большою скоростью, не могъ одолѣть ее; послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, рядомъ съ нимъ сталъ *Discovery*, такъ что между кораблями оставался узкій кусокъ толстаго льда, не позволявшій имъ придти въ соприкосновеніе, и только тогда намъ удалось дружными напорами разбить преграду и выплыть на открытую воду. Отсюда водный каналъ позволялъ намъ идти прямо на мысъ Сабина; ледъ становился все рѣже и рѣже по мѣрѣ нашего

движенія впередъ и наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду, даже съ мачты.

На островѣ Локъера была оставлена мною въ прошломъ году записка о нашей экспедиціи; но располагая зайти на мысъ Изабеллы, я прошелъ мимо мѣста нашей остановки близъ мыса Сабина. Сложенная нами груда камней казалась нетронутою, въ томъ видѣ какъ мы ее набросали. Въ пристани Пайера и въ окрестностяхъ не было льда. Мы пришли къ мысу Изабеллы 9го сентября, въ тихую погоду. Выйдя на берегъ мы нашли небольшую лачку писемъ и газетъ, доставленныхъ *Пандорой*. По письмамъ мы узнали что корабль заходилъ сюда въ этомъ году, но намъ ничего не сообщали о предшествовавшемъ и дальнѣйшемъ его плаваніи, и только извѣщали что положить для насъ, если можно, ящикъ съ дубликатами газетъ на мысъ Сабина. Предполагая что еще почтовый пакетъ ожидаетъ насъ въ Диско и сберегая нашъ убывавшій запасъ угля, я направился, въ очень тихую погоду, прямо къ островамъ Карей, чтобы не потерять времени на посѣщеніе острова Литлтона, на противоположномъ берегу пролива. Когда поднялся южный вѣтеръ, мы распустили на кораблѣхъ ларуса. Подвигаясь на югъ мы вступили 11го сентября въ Китовый проливъ, не встрѣтивъ льда по выходѣ изъ пролива Смита. Такъ какъ вѣтеръ, дующій все съ большею силой, перешелъ въ штормъ, то я вечеромъ 12го сентября бросилъ якорь въ заливѣ Бардина, гдѣ мы увидали на берегу нѣсколькихъ Эскимосовъ, но на ихъ бѣду, вслѣдствіе очень дурной погоды, я отложилъ до слѣдующаго дня свиданіе съ ними. Въ ту же ночь вѣтеръ круто повернулся и заставилъ насъ поднять якорь, а туманная погода и темная ночь не позволили мнѣ побывать въ ихъ селеніи. Приблизившись къ скаламъ противъ мыса Поулета, на восточной сторонѣ входа въ селеніе Эскимосовъ, очень опасны: За ледникомъ Тиндала нѣтъ хорошаго мѣста для якорной стоянки, и мы были принуждены бросить якорь на глубинѣ въ 138 футовъ, въ положеніи открытомъ съ сѣвера, оставивъ *Discovery* далеко позади *Alert*.

При спокойныхъ и легкихъ западныхъ вѣтрахъ мы плыли далѣе на югъ 13го и 14го сентября. Добраться до острововъ Карей можно было не иначе какъ пожертвовать много угля изъ нашего быстро уменьшавшагося запаса, при-

томъ сильное волненіе, разведенное предшествовавшимъ штормомъ съ юга, помѣшало бы намъ высадиться на берегъ; поэтому мы принуждены были пожертвовать письмами, привезенными въ прошломъ году *Пандорой*.

Отъ Волстенгольмскаго пролива мы направились, при юго-восточномъ вѣтрѣ, на югъ и прибыли 16го сентября къ Ланкастерскому проливу. Льда на пути не было видно, а температура воды держалась между 0°,44 и +0,89 Р. Отсюда мы повернули на востокъ, пришли въ южную часть залива Мельвила и поплыли далѣе на югъ вдоль Гренландскаго берега. Сентября 20го показался мысъ Шакльтона, а 25го мы прибыли въ Диско. Здѣсь инспекторъ сѣверной Гренландіи очень любезно позволилъ намъ взять 30 тоннъ угля изъ своего маленькаго запаса, обѣщалъ дать еще 20 тоннъ если я зайду въ Эгедесминде и вызвался проводить насъ до этого порта. Найдя что многіе жители Эгедесминде страдаютъ скорбутомъ, я снабдилъ ихъ лимоннымъ сокомъ. Отъ инспектора мы узнали что всѣ наши письма, за исключеніемъ немногихъ оставленныхъ на мысъ Изабелы, были сложены на островѣ Литльтонѣ. Такимъ образомъ пропала большая часть нашей частной и официальной корреспонденціи.

Нагрузивъ уголь и изготовивъ корабли къ плаванію мы вышли изъ Эгедесминде 2го октября. Черезъ двое сутокъ *Discovery* и *Alert* вторично пересѣкли арктическій кругъ, ровно черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ того какъ они прошли черезъ него въ первый разъ. Противные вѣтры замедляли нашъ путь на югъ, а погода сдѣлалась теплѣе и сырѣе. Въ сильный штормъ, 19го октября, мы потеряли изъ виду *Discovery*, съ которымъ, какъ мы условились предъ выходомъ въ море, мы должны были сойтись въ Квинстоунѣ, въ Сѣверной Канадѣ, предъ отправленіемъ въ Портсмутъ, куда оба корабля благополучно прибыли 29го октября.

А. Д.

О ДРАМѢ*

IX.

Части мѣста должны обладать качествами цѣлаго. — Становленіе дѣйствія. — Драматичность. — Разборъ *Сцены у Фонтана*. — Драматическая рѣчь. — Необходимость лицедѣйствѣ, выведенная изъ понятія драматичности.

Части мѣста (сцены, монологи) должны обладать тѣми же качествами, какъ и цѣлый мѣстъ. Это правило непосредственно слѣдуетъ изъ понятія мѣста, какъ единого живаго цѣлаго. Если дѣйствіе въ цѣлой трагедіи должно идти по вѣроятію или необходимости, то также должно оно идти и въ частяхъ ея; если цѣлое должно имѣть начало и конецъ, строго межъ собой связанныя, а равно извѣстную, обусловленную ея органическимъ развитіемъ, величину, то таковы же должны быть и части этого цѣлаго. Такія же свойства у истиннаго драматурга имѣютъ и эпизоды. Стоить припомнить на примѣръ сцену Ричарда съ леди Анной у Шекспира, или сцену *У Фонтана* въ *Борисѣ* чтобъ убѣдиться въ этомъ.

---

* См. № 3 *Рус. Вѣст.* 1877.

Въ первичномъ опредѣленіи драмы мы назвали ее изображеніемъ дѣйствія, совершаемаго лицами въ настоящемъ, какъ бы предъ глазами зрителя; теперь же имѣя въ виду развитіе или ходъ драмы, добавимъ что въ ней, какъ въ жизни, только каждый данный моментъ есть настоящее, что вся она, по выраженію Жанъ-Поля Рихтера, не въ бытіи, а въ становленіи (*Werden*), въ движеніи отъ настоящаго къ неизбежному будущему. Въ этомъ-то становленіи, или возниканіи дѣйствія и заключается драматичность въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо въ обширномъ значеніи всякое художественное произведеніе, эпопея, романъ, лирическое стихотвореніе, можетъ быть названо драматическимъ, то-есть изображающимъ человѣческія дѣйствія или движенія души человѣческой. Отнынѣ я буду употреблять слова *драматичность*, *драматическій*, въ тѣсномъ смыслѣ, кромѣ случаевъ когда будетъ оговорено особо что слова эти употреблены въ обширномъ смыслѣ.

Прослѣдить ходъ дѣйствія всего удобнѣе на эпизодѣ, ибо онъ, имѣя у истиннаго драматурга единство и законченность цѣлаго, представляетъ какъ бы малую драму. Возьмемъ для примѣра сцену *У Фонтана*.

Эпизодъ въ *Борисѣ* составляють три сцены, мѣсто дѣйствія которыхъ: уборная Марины, рядъ освѣщенныхъ комнатъ, садъ. Первые двѣ сцены составляютъ завязку, послѣдняя развязку эпизодическаго дѣйствія.

Про Григорія до сцены *У Фонтана* мы знаемъ что онъ самовольно сдѣлался орудіемъ Божьей кары, что онъ приступилъ, и удачно, къ совершенію своего дерзкаго замысла, и что теперь, влюбленный въ ланну Марину, медлитъ дѣломъ.

Про Марину изъ сцены въ уборной мы узнаемъ многое, а именно что она красива, что всѣ въ нее влюбляются, что изъ-за ея красоты даже застрѣливаются. Все это болтаетъ Рузя. Сама Марина увѣрена въ нелобѣздности своей красоты, и проницески (какъ бы смѣясь надъ самою возможностью сомнѣнія) сомнѣвается побѣдить ли царевича и станетъ ли Московскою царицей; она думаетъ что Самозванецъ точно царскій сынъ. Слово Рузи что въ народѣ его считаютъ за бѣлаго дьячка, „извѣстнаго въ своемъ приходѣ плута“, задѣваетъ Марину за живое. Она съ большимъ сердцемъ, чѣмъ сдѣлала бы то въ иное время, выговариваетъ горничной и

уходя рѣшаетъ что ей „должно все узнать“. Уже въ сценѣ въ уборной, хотя Марина говоритъ въ ней всего нѣсколько словъ, завязывается не только дѣйствіе эпизода, но одновременно и неразрывно съ нимъ и характеръ Марины. Предъ нами уже мелькнулъ образъ женщины гордой, умной, холодной.

Перехожу къ главной сценѣ. Самозванецъ одинъ, онъ ждетъ обѣщаннаго свиданія,—свиданія, какъ ему думается, съ дѣвушкой столь же страстно и беззавѣтно полюбившею его, какъ и онъ ее. Его пламенное желаніе осуществится черезъ мигъ, отчего же онъ чувствуетъ страхъ? Этотъ дерзкій обманщикъ, этотъ ловидимому закалившійся во лжи человекъ,—чего онъ можетъ страшиться? Развѣ ему трудно обольстить женщину? О, нѣтъ! Обольстить Марину не трудно, онъ цѣлый день обдумывалъ какъ это сдѣлать....

Обдумывалъ все то что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою царицей....

Чего-же ему страшно? У него страхъ любви, страхъ истиннаго чувства, зародившагося въ груди; страхъ что это, ему одному во всей полнотѣ вѣдомое, чувство, святое и дорогое, должно обнаружиться. Обольстить ланну Марину, ея „надменный умъ“ не трудно, еслибы не этотъ страхъ.

Но часъ насталъ, и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей.

Входитъ Марина. Она пришла вовсе не за тѣмъ, зачѣмъ единственно, по мысли Григорія, она могла придти; она назначила свиданье только для того чтобъ „узнать все“; она взвѣсила все что скажетъ ему и никакой страхъ имѣющаго обнаружиться при свиданіи чувства не заставилъ ее забыть вытверженныхъ рѣчей; она, конечно, нѣсколько побаивается чтобы болтовня Рузи не оказалась правдой, но ее при этомъ нисколько не занимаетъ *правда души* Григорія; ей дорога только *правда его сана*. Она надѣется что насчетъ послѣдняго Григорій представитъ вѣроподобныя доказательства, а потому при свиданіи ей не слѣдуетъ оставлять заботы окончательно плѣнить влюбленнаго.

Вотъ что предстоитъ быть раскрытымъ въ сценѣ, изображеннымъ въ дѣйствіи. Разсмотримъ же ходъ этого дѣйствія, развитіе, его повороты, его кульминаціонныя точки, его начало и конецъ.

Григорій, увидѣвъ Марину, забылъ все; онъ чувствуетъ только то что непритворно, искренно и свято живетъ въ его груди; онъ лепечетъ безъ сознанія слова любви. Марина помнитъ зачѣмъ пришла, и какъ въ ней нѣтъ ни капли истиннаго чувства, то ей и не трудно говорить обдуманное заранѣ, а обдумала она, надо сознаться, все, хорошо, говорить удивительно умно.

Какъ, повидимому, она любитъ его! Она вѣрить его любви, и если не выслушиваетъ его рѣчей, то потому только что пришла сказать нѣчто болѣе важное. Она рѣшилась быть его женой, но не такою какихъ мы видимъ ежедневно, „не рабой желаній легкихъ мужа“, а истинною, настоящею женой, достойною его супругой, „помощницей Московскаго царя“. Съ такою женой могутъ ли быть у мужа тайны? Не долженъ ли онъ открыть ей „надежды, намѣренья и даже опасенья“ своей души? И не вѣжная ли заботливость о немъ заставляетъ ее высказать все это?

О, еслибы Григорій не былъ такъ взволнованъ, еслибы его не мучалъ страхъ истиннаго чувства! Будь онъ просто хорошимъ женихомъ, человекомъ благоразумнымъ, ищущимъ хорошей партіи, достойной помощницы по управленію обширнымъ государствомъ; человекомъ умѣющимъ безпристрастно взвѣсить въ чемъ именно должны заключаться эти достоинства,—развѣ онъ не плѣнился бы этою рѣчью, не сознался бы что его будущая жена удивительно умна, вѣжно-заботлива о его судьбѣ и любить его разумною (какъ говорится, но какой никогда не бываетъ) любовью. Марина разочла хитро, но черезчуръ ужъ хитро.

Излишность заботливости, поспѣшность вступить въ права достойной супруги обдають Григорія холодомъ. Онъ легко отстраняетъ этотъ холодъ: волнующее его чувство любви такъ сильно, сладостно, плѣнительно и такъ ново для него что онъ молить ее дать забыть хоть на единый часъ заботы и тревоги его судьбы.

Дай высказать все то чѣмъ сердце полно!

Марина и не подозреваетъ что есть такое важное чувство, какъ любовь, могущее заставить забыть все на свѣтѣ, даже высокій санъ. И она ничуть не расположена дать забыться жениху; у нея дѣло повыше этихъ забвеній, и женихъ, конечно, долженъ понять разумность ея желанія

узнать всѣ его тайны. Ей нельзя однако сказать прямо что именно требуется узнать; надо сдѣлать это осторожно, только слегка намекнуть, и то подъ видомъ той же заботливости о немъ. Не въ немъ она сомнѣвается, но

Ужъ носятъ сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну,
А Годуновъ свои принимаетъ мѣры....

Годуновъ, Московскій тронъ, блескъ славы, Русская держава,—Боже, какъ все это ничтожно кажется Григорію, предъ тою новою жизнью что зараждается и начинаетъ биться и трепетать въ его груди. Маринѣ приходится высказаться рѣшительнѣе. Слова должны быть красивы, величественны и льстивы. Последнее непременно; вѣдь Богъ его знаетъ кто онъ; можетъ-быть, и даже вѣрнѣе, что настоящий царевичъ (смѣетъ ли не-царевичъ полюбить такую знатную какъ она ланну?), и обидѣть его въ такую минуту опасно; можно разстроить такую партію какая развѣ еще разъ приснится во снѣ, но наяву навѣрно не повторится ни разу.

Тебѣ твой самъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.

Неужели же онъ не оцѣнитъ дѣвушку умѣющую говорить такія вещи? Какъ она понимаетъ въ чемъ должно быть его величіе, какъ она понимаетъ свое назначеніе:

Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой!

Три раза она отталкивала его чувство; трижды охлаждала его пылъ... И что она все толкуетъ о какомъ-то санѣ, и о какомъ-то престолѣ, когда предъ нею онъ самъ со всею свѣжестью и святостью величайшаго, лучшаго на землѣ чувства... „Страшное сомнѣніе“ закрадывается въ его душу.

Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ,
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

Марина не вѣритъ своимъ ушамъ; не ослышалась ли она, или не испытываетъ ли онъ ее? Надо отвѣтить немедленно, сейчасъ же, и опять такъ чтобы не обидѣть его.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь,
Другаго мнѣ любить нельзя.

Другаго, то-есть не царскаго сына. Зачѣмъ же я отвергала графовъ и благородныхъ рыцарей какъ не въ надеждѣ на лучшую партію? *Мнѣ*, ланнѣ Мвишектъ, чей родъ ничему не уступалъ, мнѣ, первой въ мѣрѣ красавицъ.

Это *другаго* и это *мнѣ* переполняютъ душу Григорія. Нѣтъ, онъ не хочетъ дѣлаться съ мертвецомъ

Любовницей, ему принадлежащей.

Онъ скажетъ всю правду. Ему горько и больно что святость его чувства нарушена; ему горько и больно что онъ вѣрилъ что она также беззавѣтно любитъ его, какъ и онъ ее. А оказывается что ей дорогъ какой-то санъ! Ему досадно что онъ говорилъ съ ней о любви и въ то же время досадно что открылъ кто онъ такой. А! ты думала, я царевичъ; нѣтъ, я бѣдный черноризецъ. Я вовсе не великъ и ничего важнаго не сдѣлалъ; во мнѣ только и есть что отвага лжи, да умѣнье—не важное впрочемъ—обманывать безмозглыхъ. Онъ въ горѣ, злости и досадѣ невольно хочетъ какъ можно болѣе унижить себя чтобы тѣмъ сильнѣе унижить ее.

„О стыдъ и горе мнѣ!“ восклицаетъ Марина. Нечего разяснять что не высокаго полета и этотъ стыдъ, и это горе.

Григорій опомнился, слохватился. Онъ можетъ-быть погубилъ себя, все свое „съ такимъ трудомъ устроенное счастье“, то-есть устроенное вовсе не такъ легко и скоро какъ онъ сейчасъ сказалъ въ досадѣ. Онъ еще не въ силахъ думать объ этомъ счастьи, когда еще не устроено другое важнѣйшее. Ему все еще вѣрится что она любитъ его и только устыдилась „не княжеской“ любви. Онъ бросается предъ ней на колѣни.

Теперь она только съ презрѣніемъ можетъ отвѣчать ему. Она холодно отвергала прекрасныхъ жениховъ не для того чтобы выдти за бѣглаго монаха.

Онъ встаетъ съ колѣнъ. И пусть онъ былъ бѣглый монахъ, пусть былъ онъ обманщикъ, все низкое и презрѣнное что только есть на землѣ, но теперь, когда онъ позналъ святыню чувства, онъ не таковъ, онъ чувствуетъ въ себѣ доблесть, достойную не только такой (какъ все еще ему кажется) ничтожной вещи какъ Московскій престолъ, но даже, руки любимой женщины, величайшаго что есть на землѣ.

Доблестей, которыя таятся Богъ ихъ вѣдаетъ гдѣ, она не знаетъ, но отлично понимаетъ такъ - сказать наличное

величіе, всѣмъ видное, отъ всѣхъ почтенное. А тѣ тающіяся доблести,—есть ли онѣ, или нѣтъ ихъ,—не все ли равно?

Новое глубокое оскорбленіе. Но чѣмъ глубже наносимая ею рана, тѣмъ сильнѣе начавшійся въ немъ ростъ человѣческаго достоинства, такъ долго спавшаго, такъ долго пренебрегаемаго имъ самимъ, и теперь пробужденнаго ея отказомъ любить его ради его самого. Конечно, онъ не чувствовалъ себя никогда въ жизни добрѣе, умнѣе, счастливѣе какъ когда сказалъ ей:

Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ.

Этого-то она и не можетъ понять. Онъ сумѣлъ „чудесно ослабить два народа“ и признался ей... изъ любви! Можетъ ли она соединить свою судьбу съ судьбой человѣка обывавшаго свой позоръ „съ такою простотою, такъ вѣтренно“. Вотъ еслибъ онъ былъ достоинъ своего успѣха, алалъ до конца, тогда иное дѣло. Ей кажется что ему больше было поводовъ сознаться изъ чего угодно, изъ дружбы, отъ радости, „изъ вѣрнаго усердія слуги“, только бы не изъ любви, не изъ этого мелкаго, ничтожнаго чувства, столь ей знакомаго, которое она такъ часто могла наблюдать и которое роняло предъ нею столькожъ мущинъ, дѣлало ихъ такими глупыми и смѣшными, и некрасивыми. Ей не зачѣмъ сдерживаться, и она выльетъ всю свою желчь; ей нечего бояться оскорбить его, и чѣмъ дальше тѣмъ язвительнѣе ея досада. Весь вѣтшій лоскъ воспитанной сдержанности спадаетъ съ нея, и обнажается во всей неприглядности прирожденная грубость.

Но вѣдь онъ еще не разлюбилъ ея, и вотъ ея настроеніе невольню отражается въ немъ; въ его сердцѣ начинаютъ звучать тѣ же струны что и въ ея; онъ невольню хочетъ думать, чувствовать, какъ она; искулить невольню предъ нею обиду. И съ тѣмъ вмѣстѣ, незамѣтно для него самого, святость его чувства начинаетъ пошатываться, понижаясь до ея душевнаго уровня. То святое, чистое настроеніе, въ которомъ, люби она его, она могла бы удержать и спасти его, отходить. Онъ уже только клянется что никто не „вымучаетъ“ его признаніе, что это могла сдѣлать только она.

Любовь такъ возвышавшая его за минуту, какъ начинается она унижать его!

Конечно, она охотно повѣрила бы его клятвамъ. Вѣдь истинное-то, по ея мнѣнію, величіе, высокій санъ, могло бы сохраниться у Самозванца при строгомъ соблюденіи тайны. Вѣдь не откройся онъ ей или будь настоящимъ царевичемъ, отдалась же бы она нелюбимому человѣку, и не все ли ей равно прирожденный ли царь или подставной дастъ ей то, ради чего она считаетъ законнымъ и приличнымъ забыть и свой родъ и стыдъ дѣвичій. Но гдѣ же доказательства что клятва будетъ сохранена? Досада на открытіе, досада на разстройку такой прекрасной партіи еще не остыла, она еще не стала такъ умна, какой была въ началѣ, и продолжаетъ грубо смѣяться надъ нимъ.

Ея слова возбуждаютъ снова въ Григоріи чувство достоинства, но не настоящаго уже, не истинно человѣческаго, а во вкусъ панны Маринь, ибо заронившееся въ его душу, по отраженію, бессознательное желаніе сравняться съ нею, сдѣлаться ея достойнымъ, все болѣе и болѣе захватываетъ его душу и вытѣсняетъ изъ нея правдивость. Онъ говорилъ искренно, отъ сердца; теперь же, какъ замѣчаетъ авторская ремарка, онъ говоритъ только *гордо*. Тогда онъ готовъ былъ унижаться предъ своею „единственною святыней“, теперь довольно. Теперь онъ опять царевичъ. Чувство у него болѣе низкое, но за то болѣе понятное, болѣе любезное паннѣ Маринѣ. А то хорошее чувство онъ выверетъ, заглушитъ въ себѣ.

Къ сказанной досадѣ Маринь прибавляется новая: на самое себя, зачѣмъ она изъ излишней пылливости упустила такого жениха. Ума въ Маринѣ стало еще меньше, и она грозитъ выдать всѣмъ его тайну.

Но теперь когда онъ сталъ прежнимъ Григоріемъ, какимъ былъ до освятившей его на мигъ любви, такія угрозы ему не страшны. Она для него мятежница которую заставить молчать. Онъ не хочетъ даже удостоить ее взглядомъ, и уходитъ.

Уходить... Итакъ, надежда на партію рушилась, и по ея винѣ. Чтобы поправить дѣло, она готова бѣжать за нимъ. Теперь она дѣлается также умна и расчетлива, какъ и въ началѣ сцены; находитъ прежній блестящій тонъ, снова умѣетъ льстить ему, снова выражаетъ разумно-нѣжную

фальшивую заботливость. Величіе опять впереди ея, и она отдастся за него кому угодно; она забудетъ свой родъ и стыдъ дѣвичій ради этого-вотъ обманщика, только бы онъ забылъ про доблести которыя гдѣ-то таятся, а добылъ бы доблесть всѣмъ явную. Она, какъ набожная ученица іезуитовъ, клянется въ этомъ Богомъ. И ушла.

Погубившій свою святую Григорій теперь понимаетъ Марину; онъ не любитъ ея какъ прежде, но за то она нравится ему иначе, своими змѣнными свойствами. Онъ воображаетъ даже что и прежній страхъ, и прежняя дрожь были только страхомъ что она погубитъ его вѣнчанное счастье. Оно спасено, и она теперь достойная супруга... Самозванца.

Дѣйствіе конечно, потому что исчерпано.

Разборъ оконченъ. Мы слѣдили за каждою рѣчью, стараюсь я и юту не отступать отъ текста и не позволяя себѣ никакихъ предположеній что именно хотѣлъ или не хотѣлъ изобразить Пушкинъ, но просто устремляя всѣ мысли чтобы понять изображенное имъ и этимъ, по возможности, выяснить тѣ внутреннія движенія, коими обуславливается дѣйствіе; наглядно, шагъ за шагомъ выставить какъ оно возникаетъ и становится. Мы старались такъ-сказать прочесть партитуру, дабы дать почувствовать какіе въ ней заключены звуки.

Драматическая рѣчь не есть простая рѣчь, не есть разговоръ или бесѣда двухъ или болѣе лицъ, а *выраженіе дѣйствія*. Она должна заключать въ себѣ выраженіе внутреннего міра человѣка: постоянно измѣняющіеся, раждающіеся, растущіе и падающіе аффекты и проявленія воли и чувства, отраженія чувствъ одного на друго мѣ тонъ и темпъ всѣхъ этихъ движеній, всѣхъ этихъ содроганій душевныхъ струнъ. Поэтому-то она и не похожа на обычную разговорную рѣчь; все что романистъ замѣчаетъ между словами лицъ, всѣ мелькающіе переходы, даже до выраженія лица, до вѣшняго движенія,—все по возможности должна включать въ себѣ драматическая рѣчь. Оттого-то эти рѣчи и оканчиваются, какъ скоро исчерпывается дѣйствіе. Марина и Григорій послѣ *сцены* свиданія могли еще разговаривать болѣе или менѣе долгое время, но такой *разговоръ* не подлежитъ драматическому изображенію.

Есть старинное правило, что желающій понять драму въ удивленномъ чтеніи долженъ ставить себя попеременно на

мѣсто того или иного дѣйствующаго лица, волноваться, радоваться и страдать вмѣстѣ съ нимъ. Это правило по существу справедливо; вѣрнѣе, можетъ, было бы сказать что читатель либо долженъ приходить въ указанное настроеніе, либо же уметь воображать внутренніе мотивы и выраженіе этихъ мотивовъ въ голосѣ, движеніи и т. д. дѣйствующихъ.

Сенъ-Бѣвъ въ книгѣ о Виргиліи откровенно сознается что онъ не въ *силѣ* дѣлать при чтеніи драмы того что предписывается стариннымъ правиломъ, что требованіе становиться на мѣсто дѣйствующихъ и переживать съ ними ихъ волненія кажется ему насиліемъ надъ свободой читателя, и что онъ поэтому предпочитаетъ чтеніе эпическихъ произведеній чтенію драматическихъ. Замѣчаніе полное искренности. Таковъ, впрочемъ, не одинъ Сенъ-Бѣвъ.

Есть люди умные и даже очень умные, люди даровитые и даже весьма даровитые, которые, читая драму, полагаютъ что читаютъ только *разговоръ* дѣйствующихъ. Для такихъ драмы въ чтеніи не существуютъ, они не понимаютъ ее и видятъ въ ней только необычайный разговоръ, кажущійся имъ натянутымъ и неправдивымъ. При такомъ чтеніи драма должна производить на нихъ престранное впечатлѣніе, въ родѣ такого какое испытываетъ посторонній, входящій въ чужой домъ и прямо попадающій на домашнюю сцену. Онъ видитъ людей кричащихъ, ссорящихся, восклицающихъ, упрекающихъ другъ друга, плачущихъ, рыдающихъ, съ несложными лицами; словомъ, людей въ дѣйствиіи, а не въ обычномъ состояніи, въ какомъ ждалъ ихъ увидѣть; онъ пришелъ *поговорить*, и попалъ на *сцену*. Мотивы происходящей сцены ему непонятны и онъ чувствуетъ одно смущеніе, и все происходящее предъ нимъ кажется ему неестественнымъ.

Словомъ, драма,—возвращаясь къ сдѣланному уже мимоходомъ сравненію,—есть нѣкотораго рода поэтическая партитура которую надо читать умѣючи. Кто, читая музыкальную партитуру, не воображаетъ звуковъ оркестра, для того она есть только рядъ необычно написанныхъ нотъ. Вотъ отчего драматическія произведенія требуютъ художниковъ-исполнителей которые пополняли бы то что читателю приходится дополнять воображеніемъ: одѣвали бы плоть и кровью, движеніями голоса, лица и всего тѣла, словомъ, всѣми средствами *лицедѣйства* драматическія рѣчи.

Такимъ образомъ мы отчасти отвѣтили на слова Лессинга избраннаго эпиграфомъ настоящаго разсужденія. Мы начинаемъ догадываться для чего выстроенъ театръ, костюмированы мужчины и женщины, мучалась ихъ память и весь городъ созданъ въ одно мѣсто. Но отвѣтъ нашъ далеко не полный; мы еще не говорили о тѣхъ впечатлѣніяхъ которыя зритель выноситъ изъ театра. Понятно однако и теперь что, не исполнивъ условій драматичности, писатель не произведетъ и свойственнаго трагедіи впечатлѣнія.

X.

Монологъ „быть или не быть“ и въ связи съ нимъ общій ходъ дѣйствія *Гамлета*. Ближайшее опредѣленіе миеа; новыя доказательства первенства миеа въ трагедіи.

Вопросъ о драматичности или, другими словами, о важности непрерывнаго, по вѣроятію, или по необходимости грядущаго дѣйствія—вопросъ существенный для трагедіи (и для комедіи), а потому мы изучимъ его еще на одномъ примѣрѣ. Мы пойдемъ отъ монолога, и такъ какъ въ истинно-драматическомъ миеѣ все связано неразрывными узами, то мы, дабы правильно понять монологъ, принуждены будемъ обозрѣть гряденіе дѣйствія во всей драмѣ.

Возьмемъ любой Шекспировскій монологъ, хотя бы „быть или не быть“. Онъ всѣмъ извѣстенъ, его всѣ твердятъ; всякій любитель непремѣнно укажетъ на него; всякій желающій похвалить умъ англійскаго драматурга приведетъ его же. Монологъ до того часто выдѣляли изъ трагедіи что, по справедливому замѣчанію г. Луиса, * даже актеры перестали обращать вниманіе на его значеніе въ дѣйствіи и читаютъ какъ нѣкоторое прекрасное разсужденіе о жизни и смерти, назначеніе котораго то, чтобъ актеръ могъ, произнося его, плѣнить ложи и кресла.

Вообразимъ что трагедія *Гамлетъ* потеряна и до насъ дошелъ одинъ этотъ монологъ, и неизвѣстно кто написалъ это стихотвореніе. Безъ сомнѣнія и тогда знатокъ искус-

---

* On actors and the art of acting.

ства не могъ бы не восхититься его цѣльностью и законченностью. Мало того, тотъ же знатокъ, слѣдя за теченіемъ мысли, за ходомъ чувства, даже просто за ладеніями стиха, то плавнаго какъ раздумчивая рѣчь, то быстрого и прерывистаго какъ душевная тревога,—не только замѣтилъ бы что стихотвореніе глубоко по мысли и удивительно выражаетъ взволнованность чувствъ, необходимыхъ спутниковъ живой, не отвлеченной мысли, но невольно подумалъ бы: „неужели же поэтъ, писавшій это стихотвореніе, никогда не пробовалъ себя въ драматическомъ родѣ?“

Истинное значеніе „быть или не быть“ познается однако только тогда, когда мы опредѣлимъ занимаемое имъ въ трагедіи мѣсто. А для этого надо вспомнить что Гамлетъ, узнавъ отъ тѣни отца страшную тайну, какъ бы потерялъ самого себя; онъ до того взволнованъ что рѣшительно не знаетъ что дѣлать, странность его поступковъ замѣчается всѣми. Надо вспомнить что онъ, поклявшійся летѣть на мѣценіе, медлитъ и ничего не предпринимаетъ, самъ не зная почему; наконецъ, что послѣ свиданія съ актерами, приглашенными развлекать его, онъ какъ бы вновь, на время по крайней мѣрѣ, обрѣлъ себя, что все его существо послѣ этого встреленудось и онъ понялъ что надо дѣлать,—составилъ планъ мести. Теперь близится минута совершенія этого плана, онъ исполнилъ всю подготовительную работу, передѣлалъ пьесу должествующую послужить ловушкой для совѣсти короля. Въ этотъ-то моментъ, когда близится открытіе истины, когда такъ-сказать на чеку несомнѣнная провѣрка словъ тѣни,—поэтъ рисуетъ что творится въ тайной тайныхъ души Гамлета. Предъ началомъ дѣла, предъ завязкой подвига его жизни,—вотъ когда у Гамлета вновь мелькнула мысль о самоубійствѣ. Мы говоримъ вновь, ибо она была у него раньше, подъ вліяніемъ незалной смерти отца и столь же незалнаго втораго замужства матери (актъ I, сцена II, слова: „или не положи Всевѣчный заповѣди противъ самоубійства“).

Мы опредѣлили моментъ жизни Гамлета, когда ему вторично приходитъ мысль о самоубійствѣ. Но почему такіа мысли пришли ему именно въ данную минуту? Почему Гамлетъ рѣшилъ что лучше терпѣть тягость жизни чѣмъ достигнуть желаннаго конца? Гамлетъ объясняетъ это самому себѣ,—но почему онъ объясняетъ такъ, а не иначе?

Не тѣ ли же мысли волнуютъ Отелло, когда онъ (актъ V, сцена II), на радостное восклицаніе Яго: „кровь течетъ, синь-форъ, но я не убить“, отвѣчаетъ: „и меня это ни мало не печалитъ; я *желаю* чтобы ты жилъ, потому что, по моимъ чувствамъ, *умереть счастье*“. Итакъ, два глубоко несчастные человѣка, хотя во вѣднѣе несхожіе моменты своей жизни, пришли къ мысли, почувствовали, иного себя вообразить не могутъ, словомъ, все существо ихъ слилось въ одномъ: *умереть лучше чѣмъ жить*, смерть—счастье, смерть—вожделенье, его же слѣдуетъ молитвенно желать. Отчего же одинъ убиваетъ себя, а другой останавливается? отчего одно то совѣсть творить робкимъ, а другаго смѣлымъ?

Художникъ Гёте отвѣчаетъ на нашъ вопросъ. Гамлетъ, говоритъ онъ, есть человѣкъ которому не по силамъ, слишкомъ тяжелъ выпавшій на его долю подвигъ. Такова сущность Гётева объясненія личности Гамлета. Къ этому можно прибавить что слабоволіе Датскаго принца въ зависимости отъ развитія его сознанія, отъ того что Гамлету необходимо во всемъ убѣдиться именно умомъ, что онъ рѣшительнѣе и смѣлѣе только въ минуты вполнѣ яснаго сознанія. Такое объясненіе даетъ возможность понять дѣйствія Гамлета не только въ занимающихъ насъ двухъ сценахъ, но и во всей трагедіи.

Смерть не есть ли вожделѣнный сонъ, избавляющій насъ отъ всѣхъ тягостей жизни? Или же этотъ сонъ грозилъ самой тяжелой жизни? Эти основныя мысли монолога въ какую минуту могли онѣ сильнѣе всего взволновать душу Гамлета, какъ не въ близости къ совершенію подвига? Когда смерть должна была показаться наиболѣе желанною человѣку, для чьей души слишкомъ тяжелъ выпавшій на ея долю подвигъ, какъ не въ указанный мигъ? Заключение монолога въ зависимости отъ сознанія Гамлета; сознаніе говорило ему „да“, когда онъ замыслилъ уловить совѣсть короля и онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію замысла. Теперь же сознаніе не подкрѣпляетъ воли, страшащейся исполненія замысла, подавленной его огромностью; оно не въ силахъ рѣшить вопроса о жизни и смерти, и снова въ Гамлетѣ нерѣшительность. Таковъ Гамлетъ во всей трагедіи.

Нѣкоторые критики выдѣляютъ послѣднюю сцену Гамлета и разбираютъ ее безо всякаго соотношенія съ прочимъ, не ислѣдуя причины дѣйствій Гамлета, а рассматри-

вая соотвѣтствуетъ ли данная сцена ихъ произвольнымъ, выдуманнѣмъ правиламъ или нѣтъ. Своей критической ошибкѣ они не сознаютъ, ибо и мысли не допускаютъ что она можетъ существовать, и во всемъ оказывается виноватъ Шекспиръ. И вотъ, о послѣдней сценѣ говорится что она слаба или что Шекспиръ сдѣлалъ въ ней серьезную ошибку, и именно въ томъ что самый важный моментъ драмы происходитъ случайно. Не согласись де Гамлетъ биться на плагахъ съ Лазертомъ, ничего бы дальнѣйшаго и не было.

На свою бѣду, псевдо-критики забываютъ объ одномъ, а именно что таково (*какъ бы* случайное) дѣйствіе во всей трагедіи, и что при такомъ именно ходѣ дѣйствія и возможно раскрытіе такой личности какъ Гамлетъ. Услышавъ разказъ тѣни, онъ кричитъ о мщеніи и даже вскорѣ у него мелькаетъ неясная ему самому мысль что для исполненія мщенія ему надо прикинуться страннымъ, чудачкомъ (*to put an antic * disposition on*), но желая привести эту мысль въ исполненіе, онъ самъ въ ней залутывается, и чудачить уже только вполонину притворно. *Онъ своею волей*, не доказавъ себѣ предварительно умомъ что такъ именно слѣдуетъ поступить, *не можетъ выйти ни изъ одного положенія*. Того мало: для пробужденія его сознанія необходимы вѣншіе толчки. Первый толчокъ даютъ актеры; но приготовленія къ мести сдѣланы и слѣдуетъ „быть, или не быть“; свиданіе съ Офеліей новый толчокъ, онъ снова вспоминаетъ что „изъ женатыхъ одному не слѣдуетъ жить“. Близится представленіе передѣланной имъ ліесы, онъ и самъ будетъ наблюдать за королемъ, и Горація проситъ о томъ же, и что же? и онъ самъ, и другъ убѣдились что король убійца, а Гамлетъ не мститъ. Его зовутъ къ матери; онъ идетъ, по дорогѣ видитъ отца и не мститъ: онъ размышленіемъ увѣряетъ себя что месть теперь была бы слаба. Но чуть кто-то зашевелился за занавѣскою въ комнатѣ матери, Гамлетъ тотчасъ встрепенулся: убиваетъ Полонія, думая убить отчима. Затѣмъ его шлютъ въ Англію и онъ ѣдетъ, не отпустивъ за отца. И такъ далѣе, до конца то же соединеніе безволія съ потребностью отнестись ко всему сознательно мѣшаетъ ему. И наконецъ, совершеніе подвига.

---

* У насъ въ просторѣчій вмѣсто „чудакъ“ говорятъ „антикъ“. Это такой де антикъ, какого не сыщешь.

такимъ человѣкомъ, каковъ Гамлетъ, развѣ оно могло, по вѣроятію, или необходимости, произойти иначе, чѣмъ какъ оно изображено у Шекспира. Вообразимъ что Гамлетъ не образъ живаго человѣка, а дѣйствительно живой человѣкъ, и мы безъ затрудненія отвѣтимъ что онъ совершилъ бы месть при обстоятельствахъ если не тождественныхъ, то подобныхъ изображеннымъ въ трагедіи.

XI.

Уясненіе взаимнаго отношенія между изображеніемъ дѣйствія и характера въ трагедіи. — Уясненіе понятія дѣйствія — Теорія характеровъ и положеній.

Оба предыдущіе разбора даютъ намъ возможность не только понять отношеніе между изображеніемъ характера и дѣйствія въ трагедіи, но равно приводятъ насъ къ уясненію что именно слѣдуетъ разумѣть подъ дѣйствіемъ.

Характеръ Марины и Григорія выражается не во всѣхъ ихъ рѣчахъ, а только въ извѣстныхъ и именно въ тѣхъ гдѣ данные лица обнаруживаютъ склонность къ чему-нибудь или уклоненія отъ чего-нибудь. Такъ досада Марины на самозванца есть нѣкоторый аффектъ, ни мало не зависимый отъ ея характера; склонность же ко властолюбію и честолюбію, столь сильная что Марина готова пожертвовать всѣмъ, забыть все узнанное о Самозванцѣ, единственно ради осуществленія своего завѣтнаго мечтанія возвыситься надъ другими людьми, — рисуется нравственную ея сторону, ея характеръ, направленіе ея воли. Понятно что у замѣчательныхъ художниковъ данный аффектъ изображается не просто какъ таковой, но съ извѣстнымъ оттѣнкомъ, то-есть въ связи съ изображеніемъ цѣлой личности. Собственно же характеръ лица можетъ проявляться или не проявляться въ данный моментъ дѣйствія; самолюбивый и отважный обманщикъ Григорій любитъ не какъ таковой, а любитъ искренно, со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ молодости; въ этой любви онъ остается, конечно, самимъ собою, но его склонности и отвращенія при этомъ не обозначаются; въ эти моменты выражается извѣстнымъ образомъ его личность, но не характеръ, составляющій только нѣкоторую частную принадлежность личности.

Монологъ „быть или не быть“, какъ мы видѣли, вытекаетъ изъ предыдущихъ частныхъ дѣйствій, нахожденіе его въ данномъ мѣстѣ трагедіи строго обусловлено, и самъ онъ выражаетъ извѣстный моментъ общаго дѣйствія трагедіи; личность Гамлета вырисовывается въ немъ весьма ярко, но никоимъ образомъ нельзя сказать что названный монологъ служитъ единственно для выраженія характера лица; монологъ передаетъ извѣстныя душевныя движенія, и характеръ отражается въ немъ единственно настолько, насколько проявленіе воли способно обозначиться въ данный моментъ.

Вотъ почему драматическій художникъ сдѣлаетъ ошибку противъ своего искусства устремивъ всѣ усилія на то чтобы особенно отчетливо нарисовать проявленія воли того или иного лица; о томъ, каковъ человекъ, о его характерѣ, мы въ драмѣ узнаемъ по его поступкамъ или дѣйствіямъ; оттого-то дѣйствіе и мизѣ, какъ совокуленіе дѣйствій, составляютъ главнѣйшую стихію драмы, ея отличительное качество. Характеры Ромео и Джульетты не обозначены Шекспиромъ съ особою опредѣленностью; оба лица вдобавокъ саишкомъ молоды чтобы обладать характерами вполнѣ сложившимися, но отсутствіе этого элемента въ трагедіи не мѣшаетъ достоинствамъ произведенія, не прелатотвуетъ проявленію драматическаго таланта великаго поэта.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ уясненію понятія дѣйствія. Подъ „дѣйствіемъ“ не слѣдуетъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, разумѣть исключительно изображенія даннаго событія. Само событіе можетъ быть и разказано; оно становится драматическимъ дѣйствіемъ только тогда, когда изображено въ видѣ *дѣяній* того или иного человека; человекъ не спокойно живущаго, а принужденнаго дѣйствовать силой обстоятельствъ, или тѣмъ что мы зовемъ судьбой. Оттого къ области драмы относится равнымъ образомъ какъ изображеніе дѣйствій проявляющихся внѣшнимъ образомъ, такъ и дѣйствій внутреннихъ, дѣяній душевныхъ. Напримеръ монологъ Іоанны въ 1 явленіи IV акта *Орлеанской Дѣвственницы* („Молчитъ гроза военной непогоды“) есть одно изъ самыхъ драматическихъ мѣстъ Шиллеровой трагедіи. Іоанна начинается съ раздумья о событіи совершеніе котораго она считала цѣлью своей жизни, и что же? теперь когда оно совершилось, когда всѣ сердца горятъ высокимъ чувствомъ одной и той же радости, и бьются одною и тою

же мыслью—она чувствуетъ себя несчастною. Недавняя встрѣча съ Ліонелемъ, пробудившая въ ней любовь ко врагу отчизны, наполняетъ ея грудь. Звуки музыки напоминаютъ ей его голосъ, какъ бы волшебствомъ вызываютъ предъ нею его образъ. Чувство любви сталкивается въ ней съ чувствомъ долга, съ вѣрой въ величіе и святость дѣла на совершеніе коего она подвигнута Святою Дѣвой; изъ этого столкновения возникаетъ нѣкоторое *дѣйствіе*, а именно ропотъ противъ небесныхъ силъ, ропотъ вырывающійся все съ большимъ и большимъ напряженіемъ изъ взволнованной души. И это дѣйствіе, хотя оно и не выражается никакимъ вѣднымъ логическимъ, тѣмъ не менѣе составляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ моментовъ трагедіи и изъ него проистекаютъ неизбѣжно послѣдующія частныя дѣйствія.

Какъ слѣдствіе изъ сказаннаго вытекаетъ что трагическій поэтъ невольно, по самой сущности своего искусства, стремится къ изображенію не типовъ и характеровъ, а именно личностей.*

Далѣе, человѣкъ живетъ не одиноко, въ его судьбѣ, въ его счастьи и злосчастьи принимаютъ участіе не только роковымъ образомъ сложившіяся обстоятельства, но и другіе люди, друзья, враги, ихъ пособники, свидѣтели. И бываетъ такъ что въ событіи выдвигается то одинъ, то другой, какъ бы захватывая его въ свои руки. Таковъ же долженъ быть и образъ человѣческой судьбы въ драмѣ. Въ этомъ-то и состоитъ та *беззаботность жизни*, которую Пушкинъ столь прозорливо подмѣтилъ въ драмахъ Шекспира.

Посмотрите какъ завязывается у него дѣйствіе. Вотъ идутъ по улицѣ Яго и Родриго, и второй упрекаетъ первого что де Яго зналъ про какое-то дѣло и, надо предполагать, не предупредилъ его, Родриго, хотя и пользовался его кошелькомъ. Яго начинаетъ оправдываться и для своего оправданія (а не для оловѣщенія зрителей) принужденъ объяснить свои отношенія къ Отелло; вотъ они подходятъ къ какому-то дому, начинаютъ будить хозяина, и т. д. И шагъ за шагомъ завязывается дѣйствіе, оно растетъ, развивается, крѣпнеть, цвѣтетъ и заканчивается, давая плодъ, то-есть извѣстное впечатлѣніе. Другое обстоятельство: А. В.

---

* Сравни выше I главу.

Дружинникъ, въ предисловіи къ своему переводу *Короля Лира*, прекрасно замѣтилъ что второстепенныя лица у Шекспира порой вырастаютъ въ извѣстный моментъ драмы и невольно, силой обстоятельствъ, выдвигаются на первый планъ, какъ бы начинаютъ вести дѣйствіе; таковъ въ *Лирѣ* Альбани. Такія лица и такіе моменты дѣйствія встрѣчаются у Шекспира во всѣхъ трагедіяхъ и комедіяхъ; вспомните Эмилию въ концѣ *Отелло*, Лазрта въ IV актѣ *Гамлета*, ткача Основу, когда Титанія влюбляется въ него въ *Снѣ въ межсенную ночь*, * или достопочтенныхъ констеблей въ *Много шума изъ пустяковъ*, когда они открываютъ преступленіе принца Жуана, и т. д.

Теорія, противоположная Аристотеле-Лессинговой и проповѣдуемая по преимуществу французскими критиками, лишаетъ драму ея отличительнаго свойства—дѣйствія. Она различаетъ въ драмѣ *характеры* и *положенія*, и утверждаетъ что дѣло драматурга состоитъ въ томъ чтобы придумать характеръ и затѣмъ ставить его въ различные положенія, пока онъ достаточно не выяснится; при этомъ предполагается что чѣмъ занятѣе и неожиданнѣе будутъ эти положенія, каждое само-по-себѣ, а равно чѣмъ занятѣе и неожиданнѣе ихъ чередовка, тѣмъ лучше. Изъ сказаннаго ясно что эта теорія есть *теорія псевдо-драмы*. И она, дѣйствительно, довольно удовлетворительно объясняетъ этотъ родъ произведеній. Если псевдо-драма основана не на включеніяхъ героя, связующаго своею личностью отдѣльныя положенія въ интригу, а на отвлеченной мысли, то и тогда предполагается что авторъ придумываетъ такіа положенія, при посредствѣ коихъ его идея является въ наяснѣйшемъ видѣ.

---

* Mid-summer's night dream переводятъ Сномъ въ *Иванову* ночь, или даже *майскую* ночь. Mid-summer значитъ середина лѣта, что по русски называется *межсенною* порой (находящеюся *межъ* началомъ и концомъ). Это слово встрѣчается въ былинахъ, напримѣръ: меженный день, то-есть долгій день середины лѣта; можно бы подыскать примѣры и въ литературѣ. У насъ нынче боязнь живыхъ словъ; забыты слова Пушкина: не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка. (См. Пр. 32 къ *Евг. Он.* по случаю осужденія журналами словъ: *хлѣвъ*, *молвъ* и *толвъ*, какъ неудачныхъ нововведеній). *Аст.*

Понятно что для этой теоріи драматическій характеръ не есть дѣятельная воля, а просто поверхностный оттѣнокъ воли, взятый самъ по себѣ: добродѣтельность, злоба, легкомысліе, и т. д. Потому-то что для поклонниковъ псевдо-драмы дѣйствіе есть только чередовка положеній, они чаще всего обвиняютъ Шекспира и драматурговъ вообще за недостатокъ дѣйствія.

Понятно также, что какъ скоро всякое отдѣльное положеніе пріобрѣтаетъ въ піесѣ самостоятельное значеніе какъ одинъ изъ многихъ способовъ выясненія основной идеи, то чѣмъ на болѣе интересномъ моментѣ прервется актъ, или сцена, тѣмъ лучше, тѣмъ эффектнѣе. Такой-то самовольный перерывъ и называется *coup de théâtre*. Напримѣръ положеніе таково: ревнивая и честная жена, олицетворяющая бракоразводную идею, выгоняетъ изъ своего дома любовницу своего мужа. У любовницы есть мужъ, который по разказамъ (а не по поступкамъ), чуть что—сейчасъ за пистолетъ, настоящій де Отелло. Любовница, уйдя домой, жалуется этому лже-Отелло, что ее выгнали. Лже-Отелло является къ ревнивицѣ за объясненіями, и между ними происходитъ примѣрно такой разговоръ.

Онъ.—Вы выгнали мою жену изъ дому?

Она.—Да, сударь.

Онъ.—За что?

Она (*съ жаромъ*).—За то что у нея есть любовникъ.

Онъ (*бѣшено*).—Любовникъ. Кто-же онъ? Назовите.

Она.—Поищите.

И занавѣсъ. Но вѣроятно ли, хотя сколько-нибудь, чтобы лже-Отелло, готовый по самому пустому поводу убить человѣка, удовольствовался этимъ: *поищите*? Конечно, нѣтъ. Но продолжай онъ допытываться, на шумъ бы пришелъ мужъ ревнивицы, и автору волей-неволей пришлось бы завязать дѣйствіе. И тогда прощай прекрасные, приготовленные для послѣдняго акта бракоразводные возгласы и эффектные обращенія въ праведники лылающаго великою любовною страстью къ чужой женѣ, даже до залазivanja въ чужой карманъ, виновнаго мужа. *

Развязка при помощи сценическаго удара, конечно, считается также за наилучшую.

* Ср. *Princesse George* par Alexandre Dumas-fils.

Странно слышать, какъ умные люди оправдываютъ подобный обманъ зрителей. Г. Франциксъ Сарсэ, критикъ безъ сомнѣнія знающій и толковый, жаждущій правды въ искусствѣ, останавливается въ безсиліи предъ сценическими ударами и оправдываетъ ихъ съ удивительнымъ постоянствомъ въ своихъ статьяхъ въ газетѣ *Temps*. Эти оправданія сводятся примѣрно къ слѣдующему. *Сoup de théâtre* есть де несомнѣнно нѣкотораго рода обманъ, но что вамъ за дѣло, если выйдя изъ театра и обдумывая видѣнное, вы придете къ заключенію что васъ обманули. Въ театрѣ де вы должны позволять себя обмануть, иначе вы не зритель, не такой человекъ какой нуженъ для театра, вы не *homme de théâtre*.

Мы охотно повѣрили бы г. Сарсэ, еслибы не видѣли множества ліесъ, принадлежащихъ авторамъ разныхъ національностей, въ томъ числѣ и французской, ліесъ, которыя, будучи достоительно исполнены актерами, производятъ своею правдивостью впечатлѣніе несравненно сильнѣйшее чѣмъ обманные фальшфейеры драматическихъ фейерверкеровъ.

Жизнь нерѣдко сравниваютъ со сценой, людей съ актерами и сравниваютъ безъ irony; трогательное происшествіе называютъ трагическимъ, смѣшное—комическимъ. Это сравненіе любилъ Шекспиръ. Но есть другое сравненіе. Все неестественное, напыщенное называютъ театральнымъ; всякое выдуманное, имѣющее цѣлью лустить пыль въ глаза дѣйствию—театрально-эффектнымъ; всякую фальшивую рисовку собою—театральностью.

Кому мы обязаны этимъ искаженіемъ перваго сравненія, какъ не псевдо-драматургамъ, преимущественно французскимъ?

XII.

Міеъ, какъ планъ трагедіи. — Драматическій поэтъ есть по преимуществу творецъ міеовъ. — Разборъ плана *Отелло*.

Изъ неразрывной связи между дѣйствиемъ и драматическимъ характеромъ слѣдуетъ понятіе міеа какъ плана произведенія. У драматурга-поэта дѣйствию и характеры зарождаются одновременно и одновременно же достигаютъ зрѣлости.

Аристотель говоритъ что поэтъ долженъ быть творцомъ мѣровъ, а не метровъ, то-есть ллановъ, а не стиховъ, или рѣчей. Если, продолжаетъ философъ, ему случится творить (облекать въ образы) случившееся, то и тогда онъ тѣмъ не менѣ творецъ (поэтъ).

Въ самомъ дѣлѣ, множество драматурговъ и въ томъ числѣ величайшіе изъ нихъ, брали сюжеты своихъ произведеній изъ исторіи, разказовъ, преданій, сказаній, новеллъ, старыхъ піесъ, дѣйствительныхъ происшествій и т. д.; они тѣмъ не менѣ были поэтами, ибо придавали данному происшествію образъ грядущаго по вѣроятію или необходимо-сти дѣйствія.

Весьма поучительно въ этомъ отношеніи изслѣдовать какъ обрабатывалъ Шекспиръ сюжеты своихъ трагедій. Возьмемъ для примѣра *Отелло*.

Вотъ въ сжатомъ изложеніи извѣстнаго издателя Шекспира, г. Найта (Ch. Knight) новелла Джиральди Чинтіо, послужившая основой для названной трагедіи.

„Жилъ нѣкогда въ Венеціи храбрый Мавръ, разказываетъ новелла. И случилось что добродѣтельная дама чудной красоты, по имени Десдемона, влюбилась въ его великія качества и благородныя доблести. Мавръ полюбилъ ее взаимно и они обвѣнчались не взирая на препятствія родныхъ дамы. И случилось такъ что венецейскій Сенатъ назначилъ Мавра главнокомандующимъ Кипра, и что жена рѣшилась сопровождать его туда. Между офицерами въ свитѣ генерала былъ прапорщикъ, наипріятнѣйшей наружности, но наизвращеннѣйшей натуры. Жена этого человѣка была другомъ Десдемоны и онъ большую часть времени проводили вмѣстѣ. Злой прапорщикъ жестоко влюбился въ Десдемону, но она, чьи мысли были вполнѣ поглощены Мавромъ, была крайне невнимательна къ исканіямъ прапорщика. Тогда его любовь превратилась въ ненависть, и онъ рѣшился обвинить Десдемону предъ ея супругомъ въ невѣрности, и припутать къ обвиненію нѣкоего кипрскаго капитана. Этотъ офицеръ прибилъ часового и за то былъ отставленъ отъ должности Мавромъ. Мавръ сказалъ однажды прапорщику что жена до того кучала ему просьбами за офицера, что онъ долженъ снова принять его. „Пожелай вы открыть глаза, вы увидѣли бы ясное“, сказалъ прапорщикъ. Авторъ новеллы продолжаетъ излагать коварныя интриги прапорщика противъ Десдемо-

ны. При помощи своего ребенка онъ крадетъ платокъ, который Мавръ подарилъ ей. Онъ замышляетъ съ Мавромъ убійство кипрскаго капитана, заставивъ предварительно довѣрчиваго мужа выслушать разговоръ которому самъ придаетъ ложный оттѣнокъ и направленіе, и наконецъ Мавръ и злой офицеръ вмѣстѣ умерщвляютъ Десдемону при обстоятельствахъ весьма звѣрскаго свойства. Преступленіе, однако, скрывается и сообщникъ въ послѣдствіи предаетъ Мавра.“

Дополнимъ это изложеніе нѣкоторыми чертами изъ самой новеллы. Влюбленный прапорщикъ „не посмѣлъ открыться (Десдемонѣ), боясь что Мавръ узнавъ о томъ убьетъ его; и разными средствами, самымъ незамѣтнымъ образомъ, какъ только могъ, старался дать понять это женщинѣ которую любилъ.“ Десдемона же не замѣчала его стараній и не догадывалась о его любви. Мавръ, когда прапорщикъ возбуждалъ въ немъ подозрѣнія, опечалился, но *постоянно скрывалъ* отъ жены причину своей печали, и Десдемона просила жену прапорщика узнать черезъ мужа что тревожитъ ея супруга. „Жена же прапорщика, продолжаетъ Чинтіо,— знала все, какъ женщина которую мужъ хотѣлъ заставить помогать себѣ, но она никакъ не хотѣла на то согласиться, и боясь своего мужа не смѣла ни слова сказать и промолвила ей (Десдемонѣ) только: остерегайтесь чтобы не дать подозрѣнія вашему мужу, и старайтесь чтобы онъ считалъ васъ вѣрною и полною любви къ нему.“ Прапорщикъ соглашается убить кипрскаго капитана только „заставивъ себя просить и вручить себѣ порядочную сумму денегъ“. Онъ находитъ „хорошее и вѣрное средство“ убить Десдемону такъ чтобы никто не узналъ, а именно орудіемъ служить чулокъ набитый пескомъ; онъ же наноситъ ей первый ударъ изъ засады, куда ее посылаетъ самъ Мавръ; онъ же добываетъ ее, и потомъ совмѣстно съ Мавромъ, для полного скрятія преступленія, обрушиваетъ потолокъ надъ спальнею Десдемоны. Послѣ этого прапорщикъ противѣтъ Мавру и послѣдній отставляетъ его отъ себя. Тогда обиженный прапорщикъ говоритъ кипрскому капитану что ранилъ его по приказу Мавра, который де подозрѣвалъ капитана въ связи съ своею, убитою самимъ Мавромъ, женой. Оба ѣдутъ въ Венецію. Капитанъ доноситъ на Мавра Сенату. „Но своимъ мужествомъ превозмогая всѣ пытки, рассказываетъ Чинтіо—онъ (Мавръ) такъ упорно отрицалъ все что ничего отъ

него не могли узнать. Тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ вѣчной ссмыкѣ, гдѣ былъ убитъ родными Десдемоны, какъ того и заслуживалъ.“ Прапорщикъ попадаетея со всѣмъ по другому дѣлу и погибаетъ. „Жена прапорщика, заключаетъ новеллу Чинтіо,—которая знала дѣло, разказала все это послѣ его смерти, какъ я вамъ разказалъ.“

Изданіе г. Найта, изъ коего заимствовано сжатое изложеніе новеллы Чинтіо, замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ собрано обиліе мнѣній толкователей Шекспира. Нельзя не подивиться великому числу людей слѣпшащихъ выставить на показъ все что пришло имъ въ голову при чтеніи Шекспира, осудить его, и большею частію голословно, за несогласіе съ ихъ вкусомъ или мыслями, и похвалиться при этомъ своею вышею образованностью, своими болѣе прогрессивными взглядами и т. д. Нельзя не подивиться также тому какъ мало людей желающихъ *понимать и изучать*, какъ мало не только истинныхъ критиковъ, но просто людей согласныхъ допустить что бѣдный актеръ, писавшій драмы въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, могъ равняться съ ними возвышенностью ума и чистой вкуса. Всѣ точно держать про себя такую мысль: мы судьи и наше судейское достоинство унижится если во что бы то ни стало не откроемъ ошибокъ въ лозѣ.

Попытаемся, однако, непоможемъ ли намъ одинъ изъ такихъ лже-судей понять планъ Отелло, а мимоходомъ и причину лжетолкованій.

Г. Найтъ приводитъ слѣдующее мнѣніе о томъ, какъ поступилъ Шекспиръ съ новеллой Чинтіо.

„Г. Денлолъ (Dunlop), говоритъ онъ, въ своей *History of Fiction* указалъ на главнѣйшія отличія между новеллой и трагедіей. Онъ прибавляетъ: „во всѣхъ этихъ разнорѣчіяхъ (*variations*), Шекспиръ возвысился надъ оригиналомъ. Въ немногихъ другихъ частностяхъ онъ отклонился отъ него менѣе разумно (*with less judgment*); въ *большинствѣ же случаевъ* онъ придерживался его, *близко подражая*. Характеры Яго, Десдемоны и Кассіо *взяты изъ Чинтіо едва съ тѣнью различія*. Темные намеки и различныя хитрости злодѣя чтобы возбудить подозрительность въ Маврѣ одинаковы въ новеллѣ и драмѣ.“

Г. Денлолъ видитъ въ разказѣ Чинтіо нѣсколько положеній и его болѣе всего занимаетъ *какія изъ нихъ Шекспиръ*

измѣнилъ, какія отбросилъ, какимъ близко подражалъ (разумѣется не въ Аристотелевомъ смыслѣ).

Дѣйствительно, въ новеллѣ есть *платокъ*, который ловко воруетъ прапорщикъ, * и въ трагедіи есть *платокъ*, потерянный Дездемоной; у *прапорщика* новеллы есть *жена*, дружная съ Дездемоной, но не настолько чтобъ имѣя возможность спасти ее, рѣшилась сдѣлать это; у *прапорщика* Яго есть *жена*, но полагающая душу свою, желая доказать невинность синьоры; Кассіо, будучи самъ въ караулѣ, *бьетъ* посторонняго синьора Родриго и ранитъ Монтано, и *капитанъ* новеллы *бьетъ* часового; Мавръ повѣсти и Отелло *любятъ* Кассіо-капитана, и т. д. Но есть много разказовъ и драмъ гдѣ также есть и платки, или замѣняющія ихъ роковыя вещи, и капитаны, любимые генералами, и женатые прапорщики, и отыскивая *внѣшнее* сходство можно найти такое между множествомъ разказовъ, повѣстей, случаевъ и т. п. и *Отелло*.

Несомнѣнно также что Яго *злой* и прапорщикъ новеллы *злой*; что обѣ Дездемоны добродѣтельны, и что у капитана съ Кассіо есть сходство въ томъ что оба обѣдаютъ у генерала, и правятся генеральшамъ какъ милые молодые люди и хорошіе помощники мужей, и въ томъ что оба заводятъ интрижки съ дѣвицами легкаго поведенія. Но заключать отсюда что *едва есть тѣнь различія* въ характерахъ лицъ между новеллой и трагедіей, по меньшей мѣрѣ опрометчиво. Злодѣевъ много и въ жизни, и въ повѣстяхъ, и въ драмахъ, и въ лѣтописяхъ, и самъ Шекспиръ нарисовалъ ихъ не мало, но они не Яго. Даже такая черта что оба злодѣя, совершивъ злодѣяніе, спѣшатъ показаться въ мѣстѣ преступленія въ качествѣ постороннихъ свидѣтелей, обща великому множеству злодѣевъ, ни мало не похожихъ на Яго. Добродѣтельными и чудно красивыми женщинами полны всѣ романы и повѣсти, но оны не Дездемоны. И легкомысленныхъ, милыхъ и симпатическихъ генеральскихъ адъютантовъ или лейтенантовъ также много, но они не Кассіо.

---

* Воровство происходитъ такимъ образомъ. У прапорщика есть трехлѣтняя дочь, любимца Дездемоны. Однажды, когда Дездемона пришла въ гости къ женѣ прапорщика, сей послѣдній беретъ дочь, и передаетъ ее Дездемонѣ, и въ то время какъ она прижимаетъ къ груди взятаго ребенка, прапорщикъ воруетъ у нея съ груди платокъ.

Словомъ, г. Денлопъ искалъ общихъ новеллъ и трагедіи *внѣшнихъ* положеній и таковыхъ же чертъ характеровъ, и найдя ихъ высказалъ мнѣніе, что Шекспиръ „близко подражалъ“ Чинтіо. Нельзя отрицать что въ извѣстной мѣрѣ г. Денлопъ правъ, какъ были правы тѣ кто замѣтивъ что муха летаетъ и орелъ летаетъ причисляютъ и муху и орла къ одному отряду животныхъ летающихъ. Фактъ сходства г. Денлопъ подмѣтилъ вѣрно; но выводимое слѣдствіе не имѣетъ значенія.

Прежде всего бросается въ глаза при сравненіи новеллы и трагедіи различное значеніе въ той или другой Яго (прапорщика). Въ новеллѣ главнымъ двигателемъ всего является прапорщикъ. Онъ мститъ Десдемонѣ за нераздѣленную любовь, вотъ мотивъ всего происшествія. Въ трагедіи Яго есть человѣкъ-ненавистникъ, „только критикъ“, какъ онъ выражается про себя, то-есть человѣкъ способный видѣть только дурную сторону, склонный къ осужденію всего; онъ является не двигателемъ, а только соблазнителемъ, направителемъ на дурное. Мотивъ же дѣйствія трагедіи есть ревность Отелло, который и становится героемъ трагедіи.

Это измѣненіе внесенное Шекспиромъ въ новеллу было такъ-сказать первымъ шагомъ къ преобразованію всего сюжета.

Новелла есть разказъ о нѣкоторомъ злодѣяніи или уголовьи, есть нѣкотораго рода *судебная хроника*. Оба, и Мавръ, и прапорщикъ, являются въ ней преступниками съ заранѣе обдуманнѣми намѣреніями. Яго тѣмъ существенно отличается отъ прапорщика новеллы что послѣдній просто злодѣй (любовь есть только смягчающее вину обстоятельство), первый же есть человѣкъ всѣмъ существомъ котораго владѣютъ страсти зависти и ненависти; поэтому-то ему довольно намека что честь его оскорблена, Отелло или Кассіо. „Я ненавижу Мавра, говоритъ онъ наединѣ съ самимъ собою,—и люди думаютъ что онъ въ моей спальнѣ исправлялъ мою должность; я не знаю правда ли это; но я изъ простаго подозрѣнія въ этомъ родѣ поступлю какъ (поступилъ бы) изъ увѣренности“. Но кромѣ того, Яго и уменъ, и находчивъ, и можетъ быть добрымъ товарищемъ того

кому не завидуетъ, и не прочь покутить, и пріятный собесѣдникъ за бутылкой. Словомъ, прапорщикъ новеллы есть человѣкъ какому онъ является въ судѣ; Яго человѣкъ какому онъ является въ жизни.

Между Мавромъ новеллы и Отелло еще большее различіе или вѣрнѣе полное несходство.

Мавръ скрываетъ отъ Дездемоны свои чувства; Отелло ихъ скрыть не въ силахъ и изъ ревности многократно оскорбляетъ жену. Мавръ думаетъ не столько о томъ чтобы спасти свою честь, сколько чтобы убить жену, на которую гнѣвенъ, и унижается до того что подсылаетъ жену въ засаду. По убійствѣ всѣ его душевныя силы напряжены на скрытіе преступленія; въ трагедіи когда Дездемона умирая говоритъ при Эмилиі что она сама себя убила, Отелло спрашиваетъ свидѣтельницу: „Ну какому же бы образомъ она могла быть убита?“

Эмилиа. — Ахъ, кто знаетъ!

Отелло. — Вы слышали, она сказала что сама; что то былъ не я.

Эмилиа. — Она такъ сказала; я необходимо должна пересказывать истину.

Отелло. — И она, какъ лгунья, пошла въ горящій адъ. *Я убилъ ее.*

Достаточно этого чтобы видѣть какъ мало Отелло склоненъ скрывать свое дѣло.

Послѣ преступленія Мавръ новеллы возненавидѣлъ прапорщика, какъ наличнаго соучастника преступленія, слѣдствіемъ чего былъ доносъ Сенату. На пытки онъ не выдалъ своей тайны и былъ приговоренъ къ вѣчной ссылке, гдѣ его убили родные Дездемоны, „чего онъ и заслуживалъ“, прибавляетъ Чинтіо. Какое впечатлѣніе производитъ разказъ? Не внушаетъ ли Мавръ отвращеніе какъ закоренѣлый злодѣй, вся храбрость котораго въ томъ что онъ выноситъ пытки и не обнаруживаетъ ни тѣни раскаянія, и чья гибель только нѣсколько уменьшаетъ возбужденное его поступками отвращеніе?

Какое впечатлѣніе производитъ трагедія? Намъ не только жаль по человечеству Отелло, но мы глубоко сострадаемъ страшному злосчастью этого великаго, храбраго, любящаго, правдиваго до того что не предполагаетъ возмож-

ности козней, честнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Припомнимъ хотя тотъ моментъ когда въ отвѣтъ на слова Лодовиго: „О, Отелло, ты, кто вѣкогда былъ такимъ добрымъ, (а нынѣ) попался въ козни проклятаго раба, что можно сказать тебѣ?“ Отелло отвѣчаетъ: „Ну что-нибудь; убійца изъ чести (an honourable murderer) если вамъ угодно; вѣдь я ничего не дѣлалъ изъ ненависти, но все изъ чести“.

Что же общаго по существу, по *внутреннимъ* признакамъ, между разказомъ о скрытомъ злодѣяніи, какихъ множество, и трагедіей, образомъ страшнаго злосчастія судьбы великаго человѣка? Ничего; между ними меньше сходства чѣмъ между мухой и орломъ.

При разительномъ различіи по существу, что значитъ сходство вѣншихъ положеній? Цѣль фактовъ новеллы ничему не подчинена; всѣ они равноцѣнны, ибо всѣ они суть факты важные для опредѣленія преступности злодѣевъ. Они имѣютъ цѣну данныхъ добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Частныя же дѣйствія трагедіи всѣ строго подчинены закону единого дѣйствія, получаютъ значеніе знаменательныхъ въ жизни души человѣческой фактовъ, неразрывно между собою связанныхъ не одною послѣдовательностью во времени, а послѣдовательностью развитія по необходимости или вѣроятію грядущаго дѣйствія.

Творчество Шекспира сильнѣе всего проявилось именно въ этомъ преображеніи новеллы въ трагическій міозъ, при которомъ только и стали возможны тѣ чудные образы лицъ, коимъ нельзя достаточно надивиться.

И не былъ ли Аристотель тысячу разъ правъ, говоря что лѣтъ есть по преимуществу творецъ міеозъ и остается творцомъ, облекая въ образъ случившееся, потому что, по словамъ философа, онъ творитъ *не то что было, а то что возможно*.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ отзыву объ *Отелло* Гизо, который, по выраженію г. Найта, пошелъ нѣсколько далѣе (somewhat furtherer) г. Денлола. „Въ разказѣ Чинтіо, говоритъ Гизо, не доставало поэтическаго таланта, который изобрѣлъ дѣйствующихъ, создалъ лица, придалъ каждому образъ и характеръ, заставилъ насъ видѣть ихъ дѣйствія и слышать ихъ рѣчи; таланта, который изобразилъ ихъ мысли и проникнулъ въ ихъ чувства; той животворящей силы которая заставляетъ событія возстать, гнаться,

развиваться, завершаться; того творческаго дыханія, которое, *дожнувъ на прошлое*, вызываетъ его снова къ бытію, и *наполняетъ его снова* настоящею и неразрушимою жизнью; такова была сила, которою обладалъ *только* Шекспиръ, и помощію которой онъ изъ забытой новеллы сдѣлалъ *Отелло*.”

Гизо несомнѣнно вѣрно *чувствовалъ* не только красоты, но и самое творческое дѣло Шекспира, однако нельзя сказать чтобы выразилъ свои чувства вполнѣ строго-критически: онъ выразилъ личныя свои чувства, а критикъ обязанъ выразить что *есть* въ произведеніи. Въ разказѣ Чинтіо, по его словамъ, между прочимъ, не доставало „того творческаго дыханія, которое *дожнувъ на прошлое* вызываетъ его снова къ бытію, и *наполняетъ его снова* настоящею и неразрушимою жизнью.” Въ этомъ ли оживотвореніи прошлаго состоитъ, однако, дѣло Шекспира? Конечно нѣтъ, ибо, какъ мы видѣли, *быль* (прошлое) разказанная Чинтіо вовсе не похожа на *быль* (мифъ) изображенную Шекспиромъ. Онъ не животворилъ былаго, а творилъ возможное. И въ этомъ-то коренная разница между историкомъ-лѣтописцемъ, или бытописателемъ и поэтомъ, творцомъ мифа.

XIII.

Теорія „исторической драмы“. — Колоритъ времени и быта въ драмѣ. — Мнѣніе г. Гюго. — Мнѣніе Аристотеля и Лессинга. — Ложность несущественнаго дѣленія драмы на роды. — Послѣдствія приложенія псевдо-драматической теоріи къ истинной драмѣ.

Г. Викторъ Гюго въ 1827 году издалъ въ видѣ предисловія къ *Кромвелю* родъ манифеста въ коемъ изложилъ основы драмы, рода новаго и небывалаго. Этотъ родъ, по мнѣнію изобрѣтателя, долженъ состоять изъ смѣси комедіи съ трагедіей. Все въ природѣ и поэзіи полагалось состоящимъ изъ *уродливаго* (grotesque) и *великаго*. Авторъ теоріи, какъ извѣстно, въ своихъ произведеніяхъ представлялъ и до нынѣ представляетъ антитезы великаго и уродливаго, и притомъ не только въ разныхъ образахъ, но въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ, по желанію автора и по требованію сценическаго эффекта, или романческаго интереса, можетъ-быть въ перемежку то нравственнымъ уродомъ, то образцомъ нравственнаго величія,

олицетвореніемъ смѣси великаго уродства съ уродливымъ величіемъ. Къ этому присоединялось требованіе отъ драмы чтобы для зрителей „она была источникомъ всякаго рода волненій“ (d'émotions de toute nature). Для ващаго же утвержденія послѣдняго положенія увѣряется что такова де была и драма „добряка или простеца Жюля Шекспира“ (le bon-homme Gilles Shakspeare).

Искусству открывалась новая цѣль. „Цѣль искусства, возглашалось,—почти божественная: воскрешать, если оно дѣлаетъ исторію (s'il fait de l'histoire); создавать, если оно дѣлаетъ поэзію.“ Что при дѣланіи исторіи искусство воскрешаетъ прошлое, само собою разумѣется, но нельзя не пожалѣть что авторъ умолчалъ, что именно создается при дѣланіи поэзіи.

Въ чемъ же собственно заключается дѣланіе исторіи?

„Понятно, вѣщаетъ манифестъ,—что для произведеній такого рода, если поэтъ долженъ выбирать между предметами, а это онъ долженъ дѣлать, то выборъ долженъ пасть не на прекрасное, а на характерное. Не въ томъ только дѣло, чтобы, какъ говорится нынче, придавать *мѣстный колоритъ* (de la couleur locale), то-есть въ заключеніе прибавлять тамъ и сямъ нѣсколько сухихъ штриховъ къ общему впрочемъ ложному и условному. Мѣстный колоритъ долженъ быть не на поверхности драмы, но въ основѣ, въ самомъ сердцѣ произведенія, откуда онъ распространяется ко вѣмъ самъ собою, естественно, равномерно, и такъ-сказать во всѣ углы драмы, какъ сокъ восходящій отъ корня къ послѣднему листу дерева. Драма должна быть радикально пропитана этимъ цвѣтомъ временъ (couleur des temps), она должна имѣть его нѣкоторымъ образомъ въ воздухѣ, такъ чтобы перемѣна вѣка и атмосферы замѣчалась только по входѣ въ нея и по выходѣ изъ нея. Требуется извѣстное изученіе, извѣстная работа чтобы достигнуть этого; тѣмъ лучше. Хорошо чтобы проѣзды къ искусству (les avenues de l'art) были загорожены терніями предъ коими все отстываетъ, кромѣ крѣпкой воли. Сверхъ того, это-то изученіе, поддержанное пламеннымъ вдохновеніемъ, обезопаситъ драму отъ убивающаго ее недостатка—*пошлаго* (le commun). Пошрое есть недостатокъ близорукихъ и страдающихъ одышкой поэтовъ (poètes à courte vue et à courte haleine).“

Приведенное мнѣніе выражено весьма краснорѣчиво, и нельзя не пожалѣть что оно не довольно точно, и что авторъ не показалъ въ чемъ же именно состоитъ истинный *цвѣтъ времени*.

Но мы обладаемъ драмами г. Гюго, очевидно долженствующими служить лучшею иллюстраціей къ его краснорѣчивому мнѣнію. Во всѣхъ его драмахъ и романахъ есть сцены гдѣ лица разсуждаютъ о модахъ своего времени, о вышедшихъ книгахъ, слетничаютъ о новостяхъ; стараются улоблѣвать модныя во время оно словечки. На эти сцены авторъ видимо упираетъ, ради ихъ продирается сквозь терніи взоръ ценныя имъ самимъ въ проѣздахъ къ искусству, но *характерны* ли они именно для изображаемой эпохи? Ни мало; привычки послетничать и помодничать всегдашнія человѣческія привычки, и поэтому намъ не столько дѣла до того *о чемъ* люди слетничали въ тотъ или иной вѣкъ, сколько до того *какъ* они это вообще дѣлаютъ. Впрочемъ, можетъ-быть самыя сюжеты драмъ г. Гюго особенно характерны для эпохъ когда происходитъ дѣйствіе. Если судить по сюжетамъ, то *цвѣтъ времени* Рихелье, напримѣръ, въ томъ что влюбленная прелестница жертвуетъ своею невинностью въ пользу знатнаго злодѣя, ради спасенія того человѣка изъ народа въ котораго влюбилась; эпохи Франциска I въ волокитствѣ короля и въ томъ еще что шутъ, въ качествѣ человѣка изъ народа (*homme du peuple*), желаетъ убить забавляющагося волокитствомъ короля, дабы отмстить не только за себя, но и за другихъ; „цвѣтъ“ конца XVII вѣка въ Испаніи въ лакеяхъ, то-есть людей изъ народа, влюбляющихся въ королевъ и предъ смертію краснорѣчиво говорящихъ... о своемъ лакейскомъ происхожденіи; „цвѣтъ“ XVI столѣтія въ Италіи — развратныя знатныя женщины, скрывающія отъ сыновей,—не знающихъ о своемъ знатномъ происхожденіи (незаконнорожденный вѣдь есть нѣкотораго рода *homme du peuple*) и надѣленныхъ за то всѣми доблестями,—что онѣ ихъ матери, пока сыновья не ранятъ ихъ на смерть и т. д. Какой умный историкъ найдетъ эти чудодѣйности характерными для данныхъ или какихъ бы то ни было эпохъ? Нельзя однако не согласиться что если г. Гюго избираетъ для писанія предметы не всегда характерные, то всегда *не прекрасные*, въ высшей степени ходульные и представляющіе обширное поле для ажи на человѣческую природу.

Какъ бы то впрочемъ ни было, теорія „исторической драмы“,—принадлежитъ ли она всецѣло г. Гюго, или только выражена имъ особенно рѣзко,—распространена въ значительной мѣрѣ. Ея требованія прилагаются ко всякой драмѣ, дѣйствіе которой происходитъ не вчера; много талантливыхъ людей испарали и исказили свои дарованія, продираясь сквозь тернія, растущія въ не существующихъ, развѣ въ воображеніи, проѣздахъ къ искусству; многіе *любители* восхищаются историческою или бытовою вѣрностью произведеній, авторы которыхъ и не думали объ этой вѣрности.

Но дѣйствительно ли эта характеристъ или тиличностъ, то-есть внѣшняя вѣрностъ исторіи или быта столь важна для художественныхъ произведеній?

Послушаемъ истинныхъ критиковъ, и посмотримъ съ этой точки зрѣнія на произведенія истинныхъ художниковъ.

Аристотель установилъ, а Лессингъ подтвердилъ различіе между исторіей и историческою драмою съ одной стороны, и дѣйствительностью и драмою изъ современной автору жизни съ другой,—различія въ обоихъ случаяхъ тождественныя, и которыхъ не слѣдовало бы забывать.

„Историкъ и поэтъ“, говоритъ греческій философъ, „не тѣмъ различаются что говорятъ: одинъ мѣрною рѣчью, другой не мѣрною; вѣдь сочиненіе Геродота можно бы было переложить въ метры, и все-таки въ метрахъ, какъ и безъ всякихъ метровъ, было бы это исторія. Различаются они тѣмъ что одинъ излагаетъ *случившееся*, а другой что *можетъ случиться*.“ *

Далѣе философъ объясняетъ что поэзія изображаетъ общее, исторія — частное. Дѣло поэта изобразить общее, то-есть какъ такой-то человѣкъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, *можетъ* говорить и *можетъ* постулатъ. Историкъ излагаетъ какъ *поступалъ* извѣстный человѣкъ, что онъ *говорилъ*. Для историка важна вѣрностъ *факту*, для поэта вѣрностъ *человѣческой природы*; историкъ добивается узнать что случилось, поэтъ образитъ *какъ* нѣчто *можетъ* случаться. Для поэта рѣшительно все равно точно ли такъ случившееся произошло какъ у него въ драмѣ, или поэмѣ (объ этомъ пусть заботится историкъ); для него важно чтобы дѣйствіе шло согласно съ законами вѣроятія или необходимости.

* Ордынскій *О поэзіи*, и т. д. стр. 13.

Вотъ слова Лессинга о томъ же: „Поэтъ пользуется историческимъ событіемъ не потому что оно дѣйствительно случилось, но потому что оно случилось такъ что для настоящей его цѣли трудно выдумать лучше. Если онъ находитъ въ такой степени пригоднымъ одинъ дѣйствительный случай, то случай, годится въ дѣло; но рыться для этого въ исторіи не стоить труда. Многіе ли знаютъ что случилось? Если мы вздумаемъ заключать о возможности событія только потому что оно случилось: то что мѣшаетъ намъ совершенно вымышленную басню считать дѣйствительно случившеюся исторіей, о которой мы только никогда не слыхали? Что прежде всего даетъ вѣроятіе исторіи? Не внутренняя ли правдоподобность? И не все ли равно, если эта правдоподобность не подтверждается никакими свидѣтельствами и преданіями, или подтверждается такими свидѣтельствами и преданіями, которыя не дошли до нашего свѣдѣнія? Несоизвѣстно полагаютъ что назначеніе театра поддерживать память о великихъ людяхъ: на это есть исторія, а не театр. *Въ театрѣ мы должны научиться не тому что сдѣлалъ тотъ, или иной отдѣльный человекъ, но что всякій человекъ извѣстнаго характера сдѣлаетъ при извѣстныхъ данныхъ обстоятельствахъ.* Цѣль трагедіи далеко философичнѣе исторіи, и обращать трагедію въ простой панегирикъ славнымъ мужамъ или злоупотреблять ею чтобы питать національную гордость, значило бы унижить ея истинное достоинство.“*

Аристотель далѣе замѣчаетъ что одною изъ причинъ почему трагедія держится именъ историческихъ (прибавляя притомъ что было бы смѣшно, однако, требовать этого во что бы то ни стало) состоитъ въ томъ что „возможное вѣроятно, а чего не случилось, въ возможность того мы еще не вѣримъ, но что случилось то очевидно возможно: будь оно невозможно, такъ и не случилось бы“**.

* По переводу Ордынскаго. Л. с. стр. 87. Для убѣжденія лишннихъ споровъ я готовъ слово исторія, въ смыслѣ науки изучающей законы исторической жизни народовъ, замѣнить словомъ бытописаніе.

** Ордынскій, 14. О другихъ болѣе важныхъ причинахъ, указанныхъ Аристотелемъ же, почему трагики держатся большею частію преданій см. Отд. II настоящаго разсужденія.

Впрочемъ, прибавляетъ философъ, въ трагедіяхъ часто только одно или два имени извѣстныхъ, а остальные вымышлены, а бываетъ и такъ что и всѣ вымышлены. Что трагедія должна держаться возможнаго и общаго, а не случившагося и частнаго, по Аристотелю, всего яснѣе изъ примѣра комиковъ. Они составляютъ мѣры изъ вѣроятныхъ событій, даютъ лицамъ имена знаменательныя*, чѣмъ и отличаются отъ ямбиковъ. Ямбикъ по-нашему—ругатель, обличитель, осмѣивающій частные случаи, нападающій на личности.

Понятно что если цѣль трагедіи и комедіи облекать въ образы возможное и общечеловѣческое, то ставить одною изъ главныхъ задачъ драмы изображеніе *колорита* времени или быта значитъ не понимать ни ея сущности, ни ея назначенія. Аристотель оговариваетъ только стремленіе къ исторической вѣрности, потому что только оно существовало въ его время; Лессингъ уже горько жалуется что современныя ему драматурги обращаютъ болѣе вниманія на костюмъ и особенности въ нравахъ, чѣмъ на сущность драмы.

Вообще, особая забота о вѣрности колорита времени и быта понятна въ романахъ лишущихся со спеціальною цѣлью, учеными спеціалистами, ради ознакомленія лублики съ бытомъ египетскимъ, индійскимъ, старообрядческимъ, казацкимъ и т. д. Въ истинныхъ же драмѣхъ или поэмѣхъ (романѣхъ) всѣ эти *характерности* могутъ имѣть значеніе только аксессуарныхъ украшеній; есть они и вѣрны — прекрасно; встрѣчаются въ нихъ ошибки — такія ошибки простительны, тѣмъ болѣе что и спеціальныя ученые нерѣдко спорятъ до безконечности о частностяхъ. Прекрасно говорить объ этомъ Маколей, по поводу романа Булвера *Послѣдніе дни Помпей*“: „Романъ Булвера, подобно всѣмъ его романамъ, написанъ краснорѣчиво и съ талантомъ. У автора гораздо

---

* То-есть такія которыя намекаютъ на характеръ лица: обычай сохранившійся и до сихъ поръ. Гоголь былъ великій мастеръ на это; городничій у него Сквозникъ (сквозной плутъ), но съ прибавкой Дмухановскій; судья—Дялкинъ-Тяпкинъ; смотритель училища Хлоповъ (отъ глагола хлопотать: хлопаютъ и глазами и ушами); ругатель—Собакевичъ; Маниловъ изъ глагола манить: онъ съ перваго раза манитъ къ себѣ и т. д.

болѣе свѣдѣній чѣмъ я предполагалъ, но ему не удалось освободиться отъ недостатковъ которыми отличаются вообще всѣ современные писатели ставившіе себѣ задачей познакомить насъ съ древнею жизнью. Дѣло въ томъ, что между нами и древними непроходимая пропасть, которую нельзя восполнить усилиями какой бы то ни было учености. Силой своей фантазіи авторъ способенъ пожалуй создать міръ совершенно отличный отъ нашего, но можно держать пари тысячу противъ одного, что это не будетъ тотъ самый міръ который дѣйствительно существовалъ. *Несравненно мудрѣе поступаютъ тѣ которые, возстановляя въ поэтическихъ произведеніяхъ древнюю жизнь, изображаютъ вообще человѣческую природу и заботятся только о томъ чтобы не сдѣлать какихъ-нибудь слишкомъ грубыхъ ошибокъ относительно одежды и т. п.*“

Многіе критики заботятся напримѣръ рѣшить, много ли римскаго въ такъ-называемыхъ римскихъ пьесахъ Шекспира. Большинство, сколько мнѣ удавалось читать, находятъ *особенно* римскимъ въ *Каріоланѣ* характеръ Мененія Агриппы. Пусть такъ, но что прибавляетъ этотъ колоритъ къ образу сказаннаго лица? Не исчезаетъ ли римское предъ правдойъ челоѣческаго? Колоритъ могъ быть вдесятеро сильнѣе, и знатоки римской жизни могли бы имъ восхищаться во сто разъ сильнѣе, но это обстоятельство не много прибавило бы къ славѣ Шекспира, какъ драматурга. Пушкинскій *Борисъ* открывается стихомъ весьма колоритнымъ:

Наряжены мы вмѣстѣ городъ въдать

и многіе даютъ особую цѣну этой колоритности, хотя никакой спеціальной колоритности для эпохи Бориса здѣсь нѣтъ. Но не будь этого колоритнаго стиха, что потеряла бы трагедія?

„Если на то пошло, то и взятки не такъ берутся“, говорить въ *Развѣздѣ* Гоголя какое-то лицо. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ онъ и не такъ берутся, какъ изображено въ *Ревизорѣ*. Что же изъ того? Развѣ способъ бранья взятокъ, а не образы пошло смѣшныхъ людей въ дѣйствиіи составляютъ достоинство *Ревизора*? Гоголь называлъ *Жизньбу* совершенно невѣроятнымъ пришествіемъ; а Альфредъ де-Мюссе въ одной комедіи написалъ „дѣйствіе происходитъ гдѣ вамъ угодно“. Вотъ какъ мало заботятся иногда художники о колоритѣ

мѣста или времени. Достоинство *Горе отъ Ула* не въ томъ что жили въ Москвѣ въ началѣ столѣтїя люди похожіе на Фамусова или Репетилова, какъ достоинство Аристофана не въ томъ что въ его время въ Афинахъ были софисты, похожіе на изображенныхъ въ *Облакахъ*, а въ томъ что лица ихъ комедій и дая насъ образы живыхъ людей, какъ достоинство Пушкина не въ томъ что дѣйствительно существовала женщина,

.... съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ,

а въ самомъ повѣстическомъ образѣ. Достоинство Гольдони и Островскаго не въ томъ что у нихъ вѣрно изображенъ итальянскій или русскій купеческій или крестьянскій бытъ (на это есть этнографы, описатели нравовъ, обычаевъ, повѣрій и т. д.), какъ и достоинство Мольеровскаго *Дандена* не въ томъ что въ немъ есть черты бытоваыя современно автору Франціи, а въ томъ насколько они изображаютъ живыхъ людей въ комическомъ дѣйствіи.

Сказаннаго, будемъ надѣяться, достаточно чтобы видѣть что въ замыслѣ, планѣ, словомъ *любо* комедіи или трагедіи, то-есть въ самомъ существенномъ, цѣлѣность никакъ не можетъ занимать перваго мѣста.

Драматическая форма, какъ не разъ было сказано, вытекаетъ изъ самой сущности предмета. Какой-нибудь обще-армейской или обще-гвардейской формы, въ которую драматургъ обязанъ одѣвать свои мысли, по самой сущности предмета быть не можетъ; форма всѣхъ драматическихъ произведеній по сущности одинакова; въ частности же она разнится по-скольку разнятся ображенныя дѣйствія. И въ послѣднемъ отношеніи у *Гамлета* своя форма, у *Макбета* своя, у *Дандена* своя, и у *Мизантропа* своя, у *Ревизора* своя, и въ *Женитьбѣ* своя, и т. д. Дѣло драматурга, какъ и всякаго художника, никакъ не можетъ состоять въ достиженіи совершенства формы; форма будетъ сама собой совершенна, когда будетъ совершенна сущность; созрѣваетъ художникъ, и мысли и чувства его становятся зрѣлѣе и форма совершеннѣе. А станетъ художникъ, хотя бы и одаренный большимъ талантомъ, вообразивъ что достигъ совершенства, отнестись небрежно къ главному своему дѣлу, и форма у него является плохая. Заслуга Шекспира въ Англійскомъ театрѣ или Мольера во

французскомъ не въ томъ что они изобрѣли или усовершенствовали форму, а въ томъ что лучше другихъ поняли сущность драматическаго искусства. То же замеченіе Пупкина въ исторіи русской трагедіи, и Гоголя съ Грибоедовымъ относительно русской комедіи.

Отсюда ясно что всякія дѣленія драмъ на историческія, современныя, бытовыя, жанровыя, героическія, бытъевскія, и т. д. суть дѣленія не существенныя, а когда такой не существенный признакъ принимается самымъ художникомъ за сущность, то является ложный родъ искусства или сочинительство.

Въ заключеніе приведемъ весьма характерный примѣръ, къ какому послѣдствію приходится порой критики прилагая теорію псевдо-драмы къ истинной драмѣ. Г. Луисъ въ своей книгѣ *On actors and the art of acting* не рѣдко прибѣгаетъ къ объясненію строя драмы *положеніями и характеристиками* и вслѣдствіе этого вотъ каковы образцы толкуетъ о Шекспирѣ и Софоклѣ. Желая уяснить для читателей разницу между актерами трагическими и мелодраматическими, англійскій критикъ полагаетъ такую грань между трагическимъ поэтомъ и мелодраматистомъ:

„Трагическій поэтъ включаетъ въ себя (includes) мелодраматиста. Выдѣлите изъ *Гамлета* или *Макбета* поэзію и психологію, и вы получите отличный мелодраматическій остатокъ (residuum). Софоклъ и Шекспиръ также „сенсациональны“ какъ Фитцбаллъ (Fitzball) и Дюма; но *положенія*, которыя у послѣднихъ суть цѣль и объектъ писанія, имъ же подчинено все остальное, у первыхъ суть просто выступающія точки, узлы драматическаго дѣйствія.“

Подъ поэзіей (poetry) англійскіе критики нерѣдко разумѣютъ собственно „поэтичность выраженія“, и я кажется не ошибусь сказавъ что именно такой смыслъ придаетъ г. Луисъ этому слову въ приведенномъ отрывкѣ. Подъ „психологіей“ надо разумѣть, конечно, всю внутреннюю жизнь человека, отраженную въ дѣйствіи. Иначе, если выдѣлить эти двѣ составныя части изъ трагедій Шекспира, или Софокла, то останется мелодрама, которую не пренебрегъ бы ни Фитцбаллъ *, ни Дюма (конечно отецъ). Почему

* Я не имѣю чести знать этого джентльмена, но вѣроятно она пишетъ или писалъ англійскія мелодрамы по вкусу Дюма.

же? Потому, говоритъ англійскій критикъ, что „положенія“ Шекспира или Софокла, или вообще хорошаго трагическаго дѣла, столь же „сенсационны“, то-есть, разчитаны на эффектъ, или впечатлительность зрителя, какъ и мелодраматическія. Читателю уже извѣстно что это не совсѣмъ такъ, и что разница между ними не въ томъ въ чемъ она есть по словамъ г. Луиса.

Далѣе, цѣль мелодраматиста вовсе не эффектное положеніе само по себѣ, а самый эффектъ, обманъ или отводъ глазъ зрителя, и на положеніямъ подчиняется все въ мелодрамѣ, а все, въ томъ числѣ и положенія, имѣютъ цѣлью достиженіе возможно-сильнаго эффекта.

Возьмемъ одну изъ важнѣйшихъ и сильнѣйшихъ сценъ *Гамлета*, именно IV, III акта, свиданіе съ матерью, и въ угоду г. Луису лишимъ ее „повсю и психологію“.

Вотъ она въ возможно сухомъ изложеніи:

„Другъ совѣтуетъ преступной матери поговорить строже съ сыномъ. Сынъ входитъ, другъ прячется. Сынъ, войдя, начинаетъ упрекать мать въ убійствѣ ея мужа, своего отца. Мать пугается, кричитъ о помощи. Другъ дѣлаетъ то же. Сынъ, думая убить отца, убиваетъ друга; затѣмъ, продолжаетъ упрекать мать. Мать чувствуетъ угроженія совѣсти. Сыну является тѣнь отца и приказываетъ не забывать что онъ говоритъ съ матерью. Рѣчь сына стала мягче, но одно выраженіе матери слова ожесточаетъ его. Затѣмъ, сынъ снова смягчается, объявляетъ что его высылаютъ изъ королевства и уходитъ унося трунъ убитаго друга матери“.

Какое-то, сущее изложить нельзя, остаются голые факты. Попробуйте-ли мелодраматисту такое теченіе сцены? Можно съ увѣренностью отвѣчать что нѣтъ. Окончаніе сцены не эффектно, а сцена оканчивается актъ, да вдобавокъ еще третій, считающійся почему-то особенно важнымъ. Вотъ еслибы сынъ забылся до того что поднялъ кинжалъ на мать, а тѣнь, внезапно явись, схватила его за руку, а мать упала безъ чувствъ, — вотъ это было бы „сенсационное“ положеніе. Какъ при этомъ ловко быстро опустить занавѣсъ, заставивъ сына съ движеніемъ къ матери проговорить на распѣвъ: „О, бѣдная моя мать!“

Еслибы мы подобно одной сценѣ, столь же сухо изложили весь ходъ *Гамлета*, то остался бы нѣкоторый планъ трагедіи, не тотъ что возникъ въ душѣ Шекспира въ моментъ

сильнѣйшаго напряженія творческой силы, не замыселъ родившій трагедію, но нѣкоторый конспектъ, подобный тѣмъ какіе, только еще болѣе въ сжатомъ видѣ, лишутъ для себя поэты. И будь фабула о Гамлетѣ изложена такимъ образомъ у Сакса Грамматика, или въ романѣ Бельфора, Шекспиръ не измѣнилъ бы въ ней ни одного обстоятельства. Его творчество обнаружилось бы тогда тѣмъ, что въ сухомъ и послѣдовательномъ изложеніи обстоятельствъ, мимо которыхъ не поэтъ прошелъ бы безъ вниманія, онъ увидѣлъ бы возможность дѣйствія единого, живаго, цѣлаго и трагическаго.

Вотъ отрывокъ изъ журнальнаго отзыва о передѣлкѣ именно *Гамлета*, совершенной именно Дюма-отцомъ (въ сообществѣ съ Полемъ Мерисомъ). Французскій критикъ весьма обвиняетъ Дюма именно за то что онъ „напыливать мелодраматическіе эффекты на великое твореніе Шекспира“. И пусть г. Луисъ полюбуется напримѣръ „сенсациональною“ развязкой, придуманною мелодраматистомъ. „Они (сочинители), говоритъ отчетъ французскаго критика,—вызвали въ концѣ драмы тѣнь, и эта тѣнь, по ихъ приказанію, является какъ *deus ex machina* чтобы наказать каждаго по дѣламъ его и произнести, въ симметрическихъ александрийскихъ стихахъ, безпристрастный приговоръ. „Ты будешь жить!“ говоритъ тѣнь Гамлету“... *

Остается пожалѣть что Гамлетъ не награжденъ отъ Дюма и Мериса приличною суммой денегъ за свое прекрасное поведеніе, какъ то довольно обычно у современныхъ французскихъ сочинителей комедій, герои коихъ въ теченіи пяти актовъ обязаны являть за то всевозможное безкорыстіе.

До чего не переносно псевдо-драматистамъ теченіе дѣйствія по вѣроятности или необходимости, и какія именно *положенія* имъ нравятся, можно судить по той пародіи на *Отелло* которую Вольтеръ написалъ дабы научить поклонниковъ „лѣняго дикаря“, какъ на сюжетъ ревности слѣдуетъ просвѣщеннымъ людямъ писать піесы. Вольтеръ, чье воображеніе могло быть свободно въ виду богатой обстановки, и кому по случаю увеличившейся ширины сцены стало возможно для разрыванія сердецъ и обманъ глазъ зритель

* *Современникъ* 1848; II.

(преимущественно конечно дамы бѣль-этажа, *des belles pleureuses des premières loges*) изображать истинно-трагическія дѣйствія, — изъ всего *Отелло* въ своей *Заирѣ* оставилъ только одинъ фактъ убійства изъ ревности. Чтобы оправдать такую *дикость*, онъ вставилъ множество эпизодовъ *, чтобы сдѣлать возможнымъ желаніе Заиры уйти изъ лагеря. Приидя за причину такого бѣгства любовную измену, Оросманъ чувствуетъ припадокъ бѣшеной ревности (о возможности чего зритель конечно предупрежденъ въ одномъ изъ предыдущихъ разговоровъ) и убиваетъ Заиру. Развитія дѣйствія никакого. Заира и Оросманъ нѣсколько разъ сходятся на сценѣ, чтобы поговорить о любви, говорить, говорить все одно и то же, и никакъ ни до чего договориться не могутъ. Все подстроено единственно ради того чтобы оправдать страшное дѣйствіе *внѣшнимъ поводомъ*. И такое *оправданіе* развѣ не осталось во всей своей силѣ у французскихъ театральныя сочинителей?

Зная манеру, идеи, слезоизвлекающіе и спектакльные приемы великаго Виктора Гюго, а равно его пристрастіе къ возбужденію всякаго сорта волненій, не трудно представить себѣ какія „сенсационныя“ положенія придумалъ бы онъ, поладись ему въ руки сюжетъ *Отелло*?

Все что комментаторы ищутъ для опредѣленія времени дѣйствія *Отелло* и указанія какіе костюмы будутъ наиболѣе подходящими при постановкѣ этой трагедіи на сцену, — все эти „термины“ изуцилъ бы г. Гюго. И въ началѣ втораго или другаго акта нѣсколько синьйоровъ сплетничали бы объ исторіи Кипра, Катаринѣ Корнаро и всѣхъ ея родственниковъ; они говорили бы также и о серебряномъ жезлѣ венеційскихъ подководцевъ, и о крылатомъ львѣ на знобѣ жезла, и объ особой одеждѣ, въ которую облакались въ день избранія въ должность означенные генералы, и о томъ что она застегивалась на правомъ плечѣ массивными золотыми пуговками, и о новомъ фасонѣ пуговокъ, и о новомъ фасонѣ шапокъ, и о новой картинѣ и т. д. И все это составило бы *souvenir des temps*, тотъ сокъ, который расходился бы во все углы драмы. Что касается дѣйствія (вещи второстепенной въ сравненіи съ животворнымъ *сокомъ*), то въ

* Вольтеръ, какъ извѣстно, утверждалъ что въ пяти актахъ (что бы тамъ ни говорилъ Аристотель) безъ эпизодовъ обойтись нельзя.

реплате что въ герои попалъ бы Яго новеллы, Яго влюб-
 лемый въ Дездемону. Объ этой страсти много бы декла-
 мировалось и она послужила бы *оправданиемъ* подвиговъ Яго.
 Самъ же онъ, подобно налримѣръ Трибуле, былъ бы *homme*
du peuple, и творилъ бы, подобно Трибуле, велическія мерзости,
 на томъ основаніи что онъ, какъ *homme du peuple*, един-
 ственное честное, велико-уродливое и уродливо-великое ли-
 цо драмы. И его, какъ *homme du peuple*, развратные и изнѣ-
 женные синьоры не производили бы изъ зависти въ слѣдую-
 щій чинъ, и Дездемона не любила бы его единственно пото-
 му что онъ *homme du peuple*. И этотъ Яго захотѣлъ бы
 убить Отелло, какъ синьора (и потому человѣка развратна-
 го), похитившаго предметъ его любви. Но подкупленный
 убійца вывезъ бы ему въ мѣшокъ вмѣсто Отелло самое
 Дездемону. Дездемона же предъ смертью говорила бы, ра-
 ди естественности и простоты: „ахъ, мнѣ ужасно хо-
 чется спать! и умереть когда такъ сладко дремалось!“
 И надъ этимъ плакали бы дамы *. Получивъ мѣшокъ,
 Яго ступилъ бы на него одною ногой, и воскликнулъ:
 „Теперь, міръ, погляди-ка на меня! Это-вотъ прапорщикъ,
 а это генералъ. Да какой еще генералъ! И вотъ онъ
 подъ моими ногами, тутъ-вотъ, и это онъ именно! Вода бу-
 детъ ему гробомъ, и мѣшокъ саваномъ. Кто жъ это натво-
 рилъ? Ну да, я, я одинъ! (*скрестивъ руки и забывъ что на-
 нилъ убійцу.*) Чтѣ скажетъ потомство? Какое долгое изум-
 леніе будетъ въ Венеціи и другихъ городахъ по поводу та-
 кого событія“ **. Чтѣ за дѣло что такіе уроды не вѣроятны,

* *Le roi s'amuse.* Acte IV, scène V. *Blanche* (*grélotant sous la pluie*) je suis glacée. (*Se dirigeant vers la porte*) Allons! (*s'arrêtant*) Mourir ayant si froid!

** *Le roi s'amuse.* Acte V, scène III. *Triboulet* (*se redressant et mettant le pied sur le sac*):

Maintenant, monde, regarde moi.

Ceci c'est un bouffon, et ceci c'est un roi.

Et quel roi! le premier de tous! le roi suprême!

Le voilà sous mes pieds, je le tiens, c'est lui-même.

Le Seine pour sépulcre, et ce sac pour linceul.

Qui donc a fait cela?

(*Croissant les bras.*)

не мыслимы: мушкеры обязаны эту напыщенную декламацию принимать за великія идеи, а масса восхищаться зрѣлищемъ трупа въ мѣшкѣ.

Еслибы, противъ чаянія, Отелло былъ избранъ въ герои, то былъ бы онъ не Мавромъ царской крови, а негромъ служившимъ въ лакеяхъ, и не дослужился бы даже до генеральства, а какимъ-нибудь обманомъ попалъ бы въ генералы, подобно Рюи-Блазу. И такъ какъ ему предстояло бы отмстить за честь, а въ изображеніи чести потщились Испанцы, то дѣйствіе перенеслось бы въ Испанію и вышло бы что-нибудь преиспанистое (*très-espagnot*). Убивалъ бы напримѣръ Дездемону не самъ Отелло, а Кассіо, къ которому онъ ревнуетъ ее и который раньше честью обязался бы, какъ только Отелло затрубитъ въ рогъ, идти въ извѣстное мѣсто и убить человека покрытаго простыней, не глядя ему въ лицо, и т. д.

Несомнѣнно что отъ такого великаго до смѣшнаго только шагъ; кажется и шага-то не будетъ.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

Eh bien oui, c'est moi seul.

Non, je ne reviens pas d'avoir eu la victoire.

Et les peuples demain refuseront d'y croire.

Que dira l'avenir? quel long étonnement

Parmi les nations d'un tel événement!

И еще долго, все въ томъ же родѣ.

РОССІЯ И ЕВРОПА НА ВОСТОКѢ

ПРЕДЪ АДРІАНОПОЛЬСКИМЪ МИРОМЪ

Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie (1813—1828). 3 vol. (Не изданныя депеши кавалера Гентца къ господарамъ Валахій. Три тома).

Книга заглавіе коей выставляено выше появилась теперь какъ нельзя болѣе кстати. Не думаемъ чтобы нужно было рекомендовать автора ея читателямъ: имъ, конечно, извѣстно что Гентцъ былъ правою рукою князя Меттерниха, повѣреннымъ воѣхъ его тайнъ, однимъ изъ тѣхъ людей которые держали въ своихъ рукахъ нити европейской политики въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія (онъ умеръ въ 1832 году). Гентцъ писалъ много и кажется значительная часть того что вышло изъ-подъ его пера въ настоящее время обнародована. Едва ли однако находящійся предъ нами сборникъ политическихъ писемъ не принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ произведеній этого въ высшей степени интереснаго человека. Возникъ онъ, какъ узнаемъ изъ краткаго предисловія, по слѣдующему обстоятельству: въ 1812 году Валахскій господарь Янко Караджа, въ виду тревожныхъ событій наступавшихъ въ Европѣ, обратился къ князю Меттерниху за совѣтомъ какого образа

дѣйствій сѣдуетъ ему держаться и просилъ чтобы Вѣнскій дворъ, для своей же пользы, сообщалъ ему свѣдѣнія о ходѣ европейской политики: знаменитый канцлеръ возложилъ исполненіе этой задачи на Гентца, который такимъ образомъ усердно велъ корреспонденцію не только съ Караджей, но и съ пріемниками его—Александромъ Сутцо и Григоріемъ Гикой, до той минуты когда войска наши вступили въ Княжества въ 1828 году. Князь Меттернихъ перечитывалъ эти письма, и однажды выразился по ихъ поводу что со временемъ „они будутъ служить памятникомъ въ честь ихъ автора“.

Мы увидимъ сейчасъ въ какой мѣрѣ способны они прославить его имя, но во всякомъ случаѣ нельзя не быть крайне благодарнымъ за то что г. Прокешъ-Остенъ, сынъ извѣстнаго дипломата, рѣшился познакомить съ ними публику. Не говоря уже о блестящемъ талантѣ которымъ отличаются дѣлаши Гентца, о множествѣ любопытныхъ свѣдѣній содержащихся въ нихъ, онѣ важны главнымъ образомъ потому что проливаютъ яркій свѣтъ на современныя намъ событія. Мы полагаемъ что по прочтеніи ихъ всякій долженъ убѣдиться что исторія — по крайней мѣрѣ исторія Восточнаго вопроса въ нынѣшнемъ столѣтіи—не представляетъ ничего новаго, что она есть не болѣе какъ повтореніе одного и того же: до такой степени политика Европы по отношенію къ роли нашего отечества на Востокѣ пресѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли и отличается одними и тѣми же приемами. Иногда кажется что написанное Гентцемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было сказано не далѣе какъ вчера! Но это лишь одна сторона дѣла: въ полномъ смыслѣ слова „конфиденціальныя“ письма, о которыхъ говоримъ мы, драгоценны еще и потому что въ нихъ не только подробно изложены дѣйствія дипломатіи, но содержатся самыя откровенныя толкованія этихъ дѣйствій, т.-е. воѣхъ ухищреній и изворотовъ къ которымъ прибѣгала дипломатія чтобы запутать вопросъ и отклонить единственно правильное и разумное его разрѣшеніе. Не любопытно ли было бы напримѣръ теперь имѣть въ рукахъ чистосердечныя признанія сэръ-Генри Эллиота о томъ что продолжалось за кулисами на послѣднихъ Константинопольскихъ конференціяхъ, а Гентцъ именно удовлетворяетъ наше любопытство этой стороны относительно безконечныхъ переговоровъ

по греческимъ дѣламъ отъ 1821 до 1828 годовъ. Все что въ официальной перепискѣ прикрывается обычными извиненіями и тонкостями дипломатической рѣчи, выходитъ у него на чистоту; по временамъ онъ необыкновенно откровененъ; видно что корреспонденты его—Валахскіе господа—внушали ему и Австрійскому правительству полное довѣріе и что секретничать съ ними было нечего. Это тоже весьма знаменательный фактъ: правители двухъ небольшихъ областей, которыя извѣдали на самихъ себѣ всю тягость турецкаго ига, лишь недавно избавились отъ него, становятся повѣренными и орудіями плановъ направленныхъ къ тому чтобъ это иго какъ-нибудь не поколебалось тамъ гдѣ оно еще сохранилось въ самыхъ ненавидимыхъ своихъ проявленіяхъ....

Начиная съ 1812 года, Гентцъ извѣщалъ своихъ корреспондентовъ о всемъ что происходило въ политическомъ мірѣ, но главное содержаніе его писемъ относится къ восточнымъ дѣламъ. Это и понятно. Всѣхъ этихъ Караджей, Сутицъ и Гукъ несравненно болѣе занимали отношенія Европы къ Турціи чѣмъ испанская революція или смуты въ Неаполѣ и Пиемонтѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вспыхнуло возстаніе Грековъ, Гентцъ говоритъ исключительно только о Восточномъ вопросѣ: ему посвящены значительная часть второго и весь третій томъ обнародованныхъ книгъ делешъ.

Въ авторѣ упомянутыхъ документовъ особенно рельефно выдаются двѣ черты: во-первыхъ, безусловное, восторженное поклоненіе предъ княземъ Меттернихомъ, котораго очень часто называетъ онъ даже не по имени, а просто „великимъ человекомъ“ (le grand homme). „Авторитетъ его имѣетъ такое для меня значеніе, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, что не подчиняя ему слѣпо свой разумъ, я не дерзаю, однако, считать неосновательнымъ ни одного изъ высказываемыхъ имъ мнѣній.“ Затѣмъ, такая заботливость объ интересахъ Порты, столь страстная готовность и желаніе оградить ее отъ всякихъ бѣдъ, что подобныя чувства сдѣлали бы честь самому ревностному Турку. Гентцъ безпрерывно похвывается что даже въ Англіи, которая считаетъ однимъ изъ догматовъ своей политики огражденіе цѣлости и неприкосновенности Имперіи султановъ, не найдется никого кто смѣлъ бы право соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи. То не были, конечно, какія-либо личныя

самлать;—Генцъ усвоилъ лишь со страстью собственною его натурѣ убѣжденія своего правительства. „Австрія, говоритъ онъ, видить въ Турецкомъ государствѣ не полезнаго только и вѣрнаго союзника, но державу съ процвѣтаніемъ коей тѣсно и неразрывно связано ея собственное благоденствіе. Пусть знаетъ Порта что Вѣнскій дворъ готовъ сдѣлать все всевозможное для ея интересовъ: есѣльбъ усилія его не увѣнчались успѣхомъ въ такой степени какъ бы онъ желалъ, то причину этого нужно будетъ искать не въ недостаткѣ доброй воли съ его стороны, а единственно въ обстоятельствахъ о которыхъ разобьются благія его намѣренія.“ Въ такомъ именно настроеніи засталъ Австрію новый порядокъ вещей, наступившій въ Европѣ послѣ низверженія Наполеона. На Вѣнскомъ конгрессѣ Вѣнскій дворъ оградилъ какъ нельзя лучше свое положеніе въ Германіи, упрочивъ свое господство надъ Италіей, не забывъ и о Востокѣ. Онъ постановилъ себѣ задачей воспользоваться конгрессомъ чтобы склонить европейскія правительства гарантировать Портѣ ея владѣнія. „Князь Меттернихъ высказалъ мнѣ эту мысль, говоритъ Генцъ; я тотчасъ же схватился за нее и сталъ ему доказывать до какой степени было бы полезно и прилично для насъ не уступать ни Англичанамъ, ни Французамъ чести и достоинства явиться лоборниками интересовъ Порты. Князь вполне согласился съ этимъ: и по его мнѣнію инициатива упомянутого дѣла должна была по всей справедливости принадлежать Австріи.“ Мы находимъ у Генца интересныя подробности о переговорахъ по означенному вопросу, интересныя уже потому что вообще о нихъ извѣстно очень мало, такъ какъ они не привели, конечно не по винѣ Вѣнскаго двора, къ практическому результату. Сначала Меттернихъ хотѣлъ чтобы сама Порта обратилась къ конгрессу съ просьбой гарантировать ей на будущее время цѣлость ея владѣній; Порта усомнилась однако сдѣлать этотъ шагъ дабы не показать что „она лигаетъ какія-либо опасенія относительно своего существованія“. Тогда рѣшено было дѣйствовать помимо ея. „Не подлежитъ кажется сомнѣнію, писалъ Генцъ Валахскому господарю, что самый опасный врагъ Порты или вѣрнѣе единственный врагъ, котораго сѣдуетъ ей страшиться, добьется на конгрессѣ значительныхъ для себя выгодъ. Вотъ почему теперь же необходимо протавъ него мѣры предосторожности. Я очень хорошо знаю

что гарантія на бумаге—плохое средство для защиты, но все-таки было бы ошибочно вовсе пренебрегать ими, ибо онъ дадутъ по крайней мѣрѣ друзьямъ Порты легальный поводъ исполнить свои обязанности въ отношеніи къ ней.“ Условіе зацѣплъ главнымъ образомъ отъ согласія императора Александра, и лорду Кастльри было поручено вывѣдать какъ отнесется онъ къ задуманному плану. Попытка оказалась не вполнѣ удачною: императоръ отвѣчалъ, что онъ „не имѣетъ возраженій противъ гарантій, но предварительно считаетъ необходимыми уладить несогласія существующія между Россіей и Портой относительно нѣкоторыхъ пунктовъ на побережьи Чернаго Моря“. Князь Меттернихъ не терялъ однако надежды поставить права Порты „подъ охрану Европы“ (*sous la sauvegarde de l'Europe*), но совершенно неожиданное событіе—возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и возгорѣвшая затѣмъ война—помогло концу этимъ проекамъ. Императоръ Александръ не думалъ впрочемъ ограничиться уклончивымъ отвѣтомъ, о которомъ упоминали мы сейчасъ,—проеки Австріи вызвали съ его стороны отвѣтъ. Какъ нельзя болѣе положительный и ясный: Русское правительство обратило вниманіе членовъ конгресса на страшныя зѣвства, которыя совершаемы были турецкими властями въ Сербіи, и указывало на крайнюю необходимость положить имъ конецъ разъ навсегда. Если Австрія и Англія хлопотали объ огражденіи Порты отъ всякихъ напастей, то, по мнѣнію Россіи, „обязанностью всѣхъ христіанскихъ и цивилизованныхъ державъ безъ исключенія было заступиться за христіанскихъ подданныхъ Турціи“*. Въ письмѣ Гентца не содержится къ сожалѣнію никакого указанія на это завлеченіе нашего двора.

Мысль о Священномъ Союзѣ возбуждала не мало тревогъ въ Австрійскомъ правительствѣ. Самъ по себѣ этотъ союзъ не имѣлъ ни малѣйшей цѣли въ его глазахъ; да и всѣ европейскіе кабинеты отнеслись къ нему вначалѣ болѣе чѣмъ равнодушно. Ко многимъ другимъ уже вѣдѣвшимся отзывамъ по этому предмету не излишнимъ будетъ присоединить здѣсь отзывъ Гентца: „этотъ такъ-называемый Священный Союзъ въ полномъ смыслѣ слова политическое ничтожество (*une nullité politique*), онъ имѣетъ всякой опредѣленной цѣли; это

* Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, III, 177—179.

не болѣе какъ театральная декорація, порожденная фальшиво направленнымъ чувствомъ набожности...“ Но Вѣнскій дворъ опасался, не скрывается ли тутъ какая-нибудь задняя мысль, не разчитывается ли Россія направить усилія христіанской Европы противъ Турціи. Онъ озаботился немедленно разъяснить этотъ вопросъ и чрезъ нѣсколько недѣль Генцъ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщалъ Валахскаго господара что Порта можетъ успокоиться: „Русскіе министры уполномочены заявить что императоръ Александръ желаетъ лишь сохраненія мира, что такова исключительная цѣль союза, который отнюдь не направленъ противъ Порты.“

Но отъ этихъ частныхъ фактовъ переходимъ къ одному изъ знаменательнѣйшихъ событій первой половины текущаго столѣтія, къ событію, въ которомъ какъ нельзя болѣе ясно опредѣлились цѣли и направленія державъ по Восточному вопросу, а именно къ возстанію Грековъ противъ турецкаго ига.

Въ настоящее время въ у кого не замерли человѣческія чувства прониклись содроганіемъ и ужасомъ при извѣстіи о поголовной рѣзнѣ устроенной Турками въ Болгаріи. Трудно рѣшить однако—теперь или тогда, т.е. въ началѣ двадцатыхъ годовъ, обнаружилась съ большею свирѣпостью разнузданныя страсти азіатской орды. На нашихъ глазахъ Турецкое правительство по крайней мѣрѣ торговалось относительныя цифры загубленныхъ жертвъ, а тогда беззащитчиво объясняло оно въ официальномъ документѣ подвиги своиа мусульманскихъ подданныхъ „овладѣвшими ими чувствомъ рвенія и восторга“. Въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ кровъ безостановочно лился повсюду; Константинопольскій патріархъ подвергся жестокой казни; нѣсколько митрополитовъ и епископовъ испытали ту же участь; поголовное истребленіе христіанъ распространилось по всѣмъ провинціямъ, не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ Малой Азіи; на островахъ Критъ, Кіпръ, Родосъ Греки были вырѣзываемы безо всякаго милосердія въ глазахъ мѣстныхъ властей; равнодушію присутствовавшихъ при подобномъ зрѣлищѣ; при усмиреніи острова Хиоса изъ 85.000 тамошнихъ жителей только 1.800 осталось въ живыхъ; не были пощажены и болѣею лежавшіе въ госпиталяхъ; женщины съ дѣтьми искали убѣжища въ монастыряхъ, но монастыри были зажжены и пламя задушало нѣсколько тысячъ чело-

вѣкъ. Среди всего этого невыносимыя оскорбленія были наносимы представителю Россіи при дворѣ султана, такъ что Русское правительство, при несомнѣнномъ миролюбіи своемъ, вынуждено было прервать дипломатическія сношенія съ Портой.

Казалось бы что въ виду такихъ зѣвскихъ неистовствъ христіанскія правительства Европы должны были принять дѣйствительныя мѣры для огражденія чести христіанскаго имени, для огражденія участи милліоновъ людей, исповѣдующихъ Христа. Что же было сдѣлано ими съ этою цѣлью? Ровно ничего. Чѣмъ же условливалось это позорное равнодушіе? Страхомъ, говорятъ намъ, чтобы Россія не воспользовалась велокodusными стремленіями Европы, еслибы стремленія эти дѣйствительно проявились, для своихъ замысловъ на Востоке. Но существовало ли какое-нибудь основаніе предполагать чтобы Россія способна была усвоить себѣ подобную роль? Послушаемъ на этотъ счетъ Гейтца. Вотъ сдѣланная имъ характеристика императора Александра: „Прежде всего нужно знать, желаетъ ли императоръ произвести какія бы то ни было перемѣны въ теперешней политической системѣ Европы или даже новое насильственное ея? Часто приходится слышать что не легко проникнуть въ его намѣренія, а между тѣмъ великій беретъ судить о нихъ. Я не впаду въ эту ошибку и буду говорить не по догадкамъ только, а на основаніи того что мнѣ положительно извѣстно. На ряду съ честолюбіемъ и открытостью есть у него и поразительныя достоинства; рыцарская честность никогда не допуститъ его до чего-либо такого что походило бы на измѣну; онъ очень дорожитъ добрымъ о немъ мнѣніемъ,—быть-можетъ даже гораздо больше чѣмъ славой въ обычномъ значеніи этого слова. Слава умиротворителя Европы несравненно привлекательнѣе для него чѣмъ слава завоевателя. Религиозное чувство, въ которомъ нѣтъ ничего притворнаго, до такой степени овладѣло его душой что онъ подчиняетъ ему все остальное. Онъ считаетъ себя основателемъ и создателемъ общеевропейскаго союза и желалъ бы быть его главой; вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ не приходитъ отъ Русскаго правительства ни одного officialнаго документа въ которомъ доброе соглашеніе между державами не величалось бы какъ лучшее достояніе нашего вѣка. Возможно ли, обыточно ли, чтобы послѣ всѣхъ подобныхъ заявле-

ній, которыми наполнены архивы европейскихъ кабинетовъ, императоръ Александръ увлекся завоевательными планами? Решительно не могу допустить такого крутого переворота. Я знаю, многие полагають будто всѣ заявленія, о которыхъ я упомянулъ, не болѣе какъ комедія съ его стороны, но гдѣ же доказательства этого?" Итакъ европейская дипломатія, однимъ изъ видныхъ представителей коей служилъ Гентцъ, нисколько не сомнѣвалась въ намѣреніяхъ императора Александра: отчего же не хотѣла она оказать ему поддержку въ вопросѣ, въ которомъ по собственному ея сознанию онъ не руководился никакими корыстными разсчетами? Не хотѣла она этого потому что порабощеніе христіанъ какъ нельзя болѣе входило въ ея виды, что толки о завоевательныхъ замыслахъ Россіи были съ ея стороны не болѣе какъ уловкой, а въ сущности заботилась она лишь о томъ чтобы никакія перемѣны не коснулись столь выгоднаго для нея положенія дѣлъ въ Турціи.

Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакой возможности послѣ всего того, что читаемъ мы на каждой страницѣ обширной корреспонденціи Гентца. Удивительное дѣло! Хотя бы какое-нибудь слово состраданія вырвалось у него къ судьбѣ несчастныхъ, которые погибали тысячами и для которыхъ ихъ мучители придумывали самыя ужасныя истязанія! Для насъ эта холодная жестокость кажется поистинѣ непереносимою, но именно ее и ставилъ Гентцъ въ заслугу какъ самому себѣ, такъ и вообще европейской дипломатіи. „Къ числу самыхъ отрадныхъ явленій, характеризующихъ нашу эпоху, говоритъ онъ, принадлежитъ конечно то что на Веронскомъ конгрессѣ не возвысилось ни одного голоса въ пользу Грековъ....“ Взгляните какія сужденія высказываетъ онъ съ циническою откровенностію о событіяхъ происходившихъ на Востока: въ 1821 и 1822 годахъ безпрерывно приходили извѣстія о поголовномъ истребленіи христіанъ то въ одной, греческой области, то въ другой; несмотря на всю сдержанность тогдашнихъ газетъ, появлялись однако на столбцахъ ихъ описанія сценъ, при чтеніи которыхъ ледѣла кровь. Но Гентцъ остается невозмутимъ. „Порта, говоритъ онъ, ни въ какое время, ни прежде ни теперь, не отказывала въ уваженіи христіанской религіи; она протирала, напротивъ свои заботы о ней и свое къ ней вниманіе до крайнихъ предѣловъ деликатности и великодушія

Упрекать ее решительно не въ чѣмъ; друзья Порты могли бы напротивъ сожалѣть что мѣры строгости она замѣняла слишкомъ часто мѣрами милосердія и умѣренности. Она сдѣлала решительно все что требовало отъ нея человѣколюбіе и зашла на этомъ пути даже гораздо далѣе чѣмъ позволительно было бы ожидать отъ нея....“ Эти строки написаны были почти въ то самое время когда трупы православныхъ іерарховъ висѣли на висѣлицахъ, когда не въ греческихъ только провинціяхъ но и въ другихъ, христіанскіе храмы были разрушены и преданы поруганію. Кровавая дѣйствительность слишкомъ краснорѣчиво говорила однако сама за себя. Гентцъ сознавалъ что нельзя же безусловно отрицать то что для всѣхъ было ясно какъ дважды два четыре, но у него было готово любвеобильное, какъ ему казалось, оправданіе для Порты. „Увѣряютъ что совершены были различныя неистовства. Турецкое правительство имѣло однако полное право дѣйствовать противъ мятежниковъ всѣми средствами которыя оправдывались настоятельною необходимостью. Звѣрства и убійства, быть-можетъ еще болѣе возмутительныя, происходили во время религиозныхъ и междоусобныхъ войнъ въ другихъ странахъ—во Франціи, Англіи, Исландіи, Ирландіи, а между тѣмъ чужеземнымъ державамъ не приходило въ голову вмѣшиваться чтобы положить имъ конецъ. Допустимъ даже что султанъ въ своемъ чувствѣ мести и справедливой строгости перешелъ нѣсколько границы, но за это онъ долженъ дать отчетъ Богу, а не русскимъ, парижскимъ и лондонскимъ дипломатамъ.“ Такъ рассуждалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ вліятельныхъ представителей европейской дипломатіи, и увы! съ тѣхъ поръ измѣнилось въ этомъ отношеніи очень мало, доказательствомъ служить то глубокое сочувствіе съ которыми встрѣчена заграничною печатью обнародованная нынѣ корреспонденція Гентца. *Journal des Débats* отнесся къ ней какъ къ кодексу политической мудрости и еще на дняхъ угрожалъ насъ обильными изъ нея цитатами пересытая ихъ восторженными похвалами. Гентцъ имѣлъ право утверждать что онъ говоритъ не за себя только, но и за другихъ тогдашнихъ дипломатовъ западной Европы; съ удовольствіемъ указываетъ онъ, напримеръ, на то что между нимъ и англійскимъ посланникомъ въ Константинополь, лордомъ Странгфордъ, господствовало полное единство

видовъ; Австрія и Англія стремились къ одной и той же цѣли и, по крайней мѣрѣ въ началѣ, старались достигнуть ее одинаковыми средствами.

Если таково было настроеніе Европы, то казалось бы она не могла разчитывать на соглашеніе съ Россіей. Между тѣмъ мы видимъ что усилія европейской дипломатіи направлялись къ тому чтобы дѣйствовать въ Восточномъ вопросѣ непременно заодно съ нашимъ правительствомъ, что она не переставала предлагать ему свои добрыя услуги: иногда въ теченіе безконечныхъ переговоровъ Россія отчаявалась въ ихъ успѣхѣ и обнаруживала намѣреніе вовсе отстраниться отъ нихъ, но именно въ эти минуты европейская дипломатія усугубляла свое рвеніе чтобы внушить ей увѣренность въ благоприятномъ окончаніи дѣла, никакъ не хотѣла оставить ее въ сторонѣ. Гдѣ же разгадка такой съ перваго взгляда странной непоследовательности?

Намъ нечего стараться разъяснять ее потому что самъ Гентцъ принялъ на себя трудъ указать въ чемъ заключалось дѣло. У западной Европы была только одна цѣль, одно желаніе, оградить интересы Порты. „Но Портѣ нужно знать, говоритъ онъ, что ей нужно страшиться не того когда державы дѣйствуютъ совокупно, а когда онѣ дѣйствуютъ въ одиночку; ибо не найдется между державами даже двухъ, изъ союза коихъ могло бы выйти что-нибудь что послужило бы ей во вредъ. Вотъ принципъ который слѣдовало бы начертать золотыми буквами на дверяхъ Дивана! Единственное спасеніе Турецкаго правительства заключается въ концертѣ державъ; въ этомъ концертѣ занимаетъ мѣсто и старинный врагъ Турціи, но это не значитъ рѣшительно ничего до тѣхъ поръ пока Россія не прибѣгаетъ къ одиночному образу дѣйствій.“ Великая и неоспоримая истина! Въ наше время было бы большимъ легкомысліемъ сомнѣваться въ ней, но пятьдесятъ лѣтъ назадъ Турки долго не въ состояніи были уразумѣть ее. Они никакъ не могли объяснить себѣ что Австрія и Англія заявлявшія о самыхъ нѣжныхъ къ ней чувствахъ, руководившія ее своими совѣтами, восхищавшіяся ея подвигами противъ Грековъ, официально поддерживали однако различныя требованія Россіи, и по временамъ обращались къ Портѣ со строгою рѣчью. Порта считала все это недостойною комедіей, боялась обмана,

и Гевтц вынужденъ былъ прочесть ей лекцію о томъ что въ сущности означало это дѣйствительно необыкновенное зрѣлище. „Рейс-эфенди, писалъ онъ въ 1825 году, четыре года послѣ того какъ вспыхнуло греческое возстаніе, ежедневно заявляетъ интервюцію о благодарности Вѣнскому двору за искреннюю его дружбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ султанъ, по словамъ его, не постигаетъ зачѣмъ же Австрія присоединяется къ дипломатическимъ дѣйствіямъ которыхъ она очевидно не можетъ одобрить, но которыя заставляютъ многихъ предполагать о ней будто она потворствуетъ замысламъ вѣчныхъ недоброжелателей Порты. Не могу не пожалѣть что министры султана ломаютъ себѣ голову надъ этимъ живымъ противорѣчіемъ, что они еще не взяли въ толкъ въ чемъ состоитъ система, цѣль и средства нашего двора. Излишне было бы доказывать что Австрія никогда не посоветуетъ Портѣ подчиниться дѣйствительному вѣнательству державъ въ распрю съ ея подданными; подобное событіе было бы слишкомъ несогласно съ нашими принципами, но въ такомъ случаѣ, говорятъ намъ, зачѣмъ же мы поддерживали Россію въ ея политикѣ, представляющей ся съ нашей точки зрѣнія несправедливою, ложною и сверхъ того бесполезною? Отвѣтъ какъ нельзя болѣе ясенъ. Мы дѣлали это потому что еще съ іюня 1821 года убѣдились что существуетъ только одно средство удержать императора Александра въ развитіи губительной системы, на которую Калодистрія и другіе безлокойные люди указывали ему какъ на единственно согласную съ его славою и интересами: средство это состоитъ въ томъ чтобы не предоставлять императора вліянію его опасныхъ совѣтниковъ, не противорѣчить открыто ложнымъ воззрѣніямъ, зародившимся въ его умѣ, внушать ему мысль что союзники Россіи готовы отстаивать ея права, и съ цѣлью возстановить дружескія отношенія между нею и Портѣй. Слѣдствіемъ этого глубоко разчитаннымъ путемъ мы успѣли обезоружить первую вспышку гнѣва, которая была вызвана событіями причинившими отъѣздъ Стратонова; успѣли мало-по-малу ослабить и, наконецъ, вовсе уничтожить вліяніе Калодистріи, а затѣмъ увлекли Россію на путь, отъ котораго она сто разъ уклонилась бы еслибы была предоставлена самой себѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе всего этого времени мы ограждали Порту нашими дѣйствіями отъ затрудненій и опасностей.

стей, которыя причинилъ бы ей окончательный разрывъ съ Россіей въ ту минуту когда и безъ того уже смута господствовала въ ея провинціяхъ.... Императоръ Александръ дѣлаетъ планы объ умиротвореніи Греціи вовсе не изъ желанія разрушить Оттоманскую имперію, а подъ вліяніемъ убѣжденія что совершенно несомнѣнно съ его достоинствомъ столь продолжительное бездѣйствіе въ вопросѣ который многіе его подданные, а вмѣстѣ съ ними фанатики и мятежники во всѣхъ концахъ Европы считаютъ тѣсно связаннымъ съ русскими интересами. Но онъ ошибся на счетъ средствъ для достиженія своей цѣли; напрасно возлагаетъ онъ надежды на совокупное вмѣшательство державъ. Не раздѣляя однако въ этомъ случаѣ его воззрѣній, благоразумно ли было бы съ нашей стороны отстраниться отъ Россіи среди столь критическихъ обстоятельствъ? Слѣдовало ли намъ объявить ей что мы не присоединяемся ни къ одной изъ предлагаемыхъ ею мѣръ, рискуя этимъ самымъ натолкнуть ее на посадыя крайности, или же лучше было обсуждать вмѣстѣ съ ней ея притязанія, разсматривать и видоизмѣнять ея планы и, *какъ бы содѣйствуя осуществленію этихъ плановъ, на практикѣ исключать изъ нихъ однако все что было бы непріятно и опасно для Порты.* Пусть любой изъ просвѣщенныхъ министровъ султана рѣшитъ какой изъ этихъ двухъ путей надежнѣе; полагаю что отвѣтъ его не можетъ быть сомнителенъ. "Вотъ вполнѣ ясная программа которую начертала себѣ европейская дипломатія, въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ сряду неуклонно державшаяся политики столь откровенно изложенной въ приведенномъ нами писемѣ Гентца. Разчеты во многомъ основывались на характерѣ и образѣ мыслей императора Александра. „Императоръ, читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Гентца, издавна уже поглощенъ одною преобладающею мыслью, а именно мыслью о томъ чтобы поданить революціонный духъ и утвердить политическій и общественный строй Европы на законныхъ и прочныхъ основаніяхъ. Честолюбіе его направлено исключительно въ эту сторону; ко всему остальному онъ равнодушенъ (!); распря его съ Портой — несчастный эпизодъ которому его умъ и сердце оставались чужды; не питая никакихъ завоевательныхъ замысловъ онъ страшится мысли быть вовлеченнымъ въ войну за дѣло къ которому чувствуетъ отвращеніе (?).“ Европейская дипломатія страшилась пре-

имущественно вліянія такихъ совѣтниковъ императора Александра, которые были проникнуты яснымъ сознаніемъ національныхъ интересовъ Россіи; нужно видѣть наприимѣръ съ какою заботливостью Гентцъ собиралъ свѣдѣнія о тогдашнихъ нашихъ дѣятеляхъ и съ какою ненавистью относился онъ къ тѣмъ изъ нихъ которые отмѣчены были самымъ страшнымъ и непростительнымъ въ его глазахъ порокомъ, а именно были вполнѣ русскими людьми. „Онъ выражаетъ совершенно русскія мнѣнія, замѣчаетъ Гентцъ объ одномъ изъ нихъ, онъ держитъ себя какъ Русскій (*il pris l'attitude d'un Russe*): чего же вы хотите болѣе? Этимъ все сказано...“ „Г. Минчиакки, читаемъ мы въ другомъ его письмѣ, росто-чаетъ увѣренія будто онъ усердно дѣйствуетъ въ Констан-тинополѣ въ смыслѣ сохраненія мира; несмотря на крайне незавидное мое мнѣніе о всемъ что называется *русскими* (*tout ce qui s'appelle Russe*) я не сомнѣваюсь въ его искренности.“

Западнымъ державамъ удалось съ самаго начала достигнуть важнаго результата: отдѣлать собственно Греческій вопросъ отъ вопроса о тѣхъ частныхъ притязаніяхъ которыя Россія имѣла противъ Порты. Къ разрѣшенію перваго изъ нихъ положено было стремиться коллективными усиліями, то-есть другими словами затягивать и отклонять какое бы то ни было рѣшеніе относительно его до тѣхъ поръ пока Турки не затопятъ кровью Греческія провинціи и не принудятъ ихъ къ покорности; что касается втораго вопроса, то дипломатія предлагала свое посредничество между Портой и Россіей съ цѣлью возстановить прерванныя между ними дипломатическія сношенія. Еслибы дѣйствія ея увѣнчались успѣхомъ, то она оказала бы услугу не столько конечно намъ сколько Турціи: попятно какое впечатлѣніе произведено было бы на Грековъ возвращеніемъ нашего посла въ Константинополь! Любопытно по-смотреть, руководясь подробными сообщеніями Гентца, какимъ образомъ трудилась европейская дипломатія надъ своею двойкою задачей.

Прежде всего нѣсколько словъ о томъ что европейскіе кабинеты называли частною распрей между Россіей и Портой. Нельзя не изумиться конечно тому обстоятельству что органомъ Европы въ Константинополѣ для этихъ переговоровъ былъ избранъ англійскій посолъ, лордъ Странг-

фордъ, и тотъ самый лордъ Странгфордъ, который въ разгаръ кровопролитнаго гоненія воздвигнутаго въ 1821 году противъ христіанъ выказывалъ горячее сочувствіе къ Туркамъ и принималъ отъ нихъ подарки изъ имущества загубленныхъ жертвъ, словомъ достойный предшественникъ сэръ-Генри Эллиота. Гентцъ былъ въ восторгѣ отъ него. „Чрезвычайно счастливо въ интересахъ мира, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ, чрезвычайно счастливо для князя Меттерниха что онъ нашелъ такое умное, такое искусное во всѣхъ отношеніяхъ орудіе какъ лордъ Странгфордъ; всѣмъ извѣстно что этотъ дипломатъ дѣйствуетъ не иначе какъ по указаніямъ нашего кабинета; впрочемъ онъ до такой степени искрененъ что и самъ постоянно приписывалъ значительную часть своихъ успѣховъ инструкціямъ великаго человека (Меттерниха).“ Этотъ достойный представитель европейской дипломатіи былъ призванъ настаивать предъ Портой на правахъ Россіи и склонять султана къ уступкамъ, но послѣ всего сказаннаго нами не трудно угадать съ какими чувствами и намѣреніями приступалъ онъ къ исполненію подобнаго порученія. „Безпрерывно повторяетъ онъ намъ, говоритъ Гентцъ, что притязанія Россіи до такой степени несправедливы и неумѣстны что нѣтъ никакой возможности защищать ихъ не впадая въ безсмысліе и нелѣпость (dans l'absurdité et dans la niaiserie).“ Вотъ какой явился у насъ покровитель! Европейскіе дворы имѣли достаточно причинъ радоваться что выборъ палъ именно на этого дипломата: „на Вѣнскомъ конгрессѣ, замѣчаетъ Гентцъ, всѣ Русскіе были противъ него“. Какъ и слѣдовало ожидать, проходили годы, а никакого положительнаго результата не оказывалось. Лорду Странгфорду и его друзьямъ хотѣлось конечно чтобы Порта какъ-нибудь обезоружила неудовольствіе противъ себя Русскаго правительства, но Порта видя раболодную услужливость предъ собою Европы, вовсе не считала этого нужнымъ. „Рейс-эфенди, говоритъ Гентцъ, не перестаетъ твердить одно и то же: Пор-та сказала все и не имѣетъ ничего прибавить къ своимъ прежнимъ заявленіямъ; она всегда соблюдала трактаты; она исполняетъ свой долгъ; пусть другіе исполняютъ его“ и т. д. Цѣлая кипа бумаги потрачена была на писаніе депешъ, мемуаровъ и нотъ, а дѣло все не подвигалось. Наконецъ, уже по истеченіи четырехъ лѣтъ этой безплодной болтовни

и когда возникло основательное опасеніе что даже долготерпѣніе Россіи можетъ допнуть, пронеслась вѣсть о счастливомъ окончаніи переговоровъ. О томъ въ какой мѣрѣ мы могли радоваться этому событію видно изъ писемъ Гентца. „Нота лорда Странгфорда, говоритъ онъ, явившаяся плодомъ столь продолжительныхъ стараній, составлена въ смыслѣ весьма благопріятномъ для Порты; она переполнена фразами въ родѣ той что Англія никогда не сдѣлается органомъ требованій оскорбительныхъ для правъ и интересовъ, для достоинства и независимости Оттоманской имперіи. Все это какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Правда, вырвадись у лорда Странгфорда кое-какія выраженія которыхъ не савдоvalo бы употреблять: напримѣръ говоря о Княжествахъ онъ называетъ ихъ „несчастливыми провинціями, безчеловѣчно опустошенными“, или въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ что „было бы легкомысленно утверждать будто Княжества желаютъ пребыванія въ своихъ предѣлахъ турецкихъ войскъ“. Тутъ очевидно перейдены границы приличія, но все это не имѣетъ важности само по себѣ.“ Еще болѣе радовало Гентца что лордъ Странгфордъ ухитрился помѣстить въ свою ноту заявленія крайне враждебныя для Греціи. „Если этотъ документъ попадетъ въ руки Грековъ, пишетъ онъ, они найдутъ въ немъ многое что не преминетъ породить между ними уныніе. Они будутъ поражены тою почтительностью, съ которою выражается лордъ Странгфордъ о правахъ Порты и явнымъ его сочувствіемъ къ ея интересамъ. Онъ утверждаетъ что „Россія предастъ глубокому забвенію всѣ прежнія несогласія свои съ Турціей“, говоритъ о *прочности* и *искренности* отношеній которыя не замедлятъ возникнуть между этими двумя державами, упоминаетъ о „тревогѣ, которую вѣсть объ ихъ примиреніи не замедлитъ возбудить въ средѣ всѣхъ „недоброжелателей Оттоманскаго правительства“: Греки не ошибутся конечно на счетъ истиннаго значенія принциповъ и чувствъ породившихъ подобныя заявленія.“ Что касается самой сущности дѣла, то и она представлялась Гентцу какъ нельзя болѣе удовлетворительною. Россія выставяла, какъ извѣстно, нѣсколько пунктовъ, по которымъ Порта обязана была дать ей удовлетвореніе; видное мѣсто между ними занималъ вопросъ о Дунайскихъ Княжествахъ, гдѣ долгое время спустя послѣ того какъ подавлено было возстаніе,

возбужденное Александромъ Илсиканти, Турецкое правительство продолжало держать свои войска, которыя совершали различныя зѣвѣрства надъ жителями. Россія требовала чтобы войска эти были удалены и чтобы вообще Княжества были поставлены въ прежнія нормальныя условія. Лордъ Странгфордъ похвалялся что по этому пункту успѣлъ онъ достигнуть всего чего только могло желать наше правительство. Такимъ образомъ зѣвѣтная цѣль европейской дипломатіи была повидимому достигнута—не представлялось препятствій для возобновленія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портой: Гентцъ торжествовалъ, онъ извѣщалъ своихъ Валахскихъ корреспондентовъ что на дняхъ же русскій посолъ отправится въ Константинополь, что посломъ этимъ назначенъ г. Рибольеръ,—ему удалось даже достать гдѣ-то черновой проектъ указа объ этомъ назначеніи. Но увы, не прошло нѣсколькихъ недѣль какъ краски совершенно измѣнились на картинѣ. Оказалось именно что Порта и не думала о дѣйствительныхъ уступкахъ, что она дѣлала ихъ только на словахъ, да и то въ формѣ не совсѣмъ лестной для Россіи. Въ отвѣтъ своемъ на ноту лорда Странгфорда она выразилась именно что „весьма рада если удаление турецкихъ войскъ изъ Княжествъ соответствуетъ желаніямъ Россіи, хотя въ сущности не понимаетъ какія побужденія заставляютъ Россію настаивать на подобной мѣрѣ.“ Впрочемъ турецкія войска и не выходили: такъ какъ Порта выговорила себѣ право держать въ Молдавіи и Валахіи милицію для огражденія безопасности тамошнихъ турецкихъ жителей, то подъ именемъ милиціи она и сохранила тамъ всю прежнюю численность своихъ войскъ. Гентцъ очень хорошо понималъ эту продѣлку, и нужно видѣть съ какимъ цинизмомъ, съ какимъ злорадствомъ разчитывалъ онъ на возможность обмануть Россію. „Ничего ровню не сдѣлано, пишетъ онъ господарю Гикѣ: Турки нисколько не уменьшатъ своихъ военныхъ силъ въ Княжествахъ... Самый интересный вопросъ теперь въ томъ, какъ поступать въ Петербургѣ при полученіи извѣстій изъ Константинополя? Я разчитываю главнымъ образомъ на лорда Странгфорда. Не забудемъ что официальныя донесенія идущія въ Петербургъ редижированы имъ, а онъ употребитъ конечно все свое искусство чтобы прикрыть дѣло, смягчить и извинить различныя неправильности въ образѣ дѣйствій Порты и

выставить свои успѣхи въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Полагаю что въ Петербургѣ поступать согласно съ поговоркой: *on fera bonne mine au mauvais jeu*. Тамъ покажутъ видъ будто остались довольны, закроютъ глаза на недостатки содержанія и формы и посольство преспокойно отправится въ Константинополь.“ Восторгъ Гентца отъ продѣлокъ лорда Странгфорда возрасталъ съ каждымъ днемъ. „Все идетъ кажется именно такъ какъ я ожидалъ, сообщаетъ онъ нѣсколько позднѣе: Странгфордъ, съ ловкостью свойственною лишь самому искусному софисту успѣлъ доказать что когда имѣешь дѣло съ Турками, то нечего обращать вниманія на формы, лишь бы цѣль была достигнута, а что въ настоящемъ случаѣ цѣль нужно считать достигнутою вполнѣ и потому Русскій дворъ не остановится вѣроятно предъ мелочами чтобъ исполнить единодушное желаніе Европы“... Позволимъ себѣ привести еще нѣсколько выписокъ о томъ же любопытномъ предметѣ. „Весьма быть можетъ, говоритъ Гентцъ, что въ Петербургѣ были нѣсколько удивлены донесеніемъ лорда Странгфорда: пріемъ дѣкарства такъ силенъ что не совсѣмъ легко проглотить его. Но это непріятное чувство уступить мѣсто другому, болѣе радостному, при мысли что дѣло наконецъ окончено... Повторяю снова: нельзя было устроить всю эту исторію съ большею отвагой и искусствомъ чѣмъ обнаружилъ лордъ Странгфордъ. Сущность его донесенія можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ словахъ: „господа, хотя предъ вами только призракъ того что было мною обѣщано, я считаю себя удовлетвореннымъ; и вы будете, вы должны быть удовлетворены вмѣстѣ со мною. Отпустите меня съ миромъ и позвольте мнѣ раскланяться предъ вами“.... Вотъ какъ окончилась драма, въ которой нѣсколько лѣтъ сряду лордъ Странгфордъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Искренно желаю чтобъ императоръ Александръ не обратилъ вниманія на все что есть двусмысленнаго и неблаговиднаго въ пресловутомъ донесеніи, и чтобъ онъ почтилъ автора его похвалами и наградами. Что дѣлать, этого требуютъ величайшіе интересы человѣчества (!)....“

Къ счастью Гентцъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Правда, императоръ Александръ не обнаружилъ явно своего неудовольствія; въ письмѣ къ Англійскому королю

онъ выразилъ благодарность за старанія лорда Странгфорда и даже Гентцъ, въ числѣ другихъ, получилъ награду, по поводу которой онъ писалъ: „Русскій государь пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Анны съ брилліантами и въ рескриптѣ, которымъ почтилъ онъ меня при этомъ случаѣ, сказано: *désirant vous donner un témoignage de notre satisfaction de la manière distinguée, dont vous avez coopéré au travail des conférences sur les affaires de l'Orient* и т. д. Я считаю это обстоятельство за одно изъ наиболѣе знаменательныхъ событій въ исторіи нашего времени. Кто въ дѣломъ свѣтѣ могъ бы предположить что именно отъ Россіи удостоюсь я похвалы за содѣйствіе къ разрѣшенію—чего же?—*Восточнаго вопроса!* Выкиньте только хорошенько въ этотъ фактъ...” Заблуждался Гентцъ въ томъ отношеніи что истолковывалъ все это въ смыслѣ окончательнаго намѣренія Русскаго правительства усвоить себѣ точку зрѣнія Австріи и Англіи на восточныя дѣла. Этого-то и не случилось: дипломатическія сношенія съ Портой не были возобновлены, посланникъ нашъ не поѣхалъ въ Константинополь. Сначала думали что это лишь кратковременная отсрочка, но потомъ убѣдились что нашъ дворъ вовсе не намѣренъ дѣлать рѣшительнаго шага не получивъ отъ Порты полного удовлетворенія. Очевидно, „романъ сочиненный лордомъ Странгфордомъ“, какъ выразился Гентцъ, не имѣлъ успѣха, и за то какая же буря обрушилась на этого дипломата! Еще недавно сподвижникъ Меттерниха расточалъ ему восторженные похвалы, утѣшался его подвигами, гордился тѣмъ что онъ дѣйствуетъ по указаніямъ Вѣнскаго двора, но теперь въ виду неудачи приходилось сознаться что вѣнскія инструкции были вовсе не такъ мудры. Для подобнаго признанія не хватило откровенности и мужества у Гентца, и онъ съ обычною своею беззастѣнчивостью начинаетъ обвинять лорда Странгфорда, который изъ „искуснаго софиста“ превращается подъ перомъ его въ пустого болтуна. „Лордъ Странгфордъ, пишетъ онъ Гикѣ, только и дѣлалъ что обманывалъ,—онъ обманывалъ Порту, Россію, обманулъ рѣшительно всѣхъ и уѣзжаетъ изъ Константинополя съ репутаціей дипломатическаго фигляра (*jongleur diplomatique*), которая останется за нимъ на всю жизнь. Очень сожалѣю объ этомъ; никому такъ хорошо какъ мнѣ не были извѣстны блестящія его способности; но есть ли возможность защищать

этого человека, когда въ результатъ его дѣятельности не оказывается ровно ничего“....

Внезапное озлобленіе Гентца противъ Странгфорда было какъ нельзя болѣе понятно: англійскій дипломатъ потерпѣлъ фиаско именно въ ту минуту, когда и относительно другой части переговоровъ, имѣвшихъ предметомъ умноженіе Греческихъ провинцій, наступилъ для дипломатіи опасный кризисъ.

Жалкое и возмутительное зрѣлище представляетъ празднословіе, которому она предавалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Повидимому она что-то дѣдала, о чемъ-то хлопотала, но въ сущности задача ея состояла въ томъ чтобы только тормозить дѣло и избѣгать всякаго положительнаго результата. Желанія нашего правительства отличались поразительною скромностью, но они казались громадными для европейскихъ державъ, которыя непремѣнно хотѣли однако дѣйствовать съ Россіей за одно для того только чтобы воспрепятствовать ея самостоятельному дѣйствію. „Безпokoйныя головы, говоритъ Гентцъ, волять противъ державъ за то что онѣ не очень заботятся оказать покровительство Грекамъ: по моему мнѣнію Греки вовсе не нуждаются въ покровительствѣ и соединенныя старанія Европы должны быть скорѣе направлены на то чтобы спасти Турцію.“ Если примемъ во вниманіе что Гентцъ какъ нельзя вѣрнѣе выражалъ въ этомъ случаѣ мнѣнія своего двора, который дѣйствовалъ въ тѣсномъ согласіи съ Англіей, то удивительно ли что мнѣмое рвеніе дипломатіи было осуждено, по выраженію того же Гентца, на „счастливое безплодіе“ (heugense sterilité).

Но есть же мѣра всему. Послѣ безконечныхъ томительныхъ и ни къ чему не ведущихъ переговоровъ, правительство наше рѣшилось утѣнчать ихъ конференціей, которая должна была происходить въ Петербургѣ. Первое заявленіе въ этомъ смыслѣ отдѣлано было графомъ Нессельродъ князю Меттерниху при личномъ свиданіи ихъ въ Лембергѣ. Европейскіе дворы сильно встревожились какъ бы не подвергнуться за это гнѣву Порты. Тотчасъ же были приняты мѣры чтобы успокоить ее. „Предвидя, говоритъ Гентцъ, что пагубная гласность, которой газеты не замедлятъ придать намѣреніе конференціи заняться Греческимъ вопросомъ, можетъ смутить Оттоманское правительство, союзные

дворы поручили своимъ уполномоченнымъ въ Константинополь воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ чтобы объясниться съ Портой вполне откровенно объ этомъ событіи. Они должны заявить ей что газетныя предположенія и толки не имѣютъ рѣшительно никакого основанія; что цѣль конференціи — условиться касательно инструкцій тождественныхъ съ тѣми которыми Россія снабдитъ своего посла, когда вознамѣрится отправить его въ Константинополь; что при составленіи упомянутыхъ инструкцій главною задачею державъ будетъ упрочить мирныя и дружескія отношенія къ Портѣ и сообразить вмѣстѣ съ нею какими средствами можно было бы умиротворить возстанія противъ нея провинціи, но умиротворить ихъ не иначе какъ въ ея интересахъ. Вообще какой бы ни возникъ планъ, онъ будетъ принятъ не иначе какъ въ согласіи съ Портой и Портѣ же будетъ предоставлено привести его въ исполненіе собственными средствами.“ Во всемъ этомъ что ни слово, то ложь: Россія настаивала на конференціи вовсе не съ цѣлью придумывать на ней разныя пріятныя вещи для Турокъ, но чтобы окончательно выяснить вопросъ, который поставилъ ее въ совершенно невыносимое положеніе; раздражить Россію отказомъ было неблагоприятно, но съ другой стороны такъ велико было желаніе угодить Портѣ что сочли нужнымъ наложить ей для ея усложненія. Князь Меттернихъ разчитывалъ что все произойдетъ à huis clos и никакого результата по обыкновенію не окажется. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ того пришло отъ нашего правительства официальное приглашеніе Вѣнскому двору участвовать на конференціи и къ документу этому присоединенъ былъ мемуаръ, въ которомъ Русское правительство излагало на какихъ основаніяхъ могло бы быть достигнуто, по его мнѣнію, умиротвореніе Греціи. По этому поводу произошелъ казусъ, комическая сцена, о которомъ такъ разказываетъ Гентцъ: „Князь Меттернихъ искренно желалъ бы чтобы провалился въ преисподнюю (dans les entrailles de la terre) русскій мемуаръ; опасаясь главнымъ образомъ чтобы не освѣдомилась о немъ Порта, онъ клялся что если и произойдетъ это, то по крайней мѣрѣ ужъ никакъ не по его винѣ. Прочитавъ документъ только мнѣ одному, не показавъ его никому въ министерствѣ, не давъ даже снять съ него копіи, онъ сво-

ими руками спрятать его въ шкатулку, въ которой хранятся самыя секретныя его бумаги. Недѣлю спустя мы имѣли продолжительное совѣщаніе объ отвѣтѣ на этотъ злополучный мемуаръ; по изготовленіи отвѣта снова вырвали его въ шкатулку.....Какое же было наше изумленіе когда мемуаръ появился цѣликомъ въ *Constitutionnel* и въ *Allgemeine Zeitung*....

Конференцію въ С.-Петербургѣ открылись въ концѣ 1824 года. Англійское правительство вовсе не захотѣло участвовать въ ней: оно прислало, правда, въ Петербургъ своего посланника Стратфорда Каннинга,—того самого который двадцать лѣтъ лѣтъ позавѣе причинилъ намъ такъ много зла,—но этому дипломату приказано было заявить что Англія считаетъ возможнымъ обсужденіе вопроса объ умиротвореніи Греціи лишь послѣ того какъ будутъ восстановлены дипломатическія сношенія между Россіей и Портой. Такимъ образомъ отъ насъ требовали уступки въ пользу Турціи прежде чѣмъ было даже рѣшено чего слѣдуетъ помогать отъ Турецкаго правительства. Заявленіе Стратфорда не имѣло разумѣется успѣха и онъ остался простымъ зрителемъ того что происходило на конференціяхъ. Что касается Австріи, то она и не думала отвѣчать отказомъ. Вѣнскій дворъ и въ этомъ случаѣ не уклонился ни на шагъ отъ своей программы, которую мы обозначили выше словами самого Гентца,—принимать участіе во всѣхъ переговорахъ съ цѣлью противоѣствовать удовлетворительному ихъ исходу. „Конференція, говоритъ Гентцъ, имѣла съ нашей точки зрѣнія единственную свою задачей подтвердить еще разъ твердое и неизмѣнное намѣреніе державъ не предпринимать ровно ничего что могло бы нарушить ихъ взаимное согласіе и поколебать миръ“,—а такъ какъ можно было заранѣе предвидѣть что державы не одобрятъ энергическія мѣры противъ Порты, безъ этихъ же мѣръ вопросъ представлялся неразрѣшимымъ, то уже заранѣе совѣщанія дипломатовъ, собравшихся въ Петербургъ, были обречены на неуспѣхъ.

„Угодно ли вамъ знать, пишетъ Гентцъ Валахскому господарю, что положено въ основу конференцій, которыхъ такъ сильно опасается Порта? Вотъ что: уваженіе къ верховной власти султана и такого рода кадишуляціи для инсургентовъ, которыя обезлечили бы имъ забвеніе прошлаго и

гарантировали бы ихъ благосостояніе на будущее время насколько все это совмѣстно съ правами Порты. Скажите на милость, есть ли тутъ чего страшиться? Заслуживаетъ ли это опасеній со стороны Порты?" Чтобы еще болѣе успокоить ее, интервунцію барону Оттенфельсу было поручено княземъ Меттернихомъ заявить секретнымъ образомъ въ Константинополь что „Австрія будетъ энергически противиться всему тому что могло бы нарушить права, интересы и свободу дѣйствій Порты“. Мы не станемъ излагать здѣсь подробно что происходило на Петербургскихъ конференціяхъ: роли между нашими живыми друзьями распредѣлены были такъ искусно, такъ много изворотливости и такта обнаружили они въ переговорахъ, что нѣтъ ничего удивительнаго если почти съ самаго начала Гентцъ имѣлъ возможность уведомить интервунцію что „дѣло принимаетъ вполне благопріятный оборотъ для Турокъ“. Надо сознаться что виной этого были не ухищренія только европейскихъ кабинетовъ, но нерѣшительность, колебанія, отсутствіе опредѣленной цѣли въ нашей собственной политикѣ: императоръ Александръ желалъ улучшенія судьбы Грековъ, но мысль о ихъ независимости не встрѣчала въ немъ сочувствія; онъ все еще держался того мнѣнія что настаивать на полномъ ихъ освобожденіи отъ турецкаго ига значило бы оказать потворство революціонному принципу въ Европѣ. Возрѣнія такого рода господствовали въ нашихъ правительственныхъ сферахъ не въ описываемое только время, но и позднѣе, какъ видно между прочимъ изъ словъ произнесенныхъ императоромъ Николаемъ въ 1828 году въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Зичи: „я твердо держусь консервативныхъ принциповъ и всегда буду ревностнымъ приверженцемъ Священнаго Союза, который, что бы ни говорили, составляетъ во мнѣ самую надежную свою опору. Греки возстали противъ законнаго своего государя и я не хочу признать ихъ независимость точно такъ же какъ не призналъ независимость испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ“. Вѣнскій дворъ воспользовался какъ нельзя лучше тѣми противорѣчіями, которыми отличался нашъ образъ дѣйствій: представитель его на Петербургскихъ конференціяхъ вдругъ выступилъ съ предложеніемъ провозгласить независимость Греціи. По словамъ его изъ всѣхъ способовъ разрѣшенія

вопроса это былъ еще самый рациональный, ибо въ подобномъ случаѣ можно было бы прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Порты; тогда какъ не было де ни малѣйшаго основанія надѣяться чтобъ удержать греческія населенія подъ своею властью она согласилась даровать имъ различныя льготы подъ вліяніемъ угрозъ со стороны державъ: это слишкомъ противорѣчило бы ея всегдашнему, доходящему де до крайнихъ предѣловъ, чувству гордости. Изъ всѣхъ дѣйствій, изъ всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ заявленій Вѣнскаго двора, изъ интимной переписки такихъ лицъ какъ Гентцъ можно видѣть вполнѣ ясно, до какой степени было искренне подобное предложеніе, но дипломатія наша не рѣшилась поймать Австрію на словѣ. Съ другой стороны и собственныя наши требованія мы отстаивали не съ надлежащею энергіей и вступали въ сдѣлки, которыя способны были ослабить ихъ. „Признаюсь, говорить Гентцъ, что теперь я гораздо спокойнѣе чѣмъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Въ самомъ началѣ Петербургскія конференціи приняла довольно тревожную и даже грозную физиономію. Можно было опасаться что императоръ Александръ, утомленный различными прелестствіями, откажется на какой-нибудь рѣшительный шагъ, прибѣгнетъ къ отчаянному средству чтобы положить конецъ борьбѣ, въ которой онъ считаетъ себя лично заинтересованнымъ. Безпокойство наше скоро разсѣялось, когда мы увидали что графъ Нессельроде, несмотря на свой рѣшительный тонъ, постоянно кончалъ тѣмъ, что соглашался на измѣненія предлагаемыя другими уполномоченными, и что съ каждымъ засѣданіемъ дѣло принимало все болѣе и болѣе мягкій характеръ...“

Русское правительство не могло быть конечно довольно результатами конференцій и первою его мыслію было не давать имъ никакого дальнѣйшаго хода. Не такъ думали другіе европейскіе дворы. Всѣ ихъ старанія были направлены на то чтобы переговоры длились и длились безконечно, не имѣя ни основанія, ни положительной цѣли. „С. Петербургскій кабинетъ, пишетъ Гентцъ, сообщилъ намъ что въ виду разногласія обнаружившагося между державами онъ намѣренъ отказаться отъ вмѣшательства, услѣхъ коего ничѣмъ не обезпеченъ и которое способно было бы только еще болѣе компрометтировать его. Лебцельтернъ (австріискій

посолъ въ Петербургѣ) весьма оновательно истолковалъ эту рѣшимость чувствомъ раздраженія, которое могло бы повести къ весьма неприятымъ послѣдствіямъ, и послѣдшій ославивъ ее самыми настойчивыми и убѣдительными аргументами. Послѣ продолжительныхъ преній С.-Петербургскій кабинетъ согласился наконецъ что было бы несовмѣстно съ достоинствомъ державъ отступить не сдѣлавъ ровно ничего. „Извѣщая объ этомъ успѣхѣ Гентца тутъ же прибавляетъ, что вмѣшательство будетъ отличаться самымъ безобиднымъ характеромъ. „Достаточно уже того, говоритъ онъ, что вмѣсто официальныхъ и письменныхъ заявленій Портѣ, о которыхъ сначала шла рѣчь, Россія довольствуется теперь заявлениями устными и конфиденціальными, цѣль которыхъ должна состоять въ томъ чтобы Порта, какъ бы по собственной инициативѣ, допустила принципъ вмѣшательства. Не считаю нужнымъ объяснять какъ выгоденъ для насъ подобный оборотъ дѣла.... Пройдутъ еще три или четыре мѣсяца, а Россія все-таки не подвинется впередъ: рѣшительная перемѣна произошла бы только въ томъ случаѣ еслибы вознамѣрилась она дѣйствовать одна, отдѣльно отъ своихъ союзниковъ, но къ счастью она продолжаетъ питать отвращеніе къ подобной мѣрѣ....“

Очень понятно что Порта, имѣвшая самыя точныя свѣдѣнія о настроеніи державъ, отвѣчала безусловнымъ отказомъ на попытку навязать ей тѣ или другія рѣшенія. „Что дѣлать, восклицаетъ Гентцъ, аргументы Порты такъ побѣдоносны что только слѣбое пристрастіе не захочетъ преклониться предъ ними. Съ точки зрѣнія права рѣшительно нѣтъ возможности возражать противъ нихъ...“

На этотъ разъ правительство наше дало понять, какъ сильно возмущала его недостойная комедія, въ которой такъ долго вынуждала его принимать участіе. Въ образѣ мыслей императора Александра видимо произошелъ переворотъ, важныя послѣдствія коего не могли укрыться отъ пронизательности европейскихъ дипломатовъ. Тонъ писемъ Гентца съ каждымъ днемъ становится все тревожнѣе. „Графъ Нессельроде, говоритъ онъ, высказалъ Лебеденгеру, что императоръ въ высшей степени огорченъ затрудненіями которыми не переставалъ онъ встрѣчать въ Восточномъ вопросѣ со стороны союзныхъ Россіи державъ, но что особенно прискорбно для него противодѣйствіе Венскаго двора,

связаннаго съ нимъ столь тѣсною дружбой.... По словамъ графа Нессельроде, императоръ считаетъ вопросъ объ умиротвореніи Греціи поконченнымъ, искренно сожалѣя что державы не захотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ сдѣлать добро и покрыть себя славой...“ Затѣмъ стали приходить извѣстія что императоръ Александръ, лѣтомъ 1825 года, отправляется въ южныя наши губерніи и будетъ смотрѣть расположенныя тамъ войска, что графъ Дибичъ долженъ сопровождать его въ этой поѣздкѣ, что происходятъ военныя приготовленія.... „Въ дипломатическихъ бѣсѣдахъ своихъ съ Лебцельтерномъ, пишетъ Гентцъ, графъ Нессельроде очень холоденъ и скрытенъ: еслибы не давнишняя личная ихъ дружба, всякія officialныя сношенія между ними, по крайней мѣрѣ по восточнымъ дѣламъ, давно бы прекратились.“ Особенно встревоженъ былъ Вѣнскій дворъ этою сосредоточенностью, сдержанностью нашего двора. „Въ молчаніи Русскаго правительства есть что-то зловѣщее“, восклицалъ Гентцъ, и затѣмъ онъ прибавляетъ: „Вчера получено нами извѣстіе что императоръ уже покинулъ Петербургъ; вы понимаете съ какими надеждами, толкованіями, догадками взираетъ на это путешествіе та часть русскаго общества, которая нетерпѣливо ждетъ кровавой развязки съ Турціей.“

Къ этому тревожному для Европы времени относится весьма характеристическій и можно сказать даже комическій эпизодъ. Европейская дипломатія, всегда готовая съ необычайнымъ рвеніемъ вести безплодную болтовню по поводу восточныхъ дѣлъ, никакъ не могла примириться съ тѣмъ новымъ настроеніемъ, которое овладѣло нашимъ правительствомъ. Оно губительно дѣйствовало на ея нервы. Отчаянная попытка сдѣлана была ею чтобы снова втянуть Россію въ переговоры, — попытка, о которой мы находимъ у Гентца слѣдующія свѣдѣнія: „Посланники европейскихъ державъ въ Петербургъ не могли скрыть другъ отъ друга своихъ опасеній. Таинственная, испещренная горькими фразами рѣчь, которую усвоилъ себѣ статсъ-секретарь (графъ Нессельроде) въ совѣщаніяхъ съ нимъ производила такое впечатлѣніе что они сочли не безполезнымъ прибѣгнуть ко взаимному обмѣну мыслей и собрались для этого у графа Лебцельтерна. Они заявили ему одинъ за другимъ что все происходящее предъ ними, все что они видятъ и слышатъ,

убѣждаетъ ихъ въ твердой рѣшимости императора начать войну, которая создастъ для Европы самое опасное положеніе. Графъ Лебцельтернъ охотно приступилъ вмѣстѣ съ ними къ обсужденію средствъ способныхъ предотвратить грозу. Рѣшено было что пять державъ должны возобновить переговоры, которые, *каковъ бы ни былъ ихъ исходъ*, окажутся полезными уже въ томъ отношеніи что дадутъ время императору Александру взвѣсить еще разъ дальнѣйшія свои намѣренія, а Портѣ и европейскимъ дворамъ—принять мѣры сообразныя съ обстоятельствами. “Тотчасъ же выработаны были, даже не одинъ, а два проекта для переговоровъ. Первый изъ нихъ буквально гласилъ слѣдующее: „Союзныя державы, убѣждаясь въ необходимости прекратить кровопролитіе на Востокѣ, единогласно заявляютъ Портѣ что съ этой минуты она *должна считать войну съ Греками оконченною*; державы приглашаютъ Порту сообщать имъ, какія уступки намѣрена она сдѣлать своимъ греческимъ подданнымъ для того чтобы онѣ могли побудить инсургентовъ къ принятію предложеній Турецкаго правительства.“ Даже Генцль усомнился чтобы подобнымъ проектомъ можно было кого-нибудь обмануть. „Требовать отъ Порты, замѣчаетъ онъ, чтобы она считала оконченнымъ то что еще далеко не кончено и вовсе не зависитъ только отъ нея; слишкомъ похоже на неприличную шутку (*mauvaise plaisanterie*). Если графъ Нессельроде согласится принять это странное предложеніе, то развѣ лишь изъ дѣливости.“ Другой проектъ былъ тоже не дуренъ въ своемъ родѣ. Сочиненъ онъ былъ уже извѣстнымъ намъ лордомъ Странгфордомъ * и гласилъ слѣдующее: „Союзныя державы вступаютъ между собою въ соглашеніе съ цѣлью возвысить въ Константинополѣ свои соединенные голоса (*pour faire entendre à Constantinople leurs voix reunies*) по поводу Греціи; всѣ второстепенные вопросы будутъ отложены въ сторону, а на первый планъ выступитъ вопросъ объ умиротвореніи; русскій посланникъ безотлагательно отправится въ Константинополь; онъ присоединится тамъ къ другимъ уполномоченнымъ чтобы обратиться къ Портѣ съ сообще-

* Стратфордъ-Каннингъ явился въ Петербургъ, во время конференцій, лишь проездомъ въ Константинополь, куда онъ былъ назначенъ вмѣсто лорда Странгфорда, который занялъ мѣсто посланника при нашемъ дворѣ.

нями отъ имени Европы; если Порта дастъ удовлетворительный отвѣтъ, державы употребятъ свое вліяніе съ цѣлью побудить Грековъ положить оружіе;—если же со стороны Порты послѣдуетъ отказъ, то русскій посланникъ выйдетъ изъ Константинополя, а остальные державы заявятъ что не принимаютъ на себя ответственности за этотъ новый разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Турціей.“ Въ проектѣ этомъ ясно только одно: желаніе чтобы правительство наше возобновило дипломатическія сношенія съ Портой, а затѣмъ чего именно надлежало требовать отъ нея и какъ слѣдовало поступить если бы она не захотѣла удовлетворить требованіямъ,—все это покрыто было неизвѣстностью. Европа видимо желала разыграть еще разъ прежнюю комедію.

Есть вполнѣ достаточныя основанія думать что она не достигла своей цѣли. Императоръ Александръ рѣшился прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, но къ несчастію преждевременная кончина воспрепятствовала ему исполнить свое намѣреніе.

О томъ, какія воззрѣнія относительно Восточнаго вопроса руководили императоромъ Николаемъ при самомъ вступленіи его на престолъ можно лучше всего судить на основаніи собственныхъ его словъ. Въ 1826 году говорилъ онъ австрійскому посланнику, Лебедельеру: „Сознаюсь вамъ откровенно, что принимая пріиманіе, я былъ очень мало знакомъ съ ходомъ вѣстной политики; я никогда не занимался ею, и не обращалъ на нее вниманія; можете поэтому представить себѣ къ какимъ усиленнымъ занятіямъ долженъ былъ я прибѣгнуть чтобы ознакомиться со всѣмъ тѣмъ что наиболѣе интересовало Россію. Быть можетъ мое прежнее невѣдѣніе въ этомъ дѣлѣ принесло пользу; я приступилъ къ вопросу съ менѣе предвзятыми идеями, съ умомъ болѣе свободнымъ отъ иллюзій. Лишь только сущность дѣла выступила предо мною изъ того очаровательнаго круга, въ которомъ оно вращалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я рѣшился дѣйствовать такъ какъ внушалъ мнѣ здравый смыслъ; моимъ личнымъ дѣломъ было именно то что касалось всей Россіи; такъ или иначе, но мнѣ слѣдовало безотлагательно привести его къ концу; этого требовали обязанности мои относительно моего народа, относительно самого себя и памяти моего покойнаго

брата." Нѣсколько поздѣе, а именно въ 1828 году, императоръ Николай повторилъ то же самое преемнику Лебцельтерна графу Зичи: „Чтобы дать вамъ ясное и точное понятіе о моемъ образѣ дѣйствій и ходѣ переговоровъ, необходимо прослѣдить событія совершившіяся съ той минуты какъ вступилъ я на престолъ. По смерти моего брата на долю мою выпало печальное наслѣдіе—покончить дѣло которое совершенно безуспѣшно озабочивало его нѣсколько лѣтъ сряду и которое тщетно надѣялся онъ уладить въ соглашеніи съ своими союзниками. Покойный императоръ убѣдился наконецъ что избранный имъ лутъ никогда не привелъ бы его къ дѣлу; онъ рѣшился начать войну чтобы достигнуть ее и война возгорѣлась бы непремѣнно еслибы смерть не похитила его у насъ.... Я поставилъ себя задачею идти по стопамъ своего брата и потребовалъ отъ Порты чтобы она выполнила обязательство возложенныя на нее относительно Россіи и справедливостью и трактатами, по которымъ она не хотѣла исполнять.“ Итакъ русская политика несомнѣнно принимала болѣе чѣмъ прежде рѣшительное направленіе. Но за то какой же переломъ породило это обстоятельство! Чтобы составить себѣ о немъ понятіе, лучше всего обратиться опять-таки къ письмамъ Гентца: куда дѣвалась самоувѣренность вѣрнаго слодвижника князя Меттерниха, его невозмутимое спокойствіе и какое-то снисходительное высокомерное отношеніе къ Россіи! Начиная съ 1826 года даже тонъ писемъ мѣняется: нѣтъ въ нихъ прежней игривости, остроумія,—видно что авторъ озабоченъ, раздраженъ и мрачно смотритъ на совершающіяся предъ нимъ событія. Еще недавно онъ не хотѣлъ и слышать о какихъ-нибудь уступкахъ со стороны Порты, а теперь только и твердитъ о томъ что безумно идти очертя голову на встрѣчу опасности, что благоразуміе и чувство самосохраненія должны заставить Порту поразмыслить о томъ какимъ образомъ можно было бы обезоружить противника. Не слѣдуетъ предполагать впрочемъ чтобы онъ требовалъ отъ нея чего-либо дѣйствительно серьезнаго. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи его письмо, въ которомъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Министрамъ султана извѣстны мои принципы; они знаютъ обо мнѣ что дѣлать и безопасность Оттоманской имперіи не имѣютъ болѣе ревностнаго приверженца.

Мысли мои на этот счет не измѣнились, да и какъ могли бы они измѣниться именно теперь когда мы вступаемъ въ новый періодъ неизвѣстности, затрудненій и мучительныхъ сомнѣній. Но я убѣжденъ что совершенно отъ Порты зависить положить конецъ этимъ сомнѣніямъ, разрушить враждебные противъ нея замыслы, предупредить всякія не-пріятныя случайности и похоронить Греческій вопросъ, т.-е. похоронить его въ политическомъ и дипломатическомъ смыслѣ, сохраняя за собою возможность *покончить съ нимъ и въ отношеніи матеріальнымъ собственными средствами.* Еслибы среди нынѣшнихъ обстоятельствъ былъ я главнымъ министромъ султана, то не ждалъ бы внимательства со стороны державъ, а предупредилъ ихъ, обратившись ко всемъ дворамъ съ яснымъ и категорическимъ изложеніемъ принциповъ которыхъ намѣрено держаться Турецкое правительство относительно умиротворенія Греціи. Въ сущности я сказалъ бы имъ слѣдующее: лишь только инсургенты выразятъ искреннюю готовность свою возвратиться подъ власть Порты, султанъ въ высокомъ своемъ милосердіи и мудрости даруетъ имъ прощенье и забвеніе всего прошлаго, а также гражданское устройство сообразное съ обязанностями ихъ какъ его подданныхъ, но удовлетворяющее ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ и способное уврачевать раны, которыя они нанесли самимъ себѣ своими возстаніемъ.... Если Порта не захочетъ послѣдовать моему совѣту, то чего же она ожидаетъ для себя? Все измѣнилось теперь: съ кончиной императора Александра исчезли многія изъ тѣхъ условій, которыя внушали намъ надежду на успѣхъ. Никто не въ состояніи угадать каковы будутъ принципы и характеръ политики его преемника....“

Для Гентца оставалась только одна надежда—утѣшать себя до послѣдней минуты мыслью что принципы эти не слишкомъ рѣзко будутъ отличаться отъ тѣхъ которыми руководилось наше правительство въ прежнее царствованіе. Надо видѣть съ какою заботливостью слѣдитъ онъ за слухами доходящими до него изъ Петербурга, принимая на вѣру только тѣ изъ нихъ которые соответствовали его желаніямъ. Тотчасъ по воцареніи новаго государя онъ пишетъ: „Безразсудное и безмысленное мнѣніе въ Россіи, постоянно требовавшее войны, пробудится теперь вѣроятно сильнѣе чѣмъ когда-нибудь и будетъ желать чтобъ императоръ освободился

отъ чужеземнаго вліянія и преслѣдовалъ то что вся эта толпа считаетъ истинно русскими интересами. Хватить ли у императора Николая присутствія духа (force d'âme) чтобы противостать потоку и видѣть благо своего государства только въ сохраненіи мира? Согласится ли онъ слѣдовать внушеніямъ державъ съ такою же податливостью (docilité), какую обнаруживалъ его предшественникъ въ свое хорошее время (dans son bon temps)?“ Первые извѣстія изъ Петербурга казались Гентцу вполне благопріятными. „Намъ пишутъ, говоритъ онъ, что новый государь исключительно поглощенъ мыслью о настоятельной необходимости произвести обширныя реформы во всѣхъ отрасляхъ внутренняго управленія своей страны; и это вовсе не съ цѣлью—какъ утверждаютъ Русскіе съ обычнымъ своимъ хвастовствомъ—увеличить могущество и блескъ государства, а чтобы воспрепятствовать немедленному и полнѣйшему его разложенію. Прошу васъ понимать эти слова въ буквальный ихъ смыслъ: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія и я предоставляю себѣ право, при первой возможности, подтвердить ихъ несомнѣнными доказательствами.“ Какъ скоро Гентцъ убѣдился что Россія способна объявить войну Портѣ, то началъ тотчасъ же дѣлать надежду что она не будетъ въ состояніи выдержать эту войну. По мнѣнію его такъ много накопилось въ ней всякаго рода анархическихъ элементовъ что малѣйшее напряженіе съ ея стороны и она тотчасъ же разлетится въ прахъ! Припоминая все то что еще намъ самимъ приходилось слышать не далѣе какъ на дняхъ, читатели убѣдятся какаѣ поразительная аналогія и въ этомъ отношеніи существуетъ между переживаемымъ нами временемъ и временемъ конца двадцатыхъ годовъ. Разумѣется, подобныя нелѣпости приходили въ голову Гентцу и друзьямъ его не сами собою, а были внушаемы имъ разказами и толками нашихъ туземныхъ космополитовъ—которыхъ не мало и теперь—людей совершенно чуждыхъ національнымъ интересамъ своего отечества, не имѣвшихъ понятія о своемъ народѣ и изъ угодливости предъ Европой сочинявшихъ о немъ воллюція небывлицы. Нѣкоторые изъ этихъ господъ Гентцъ называетъ именами и съ удовольствіемъ приводитъ ихъ вымыслы въ подтвержденіе своихъ мрачныхъ предсказаній. „Недавно, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, собирався въ Петербургъ совѣтъ для обсужденія мѣръ которыя могутъ

быть вызваны войной; въ совѣтъ этомъ убѣдились въ громадныхъ трудностяхъ которыя противопоставятъ военнымъ операціямъ разстройство финансовъ, полнѣйшая дезорганизация всѣхъ частей внутренняго управленія и даже неуверенность въ нравственномъ настроеніи нѣкоторыхъ полковъ. Словомъ, я не сомнѣваюсь что еслибы Порты обнаружила теперь нѣсколько болѣе податливости, то ея дѣйствія тотчасъ же были бы истолкованы въ омыселъ благопріятномъ для сохраненія мира, лишь бы избѣжать разрыва, на который ни одинъ изъ благомыслящихъ русскихъ государственныхъ людей не взираетъ безъ ужаса... Русское правительство очевидно сознаетъ какая тяжкая отвѣтственность лежитъ на немъ: но ужь если дѣлать выборъ, то гораздо лучше для него сойти съ ложнаго пути даже цѣной небольшого униженія, чѣмъ упорствовать идти по немъ *рискуя погубить самого себя (!)* и притомъ безъ всякой пользы для тѣхъ, кого хотятъ спасать..." Читая эти строки кзкъ не подумать что онѣ появились вчера въ какой нибудь венгерской или англійской газетѣ!

Болѣе энергическій, сравнительно съ прежнимъ, образъ дѣйствій нашего правительства не замедлил принести плоды. Императоръ Николай заявилъ что онъ намѣренъ требовать отъ Порты удовлетворенія относительно частныхъ распрей своихъ съ нею, помимо Греческаго вопроса, и такимъ образомъ возникли переговоры въ Аккерманѣ, которые привели въ сентябрѣ 1826 года къ заключенію Аккерманской конвенціи. Оставалось уладить дѣло Грековъ. Изъ всего что обнародовано доселѣ о роли Вѣнскаго двора въ этомъ вопросѣ—а обнародовано въ послѣднее время очень много—преимущественно же изъ писемъ Гентца видно какою незаслуженною репутаціей политической проницательности пользовался князь Меттернихъ. Репутація эта давно уже поколеблена; всѣ согласны въ томъ что въ сущности онъ ничего не умѣлъ предвидѣть и предотвратить надлежащимъ образомъ и только оттягивалъ на болѣе или менѣе продолжительное время ненадежную развязку. Такъ напримѣръ въ Вѣнѣ должны были убѣдиться что съ кончиной императора Александра возникло новое положеніе дѣлъ; „все измѣнилось теперь“, повторялъ Гентцъ, но въ виду совершившейся перемѣны примѣнилъ ли къ ней князь Меттернихъ хотя сколько-нибудь свою политику, воспользовался ли онъ

огромнымъ своимъ вліяніемъ въ Константинополѣ чтобы подготовить почву для разрѣшенія вопроса? Нѣтъ, онъ обращался лишь къ Портѣ съ совѣтами, которые не могли удовлетворить Россію, и высказывалъ эти совѣты такимъ тономъ что министры султана не придавали имъ серьезнаго значенія. До послѣдней минуты не приходило ему и въ голову потребовать отъ Порты серьезныхъ уступокъ. Именно въ то время о которомъ мы говоримъ, то есть въ 1826 году, Греки заявили о готовности своей положить оружіе подъ условіемъ что они признаютъ верховную власть султана и будутъ платить ему ежегодную подать, но взамѣнъ того имъ будетъ предоставлена полная административная автономія и Турки выселятся изъ Греческихъ областей. „Не стоить даже и останавливаться на подобныхъ нелѣпостяхъ, пишетъ Гентцъ; съ тѣхъ поръ какъ существуютъ правительства и революціи, никогда еще не было слышно о столь дерзкихъ притязаніяхъ.“ Чего же хотѣлъ, чего ожидалъ князь Меттернихъ и не шелъ ли онъ самъ на встрѣчу опасностямъ, которыхъ старался избѣгнуть?

Англійское правительство оказалась въ этомъ случаѣ гораздо искуснѣе его. Герцогу Веллингтону, который прибылъ въ Петербургъ для поздравленія императора Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ, поручено было условиться съ нашимъ кабинетомъ относительно совокупнаго образа дѣйствій по Восточному вопросу. Намъ нечего доискиваться мотивовъ которые руководили при этомъ Англіей; они были въ послѣдствіи изложены весьма откровенно Стратфордомъ Канингомъ въ бесѣдѣ съ австрійскимъ интернуномъ барономъ Оттенфельсомъ. „Чтобы судить безпристрастно о нашемъ образѣ дѣйствій, говорилъ онъ, нужно перенестись мысленно въ то время когда состоялось соглашеніе наше съ Россіей. Мы были твердо убѣждены въ намѣреніи Русскаго правительства прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Порты; чтобы не дозволить ей идти далѣе чѣмъ могла бы она это сдѣлать будучи предоставлена самой себѣ, чтобы связать ей руки, мы послали при соединиться къ ней.“ Англія преслѣдовала и другія цѣли: она стремилась поколебать Священный Союзъ, доказавъ нашему двору какъ мало можно ему разчитывать на Австрію; она разчитывала обезпечить себѣ вліяніе на Грековъ какъ скоро убѣдилась въ невозможности возвратитъ ихъ въ преж-

нее подданство султана. Подобный образъ дѣйствій менѣе всего отличался какими-либо великодушными побужденіями, но по крайней мѣрѣ въ немъ было много ловкости и расчета. Англія иступала въ союзъ съ Россіей съ цѣлью остановить кровопролитіе на Востока, но задачу эту она надѣялась разрѣшить не прибѣгая вовсе ко враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Порты. Весьма любопытныя свѣдѣнія касательно этого послѣдняго обстоятельства находимъ мы въ упомянутой уже нами депешѣ графа Зичи *, въ которой онъ излагалъ своему правительству бесѣду свою съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто: „По прибытіи своемъ въ Петербургъ, продолжалъ императоръ, герцогъ Веллингтонъ говорилъ мнѣ о греческомъ возстаніи, о безсиліи Порты подавить его и упрочить порядокъ, о страшныхъ дѣйствіяхъ испытываемыхъ цѣлымъ племенемъ, о крови проливаемой безъ всякой цѣли, наконецъ о потеряхъ которыя претерпѣваетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ торговля всѣхъ государствъ и которыя еще предстоитъ ей терпѣть если не будетъ положенъ конецъ столь невыносимому положенію дѣлъ. Я отвѣчалъ герцогу что съ радостью готовъ присоединиться ко всякой мѣрѣ разчитанной на успѣхъ, но что сказать по правдѣ не предвижу чтобы можно было достигнуть этого успѣха путемъ переговоровъ; что если герцогъ изложитъ мнѣ свои идеи, я охотно усвою тѣ изъ нихъ, которыя окажутся цѣлесообразными. Такимъ образомъ возникъ протоколъ 4го апрѣля. Я долженъ замѣтить что по моему настойчивому требованію включена была въ него статья гласящая что ни та ни другая изъ союзныхъ державъ не будутъ стремиться ни къ какому расширенію своей территоріи, ни къ какому исключительному вліянію, ни къ какимъ торговымъ выгодамъ помимо тѣхъ которыя могли бы быть предоставлены всякому другому государству. Послѣ нѣсколькихъ дней размышленія герцогъ Веллингтонъ подчинился этому требованію. Полагаю, прибавилъ государь, что на этотъ разъ едва ли не впервые удалось добиться отъ Англіи чтобы она согласилась безкорыстно участвовать въ предпріятіи, соединенномъ для нея съ пожертвованіями и рискомъ, не имѣя въ виду

* Депеша эта помѣщена у Прокешъ-Остена, *Geschichte des Abfalls der Griechen*, V, 204—212.

пріобрѣтений и торговыхъ выгодъ. Такъ какъ далека была отъ меня мысль стремиться къ расширенію своей территории, то упомянутое условіе вполнѣ соответствовало моимъ видамъ. Помню что во время этихъ переговоровъ спрашивалъ я герцога Веллингтона: скажите, герцогъ, какъ по вашему мнѣнію отнесутся Турки къ намѣренію нашему воспрепятствовать имъ подавить своихъ возмущившихся подданныхъ? Снесутъ ли они терпѣливо то что мы хотимъ предписать имъ? Герцогъ отвѣчалъ: о, Турки никогда не доведутъ дѣло до крайности какъ скоро увидятъ что намѣреніе наше серьезно; нужно послать лишь нѣсколько фрегатовъ чтобъ остановить ихъ военныя дѣйствія, напугать ихъ и образумить; во всякомъ случаѣ они не вступятъ съ нами въ борьбу.— Но еслибы, возразилъ я, фрегаты наши были вынуждены стрѣлять, предполагаете ли вы что Турки сочтутъ это дружескими выстрѣлами? Герцогъ продолжалъ однако упорствовать въ своемъ убѣжденіи что дѣло не дойдетъ до войны, которой никто не хочетъ.“ Изъ словъ герцога Веллингтона вполнѣ ясно какимъ характеромъ и какими размѣрами должно было отличаться предложенное Англіей вмѣшательство въ восточныя дѣла: ничего скромнѣе относительно Турціи нельзя было и придумать, никакимъ разгромомъ это вмѣшательство ей не угрожало; но тѣмъ не менѣе Вѣнскій дворъ встрѣтилъ съ негодованіемъ и ужасомъ протоколъ 4го апрѣля 1826 года. Впрочемъ вѣрнѣе было бы высказать что ужасъ и негодованіе пробудились уже нѣсколько поздне, а въ первое время князь Меттернихъ, по обыкновенію своему, усложнилъ себя надеждами что ничего серьезнаго въ сущности не произошло, что отъ словъ никогда не дойдетъ до дѣла и что можно попрежнему жить изо дня въ день, взирая равнодушно на рѣзню, которая происходила въ Греческихъ провинціяхъ. Просматривая тѣ мѣста въ письмахъ Гентца, которыя относятся къ пресловутому протоколу, трудно повѣрить чтобъ это говорилъ человѣкъ который привыкъ вращаться въ сферѣ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ: такъ все это похоже на сплетни и болтовню какихъ-нибудь досужихъ кумушекъ. Соглашеніе между Россіей и Англіей было, увѣряетъ онъ, событіемъ совершенно случайнымъ; герцогу Веллингтону непрѣменно хотѣлось ознаменовать чѣмъ-нибудь свое пребываніе въ Петербургѣ; онъ

подалъ Русскому правительству мысль о совокупномъ образѣ дѣйствій на Востока и Русское правительство склонилось къ этому предложенію, хотя не ожидало отъ него никакихъ практическихъ послѣдствій; первый министръ Каннингъ ничего не зналъ объ этомъ, и когда протоколъ былъ полученъ въ Лондонѣ, то нѣсколько дней сряду не имѣлъ даже времени прочесть его; отказаться однако отъ протокола было неловко, потому что это значило бы смертельно оскорбить герцога Веллингтона, а къ тому же Каннингъ хотѣлъ одѣлать угодное супругѣ нашего посла княгинѣ Ливенъ, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на него. Въ концѣ-концовъ нельзя видѣть во всей этой исторіи ничего иного кромѣ желанія „сдѣлать непріятность князю Меттерниху и разстроить замыслы этого великаго человѣка, которому Каннингъ никогда не хотѣлъ курить сѣмѣмъ именно потому что сознавалъ его превосходство надъ собою“. „Въ сущности же, прибавляетъ Гентцъ въ письмѣ своемъ Валахскому господарю, установившееся соглашеніе между Россіей и Англіей такой вздоръ что мы даже совѣстно утруждать васъ подробнымъ о немъ разказомъ...“ Только въ послѣдствіи, когда событія разочаровали на этотъ счетъ князя Меттерниха и его вѣрнаго слодвижника, когда неожиданно приняли они такой оборотъ, на который не разчитывала и сама Англія, ярость овладѣваетъ государственными людьми Австріи. Каннингъ для нихъ—политическій шарлатанъ, дерзкій интриганъ, пустѣйшій риторъ; что касается Русскаго правительства, то оно „совершенно безсознательно очутилось въ рукахъ старой русской партіи, въ рукахъ партіи военной, наконецъ въ рукахъ партіи измѣнниковъ (*parti des traitres*), которые добиваются войны только для того чтобы производить смуты.....“

Къ соглашенію возникшему между Россіей и Англіей присоединилась въ 1827. году Франція и такимъ образомъ установленъ былъ тройственный союзъ. Другія державы остались въ сторонѣ, но обѣщали употребить нравственное свое вліяніе на Порту чтобы лобудить ее отвѣчать уступками на требованія трехъ союзныхъ дворовъ. Еслибъ онѣ дѣйствовали хоть сколько-нибудь искренно въ этомъ случаѣ, то можетъ-быть общія старанія и увѣщанія бы успѣхемъ, но искренности менѣе всего можно было ожидать отъ нихъ.

Изъ писемъ Гентца видно что австрійскій интернуцій въ Константинополь официально говорилъ одно, а въ частныхъ своихъ беседахъ съ Рейс-эфенди совсѣмъ другое. Самъ Гентцъ именно въ это время приходилъ въ восторгъ отъ упорства которое обнаруживала Порты: „невозмутимое спокойствіе ея въ виду направленныхъ противъ нея демонстрацій, восклицалъ онъ, принадлежитъ несомнѣнно къ числу современныхъ явленій наиболее достойныхъ удивленія.....“ Замѣчательно что англійская дипломатія, которой принадлежала первая мысль о союзѣ, вдругъ слохватилась что изъ него можетъ выйти что-нибудь болѣе серіозное чѣмъ она предполагала и стала заискивать предъ Портой. По крайней мѣрѣ Гентцъ разказываетъ о весьма любопытной сценѣ, происшедшей между Стратфордомъ-Каннингомъ и австрійскимъ интернуціемъ. Стратфордъ-Каннингъ по прибытіи своемъ въ Константинополь принялъ очень надменный тонъ относительно Порты, твердилъ что она должна безусловно подчиниться тому что будетъ ей предписано союзными державами, вступилъ въ сношенія съ временнымъ Греческимъ правительствомъ и не думалъ этого скрывать: все это породило болѣе чѣмъ натянутыя отношенія между нимъ и турецкими министрами. Но вотъ въ ту самую минуту какъ официально были заявлены Портѣ требованія союзниковъ, Стратфордъ Каннингъ прибылъ къ барону Оттенфельсу и держалъ ему такого рода рѣчь: „мы видимъ теперь какой оборотъ принимаютъ дѣла; очевидно Россія намѣрена идти далѣе чѣмъ хотѣлось бы нашему правительству. Конечно, прошлаго уже не вернемъ, но дѣло идетъ не о прошломъ, а о будущемъ, — о будущемъ, представляющемся въ тревожномъ свѣтѣ какъ для Порты, такъ и для всей Европы. Необходимо просвѣтить Порту относительно дѣйствительныхъ намѣреній Англіи. На себя я не полагаюсь, ибо мнѣ не повѣрять; къ сожалѣнію, я сдѣлалъ доселѣ по пути который не могъ нравиться Портѣ: Рейс-эфенди особенно ожесточенъ противъ меня, и ни на что не удастся мнѣ убѣдить его въ искренности моихъ намереній и намереній моего правительства, если вы не примите участія во мнѣ. Постарайтесь примирить мнѣ этимъ огромную услугу моему дѣлу и даже вашему двору.....“

Гентцъ въ Вѣнѣ что тотчасъ

взялся за перо и отправилъ къ Рейсъ-эфенди слѣдующую записку: „Другъ нашъ англійскій посолъ является *кающимся грѣшникомъ* (en pécheur pénitent); онъ желаетъ сблизиться съ вами, но опасается что вы слишкомъ предубѣждены и противъ него и противъ Англійскаго правительства. Ему понадобился посредникъ и онъ обратился ко мнѣ какъ къ лучшему другу Порты. Прошу ваше превосходительство принять его благосклонно, когда на этихъ же дняхъ онъ посѣтитъ васъ: настаиваю на этомъ во имя общаго дѣла и интересовъ самой Порты.“ Можно ли удивляться что въ виду такихъ заискиваній Турки обнаруживали то „невозмутимое спокойствіе“ предъ которымъ преклонялся Гентцъ? Они дѣйствительно отвѣчали отказомъ и отказомъ въ высшей степени рѣзкимъ. Рейсъ-эфенди заявилъ что „въ главахъ Порты протоколъ, въ которомъ три державы самовольно распорядились ея правами, интересами и достоинствомъ, не болѣе какъ простой листъ бумаги, что она видитъ въ немъ лишь посягательство на свою независимость“. Такимъ образомъ окончился первый актъ этой безразсудной драмы, лишить Гентцъ: можно ли было ожидать отъ нея чего-либо другаго, какъ скоро между актерами не было согласія. Теперь они очутились и предъ Турецкимъ правительствомъ и предъ публикой въ очень забавномъ положеніи.“

Провидѣнію угодно было чтобы вся эта исторія, въ которой дѣло шло о цѣломъ народѣ истекавшемъ кровью и отстаивавшемъ свою вѣру и человѣческія права, перестала быть забавною для дипломатіи. Наваринская битва положила начало новому порядку вещей. Битвы этой никто не ожидалъ, и державы, которыя за исключеніемъ Россіи были наиболѣе заинтересованы въ восточныхъ дѣлахъ, съ негодованіемъ приняли извѣстіе о ней. „Никогда еще“ писалъ Гентцъ объ императорѣ Францѣ, никакія невзгоды—а онъ не мало испыталъ ихъ въ теченіе своего продолжительнаго царствованія—не поражали его такъ сильно, не приводили его въ такое глубокое раздраженіе какъ Наваринская катастрофа. По этому поводу онъ произнесъ между прочимъ: еслибы союзники встрѣтили Ибрагимъ-пашу въ открытомъ морѣ и захотѣли бы наказать его за нарушеніе даннаго имъ обѣщанія, то это было бы по крайней мѣрѣ поединкомъ; но то что произошло подъ Навари-

номъ не болѣе какъ убійство (assassinat).“ Одна изъ влиятельнѣйшихъ англійскихъ газетъ выразилась что „малѣйшая капля англійской крови, пролитой подъ Навариномъ, не сравненно дороже чѣмъ кровь всѣхъ Грековъ вмѣстѣ древнихъ и новыхъ“. Еслибы дѣло зависѣло отъ доброй союзницы нашей Англiи, то именно въ эту критическую минуту она не задумалась бы конечно возобновить свою дружбу съ Портой; къ несчастiю для нея и къ счастiю для праваго дѣла Турки подстрекаемые слухами что вся Европа послѣ Навариноской битвы готова явиться предъ ними въ роли кающейся грѣшницы, закуски удила. Они не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ и требовали „матерiальнаго и нравственнаго удовлетворенiя“. Союзныя державы отозвали изъ Константинополя свои посольства. Вслѣдъ за тѣмъ появился гатти-шерифъ султана, въ которомъ почти каждое слово было оскорбленiемъ для Россiи: въ документѣ этомъ говорилось между прочимъ что „Россiя заклятый врагъ султана и Оттоманской имперiи, противъ которой она не переставала лгать замыслы, прибѣгая въ теченiе шестидесяти лѣтъ къ самымъ ничтожнымъ предлогамъ чтобы вести съ нею войны“, что Россiя „возбуждала своихъ единовѣрцевъ Грековъ къ возстанiю“, что она „своими кознями“ успѣла установить троюбвенный союзъ; султанъ возмѣщалъ о твердомъ намѣренiи своемъ не исполнять Аккерманскiй трактатъ, а слѣдовательно и всѣ прежнiе, отъ которыхъ было сказано въ немъ что главнѣйшею его цѣлю было „обезпечить во всей силѣ исполненiе договора Букурештскаго и всѣхъ прочихъ трактатовъ и актовъ, кои онымъ возобновлены и подтверждены и кои соблюденiе одно лишь можетъ служить ручательствомъ въ продолженiи и прочности благополучно существующаго между Россiей и Благодѣтельною Портой мира“, всѣ русскiе подданные были изданы изъ предѣловъ Турцiи; доступъ въ Босфоръ воспрещенъ былъ русскимъ судамъ; наконецъ имѣлись неопровержимыя доказательства, что Порта подстрекала Персiю улорствовать во враждебныхъ къ намъ отношенiяхъ. „Мы не знаемъ ни одного государства, сказано было въ депешѣ графа Нессельроде къ нашему послу въ Лондонѣ князю Ливену, которое согласилось бы оставить безнаказаннымъ подобныя дѣйствiя, которое дозволило бы нарушать свои торговые интересы, оскорблять своихъ подданныхъ,

попырать заключаемые съ нимъ трактаты, не знаемъ государства которое не сочло бы долгѣмъ не искать въ принудительныхъ мѣрахъ гарантій относительно будущаго“...

Порта, посагнула на интересы не Россіи только, но и союзныхъ съ нею державъ. Правда въ гатти-шерифъ не находилось вовсе оскорбительныхъ для нихъ выраженій, всѣ подобныя выраженія отнесены были исключительно къ нашему отечеству, но ихъ подданнымъ приказано было выѣхать изъ Турціи, и для ихъ торговыхъ судовъ закрыть былъ Босфоръ. Слѣдовало ожидать что эти державы не менѣе горячо чѣмъ Россія вступятся за свои интересы и убѣдятся въ необходимости прибѣгнуть для огражденія ихъ къ энергическимъ мѣрамъ. Вышло однако иначе. Поистинѣ куріознымъ можно назвать отвѣтъ, который послѣдовалъ со стороны англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Доддея на уломянутую нами сейчасъ депешу графа Неессель-рода. По мнѣнію лорда Доддея не только союзнымъ съ Россіей державамъ, но и самой Россіи рѣшительно нечѣмъ было обижаться: во-первыхъ, если гатти-шерифъ и былъ обнародованъ въ Константинополѣ, то ни одно изъ европейскихъ посольствъ не получило ни копии съ него, ни официального о немъ извѣщенія, слѣдовательно Европа имѣла полное право игнорировать этотъ документъ; къ тому же хотя онъ и содержитъ воззваніе къ фанатизму мусульманъ, нигдѣ не проглашаетъ въ немъ намѣренія нанести первый ударъ (*l'intention de frapper le premier coup n'y paraît, nulle part*). Изъ гатти-шерифа видно только что раздѣленіе Турокъ достигнуто, крайнихъ раздѣловъ; но развѣ это не вполнѣ естественно съ ихъ стороны и развѣ слѣдуетъ удивляться подобному давленію? „Неужели, спрашиваетъ лордъ Доддей, какая-либо изъ союзныхъ державъ предполагаетъ что можно выполнить трактатъ 6го іюля 1827 года, не возбудивъ негодованіе Турокъ, неужели нельзя было предвидѣть что такіа событія какъ Наваринская битва испортятъ наши добрыя съ нею отношенія?“. Вслѣдствіе всего этого, продолжалъ англійскій министръ, „союзныя державы могутъ, безъ малѣйшаго для себя униженія, не обращать никакаго вниманія на слова и поступки, которые способны были бы подать поводъ къ войнѣ лишь въ томъ случаѣ еслибы дѣло шло о государствахъ стоящихъ на одинаковой ступени могущества и цивилизаціи“. Послѣдній

аргументъ особенно замѣчательнъ. Оказывается изъ него что въ 1828 году Англія считала неприличнымъ приравни-
вать Турцію къ европейскимъ державамъ, но двадцать пять
лѣтъ спустя она же главнымъ образомъ позаботилась от-
вести ей мѣсто на ряду съ нами, но въ томъ и другомъ
случаѣ результатъ былъ одинаковъ: прежде нельзя было
призвать къ отвѣту Турцію, когда она совершала безчинства,
какъ бы изъ презрѣнія къ ней, а въ настоящее время по-
тому что принципъ невмѣшательства долженъ быть при-
мѣняемъ и къ Оттоманской имперіи какъ ко всякому дру-
гому цивилизованному государству. Лордъ Додлей оканчи-
валъ свою делешу слѣдующими соображеніями: „Предполо-
жимъ даже что энергическія мѣры, къ которымъ думается
прибѣгнуть Русское правительство, побудятъ Порту къ
уступкамъ на предъявляемыя ей требованія, но не будетъ
ли эта выгода слишкомъ дорого куплена цѣной риска
диспровергнуть Оттоманскую имперію и нарушить миръ,
которымъ Европа наслаждалась въ теченіе столь долгаго
времени? Турецкое государство не принадлежитъ къ числу
тѣхъ которыя послѣ борьбы съ непріятелемъ принимаютъ
прежній свой видъ и продолжаютъ свое прежнее политиче-
ское существованіе: напротивъ, какъ скоро будутъ нару-
шены его предѣлы, взята его столица и возстаніе распро-
странится въ его провинціяхъ, нельзя уже будетъ при-
звать добромъ желаніи возстановить его прежнее существо-
ваніе. На развалинахъ его возникнетъ новый порядокъ
вещей. Никакая человѣческая мудрость не въ состояніи
предугадать его характеръ; мы можемъ только знать заранее
что утвердится онъ не иначе какъ послѣ долгаго ряда
потрясеній и смутъ;“ совершенно не пропорціональных
тому добру котораго было бы позволительно отъ него ожи-
дать (слово въ слово то же что не перестаютъ повторять
теперь англійскіе министры). Англія слишкомъ удаленная
отъ Балканскаго полуострова, огражденная отъ опасности
своими положеніемъ на морѣ и обиліемъ своихъ средствъ, ме-
ньше всего пострадала бы отъ подобнаго переворота. Но она
никогда не слѣдовала внушеніямъ узкой и эгоистической
политики; она считаетъ обязанностью заботиться не о себѣ
только, но и о благосостояніи всей Европы: вотъ почему мы
не можемъ одобрить мѣры которыя, вмѣсто того чтобъ уми-
ротворить Востокъ, породили бы общеевропейскую войну.“

Мы довели разказъ свой до начала войны 1828—1829 годовъ, до того момента, когда прекращается переписка Гентца. Остановилась она потому что вслѣдствіе занятія Валахіи нашею арміею господарь князь Гика покинулъ Букурештъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо другъ и наперсникъ князя Меттерниха могъ бы вѣроятно сообщить много интереснаго о дѣятельности европейской дипломатіи во время войны, когда Вѣнскій дворъ столь усердно старался образовать коалицію противъ Россіи. Но уже и изъ того что изложено нами со словъ Гентца можно убѣдиться въ замѣчательномъ сходствѣ между событіями конца двадцатыхъ годовъ и тѣми которыя совершаются на нашихъ глазахъ. Точно также въ попыткахъ улучшить положеніе дѣлъ на Востока Русское правительство предоставляло главную роль другимъ державамъ; оно искренно готово было принять и одобрить всякую мѣру способную привести къ положительнымъ результатамъ; даже наши противники,—и между ними едва ли не самымъ яростнымъ нужно считать Гентца,—вынуждены были воздать справедливости тойлодательности (*docilité*) которую обнаруживала Россія въ долгихъ и безплодныхъ переговорахъ. Точно также какъ теперь и въ двадцатыхъ годахъ Порта обнаруживала непреклонное упорство, которое объяснялось вовсе не убѣжденіемъ ея въ своей силѣ, а лютворствомъ ей со стороны державъ, которыя, будто бы дѣйствуя съ нами заодно, поддерживали въ ней духъ сопротивленія. Недавно, послѣ постыдной неудачи Лондонскаго протокола, лордъ Дарби заявилъ въ Парламентѣ что въ сущности онъ никогда и не разчитывалъ на успѣхъ переговоровъ, ибо Порта съ самаго де начала была убѣждена въ твердомъ намѣреніи Россіи довести дѣло до разрыва, а въ 1828 году лордъ Додлей писалъ Меттерниху: „Въ сущности Порта очень рада что Русское правительство сбросило маску, ибо дѣла не могли оставаться болѣе въ прежнемъ положеніи; Порта не страшится за себя, ибо проникнута сознаниемъ своего права.“ Миролюбіе обнаруженное правительствомъ нашимъ въ настоящее время можетъ сравниться развѣ лишь съ тѣмъ которое обнаруживало оно въ двадцатыхъ годахъ, но хотя англійскіе министры имѣли тогда, точно также какъ теперь, самыя убѣдительныя, самыя несомнѣнныя доказательства этого миролюбиваго настроенія,—они не оочли долгамъ дѣйствовать всею силою своего

т. схиъ. 5*

вліянія на Порту, а напротивъ, усваивали себѣ ея взглядъ относительно мнимыхъ корыстныхъ стремленій Россіи. Упомянемъ еще объ одномъ совершенно тождественномъ обстоятельстве, а именно о желаніи нашихъ противниковъ увѣрить самихъ себя и другихъ что Россія находится наканунѣ своего разложенія, о попыткахъ ихъ набросить тѣнь на русское національное чувство и залодозрить его въ революціонныхъ тенденціяхъ,—въ двадцатыхъ годахъ это проявлялось не менѣе осязательно чѣмъ теперь. Если Россія вышла съ торжествомъ изъ кризиса, то обязана она была этимъ тому обстоятельству что какъ бы ни были значительны заблужденія ея политики, слишкомъ довѣрчивой относительно европейскихъ державъ, какъ часто ни уклонялась эта политика отъ единственно вѣрнаго пути, никогда не исчезало однако въ Россіи сознаніе высокаго призванія, возложеннаго на нее всѣмъ ея прошедшимъ, кровными и религіозными ея симпатіями и государственными ея интересами. Сознаніе это могло затемняться на время, но оно жило и въ народѣ и въ правительствѣ: лишь только пробудилось оно вполне ясно и отчетливо какъ именно въ немъ почерпнула Россія мужество приступить къ исполненію своего долга.

И она приступила къ этой задачѣ не страшась предстоявшихъ ей жертвований. Невольно является однако вопросъ, извлекла ли Россія, послѣ того какъ Провидѣніе благословило ея оружіе, всѣ законныя и справедливыя выгоды изъ блестящихъ своихъ успѣховъ? Если вѣрить нашимъ противникамъ, то она воспользовалась своими побѣдами такъ какъ ни одна изъ державъ, когда-либо находившихся въ ея счастливомъ положеніи. Въ книгѣ графа Прокешъ-Остена * находится любопытная делеша австрійскаго интернунція, барона Оттенфельса, въ которой этотъ дипломатъ излагаетъ свое сужденіе объ Адрианопольскомъ трактатѣ 1829 года. Вотъ что говоритъ онъ о немъ: „Что трактатъ этотъ—самый суровый, самый унижительный изъ всѣхъ когда-либо навязанныхъ побѣдителемъ побѣжденному, это такая истина которая бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на него. Однако онъ губителенъ для Оттоманской имперіи не столько тягостью возложенныхъ на нее обязательствъ или

---

* *Geschichte des Abfalls der Griechen*, VI, 146—153.

размѣрами сдѣланныхъ ею территоріальныхъ уступокъ, сколько другими своими постановленіями, а именно тѣми которыя изъемаютъ часть подданныхъ султана изъ-подъ его власти и связываютъ ему руки въ пользованіи своими верховными правами относительно всей вообще райи,—вотъ гдѣ таится смертоносный ядъ который рано или поздно породитъ разложеніе имперіи. Организмъ можетъ существовать даже если отнимутъ отъ него одинъ или другой изъ его членовъ, но онъ обреченъ на смерть какъ скоро кровь въ немъ испорчена, какъ скоро подавлены и извращены жизненныя его функціи. Именно такая будущность приготовлена для Турціи Адрианопольскимъ трактатомъ: предписавъ его Россія вычеркнула Оттоманскую имперію изъ списка независимыхъ государствъ; предъ войной она твердила о своемъ великодушіи, но развѣ великодушно осудить врага на медленную смерть вѣсто того чтобы локончить съ нимъ однимъ ударомъ?“ Читая эти строки можно подумать что Россія Богъ знаетъ какъ сурово воспользовалась своимъ правомъ, межъ тѣмъ какъ въ дѣйствительности не было ничего подобнаго. Адрианопольскій трактатъ можно упрекнуть именно въ томъ что при заключеніи его были слишкомъ приняты во вниманіе требованія Европы, что Россія, войска которой находились лишь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя, остававшагося въ виду ихъ совершенно беззащитнымъ, не позаботилась создать такое положеніе дѣлъ, которое избавило бы ее въ будущемъ отъ необходимости приносить новыя и тяжкія жертвы. Правительство султана, на основаніи 10й статьи трактата, вынуждено было подчиниться рѣшенію союзныхъ державъ относительно Греціи, но послѣ всего что совершилось, послѣ девятилѣтней безплодной борьбы его съ инсургентами, нелѣпо было и думать чтобы Портѣ удалось сохранить свою власть надъ ними; она обязалась признать автономію Молдавіи и Валахіи, но автономія эта была уже гарантирована прежними капитуляціями; она должна была согласиться на самостоятельное существованіе Сербіи, но и въ этомъ отношеніи не происходило ничего такого что не было бы выговорено трактатами Букурештскимъ и Аккерманскимъ и что подверглось лишь грубому нарушенію съ его стороны. Въ сущности же Оттоманская имперія уцѣлѣла какъ нельзя лучше отъ нанесеннаго ей разгрома со всѣми воліющими своими безобразіями, со

вои́мъ тѣмъ дикимъ произволомъ мусульманскаго населенія надъ несчастною райей, по поводу котораго баронъ Оттенфельсъ выражалъ столь сильныя опасенія чтобы какъ-нибудь не былъ онъ обузданъ, чтобы правительству султана не были „связаны руки“. Прошло немного болѣе двухъ десятилѣтій послѣ Адрианопольскаго трактата и Россія вынуждена была снова ополчиться за своихъ единовѣрцевъ, а нынѣ опять вступаетъ она въ борьбу, въ которой руководить ея сознаніе своей безупречной правоты и святости защищаемаго ею дѣла. Будетъ ли то, наконецъ, послѣдняя жертва? Проникнемся надеждой что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ не удастся дипломатіи испортить то что будетъ достигнуто цѣной русской крови.

Р.

ОЛЛАНТА

ДРЕВНЕ-ПЕРУАНСКАЯ ДРАМА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ИНКОВЪ

ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая драма представляет любопытный памятникъ древне-перуанской поэзіи. Она имѣетъ для насъ особенный интересъ не какъ художественное произведеніе, но какъ единственный литературный памятникъ народа утратившаго давно свое политическое существованіе, и потому можетъ занять видное мѣсто въ исторіи поэзіи вообще и въ исторіи драмы въ особенности. Читая ее, мы можемъ составить себѣ понятіе о той степени умственного развитія Перуанцевъ, которой они достигли во время владычества Инковъ.

Время ея сочиненія относятъ къ концу XV или къ началу XVI вѣка, то-есть не за долго до вторженія Испанцевъ въ Перу, а лѣтъ ото слуста, появилась первый ея рукопись. Полагаютъ что драма эта была записана доминиканскимъ монахомъ, а одинъ изъ самыхъ древнихъ ея списковъ былъ найденъ въ библиотекѣ монастыря Санто-Доминго, въ Куско. Въ послѣдствіи, въ Боливіи, нашелся еще

списокъ этой драмы, отмѣченный 1735 годомъ. Одинъ католическій священникъ по имени Антоніо Вальдецъ, бывшій другомъ Инки Тулакъ Амару, который поднялъ въ 1780 году страшную революцію, надѣлавшую много хлопотъ Испанцамъ, переписалъ эту драму и она часто исполнялась на сценѣ въ присутствіи самого Инки. Перуанскій журналъ *El Museo erudito*, издававшійся въ 1837 году, напечаталъ нѣсколько сценъ изъ этой драмы, приписавъ ея сочиненіе этому священнику; но такъ какъ въ послѣдствіи нашлись въ Боливіи и въ Куско древніе списки этой драмы, то и пришли къ заключенію что Антоніо Вальдецъ былъ только ея переписчикомъ: онъ собралъ ея отдѣльныя сцены, привелъ ихъ въ порядокъ и приспособилъ къ сценическому исполненію.

По мнѣнію испанскаго филолога дона Іосе Барранка, который въ 1868 году издалъ испанскій переводъ этой драмы, отдѣльныя ея сцены несутъ на себѣ печать глубокой древности. Въ нихъ строго сохранились религіозное воззрѣніе Перуанцевъ, ихъ обычаи, обряды, жертвенныя церемоніи и военные планы: одно ужъ это можетъ служить доказательствомъ что творцомъ этой драмы никакъ не могъ быть католическій монахъ.

Изъ сказаній стариннаго перуанскаго историка Гарсилассы-де-ла-Вега, который жилъ въ XVI вѣкѣ и по матери происходилъ отъ рода Инковъ, намъ извѣстно, что въ Куско во времена Инковъ процвѣтали науки и искусства. Содержаніе тогдашнихъ комедій заимствовалось изъ семейной жизни, а въ драмахъ изображались подвиги перуанскихъ царей и героевъ. Эти драмы, какъ и народныя лѣснѣи, жили въ памяти народа и передавались устно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Характеръ ихъ былъ поучительный: онъ имѣлъ цѣлю пробудить добрыя чувства въ сердцѣ государя. Такъ и въ этой драмѣ представленъ Инка, который по наемкѣ жреца не только прощаетъ бунтовщика, осужденнаго на смерть, но до того простираетъ свое великодушіе, что дѣлаетъ его своимъ наѣстникомъ. Нѣтъ недостатка и въ изображеніи нѣжныхъ чувствъ любви материнской, дѣтской и супружеской. То обстоятельство, что изъ множества драматическихъ произведеній временъ Инковъ дошла до насъ только одна эта драма, еще болѣе доказываетъ ея внутреннее достоинство.

Въ 1853 году известный филологъ докторъ Чуди, членъ Вѣнской Академіи Наукъ, напечаталъ эту драму въ оригиналѣ, на кечуанскомъ (Kechua) языкѣ, по копію съ того древняго манускрипта, который хранился въ Куско, въ монастырѣ Санто-Доминго, а въ прошломъ году въ *Историко-филологическихъ Памятникахъ*, издаваемыхъ Вѣнскою Академіей, былъ вторично напечатанъ полный ея оригиналъ съ подстрочнымъ прозаическимъ переводомъ доктора Чуди, съ подробнымъ критическимъ изслѣдованіемъ и съ объясненіемъ почти каждаго стиха. Этимъ изданіемъ руководствовался я при исполненіи моего перевода, сохранивъ стихотворный размѣръ подлинника.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о герояхъ этой драмы. Его имени нѣтъ въ исторіи Перуанскаго государства, но древнее преданіе разсказываетъ что Олланта, герой и владѣтель дворца и крѣлости, влюбился въ одну изъ дѣвъ солнца и тайно посѣщалъ тотъ храмъ, гдѣ жили эти дѣвы, но былъ наконецъ захваченъ. Смертная казнь, которая назначалась за такое преступленіе, была для него замѣнена другимъ позорнымъ наказаніемъ. Тогда онъ удалился въ свою твердыню и возсталъ противъ Инки, который долгое время воевалъ съ нимъ безуспѣшно; но наконецъ лобѣдилъ его хитростью. Одинъ изъ его полководцевъ, избитый и израненный, пришелъ въ станъ Олланты и сталъ притворно умолять его о защитѣ и мщеніи противъ Инки, который жестоко наказалъ его. Олланта принялъ его подъ свое покровительство; но коварный полководецъ воспользовался однимъ празднествомъ, когда все войско Олланты олялявшее уснуло беззаботно, ввелъ въ крѣлость войска Инки и захватилъ всѣхъ въ плѣнъ. Олланта храбро защищался, но, побѣжденный численностью враговъ, бросился со скалы въ пропасть.

Это преданіе послужило автору сюжетомъ для его драмы.

Дѣйствующія лица:*

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

ТУПАКЪ ЮПАНКИ, сынъ его и потомъ наслѣдникъ его престола.

УЙЛАКЪ УМА, главный жрецъ.

ОЛЛАНТА, полководецъ и наместникъ провинціи Антизуйю.

РУМИНЬЯГУЙ, полководецъ и наместникъ провинціи Гаманзуйю.

ОРКО ГУАРАНКА, полководецъ, другъ Олаанты.

ГАНКО ГУАЙЛЮЙ, знатный Аукъ, другъ Олаанты.

НИКИ ЧАКИ, слуга Олаанты.

КОЙЯ АНАГУАРКЕ, супруга стараго Инки.

КУЗИ КОИЛЛУРЪ, дочь ея отъ Инки, тайная супруга Олаанты.

ИМА СУМАКЪ, дочь ея (12ти лѣтъ).

ПИТУ САЛЛА, одна изъ дѣвъ Солнца.

МАМА КАХА, надзирательница въ домѣ „избранныхъ дѣвъ“.

Вѣстники, рабы, свита, народъ.

Мѣсто дѣйствія—частію столица Куско, частію Олаанта тамбо, станъ Олаанты.

---

* Пачакутекъ въ буквальному переводѣ „преобразователь міра“.

Тулакъ Юпанки—„быть достойнымъ“.

Уйлакъ Ума—„ушкъ-глаза“ или „главный ушкъ“.

Руминьягуй—„камень-глазъ“, или „каменный глазъ“.

Орко Гуаранка—„тысяча мужей“.

Ники Чаки—„блоха-нога“, или „блошиная нога“, (легкій на ногу).

Кузи Коиллуръ—„счастье-звѣзда“ или „звѣзда счастья“.

Има Сумахъ—„какая прелесть“.

Питу Салла—„любезная подруга“.

Мама Каха—„мать-скала“, или „жестокая мать“.

АКТЪ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(Въ Куско, предъ храмомъ Солнца)

ОЛЛАНТА входитъ въ мантию, затканную золотомъ, съ лямочей на плечѣ.
ПИКИ ЧАКИ слѣдуетъ за нимъ.

ОЛЛАНТА.

Пики Чаки! ты нашелъ ли
 Коиллуръ въ ея дворцѣ?

ПИКИ ЧАКИ.

Сохрани меня Богъ свѣта,
 Чтобы я туда ходилъ!
 Развѣ самъ ты не боишься?
 Коиллуръ вѣдь—Инки дочь.

ОЛЛАНТА.

Пусть она дочь Инки,—сердце
 Ей мое принадлежитъ,
 И ее, мою голубку,
 Буду вѣчно я любить!

ПИКИ ЧАКИ.

Знать тебя опуталъ демонъ,
 Или ты ужь очень ладокъ
 До красавицъ молодыхъ.
 Не ребячество ли это?
 Ну, какъ вдругъ узнаетъ Инка,
 Что душа твоя таитъ?
 Онъ казнить тебя немедля,
 И въ жаркое обратить.

ОЛЛАНТА.

Замолчишь ли ты, не то я
 Задушю тебя на мѣстѣ,
 Или собственной рукою
 Изорву тебя въ куски!

ПИКИ ЧАКИ.

Что же, вышвырни меня,
 Какъ издохшую собаку;
 Мнѣ тогда не скажешь ты:
 „Пики! ну! ищи скорѣ!“
 И не буду день и ночь
 Каждый часъ въ твоихъ услугахъ.

ОЛЛАНТА.

Слушай, Пики: еслибъ смерть
 Мнѣ серпомъ своимъ грозила,
 Еслибъ на меня горой
 Всѣхъ враговъ возстала сила,
 И тогда бъ ихъ наладенье
 Встрѣтить былъ бы я готовъ.
 Мнѣ безъ милой жизнь—мученье,
 Лучше смерть, но лишь при ней!

ПИКИ ЧАКИ.

А явись тебѣ злой духъ?

ОЛЛАНТА.

Я полру его ногами!

ПИКИ ЧАКИ.

Такъ ли ты заговоришь,
 Если носъ его увидишь?

ОЛЛАНТА.

Ну, скажи мнѣ, Пики, самъ,
 Дай отвѣтъ мнѣ справедливый:
 Не похожа ль Коиллуръ
 На цвѣтокъ великолѣпный?

ПИКИ ЧАКИ.

Ты о ней все говоришь?
 Я совсѣмъ ея не знаю.
 Не она ль вчера прошла
 Утромъ, въ сонмѣ дѣвъ веселыхъ,
 Въ длинномъ платьѣ и сіяла.
 То какъ солнце красотой,
 То луну напоминала?

ОЛЛАНТА.

Да, она! Чиста, прелестна!
 Ей другой подобной нѣтъ!
 Такъ иди же къ ней скорѣ
 И, снеси ей мой привѣтъ.

ПИКИ ЧАКИ.

Днемъ идти туда не смѣю:
 Во дворцѣ ея большомъ
 Я напрасно проплутаю:
 Я ни съ кѣмъ тамъ не знакомъ.

ОЛЛАНТА.

Но ее же ты узнаешь.

ПИКИ ЧАКИ.

Это такъ; но вѣдь подумай:
 Въ небѣ днемъ не видно звѣздъ,
 Видѣть ихъ лишь можно ночью.

ОЛЛАНТА.

Прочь отсюда, трусъ презрѣнный!
 Эта дивная звѣзда
 Свѣтитъ ярко подлѣ солнца,
 Затмѣвая блескъ его.

ПИКИ ЧАКИ.

Вотъ идетъ сюда старикъ,
 А пожалуй то старуха —
 Съ виду ихъ не различить; —
 Обратись къ нему, быть-можетъ,
 Онъ исполнитъ чтѣ велишь;
 А меня тамъ за бродягу
 Иль за нищаго сочтутъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТѢ ЖЕ. УЙЛАКЪ УМА, въ длинномъ черномъ одѣяніи съ ножомъ
 въ рукѣ.

УЙЛАКЪ УМА (*смотря на Солнце*).

О, свѣтило дня златое!
 Преклоняюсь предъ тобой!
 Для тебя я приготовилъ
 Десять сотенъ черныхъ ламъ,

Чтобъ въ твой праздникъ вождѣнный
Ихъ закласть передъ тобой,
И полить ихъ теплою кровью
Пепелъ жертвенный святой.

ОЛЛАНТА (*тихо*).

Пики Чаки! то пришелъ
Мудрый старецъ Уйлакъ Ума:
Знать не добрую судьбу
Мнѣ предскажетъ этотъ пума.*
Страшенъ этотъ прорицатель:
Лишь бѣды пророчить онъ
И во мракъ судебъ глубокихъ
Проникаетъ какъ шлюкъ.

ПИКИ ЧАКИ.

Замолчи, не говори!
Онъ заранѣе все знаетъ,
Что сказать желаетъ ты.
Вотъ, никакъ онъ начинается.

ОЛЛАНТА.

Онъ глядитъ ужъ на меня.

(Къ Уйлакъ Умъ.)

Мудрый ауки ** Уйлакъ Ума!
Я привѣтствую тебя.
Тайны нѣтъ передъ тобою,
Ты надъ всѣми здѣсь главою.

УЙЛАКЪ УМА.

Предъ тобой, герой Олланта,
Покорились всѣ селенья,
И твоей десницы сила
Въ нихъ порядокъ водворила.

ОЛЛАНТА.

Страхъ волнуетъ сердце мнѣ:
Старца древняго здѣсь вижу,
Вижу пепелъ, урны, камни,
И сосуды, и корзины,
Вижу ламъ и стадо птицъ....

* Пума—американскій левъ.

** Ауки—титულъ даваемый родственникамъ Пики.

О, скажи мнѣ, Уйлакъ Ума,
 Ты зачѣмъ сюда пришелъ?
 Иль бѣда грозитъ какая?
 Или болеть Иака намъ?
 Иль опять начнешь пророчить,
 Какъ прольется тунки * кровь?
 Праздникъ солнцеповорота
 И луны еще далекъ.

УЙЛАКЪ УМА.

Я упрекъ въ вопросъ слышу;
 Развѣ я слугитель твой?
 Чтобы знать что дѣлать мнѣ,
 Не нуждаюсь въ указаньи.

ОЛЛАНТА.

Страхъ наполнилъ душу мнѣ
 Лишь тебя я здѣсь увидѣлъ:
 Не готовить ли несчастья
 Мнѣ зловѣщій твой приходъ?

УЙЛАКЪ УМА.

Нѣтъ, Олланта, не страшись
 Что твой жрецъ передъ тобою:
 Какъ солому вѣтеръ мчить,
 Такъ меня примчала дружба.
 Но скажи, всегда ли разумъ
 Сердцемъ управлялъ твоимъ?
 Нынѣ дамъ тебѣ на выборъ
 Или счастье, или адъ;
 Жизнь иль смерть—что самъ захочешь,
 То получишь отъ меня.

ОЛЛАНТА.

Темный смыслъ твоихъ реченій
 Не постигну я никакъ:
 Разрѣши мнѣ нити узелъ
 И разсѣй скорѣ мракъ!

УЙЛАКЪ УМА.

Ну, такъ слушай же, Олланта,
 Что открыла мудрость мнѣ, —

* Тунки—горный пѣтухъ, жертвенная птица.

Я владѣю даромъ видѣть
 Все, сокрытое во тьмѣ,
 И тебя возвысить въ Алу *
 Я одинъ имѣю власть.
 Съ дѣтства я тебя взросталъ
 И любилъ тебя какъ сына.
 Я одинъ могу помочь
 Антизуйю властелину.
 Всѣ взираютъ на тебя,
 Любятъ всѣ и уважаютъ;
 Инка отличилъ тебя:
 Онъ повязкою своею
 Увѣнчалъ твое чело;
 Онъ твою упрочилъ силу,
 Чтобъ враговъ ты сокрушилъ;
 Всѣ свои предназначенья
 Онъ рукою твоею свершилъ.
 Для чего жъ ему на горе
 Ты замыслилъ тайный ковъ?
 Для чего ты соблазняешь
 Инки дочь — его звѣзду,
 И къ паденью уваекаешь?
 О, покинь свою мечту,
 Заглуши влеченье сердца!
 Хоть она тебя и любитъ,
 Но отецъ ея тебя
 Не сочтетъ ея достойнымъ,
 Такъ оставь свою любовь
 И насильно не вторгайся
 Въ залертую крѣпко дверь.
 Инка дочь свою такъ любить,
 Что тебѣ ея не дастъ.
 Умолчи предъ нимъ объ этомъ,
 Гнѣвъ его не возбуждай,
 Мысли, какъ прилично мужу,
 И какъ ауки поступай!

ОЛЛАНТА.

Но откуда жъ ты узналъ,
 Что въ душѣ моей сокрыто?

---

* Алу—господинъ, повелитель, судья.

Только матери ея
Тайна та была открыта.

УЙЛАКЪ УМА.

Все, что было и что будетъ —
Мнѣ повѣдала луна.
Что въ душѣ ты ни таилъ бы,
Все откроетъ мнѣ она.

ОЛЛАНТА.

Я предчувствовалъ не даромъ,
Что ты ядъ мнѣ подвесишь!
Ты ль, въ болѣзни, мучась жаждой,
Свой напитокъ самъ прольешь?

УЙЛАКЪ УМА.

О, какъ часто пьемъ мы смерть
Изъ сосуда золотого!
Такъ судьбой намъ суждено;
Мы въ желаньяхъ ненасытны.

ОЛЛАНТА.

Лучше ужъ своимъ ножомъ
Порази меня на мѣстѣ,
Вырви сердце изъ груди!
Вотъ, у ногъ твоихъ молю я!

УЙЛАКЪ УМА (*къ Пики Чаку*).

Дай сюда мнѣ тотъ цвѣтокъ!

(*Къ Олланта.*)

Видишь, онъ совсѣмъ лоблѣкъ,
Высохъ весь; но предъ тобою
Засочится онъ водою.

(*Онъ жметъ цвѣтокъ и изъ него
течетъ вода.*)

ОЛЛАНТА.

О, скорѣй утесъ кремнистый
Будетъ воду источать,
А земля слезами плакать,
Чѣмъ рѣшусь я не видаться
Съ дорогою Коиллуръ!

УЙЛАКЪ УМА.

Это поле сѣменахи
 Ты насѣи и удались;
 Но потомъ, какъ возвратишься,
 Ты увидишь, что оно
 Заросло кругомъ травою.
 То же будетъ и съ тобою:
 Возрастетъ твоя вина
 И согнетъ тебя она.

ОЛЛАНТА.

Ты, отецъ, вину мою
 Указалъ мнѣ; предъ тобою,
 Какъ преступникъ, я стою
 Съ преклономъ головою.
 Ты связалъ меня кругомъ
 Неразрывною тесьмою,
 Чтò изъ нитей золотыхъ
 Соткана и потому
 Палачомъ златымъ зовется.
 Но вѣдь Кузи Коиллуръ
 Мнѣ жена, я съ нею связанъ;
 Въ насъ обоихъ кровь одна.
 Мать ея все это знаетъ
 И союзъ нашъ одобряетъ.
 Помоги жь мнѣ упросить
 Инаку дочь отдать мнѣ въ жены.
 О, пойдемъ со мной къ нему!
 Можетъ-быть, онъ потому
 Оттолкнетъ меня съ презрѣньемъ,
 Что не равенъ съ нимъ рожденьемъ?
 Пусть припомнитъ онъ себѣ
 Все чтò сдѣлалъ для него я,
 Пусть онъ взвѣситъ безпристрастно
 И заслуги, и вину.
 Я сѣкою своею
 Страшенъ сдѣлался врагамъ,
 Много, тысячъ храбрыхъ воевъ
 Я повергъ къ своимъ ногамъ.

УЙЛАКЪ УМА.

Ауки! не хвались собою:
 Въ ткани, сотканной тобою,
 Твой залутался челнокъ;
 Размотай ты весь клубокъ,
 А не то порвутся нити.
 Къ Иякѣ ты теперь иди
 И какъ рабъ его въ смиреньи
 Передъ трономъ упади
 И судьбы своей рѣшенья
 Отъ него покорно жди.

(Уходитъ.)

ОЛЛАНТА.

Что жь, Олланта, или страхъ
 Овладалъ твоей душою?
 О, сій мяѣ, Коиллуръ,
 Путеводною звѣздою!
 Пики Чаки! Тутъ ли ты?

ПИКИ ЧАКИ.

Я немного тутъ вздремнулъ,
 Но зловѣщій сонъ мяѣ снился.

ОЛЛАНТА.

Что жь пригрезилось тебѣ?

ПИКИ ЧАКИ.

Лама черная въ тенетахъ.

ОЛЛАНТА.

Значить, видѣлъ самъ себя.

ПИКИ ЧАКИ.

Да, будь ушн подлиннѣе.

ОЛЛАНТА.

Ну, пойдемъ теперь скорѣе
 Къ Коиллуръ.

ПИКИ ЧАКИ.

Погоди: еще свѣтло.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

(Во дворцѣ царицы)

КУЗИ КОИЛЛУРЪ въ слезахъ. Мать ея КОЙЯ АНАГУАРКЕ.

КОЙЯ.

Кузи! солнца отраженье!
 О, окажи мнѣ, что съ тобой?
 Отчего ты такъ печальна?
 Ты давно ли потеряла
 И веселье, и покой?
 Эти вздохи, эти слезы
 Надрываютъ сердце мнѣ.
 Ахъ, чѣмъ видѣть это горе,
 Умереть бы лучше мнѣ!
 Ты Олланту полюбила,
 Ты достойнѣйшаго ауки
 Избрала себѣ въ мужья.
 Что жъ виной твоей печали?
 Чѣмъ болить душа твоя?

КОИЛЛУРЪ.

О, царица! о, родная!
 Какъ же мнѣ не горевать?
 Какъ не плакать? Этотъ ауки,
 Этотъ милый мнѣ супругъ,
 Съ дѣтскихъ лѣтъ любимый мною,
 Позабылъ меня совсѣмъ!
 Я давно ужъ не видала
 Его милаго лица!
 О, родная! о, царица!
 Гдѣ супругъ мой дорогой?

(Плачетъ)

Ахъ, когда его узнала,
 Въ черныхъ лятнахъ мѣсяцъ былъ;
 Солнца ликъ передъ закатомъ
 Точно пепелъ вдругъ покрылъ,
 И зловѣщее носилось
 Въ небѣ облако съ огнемъ,
 А звѣзду златую утра
 Я увидѣла съ хвостомъ.

Это все дурные знаки:
 Мнѣ грозятъ они бѣдой!
 О, родная! о, царица!
 О, супругъ мой дорогой!

Койя.

Осуши скорѣ слезы,
 Оботри свое лицо,
 Вотъ идетъ отецъ твой Инка,
 Онъ сейчасъ сюда войдетъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же. ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ. СВИТА.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Кузи! сердца наслажденье!
 Цвѣтъ дѣтей моихъ роскошный!
 Мой душистый сердца плодъ!
 Дорогое ожерелье!
 Прилади къ моей груди,
 Отдохни на ней, голубка!
 Кузи! свѣтъ моихъ очей,
 Ты излей свою мнѣ душу
 Въ золотую нить рѣчей.
 Вѣдь въ глазахъ твоихъ сіяетъ
 Счастье жизни для меня,
 И они, какъ стрѣлы солнца,
 Все живутъ кругомъ себя.
 Счастливъ тотъ, кому съ привѣтомъ
 Ты уста свои откроешь;
 Для меня же, для отца,
 Ты блаженство и отрада,
 И, чтобъ было такъ всегда,
 Разлучаться намъ не надо.

КОИЛЛУРЪ.

О, родитель добрый мой!
 Я столы твои лобзаю....

(Упадаетъ къ его ногамъ)

Охрани свою ты дочь
 Отъ печали и страданья!

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Ты у ногъ моихъ, въ слезахъ?
 Кузи! ты меня пугаешь.
 Я, какъ любящій отецъ,
 Возрастилъ тебя, взлелѣялъ;
 Такъ о чемъ же плачешь ты?

КОИЛЛУРЪ.

Эти слезы—что роса:
 Только соляде загорится,
 Озаря небеса,
 И она вдругъ испарится.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Сядь ко мнѣ, мое дитя,
 Моя милая царевна!
(Онъ сажаетъ ее подлѣ себя)

РАБЫНЯ.

Тамъ, царевна, хоръ пѣвцовъ
 Собрался тебя потѣшить.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Пусть войдутъ они сюда!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ТВЪ ЖЕ. Восемь маленькихъ мальчиковъ съ тамбуринами и бубнами и нѣскольکو дѣвушекъ. Мальчики начинаютъ пѣть и плясать. (Музыка.)

ХОРЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Не летай ты, птичка,
 Миленькая туйя! *
 Въ садъ моей-царевны.
 Ты не смѣй клевать тамъ
 Маисовы зерна:
 Зерна эти мягки,
 Но крѣпка кора ихъ,
 Сладки они вкусомъ,
 Листъ ихъ слабъ и нѣженъ.

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

Плохо тебѣ будетъ:
 Въ свѣтъ тебя поймаю.
 Вотъ мы и пускаку *
 Взяли, придушили,
 Сердце разорвали,
 Перья разщипали.
 И за то ей доля
 Выпала такая,
 Что она клевала
 Зерна, прилетая.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Ну, прощай, мое дитя!
 Веселись и забавляйся
 Въ домѣ матери своей.

(Уходитъ со свѣтой.)

КОИЯ *(къ дѣвушкѣмъ.)*

Спойте ей, мои цвѣточки,
 Пѣснь другую, похвѣжнѣй.
 Что они сейчасъ прогѣли
 Лишь тоску наводить ей.

(Мальчики по ея знаку удаляются.)

ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Снѣгомъ все зима одѣла;
 Въ глубинѣ дула, тоскуя,
 Голубковъ чета сидѣла,
 Томно, жалобно воркуя.

Лучъ весны проникъ въ жилище,
 Голубочекъ встрепенулся,
 Полетѣлъ искать оныя лица,
 Но назадъ ужъ не вернулся.

А печальная подруга
 Вслѣдъ за милымъ полетѣла,
 Отыскать желая друга;
 Но нашла его лишь тѣло.

* Пускака, какъ и туйя—порода лѣвчихъ птицъ Сибирскихъ, очень вредная для маисовыхъ плантацій.

„Что съ тобою милый стало? —
Говоритъ она, тоскуя, —
Сердце биться перестало,
Не дождусь я поцѣлуя!“

Отъ скалы къ скалѣ бросаясь,
Надъ холоднымъ тѣломъ друга,
Вьется, въ горѣ убиваясь,
Овдовѣвшая подруга.

„Я осталась одинокой,
Свѣта жизни мнѣ не стало!“
Такъ сказавъ, взвилась высоко
И на труль безъ жизни пала.

КОИЛМУРЪ.

Дѣвы! лѣсѣ вашей звуки
Пробуждаютъ сердца муки!
Разойдитесь! въ тишинѣ
Дайте выплакаться мнѣ!

(Она уходитъ. Рабыни слѣдуютъ за нею.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

(Во дворѣ Инки)

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ. Его полководцы ОДЛАНТА и РУМИНЬЯГУЙ.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Съ вами, доблестные аuki,
Я хочу поговорить.
Завтра утромъ соберутся
Всѣ, кого я назначаю
Въ Колазуию * воевать,
И, какъ слышно, и Хайянты
Въ поле выступить хотятъ:
Всѣ, я знаю, рвутся къ бою,
Точутъ стрѣлы для него.

---

* Колазуию — провинція лежащая къ югу отъ Куско. Царство Инковъ раздѣлялось на четыре провинціи: восточная называлась Антизуию, западная — Кунтизуию, южная — Колазуию, сѣверная — Хивизасуию (Квиго).

ОЛЛАНТА.

Что же, Инка, могут сдѣлать
 Эти карлики-уроды?
 Даже на гору предъ Куско
 Имъ взобраться тяжело.
 Рати восемьдесятъ тысячъ
 У меня ужъ собрано:
 Только ждетъ лишь барабана
 И трубы моей она.
 Ужъ наточена стѣкира,
 Сжата лалица въ рукѣ.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Пусть войска всѣ соберутся,
 Вы походъ имъ объявите;
 Если трусы въ нихъ найдутся,
 Вы ихъ бодрость возбудите.

РУМИНЬЯГУЙ.

Слышно, много недовольныхъ
 Между Юнками * у насъ:
 Портятъ намъ они дороги.
 Малодушные Хайянты
 Въ кожу твердую одѣлись,
 Чтобъ отъ стрѣлъ себя спасти,
 И изъ трусости постыдной
 Тайно портятъ намъ луги.
 Но у насъ ужъ все готово;
 Ламъ навьючимъ и пойдемъ
 И мятежниковъ селенья
 Разоримъ мы и пожжемъ.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Нѣтъ, не слѣдъ улодобляться
 Змѣямъ злымъ, ведя войну.
 Если встрѣтишь ты мятежныхъ,
 Призови ихъ старшину;
 Побесѣдуй съ нимъ съ любовью,
 Прежде чѣмъ рѣшишься кровью
 Обагрять враговъ страну.

* Обитатели восточнаго склона Андозъ.

ОЛЛАНТА.

У меня ужъ все готово,
Рать давно ужъ собрана;
Но меня тревожить дума,—
Давить сердце мнѣ она.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Ты скажи, чего желаешь,
Для тебя не пожалѣю
И повязки я моей.

ОЛЛАНТА.

Инка! я готовъ открыться,
Но тебѣ лишь одному.

ИНКА (*къ Руминьягуи*.)

Храбрый алу Гананзую!
Возвратись къ себѣ домой,
Отдохни пока, а завтра
Ты явись передо мной.

РУМИНЬЯГУИ.

Исполнять твое велѣнье
Я привыкъ въ одно мгновенье.
(*Уходитъ*)

ОЛЛАНТА.

Мощный Инка! самъ ты знаешь,
Съ дѣтства я тебѣ служилъ
И, какъ храбрый полководецъ,
Своей жизни не щадилъ.
Всюду шелъ я за тобою
Противъ сонмища враговъ,
За тебя, сражаясь съ ними,
Проливалъ свой потъ и кровь.
Мѣдной палицей моею
Я враговъ твоихъ смирялъ,
Въ города ихъ и селенья
Страхъ и трепетъ водворялъ.
Кто изъ нихъ не зналъ Олланта?
Кто предъ нимъ не трепеталъ?
И рука моя, и имя

Стали страшны всѣмъ врагамъ;
Я всю область Гананзуйю
Положилъ къ твоимъ столамъ,
И всѣхъ Юнковъ ихъ рабами
Во дворецъ къ тебѣ привлекъ.
Я Ханкасовъ уничтожилъ
И жилища ихъ пожогъ.
Племя дикое Гуанка
Гвильки въ прахъ я растолталъ.
Гдѣ Олланта не былъ первымъ
Впереди твоихъ полковъ?
Всѣ мятежныя селенья
Подчинилъ тебѣ я вновь;
Тѣхъ оружіемъ смирилъ я,
Тѣхъ словами убѣдилъ.
И меня, отецъ мой, щедро
Ты за это наградилъ:
Далъ мнѣ ладіцу златую,
Далъ шелома мнѣ золотой,
Далъ сакуру золотую
И возвысилъ надъ толпой.
Кѣмъ я сталъ и что имѣю,—
Всѣмъ обязанъ я тебѣ.
Ты возвелъ меня въ санъ алу
И всю область Антизуйю
Въ управленіе отдалъ мнѣ,
И при ней полсотни тысячъ
Лучшихъ воиновъ своихъ.
Но со всѣмъ что я имѣю,
Я лежу у ногъ твоихъ,
Какъ твой рабъ, и умоляю:
О, возьми къ себѣ меня,
Коиллуръ отдай мнѣ въ жены,
Мнѣ она—свѣтило дня!
И во мнѣ найдешь ты сына:
Какъ отцу и господину
Буду я тебѣ служить
И съ любовью до кончины
Восхвалять тебя и чтить!

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Ты забылъ свой родъ, Олланта!
Вспомни, кѣмъ ты и смирись,
Будь доволенъ чѣмъ владѣешь
И не мчися слишкомъ въ высь!

ОЛЛАНТА.

О, убей меня ужь лучше!

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Тутъ судья не ты, а я;
Ничего не жди другаго.
Рѣчь твоя—лишь бредъ больного.
Удалцесь! оставь меня!

(Уходитъ)

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

Лѣсъ.

ОЛЛАНТА. *(Одинъ въ глубокой горести)*

ОЛЛАНТА.

Ахъ, Олланта! ахъ, Олланта!
Онъ затѣмъ тебя возвысилъ
Чтобъ мечомъ ему служилъ ты
И враговъ его смирялъ.
Коиллуръ! моя подруга!
Я тебя на вѣкъ лишился!
Для тебя ничтоженъ я....
О, царевна! о, голубка!

*(Онъ падаетъ обезсиленный, но по-
томъ вскакиваетъ въ негодованіи.)*

Куско, Куско! славный городъ!
Я отнынѣ врагъ тебѣ,
И ты мечь мою узнаешь!
Дикихъ полчищъ наведу я,
Чтобъ терзали грудь твою;
На съѣденіе хищнымъ птицамъ
Инку гордаго отдамъ.
Авти всѣ пойдутъ за мною.

Всѣхъ сзоветъ моя труба,
 И, какъ буря, Сакшуамы
 Вмѣстѣ съ ними налетятъ,
 И въ крови тебя лотолятъ,
 И огнемъ тебя спалатъ!
 А твой Иака, побѣжденный,
 Упадетъ къ моимъ ногамъ
 И тогда уже не скажетъ:
 „Дочь тебѣ я не отдамъ!“
 Ужъ не буду на колѣняхъ
 Умолять его о ней.
 Самъ тогда я Иакой стану,
 Всѣ узнаютъ, какъ награву
 Я на нихъ грозой своей!

(Входитъ Пики Чаки)

Пики Чаки! послѣши
 Къ Коиллуръ и ей скажи
 Что сегодня въ ночь приду я.

ПИКИ ЧАКИ.

Я сейчасъ пришелъ оттуда,
 Обошелъ кругомъ весь домъ,
 Но все глухо, пусто въ немъ.
 Даже нѣтъ въ немъ и собаки;
 Двери наглухо кругомъ
 Всѣ забиты и не слышно
 Существа живаго въ немъ.

ОЛЛАНТА.

Гдѣ жъ всѣ женщины?

ПИКИ ЧАКИ.

Не знаю.

Только нѣтъ тамъ и мышей,
 Потому что нѣтъ имъ пищи,
 И лишь крикъ совъ злобѣщей
 Тамъ достигъ моихъ ушей.

ОЛЛАНТА.

Не увелъ ли ихъ оттуда
 Иака въ свой большой дворецъ?

ПИКИ ЧАКИ.

Чтобъ ихъ всѣхъ тамъ перевѣшать,
Или только залереть?

ОЛЛАНТА.

Про меня тебя сегодня
Тамъ не спрашивалъ никто?

ПИКИ ЧАКИ.

Тамъ тебя искавшихъ было
Ровно тысяча мужей*.

ОЛЛАНТА.

О, пусть вся возстанетъ область,—
Всѣхъ лята моя полпретъ,
А сѣкира боевая
Какъ солону размететь!

ПИКИ ЧАКИ.

Одного бы человѣчка
Я бы просто разорвалъ.

ОЛЛАНТА.

Про кого ты говоришь?

ПИКИ ЧАКИ.

Да про Орко Гуаранка,
Это онъ тебя искалъ.

ОЛЛАНТА.

Можетъ-быть, что Инка въ гнѣвѣ
Самъ за мной его послалъ?

ПИКИ ЧАКИ.

Орко ищетъ, а не Инка
Этотъ милъ, противень тотъ.**

ОЛЛАНТА.

Въ Куско вѣтъ его ужъ болѣ,—
Сердце вѣсть мнѣ подаетъ:
А сова мнѣ возвѣщаетъ,
Что и мы должны бѣжать.

* Намекъ на Орко Гуаранка, котораго имя означаетъ „тысяча мужей“.

** Слова „этотъ милъ“ должны относиться къ Орко Гуаранка, такъ какъ онъ лучший другъ Олланта. Точно также и выраженіе „я бы просто разорвалъ“ должно понимать какъ желаніе Пики Чаки, чтобъ изъ Орко сдѣлалась тысяча мужей.

ПИКИ ЧАКИ.

Коиллуръ ужель покинешь?

ОЛЛАНТА.

О, подруга! о, голубка!
 Какъ избавить мнѣ тебя?

ПИКИ ЧАКИ.

Чу! послушай, кто-то лѣсною
 Тамъ поетъ.

(Вдали слышны пѣніе и музыка.)

ПѢСНЯ.

Я голубку возрастила,
 Вдругъ она пропала!
 Поищи, развѣдай, милый,
 Что съ бѣдняжкой стало?
 По красть чудесной имя
 Коиллуръ ей дали,
 Чтобъ легко между другими
 Всѣ ее узнали.

Будто солнце золотое
 Ликъ ея сіяетъ
 И своею красотою
 Всѣхъ обворожаетъ.
 День и ночь напоминая,
 Вкругъ лилейной шеи
 Косы черныя, сладая,
 Вьются точно змѣи.
 Брови — радуги живыя,
 Очи — два свѣтила,
 Мечутъ искры огневныя,
 Полны чудной силы.
 Взглянуть ясно — и душою
 Радость овладѣтъ,
 Взглянуть мрачно — и тоскою
 Сердце заболѣтъ.

Какъ въ цвѣткѣ аханкарая *
 Снѣгъ и розы слиты,

---

* Аханкарай — прелестная бегонія съ красными и бѣлыми цвѣтами.

Такъ цвѣтутъ, красой лѣбная,
Нѣжныя лавиты.
Лишь откроетъ ротикъ алый —
Перлы въ немъ заблещутъ,
Улыбнется — старый, малый
Радостно трепещутъ.

Какъ кристаллъ сіяетъ шея
Бѣлизною нѣжной,
Грудь высокая лышнѣе
Ваты бѣлоснѣжной;
Руки стройностью лѣбняютъ,
Пальцы ихъ прямые
Красотой наломинаютъ
Иглы ледяныя.

ОЛЛАНТА.

О, подруга дорогая!
Коиллуръ! ужель тебя
Зналъ лѣвецъ тотъ, воспѣвая?
Вѣсть несется роковая
Въ этой лѣснѣ для меня!
Ахъ! мой разумъ помрачился!
Я на вѣкъ тебя лишился!
Я, злодѣй, сгубилъ тебя!
Ахъ, ужь лучше бѣ умеръ я!

ПИКИ ЧАКИ.

Ужъ ее не извели ли:
Безъ нея беззвѣздная ночь!

ОЛЛАНТА.

Только лишь узнаетъ Инка
Что я скрылся отъ него,
Какъ враги его возстанутъ,
И покинутъ всѣ его.

ПИКИ ЧАКИ.

Всѣ тебя, Олланта, любятъ,
Ты ко всѣмъ былъ добръ и щедръ;
Всѣхъ дарами надѣляя,
Лишь меня ты позабылъ.

ОЛЛАНТА.

Но на что жь тебѣ лодарки?

ПИКИ ЧАКИ.

Какъ на что? на то, на се;
Я другихъ самъ одарялъ бы,
А при деньгахъ я внушалъ бы
И лочтеніе, и страхъ.

ОЛЛАНТА.

Если будешь храбрымъ мужемъ,
То внушишь лочетъ и страхъ.

ПИКИ ЧАКИ.

Нѣтъ, мнѣ храбрость не къ лицу:
Я смѣющеюся рожей
И раскосыми глазами
Никого не устрашу.—
Чу! трубы военной звуки
Слышны тамъ! сюда идутъ!

ОЛЛАНТА.

Это ищутъ знать меня.
Убѣжимъ! Бѣги впередъ!

ПИКИ ЧАКИ.

Вотъ на это я искусенъ.

(Оба убѣгаютъ.)

АКТЪ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(Во дворѣ Инки)

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ. РУМИНЬЯГУЙ.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Я велѣлъ искать Олланта,
 Но его вы не нашли.
 На него я въ сильномъ гнѣвѣ,
 Онъ умчался какъ потокъ.
 Онъ тебѣ не попадался?

РУМИНЬЯГУЙ.

Онъ тебя страшится, Инка!

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Тысячу возьми храбрѣйшихъ
 И ступай его искать.

РУМИНЬЯГУЙ.

Онъ ушелъ, пропалъ безслѣдно,
 Домъ его три дня ужъ пустъ,
 И никто не могъ сказать мнѣ,
 Кто съ нимъ вмѣстѣ убѣжалъ.

(Входитъ поспѣшно Индѣецъ-гонимецъ.)

ИНДѢЕЦЪ.

Инка! Я изъ Урубамбы
 Присланъ чтобъ тебѣ вручить
 Этотъ килу*; мнѣ велѣли
 Послѣшить,—и вотъ я здѣсь.

---

* Килу—клубокъ изъ шерстяныхъ шнуровъ съ навязанными на нихъ узлами и разными предметами, употреблявшійся Перуанцами вмѣсто письменъ. Кечуанскій языкъ имѣетъ очень богатую литературу, которая, къ сожалѣнью, останется для насъ навсегда неизвѣстною. Она сохранилась въ клубкахъ разноцвѣтной шерсти, которые въ огромныхъ массахъ находятъ въ могилахъ Перуанцевъ при расколкѣ древнихъ кладбищъ. Въ этихъ клубкахъ заключается

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Говори, зачѣмъ пришелъ ты?

ИНДИЕЦЪ.

Этотъ килу скажетъ все.

(Подаетъ сумку.)

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Руминьягуй! развяжи!

(Руминьягуй беретъ сумку и вынимаетъ изъ нея килу — изъ прикрѣпленныхъ къ палкѣ шнурковъ красной шерсти, на которыхъ нанизаны маисовыя зерна.)

РУМИНЬЯГУЙ.

Инка! тутъ мотокъ на палкѣ,

Нити съ зернами висятъ:

Эти зерна означаютъ

Всѣхъ союзниковъ Олаанты.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ *(къ Индицу).*

Все скажи, что видѣлъ ты!

ИНДИЕЦЪ.

Анти всѣ единодушно

Вкругъ Олаанты собрались.

И повязкой увѣнчали,

И лучкомъ изъ красныхъ лерьевъ

Лобъ украсили его.

РУМИНЬЯГУЙ.

Такъ и килу говорить.

ИНКА ПАЧАКУТЕКЪ.

Прежде чѣмъ я услокоюсь

Отъ волненья, ты ступай;

Рать твоя не велика,

Но я вышлю подкрѣпленье.

или являлись событіи, или жизнеописанія похороненнаго лица. Нѣкоторые изъ нихъ до того истѣбли, что рассыпаются въ пылъ при одномъ прикосновеніи; другіе же такъ хорошо сохранились, что не утратили даже цвѣта и разматываются безъ затрудненія. Ключъ къ разгадкѣ этихъ таинственныхъ писемъ сохраняется до сихъ поръ между жрецами независимыхъ индійскихъ племенъ, и они тщательно и ревниво берегутъ его какъ свое національное сокровище.

Если ты подосети тысячъ
 Соберешь и съ быстротой,
 На него ударишь смѣло,—
 Не избѣгнетъ кары онъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Завтра выступаю чѣмъ свѣтъ,
 Войско у меня готово—
 И ужъ въ Коллу на пути.
 Всю страну ту обойду я
 И возстанье подавлю,
 И мятежника живаго
 Или мертваго возьму;
 Ты же, Инка, усладкойся.

(*Поспѣшно уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Въ станѣ Олланта).

ОЛЛАНТА и ОРКО ГУАРАНКА (входятъ съ разныхъ сторонъ съ многочисленною оцѣтой Народъ).

ОРКО ГУАРАНКА.

Храбрый вождь! къ тебѣ явился
 Антизуйскій весь народъ,
 Чтобъ почтить тебя достойно.
 Видишь, какъ ликуютъ жены:
 Всѣ желаютъ чтобъ въ Хайянту
 Ты полки свои повелъ.
 И далеку твой путь, и труденъ;
 Но, быть-можетъ, чрезъ него
 Мы достигнемъ нашей цѣли,
 И не нужно будетъ намъ
 Каждый годъ ходить войною
 Въ отдаленныя владѣнья,
 Кровь враговъ тамъ проливать
 И свою, чтобъ больше коки *
 И приласовъ намъ собрать.

* Кока — кустарное растеніе съ блестящими зелеными листьями, бѣлыми цвѣтами и ярко-красными ягодами, имѣетъ сильное возбуждающее свойство. Это растеніе и донынѣ употребляется Индійцами.

Тамъ, среди стелей безводныхъ,
 Утомятся наши лампы;
 Страшно ищамъ терновникъ
 Тамъ изранить ноги намъ;
 Да и воду мы съ собою
 На сплавъ должны нести,
 Чтобъ отъ жажды въ той пустынь
 Не погибнуть на пути.

ОЛЛАНТА.

Вотъ что Орко Гуаранка
 Говорить, друзья мои!
 Вы слова его замѣйте,
 И въ душѣ ихъ сохраните,
 Хоть они и тяжелы.
 А ужъ Инкѣ самъ скажу я
 Чтобы къ намъ онъ въ Антизую
 Въ этотъ годъ не приходилъ.
 Если жъ выступить въ походъ онъ,
 То ему не одобровать:
 Сожжена ахуаранка.*
 И войска его въ походъ
 Пострадаютъ на пути:
 Всѣ солдаты истомятся,
 А вождей достигнетъ смерть.
 Такъ въ глаза ему скажу я
 И уйду; но если онъ
 Не послушаетъ совѣта
 И пойдетъ на насъ войною,
 Я немедленно къ вамъ явлюсь.
 Вы спокойно оставайтесь
 Въ мирныхъ хижинахъ своихъ,—
 Я съ дружиною своею
 Охранить сумѣю ихъ.

ВСѢ

О, да здравствуетъ нашъ Инка!
 Знамя красное возьми.
 И лозяку съ красной кистью—
 Власть знакъ — отъ насъ прими!

* Ахуаранка—растение, сожигаемое Индіицами въ знакъ войны.

НАРОДЪ.

Пусть онъ будетъ Инка въ Тампу!

Пусть онъ будетъ Инка нашъ!

(Онъ садится Олланта на импровизованный тронъ, повязываютъ ему голову повязкой съ красною кистію и надвигаютъ на него мантию.)

ГАНКА ГУАЙЛЮ.

Инка! изъ руки моеѣ

Прими повязку эту,

Подвосимую тебѣ.

Далеко до Вильконуты*;

Если позоветъ она,

Будь готовъ и днемъ, и ночью

Къ ней на зовъ ея летѣть.

ВСѢ.

Будь Олланта Инка нашъ!

ОЛЛАНТА *(къ Орко Гуаранка).*

Храбрый Орко Гуаранка!

Будь отнынѣ ауки ты

И правитель Антизуйю.

Вотъ возьми стрѣлу и шлемъ;

Будь вождемъ моимъ достойнымъ!

(Орко Гуаранка преклоняетъ колѣно; Олланта надвигаетъ на него шлемъ и вручаетъ стрѣлу.)

ВСѢ.

Слава, Орко Гуаранка!

Слава, слава, храбрый вождь!

ОЛЛАНТА.

Ганка Гуайлюй! ты

Сѣдовласый мудрый ауки!

Ты изъ рода Гвилья Ума,—

Вотъ укрась залястьемъ руку

Полководца моего.

---

* Страна на сѣверо-востокѣ отъ Куско.

ГАНКА ГУАЙЛЮЙ *(берет заплaстѣ)*.

Я заплaстѣ возлагаю
На тебя, напоминая
Что ты долженъ всѣхъ любить
И, какъ храбрый мужъ, служить.

ОРКО ГУАРАНКА.

О, прими, могучій Ика,
Благодарность и хвалу!

ГАНКА ГУАЙЛЮЙ *(къ Олланта)*.

Вотъ стоить передъ тобою
Храбрый витязъ, облеченный
Въ броню съ головы до ногъ.
Да не видить неприятель
Его тыла никогда!
Да не трусить онъ какъ Пуна *
И какъ листъ да не дрожить!

ОРКО ГУАРАНКА.

Анти! слушайте что Инка
Вамъ повѣдаетъ теперь;
Вы же, воины, храните
Всѣ слова его въ душѣ.
Скоро въ Куско старый Инка,
Всѣ полки свои собравъ,
И стѣиру боевую
Взявъ, поднимется на насъ;
И долину нашу скоро
Наводняютъ толпы враговъ,
Чтобы насъ поработивши,
Наши мирныя жилища
Въ прахъ и пепелъ обратить.
Такъ скорѣй ступайте въ горы,
Груды камней соберите
И занявши всѣ пути,
Крѣпче станъ свой укрѣпите;
Лишь къ горамъ проходъ одинъ
Вы оставьте на свободѣ;

---

* Пуна—индѣйское племя, живущее на Кордильерскихъ и Андскихъ горахъ. Оно считается самымъ трусливымъ.

Соберите больше яду,
Налитайте стрѣлы имъ,
Чтобы каждый пораженный
Неизбѣжно умиралъ.

ОЛЛАНТА.

Храбрый Орко! надо всѣмъ
Сдѣлать главнымъ я тебя,
Чтобъ племенъ различныхъ силы
Ты собралъ вокругъ себя.
Врагъ не дремлетъ; если доступъ
Къ намъ ему мы не запремъ;
Онъ грозою къ намъ ворвется.
Неужель предъ нимъ падемъ?

ОРКО ГУАРАИНА.

Тридцать тысячъ Анти въ станѣ
У меня есть на-лицо,
И ни трусовъ, ни негодныхъ
Нѣтъ межъ нихъ ни одного.
Вожь Маруги,—храбрый витязь,
Вилькабамбовъ къ намъ ведетъ:
Онъ въ лѣсу, при устьѣ Керу
Скроетъ воиновъ своихъ;
Точно такъ и храбрый Кара
Берегъ весь другой займетъ;
И, сокрывшись тамъ въ ущельяхъ,
Будетъ ждать моихъ говцовъ.
Десять тысячъ нашихъ Анти
Подкрѣплять ихъ будутъ тамъ;
А въ долину у Пахара
Будетъ новая засада
Десяти другихъ племенъ.
Пусть же явятся къ намъ Куско,
Мы въ молчаньи примемъ ихъ,
Но лишь только всѣ проходы
Будутъ залерты за ними,
Какъ начнется ураганъ:
Затрубятъ всѣ наши трубы
И всѣ горы задрожатъ,
И на головы Гуанковъ
Камни градомъ полетятъ;—

Всѣхъ подавать ихъ, любятъ
И ссорять подъ собою!
Ножъ докончить остальное,
Онъ съ живыми морщить,
А отъ нашихъ страдъ леручихъ,
Ни одинъ не убѣжить!

ВСѢ.

Хорошо такъ! Хорошо!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. *

(Пустынная мѣстность близъ Олланта-гамбо).

РУМИНЬЯГУЙ (въ бѣгствѣ).

Руми! ты не Руминьягуй!
Ты безглазый камень былъ. **
Ты отъ каменнаго града
Спаса бѣгствомъ; но въ ушахъ
И теперь еще гудитъ онъ.
Не своей ли ты рукой
Захватить хотѣлъ Олланта,
Здѣсь засѣвшего въ горахъ?
Ты забылъ что онъ лукавъ.
И со всѣми ищетъ сооры.
Не дрожалъ ли ты отъ гнѣва,
Какъ коварными словами
Онъ всѣ области къ возстанью
Противъ Инки возбуждалъ?
И какъ вдругъ онъ изменился:
Трусъ презрѣнный храбрымъ сталъ!
Десять тысячъ лучшей рати
Въ этотъ день я потерялъ
И едва отъ лѣва спасся.
Хвосту въ глаза въ лицо
Я хотѣлъ и съ нимъ сразиться,

* Значительный промежутокъ между этою и предыдущею сценами дополнялся вѣроятно при исполненіи пѣсньми, танцами и военными играми Индійцевъ по случаю одержанной ими побѣды.

** Тутъ непереводимая игра словъ: „Руминьягуй“ буквально значить „каменный глазъ“.

Былъ увѣренъ что меня
 Здѣсь онъ встрѣтитъ побойтсѣ.
 Но лишь только мой народъ
 Глубоко проникъ въ долину,
 Какъ съ окрестныхъ вдругъ высотъ
 Камни градомъ полетѣли.
 На главу моихъ бойцовъ.
 Всѣ утесы загремѣли,
 Поражая храбрецовъ.
 Нѣтъ нигдѣ для нихъ спасенья,
 Всюду сыплются каменья,
 Всюду смерть зѣлетъ имъ;
 Изъ раздавленныхъ рѣкою
 По долину льется кровь!
 Ахъ! что было тутъ со мною!
 Въ лужѣ крови я стоялъ
 И врага вездѣ искалъ...
 Но напрасно: онъ, сокрытый,
 Былъ невидимъ между скалъ.
 Такъ войска мои побиты!
 Какъ теперь явиться мнѣ
 Предъ Инкой? что скажу я?
 Чѣмъ печаль объ этомъ днѣ
 Въ его сердцѣ облегчу я?..
 Я уйду, но возвращусь.
 Я готовъ бы былъ пращею
 Удавить себя, клянусь;
 Но беру ее съ собой:
 Ей придется, можетъ-быть,
 Для Олланта послужить!
 (*Медленно удаляется.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Слуста 11—12 лѣтъ).

Дворъ при домѣ избранныхъ дѣвъ.

ИМА СУМАКЪ и ПИТУ САЛЛА.

ПИТУ САЛЛА.

Има Сумакъ! не ходи,
 Я молю тебя, къ воротамъ
 И тамъ долго не сиди:
 Этимъ старицѣ ты разсердишь.

Ты мнѣ милая сестра,
 Ты любима всеми нами,
 Всѣ готовы для тебя
 Сдѣлать все тебѣ въ угоду;
 Но вѣдь здѣсь твою свободу
 Ограничилъ этотъ дворъ.
 Чей сюда проникнетъ взоръ?
 Посмотри, здѣсь предъ тобою
 Все, что можно пожелать:
 Есть красивые наряды
 И уборъ есть золотой,
 И запасы вкусной пищи,
 И всѣ дѣвы царской крови
 Такъ привѣтливы съ тобою
 Какъ съ родной своей сестрой.
 Всѣ наставницы тебя
 И цѣлуютъ, и ласкаютъ
 И, любуясь тобою,
 Нѣжно къ сердцу прижимаютъ.
 Такъ чего жь тебѣ желать?
 Какъ сестра ихъ, здѣсь ты будешь
 Неразлучно съ ними жить:
 Ты, какъ дѣва царской крови,
 Изъ немногихъ избрана
 Въ дѣвы Солнца посвященъе
 Здѣсь торжественно принять
 И свѣтила лицезрѣнъе
 Ежедневно созерцать.

ИМА СУМАКЪ.

Цигу Салла! ты не разъ
 Говорила мнѣ про это,
 Но другаго отъ меня
 Не получишь ты отвѣта:
 Этотъ дворъ и этотъ домъ
 Ненавижу, презираю,
 И житье безъ жизни въ немъ
 Ежедневно прикливаю.
 Лица строгія старухъ
 Да угрюмые ихъ взгляды—
 Вотъ что вижу я вокругъ,
 Сидя тамъ, въ углу ограды.

Нѣтъ, здѣсь радость не живетъ!
Слезы ихъ тоску наводятъ,
И досада ихъ беретъ,
Если кто сюда приходитъ.
Но какъ веселы за то
Лица тѣхъ, кто покидаетъ
Этотъ домъ, какъ будто ихъ
Счастье жизни ожидаетъ.
Не за то ль я залерта
Здѣсь что матери не знаю
И, несчастная, страдаю
Потому что сирота!
Прошлой ночью я гуляла
Тамъ въ саду, вдругъ въ тишинѣ
Чьи-то стоны услышала...
Я напрасно озирала
Все кругомъ; но вотъ ко мнѣ
Долетѣлъ печальный голосъ:
„Ахъ! скорѣй бы смерть пришла!“
Я отъ страха обмерла,
У меня сталъ дыбомъ волосъ;
Но, не видя никого,
Я спросила съ содроганьемъ:
„Кто ты? выступи на свѣтъ?“
И какъ будто бы въ отвѣтъ
Услыхала я воззванье:
„Солнце милое! внемли!
Извлеки меня наружу!“
Этотъ стонъ изъ-подъ земли
Глубоко проникъ мнѣ въ душу,
Сжалось сердце отъ тоски!
Тщетно я кругомъ искала,
Никого я не нашла;
На дугу трава шелкала;
Я домой въ слезахъ пошла.
Отъ печали замирая,
Сердце выло у меня,
И теперь, вспоминая,
Вся дрожу отъ страха я.
Питу Салла! здѣсь гвѣздятся...
Только горе и бѣда,
Только слезы здѣсь струятся...

Душка Салла! никогда
 Не смущай меня словами
 Что должна я навсегда
 Здѣсь остаться! Со слезами
 Буду я всегда твердить,
 Не хочу избранной быть!

ПИТУ САЛЛА.

Ну, уйди жь теперь отсюда,
 Неравно сюда войдуть.

ИМА СУМАКЪ.

Вотъ такая жизнь мнѣ тутъ!

(Уходитъ въ дверь).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ПИТУ САЛЛА и МАМА КАХА въ бѣлой одеждѣ.

МАМА КАХА.

Ты сказала ль этой твари
 Что тебѣ велѣла я?

ПИТУ САЛЛА.

Да, я все ей говорила.

МАМА КАХА.

Что жь отвѣтила она?

ПИТУ САЛЛА.

Только молить остраданья,
 И одно лишь говорить,
 Что противно ей избранье.

МАМА КАХА.

Ты ее не вразумила?

ПИТУ САЛЛА.

О, я все ей говорила,
 Показала платье ей,
 Сиротство наложивала,
 Чтобъ ея разсѣять грусть,
 Говорила: ставъ избранной,
 Ты избѣгнешь долъ злой
 И не будешь вѣкъ рабой.

МАМА КАХА..

Такъ чего жь еще желать
 Неразумному созданью?
 Гдѣ отецъ ея? гдѣ мать?
 Что бояться ей избранныя?
 Мотылекъ ночной. она!
 Ты вѣдь ей не говорила,
 Кѣмъ она здѣсь рождена?
 Скрыть все это, какъ могила,
 Наша община должна.

(Уходитъ).

ПИТУ САЛЛА.

Има Сумахъ! дорогая!
 Есть ли гдѣ стѣна такая
 Чтобы скрыть тебя могла?
(Грозитъ вслѣдъ ушедшей старухи)
 О, змѣя! о, львица злая!

(Уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Въ Куско.

РУМИНЬЯГУЙ и ПИКИ ЧАКИ (какъ шпіоны) входятъ съ разныхъ
 сторонъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Пики Чаки! ты откуда?
 Какъ ты къ намъ сюда забрелъ?
 Иль съ врагомъ моимъ Олланта?
 Смерть искать сюда пришелъ?

ПИКИ ЧАКИ.

Я—калъка отставной—
 Вздумахъ въ Куско перебраться:
 Вѣдь, клянусь, въ долину той
 Невозможно оставаться.

РУМИНЬЯГУЙ.

Что же дѣлаетъ Олланта?

ПИКИ ЧАКИ.

Онъ готовитъ килу вамъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Что же налететь онъ тамъ?

ПИКИ ЧАКИ.

Подари мнѣ что-нибудь,
И я все тебѣ открою.

РУМИНЬЯГУЙ.

Палку, чтобъ тебя отдуть,
А повѣсать,—дамъ и втрое.

ПИКИ ЧАКИ.

Ахъ! меня пугаешь ты!

РУМИНЬЯГУЙ.

Ну, скорѣй же, говори!

ПИКИ ЧАКИ.

Я вотъ глазъ почти лишился,
Глухъ совсѣмъ, бѣдняга, сталъ,
Старый дѣдъ мой удавился,
Мать я тоже потерялъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Да скажи-жь мнѣ, гдѣ Олланта?

ПИКИ ЧАКИ.

Даже хлѣбца ѣсть кусочка,
А пакай еще не зрѣлъ *,
И бродя въ пустынь дикой
Я безъ лица ослабѣлъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Слушай, не серди меня,
А не то—убью тебя!

ПИКИ ЧАКИ.

Да, Олланта.... ссарадилася:
Изъ большущихъ камней стѣну
Онъ воздвигъ, а изъ людей
Великановъ понадѣлалъ,
Двухъ сложивши въ одного.
Но скажи мнѣ, отчего
Точно курица больная,
Въ длинномъ платьѣ ходишь ты,
Грязь подоломъ подметая?

* Пакай—питательный плодъ Mimosa incana, Humb.

РУМИНЬЯГУЙ.

Развѣ самъ ты не замѣтилъ,
 Какъ весь городъ оторченъ!
 Пачакутекъ схороненъ;
 Посмотри: всѣ въ знакъ демали
 Ходятъ въ черномъ одѣанъ
 И всѣ слезы льютъ по немъ.

ЦИКИ ЧАКИ.

Кто-жъ теперь здѣсь будетъ Инка?
 Кто его получить тронъ?

РУМИНЬЯГУЙ.

Сынъ его Тулакъ Юпанки.

ЦИКИ ЧАКИ.

Былъ его любимецъ онъ;
 Но вѣдь онъ же всѣхъ моложе,
 Такъ, скажи мнѣ, отчего же
 Былъ онъ старшимъ предпочтенъ?

РУМИНЬЯГУЙ.

Куско весь его избралъ,
 А повязку и сѣкуру
 Инка самъ ему вручилъ.
 Какъ нарушить намъ обычай?

ПИКИ ЧАКИ (Про себя).

Вотъ теперь и я съ добычей!

(*Расходятся въ разные стороны.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Во дворцѣ Инки въ Куско.

ИНКА ТУПАКЪ ЮПАНКИ, РУМИНЬЯГУЙ, УЙЛАКЪ УМА, СВИТА.

ИНКА ЮПАНКИ.

Васъ привѣтствую, вельможи,
 Въ этотъ день въ моемъ дворцѣ!
 Солнцу васъ я поручаю;
 Дѣвы Солнца, весь народъ,
 И всѣ области ликуютъ,

Видя ваше здѣсь собранье
И съ почтеніемъ въ сердцахъ
Славятъ доблестныхъ дѣянья.

УЙЛАКЪ УМА.

Алтаря вчерашній дымъ
Къ луку Солнца возносился;
И сынъ Солнца веселился
Что счастливо передъ нами
Жертвъ значеніе открылось.
Липъ встревоженъ былъ однимъ
Инка нашъ: когда всѣ ламы
И всѣ птицы на костръ
Были преданы сожженью,
Весь народъ былъ въ изумленьи,
Какъ орла намъ принесли,
Чтобъ мы грудь его открыли!
И по сердцу предвѣстили:—
Въ немъ мы сердца не нашли!
Этотъ случай Антизую
Объяснить не въ пользу намъ;
Инка! вѣрь моимъ словамъ!

ИНКА ЮПАНКИ.

Знать владѣтель Антизую
Къ намъ орла того спустилъ;
Да, въ горахъ, своихъ онъ много
Нашей рати истребилъ!

РУМИНЬЯГУЙ.

Въ этомъ дѣлѣ, могучій Инка,
Я одинъ липъ виноватъ.
Всѣхъ его любилъ камни;
Съ камнемъ вышелъ я на бой,
Самъ я камнемъ прозываюсь,
Но задавленъ былъ скалой.
Объ одномъ тебя молю я;
Дай отмстить мнѣ мой позоръ,
Я возьму его твердыню,
Я врага въ горахъ схвачу
И къ тебѣ его примчу.

ИНКА ЮПАНКИ.

Это дѣло ужь твое;
 Какъ свое очистить имя.
 Область ту мнѣ возврати,—
 Этимъ ты себя оправишь.

УЙЛАКЪ УМА.

Близокъ день,—спиренно ляжетъ
 Антизуйю предъ тобой.
 Килу твой намъ это скажетъ.
 Послѣши же, Руми, въ бой!

(Всѣ расходятся.)

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

Вблизи Оллантава стана.

РУМИНЬЯГУЙ (входитъ стремительно, весь облитый кровью). ИНДИЕЦЪ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Нѣтъ ли, нѣтъ ли здѣсь кого,
 Въ комъ найду я состраданье?

ИНДИЕЦЪ.

Кто ты, бѣдный человѣкъ,
 И зашелъ сюда откуда?
 Кто съ тобой такъ поступилъ?
 Кто изранилъ такъ жестоко?

РУМИНЬЯГУЙ.

Къ Инкѣ своему ступай
 И скажи: твой другъ явился.

ИНДИЕЦЪ.

Имя мнѣ твое скажи.

РУМИНЬЯГУЙ.

Не могу.

ИНДИЕЦЪ.

Такъ подожди!

*(Уходитъ, но скоро возвращается и
 уводитъ его съ собою.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Въ жилищѣ Олланты.

РУМИНЬЯГУЙ и ОЛЛАНТА.

РУМИНЬЯГУЙ (*упадая къ ногамъ Олланты*).

Мощный Инка! я въ смиренѣхъ
 Ногъ твоихъ лобзаю прахъ.
 Сжался, Инка, надъ несчастнымъ,
 Предъ тобою онъ въ слезахъ!

ОЛЛАНТА.

Кто ты? подойди поближе!
 Кто съ тобой такъ поступилъ?
 Ты откуда къ намъ явился?
 Кто изранилъ такъ тебя?

РУМИНЬЯГУЙ.

Я знакомъ тебѣ: я камень
 И, какъ онъ, передъ тобою
 Здѣсь во прахѣ я лежу.
 Подними меня, о Инка!

ОЛЛАНТА.

Ты ли это, Руминьягуй,
 Гананзуи храбрый вожь?

РУМИНЬЯГУЙ.

Да, я тотъ тяжелый камень!
 Посмотри, я весь въ крови!

ОЛЛАНТА.

Поднимись и дай мнѣ руку.
 Чтò случилось съ тобой?
 Кто бѣжать тебя заставилъ?
 Кто привелъ тебя ко мнѣ?

(*Къ воинамъ.*)

Дайте новую одежду, —
 Этотъ ауки мной любимъ.
 Чтò, скажи, съ тобой случилось?
 Иль тебѣ грозила смерть?

РУМИНЬЯГУЙ.

Новый Инка нашъ Юланки
 Въ Куско властвуетъ теперь.
 Города онъ разоряетъ,
 Кровью тѣшится какъ звѣрь;
 Всѣхъ свирѣло истребляетъ,
 Кто ему не по душѣ.
 Онъ, какъ будто ядомъ сунху *
 Опыянный, рушитъ все.
 Ты вѣдь помнишь, при тебѣ я
 Гананзую былъ вождемъ;
 Это самъ Юланки вѣдалъ;
 Но въ безуміи своемъ
 Онъ со мною обращался
 Какъ съ презрѣннѣйшимъ рабомъ.
 Вотъ, теперь, облитый кровью,
 Предъ тобой, отецъ, стою
 И о мщениіи молю!

ОЛЛАНТА.

Успокойся, твердый камень!
 Скорбь твою я изцѣлю.
 Ты теперь мнѣ будешь братомъ,
 А гонителю — ножомъ.
 Но въ день солнцеловорота
 Будетъ празднество у насъ;
 Мы уйдемъ всѣмъ станомъ въ горы
 И въ весельи тамъ живомъ
 Этотъ праздникъ проведемъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Три дня праздникъ этотъ длится,
 Онъ весельемъ сократится;
 Къ той порѣ я изцѣлюсь
 И душой съ тобой сольюсь.

ОЛЛАНТА.

Такъ и будетъ. Мы три ночи
 Съ богомъ свѣта проведемъ, —
 Въ безпрерывномъ ликованьи,
 А свой станъ кругомъ запремъ.

---

* Сунху—ядовитое растеніе.

Эту ночь рабамъ дарю я, —
 И пускай они всѣ тутъ,
 Взявъ дѣтей и женъ съ собою,
 Отъ работы отдохнуть.
 (*Всѣ уходятъ*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дворъ при домѣ избранныхъ дѣвъ.

ИМА СУМАКЪ и ПИТУ САЛЛА.

ИМА СУМАКЪ.

Питту Салла дорогая!
 Перестань меня томить,
 Тайну отъ меня скрывая!
 Ты, мнѣ сердце надрывая,
 Заставляешь слезы лить,
 Какъ вчера. Послушай, Салла,
 Мнѣ такъ хочется узнать,
 Кто несчастная стонала
 Тамъ въ саду. Къ чему скрывать
 Отъ меня ты хочешь это?
 Кто сокрылъ ее отъ свѣта
 Въ глубинѣ тюрьмы вѣмой?
 Кто, скажи, не позволяетъ
 Повидаться ей со мной?

ПИТУ САЛЛА.

Такъ и быть, ты все узнаешь,
 Я открою все тебѣ;
 Но, что бъ ты ни увидала,
 Какъ въ скалѣ, сокрой въ себѣ.
 Ты несчастную увидишь,
 Но ея печальный видъ
 Сердце горемъ лоразить.

ИМА СУМАКЪ.

Что бы я ни увидала,
 Никому не разкажу.
 Все открой мнѣ безъ утайки,
 Все въ груди своей замкну.

ПИТУ САЛЛА.

Слушай: въ садъ сегодня ночью
 Къ двери каменной приди,
 Какъ улягутся всѣ въ домѣ,
 И меня тамъ подожди.

(Уходитъ)

ИМА СУМАКЪ.

О, какъ больно сердце ноетъ!
 Видно чуетъ что-нибудь.
 Мнѣ хотѣлось только видѣть
 Ту, чей стонъ сдавилъ мнѣ грудь.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ночь. Садъ.

ИМА СУМАКЪ сидитъ у каменной двери. ПИТУ САЛЛА входитъ съ
 фонаремъ, кружкой воды и лищею.

ПИТУ САЛЛА.

Встань, иди теперь за мной,
 Лишь одеждой свѣтъ прикрой.

*(Она передаетъ ей фонарь и оттираетъ
 дверь съ темноты, въ которой лежатъ въ
 обморокъ Кузи Коиллуръ, прикованная
 цепью къ стѣнѣ.)*

Вотъ, взгляни-ка на нее;
 Сжалось сердце чай твое?

ИМА СУМАКЪ.

Ахъ, сестра! что нахожу!
 Я живу тутъ искала...
 Я отъ страха вся дрожу:
 Ты мнѣ трулъ лишь показала!

(Падаетъ въ обморокъ.)

ПИТУ САЛЛА.

Ахъ! что дѣлать мнѣ теперь?

О, голубка ты моя!

Има Сумахъ! Что съ тобою?

Ахъ, очнись, пруди въ себя!

*(Она спрыскиваетъ ее водою. Има Сумахъ
приходитъ въ себя и прячется за нее.)*

О, не бойся: то не труль,

А несчастная царевна,

Залертая здѣсь въ тюрьмѣ.

ИМА СУМАХЪ.

И она еще жива?

ПИТУ САЛЛА.

Подойди, взгляни сама;

Видишь движется она,

Кружку дай сюда съ водою,

Да залри покрѣлче дверь.

*(Она спрыскиваетъ водою лицо Кузи Коил-
луръ, которая мало-по-малу приходитъ въ
себя.)*

ПИТУ САЛЛА.

О, царевна! что съ тобою?

Вотъ вода, вотъ лица тутъ.

Ободришь, присядь немного,

Я пришла тебѣ помочь.

ИМА СУМАХЪ.

О, скажи, моя голубка,

Кто ты и зачѣмъ ты здѣсь?

ПИТУ САЛЛА.

Вотъ не хочешь ли покушать,

Пищей силы подкрѣлить?

КУЗИ КОИЛЛУРЪ.

Сколько лѣтъ желала я

Увидать лицо другое,

Кромѣ той, что иногда

Здѣсь бесѣдуетъ со мною!

ИМА СУМАХЪ.

О, царевна дорогая!

О, голубка золотая!

За какое преступленье
Ты страдаешь въ заточеньѣ?
Вмѣсто лица тутъ комки
Изъ залѣснѣвшей муки...
Ахъ, она отниметъ силу
И сведетъ тебя въ могилу!

КУЗИ КОИЛМУРЪ.

О, прелестное дитя!
Милый плодъ! когда-то я
Точно ланги разцвѣтала
И въ мужа себя избрала
Я героя одного,
И любила я его;
Но бѣда намъ угрожала:
Грозный Инка вдругъ узналъ,
Что Олантой я любима,
И его, неумолимый,
Въ гнѣвѣ яростномъ изгналъ;
А меня въ темницу эту
Заключить онъ приказалъ.
Сколько лѣтъ не вижу свѣта!
Посмотри что стала я!
Здѣсь, въ темницѣ этой страшной,
Никого не вижу я;
Въ этой сырости ужасной
Я томлюсь, не видя дня!
О, какъ часто я молила
Чтобы смерть меня сразила
Въ этой мрачной глубинѣ!
Но молила я напрасно!
Цѣлью мѣдною къ стѣнѣ
Здѣсь прикована, сижу я....
Всѣ забыли обо мнѣ!...
Но теперь тебя спрошу я:
Кто ты, плодъ прелестный мой?

ИМА СУМАКЪ.

Схожа я въ одномъ съ тобой:
Я все плачу и тоскую.
Этотъ домъ—всѣхъ бѣдъ пріютъ.
Лишь нашла тебя я тутъ,
Какъ сдавило грудь тоскою....

Я осталась сиротою:
 Кто отецъ мой и кто мать—
 Я не знаю, и родною
 Некому меня признать!

КУЗИ КОИЛЛУРЪ

Сколько лѣтъ тебѣ, дитя?

ИМА СУМАКЪ.

Можетъ-быть что и стара я,
 Потому что этотъ домъ
 Мнѣ ужъ очень опротивѣлъ:
 Время страшно длится въ немъ!

ПИТУ САЛЛА.

Сколько я могу припомнить—
 Ей теперь двѣнадцать лѣтъ.

КУЗИ КОИЛЛУРЪ.

Какъ зовутъ тебя, скажи мнѣ.

ИМА СУМАКЪ.

Има Сумакъ всѣ зовутъ, *
 Но быть-можетъ что и лгутъ.

КУЗИ КОИЛЛУРЪ.

О, дитя мое! Голубка!
 О, приди ко мнѣ на грудь!
 Ты вѣдь дочь моя родная:
 Этимъ именемъ тебя я
 При рожденьи назвала....
 Ты мнѣ радость принесла!

*(Заключаетъ ее въ объятія и отъ волненія
 падаетъ въ обморокъ.)*

ИМА СУМАКЪ.

О, родная! Чтѣ съ тобою?
 Мать! не покидай меня!
 Для того ль тебя нашла я
 Чтобъ лишиться вновь тебя?
 Ахъ! къ кому мнѣ обратиться?
 Мать! приди въ себя! открой
 Очи милыя! Тебя я
 Поддержу своей рукой.

(Рыдаетъ.)

* Има Сумакъ значитъ буквально „какая прелесть“.

ПИТУ САЛЛА.

Не кричи же такъ: услышатъ,
 Мнѣ достанется тогда.
 Поскорѣй уйдемъ, локуда
 Не пришелъ никто сюда.

ИМА СУМАКЪ. (*Къ матери*).

Потерли еще немного
 Въ этой ямѣ, подожди:
 Я найду къ тебѣ дорогу,
 Я приду тебя спасти.
 Ахъ! мнѣ лучше отравиться,
 Чѣмъ опять тебя лишиться!

(*Питу Салла увлекаетъ ее отъ матери и
 запираетъ тюрьму. Обѣ уходятъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Во дворцѣ Инки въ Куско.

ИНКА ЮПАНКИ и УЙЛАКЪ УМА.

ИНКА ЮПАНКИ.

Мудрый ауки Уайлакъ Ума!
 Не слыхалъ ли ты о Руми?
 Нѣтъ ли вѣсти къ намъ о немъ?

УЙЛАКЪ УМА.

Поздно вечеромъ вчера я
 Восходилъ на Вильконуту
 И увидѣлъ въ ту минуту
 Много воиновъ въ цѣляхъ.
 Это были вѣрно Анти;
 Знать разбиты всѣ они:
 Вьется дымъ ахуаранки,
 На скалахъ горятъ огни.

ИНКА ЮПАНКИ.

А не знаешь, взять Олланта
 Или сласся бѣгствомъ онъ?

УЙЛАКЪ УМА.

Домъ его пожрало пламя,
 Онъ разбитъ и разоренъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Да прославится богъ свѣта:
Онъ, какъ сыну, мнѣ помогъ,
Чтобъ враговъ моихъ строптивыхъ
Я пограть ногами могъ.

*(Входитъ вѣстникъ Индіеу и подаетъ Ин-
кѣ куну.)*

ИНДИЕЦЪ.

Румивьягуй этотъ куну
Мнѣ велѣлъ тебѣ вручить.

ИНКА ЮПАНКИ *(Уйлакъ Ума)*.

Объясни его значенье.

УЙЛАКЪ УМА.

Эти угаи означаютъ,
Что сожженъ Олланта домъ;
Эти птицы три въ тететахъ—
Врагъ разбитъ и половень;
Эта птица—самъ Олланта—
У тебя въ рукахъ ужъ онъ;
Эти двѣ обозначаютъ,
Что и два вождя при немъ.

ИНКА ЮПАНКИ *(Къ Индіеу)*.

Самъ ты былъ на мѣстѣ боя,
Разкажи, что было тамъ?

ИНДИЕЦЪ.

Солнца сынъ, могучій Инка!
Вѣсть я добрую принесть.
Растолчи враговъ ногами
И напейся крови ихъ!

ИНКА ЮПАНКИ.

Развѣ вамъ не запретилъ я
Кровь напрасно проливать?
Развѣ вамъ не говорилъ я,
Что всѣхъ подданныхъ моихъ
И люблю я, и жалѣю?

ИНДИЕЦЪ.

Нѣтъ, отецъ, не проливали
Крови мы своихъ враговъ:
Мы ихъ ночью въ лѣнѣ забрали.

ИНКА ЮПАНКИ.

Разкажи, какъ было дѣло?

ИНДИЕЦЪ.

Я тамъ былъ; при устьѣ Керу
Нашъ отрядъ залегъ въ горахъ,
Тамъ, сокрытые въ ущельяхъ,
Поджидали мы враговъ.
Мѣсто было намъ удобно,
А нарубленные сучья
Закрывали насъ кругомъ.
Такъ три дня мы и три ночи
Въ той засадѣ провели;
Голодъ мы и страшный холодъ
Терпѣливо тамъ несли.
Тутъ пришелъ къ намъ Руминьягу
И сказалъ намъ: „Завтра ночью
Приходите всѣ ко мнѣ:
Въ Тамбо празднество большое
И всѣ пьяны тамъ теперь.
Мы внезапно ихъ накроемъ
И захватимъ весь ихъ станъ.“
Такъ сказавъ, онъ удалился;
Мы же стали съ нетерпѣньемъ
Этой ночи ожидать.
Праздникъ солнцеповорота
Приближался ужъ къ концу;
Самъ Олланта веселился,
Съ нимъ всѣ воины его
Трое сутокъ уливались,
Про опасность позабывъ.
Ночью тихо и безмолвно
Мы со стана поднялись,
Къ нимъ подкрались осторожно
И на Тамбо вдругъ напавъ,
Всѣхъ тутъ разомъ захватили,
Всѣ лопали въ западню!
Будто громомъ пораженныхъ,
Ихъ объялъ внезапный страхъ,
Какъ, проснувшись, увидали
Всѣ они себя въ цѣляхъ.

Между ними и Олаанту
 Мы нашли и взяли въ плѣнъ.
 Руминьягуй тутъ явился
 Весь въ дослѣхахъ боевыхъ.
 Тамъ и Орко Гуаранка,
 Горемъ сломленный, сидѣлъ.
 Такъ теперь могучій Инка,
 Всѣ враги въ твоихъ рукахъ,
 Даже съ женами своими
 Старый Ганка Гуайлюй.
 Всѣ сейчасъ сюда придутъ,
 Тысячъ десять будетъ ихъ,
 И за ними идутъ слѣдомъ
 Съ громкимъ плачемъ жены ихъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Да, настало время скорби,
 Виалькокута, для тебя!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢ ЖЕ, РУМИНЬЯГУЙ какъ побѣдитель безъ головного убора. *

РУМИНЬЯГУЙ (*преклоня колено*).

Мощный Инка! я смиренно
 Ногу твоихъ лобзаю прахъ;
 Мною взятая твердыня
 У тебя теперь въ рукахъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Встань, мой храбрый полководецъ!
 Всѣхъ тебѣ желаю благъ.
 Ты сумѣлъ раскинуть сѣти
 И, какъ ловкій рыболовъ,
 Получилъ хорошій ловъ.

РУМИНЬЯГУЙ.

Врагъ каменьями своими
 Много нашихъ перебилъ;

---

* Для того чтобъ Инка увѣнчалъ его, чего тотъ однакоже не дѣлаетъ.

Но я самъ—кремнистый камень,
Я ему теперь отмстилъ
И въ конецъ его сломилъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Но вы кровь не проливали?

РУМИНЬЯГУЙ.

Нѣтъ, я въ точности исполнилъ
Что ты, Инка, повелѣлъ.
Представляю лѣнныхъ Анти,
Всѣ дома ихъ сожжены.

ИНКА ЮПАНКИ.

Гдѣ же лѣнные твои?

РУМИНЬЯГУЙ.

Смертной казни ожидая,
Въ полѣ тамъ они стоятъ;
Въ страхѣ жены ихъ рыдаютъ,
Дѣти плачутъ и кричатъ.
Поведи, могучій Инка,
Я заставлю ихъ молчать.

ИНКА ЮПАНКИ.

Такъ судьба ихъ рѣшена:
Дѣти ихъ осиротѣютъ!
Если Анти всѣ умрутъ,
Куско будетъ безопасенъ.
Пусть они сюда войдутъ!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ТѢ ЖЕ, ОЛЛАНТА, ОРКО ГУАРАНКА, ГАНКА ГУАЙЛЮЙ и многіе
другіе съ завязанными глазами и въ оковахъ.

ИНКА ЮПАНКИ (*къ Руминьягуй*).

Снять повязки съ нихъ долой!

(*Къ плѣннымъ*.)

Гдѣ, Олланта, ты? скажи!

Гдѣ ты, Орко Гуаранка?

Вотъ какъ все перемѣнилось!

(*Вводятъ закованнаго Пики Чаки*.)

Это кто еще явился?

ПИКИ ЧАКИ.

Я—блошиная нога,
 Въ той долинь блохъ не мало,
 Видишь какъ насъ искусало;
 Но горячая вода
 Помогаетъ тутъ всегда;
 Мнѣ жь одинъ конецъ — веревка.

ИНКА ЮПАНКИ.

Гавка Гуайлюй! скажи:
 Для чего ты, какъ измѣнникъ,
 За Оллантой убѣжалъ?
 Развѣ Инка, мой отецъ,
 Не цѣнилъ тебя высоко
 И тебѣ не даровалъ
 Все, чего лишь ты желалъ?
 Твое слово — исполненъ
 Находило у него.
 И чѣмъ болѣе просилъ ты,
 Тѣмъ онъ болѣе давалъ.
 Въ чемъ тебѣ онъ отказалъ?
 Дай отвѣтъ мнѣ ты, Олланта!
 Гуаранка! отвѣчай!

ОЛЛАНТА.

О, не спрашивай, отецъ:
 Нашъ проступокъ выше мѣры!

ИНКА ЮПАНКИ *(обращаясь къ се. инк.)*.

Вы назначьте казнь имъ сами.
 Уйлакъ Ума! говори!

УЙЛАКЪ УМА.

Мнѣ богъ свѣта даровалъ
 Сострадательное сердце.

ИНКА ЮПАНКИ.

Руми! что назначишь ты?

РУМИНЬЯГУЙ.

Какъ велико преступленъе,
 Такова должна быть казнь:
 Только этимъ Инка можетъ
 Духъ мятежный обуздать.

Къ четыремъ столбамъ цѣлами
 Прикажи ихъ приковать;
 Пусть попрутъ ихъ всѣ ногами,
 А всѣ воины лотомъ
 Разстрѣляютъ ихъ стрѣлами:
 Пусть омоетъ кровь враговъ
 Кровь ихъ братьевъ и отцовъ!

ПИКИ ЧАКИ.

Только? а еще-то что жь?
 Всѣхъ бы Анти уничтожить!
 Приготовить бы костры
 И заразы ихъ всѣхъ изжарить!
 • (*Въ глубинѣ сцены слышны вопли.*)

РУМИНЬЯГУЙ.

Замолчишь ли ты, негодный!
 У меня не сердце — камень,
 Я опять окаменѣлъ.

ИНКА ЮПАКИ.

Приговоръ вы услышали?
 Пусть поставятъ тамъ столбы!
 (*Къ Руминьягуй*)

Ты ихъ самъ сведи на мѣсто,
 Гдѣ готовится имъ казнь.

РУМИНЬЯГУЙ.

Воины! возьмите ихъ
 И влеките всѣхъ троихъ
 Къ мѣсту казни! пусть другіе
 Видятъ, какъ они умрутъ!

ИНКА ЮПАКИ (*указывая на Олланта*).

Расковать его сейчасъ!
 Подойди ко мнѣ, Олланта!
 Смерть свою теперь ты видишь, —
 Такъ бѣги скорѣй какъ лань!

(*Олланта бросается къ его ногамъ.*)

Ты къ ногамъ моимъ улалъ!

(*кротко*)

Знай, что кротокъ я душою,
 Твоей смерти не ищу;
 Но еще тысячекратно
 Вознести тебя хочу.

Ты былъ храбрый полководецъ
И правитель Антизуйю;
Я теперь повелѣваю
Быть тебѣ, какъ прежде, имъ
И служить вождемъ моимъ.
Вотъ, возьми свой шлемъ обратно,
Вотъ стрѣла моя тебѣ!
(Къ Уйлакъ Умъ)

Уйлакъ Ума! эти знаки
На него ты возложи,
Подними его изъ праха,
Духъ улавшій ободри!

УЙЛАКЪ УМА.

Вотъ, Олланта, какъ великъ
Инка нашъ Тулакъ Юпанки.
Вѣрнѣ будь ему отнынѣ,
Онъ такъ милостивъ къ тебѣ.

(Онъ возлагаетъ на Олланту
шлемъ и вручаетъ ему стрѣ-
лу и палицу).

Съ этимъ шлемомъ я дарю
Силу новую тебѣ;
Эту палицу — даръ Инки,
Ты цѣни и береги!

ОЛЛАНТА.

Эту палицу слезами
Буду вѣкъ я орошать,
Буду вѣкъ твоимъ слугою.
Гдѣ подобнаго тебѣ
Отыщу я властелина?
Закрѣплять отнынѣ буду
Я сандалии твои.
Словъ твоихъ привѣтъ отрадный
Поднялъ силы всѣ мои!

ИНКА ЮПАНКИ.

Храбрый Орко Гуаранка!
Подойди сюда ко мнѣ.
Отъ Олланта этимъ шлемомъ
Ты, какъ вождь, былъ награжденъ
И моимъ ты былъ врагомъ.

Но тебѣ я оставляю
 Антизуйю и тебѣ
 Снова племѣ твой возвращаю:
 Полководцемъ мнѣ служи
 И враговъ моихъ рази.
 Нынѣ, жизнь тебѣ дарю,
 Съ ней тебѣ дарю я вновь
 Уваженіе и любовь.

ОРКО ГУАРАНКА.

О, прими мое хваленіе,
 Мощный Инка! я въ смиреніи
 Ногу твоихъ лобзаю прахъ;
 Ты простилъ мнѣ заблужденіе,
 Я отнынѣ твой слуга.

УЙЛАКЪ УМА.

Наградилъ тебя нашъ Инка
 Этимъ племомъ и стрѣлой,
 Какъ вождя, чтобъ былъ всегда ты
 Храбръ, какъ тунки молодой.

РУМИНЬЯГУЙ.

Инка! развѣ два вождя
 Будутъ править въ Антизуйю?

ИНКА ЮПАНКИ.

Нѣтъ, двоихъ не будетъ тамъ.
 Гуаранка тамъ одинъ
 Будетъ править, а Олланта
 Здѣсь останется при мнѣ:
 Какъ намѣстникъ Инки, онъ
 Здѣсь со мной раздѣлитъ тронъ.

ОЛЛАНТА.

Слишкомъ много возвышаешь
 Ты ничтожнаго меня!
 О, живи тысячелѣтѣ!
 Чѣмъ тебѣ пріятенъ я?

(Преклоняется предъ нимъ и утѣляетъ его руку.)

ИНКА ЮПАНКИ.

Уйлакъ Ума! послѣши,
 Дай повязку мнѣ большую,

Кистью пышною укрась,
 Дай стѣкуру боевую,
 И народу возвести:
 Овъ теперь намѣстникъ Инки!
 Ты жь, Олланта, здѣсь останься
 И меня имъ замѣни.
 Въ этомъ мѣсяцѣ хочу я
 Колазую осмотрѣть
 И, собираясь въ путь далекій,
 Я доволенъ буду тѣмъ,
 Что мой тронъ займетъ Олланта
 И здѣсь править будетъ всѣмъ.

ОЛЛАНТА.

Я охотѣе пошелъ бы
 За тобой, куда велишь;
 Вѣдь ты знаешь, мощный Инка,
 Что я трудъ всегда любилъ.
 Какъ слуга твой самый вѣрный,
 Я готовъ тебѣ служить,
 Только здѣсь бы мнѣ не быть.

ИНКА ЮПАНИ.

Такъ возьми себѣ жену
 И ты будешь веселѣе,
 Заживешь счастливо съ нею.
 Избери изъ дѣвъ одну.

ОЛЛАНТА.

Мощный Инка! я женатъ;
 Но меня гнететъ несчастье.

ИНКА ЮПАНИ.

Я жены твоей не знаю
 И о ней я не слыхалъ;
 Познакомь меня ты съ нею;
 Ты зачѣмъ ее скрывалъ?

ОЛЛАНТА.

Ахъ! она, моя голубка,
 Въ Куско скрылась отъ меня,
 Вдругъ исчезла, улетѣла
 Безвозвратно, навсегда!
 Я искалъ ее повсюду,
 Но нигдѣ не находилъ....

Знать земля ее сокрыла!
Вотъ что рокъ мнѣ присудилъ!

ИНКА ЮПАНКИ.

Не грусти такъ, другъ Олланта!
Покорись своей судьбѣ;
А теперь исполни дѣло,
Мною данное тебѣ.
Уйлакъ Ума! возвѣсти!

УЙЛАКЪ УМА (возвышая голосъ).

Да извѣстно будетъ всѣмъ
Что Олланта сталъ отнынѣ
Инки нашего намѣстникъ!

ГОЛОСА.

Слава! онъ намѣстникъ Инки!

УЙЛАКЪ УМА.

Такъ почтите всѣ его!
(Всѣ толпятся вокругъ Олланта и обнимаютъ его.)

РУМИНЬЯГУЙ.

О, я радъ твоей судьбѣ,
Другъ Олланта благородный!
И намѣстника въ тебѣ
Да прославить гласъ народный!
(Олланта сажаютъ на стулъ, изображающій тронъ.)

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Не пускайте! прогоните
Эту дѣвочку отсюда.

ИМА СУМАКЪ (за сценой).

Всѣмъ, что мило вамъ, молю,—
Пропустите, не держите!
Я должна туда войти,
Иль умру здѣсь передъ вами!

ИНКА ЮПАНКИ.

Что за шумъ тамъ? что за крикъ?

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

Это дѣвочка тамъ плачетъ:
Хочетъ съ Инкой говорить.

ИНКА ЮПАНКИ.

Пусть она сюда войдетъ!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ТВ ЖЕ. ИМА СУМАКЪ.

ИМА СУМАКЪ (озираясь, къ слезамъ).

Кто изъ васъ мой добрый Инка?

Я паду къ его ногамъ.

УЙЛАКЪ УМА.

Инка здѣсь передъ тобою.

Что тебѣ, мое дитя?

ИМА СУМАКЪ (упадая къ ногамъ Инки).

Милый Инка! ты отецъ мой!

О, спаси свое дитя!

Протяни свою мнѣ руку,

Солнца сынъ, молю тебя!

Мать моя тамъ умираетъ,

Тамъ скала ее гнететъ....

Смерть ей бѣдной угрожаетъ...

Ахъ! ужь кровь ея течетъ!

ИНКА ЮПАНИ.

Кто же врагъ? Скорѣй, Олланта,

Послѣди за нею вслѣдъ.

ОЛЛАНТА (беретъ ее за руку).

Ну, дитя, пойдемъ со мною;

Покажи твою мнѣ мать.

ИМА СУМАКЪ.

Нѣтъ, я не пойду съ тобою;

Инка пусть идетъ со мной,

Пусть онъ самъ ее увидитъ;

Но тебя не знаю я.

Инка! встань, пойдемъ со мною,

Чтобъ застать ее живою,

Чтобъ ей помощь оказать...

Ахъ! спаси, спаси мнѣ мать!

УЙЛАКЪ УМА.

Инкѣ мощному прилично

Угнетенныхъ утѣшать:

Передъ нимъ никто не смѣетъ

Раны скрыть. Мы съ нимъ пойдемъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Гдѣ же мать твоя страдаетъ?

ИМА СУМАКЪ *(указывая на домъ избран-
ныхъ дѣтей).*

Въ домѣ томъ, въ углу сыромъ.

ИНКА ЮПАНКИ.

Такъ пойдемъ. На сердца было

Такъ пріятно у меня,

А теперь его смутило

Это бѣдное дитя.

*(Всѣ уходятъ за Инкой, котораго Има
Сумакъ ведетъ за руку.)*

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Въ саду предъ темницею.

ИНКА ЮПАНКИ, ИМА СУМАКЪ, ОЛЛАНТА, УЙЛАКЪ УМА. По-
томъ ПИТУ САЛЛА и МАМА БАХА.

ИМА СУМАКЪ.

Вотъ, отецъ мой, здѣсь она.

Ахъ! быть-можетъ, умерла!

(Горько плачетъ.)

ОЛЛАНТА.

Ты, малютка, знать ошиблась:

Это домъ царицы и дѣвъ.

ИМА СУМАКЪ.

Тутъ она, моя голубка,

Ужъ томится много лѣтъ.

ОЛЛАНТА *(громко).*

Мощный Инка здѣсь. Скорѣе

Отворите эту дверь!

(Питу Салла о...)

ИМА СУМ...

Питу Салла дорогая!

О, скажи, жива ли...

Вотъ сюда, мой...

Ты за мною ли...

ИНКА ЮПАНКИ.

Эта дверь куда ведетъ?

ИМА СУМАКЪ.

Эта дверь въ то подземелье.

Путу Салла! отопрѣ!

Здѣсь самъ Инка предъ тобою.

(Входитъ Мама Каха и указываетъ руку Инки.)

МАМА КАХА.

Я во снѣ иль наяву

Видю Инку предъ собою?

ИНКА ЮПАНКИ.

Отопрѣ мнѣ эту дверь!

(Мама Каха отпираетъ дверь тѣмноты, гдѣ лежатъ въ обморокѣ Кузи Кеммуръ, закованная въ цѣпи.)

ИМА СУМАКЪ.

Ахъ, родная! знать не даромъ

Говорило сердце мнѣ

Что живою не застаю

Я тебя! О, Путу Салла!

Привеси скорѣй воды!

Возврати ее ты къ жизни!

Помоги ей, помоги!

ИНКА ЮПАНКИ.

Это что за склепъ ужасный?

Эта жертва — кто она,

Тутъ закованная въ цѣли?

Кѣмъ она заточена?

Какъ могло такое дѣло

Сердце Инки допустить?

Мама Каха! подожди!

Кто тебѣ далъ приказанье

На такое истязанье?

Кто велѣлъ такъ поступить

Съ этой женщиной и въ склепѣ,

Какъ колдунью, заключить?

МАМА КАХА.

Твой отецъ то повелѣлъ:
Онъ хотѣлъ ее исправитьъ.

ИНКА ЮПАНКИ *(входитъ)*

Вонъ отсюда, злая тварь!
Уведите эту львицу,
Эту злобную змѣю,
Прочь ее, чтобъ не являлась
На глаза мнѣ никогда!

(Между тѣмъ какъ одни уводятъ связанную старуху, другіе окружаютъ Кузи Коиллуръ, которая мало-по-малу приходитъ въ себя.)

КУЗИ КОИЛЛУРЪ.

Гдѣ я? кто кругомъ меня?
Има Сумахъ, дорогая!
Ты со мной, мое дитя?
Эти люди здѣсь откуда?

ИМА СУМАХЪ.

Не страшись, моя родная!
Это Инка самъ пришелъ,—
Добрый Инка нашъ Юпанки;
Посмотри, приди въ себя!

ИНКА ЮПАНКИ.

Увидавъ твое страданье,
Сердце замерло во мнѣ;
Кто ты, бѣдная? скажи,
Если силы позволяютъ.

(Къ Имѣ Сумахъ)

Кто она? скажи, дитя,
Какъ зовутъ твою родную?

ИМА СУМАХЪ.

Ахъ, отецъ мой, добрый Инка!
Расковать ее вели!

УЙЛАКЪ УМА.

Это я исполнить долженъ:
Я страдальцевъ другъ и врачъ.

ОЛЛАНТА.

Какъ же мать твою зовутъ?

ИМА СУМАКЪ.

Кузи Коиллуръ ей имя.

УЙЛАКЪ УМА.

Тутъ ошибка: это имя

Той, которая давно

Ужь въ могилѣ, и счастлива.

ОЛЛАНТА *(въ волнении)*.

Мощный Инка! предъ тобою

Инки дочь, моя жена!

ИНКА ЮПАНКИ.

Какъ отъ тягостнаго сна

Я проснулся вдругъ счастливый.

Коиллуръ твоя жена;

Въ ней я вижу образъ милый

Дорогой сестры моей.

Коиллуръ, моя голубка!

О, ко мнѣ на грудь скорѣй!

Къ новой жизни возвратись,

Новымъ счастьемъ насладись!

(Обнимаетъ ее.)

КУЗИ КОИЛЛУРЪ.

Братъ мой милый! ты теперь

Видишь самъ, какъ я страдала;

Много лѣтъ я не видала

Свѣта дня въ моей тюрьмѣ!

Ты мнѣ далъ освобожденье,

Исцѣли и раны мнѣ!

ИНКА ЮПАНКИ.

Кто же въ это подземелье

Заперъ бѣдную жену?

За какую ей вину

Эту кару присудили?

Чьей души не возмутить

Этой страшной муки видъ?

Эти вѣжныя лавиты
Смертной блѣдностью покрыты,
Ссохлись милыя уста
И увяла красота!

ОЛЛАНТА.

Дорогая Коиллуръ!
Радость сердца! я съ тобою
Столько лѣтъ былъ разлученъ!
Ты теперь опять со мною,
И мы вмѣстѣ ужь умремъ!
Ты меня вѣдь не покинешь?
Безъ тебя не милъ мнѣ свѣтъ.
Кузи! гдѣ твоя веселость?
Ахъ, ея и слѣда нѣтъ!
Потускнѣли звѣзды-очи,
Нѣтъ ужь прежней красоты....
О, что выстрадала ты!

КУЗИ КОИЛДУРЪ.

Ахъ, Олланта, ядъ разлуки
Отравлялъ насъ много лѣтъ!
Вмѣстѣ мы опять, и снова
Разцвѣтеть намъ счастья цвѣтъ.
Такъ и радость, и печали
Идутъ рядомъ. Восхвали
Инку добраго за это.
Жизнь ты новую начни,
И будь счастливъ многи лѣта!

УЙЛАКЪ УМА.

Платье новое сюда
Для царевны привесите!

*(Рабыни исполняютъ это приказаніе и
уплываютъ руки Кузи Коиллуръ.)*

ИНКА ЮПАНКИ *(къ Олланта).*

Вотъ, возьми свою жену
И владѣй отнынѣ ею.
Има Сумахъ! дай обнять
Мнѣ тебя, моя голубка!

Ты своимъ мнѣ указаньемъ
Помогла разсѣять мракъ:
Будь же Коцалуръ Сумакъ! *

ОЛЛАНТА.

Инка! ты покровъ и щитъ
Намъ одинъ. Печаль съ тоскою
Отъ руки твоей бѣжить;
Всѣ мы счастливы тобой.

ИНКА ЮПАЭКИ.

Такъ забудьте всѣ печали;
Насладись съ своею женой
Счастья новою зарей!
Вы отъ смерти избѣжали!

*(Раздается музыка, пѣнье и оканчивается
драма.)*

Ө. МИЛЛЕРЪ.

---

* Прелестная звѣзда.

ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА

I.

Итакъ, рѣшено, я ѣду! Вслѣдствіе чего я пришелъ къ такому рѣшенію, было бы долго разказывать, не интересно, да пожалуй и очень трудно: однообразіе и скука жизни, чтеніе газетъ, заразительность примѣра, увлеченіе идеей— вотъ главныя побуждающія причины. Состоянія своего я не имѣлъ, а потому пришлось прибѣгнуть къ помощи Славянскаго Комитета. Въ одно изъ первыхъ чиселъ августа прошлаго года я отправился на Никольскую въ Славянской Базаръ. На подъѣздѣ ресторана я обратился къ швейцару съ вопросомъ, гдѣ могу видѣть г. П—ва.

— Да вамъ на что?

Я объяснилъ что имѣю надобность переговорить съ нимъ.

— Вы не въ Сербію ли? полюболѣтствовалъ швейцаръ.

— Да, въ Сербію.

— Такъ пожалуйста въ ворота, потомъ налево, тамъ спросите.

Отправился въ ворота, налево, и скоро нашелъ указанное мѣсто.

Небольшая прихожая была полна народомъ; были тутъ: и пальто, и солдатскія шинели, и чуйки. Я повторилъ свой вопросъ.

— Пожалуйста на верхъ.

Поднявшись во второй этажъ, я очутился въ комнатѣ установленной конторками, шкафами и другими принадлежностями конторы.

— Могу я видѣть г. П.? обратился я къ одному изъ присутствующихъ.

— Пожалуйте сюда! Онъ указалъ мнѣ на стеклянную дверь. Я снялъ пальто и вошелъ въ слѣдующую комнату.

За столомъ накрытымъ зеленымъ сукномъ и заваленнымъ кипой бумагъ, писемъ и телеграммъ, сидѣлъ самъ г. П.; рядомъ съ нимъ, за другимъ столомъ, помѣщался молодой человѣкъ съ золотымъ ринсе-пез на носу и англійскимъ безукоризненнымъ приборомъ на головѣ.

Въ комнатѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ отставныхъ и служащихъ офицеровъ.

— Потрудитесь присѣсть и обождать, обратился ко мнѣ П., обрывая рѣчь отнесившуюся къ старому отставному офицеру съ французскою бородкой.

— Вы поймите, продолжалъ онъ,—что намъ требуются молодые силы; мы и простыхъ добровольцевъ беремъ только изъ безсрочнаго отпуски, а офицеровъ не иначе какъ изъ строя...

— Да жемилуйте, я еще могу... я желалъ бы послужить славянскому дѣлу. Я совершенно здоровъ.

— Да-съ, но ваши лѣта... нѣтъ-съ, рѣшительно я долженъ вамъ отказать.

— Вы желаете вѣхать? обратился П. къ другому, ясно показывая что предыдущій разговоръ оконченъ.

Старичокъ помялся, очевидно но не найдя болѣе возраженій противъ послѣдняго довода, откланялся и пошелъ къ двери.

Мнѣ довольно долго пришлось дожидаться очереди.

— И вы желаете отправиться? услышалъ я наконецъ.

Наступила важная минута, я привсталъ съ мѣста.

— Да-съ, хочу вѣхать!

— Гдѣ служите?

— Въ Е—мъ полку.

— Я знаю вашего командира. Средства имѣете?

— Нѣтъ, хотѣлъ-бы имѣть вспомошествованіе.

— Сколько вамъ?

— Рублей двѣсти.

— Хорошо-съ, В. А., запишите чинъ и фамилію. Когда

думаете ѣхать? Предупреждаю васъ что время дорого и люди нужны.

— Я готовъ совсѣмъ, дѣло за паспортомъ.

— Хорошо-съ, вы поѣдете въ субботу. Нужны вамъ теперь деньги?

— Да, я попросилъ бы.

П. выдвинулъ ящикъ и отсчиталъ сто рублей.

— Въ день отъѣзда получите остальные и даровой билетъ на проездъ; а пока до свиданія.

— Что вамъ угодно, обратился онъ къ слѣдующему?

Много вопросовъ тѣснилось у меня въ головѣ, но г. П. былъ слишкомъ занятъ, и я отъѣсивъ поклонъ вышелъ изъ комнаты.

Итакъ корабли сожжены.

Наступила суббота. Въ назначенный часъ, сопровождаемый родными, товарищами и знакомыми, я прибылъ на Курскій вокзалъ.

— Вотъ доброволецъ!

— Который? который?

— Да вонъ тотъ что въ сѣрой курткѣ-то съ зелеными коймами; всѣ они въ нихъ ходятъ.

Такъ встрѣтили меня на подѣздѣ двѣ старушки; мой охотничій костюмъ меня выдалъ.

Въ вокзалѣ я нашелъ нѣсколькихъ солдатъ моей бывшей роты и всѣхъ офицеровъ полка. Прощанье должно было повториться, и тяжелыя, хотя и сладкія, минуты вчерашняго дня живо припомнились мнѣ. Полкъ меня проводилъ безъ шампанскаго, безъ обѣда: меня просто позвали въ лагерьную церковь, отслужили молебень и благословили образомъ. Я видѣлъ непритворное участіе товарищей, слезы солдатъ, и эти минуты на долго запечатѣлись въ моей памяти.

Залы дебаркадера были наполнены публикой. Провожавшихъ было столько что между ними совершенно терялись отъѣзжающіе. Слова: „доброволецъ“, „Сербія“, то и дѣло касались моего слуха.

Не успѣвъ я поздороваться со всѣми меня провожавшими, какъ былъ потребованъ куда-то въ телеграфную. Оказалось что я назначался начальникомъ партіи и молодой

человѣкъ съ золотымъ ринсе-нез передалъ мнѣ деньги, билетъ на бесплатный проѣздъ и еще кое-какія бумаги.

По возвращеніи въ залу я нашелъ общество въ сильномъ оживленіи. Какой-то господинъ на платформѣ, забравшись на столъ, читалъ дилешу; единодушный крикъ „ура“ закончилъ чтеніе.

— Что такое? что тамъ читали?

— Наши Турокъ разбили!

— Слышите, Турки разбиты, нѣсколько орудій захвачено.

— Идите въ 3й классъ, въ 3й классъ, тамъ молебень служать добровольцамъ.

Я въ 3й классъ не пошелъ, а остался съ провожающими меня родными и знакомыми. Бѣдная моя матушка, согласно данному мнѣ раньше обѣщанію, не плакала; но не спускала съ меня глазъ. Эти глаза какъ будто говорили мнѣ: „Милый ты мой, неужели я въ послѣдній разъ гляжу на тебя.“ Мнѣ невыносимо тяжело было находиться подъ этимъ взглядомъ; я радъ былъ когда первый звонокъ оповѣстилъ минуточку разставанья. Я наскоро сталъ прощаться со всѣми, стараясь не смотрѣть на мать и поскорѣй добраться до вагона.

Заявавъ мѣсто, я вышелъ на платформу. Кругомъ меня сыпались слова участія, пожеланія, но я ничего не слышалъ: мою руку сжимала рука матери и это пожатіе мнѣ говорило, сколько страданій выносила ея душа. Но вотъ третій звонокъ... олять лоцѣлуи и объятія... я вырвался и вскочилъ въ вагонъ.

Раздался свистокъ, послѣдовалъ толчокъ и при громкихъ крикахъ „ура“ и бенгальскомъ освѣщеніи, поѣздъ медленно двинулся впередъ.

Изъ своихъ слутниковъ я зналъ только двоихъ: Б. С. О. и Т., моего сослуживца. Знакомство съ первымъ произошло у насъ слѣдующимъ образомъ: не задолго до отъѣзда, возвратившись отъ родныхъ въ лагерь, я нашелъ у себя въ палаткѣ записку, въ которой какой-то О. просилъ меня быть ему слутникомъ въ Сербію, причемъ заявлялъ что онъ мирный помѣщикъ, въ первый разъ въ жизни берущійся за оружіе. На другой день О. былъ въ лагерь. Онъ оказался добрымъ и честнымъ малымъ, увлекающимся до крайности, вслѣдствіе чего рѣшился бросить хозяйство по имѣнію и ѣхать на защиту Славянъ. О. неоднократно посѣ-

щалъ лагерь и успѣвалъ полюбоваться моими товарищамъ, его таскали съ собой на ученіе и на стрѣльбу, и много потѣшались надъ оригинальнымъ новобранцемъ.

Въ день отъѣзда я успѣвалъ познакомиться съ барономъ К. Баронъ хвалился своимъ воспитаніемъ, рассказывалъ про свои дуэли, успѣхи у женщинъ, про знатную родню и пр. Похвѣлъ онъ, какъ кажется, ради романтизма и великолѣпнаго подареннаго ему лалаша. Служить хотѣлъ не иначе какъ въ кавалеріи.

Съ вечера насъ на каждой станціи встрѣчали дачники и особенно дачницы. Не успѣвъ поѣздъ остановиться, какъ уже слышны голоса: „Гдѣ добровольцы?“ „Гдѣ волонтеры?“ „Выйдите господа на минутку, дайте посмотрѣть на васъ.“

Приходилось вылѣзать на платформу, получать букеты цвѣтовъ и всевозможныя пожеланія. Такъ повторялось на каждой станціи, чуть не до часу ночи; впрочемъ и по прекращеніи овацій мнѣ заснуть долго не удалось: неизвѣстность будущаго, недавно прошедшее и оставленное путались у меня въ головѣ.

Утромъ я былъ разбуженъ комичною сценой: неподалеку отъ меня помѣстились другъ противъ друга два добровольца: отставной капитанъ Л. и юнкеръ фамилію котораго я не знаю. Наканунъ они оба порядкомъ нагрузились и заснули въ объятіяхъ другъ друга. Снилось имъ вѣроятно Сербія и война и каждый, проснувшись, вообразилъ себя въ рукахъ башки-бузука; освободиться изъ объятій было трудно, такъ какъ ноги ихъ совершенно сплелись, имъ удалось разъединиться только при посторонней помощи.

Капитанъ Л. тотчасъ же представился мнѣ. Это была преоригинальная личность.

Довольно высокаго роста, атлетическаго сложенія, рябой, со всклоченными рыжими волосами и бородой; одною своею фигурой онъ могъ навести панику на непріятеля.

Одѣтъ онъ былъ въ форменный офицерскій сюртукъ и пальто; фуражку свою онъ никогда не надѣвалъ, даже выходя изъ вагона, а такъ какъ у него не было рѣшительно никакихъ вещей, то мы прозвали ее его багажемъ.

Воспитывался Л. въ Нѣженскомъ Лицѣи и Константиновскомъ училищѣ; онъ былъ начитанный и умный, но сильно кутившій человекъ.

Изъ разговора съ нимъ я узналъ что онъ уже годъ въ отставкѣ; уѣхалъ онъ тайкомъ отъ кого-то, даже не простился (эта кто-то такъ и осталась для меня неизвѣстною). Утромъ въ день отъѣзда онъ отправился въ Славянскій Базаръ, получилъ деньги изъ Комитета, и просидѣлъ въ ресторанѣ вплоть до отъѣзда.

Доброты Л. былъ необычайной, чѣмъ не преминулъ воспользоваться его спутникъ и бывшій сослуживецъ юнкера Х, тотъ самый который заснулъ въ его объятіяхъ.

Этотъ Х. не былъ въ числѣ волонтеровъ, а ѣхалъ на счетъ Л. Узналъ я объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

Не довзжая Орла ко мнѣ подошелъ пассажиръ изъ сосѣдняго купе и просилъ изъавить [его спутницу отъ любезностей одного изъ добровольцевъ. Я отправился туда и увидѣлъ юнкера Х, съ коробкой конфетъ, увивающимся около одной дамы. Я вызвалъ его и прочитавъ натацію спросилъ его фамилью. Онъ себя назвалъ; къ моему удивленію такого имени не оказалось въ данномъ мнѣ спискѣ.

Пока я старался добиться толку отъ Х., ко мнѣ подошелъ Л. и сталъ просить не выдавать его спутника, признавшись что онъ ѣдетъ пользуясь слабымъ контролемъ безъ билета и безъ денегъ и продовольствуется на его счетъ. Я обѣщалъ что не буду объявлять объ этомъ подъ условіемъ чтобы ко мнѣ не обращались ни съ какими жалобами на Х.

Черезъ нѣсколько времени у Л. оказалось исчезновение денегъ и онъ подозрѣніе заявилъ на своего спутника. Мы стали требовать отъ Х. чтобы онъ возвратилъ деньги Л., получилъ обратный билетъ и убирался восвоюси по добру по здорову; но онъ отказался. Тогда я обратился къ кондуктору съ просьбой сдѣлать ревизію:

— Пожалуйста вашъ билетъ, спросилъ кондукторъ, обращаясь къ Х.

— Какой билетъ? я ѣду съ добровольцами.

— Извините, но вы съ нами не ѣдете; васъ нѣтъ у меня въ спискѣ, возразилъ я.

— Развѣ нѣтъ? ну значитъ пропустили!

— Пожалуйста вашъ билетъ, настаивалъ кондукторъ.

— Да говорятъ же тебѣ что я ѣду въ Сербію!

— Знаю... уже вы лгали разъ въ Сербію ѣдете, да доѣхать не можете; пожалуйста билетъ!

— Ну, на тебѣ билетъ.

— И Х. подалъ кондуктору рублевую ассигнацію.

— Намъ этого не надо, а вы подайте билетъ, строго преребилъ послѣдній, отталкивая руку Х.

— Экой дуракъ! читать умѣешь, ну смотри: государственный кредитный билетъ, слышишь: билетъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ въ такомъ родѣ Х. былъ наконецъ высаженъ на станціи, гдѣ, по моему настоянію, у него произвели обыскъ. Пропавшія деньги оказались у него, о чемъ хотѣли составить актъ, но по просьбѣ Л. этого не сдѣлали. Л. купилъ на свои деньги билетъ Х. до Москвы и далъ ему три рубля, причемъ поцѣловался съ нимъ.

— Вѣдь вотъ какой ты, братецъ, мерзавецъ; вѣдь ты уже третій разъ воруетъ у меня деньги.

— Жалко его, обратился Л. ко мнѣ:—я пожалуй готовъ заплатить за него до Кисенева. Позвольте ему ѣхать съ нами.

Но я окончательно воспротивился этому и мы воротились въ вагонъ.

До сихъ поръ я ни слова не упомянулъ объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Н. А. М....вѣ, принадлежавшемъ къ лучшему типу добровольцевъ. М. уже долгое время былъ въ отставкѣ, имѣлъ хорошее мѣсто въ Московской таможенѣ и кое-какое состояніе. Встать въ ряды сербской арміи побудило его единственно сочувствіе къ честному дѣлу освобожденія Славянъ; М. порѣшивъ ѣхать на бранное поле не увлекался дѣломъ подобно О., не рисовался и не картинничалъ подобно барону К. Всегда веселый, спокойный: пріятно было смотрѣть на его честное открытое лицо и мощную фигуру. Я привязался къ М. всею душой, посчастливилось и мнѣ полюбоваться ему и мы порѣшили не разставаться въ Сербіи.

Сочувствіе къ намъ лублики съ удаленіемъ отъ матушки Москвы выражалось замѣтно слабѣе; помню только въ Курскѣ, гдѣ мы остановились *на почевку*, былъ такой случай. Часть добровольцевъ отправилась покутить въ городъ, а человекъ четыре, въ томъ числѣ и я, остались въ пригородной слободѣ и зашли поужинать въ одинъ изъ трактировъ. Въ ожиданіи заказаннаго скромнаго ужина, мы усѣлись вокругъ небольшого столика и толковали разумеется о славянскихъ дѣлахъ.

Вскорѣ подошелъ къ намъ осанистый старикъ въ длинно-поломъ сюртукѣ, какъ оказалось слободской старшина.

— Осмыляюсь спросить, господа, не въ Сербію ли ѣдете?

— Да, мы ѣдемъ въ Сербію.

— Доброе дѣло; позвольте присѣсть съ вами, не знаете ли чего новенькаго? Мы тоже, хоша люди темные, а почитываемъ газеты и тоже жалость имѣемъ къ братьямъ по Христу.

Мы пододвинули старику стулъ и разговоръ сталъ общимъ. Между прочимъ я вынулъ изъ-за пазухи образъ, благословеніе полка, и показалъ старшинѣ.

— Вотъ такую икону лестно получить, сказалъ онъ, набожно перекрестившись и цѣлуя образъ.—Василій Митричъ, Петра Савичъ, подыте сюда, ничего, господа не взыщутъ.

Къ намъ присоединились еще два-три крестьянина.

— А что, господа, не обидьтесъ на мои глупыя слова, позвольте бутылочкой вина пресить.

Хотя мы были народъ не льющій, но отказать старику значило бы его обидѣть, и мы согласились. Кте-то изъ насъ предложилъ выпить за здорвье хозяина, то-есть старшины, но послѣдній отклонилъ это предложеніе.

— Нѣтъ, ужъ позвольте; наше здорвье мы еще вынемъ, а по началу нужно пожелать вамъ успѣха; да здравія, да низенько поклониться вашей чести, ваше дѣло—великое дѣло.

Проговоривъ еще часа полтора и рабливъ другую бутылку, мы стали прощаться, причемъ поцѣловались съ радужными земляками.

До Кишинева мы ѣхали безостановочно и безъ особенныхъ приключеній. Время проводили то за картами, то за чтеніемъ тактики Левицкаго, то лѣтѣлаясь надъ разказами и разными продѣлками Л.

Л. сначала грустилъ по юнкерѣ Х., но не забывалъ на каждой станціи выпивать свою рюмочку; вскорѣ у него нашлся компаніонъ, фельдфебель Б., къ сожалѣнію не съ такимъ безобиднымъ характеромъ какъ у Л., и мнѣ еле-еле удалось потушить ссору, затѣянную Б. съ однимъ изъ пассажировъ, и уложить виновника спать. Л. же одалъ мнѣ всѣ свои капиталы, бралъ по рублику, по два. Въ каждомъ вокзалѣ онъ считалъ долгомъ рекомендовать меня публикѣ, причемъ упоминалъ семь наградъ полученныхъ мною на службѣ.

— Съ капитаномъ, нѣтъ шашки, съ капитаномъ мы не пропадаемъ. Семь наградъ и додки не льетъ.

На просьбы, на заявления что это мнѣ неприятно не дѣйствовали на Л. и онъ продолжалъ кричать про мою храбрость и трезвость. На Раздѣльной станціи намъ пришлось стоять нѣсколько часовъ; въ то же время туда пріѣхали командующій войсками Одесскаго округа, начальникъ штаба и одинъ изъ начальниковъ дивизіи.

Пассажиры устали ужинать и въ небольшой залѣ только и слышеть было лягъ ножей да вилкъ; вдругъ, среди всеобщаго молчанія, Л. встаетъ и кричитъ на всю залу:

— Ахъ, баши-бузукъ!

Въ дверяхъ нѣкимъ не замѣченный появился какой-то Грекъ; физіономія его была дѣйствительно преоригинальная: густые черные нависшіе на лобъ волосы, вѣсколомная борода, закрывавшая совершенно щеки, черныя же нависшія брови, большой красный носъ и круглыя синія очки.

— Баши-бузукъ, заливаясь смѣхомъ, повторялъ Л., указывая пальцемъ на сконфуженного Грека, который къ счастью заблагодарсудилъ скорѣе удалиться.

Въ Кишиневъ мы пріѣхали 18го утромъ и заняли номера въ Швейцарской гостиницѣ.

Добиться какихъ-нибудь инструкцій и вообще какого-нибудь толку относительно путешествія по Румыніи я рѣшительно не могъ. Слуховъ было много и всѣ неблагоприятны. Говорили что задержали графа К. и посадили въ тюрьму, что на границѣ отбираютъ оружіе, что вагоны наполнены цѣпными и проч. и проч.

Разсказавшись съ своею партіей, т.-е. выдавъ всѣмъ переданная мнѣ деньги изъ Славянскаго Комитета, я объявилъ, что теперь не начальникъ партіи и что всякій можетъ ѣхать какъ хочетъ, самое же лучшее разбиться челоѣкомъ три и такимъ образомъ путешествовать по Румыніи.

М., Баронъ К., О., С., я и фельдфебель Б. рѣшили не разлучаться. Въ номерѣ началось у насъ усиленная работа, состоявшая въ прилаживаньи оружія и зашиваньи его въ плаще. Насъ сильно атаквали Жиды съ разными услугами. Несмотря на то что пальба добровольцевъ наводила на нихъ неописанный ужасъ, они цѣлыми кучами лѣзли въ двери; когда же мы рѣшили залереть ихъ, то еврейскіе пейсы стали появляться у окошекъ; наконецъ кто-то догадался лугнуть ихъ, прицѣпившись изъ револьвера и выставивъ

До Ингуш, пограничного участка, достигала своего предела

По дороге мы узнали что поездка до Яссы уже удалась, что нам осталось одно из двух: или идти до следующего дня в Уфеюкит, или ехать на поезде. Поезд ехавший между собой мы решили: уехать, чтобы не потерять поезда.

8

справиться и пожить въ отъ дороги и разошлось не при-
готовивъ даже намъ компаніи. На каждомъ шагу намъ при-
шлось встрѣчаться съ знакомыми лѣтчиками и любовности хо-
зяевъ, ничего рѣшительно до мелочи не было забыто съ
ихъ стороны: для того чтобы дать удобно отдохнуть путе-
шественникамъ.

День прошел незаметно, а вечеромъ мы отправились на
небольшую куртку, выходящую на рѣку Прутъ, границу
Россіи. Ночь была темная, лунная; въ воздухѣ глубокая
тишина; вода горой несамымъ струилась рѣка, а тамъ за
нею — даль, даль безконечная. Не знаю что чувствовали мои
товарищи, насъ собралось человѣкъ десять, но у меня не
особенно легко было на душѣ: что-то щемило и захватывало
за сердце, то было хотя минутное, но неприятное чувство,
какъ будто какія-то воспоминанія навязчиво лѣзли въ го-
лову и что-то не пускало ихъ, какъ-бы говоря: „Брось, не
оглядывайся, что было те прошло... темъ за Прутъ, за
эту даль, твое будущее“. — „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“
сидѣли одна изъ добровольцевъ; хоръ дружно, какъ-бы
встрѣчавшись: съ забытымъ, подхватилъ и воздухъ оза-
чился звуками нашей родной лѣсной. Далеко за полночь
проехали мы на куртку, одна лѣсна окликала другую, не
хотѣлось расстаться съ такою ночью, да и гналось какъ-то
особенно душевно.

На другой день въ шесть часовъ какъ мы, такъ и хо-
зяева были уже на ногахъ. Вещи наши были отвезены обя-
зательнымъ молодымъ кавказъ на молдавскую таможену,
а для насъ была приготовлена завтракъ, послѣ котораго
мы разошлись съ добрыми и широкими хозяевами. Старый
мужъ обаялъ каждого изъ насъ, какъ давно знакомого, на
глазахъ его были слезы... онъ зналъ что многимъ изъ его
бывшихъ гостей уже не придется возвратиться на родину.
Черезъ четверть часа знакомые уже намъ экипажи до-
стали насъ къ железнодорожному мосту на рѣкѣ Прутъ.
Мы вышли изъ экипажей и какъ бы по приказанію сняли
шляпки и набойно перекрестились.

„Прощай родная земля, прощай прошлое!“ Около моста
у будки стоялъ нашъ русскій таможенный солдатикъ; а мо-
лодець къ нему, обнявъ его, жонглировался и пошелъ на
мостъ.

Удивительный солдатъ долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ, потѣхъ,
какъ бы сообразивъ что-то, замахалъ намъ шалкой.

II.

„Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“, пословица эта совершенно оправдалась относительно нашего путешествія по Румыніи. Румынскія власти, не говоря уже о народѣ, на каждомъ шагѣ оказывали намъ всевозможныя неудобности. Вещи наши осматривались на таможенныхъ самымъ поверхностнымъ образомъ; мой чемоданъ, напримѣръ, вовсе не смотрѣли и ключъ даже оставался у меня въ карманѣ. Въ кассѣ билетовъ какой-то чиновникъ или военный, видя что насъ сильно затрудняютъ различные франки, левы и т. п., взялся быть переводчикомъ и, несмотря на безцеремонность и непонятливость нѣкоторыхъ добровольцевъ, выдержалъ свою роль до конца. Поездъ опоздалъ выѣхать слишкомъ десятью минутами, причиною были мы, а никто и не подумалъ торопить насъ. Наконецъ суматоха успокоилась и мы разсѣлись по вагонамъ, причѣмъ Русскихъ сажали въ отдѣльное купе. Поездъ двинулся и на платформѣ замелькали платки и шапки.

Часа черезъ полтора мы были въ Яссы, и такъ какъ поездъ долженъ былъ отправиться часа черезъ четыре, мы рѣшили пока съѣздить въ городъ и взять номеръ въ гостиницѣ, чтобы нѣсколько облегчиться, такъ какъ въ данную минуту мы все походили на митральезы: у меня на примѣръ вокругъ пояса въ подолочкѣ было завернуто сто пятьдесятъ патроновъ, шапка была зашита подъ подкладкой пальто, которое, несмотря на жару, я не снималъ, револьверъ былъ опущенъ въ кантадоны; мои товарищи тоже изображали изъ себя арсеналы.

На платформѣ, къ намъ подошелъ какой-то господинъ въ партикулярномъ платьѣ.

— *Шираген-зи дейтши?*

— *Нейн.*

— *Vous parlez français?*

— *Oui je connais un peu la langue.*

— Мыѣ сказали, что вы начальникъ партіи, а потому потрудитесь пойти за мною и показать паспортъ.

„Вотъ когда начинается“, подумалъ я, и немедленно опущалъ свое оружіе и патроны, увы! послѣдніе, едва-едва держа-

лись; однако на вопрос Румынца я отвечал довольно смѣло что никакихъ партій не знаю, а вѣду путешествовать съ нѣсколькими товарищами.

— Ну такъ потрудитесь показать мнѣ паспорты вашихъ товарищей, сказалъ Румынецъ, лукаво улыбаясь.

Я собралъ паспорта и отправился въ указанное помѣщеніе; туда же явился полковникъ Д., начальникъ другой партіи. Румынецъ переписалъ всѣ фамиліи и отпустилъ насъ съ миромъ.

Мои компаніоны дожидались меня уже въ Колонкѣ, куда прикажете? обратился къ намъ по-русеки кучеръ, когда я сѣлъ въ экипажъ; изумленію моему не было границъ: въ Яссахъ извозчикъ говоритъ на чисто русскомъ языкѣ. Вскорѣ дѣло разъяснилось: оказалось что большинство извозчиковъ русскіе скопцы, выселившіеся въ Молдавію.

Земляки привезъ насъ въ какой-то отель, очень чистенькій, съ небольшимъ садикомъ посреди двора, на который выходила галлерея съ стеклянными дверями въ нумера. Говорятъ что большинство отелей строятся подобнымъ образомъ и что вездѣ довольно часто играетъ музыка. Нумеръ намъ дали очень хорошій и очень не дорого. Мы тотчасъ занялись переодѣваньемъ и укладкой оружія въ чемоданы, за исключеніемъ впрочемъ сабель и пистолетовъ, которыя остались зашитыми въ одеждѣ.

Не успѣли мы переодѣться и позавтракать какъ пришлось уже вѣхать на желѣзную дорогу; такъ и не удалось намъ видѣть городъ въ подробностяхъ, хотя это очень желалось. Яссы—такой маленькій, симпатичный городокъ что такъ и хочется покататься по егѣ асфальтовой мостовой. Жизнь тутъ, судя по тому что мы замѣтили въ отелѣ, должно-быть не дорога; но Жицы, продавцы готового платья и мѣшалы, содрали-таки съ насъ порядкомъ.

Дебаркадеръ, очевидно по случаю нашего прѣзвда, былъ половъ народа; впрочемъ толпа любопытныхъ встрѣчала насъ во всѣхъ городахъ, которые мы проѣзжали днемъ.

— Comme ils sont gêné avec leurs armes dans les habits, говорилъ какой-то офицеръ, обращаясь къ микарню одѣтой дамѣ.

— Je les accompagne avec mes vœux les plus sincères, отвѣчала ему мѣшка ливига.

На дебаркадеръ прѣехали наши консулы, которому мы тотчасъ же представились. Онъ насъ сердечно успокоилъ

относительно безпрепятственного путешествія и заѣхавъ что рассказы объ арестахъ и придиркахъ не болѣе какъ басни.

Въ ожиданіи звонка я сидѣлъ въ залѣ 1го класса, когда ко мнѣ подошелъ фельдфебель Б.

— Ваше благородіе, пожалуйста-жа сюда.

Я отправился за нимъ въ залу 2го класса, гдѣ вокругъ сервированнаго стола толпилась публика.

• Великій Боже! какая картина мнѣ представилась. Среди сдвинутыхъ тарелокъ и стакановъ, растянувшись во весь свой богатырскій ростъ, хралѣлъ во всю ивановскую мой капитанъ Л. Румынцы не только терпѣливо, но даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ смотрѣли на эту сцену.

Будить Л. я не рѣшился; это значило бы ѣхать опять вмѣстѣ и подвергнуться повторенію скандаловъ. Пославъ мысленное „прости“ капитану, я пошелъ къ консулу и попросилъ его взять подъ свое покровительство Л.

Изъ Яссы насъ провожали съ криками ура.

Какъ я уже сказалъ выше, всѣ наши опасенія и предосторожности были излишни; съ нами всѣ были любезны и радушны. Разговорившись со мною офицеръ, весьма образованный человѣкъ, какъ и большинство румынскихъ офицеровъ, весьма сочувственно отнесся къ движенію русскихъ добровольцевъ; изъ его словъ я могъ помнить что это не только его личные взгляды, а и всего войска, даже правительства; но что слабое княжество имѣющее съ двухъ сторонъ полечителей, Австрію и Турцію, должно по неволѣ держаться нейтралитета.

По дорогѣ насъ все занимало по новизнѣ: и мильхъ-кофе, и сладкіе соусы, и костюмы поселянъ, и румынскіе жандармы и пр. и пр.

Румынія не поражаетъ путешественника ни величественностью, ни красотою картинъ. „Чистенькая и веселая страна“, вотъ впечатлѣніе какое я вынесъ, оканчивая путешествіе; можетъ-быть этому много способствовала отличная ясная погода и извѣстное настроеніе духа; но, не доѣзжая Турнъ-Северина, характеръ мѣстности совершенно мѣняется; начинается спускъ къ Дунаю: дорога то тянется по скату горы, имѣя съ одной стороны отвѣсную стѣну, густо поросшую лѣсомъ, а съ другой — глубокую пропасть; въ далекѣ синею лентой извивается Дунай; то вдругъ въ дикое темное ущелье спускъ до того крутъ что

страшно становится оглянуться назадъ. Трудно было оторваться отъ этой дивной панорамы. Къ довершенію эффекта, освѣщенный матовымъ свѣтомъ луны, поѣздъ двигался весьма медленно; но мы все-таки не успѣли вѣдостошь налюбоваться картинами, какъ показадся Турнъ-Северинъ.

На дебаркадерѣ была толпа народа и намъ пришлось проходить сквозь строй любопытныхъ взоровъ. Самый городъ хорошенько разглядѣть мнѣ не удалось, такъ какъ было около десяти часовъ вечера, когда коляска привезла насъ въ Hôtel de l'Europe.

По приѣздѣ въ отель мы тотчасъ же послали, по указанію кшениевского исправника, за К. Хр., Болгариномъ по происхожденію, который долженъ былъ насъ направить на дальнѣйшее странствованіе. Предположеніе наше миновать Бѣлградъ и ѣхать черезъ Кладово въ Алексинацъ, по словамъ Хр., не могло быть приведено въ исполненіе по неимѣнію въ Кладовѣ перевозочныхъ средствъ и потому что луть былъ не безопасенъ отъ Черкесовъ и башкибузуконъ. Оружіе, по крайней мѣрѣ болѣе замѣтное, какъ напримѣръ ружья и сабли, по его же совѣту нужно было отправить прямо на Кладово, сами же мы на другой день должны были сѣсть на австрійскій пароходъ. Послѣ небольшого совѣщанія мы, хотя и съ грустью, рѣшили подчиниться указаніямъ Хр. и ѣхать на Бѣлградъ, несмотря на то что путешествіе отъ Кладова въ Алексинацъ казалось намъ болѣе заманчивымъ. Прежде чѣмъ приступить къ укладкѣ оружія, мы отправились внизъ въ table d'hôte ужинать.

Румынскія порціи оказались весьма недостаточными для русскихъ желудковъ, о чемъ мы заявили хозяину, старавшемуся изо всѣхъ силъ казаться Европейцемъ и величавшему меня по этому случаю Monsieur le prince. Онъ съ пресеріозною фizioноміей общалъ что къ нашему возвращенію въ карточкахъ будутъ ломѣщены: portions à la Russe; не знаю сдержалъ ли онъ обѣщаніе.

Въ номерѣ у насъ опять поднялась возня: выдѣриванье сабель, развинчиванье ружей, зашиваніе ихъ въ рогожу и холстъ и пр. и пр. Револьверы мы рѣшили оставить при себѣ, не полагаясь очень на безопасность путешествія на австрійскомъ пароходѣ. Укладка наша окончилась только къ часу ночи и мы послѣдними лечь въ чистыя и удобныя постели чтобъ успѣть сколько-нибудь выспаться. Въ 6 ча-

совъ. мы должны были быть уже на пристани. На другой день мы были аккуратны и еще было темно, когда мы уже сажались на пароходъ. Отъ Туринъ-Северина до Кладова не болѣе пяти верстъ. На пристани небольшой сербской (наконецъ-то) крѣпостцы поджидали насъ человѣкъ двѣнадцать Русскихъ. Между новыми спутниками я напелъ двухъ моихъ сослуживцевъ, Кр. и З.; съ обоими знакомъ былъ я очень мало, но тѣмъ не менѣе эта встрѣча была мнѣ очень пріятна.

Путешествіе на пароходѣ безспорно самое пріятное и удобное. Погода стояла превосходная и мы могли, не сходя съ палубы, вдоволь любоваться очаровательными берегами Дуная. Австрійцы или скорѣе Мадыары относились къ намъ весьма не дружелюбно. Сохранять инкогнито было невозможно, да и не зачѣмъ, такъ какъ Венгерцы могли выражать свою антипатію только презрительно холодными взглядами, на которые мы не обращали никакого вниманія, идти же дальше съ ихъ стороны было бы не совсѣмъ удобно, такъ какъ насъ было человѣкъ до тридцати вооруженныхъ револьверами. На палубѣ было нѣсколько правотѣрныхъ солдатъ, ѣхавшихъ въ турецкую крѣпостцу, попавшую какимъ-то образомъ на небольшой островокъ, между австрійскими и сербскими владѣніями. Эти поклонники Пророка, осмотрѣли на насъ совершенными волками, впрочемъ и мы, не оставались предъ ними въ долгу, а нѣкоторые школяры подсмѣивались надъ ними весьма краснорѣчиво, показывая имъ кулаки, такъ что Турки очень довольны были пересѣсть въ лодку ѣхавшую шаюнку, которая отвезла ихъ въ крѣпость, всѣ стѣны которой были унизаны синими турецкими мундирами и красными фесками. Не доѣзжая Урсова или Орсова, капитанъ весьма любезно предупредилъ насъ о таможенномъ осмотрѣ и посоветовалъ передать оружіе ему. Предупрежденіе было не лишне, такъ какъ Австрійцы придирались къ каждой лапироеѣ, къ каждой крулинкѣ чая и брали безбожную пошлину и штрафы. Мой чемоданъ спасся отъ осмотра, благодаря коробочкѣ съ орденами, между которыми находился и крестъ Франца-Иосифа. Австріецъ оладко улыбнулся, приложилъ руку къ козырьку и, отдавъ знакъ на крышкѣ чемодана, приказалъ посыльщику нести его на пристань. Набережная Орсова была покрыта народомъ; преобладающіе костюмы были военные.

Наконецъ насъ пустили на пароходъ и мы двинулись далѣе. Въ ожиданіи сквернаго обѣда (кормилъ на пароходѣ очень незадочно), я ваялся опять своими патронами и револьверомъ, то-есть укладкой ихъ въ чемоданъ, такъ какъ болѣе осмотра не предвидѣлось. Нужно сказать что пароходная прислуга вѣроятно изъ подражанія нашимъ нужнымъ третиговать насъ смеемъ: наши требованія оставались долго безъ исполненія, тогда какъ Нѣмцамъ подавалось все весьма быстро. Я не могъ дожидаться своего обѣда, такъ что наконецъ долженъ былъ напомнить кельнеру о своемъ заказѣ; на что Нѣмецъ фамильярно потрелялъ меня по плечу, проговоривъ: „bald, bald“. Я замѣтилъ ему что его ласка мнѣ не нравится и чтобъ онъ скорѣе несъ обѣдъ. Но обѣда все-таки не давали, такъ что выведенный изъ терпѣнія, я поймалъ за шиворотъ мимо проходившаго съ тарелкой супа кельнера и заставилъ поставить ее предо мною; хотя она предназначалась одному изъ Нѣмцевъ. Мое рѣшительное дѣйствіе имѣло полный успѣхъ и кельнеръ очень скоро и съ низкими поклонами подавалъ мнѣ прочія блюда.

Я вышелъ на палубу, когда уже почти стемнѣло, но движущаяся панорама береговъ Дуная отъ этого даже выигрышала. Огоньки на раскинутыхъ по берегу сербскихъ постахъ свѣтились замѣчательно эффектно. Меня охватило какое-то особенное чувство. На душѣ у меня было цѣлое море любви къ страдающимъ братьямъ и жажда мести Туркамъ просто душила меня; кажется мое чувство разделяло большинство Русскихъ. Въ одномъ мѣстѣ пароходъ шелъ весьма близко къ сербскому берегу, такъ что фигуры часового съ ружьемъ и прочихъ людей поста были ясно намъ видны; мы не могли воздержаться отъ привѣтствій: „Живіо народъ Сербскій! живіо князь Миланъ!“ Сербы замахали намъ палками.

Подъѣзжая къ Бѣлграду, кучка Русскихъ на палубѣ увеличивалась; затянули лѣсню, одну, другую, образовался кружокъ слушателей. Сначала все-таки улыбочка играла на нѣмецкихъ физиономіяхъ, но вотъ она сгладивается, исчезаетъ, вмѣсто нея появился нѣсколько грустный, полный участія взглядъ. Наши родные лѣсны пропали и Нѣмцевъ; переходы отъ заунывныхъ, за душу хватающихъ мотивовъ къ безшабашно-удалой лѣснѣ особенно ихъ поражали. Въ этихъ переходахъ такъ и высказывался русскій доброволецъ:

такъ далеко назадъ мать, жена, дѣти; вспомнилъ, смергулъ одесу и махнулъ рукой, бодрый и веселый идетъ на защиту обиженныхъ.

Былъ часъ одиннадцатый. Вправо мелькали огоньки Землина, влѣво темнымъ силуэтомъ возвышались стѣны Вѣлградской крѣпости. У меня такъ спавно, такъ радостно билось сердце, мнѣ казалось что я лѣтънажму ко второй родинѣ, что я сейчасъ приму въ свои объятія дорогихъ мнѣ братьевъ.

Мы дружно на враговъ
На бой мы поспѣшимъ,
За родину, за славу,
За честь мы постоимъ.

Пѣли добровольцы съ убѣжденіемъ что случись въ эту минуту противъ насъ непріятель, какихъ бы чудесъ надѣлала эта кучка людей.

Но вотъ мы въѣхали въ Савву; показалась пристань,

„Боже Царя храни“

и всѣ шалки лосняли съ головъ. Мы прощались кто временю, а кто и навсегда съ обожаемымъ Отцомъ всѣхъ Русскихъ. Пароходъ, шипя и лыхтя, медленно причалилъ къ пристани.

„Живіо князь Милая! Живіо народъ Сербскій!“ по увы! восторженный, отъ души вырвавшійся крикъ остался безъ отвѣта; на берегу насъ встрѣтили два священника и нѣсколько жандармовъ. Набережная была пуста.

III.

Послѣ дружескаго привѣтствія монахи или полны отапи совѣщаться между собою о нашемъ размѣщеніи. Толки у нихъ продолжались довольно долго, наконецъ наши вещи были взяты, частью носильщиками съ какими-то сѣдлами на спинахъ, частью нами, и мы вышли на улицу. Пройдя нѣсколько сажень, мы повернули направо и стали выбираться по безконечной каменной лѣстницѣ въ верхнюю часть города.

Душа совершенно скрмалась. Улицы были пусты и мы, предводимые монахами, вооруженными фохарами, имѣли видъ какихъ-то заговорщиковъ.

Послѣ продолжительнаго шатавья на улицахъ и въскрѣ-
скихъ безцѣльныхъ попытокъ у разныхъ гостиницъ, насъ
привели въ номера Ристича. Въ кофейнѣ еще были сѣсть,
и въ ней мы нашли человѣкъ пятнадцать Русскихъ за бу-
тылками мѣстнаго вина.

Наши земляки тотчасъ же пожелади съ нами познако-
миться, предложили выпить вмѣстѣ и объявили что въ два
часа ночи ѣдутъ въ армию. Нашъ отказъ выпить и желаніе
идти въ номеръ спать, вызвали съ ихъ стороны сильное
негодование.

Поднявшись во второй этажъ, мы очутились въ длинномъ
корридорѣ слабо освѣщенномъ керасиновой лампой. На
стѣнѣ висѣла доска, а предъ нею колоколь довольно по-
чтенныхъ размѣровъ; надпись на доскѣ гласила что гости
позволивъ разъ могутъ видѣть служанку, два раза—служи-
теля, три раза—кельнера и такъ далѣе. На нашъ звонокъ
вскорѣ вышла полуодѣтая, не первой молодости, но довольно
еще красивая женщина и размѣстила насъ по номерамъ. Я, М.
и баронъ К. заняли одинъ номеръ. Ужинать намъ за позднимъ
временемъ не дали, а привесли графинъ мѣстнаго вина и
козьего сыру. Перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ, мы улеглись
на весьма жестокія и грязныя постели. Духота въ номерѣ
была смертная и мы растворили окно. Не успѣли мы поту-
шить свѣчу, какъ до насъ снизу долетѣли раздрающіе кри-
ки: „Патруль! патруль!“ Затѣмъ какой-то шумъ и лязгъ
оружія. Накинувъ на себя наскоро верхнее платье, я, М. и
еще кто-то изъ нашихъ спустились въ кафану и пришли
вовремя: какіе-то Черногорецъ и Сербъ готовы были бро-
ситься другъ на друга, одинъ съ револьверомъ, другой
съ обнаженною саблей. Окружавшіе ихъ только галдѣли
и ничего не могли сдѣлать. Намъ удалось успокоить раз-
свирѣлѣвшихъ противниковъ, напомнивъ имъ объ общемъ
дѣлѣ и что теперь не время сводить личные счеты, такъ
что когда придетъ патруль, то въ немъ уже не имѣлось
надобности. Оказалось что сыны Юга заспорили о пре-
имуществахъ одной народности предъ другою, и дѣло чуть
не дошло до кровопролитія. Миѣ отчасти понравилась эта
сцена, по крайней мѣрѣ въ ней я видѣлъ проявленіе, хотя
и дикое, любви къ родинѣ и самолюбія. Утѣрившись въ
окончательномъ примиреніи враговъ, мы разошлись по сво-

ить Комитатъ. Заснуть ни мнѣ, ни М. долго не удалось: только-что происшедшая оцена, впечатлѣніе приѣзда и близость къ двамъ вызвали у насъ долги разговоры. Начинало уже свѣтать когда мы ложились другъ другу спокойной ночью. Не знаю какъ М., а я еще долго пролежалъ на своемъ ложѣ и думалъ, къ удивленію, не о себѣ, а о немъ. Я все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ этому человеку.

На другой день мы встали въ восемь часовъ утра. Раньше чѣмъ отправиться въ военное министерство, нужно было привести свою особу въ болѣе благопристойный видъ. Я отправился въ царскую на окантъ которой была прикреплена бумажка съ надписью: „Ici on parle français“. Усадить меня предъ зеркаломъ, Фигаро принесъ небольшой тазикъ воды и, ломаясь въ мое кусокъ мыла, вымылъ мнѣ физиономію. Нельзя сказать чтобы этотъ первобытный способъ мыть бороду былъ особенно приятенъ, хотя вылезъ я его довольно терпѣливо. Во время бритья весьма тупою бритвой, я завелъ разговоръ о новостяхъ войны; оказалось что мой парикмахеръ весьма мало интересуется боевыми успѣхами Сербіи и, кроме того, еще-еде могъ объясняться, несметно на выцѣпъ на французскомъ языкѣ. Затѣмъ мы отправились въ ближайшую кафану, гдѣ спросили „была кафу“, то-есть кофе съ колокомъ. Не знаю, вѣдѣтвѣ ли моего мундара съ ардеана или только потому, что мы Русскіе, но на десять вѣтренинскихъ по дорогѣ Сербовъ, девять окимали шапки и раскланивались. Содержатель кафаны разсказывая въ любезностяхъ и тѣшилъ же: подалъ нѣсколько печатныхъ листовъ съ извѣстіями въ тѣхъ вѣскахъ дѣлѣтнѣй. Въ ожиданіи кофе, я занялся разсмотрѣніемъ вывѣшенныхъ иллюстрированныхъ картинъ и портретовъ. Между портретами на видномъ мѣстѣ помѣщены были изображенія Императора Александра II и Императрицы Маріи.

Напившись чашечки ароматнаго кофе, мы отправились въ министерство, разсматривая по дорогѣ Бѣлградъ. Столица Сербіи по величинѣ равняется нашему губернскаму городу. Выдающихся архитектурныхъ построекъ нѣтъ, но дома и улицы весьма чистенькія, послѣднія обсажены тополями, что ихъ замѣтно окрашиваетъ. Магазины и лавки въ изобиліи и довольно приличнаго вида. Церквей мало, чуть-ли не на каждомъ шагу кофейни. Дворецъ князя Милана, мимо

которые мы приходили, живимъ не выдвостомъ, мы его узнали толмъ же стоявшимъ у воротъ часовымъ. Приемъ военнаго министерства поразилъ насъ своими малыми размерами. Въ нашихъ убогихъ полицейскихъ управленіяхъ куда больше comfortъ и удобства. Въ небольшой комнатѣ, съ большимъ столомъ посрединѣ, насъ встрѣтилъ капитанъ сербскаго генеральнаго штаба (фамилію не я не помню), и просилъ присѣсть и обождать. Вскоръ явился полковникъ Б., состоявшій, кажется, въ должности начальника главнаго штаба. Отобразъ у насъ паспорта, Б. спросилъ насъ, въ какую армию мы желаемъ отправиться. Мы объяснили, что въ Тиморо-Моравскую.

— Отчего же направляете туда?

— Главнѣйшую армію русскій генералъ, а потому намъ нѣтъ удобнѣ служить съ вами, отказалъ я.

— Ну это не причина.... впрочемъ мы совершенно свободны выбирать любую службу, добавилъ Б. весьма холоднымъ тономъ.

Находясь тутъ же какой-то извѣстнѣйшей женой, мы поехали къ Чолоквину, нѣтъ прежнее обрадованъ Б.

Намъ дали три обмунд.: одну въ канцеляріи, другую на получение патента и третью на получение патента для служебнаго къ арміи. Получить же эти-то патенты изъ министерства мы пришли въ бредъ, т. е. безсмысленно, гдѣ производилось обмундированіе. Расположившись въ канцеляріи, мы пошли въ цейхаузъ, гдѣ очень скоро превратились въ сербскую воиную. Платъе издали весьма порядочное, хотя и нѣсколько толстого сукна; шивши изъ него поддѣлку карманную баузу, сапѣ пинжъ, бану (амортизная буфаловая шапка) и сѣрое пальто. Капитанъ дѣла бѣжалъ окрестности и мы могли заняться оловомъ, т. е. ашарами, платъе, тащъ какъ одно казеннаго было медсестроу, и разнѣмъ локудѣми. Часу во второмъ мы отправились обѣдать въ лучший отель „Сербска Крона“. Предъ домомъ на томъ лѣсномъ деревѣ въ небольшомъ отстоявшемъ судномъ много численные лѣсники различнаго національности, сербской и немецкой. Обѣдъ оказался весьма порядочнымъ; кажется переицъ лѣтъ, заплатили мы за него баснословно дешево: съ виномъ и сельтерскою водою съ меня взяли около двухъ франковъ. Несмотря на хорошую погоду и на желаніе осмотрѣть окрестности города, мы до того распарились

отъ жары и усталости, что рады были добратъся до своего нумера и освободиться отъ суконого платья.

Вечеромъ мы все-таки отдрались въ баню или вѣрнѣе въ ванны, очень грязныя, хотя, говорятъ, въ крепости есть очень хорошая турецкая баня, но мы въ нее не попали.

На другой день мы уже были обмундированы окончательно и готовы были вѣхать добратъся скорѣй до арміи. Намъ и самимъ желалось, да и не хотѣлось подвергнуться жизни жандармеріи съ просьбой утѣшить, что не разъ бывало съ русскими добровольцами, заживавшимися въ Бѣградѣ.

Къ сожалѣнію въ лошадей намъ откачали и мы должны были дожидаться переезда, который отходилъ на другой день въ шесть часовъ утра. Обида, мы отдрались въ ту же Сербскую Кроу, а въ рюкзакъ бутылку отличнаго венгерскаго, такъ что рѣшили вѣсть съ собой другую и распить по приѣздѣ въ армію.

На второй день за обѣдомъ мы уже раскланивались со многими Русскими; между прочимъ рядомъ съ нами помѣстился полковникъ Б. съ какими-то штатскими.

Вѣроятно мои орденъ обратили вниманіе этого послѣдняго; онъ наклоня къ Б. и кивая на меня что-то спросилъ его; между нами завязался разговоръ, видимо касавшійся дѣла. Черезъ нѣсколько времени штатскій перевернулся со своимъ другомъ въ нашу сторону и спросилъ:

— Вы идете въ армію?

— Да.

— Куда именно?

— Къ Черняеву.

— Отчего же къ нему?

— Мы Русскіе, а потому считаемъ для себя удобнѣе служить подъ начальствомъ Русскаго же.

— Да, но вѣдь вы прѣхаете служить австро-венгерскому дѣлу, значитъ надо вѣхать туда гдѣ вы будете полезны.

— Совершенно вѣрно, и еслибы меня назначили въ другую армію, то я поѣхалъ бы безъ всякихъ возраженій, но такъ какъ меня спросили куда я желаю вѣхать, то я и выбралъ Тимоко-Моравскую армію.

— Но у Черняева и то слишкомъ много офицеровъ и всѣ мѣста заняты.

— Я буду служить солдатомъ; впрочемъ судя по газетамъ, это не совсѣмъ вѣрно; еще недавно было писано что офицеры очень нужны.

В. не принималъ участія въ разговорѣ, хотя и прислушивался къ нему.

— Вы знаете меня? спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія незнакомецъ.

— Нѣтъ, не имѣю удовольствія.

— Я полковникъ И.

Мы назвали поочереди себя и проговорили обычное „очень пріятно“.

— Вамъ, вѣроятно, известно мое имя изъ газетъ?

— Да, я читалъ про насъ.

Мое хладнокровіе, какъ кажется, не понравилось И. Онъ оставилъ насъ въ покоѣ. Къ намъ подошелъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ и съ намъ какой-то юный кавалеристъ. Этотъ послѣдній со втораго слова началъ бранить Сербовъ, утверждая что Сербы трусы, что стрѣляютъ въ Русскихъ, и пр. Я отнесся къ его словамъ совершенно равнодушно, такъ какъ слышалъ уже подобныя разказы, но М. просто вышелъ изъ себя.

— Подобныя сказки могутъ выдумывать только шершавцы, а повторять ихъ только дураки.

Я думалъ что выйдетъ цѣлая исторія, но, къ удивленію моему, юноша живо отретировался отъ нашего стола.

На другой день рано утромъ, распроставшись со служавкой Настасьей, большою патриоткой, и расплатившись съ Жидомъ-хозяиномъ, содравшимъ съ насъ весьма изрядныя деньги, мы отправились на пароходъ. Каково же было наше удивленіе, когда добровольцы встрѣченныя нами въ ночь пріѣзда оказались всѣ еще налицо и всѣ они, къ нашему горю, ѣхали одновременно съ нами. Сербскій пароходъ долженъ былъ насъ доставить въ Дубровицу, откуда уже мы должны были слѣдовать на лошадахъ. Въ каютѣ втораго класса появилась водка и вскорѣ одинъ изъ ѣхавшихъ съ нами Черногорцевъ, прелестное дитя природы, былъ уже совсѣмъ готовъ и громко распѣвалъ импровизованную пѣсню про юнаковъ Руссовъ, Черногорцевъ и Сербовъ. Видя что многіе Русскіе продолжаютъ угощать Черногорца, я не выдержалъ и высказалъ свое замѣчаніе что это вовсе не ладное дѣло; этимъ сразу я приобрѣлъ себѣ недоброжелателей, что не помѣшало мнѣ, такъ какъ старшій капитанъ Б. отказался, принять бранды правленія надъ всею партіей.

Часовъ въ одиннадцать мы были въ Дубровицѣ и сѣдѣли въ парныя колы (телѣги) по два и по три человѣка; поѣздъ составилъ порядочный, около двадцати повозокъ. Ъхали мы очень быстро, такъ какъ дорога очень хорошая; часа черезъ два мы уже въѣзжали въ Пожаревацъ, небольшой городокъ. Привезли насъ въ какую-то гостиницу, гдѣ рѣшили обѣдать. Ъли мы на открытомъ воздухѣ подѣ тѣнью деревьевъ; вскорѣ чуть не весь городъ собрался смотрѣть добровольцевъ. Къ намъ подѣшли сербскій священникъ и два-три граждаина. Они пожелали угостить насъ мѣстнымъ виномъ и вообще обошлись съ нами весьма радушно: священникъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя и всего Русскаго народа; мы отвѣчали тостомъ за здоровье князя Милана и за процвѣтаніе сербскаго юначества. Спѣли русскій гимнъ и попрощавшись съ собесѣдниками, причемъ подошли подѣ благословеніе священника, отправились далѣе, налутствуемые криками: „живіо!“ Такъ какъ мы ѣхали не мѣняя лошадей и ѣхали хорошо, пришлось довольно рано остановиться на ночлегъ въ какомъ-то селѣ, названія котораго не помню.

Въ кафанѣ сербскій офицеръ занимался перелискою молодежи, будущихъ войниковъ, какъ объяснили мнѣ. Я замѣтилъ одного съ обрубленнымъ пальцемъ на лѣвой рукѣ, такъ что разказы о членовредительствѣ подтвердились. Я подошелъ къ нему и старался объяснить ему какъ умѣлъ, насколько дурень его поступокъ; говорилъ что если мы всѣ будемъ уходить съ боя, то Турки скоро дойдутъ до Бѣлграда, разорятъ край и заберутъ сербскихъ женъ и дѣтей, а что отрѣзывая себѣ пальцы мы только помогаемъ Туркамъ. Сербъ видимо понималъ смыслъ моихъ словъ, онъ молчалъ, скорчивъ такую жалкую физиономію, что моя досада невольно остыла. Окружающіе Сербы во время моей рѣчи смотрѣли то на меня, то на виновнаго, по временамъ подтверждая мои слова своимъ: „іестъ“ (да, вѣрно).

Не буду описывать наше дальнѣйшее путешествіе, совершившееся безъ особыхъ приключеній.

Край густо заселенъ, на пути намъ безпрестанно встрѣчались села и деревни, судя по которымъ можно было составить себѣ понятіе о сельскомъ населеніи какъ о весьма зажиточномъ.

Сербскія кучи (дома) гораздо больше и чище нашихъ великорусскихъ избъ; наружностью онѣ схожи съ малороссійскими хатами. Деревни утопаютъ въ зелени садовъ, преимущественно фруктовыхъ. Отсутствие мужского пола бросалось въ глаза, но хозяйство, какъ видно, не было запущено; одно можно сказать, что замѣтенъ былъ недостатокъ въ домашнихъ животныхъ: въ коровахъ, лошадяхъ, баранахъ, за то свиней было изобиліе. Города которые мы проѣзжали: Чупрія, Парачинъ и Ражаны, ничего достопримѣчательнаго не представляли; тотъ же излишекъ кафановъ, занятыхъ уже, впрочемъ, частью больницами, и отсутствие церквей. Последнее весьма странно; почти каждое село и деревня имѣли школу, такъ что нужно предполагать что грамотность развита въ Сербіи и казалось бы что религія должна идти съ нею рука объ руку.

По дорогѣ намъ чаще и чаще стали попадаться Сербы съ перевязанными лѣвыми руками. Признаюсь это произвело на меня грустное впечатлѣніе. М. не унывалъ и всячески старался оправдать въ моихъ глазахъ этихъ грустныхъ воиновъ; въ послѣдствіи, познакомившись ближе съ Сербамъ, я согласился что онѣ были правы. За Парачиномъ мы безпрестанно встрѣчали семьи Болгаръ и Старо-Сербовъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Ниша, Виддина и другихъ городовъ. Положеніе ихъ было ужасное: безъ крова, безъ хлѣба, полунагіе. Сердце сжималось при видѣ несчастныхъ почти голыхъ ребятъ толлою бѣжавшихъ около нашихъ телѣгъ и просившихъ милостыню. Страшно подумать что съ этими людьми будетъ, когда наступитъ холодная зима. Къ чести Русскихъ наши телѣги то и дѣло останавливались и кажется не нашлось ни одного человѣка во всей партіи который бы остался равнодушнымъ и не подѣлился тѣмъ что имѣлъ съ Болгарами.

Послѣ двухъ сутокъ пути, 27го августа мы наконецъ подъѣзжали къ Делиграду. Съ утра до слуха нашего долетали выстрѣлы и нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе.

Не доѣзжая верстъ четырехъ до Делиграда уже начинаются бивуаки войскъ. Ряды ружейныхъ козель, небольшіе шалашики изъ вѣтвей, кое-гдѣ дымящіяся подъ котлами съ лищей костры, нѣсколько колъ (тѣлѣгъ) и отдѣльныя группы войниковъ,—вотъ общая картина бивуака.

Въ некоторыхъ мѣстахъ производилось ученье, какъ видно съ новобранцами, впрочемъ по крайней мѣрѣ девять десятыхъ сербской арміи состоитъ изъ новобранцевъ. Сербы на видъ были бодры и веселы. Не успѣли мы остановиться, какъ насъ окружила цѣлая толла; на насъ смотрѣли приветливо и охотно, съ желаніемъ выказать радушіе, подносили намъ крчаги (баклага) съ водой. Часовъ въ десять мы остановились у Делиградской кафаны, обращенной въ перевязочный пунктъ, о чемъ давалъ знать развѣвующійся бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

Весь Делиградъ состоитъ изъ трехъ домиковъ: бывшей школы, занятой помѣщеніемъ штаба главнокомандующаго, одного кафана, обращеннаго въ оружейный складъ и телеграфную станцію, и наконецъ перевязочный пунктъ, около котораго мы стояли. Черезъ дорогу напротивъ насъ вытянулись выстроенные шалаши, импровизованный базаръ съ мясными, табачными и фруктовыми лавками и кафанами. За базаромъ вѣвко возвышался небольшой редутъ, очень слабой профили, но окруженный рядами волчьихъ амъ, застѣкъ и кольевъ расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ и перелутаннымъ проволокой. На соседнихъ холмахъ виднѣлись наши батареи частью еще безъ орудій. Около Делиграда шоссе раздваивается: одно, по которому мы ѣхали, идетъ на Параичъ, другое на Крушевацъ. Дѣвѣ послѣдняя ютилась небольшая деревенька, частью еще занятая жителями. Вдали видѣлась Морава съ раскинутыми тамъ и сямъ садами, а за нею высоты занятыя дѣвѣ Турками, правѣ нами, на нихъ изрѣдка показывались дымки и затѣмъ слышался гулъ выстрѣла.

Забравъ свои паспорта мы направились въ штабъ. На дворѣ около дома помѣщалась караульная рота. Два часовыхъ въ затасканныхъ, оборванныхъ мундирахъ стояли у входа на небольшую лѣсенку. Около стѣны дома стоялъ столъ съ самоваромъ и стаканами, возлѣ на скамейкѣ сидѣло нѣсколько офицеровъ занимающъ чаепитіемъ. На насъ никто не обращалъ вниманія, хотя насъ было до тридцати человѣкъ; видно съ прибытіемъ новыхъ лицъ уже свыкались и оно успѣло надобѣсть. Мы довольно долго бродили по двору, не зная что дѣлать; въ желудкахъ у насъ была пуста и русскій самоваръ сильно раздражалъ аппетитъ. Я наконецъ рѣшился подняться на лѣстницу.

— Вамъ кого? остановилъ меня офицеръ съ Таковскимъ крестомъ.

— Мы только-что прибыли и хотѣли бы явиться.

— Сюда нельзя ходить.

— Такъ потрудитесь доложить о насъ начальнику штаба.

Онъ однако о насъ не доложилъ и намъ вѣроятно долго бы пришлось прождать, еслибы не подошелъ къ намъ графъ К., мой товарищъ по корпусу, котораго я несмотря на годы тотчасъ узналъ.

— Вы, господа, только-что пріѣхали?

— Да, графъ, и очень желали бы явиться, окажите намъ протекцію по старой памяти, мы съ вами однокашники.

— Вы бывшій лахъ?... рѣшительно не узнаю.

Я себя назвалъ; графъ тотчасъ же поцѣловался со мною и перешелъ на ты.

— Ну вотъ какъ кстати я зашелъ; ты вѣрно не откажешься поступить въ нашъ отрядъ; у насъ на дняхъ формируется еще батальонъ и офицеры нужны.

— Я очень радъ служить съ тобой, но дѣло въ томъ что я не желаю бы разставаться съ своими товарищами по путешествію.

— Отаучно... Познакомь меня пожалуйста.

Познакомившись со многими московскими спутниками, а кстати и съ остальными пріѣзжими, графъ записалъ наши имена и такимъ образомъ мы были пристроены въ Русско-Болгарскую бригаду полковника М—ва. Графъ пошелъ сказать о нашемъ прибытіи и вскорѣ къ намъ вышелъ М—де, помощникъ начальника штаба. М—де принялъ насъ очень вѣжливо, отобралъ паспорты и просилъ придти чрезъ полтора часа для того чтобъ явиться къ М. Г. Черняеву, поѣхавшему на позицію. Проведя очень грустно эти полтора часа на солнцекѣ предъ кафавой, мы въ назначенное время пришли въ штабъ. Насъ провели по корридору съ нѣсколькими дверьми по обѣ стороны, въ довольно просторную, но совершенно пустую комнату, гдѣ мы выстроились по чинамъ. Вскорѣ растворилась дверь и вошелъ Черняевъ. Онъ подходилъ къ каждому отдѣльно, спрашивалъ о мѣстѣ прежней службы и подавалъ руку; затѣмъ выйдя на средину комнаты, онъ сказалъ что очень радъ служить съ нами, напомнимъ цѣль къ которой мы должны стремиться и просилъ не судить строго Сербовъ,

имѣя въ виду что это не воины, а крестьяне-пахари. Упомянулъ что надѣется съ помощью Божьей исправить послѣднія неудачи подъ Алексинцемъ и прогнать Турокъ. Чернышевъ произвелъ на всѣхъ насъ отличное впечатлѣніе. Тотъ его рѣчи былъ совершенно простъ и чуждъ высокомерія: забывалось что предъ вами главнокомандующій. Чуть замѣтная, видимо тщательно скрываемая грустная нотка прорывалась въ его голосъ, эта нотка говорила: „Я знаю что все потеряно, надежды мало; если не будетъ помощи отъ Россіи, Сербія и славянское дѣло погибли; но я долженъ скрывать это: я долженъ показать что вѣрю въ возможность побѣды надъ врагомъ.“

Адъютантъ Г. привелъ насъ на небольшой дворикъ, гдѣ расположенъ былъ штабъ бригады. Наше общество размѣстилось подъ тѣнью довольно тощихъ деревьевъ, разостлали войлоки, усталили кругомъ чемоданчики, развѣсили въ видѣ навѣса плаедъ и готова квартира. Устроившись на новосельи, мы послѣдили позаботиться о желудкахъ: одинъ грѣлъ чайники, другой разводилъ костеръ, третій оциливалъ зарѣзанную гурку (ивдюшку). Подѣлившись другъ съ другомъ по-братски чѣмъ Богъ послалъ, мы насытились и разлеглись на отдыхъ. Предъ вечеромъ ходили осмотрѣть болгарское ученье и много смѣялись надъ стараніями войсковыхъ: особенно комично у нихъ выходило наступленіе цѣпью съ палкой; за то атака и „ура“ выходило у нихъ великолѣпно, это былъ у нихъ любимый моментъ изъ всего ученья.

Съ темнотой перестрѣлка продолжавшаяся цѣлый день смолкла и на высотахъ тамъ и сямъ появились огоньки; эта иллюминація зажигалась аккуратно каждую ночь и обѣ стороны старались перещеголять другъ друга въ выдумываніи причудливыхъ рисунковъ изъ костровъ. Эффектъ былъ полный и намъ новичкамъ это было въ диковинку.

Ночью поднялся сильный ураганъ, вдали замелькала молнія, раскаты грома дѣлались все сильнѣе, громче и наконецъ надъ нами разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. На первый разъ природа приняла насъ не совсемъ дружелюбно и надѣлала на другой день большихъ хлопотъ, такъ какъ мы, наше платье и постели были мокры хоть выжми. Эта гроза послужила намъ урокомъ и мы, развѣсивъ промокшія вещи, принялись сооружать шалашъ. На другой день

вечеромъ мы были представлены командиру баталіона графу Т. и перезнакомились съ будущими сослуживцами. Графъ Т. былъ премилый человекъ, добрый, деликатный, держалъ себя съ нами совершенно товарищемъ, но не было случая чтобы кто-нибудь вслѣдствіе этого забывалъ что онъ нашъ начальникъ; такъ что пословица: дружба дружбой, а служба службой, была девизомъ нашего баталіона. Познакомившись съ сослуживцами, мы желали скорѣй перебраться въ мѣсто расположенія баталіона. Не мало надоѣдалъ намъ вертѣвшийся около насъ все время Французикъ, бывшій вольтижеръ цирка Гиле, въ то же время подпоручикъ сербской службы. Онъ ходилъ въ сербскомъ платьѣ, съ воткнутымъ перомъ въ калу (шалка); блуза его, панталоны и шалка были все въ дырахъ и Французъ увѣрялъ что это все лули, раненъ же онъ ни разу не былъ.

Всякій вечеръ Французъ исчезалъ куда-то и возвращался на другой день утромъ съ заласомъ новыхъ разказовъ о своихъ приключеніяхъ въ турецкомъ лагерѣ. Однажды онъ попался съ чужою лошадью, увѣряя что отнялъ ее у Черкесовъ; другой разъ его сильно ломяли за что-то солдатики; но все сходило съ рукъ, — нашъ Французъ не даромъ былъ вольтижеръ и клоунъ.

Я былъ назначенъ командиромъ 4й роты; пріемъ ея былъ не затруднителенъ, такъ-какъ никакихъ осмотровъ, счетовъ быть не могло; у войниковъ все было на себѣ. Рота состояла изъ Старо-Сербовъ, Македонцевъ и небольшого количества Русскихъ, преимущественно унтеръ-офицеровъ.

Одѣты мои войники были очень плохо, кто въ мундирѣ, кто въ блузѣ, а кто въ національной ламукли (родъ куртки). Все это было очень ветхо и мало предохраняло отъ ночныхъ холодовъ. Оружіе было самое разнокалиберное. Я считалъ въ ротѣ шесть системъ ружей, и Боже! Что это были за ружья. Въ хорошемъ арсеналѣ со всеми приспособленіями потребовался бы по крайней мѣрѣ мѣсяцъ для приведенія ихъ въ порядокъ. У одного ложе было сломано и связано веревкой, у другаго (системы Пибоди) нельзя было опустить затвора, курки не спускались, гильзы не выбрасывались, не доставало винтовъ, коледъ, а ужъ про ржавчину я не говорю.

Выстроивъ моихъ новыхъ сослуживцевъ и вызвавъ вперёдъ переводчика, я объяснилъ имъ что пріѣхалъ изъ Россіи

подрагаться за правое дѣло съ Турками; что цѣль слѣдовательно у насъ общая: избавить славянскія христіанскія земли отъ магометанскаго ига, но чтобы достигнуть этого и прогнать Турокъ, намъ нужно поучиться какъ драться со врагомъ. Мы прибывшіе Русскіе большею частью служили въ войскахъ, а потому, зная военное дѣло, постараемся научить и васъ ему. Сказалъ имъ что какъ я, такъ и всѣ Русскіе сумѣемъ ужиться съ ними и вѣрно полюбимъ другъ друга, а потому и дѣло пойдетъ у насъ ладно. Затѣмъ я прибавилъ отъ имени бригаднаго командира, что надняхъ ихъ обмундируютъ, но просилъ потерпѣть, такъ какъ въ военное время трудно сразу доставить имъ все необходимое. Наконецъ вызвавъ впередъ Кирѣевцевъ (у меня въ ротѣ было человекъ восемнадцать участвовавшихъ въ дѣлахъ съ Кирѣевымъ, я просилъ ихъ какъ бывалыхъ объяснить товарищамъ что Турки совсѣмъ для насъ не страшны и что мы сумѣемъ съ ними сдѣлать. Закончилъ я свою рѣчь крестнымъ знаменемъ за починъ добраго дѣла. Войники сняли шалки, перекрестились и прокричали мнѣ „живіо!“

Дѣло у насъ пошло дѣйствительно хорошо; Сербы полюбили меня и скоро подчинились моему авторитету. За ученье они принялись охотно, напрягая всѣ усилія чтобы понять то что имъ было не понятно. Я убѣжденъ что еслибы лобольше времени мы оставались въ Делиградѣ, то изъ нашихъ Сербовъ вышли бы отличнѣйшіе и храбрѣйшіе солдаты, но мы принимали участіе въ первомъ дѣлѣ далеко не готовыми (у насъ не было на примѣръ ни одной практической стрѣльбы) и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; но объ этомъ послѣ.

Поведеніемъ своихъ войниковъ я былъ вполне доволенъ: о воровствѣ не было и помину, случаи пьянства бывали весьма рѣдки, но за то при нихъ приходилось держать ухо остро, такъ какъ народъ былъ горячъ. Разкажу одинъ случай. Два Македонца, Савичъ и Димитрій по прозванію Поль, выпили однажды болѣе обыкновеннаго; Поль обругалъ за что-то младшаго брата Савича, который тотчасъ же схватился за оружіе. Я подослѣлъ вовремя, хотя у Савича было уже оцарапано штыкомъ ухо; мнѣ удалось помирить ихъ, сказавъ имъ, что они не Турки, а православные, для Сербовъ нѣтъ хуже обиды, какъ приравнять его къ Туркѣ. Больше всего пришлось мнѣ ссориться съ моими войниками

за пуганье (стрѣльбу): выстрѣлить изъ ружья было для Серба такимъ наслажденіемъ что ни просьбы, ни угрозы, ни наказанія не могли удержать ихъ отъ этого удовольствія; то и дѣло надъ нашими головами свистѣли лули. Нѣкоторые Сербы, для того чтобы не быть замѣченными при заряженіи ружья, бросали металлическіе патроны въ костры.

Время мы проводили довольно однообразно: вставали часу въ седьмомъ и собирались пить кофе къ шалашу графа Т. Кофе у насъ варился въ полуведеркомъ эмалированномъ котлѣ и этого количества зачастую не хватало на нашу артель. Напившись кофе, мы отправлялись на ученье. Послѣ него собирались завтракать шашлыкомъ или какою-нибудь домашнею птицей изжаренною на вертелѣ.

Послѣ завтрака мы расходились: кто заваливался спать, кто занимался лисьмами, кто отправлялся пошататься по Делиграду, завернуть въ штабъ за лисьмами и новостями, накупить на базарѣ вина и фруктовъ. Часа въ два мы обѣдали, то-есть хлѣбали супъ, къ которому долго не могли привыкнуть. Супъ этотъ или соусъ варится со стручковымъ перцемъ въ такомъ количествѣ что взявши нечаянно полную ложку въ ротъ начинаешь чувствовать удущье и проливаешь изъ очей горькія слезы; но къ чему человѣкъ не привыкаетъ..... Манудка, нашъ ловаръ, никакъ не могъ согласиться что супъ безъ стручковаго перца вкуснѣй чѣмъ съ нимъ и мы поневолѣ должны были примириться съ его стряпней. Послѣ обѣда, часа въ четыре, мы шли снова на ученье, а вечеръ проводили у костра за разказами анекдотовъ или за лѣсями.

Вечеръ былъ любимымъ нашимъ временемъ: жара спала, дышалось легко. Ночи, за рѣдкими исключеніями, были еще хорошія, теплыя; не подалеку пылаетъ нѣсколько костровъ, около которыхъ подъ звуки дудки составляется *коло*, сербскій національный танецъ, весьма однообразный, но не лишennyй оригинальности и даже граціи. Иногда насъ развлекали дивертисментомъ. Нѣсколько Сербовъ, костюмированныхъ Турками, съ вымазанными лицами, изображали интермедію: начиналось съ любезностей сначала съ маленькимъ войникомъ (у насъ въ баталіонѣ было человѣка четыре добровольцевъ лѣтъ четырнадцати), потомъ дѣлали видъ что ему перерѣзывали горло, отрубали руки, ноги, опустошали карманы, обирали его и начинался де-

лежъ, кончавшійся тѣмъ что одинъ изъ Турокъ убивалъ другого. Нельзя сказать чтобы представленіе было замысловато, но за то характерно и современно.

Ночи мы проводили также не безъ приключеній. Помню напримѣръ пожаръ въ шалаши нашего соседа З...го, который заснулъ, забывъ загасить свѣчу; пламя такъ быстро охватило сухія вѣтви что З. и его сожитель Б. еле-еле успѣли выскочить изъ шалаша, вещи же всѣ сгорѣли. Самое интересное началось тогда, когда дѣло дошло до револьверныхъ патроновъ, которые отсалютовали намъ тремястами шестьдесятью выстрѣлами. Не могу не упомянуть при этомъ о замѣчательной лѣни З. Онъ выйдя изъ шалаша сейчасъ же улегся, какъ будто дѣло совершенно его не касалось, подъ ближайшимъ деревомъ шагахъ въ десяти отъ шалаша, и заснулъ какъ ни въ чемъ не бывало; даже разлетавшіяся пули его не подняли съ мѣста.

Не говоря уже о пожарахъ, которые повторялись не разъ, о буряхъ и грозахъ, мы сначала не давали спать полевые мыши, осаждавшія наши шалаши цѣлыми стадами; я имѣлъ всегда отвращеніе къ этимъ животнымъ, а потому будетъ понятнo въ какой я приходилъ ужасъ, когда слышалъ ихъ путешествіе по вѣткамъ надъ самою головою; но такъ какъ мыши появлялись аккуратно каждый вечеръ, то я съ ними скоро свыкся.

Времяпровожденіе не отличалось разнообразіемъ; фальшивыя тревоги для вылазокъ и выступленія на позицію только разжигали и безъ того нетерпѣливое желаніе вступить въ бой; а тутъ еще почти ежедневная перестрѣлка, да слухи что тамъ Хорватовичъ отбросилъ Турокъ, желавшихъ пробиться на Крушевацъ, тутъ Шабачкая бригада поколотила непріятеля, намѣревавшагося перейти рѣку и т. д. Намъ было просто не въ моготу, да и солдатамъ нашимъ начинало надоедать ученье.

Въ одинъ прекрасный день, я, М—въ, графъ Т. и С. рѣшили пройти на позицію; прогулка должна была быть совершена тайно; намъ удалось вооружиться и незамѣтно выбраться изъ лагеря. Часа въ четыре мы перешли Мораву по понтонному мосту и направились по лѣвому ея берегу вверхъ по теченію. Что за мѣста намъ попадались по дорогѣ! какія ущелья, рощи... такъ и манило взобраться на крутизну скалъ; но цѣль нашего путешествія: какъ можно

ближе подойти къ видимой изъ Делиграда турецкой батарее, еще была далеко, а времени до вечера оставалось мало.

Намъ приходилось идти мимо селеній, частію брошенныхъ, частію занятыхъ бивуаками сербскихъ войскъ. По дорогѣ намъ попался офицеръ Сербъ изъ баталіона княгини Натали; мы разговорились и онъ указалъ намъ кратчайшій путь къ шанцамъ (окопамъ), находящимся противъ вышесказанной батареи, и пригласилъ насъ на обратномъ пути зайти выпить стаканъ вина. Къ шанцамъ мы забрались по крутому подъему еще засвѣтло; неприятельская батарея была отлично видна, на ней даже можно было разобрать переходящихъ съ мѣста на мѣсто людей. М—въ зарядилъ Берданку и прицѣлился, указавъ предварительно цѣль; я слѣдилъ въ бинокль. Пафъ!.. и одинъ изъ враговъ кубаремъ слетѣлъ съ бруствера. Стрѣляли по очереди и Т. и С.; я по близорукости не стрѣлялъ. Находящіеся въ шанцахъ войники были чрезвычайно довольны нашимъ приходомъ; они съ любопытствомъ разсматривали револьверы, винтовку Бердана, бинокль и даже спичечницу съ фитилемъ.

Во время перестрѣлки Турки намъ отвѣчали. Войники слѣдили за выстрѣлами и радости ихъ при удачѣ не было границъ. Становилось поздно и мы, попрощавшись съ новыми знакомыми, отправились разыскивать сербскаго офицера. Рота его расположена была въ темномъ, заросшемъ дубнякомъ, ущельѣ; мы застали человѣкъ четырехъ офицеровъ, въ числѣ ихъ и хозяина, за ужиномъ; намъ тотчасъ предложили ракъ, ложки и вина. Оттуда, по ихъ настоянію, мы отправились внизъ въ небольшую деревеньку къ одному офицеру того же баталіона, справлявшему именины. Въ небольшой кучѣ мы застали человѣкъ десять Сербовъ и трехъ Русскихъ. Насъ приняли радушно, посадили на лучшія мѣста и угощали на славу. Пѣли мы тѣсни, преимущественно русскія, а Сербы намъ подтягивали, разумѣется безъ словъ. Засидѣлись мы часовъ до 11 и рисковали, не зная отзыва, быть по дорогѣ задержанными; въ баталіонъ онъ пока еще не былъ присланъ. Намъ любезно предложили проводниковъ. На обратномъ пути мы могли убѣдиться въ исправности аванпостной службы: отзывая намъ ни за что не хотѣли сказать и давали отъ поста до поста провожатыхъ. Не успѣвалъ часовой окликнуть насъ, какъ къ нему уже подбѣгалъ подчасокъ. Наконецъ мы добрались домой.

Намъ пришло въ голову подшутить надъ остальною публикой: я остался позади, а прочіе должны были сказать что я остался раненый у Турокъ. Суматоха поднялась страшная; мои товарищи надѣвали оружіе, будили спящихъ и рѣшили тотчасъ же идти выручать меня. Я появился въ самую горячую минуту и смѣху не было конца.

Вторую прогулку мы предприняли бѣже многочисленною компаніей и взяли съ собой четырехъ Македонцевъ. Цѣль прогулки была водопой; мы хотѣли подкрадуть Черкесовъ, пріѣзжавшихъ поить на Мораву лошадей.

Около Бабовиштъ насъ приняли не такъ радушно какъ въ горахъ и мы рѣшительно не могли добиться гдѣ находится мѣсто водопою, такъ что расположились на удачу. Вдали видѣлся турецкій лагерь и нѣсколько батарей; ждали мы не долго, на противоположномъ берегу вскорѣ появилось нѣсколько фуражировъ; къ сожалѣнію они не подошли близко и наши люди ихъ не задрли. При первомъ выстрѣлѣ находящіеся на аванпостахъ Сербы помрыгали въ нарытые вдоль берега ровики и подыали такую перепалку, что мы сами не рады были что пришли. Турки послали гранату; наша батарея отвѣчала и мы рѣшили поскорѣе убраться до пріѣзда кого-нибудь изъ начальства; кстату же и Сербы „молили“ насъ не „пущать“. Оказывается что Турки совершенно безнаказанно пользуются водопоємъ и даже ведутъ разговоры съ Сербами.

Когда мы вернулись домой, то узнали что мы нарушили перемиріе, нигдѣ не объявленное; однако послѣдствій нашихъ шалостей никакихъ не было.

Приведу здѣсь кстату анекдотъ, за достовѣрность котораго однако не ручаюсь, объ одномъ русскомъ майорѣ П. Въ одинъ прекрасный день къ нему пріѣхалъ парламентеръ, какой-то турецкій полковникъ, съ предложеніями перемирія. П. принялъ его весьма любезно, угощалъ и сказалъ что поѣдетъ доложить о парламентерѣ въ штабъ. Пока П. ѣздилъ Турки подвезли къ берегу бочки, наполнили лошадей, запаслись водой и затѣмъ благополучно отправились восвояси. Полковникъ тоже не дождался П., онъ велѣлъ передать благодарность хозяину за радушіе, за воду и приглашеніе побывать у него и уѣхалъ за Мораву, такъ что прибывшій П. и съ нимъ К...въ должны были согласиться что ихъ ловко обманули.

Наша небольшая семья Русскихъ увеличилась чужеземнымъ элементомъ: къ намъ въ баталіонъ поступили румынскій офицеръ Филилеско и Англичанинъ Бернаръ, который былъ назначенъ ко мнѣ въ роту. Замѣчательно что обоихъ иностранцевъ сильно не взлюбили Сербы; второго еще, пожалуй, понятно: Англичанинъ—значить другъ Турокъ, но ненависть къ первому я ничѣмъ себѣ не могъ объяснить.

Филилеско всѣми силами старался задобрить Сербовъ, въ особенности нашего повара Манулку: давалъ ему деньги, угощалъ ракіей и виномъ; но тотъ отказывался отъ презрѣннаго металла, а отъ водки, несмотря на то что очень любилъ выпить, отворачивался какъ отъ отравы. Отношеніе къ нему Манулки доходило даже до дерзости: онъ не давалъ ему ѣсть, не исполнялъ его приказаній, такъ-что намъ приходилось вмѣшиваться чтобы не вышло исторіи. Наконецъ разгадка открылась; какъ-то разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Филилеской и разговаривали на ужасномъ французскомъ языкѣ: смѣсь французскаго, румынскаго и сербскаго. Когда онъ отошелъ отъ меня, находившійся около насъ Манулка нагнулся ко мнѣ и сказалъ въ полголоса: „Нѣмечка шпигунъ“. Никакія увѣренія не могли разубѣдить Манулку и онъ отъ души былъ доволенъ когда Филилеско по своему желанію былъ переведенъ въ другой баталіонъ.

Бернаръ былъ интересный субъектъ. Пріѣхалъ онъ въ Сербію какъ хирургъ; но затѣмъ прельстился военнымъ житьемъ и поступилъ къ намъ въ баталіонъ волонтеромъ.

Сначала я безъ смѣха не могъ его видѣть въ строю, въ костюмѣ какого-то квакера, такъ какъ сербскаго платья не нашлось, съ моноклемъ въ глазу и съ ружьемъ въ рукахъ.

Въ общежитіи Бернаръ былъ въ высшей степени оригиналенъ: онъ напримѣръ никогда не заботился ни о своей одеждѣ, ни о постели, ни объ обѣдѣ. Страдая лихорадкой, онъ вѣчно кутался въ чужое платье и ложился на чужую постель, не говоря ни слова хозяину; сгонять его и отобрать платье, онъ уйдетъ и отдастъ безъ извиненія и возраженія и сейчасъ ляжетъ олять тоже на чужое мѣсто и завладѣетъ чужимъ одѣяломъ. По цѣлымъ днямъ ищемъ бывало какую-нибудь вещь и окажется что она непременно у Бернара или занесена имъ въ другой шалашъ.

Часто изъ за него мы оставались безъ завтрака: придеть и съѣсть все дочиота, ѣлъ онъ ужасно, но если иногда и случалось ему опаздывать къ обѣду, онъ не претендовалъ, возьметъ сухарь и сгложетъ не говоря ни слова. Вообще онъ былъ права молчаливаго; но какъ-то случайно ему чаще всего приходилось объясняться съ С., не говорившимъ ни на какомъ иностранномъ діалектѣ. Разговоръ былъ въ такомъ родѣ:

— *Quelle heure est - il?* спрашивалъ Бернаръ.

— Подкутилъ, ну не бѣда, гдѣ же тебя угораздило?

С—кій говорилъ ему ты.

Бернаръ старается напримѣръ добыть уголь изъ костра, что ему никакъ не удается.

— Эхъ ты оселъ, оселъ, говорить ему С. поднося уголь.

— *Merci!* отвѣчаетъ ему Бернаръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Англичанинъ былъ большой ледантъ по службѣ; онъ напримѣръ никогда не уйдетъ въ Делиградъ, не спросивъ у меня, какъ у своего ротнаго командира, разрѣшеніе.

Придешь бывало усталый съ ученья и залажешь спать. „*Monsieur le capitaine! Monsieur le capitaine!*“ слышишь надъ ухомъ. Рѣшаешь не откликаться.

„*Monsieur le capitaine!*“ продолжаетъ Бернаръ. Выдерживаешь пять, десять минутъ и слышишь все то же: *Monsieur le capitaine*; нечего дѣлать подымаешься.

— *Que diable voulez - vous de moi?*

— *Permettez moi d'aller acheter un crayon*, говорить Бернаръ своимъ своеобразнымъ акцентомъ и нѣсколько заикаясь.

— *Mais allez où il vous plaira, laissez moi en repos.*

Бернаръ уходитъ, пропадаетъ сутокъ двое и ухитряется возвратиться непременно во время моего сна. Опять то же *Monsieur le capitaine*, опять я притворяюсь спящимъ и онъ все-таки подымаетъ меня.

— *Que voulez vous?*

— *Dans tout Deligrade je n'ai pas pu trouver un crayon*, невозмутимо объявляетъ мнѣ Бернаръ, долгомъ счита явиться ко мнѣ изъ отпуска. И пропалъ онъ дѣйствительно разыскивая карандашъ по лавкамъ, въ штабѣ и по офицерамъ.

Наша молодежь сильно ухаживала за одною сестрой милосердія, дѣйствительно красивою дѣвушкой, но живившею и всюду ходившею съ наперсницей, ужаснѣйшимъ уродомъ.

С. добился наконецъ свиданія, но съ условіемъ занять какимъ-нибудь вздыхателемъ и наперсницу; не знаю какимъ образомъ, но ему удалось увѣрить Бернара, который тоже волочился за хорошенькою сестрой, что она къ нему неравнодушна и назначаетъ rendez-vous.

Отправляются.... Все разумѣется было подготовлено и ихъ встрѣтили въ темной комнатѣ одной изъ кучъ села. Парочки разсаживаются по разнымъ угламъ, слышится тепло, робкіе поцѣлуи.... но вдругъ въ самую латетическую минуту, Бернаръ вставляетъ монокль и чиркаетъ сличку...

О ужасъ! предъ нимъ сидѣла рябая наперсница. Бернаръ тушитъ сличку, прячетъ монокль и спокойно уходитъ изъ кучи.

Однажды вечеромъ графъ Т. объявилъ что мы идемъ на вылазку. Вызвали охотниковъ, вооружились и безъ шума вышли на соединеніе двухъ шоссе, мѣсто назначенное для сбора. Было уже совершенно темно; дожидались мы добрый часъ, наконецъ пріѣхалъ М—скій и къ нашей великой досадѣ объявилъ что вылазки не будетъ, приказалъ распустиť людей, а ротнымъ и баталіоннымъ командирамъ собраться къ нему.

Когда мы всѣ были въ сборѣ, М—скій объявилъ что у Хорватовича войска объявили Милана королемъ и что намъ нужно сдѣлать то же. Онъ велѣлъ завтра собрать людей къ присягѣ, предупредивъ ихъ предварительно.

Такъ какъ намъ тоже приходилось присягать, то мы желали предварительно знать смыслъ присяги; оказалось что мы будемъ клясться служить вѣрой и правдой сербскимъ знаменамъ во время войны съ Турками, на что мы изъявили согласіе. Войники наши съ восторгомъ приняли извѣстіе о провозглашеніи и охотно пошли на присягу. Среди поля былъ поставленъ небольшой столикъ, на которомъ было положено Св. Евангеліе и крестъ. Сербскій священникъ громко и внятно прочиталъ присягу; мы и войники съ поднятыми руками повторяли за нимъ слова; по окончаніи присяги и окропленіи знаменъ тутъ же былъ зарѣзанъ по обычаю страны баранъ. Крики „живіо“ и нескончаемая пальба, которую и остановить не было возможности, продолжались цѣлый день.

(До слѣд. №).

Н. П—ОВЪ.

THE EMPRESS OF INDIA

Зовись — преемницей Пророка,
Зовись — избранницей боговъ,—
Не быть царицею Востока
Тебѣ въ глазахъ его сыновъ!
Тамъ живы древнихъ лѣтъ вѣщанья,
Они, какъ бы изъ нѣдръ земли,
Сквозь вѣковыя испытанья
Въ сердцахъ народовъ проросли...
Тамъ вѣрятъ искони завѣту,
Что вотъ — близка, близка заря,
И царство тьмы уступить свѣту,
Господству Благаго Царя!

А. МАЙКОВЪ.

ДВА БѢСА

(БАЛЛАДА)

Въ скиту давно забытомъ, въ чащѣ лѣса,
Укрылися отъ бури, въ дождь, два бѣса.

Продрогшіе, промокли отъ дождя,
Они тряслись, зубъ съ зубомъ не сводя.

Одинъ былъ толстъ, — коротенькія ножки,
А головою — смѣсь вола и кошки;

Другой высокъ, съ собачьей головой,
И хвостъ крючкомъ, самъ тонкій и прямой.

Тотъ какъ ввалился, и присѣлъ у лѣчки,
И съ виду былъ смиреннѣе овечки;

Другой за то метался и ворчалъ
И въ бѣшенствѣ зубами скрежеталъ.

„Ну, ужь житье! — ворчалъ онъ — мокни, дрогни,
„И все одно что завтра, что сегодня!

„Ждать мочи нѣтъ! ужь такъ подведено,
„Что, кажется, все рухнуть бы должно, —

„Анъ держится! — онъ плюнулъ отъ досады —
„Работаешь, и нѣтъ тебѣ награды!“

Толстякъ смотрѣлъ прищуря лѣвый глазъ,
Надъ бѣшеннымъ товарищемъ смѣясь,
И молвилъ: „Эхъ вы, бѣсы Нетерпѣвья!
„Такой ли вѣкъ телерь и поколѣнье
„Чтобъ намъ ролтать? Я каждый день тащу
„Десятокъ душъ — самъ цѣль и не грущу!
„То ль было прежде? Вспомни хоть, какъ стѣкли
„Святые насъ! Здѣсь вылорютъ, а въ пеклѣ
„Еще потомъ подбавятъ, какъ придеши!
„И. вспомнишь то, кидаетъ въ жаръ и дрожь!
„На этомъ мѣстѣ, помню я, спасался
„Блаженный. Я ль надъ нимъ не постарался!
„Топилъ въ болотахъ; по лѣсамъ
„Дней по пяти кружилъ; являлся самъ,
„То дѣвицей являлся, то во звѣрѣ, —
„Онъ аки столбъ непоколебимъ былъ въ вѣрѣ!
„Я наконецъ оставилъ. Заходить
„Сталъ такъ къ нему чтобы поговорить,
„Погрѣться. Онъ, бывало, тутъ читаетъ,
„А я въ углу. И вотъ онъ начинается
„Мнѣ проповѣдь: не стыдно ли, о бѣсъ,
„Ты мечешься весь вѣкъ свой, аки лесь,
„Чтобъ совратить людей съ пути блаженства!...
„Ахъ, говорю я, ваше, молъ, степенство,
„Чай знаете, я развѣ самъ собой?
„У каждаго у насъ начальникъ свой,
„И видишь самъ, хоть изъ моей же хари,
„Какая жизнь для подначальной твари!
„Да я бъ тебя не тронулъ и во вѣкъ, —
„Анъ спросятъ вѣдь: „Что онъй человекъ
„Сіяетъ все еще, свѣчѣ подобно?“
„Да на спинѣ и выпишутъ подробно
т. схиѣ.

„Зачѣмъ еще сіяетъ!... Вотъ и знай,
 „И вывѣщенный народъ ты не ругай!
 „Гдѣ къ кабаку лишь покажи дорогу,
 „Гдѣ подтолкни, а гдѣ подставь лишь ногу, —
 „И всѣ твои!...“ „Эхъ вы, вскричалъ другой,
 „Рутина! вѣтошь!... Вѣкъ бы только свой
 „Торчать вамъ у купчихъ чтобъ ихъ скоромить,
 „Иль дочекъ ихъ съ гусарами знакомить!
 „Не то ужъ нынче принято у насъ;
 „Мы дѣйствуемъ на убѣжденья массъ,
 „Такъ ихъ ведемъ, чтобъ имъ ни пить, ни кушать, —
 „А безъ разбору только бѣ рушить, рушить!
 „Въ нихъ разожги всѣ страсти, раздражи,
 „Всѣ заповѣди имъ переверни:
 „Пусть вмѣсто „не убій“ — „убій“ — читаютъ,
 „(Седьмую ужъ и такъ не соблюдаютъ!)
 „Не желай“ — десятая — лускай
 „Напишутъ на скрижаляхъ: „пожелай“, —
 „Тутъ дѣло о принципахъ! Пусть ихъ сами
 „Работаютъ подтолкнутые нами!
 „Объ насъ же пусть помину нѣтъ! Зачѣмъ!
 „Пусть думаютъ что насъ и нѣтъ совсѣмъ,
 „Что мы — мечта, невѣжества созданье,
 „Что намъ и мѣста нѣтъ средь мірозданья!
 „Пусть убѣдятся въ этомъ... И тогда,
 „Тогда, любезный другъ, прійдетъ чередъ,
 „Мы явимся въ своемъ природномъ видѣ,
 „И скажемъ имъ: „ложалуйте“...

—

Вы примете, читатель дорогой,
 За выдумку все сказанное мной, —
 Напрасно! Видѣлъ все и слышалъ это
 Одинъ семинаристъ. Онъ шелъ на дѣто
 Домой къ отцу, — но тутъ главнѣйше то, —
 Онъ въ сущности не вѣрилъ ни во что:

И — сапоги на палкѣ — шелъ мечтая,
 Что будетъ свѣтомъ цѣлаго онъ края,
 О братьяхъ, сестрахъ — что и говорить!
 Одна бѣда: со старикомъ какъ быть?
 А старикашка у него чудесный!
 Сердечный... но кругъ зрѣнья очень тѣсный,
 Понятія давно бывшихъ вѣковъ!
 Онъ вѣрить крѣпко — даже и въ бѣсовъ!...
 Такъ шелъ онъ, шелъ — вдругъ туча налетѣла,
 И по лѣсу завывло, загудѣло,
 И градъ, и дождь — по счастью, онъ глядитъ
 Тутъ, въ двухъ шагахъ, забытый, старый скитъ.
 Онъ въ келетку и за пещь!... Садомъ двое
 Бѣсовъ, и вамъ извѣстно остальное...
 Что онъ ихъ *видѣлъ* — онъ стоялъ на томъ,
 И заплатилъ жъ, бѣдненькій, потомъ!
 Товарищамъ за долгъ почелъ открыться,
 А тѣ надъ нимъ — смѣяться и глумиться,
 Проникла вѣсть въ учительскій совѣтъ,
 Составили особый комитетъ,
 Вошли къ начальству съ форменнымъ докладомъ:
 „Что дѣлать, молъ, съ подобнымъ ретроградомъ“,
 Что, вообще, опасный прецедентъ —
 И напослѣдокъ вышелъ документъ,
 Подписанный начальствомъ просвѣщеннымъ:
 „Считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ“.

А. МАЙКОВЪ.

ПАВЗАНІЙ, СПАРТАНЕЦЪ *

ПОСМЕРТНЫЙ РОМАНЪ БУЛВЕРА, ИЗДАНИЙ ЕГО СЫНОМЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА IV.

На берегу, съ правой стороны пристани, разбросаны были въ это время дачи, загородныя жилища богатыхъ гражданъ. Византія основана была Мегарійцами, Дорійскимъ племенемъ, родственнымъ Спартанцамъ, и чистыя черты древней Греціи еще сохранялись въ нарѣчій, въ наружности потомковъ первыхъ поселенцевъ, въ ихъ божествахъ, обрядахъ и преданіяхъ, въ названіяхъ мѣстностей, перенесенныхъ изъ скудной Мегары на этотъ плодородный берегъ, въ рабствѣ на которое обречены были туземные Византіяне, въ привязанности наконецъ къ олигархической формѣ правленія. Только гораздо послѣ описываемаго времени водворилась между ними демократія въ самой испорченной, необузданной формѣ своей. Какъ всѣ дорійскія колоніи, разъ

* См. Русскій Вѣстникъ № 45.

отступивъ отъ строгаго мужественнаго образа жизни предковъ, Византійцы рѣзко перешли къ противоположной крайности и упадокъ быстро обнаружился. Даже во время нашего разказа въслѣдствіе частыхъ сношеній со стекавшимися въ пристань иностранными купцами и торговцами, подъ вліяніемъ восточной извѣженности, они стали уже робки, невоздержны, склонны ко всѣмъ излишествамъ, кромѣ излишней храбрости. Высшія сословія были очень богаты и облакали свои пороки и удовольствія такимъ блескомъ, такою утонченностью, какихъ еще не знали въ болѣе древнихъ государствахъ Греціи. Позднѣе, какъ разказываютъ, византійскіе граждане привыкли даже все время проводить въ гостиницахъ, а дома свои отдавали въ наймы иностранцамъ, стекавшимся въ ихъ веселую столицу, не заботясь даже удалить оттуда своихъ женъ. Когда же военачальникъ находилъ нужнымъ потребовать ихъ содѣйствія на стѣнахъ города, вызывать ихъ не было другого средства какъ перенести туда трактиры. Хотя раслуценность въ то время, о которомъ мы говоримъ, не дошла еще до такой крайности, однако пребываніе у Византійцевъ было весьма опасно для болѣе строгихъ нравовъ посѣщавшихъ ихъ Грековъ. Народъ, женщины, превосходное вино, мягкость расслабляющаго климата, все соблазняло чувства, колебало твердость духа. Какъ всѣ Дорійцы, если освободить ихъ отъ стѣсненія, высшія сословія были общительныя, веселые люди. Они обладали тою склонностью къ юмору, къ шуткѣ, къ сатирѣ, которая въ ихъ родной Мегарѣ положила начало греческой комедіи и проглядывала въ краткой рѣчи, въ грубыхъ забавахъ строгаго Спартанца.

Таковъ былъ народъ съ которымъ въ послѣднее время Павзаній водился, и съ нравами котораго онъ сравнивалъ, ко вреду своей чести и своего спокойствія, обычаи родины своей.

Въ одной изъ описанныхъ нами виллъ, любимомъ жилищѣ богатаго Диагора, въ комнатѣ, сообщавшейся со внутренними покоями, отведенными женщинамъ, сидѣли старикъ и дѣвушка у окна, изъ котораго открывался видъ на свѣтящееся море. На старикѣ была длинная одежда, ладавшая до полу, голова его была лысая, а въ бородѣ нѣсколько темныхъ волосъ еще устояли противъ преобладающей сѣдины. Его правильныя черты и большіе глаза сохраняли остатки

свойственной его племени красоты; но ротъ былъ широкъ, губы толсты, лобъ высокъ, щеки опухли, подбородокъ свѣсилея внизъ, все тѣло было тяжело и неуклюже. Однако въ наружности этого человѣка выражалась шутивая веселость, располагавшая въ его пользу. Это былъ ни кто иной какъ самъ Диагоръ. Онъ лѣниво протянулся на узкомъ диванѣ, искусно украшенномъ слоновою костью, и обдумывалъ новые приемы въ мудреной игрѣ, изобрѣтенной, какъ говорятъ, Паламедомъ во время осады Трои.

Дѣвушка представляла рѣзкую противоположность съ нимъ. На взглядъ сѣвернаго жителя ей могло быть лѣтъ осьмнадцать; въ дѣйствительности же она была гораздо моложе. Необыкновенная выразительность ея наружности ясно доказывала что умъ ея развился не по лѣтамъ. Нельзя было не признать въ ней красоты, но не ту красоту однако, которую взялъ бы въ образецъ греческій ваятель. Черты не были строго правильны, но такъ соотвѣтствовали одна другой, такъ гармонически сливались въ одно, что исправить какую-нибудь частность значило бы испортить все цѣлое. Въ глубинѣ большихъ ярвыѣливыхъ глазъ съ длинными рѣсницами и прямыми тонко очерченными бровями было боѣе азіятскаго нежели греческаго. Свѣжія, алая губы были немного полны, какъ будто слегка надуты, и несчетныя ямочки видѣлись вокругъ нихъ—пріюты боговъ любви. Лицо было смугло но чисто, и дѣвственный румянецъ горѣлъ то ярче, то блѣднѣе на нѣжныхъ щекахъ. Она прислонилась къ отворенной двери и скрестивъ руки на груди глядѣла на Византіѣца. Платье ея ярко-желтаго цвѣта, столь опаснаго для красавицъ Сѣвера, шло хорошо къ ея знойной красотѣ, къ рдѣющимъ щекамъ, къ чернымъ какъ смоль волосамъ. Какъ у Іонянъ рукава платья длинные и широкіе спускались до кисти руки, необыкновенно изящной и тонкой. Длинные серги, оканчивающіяся какимъ-то яблокомъ, усыпанныя драгоценными камнями, какія тогда употреблялись только въ Азіи; широкое изумрудное ожерелье, большія золотыя застѣжки, гдѣ лебединая шея соприкасалась съ красивымъ плечомъ, вся эта роскошь и пышность одежды свидѣтельствовали какъ много византійскія женщины заимствовали у обычаевъ и нравовъ Востока. Въ станѣ этой дѣвушки, не худомъ, но необычайно стройномъ, въ осанкѣ было что-то еще дѣтское, а

тонкая нога, прекрасно очерченная узорною сандаліей, ступала такъ легко и твердо, какъ дѣйскія нимфы когда вѣдуть хороводы. Свойственнымъ лицу ея выраженіемъ, если только на такомъ измѣнчивомъ лицѣ одно выраженіе преобладало надъ другимъ, была шаловливая веселость, порождаемая избыткомъ молодости и сознаниемъ красоты; однако когда облако набѣгло на это лицо, ничто не могло сравниться съ задумчивою грустью темныхъ глазъ; словно что-то глубокое и сильное: гордость, смѣлость, разуміе шевельнулось въ душѣ. Краска ярче проступала на лицѣ, станъ выпрямлялся, глаза загорались огнемъ и выраженіе веселья возвышалось почти до вдохновенности. Но какъ ни славилась Клеоника красотой своею въ Византіи, какъ ни прекрасною показалась бы она конечно и цѣнителямъ нашего времени, ей недоставало одного, по мнѣнію Спартанцевъ, необходимаго условія красоты—высокаго роста. Привыкнувъ смотрѣть на дѣвушку лишь какъ на будущую мать воиновъ, Спартанцы находили красоту только въ такомъ тѣлосложеніи которое обѣщало сильное и статное потомство. Можетъ-быть читатель помнитъ что эфоры подвергли осужденію, даже, говорить, ударамъ спартавскаго царя, осмѣлившася выбрать себѣ жену ниже обыкновеннаго роста. Клеоника была мала ростомъ и нѣжно сложена; она походила скорѣе на персидскую пери нежели на мощную дорійскую грацію. Но не въ красотѣ заключалась главная ея прелесть. Она обладала тѣмъ женственнымъ обаяніемъ, своевольнымъ, причудливымъ, невыразимымъ и непреодолимымъ, которое нѣрѣдко обращало въ послушныхъ рабовъ надменныхъ влстителей міра. Клеоника, дочь Діагора, получила то воспитаніе, еще неизвѣстное тогда свободнорожденнымъ женщинамъ европейской Греціи, которое доставило дочерямъ Іоніи и нѣкоторыхъ острововъ знаменитость въ древней исторіи. Мать ея была родомъ изъ Милета, славившагося какъ красотой, такъ и образованностью женщинъ—изъ Милета, родины Аспазіи, откуда выходили большею частію тѣ замѣчательныя женщины, которыя подъ именемъ гетеръ получили такое вліяніе въ Аѳинахъ и внушали привязанность, едва ли уступавшую по глубинѣ, постоянству и теплотѣ, болѣе рыцарственному чувству Сѣвера. Подобное воспитаніе состояло не только въ обученіи женскимъ занятіямъ, почитавшимся во всей Греціи, но и въ развитіи всего

что способно лѣпить воображеніе и украсить досугъ. Если быль отъѣнокъ педантизма въ обнаруживаемой этими женщинами наклонности къ философіи, то съ этимъ соединялось столько блеска и живости въ разговорѣ, столько привлекательности въ обращеніи, доведенной почти до науки, такое умѣнье смягчать всякую рѣзкость во всемъ что вступало въ ихъ кругъ, ко всему прилаживаться и все облагораживать, что невозможно было упрекнуть ихъ въ недостаткѣ женственности или въ сухости. Мудрость, легко принимаемая, казалась лишь особою формой поэзіи. Аѳинскія матроны, часто не умѣвшія ни читать, ни писать, невѣжественныя, тщеславныя, притязательныя и не всегда хранившія супружескую вѣрность, если вѣрить сплетнямъ дошедшимъ до насъ, не могли не казаться скучными въ сравненіи съ этими блестящими иностранками, которымъ онѣ уступали конечно въ искусствѣ возбуждать любовь, и предъ которыми едва ли могли похвалиться свойствами внушающими уваженіе. Но не надо думать что гетеры—таинственное и могущественное сословіе, являющееся какъ характеристическій признакъ извѣстнаго состоянія общества, и которому нельзя приискать соотвѣтствующаго названія на современныхъ языкахъ,—не надо думать что гетеры однѣ изъ всѣхъ своихъ соотечественницъ обладали такою привлекательностью. Въ тѣхъ же городахъ было много женщинъ безукоризненной добродѣтели, не менѣе образованныхъ и не менѣе милыхъ; но болѣе скромная жизнь лишила ихъ двусмысленной славы въ потомствѣ. Сохранилось однако извѣстіе о многочисленныхъ ученицахъ Пифагора, свѣдѣтельствующее о ихъ способностяхъ. Къ числу такихъ женщинъ принадлежала недавно умершая мать Клеоники. Дочь наследовала ея дарованія, сравнилась съ нею въ умственномъ развитіи, а молодость, природная игривость, невинная искренность, сохранявшаяся уединеніемъ у византійскихъ дѣвушекъ, придавали этимъ свойствамъ характера скорѣе счастливаго дара природы нежели плода тщательной выработки.

Такова была красавица къ которой Диагоръ, поднявъ глаза отъ своей игры, обратился съ такими словами:

— Итакъ, упрямая, ты не можешь полюбить этого героя, хотъ онъ и молодецъ поистинѣ, и великій воинъ, и способенъ съѣсть цѣлое персидское войско вмѣсто завтрака.

Этихъ спартанскихъ лѣтучихъ не нужно для храбрости кормить чеснокомъ. А ты, негодная, все-таки не хочешь любить его.

— Что же дѣлать, отецъ? Отвѣчала Клеоника съ лукавою улыбкой и слегка краснѣя. — Да еслибы я и взглянула благосклонно на Павзанія, такъ вѣдь только себя на горе. Развѣ Спартанецъ, мало того, Спартанскій царь можетъ жениться на иностранкѣ, на Византіянкѣ?

— Не о женитьбѣ рѣчь... конечно это бы дѣло хорошее, если не любишь слишкомъ сложную жизнь, и честь большая... вѣдь война самое почетное занятіе... Но я не объ этомъ говорю, Клеоника. Я хотѣлъ сказать только что этотъ могучій человекъ любитъ тебя; а онъ богатъ, богатъ, очень богатъ. Платя кусокъ хорошій. А мы потерпѣли убытки, большіе убытки, дитя мое. Если ты и не любишь его, развѣ ты не можешь улыбаться и говорить съ нимъ какъ будто любишь? А когда этотъ Спартанецъ отправится домой, ты избавишься отъ мучителя и наживешь приданое.

— Какой стыдъ, отецъ.

— Вотъ ужъ сейчасъ и стыдъ. Вамъ женщинамъ такъ и саышатася оракулы въ каждомъ шелестѣ листьевъ. Неудивительно что Аполлонъ изъ васъ выбираетъ себя жрицу. Но слушай меня, безъ шутокъ—тутъ Діагоръ съ большимъ усиліемъ приподнялся на локтѣ и понизивъ гдось заговорилъ серьезно.—Жизнь и смерть, мало того, богатство и бѣдность въ рукахъ Павзанія. Этому чернокудрому Юпитеру стоитъ кивнуть головой чтобы возвысить или погубить насъ. Говорятъ онъ свирѣпъ, сердитъ, надмененъ, а кто же не радъ отмстить за отвергнутую любовь? Ради меня, Клеоника, ради бѣднаго отца твоего, не показывай ему презрѣнія, отвращенія. Будь кротка, играй съ нимъ, не накликай на насъ грома, если ужъ ты не хочешь вызвать золотого дождя.

Пока Діагоръ говорилъ, дѣвушка слушала его потупившись, краснѣя, и на лицѣ ея выражалось столько стыда, столько грусти, что даже Византіецъ, взглянувъ на нее въ ожиданіи отвѣта, былъ пораженъ этимъ выраженіемъ.

— Дитя мое, сказалъ онъ нервнѣе, какъ бы въ недоумѣніи.—Пойми слова мои. Проклятъ тотъ часъ, когда Спартанецъ впервые увидѣлъ тебя. Но если ужъ такъ угодно

было судьбѣ, не будемъ изъ одной бѣды дѣлать другую, худшую. Я люблю тебя, Клеоника, какъ зѣвицу ока моего. Я за тебя опасаюсь, ради тебя говорю. Вѣдь не безчестье я совѣтую тебѣ, я только желалъ бы избѣжать насилія.

— Насилія? повторила дѣвушка, внезапно выпрямляясь.— Этого не бойся. Не Павзаній мнѣ страшенъ, а...

— Чтò же?

— Все равно. Не будемъ говорить объ этомъ. Не слѣть ли тебѣ что-нибудь?

— Да вѣдь Павзаній придетъ къ намъ сегодня же вечеромъ.

— Знаю. Слушай!..

— И приложивъ палецъ къ губамъ, наклонивъ голову, то краснѣя, то блѣднѣя, дѣвушка тихонько вышла на террасу возвышавшуюся надъ моремъ. Тутъ, пока вѣтеръ шевелилъ ея длинные волосы и мѣсяцъ обливалъ свѣтомъ ея лицо, она стояла какъ та безсмертная жрица ожидавшая Леандра на берегу Геллеспонта. Ухо ее не обмануло. Весла плескали внизу, и быстро неслась чернѣющая лодка къ скалистому берегу. Дѣвушка вглядѣлась пристально въ тѣни видѣвшіяся на ней, и узнала гордую осанку своего влюбленного. Скоро лодка скрылась за густою листвою на берегу, но тутъ слышались въ тихомъ, благоуханномъ воздухѣ звуки китары и пѣснь Алькмана.

П ѣ с ѣ я.

Въ миртовой вѣтви носите мечи
Чтущіе память убійцы тиранна,
Самъ же я въ миртовой вѣтви несу
Злаго убійцу себѣ самому.

Смѣлой рукою я вѣтку сорвалъ;
Эросъ скрывался межъ листьевъ ея;
Лукъ натянулъ онъ, стрѣлу онъ пустилъ;
Гибнуть мнѣ должно, иль вѣтку отдать.

Дѣва, съ подаркомъ пришелъ я къ тебѣ,
Дѣва, я съ вѣтвію мирта пришелъ,
Вкругъ головы иль вкругъ груди твоей
Вѣтвь эту, дѣва, молю я, обвей.

Въ руки изъ рукъ за веселымъ столомъ
Съ вѣтвію мирта пѣснь ходитъ кругомъ;
Въ руки изъ рукъ при безмолвныхъ звѣздахъ
Съ вѣтвію мирта чтò ходитъ? Любовь.

Въ миртовой вѣтви я бога принесъ,
 Пусть при звѣздахъ перейдетъ онъ къ тебѣ;
 Стрѣлы возьми его, крылья свяжи,
 Съ вѣтвю мурта потомъ, мнѣ отдай?

Клеоника, замирая, прислушивалась къ словамъ лѣсни и глубоко вздохнула, когда она кончилась. Затѣмъ, когда зашелестили листья внизу, она быстра воротилась въ комнату и сѣла недалеко отъ Диагора, съ виду спокойная и равнодушная. Сама ли природа или искусства милетскія научили молодую красавицу наслѣдственнымъ уловкамъ ея пола?

— Такъ это онъ? сказалъ Диагоръ съ тревожною робостью.—Надо признаться, онъ выбираетъ странные часы чтобы посѣщать насъ. Но онъ правъ. Чѣмъ болѣе посѣщенія его останутся въ тайнѣ, тѣмъ лучше. Клеоника, ты возмутительно спокойна.

Клеоника не отвѣчала, но повернулась такъ чтобы свѣтъ лампы не падалъ на ея лицо, между тѣмъ какъ отецъ ея торопливо пошелъ встрѣчать знаменитаго гостя, и скоро вернулся со спартанскимъ правителемъ, болтая также усердно какъ паразитъ Алкифрона или Апеней.

— Вотъ это любезности! это доброта! Клеоника говорила что ты придеешь, Павзаній; но я начиналъ уже сомнѣваться. Часы кажутся длинны тому кто ожидаетъ удовольствія.

— А ты, Клеоника, ты знала что я приду? сказалъ Павзаній, подходя къ прекрасной Византіянкѣ. Постуль его была робка; не было уже гордости въ вопрошающемъ взглядѣ, въ наклоненномъ челѣ.

— Ты сказалъ что придеешь нынче вечеромъ, отвѣчала Клеоника спокойно; — а Спартанцы, какъ увѣряетъ пословица, говорятъ правду.

— Да, если это имъ выгодно, отвѣчалъ Павзаній съ усмѣшкой. И какъ будто лестный отзывъ дѣвушки о его землякахъ раздражилъ его, онъ сѣлъ съ недовольнымъ лицомъ подлѣ Клеоники и молчалъ.

Византіянка бросила съ боку лукавый взглядъ на Спартанца и послѣ нѣкотораго молчанія такъ заговорила:

— Вамъ, Спартанцамъ, и слѣдуетъ больше другихъ говорить правду, потому что вы вообще неразговорчивы. У насъ тоже есть пословица въ Византіи, что для лжи нуженъ умъ.

— Дитя! воскликнулъ Диагоръ, въ ужасѣ, поднимая руку и бросая испуганный взглядъ на Спартанца. Къ великой радости его, Павзаній улыбнулся.

— У насъ, у Дорійцевъ, есть свой умъ, красавица. Но я понимаю что онъ не очень нравится вашему полу. Аѳиняне лучше насъ умѣютъ ухаживать.

— А вы развѣ когда-нибудь ухаживаете за дѣвушками въ Лакедемонѣ? Впрочемъ, тамошнимъ дѣвушкамъ, я думаю, не трудно понравиться.

— Меня въ холодный потъ бросаетъ отъ словъ этой дѣвочки, пробормоталъ Диагоръ, отирая лицо. На этотъ разъ Павзаній не улыбнулся; краска простулила на его лицѣ и онъ отвѣчалъ серьезно:

— Такъ стало-быть нѣтъ надежды Спартанцу понравиться Византіѣ?

— Это ты мнѣ загадку загадываешь. Проси разрѣшенія у оракула.

Спартанецъ поглядѣлъ на Клеонику. Въ отвѣтъ на его недоумѣвающий, смущенный взглядъ алая губы такъ лукаво улыбнулись, такою насмѣшливою, веселою шаловливостью засвѣтились глаза Византіѣ, что Павзаній, очарованный, забылъ досаду.

— Жестокая! сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Я не такъ горжусь званіемъ Спартанца чтобъ оно вознаграждало меня за твою насмѣшку.

— Не гордишься званіемъ Спартанца? Развѣ это можно? воскликнула Клеоника.—Кто, говоря о Греціи, не ставитъ Спарту во главѣ ея? Кто, говоря о свободѣ, не упоминаетъ о Ѳермопилахъ? Кто, любящій славу, не завидуетъ побѣдителю при Платеѣ, Павзанію? Нѣтъ, даже въ шутку не говори что не гордишься званіемъ Спартанца!

— Какова! вскричалъ Диагоръ, посмѣваясь, въ великой радости.—Она безъ ума отъ Спарты. И не удивительно!

Павзаній, удивленный и пораженный выходкой прекрасной Византіѣ, глядѣлъ на нее восторженно. Какъ грубо, думалъ онъ, тѣ же самыя рѣчи звучали бы въ устахъ высокой спартанской дѣвы. Но какъ только Клеоника услышала одобрительное восклицаніе отца, выраженіе лица ея измѣнилось, она слегка надула губки и сказала:

— Я вѣдь только повторяю что другіе говорятъ о Спартакцахъ. Конечно, они удивительные герои, но, сколько мнѣ извѣстно, они...

— Чтò? жадно спросилъ Павзаній, наклоняясь ближе къ Клеоникѣ.

— Горды, властолюбивы, суровы.

Павзаній отодвинулся.

— Олять! простоналъ Диогоръ.—Я словно играю въ кошку и мышку со львомъ. Она нарочно дразнить меня. Такъ я же, на зло ей, уйду потихоньку.

— Клеоника, сказалъ Павзаній со сдержаннымъ волненіемъ,—ты смѣешься надо мною, а я сношу.

— Ты великодушенъ. А какъ же бы ты наказалъ меня?

— Какъ?...

— Вѣдь ты не сталъ бы меня бить; не заставилъ бы стоять съ якоремъ на плечахъ, какъ солдатъ своихъ. Стыдись! Ты показываешь мнѣ свое великодушіе! Да развѣ можешь ты мстить мнѣ?

Спартанецъ всталъ въ сильномъ гнѣвѣ.

— Для того кто любитъ и отвергнуть презрительно, сказалъ онъ,—есть мнѣніе о которомъ ты не упомянула.

— Для того кто любитъ! Нѣтъ, Спартанецъ, кто уважаетъ себя и дорожитъ славой, любезною и людямъ и богамъ, тотъ не можетъ мстить женщинѣ. Стыдись своей угрозы.

— Ты бѣсишь и усмиряешь меня, сказалъ Павзаній, отворачиваясь. Тутъ только онъ замѣтилъ что Диогоръ ушелъ и они остались одни. Презрѣніе къ отцу пробудило недоверіе къ дочери. Олять онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Клеоника, я плохо знаю басни поэтовъ, но всѣ говорятъ что отвергнутая любовь обращается въ ненависть. Иногда мнѣ кажется что я ненавижу тебя.

— Да вѣдь ты никогда не любилъ меня, отвѣчала Клеоника и голосъ ея звучалъ такъ мягко, такъ нѣжно что суровый Спартанецъ былъ олять усмирень.

— Я не любилъ тебя! Такъ чтò же такое любовь? Развѣ твой образъ не всегда предо мною? Среди замысловъ, среди оласностей, среди заботъ, какихъ ты и во снѣ представить себѣ не можешь, я думаю только о тебѣ. Какъ на гіацинтѣ наложена печать страданія, такъ на моемъ сердцѣ начерчено имя твое. Клеоника, ты сама не знаешь чтò такое любовь и притворяешься будто не вѣришь моей любви!

— А къ чему, сказала Клеоника, краснѣя, со слезами на глазахъ. — Къ чему можетъ повести такая любовь? Ты не можешь жениться на иностранкѣ; и ты знаешь однако,

Павзаній, что иначе всякая любовь—безчестье даже для византийской дѣвушки. Ты молчишь, ты отворачиваешься. На тебя клеветуютъ. Мой отецъ боится твоего могущества. Если ты меня любишь, ты безсиленъ. Сила твоя перешла ко мнѣ. Не такъ ли? Я, слабая дѣвушка, могу господствовать надъ тобою, распоряжаться тобою, дразнить тебя, если захочу. Ты можешь бѣжать отъ меня, но справиться со мною ты не въ силахъ.

— Не дразни меня слишкомъ, Клеоника! сказалъ Спартанецъ съ печальною улыбкой.

— Нѣтъ, я буду щадить тебя. Не ходи сюда больше, Павзаній. Сознай какія обязанности налагаетъ на тебя твое божественное происхожденіе, твое великое имя. Вѣдь о тебѣ разказываютъ что послѣ побѣды надъ Мардоніемъ ты великодушно съ почетомъ отправилъ на родину его плѣнную островитянку. Затемнишь ли ты въ Византіи славу добытую при Платеѣ. Павзаній, пощади насъ! Не пользуйся страхомъ моего отца; не пользуйся его страстью къ золоту!

— Я не могу, не могу бросить тебя! сказалъ Спартанецъ въ сильномъ волненіи. — Ты не знаешь какъ неудержимо, какъ непреодолимо чувство, прорывающееся послѣ цѣлой молодости проведенной въ воздержаніи, въ лишеніяхъ. Когда природа разрываетъ оковы, ничто уже не остановитъ ее. Я не нѣжный вздыхатель. Гдѣ мнѣ было въ Спартѣ научиться нѣжности? Я люблю не такъ какъ плаксивые Іоняне подносящіе цвѣты и лѣсны; я люблю тебя со всѣмъ жаромъ о которомъ говоритъ Дорійское преданіе. Я готовъ, какъ тотъ Тракіецъ, пройти черезъ ворота ада, еслибы ты досталась мнѣ въ награду. Повелѣвай мною какъ хочешь; сдѣлай изъ меня раба своего, какъ Геркулесъ былъ рабомъ Омфалы, только скажи мнѣ что я могу наконецъ добиться твоей любви. Не бойся. Чтѣ тебѣ бояться меня? Хотя бы я былъ внѣ себя, ты можешь укротить меня однимъ взглядомъ. Я прошу лишь любви твоей за мою любовь. Безъ твоей любви красота твоя теряетъ цѣну. Не вели мнѣ отчаиваться.

Клеоника лоблѣднѣла; крупныя слезы, простулившія на глазахъ, тихо текли по лицу ея, но она не отнимала у него руки, не отворачивалась отъ него.

— Я тебя не боюсь, прошептала она.—Такъ я и отцу говорила; но.... но.... тутъ она высвободила руку и отвернулась: — я боюсь себя самой.

— О, нѣтъ! Нѣтъ! вскричалъ обрадованный Спартанецъ, удерживая ее.— Не бойся довѣриться своему сердцу. Не говори о безчестіи. Есть люди—тутъ Спартанецъ выпрямился и громче зазвучалъ его голосъ—есть люди которые стоятъ выше мнѣній толпы, которые могутъ освободиться отъ несносныхъ цѣлей обычая и народности, подавляющихъ чувство, геній, самую природу. Что здѣсь позоръ, то въ другомъ мѣстѣ можетъ быть почестью. Моя рука, протянутая къ скипетру какого ни одинъ Грекъ еще не держалъ, можетъ доставить не позоръ и горе, а славу и богатство тѣмъ, кого я люблю.

— Ты изумляешь меня, Павзаній. Вотъ теперь я боюсь тебя. Что значать эти таинственныя похвалы? Или ты хочешь возстановить въ своемъ лицѣ племя тѣхъ тиранновъ, которыхъ твоя родина помогла изгнать? Или ты надеешься измѣнить законы Спарты и неограниченно владѣть надъ ней?

— Клеоника, мы касаемся дѣлъ о которыхъ не слѣдуетъ говорить съ женщинами. Извини меня, если я забылся.

— Въ Милетѣ, говаривала мнѣ мать, были женщины, достойныя довѣрія мужчинъ.

— Да, но эти женщины любили. Клеоника, я бы радъ былъ тому часу когда я могъ бы открыть тебѣ всѣ мои мысли, всю мою душу....

Въ эту минуту послышался снизу, съ берега, одинъ тихій, долгій звукъ китары. Онъ замолкъ, и опять раздался. Царственный заговорщикъ вздрогнулъ и тяжело перевелъ духъ.

— Это условленный знакъ, прошепталъ онъ;—меня ждутъ. Клеоника, продолжалъ онъ вслухъ съ глубокимъ чувствомъ въ голосъ,—я надѣялся прежде чѣмъ разстанусь съ тобою; услышать отъ тебя тѣ обѣщанія которыя дали бы мнѣ силу въ настоящемъ и надежду на будущее. О, не отворачивайся отъ меня потому что рѣчь моя проста и приемы мои грубы. Что еслибы я могъ не стѣсняться законами Спарты? Еслибы изъ этой суровой страны я могъ перенести тебя въ такія мѣста гдѣ и небо и люди благосклоннымъ привѣтомъ встрѣчаютъ любовь? Могъ ли бы я тогда надѣяться?

— Не дѣлай ничего что затѣняло бы твою славу.

— Такъ она дорога тебѣ?

— Она часть тебя самого, прошептала Клеоника, и закрыла лицо руками.

Ободренный такимъ признаніемъ, Спартанецъ далъ волю радостному чувству. Онъ обнялъ ее, въ первый разъ; онъ горячо цѣловалъ зардѣвшійся лобъ, руки закрывающія лицо.

— О Геркулесъ! воскликнулъ онъ отрываясь отъ нея, поднявъ руки къ небу,—мой предокъ, мой божественный локровитель! Не за то что ограничивалъ труды свои однимъ мѣстомъ на землѣ былъ ты вознесенъ съ огненнаго престола къ богамъ. Какъ ты, я подчиню силѣ руки моей далекіе народы, которые будутъ славиться моимъ именемъ, и какъ сыны твои, мои праотцы, изгнанные изъ Спарты, вернулись въ нее, побѣдили враговъ своихъ и основали длинную династію Гераклидовъ, такъ можетъ-быть и мнѣ суждено явиться въ это жилище мучителей и шпіоновъ и установить во дворцѣ Атридовъ власть болѣе достойную потомковъ полубога. Опять зовутъ меня! Не бойся, Клеоника! Я не залятнаю своей славы, но я замѣню зависть ненавидящихъ соперниковъ покорностью цѣлаго міра. Еще одинъ поцѣлуй! Прощай!

Когда Клеоника оправилась, Павзанія уже не было. Его страстная, непонятная похвальба еще звучала въ ея ушахъ. Она вздохнула тяжело и вышла на террасу. Тутъ стала она смотрѣть какъ отчалить Павзаніева лодка. Была полночь; ни дуновенія въ воздухѣ, пропитанномъ благоуханіями тысячи растений цвѣтущихъ на этомъ богатомъ берегу. Въ глубокой тишинѣ каждый звукъ, шелестъ листа, плескъ волны былъ явственно слышенъ. До Клеоники донесся шелотъ голосовъ подъ горой, чрезъ нѣсколько минутъ она узнала Павзанія, выходящаго изъ тѣни листвы, но онъ былъ не одинъ. Кто были его спутники? Въ свѣтломъ сумракѣ ясной ночи Клеоникѣ удалось разглядѣть что платье на нихъ не греческое; длинная одежда обличала Персовъ. Они ловидимому дружески и горячо разговаривали, пока выступилъ лѣснаго берега не скрылъ ихъ отъ глазъ дѣвушки.

— Зачѣмъ я такъ люблю его? сказала она какъ бы забывшись.—И зачѣмъ борюсь я съ этою любовью? Мрачное предчувствіе говоритъ мнѣ что Афродита не благосклонна къ намъ. Горе мнѣ! чѣмъ это кончится?

V.

Оставивъ Клеонику Павзаній послѣднѣю прошелъ чрезъ длинный корридоръ въ открытыя сѣни, откуда съ одной стороны былъ ходъ въ сады виллы, а съ другой чрезъ незапертую дверь, къ морскому берегу. Спартакеецъ бѣгомъ спустился по крутому склону, и подъ куртиной деревъ увидалъ Лизандра сидящаго подлѣ причаленной къ берегу лодки.

— Ты одинъ? Гдѣ Аלקманъ?

— Вонъ тамъ. Ты слышалъ его зовъ?

— Слышалъ.

— Павзаній, люди ожидающіе тебя, Персы. Остерегись!

— Чего? Убійства? Я наготовѣ.

— Убійства твоей доброй славы. Нѣтъ оружія противъ подозрѣнія.

— Но вѣдь тебѣ я могу довѣриться? сказалъ правитель послѣднѣю.—А въ преданности Аלקмана я не сомнѣваюсь.

— Зачѣмъ довѣрять одному человѣку то что благоразумнѣе было бы сообщить всему совѣту Греціи? Вести тайно переговоры съ непріятелемъ значить уже на половину измѣнить своимъ.

— Лизандръ, сказалъ Павзаній холодно,—многому еще надо тебѣ научиться чтобы сдѣлаться вполнѣ Спартакеемъ. Подожди меня здѣсь.

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ мальчишкой? говорилъ про себя заговорщикъ, идя далѣе.—Я знаю что онъ меня не выдастъ, но могу ли я разчитывать на его помощь? Я такъ люблю его что желалъ бы дать ему участіе въ моемъ успѣхѣ. Можетъ-быть мало-по-малу я уломаю его. Родъ его вліятельнъ въ Спартѣ, отецъ его эфоръ, такъ самое присутствіе его устраиваетъ подозрѣнія. А вотъ и мои Персы.

Немного поодаль отъ Аלקмана, который прислонивъ китару къ утесу какъ будто погруженъ былъ въ глубокое размышленіе, стояли восточные люди. Ихъ было двое: одинъ высокаго роста, величественной наружности, въ цвѣтъ лѣтъ; другой старше, грубѣе и темнѣе лицомъ, суровый и мрачный съ виду. Они одѣты были не одинаково. Первый, чистокровный Персъ, былъ въ короткой туникѣ по коленъ, плотно прилегавшей къ тѣлу. На круглой шапкѣ его бле-

стѣла нить тѣхъ рѣдкихъ жемчужинъ, съ незапамятныхъ временъ славимыхъ на Востоку, которыя составляли отличительное украшеніе знаменитаго племени Пасаргадовъ. Другой, Мидяннинъ, почти не отличался въ одеждѣ отъ самого Павзанія, развѣ только тѣмъ, что покрытъ былъ драгоценными украшеніями: на рукахъ у него были браслеты, въ ушахъ серги, на шеѣ широкое ожерелье изъ необиданныхъ камней. Позади восточныхъ людей стоялъ Гонгилъ, опершись обѣими руками на трость. Онъ глядѣлъ на входящаго Павзанія съ тою же холодною улыбкой, съ тѣмъ же лукавствомъ во взглядѣ, съ какими выслушивалъ горячія выходки Спартамца или льстилъ его честолюбію. Восточные люди съ величавою важною поклонились Павзанію, а Гонгилъ, выступивъ впередъ, сказалъ:

— Сынъ Клеомброта, вельможный Аріаманъ изъ рода Ахменидовъ, родственникъ Ксеркса, настолько владѣетъ греческимъ языкомъ, что мнѣ не нужно служить вамъ переводчикомъ; а въ Датисѣ, Мидяннинъ, братъ знаменитѣйшаго изъ маговъ, ты видишь воина, достойнаго помогать даже Павзанію.

— Привѣтствую васъ по-спартавски: доброму прекрасное! сказалъ Павзаній внимательно глядя на варваровъ. — Я поручилъ Гонгилу привести васъ сюда чтобы удобнѣе намъ было переговорить нежели въ заключеніи, на которое вы, къ сожалѣнію, еще осуждены. Не въ тюрьмахъ должны вестись разговоры храбрыхъ людей.

— Я знаю, сказалъ Аріаманъ по-гречески, выражаясь понятно, но нерѣшительно и медленно,—я знаю что предомною тотъ герой, который не захотѣлъ обезчестить трупъ Мардонія, и хотя я персикъ, я безъ стыда говорю съ моимъ побѣдителемъ.

— Еслибъ отъ меня зависѣло, персъ вашъ кончился бы, отвѣчалъ Павзаній.—Война, показавшая мнѣ храбрость Персовъ, ознакомила меня и съ характеромъ ихъ. Вашъ царь всегда былъ милостивъ къ Грекамъ, искавшимъ убѣжища у его престола. Я только подражалъ бы его великодушію.

— Еслибы великій Дарій не уважалъ Грековъ, онъ никогда не сталъ бы воевать съ Греціей. Отъ странниковъ, которыхъ несчастіе привело въ его владѣнія, онъ научился цѣнить высоко искусство, дарованія, энергію Эллиновъ. Ему

не столько хотѣлось завоевать ихъ страну, сколько добыть себѣ такихъ подданныхъ. Увы! слишкомъ трудна была задача, которую завѣщала онъ Ксерксу!

— Ему слѣдовало бы разчитывать не на одну лишь силу. Если можно завладѣть Греціей, такъ развѣ искусствомъ сыновъ, а не оружіемъ чужестранца. Только Греки могутъ покорить Грецію. При глубокомъ знаніи различныхъ партій, интересовъ, несогласій, взаимныхъ недоброжелательствъ между отдѣльными общинами, какими только Греки могли обладать, можно разорвать связывающія ихъ стволителю узы; однихъ купить, другихъ запугать, а некоторыхъ, недо-ступныхъ ни подкупу ни страху, побѣдить силой при без-участіи остальныхъ.

— Ты говоришь разумно, десница Олажда! отвѣчалъ Персъ, съ глубокимъ вниманіемъ слушающій Павзанія. — Однако въ нашихъ войскахъ уже былъ твой воевода, храб-рый Демаратъ.

— Но, какъ мнѣ говорили, ты слишкомъ часто пренебре-гали его совѣтами. Еслибы ты его послушался, не было бы ни Саламина, ни Платеи. Впрочемъ Демаратъ самъ дав-но уже чуждъ былъ Греціи; онъ плохо зналъ ее государ-ства, кромѣ Спарты. Живъ онъ еще?

— Конечно. Онъ живетъ въ Локесѣ и славится тамъ какъ и самъ сынъ Дарія.

— А какъ наградила бы Ксерксъ человека, котораго болѣе чѣмъ Демаратъ, человека который до сихъ поръ люб-жилъ всякаго врага и теперь задумываетъ побѣду надъ самою Греціей?

— Еслибы нашлся такой человекъ, отвѣчалъ Персъ, — пусть дастъ онъ волю своимъ мечтамъ, пусть разнуздаетъ воображеніе, пусть самъ онъ найдетъ побѣдоносную опору для признательности царя и громадноты услуги.

Павзаній прикрылъ глаза рукой и на минуту задумался; потомъ взглянувъ на внимательно но спокойное лицо сво-его собесѣдника, сказалъ съ легкой улыбкой:

— Тяжело человеку, о Персъ, имѣти выборъ предъ со-бою; отречься отъ своей родины. Еще въ юнѣшнемъ дѣвѣ были часы когда мои желанія уносились отъ Спарты, отъ всей Эллады, къ спокойной роскоши восточныхъ сатрапій. Но теперь, хотя Спарта суровая, строгая мать, я все-таки чувствую что я ея сынъ. Пока мы говоримъ, престолъ въ

бурной Элладѣ кажется мнѣ единственнымъ достойнымъ предметомъ честолюбія Грека; словомъ, я хотѣлъ бы возвыситься самъ и съ тѣмъ вмѣстѣ возвысить мою страну. Я бы хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи силу достаточную чтобы диспровергнуть противоестественные законы Спарты, чтобы среди ея скалъ воздвигнуть тотъ единый престолъ на какомъ подобаетъ сидѣть потомку полубога. Оттуда я распространилъ бы власть мою надъ всею Греціей, одѣлалъ бы Коринѣъ и Аѣны моими данниками. Современники, а за ними потомки, скажутъ, правда: Павзаній опрокинулъ правительство Спарты; но они прибавятъ: за то Павзаній даровалъ Спартѣ владычество надъ Греціей. Павзаній былъ тираннъ, но не измѣнникъ. Могутъ ли эти замѣчанія согласоваться съ видами Персидскаго царя?

— Не спрессившись моего владыки, не могу отвѣчать тебѣ, сказалъ Аріаманъ.—Только тогда отвѣтъ мой будетъ имѣть силу царской печати. Но, вотъ что по крайней мѣрѣ скажу: у Персовъ не въ обычаѣ вышпиваться во внутреннихъ дѣлахъ союзнахъ государствъ. Ты желаешь установить въ Греціи монархію и одѣлать Спарту столицей. Пусть будетъ такъ. Царь поможетъ тебѣ съ тѣмъ лишь условіемъ чтобы ты уступилъ ему сосудъ воды изъ твоихъ источниковъ, кусокъ земли изъ твоихъ садовъ.

— Другими словами, сказалъ Павзаній задумчиво и съ легкой краской на лицѣ, — съ условіемъ чтобы я призналъ себя данникомъ царя.

— Если ты захватишь власть съ его помощью. Развѣ это тяжкое требованіе?

— Для Грека, для Спартаца, даже кажущаяся зависимость отъ чужеземцевъ тяжела.

Персъ улыбнулся.—Однако, если я хорошо ловимаю тебя, о вождь, самые цари въ Спартѣ находятся въ зависимости отъ народа. Быть слугою толпы дома, или данникомъ иностраннаго царя, служить ежечасно или платить дань землей и водой разъ въ годъ... гдѣ больше свободы?

— Ты не понимаешь нашихъ греческихъ воззрѣній, сказалъ Павзаній,—и некогда мнѣ объяснять ихъ. Какъ бы то ни было, я рѣшусь покорить Спарту себѣ, какъ ея прирожденному царю, но не хочу даже съ виду подчинить страну Гераклидовъ варварамъ.

Аріаманъ задумался; затрудненіе было серьезное. Тутъ вступилась ловкость Гонгила.

— Это можно уладить, Аріаманъ, къ обоюдному удовольствію. Пусть Павзаній владычествуетъ въ Спартѣ какъ ему угодно, и Спарта остается свободною отъ данъ; но за всѣ другія государства и города, какіе Павзаній завоюетъ съ помощію великаго царя, пусть присылается вода и земля. Пусть платитъ онъ, дань за тѣ владѣнія которыя Персы покоряютъ его власти. Такъ услокоена будетъ и гордость Спартанца, и удовлетворены требованія царя.

— Научите меня представить дѣло царю въ такомъ видѣ, и я всѣми силами постараюсь склонить его къ такому отступленію отъ обычныхъ правъ Персидской короны. Но помимо этого, Павзаній,—продолжалъ Аріаманъ—ты, любѣдатель Мардонія, начальствовавшій при Платѣ, ты дѣйствительно такой человѣкъ, съ которымъ владыка Азіи можетъ сноситься какъ съ равнымъ. Другіе Греки прежде тебя предлагали подчинить Грецію моему царю, но они были изгнанники, бѣглецы, имъ нечего было терять. У тебя есть все, и слава, и могущество, и власть, и богатство, все....

— Кромѣ престола, прервалъ Гонгилъ.

— Вамъ нѣтъ дѣла до моихъ лобужденій, отвѣчалъ Спартанецъ мрачно. — Да еслибы я и высказалъ ихъ, вы бы не поняли. Вотъ, только что скажу въ объясненіе. Ты былъ начальникомъ?

— Былъ.

— Еслибы ты зналъ что когда власть сдѣлается для жизни твоей также необходима, какъ пища и питье, она будетъ отнята у тебя навсегда и ты будешь служить радостнымъ въ томъ самомъ войскъ, котораго былъ вождемъ; еслибы ты зналъ что несмотря ни на какія заслуги, ни на какія способности, ни на какія усилія это постыдное паденіе для тебя неизбежно, развѣ самая власть не показалась бы тебѣ унизительною, самая слава темною; развѣ не видѣлъ бы ты мракъ въ настоящемъ, отчаяніе въ будущемъ? И не пришло ли бы тебѣ въ голову что лучше даже измѣнить, нежели низойти до подчиненности?

— Отъ такихъ соображеній у насъ вѣрные подданные обращались въ лютыхъ мятежниковъ, замѣтилъ Персъ.

— Да, да, вѣрю! сказалъ Павзаній съ горькимъ смѣхомъ. — Такъ вотъ что ожидаетъ меня, если я не вырву себя луч-

шую участь изъ роковой урны. Какъ правитель Спарты, пока племянникъ мой несовершеннолѣтенъ, я начальствую надъ спартанскими войсками и обладаю царскою властью. Но какъ только онъ достигнетъ опредѣленнаго закономъ возраста, я подданный, гражданинъ, я ничто, и лишь воспоминаю о славѣ Платеи, о наслажденіяхъ Византіи будетъ точить мнѣ сердце среди безотрадныхъ обрядовъ и суровыхъ лишеній. Персъ, я преисполненъ съ головы до ногъ желаніемъ власти, стремленіемъ къ удовольствію. Во мнѣ есть то, что и прежде создавало героевъ и предателей, возношено до dubbioвъ до небесъ, или приковывало гордыхъ Титановъ къ скаламъ ада. Что-нибудь можетъ еще изъ меня выйти; что, я самъ не знаю. Но какъ мужчина никогда уже снова не сдѣлается мальчишкой, такъ никогда, никогда, никогда не могу я опять сдѣлаться спартанскимъ подданнымъ. Довольно; такъ или иначе, я могу исполнить то что я тебѣ говорилъ. Приметъ ли царь меня въ союзники и одобритъ ли предложенныя мной условія?

— Я почти въ этомъ увѣренъ, сказалъ Персъ.—Ты говорилъ откровенно, и я тебѣ также отвѣчу. Такъ знай же что мы, Персы чистой крови, опрокинувшіе державу Миданъ и подчинившіе гордому племени всѣ страны отъ Скиѣи до Аравіи, отъ Египта до Инда, мы никакую жертву не сочтемъ слишкомъ великою, чтобъ искупить позоръ нанесенный намъ твоими соотечественниками. Всей земли было бы мало сыну Дарія, въ цѣломъ мірѣ ему бы тѣсно было дышать, есдибы вашъ уголокъ остался неподчиненнымъ его державѣ.

— Надѣе уголокъ? Но вѣдь Спарта не должна знать влстителя кромѣ меня.

— Это уже сказано.

— Если я тебя выпущу, отнесешь ли ты мои предложенія царю, не позволяя себѣ отдыха ни днемъ ни ночью, пока не достигнешь подножія его престола?

— Вѣсти эти были бы такъ пріятны что отняли бы у меня охоту мѣшкать на дорогѣ.

— А Датись? Онъ насъ не понимаетъ, но глаза его сердито глядятъ на меня. Легко видѣть что твой товарищъ не любитъ Грековъ.

— Поэтому-то онъ и будетъ помогать намъ. Какъ Миданъ, онъ не пользуется преимуществами Пасаргадовъ, но

родство его съ могущественнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ нашихъ маговъ и собственныя заслуги его на войнѣ доставили ему такое вліяніе между жрецами и воинами, что мнѣ хотѣлось бы взять его въ товарищи. Я отвѣчаю за его вѣрность.

— Довольно. Вы оба свободны. Гонгилъ, отведи нашихъ друзей къ тому мѣсту, гдѣ кони ожидаютъ ихъ. Потомъ ты одинъ вернешься въ крѣпость и объяснишь ихъ мнимое бѣгство какъ мы условились. Слѣшите, пока ночь не прошла. Еще одно слово. Персѣ, успѣхъ зависитъ отъ твоей скорости. Надо нанести ударъ пока Греки еще въ Византіи, пока я еще начальствую. Если царь согласится, ты можешь черезъ Гонгила увѣдомить меня. Персидское войско должно сейчасъ же выступить къ фригійской границѣ и начальство надъ нимъ сейчасъ же должно быть передано мнѣ, какъ настанетъ часъ. Не теряйте времени на громадныя вооруженія, какія увеличивали лышность Ксеркса, но мѣшали его успѣху. Слишкомъ большія войска сами себя губятъ своею неповоротливостію. Отряда въ пятьдесятъ тысячъ изъ однихъ Мидянъ и Персовъ будетъ съ избыткомъ достаточно. Съ такимъ войскомъ, если оно будетъ отдано въ мое полное распоряженіе, я одержу такую же побѣду какъ при Платеѣ, только надъ Греками.

— Твои указанія будутъ закономъ. Да поможетъ Ормуздъ смѣлому.

— Стулайте; Гонгилъ, остальное тебѣ извѣстно.

Задумчиво глядѣлъ Павзаній вслѣдъ Гонгилу и варварамъ.

— Я перешелъ навсегда Геркулесовы Столбы, пробормоталъ онъ. — Надо идти впередъ, или гибнуть. Если не удастся, я умру олозоренный и проклятый; если удастся, хвалебные хоры заглушатъ крики негодованія. Будь что будетъ, я не раскаиваюсь, не хочу раскаиваться. Пусть волкъ гложетъ мнѣ внутренности, никто не услышитъ моего стона. — Онъ обернулся и встрѣтился со взглядомъ Аלקмана, устремленнымъ на него такъ пристально, такъ радостно, что удивленный странностію этого взгляда онъ отступилъ назадъ и сказалъ гордо: — Ты играешь роль Медузы, но я и безъ того уже обратился въ камень.

— Если такъ, сказалъ Аלקманъ смиреннымъ голосомъ, — ты тотъ божественный камень который несутъ предъ войсками, и который даетъ имъ побѣду. Не сердись на меня

за то что я гляжу на тебя съ радостью и надеждой. Пока бесѣдовалъ ты съ Персами, слова долетавшія до меня, казалось, звучали такъ: когда Павзаній возвысится, Спарта визко преклонитъ голову и плоть разорветъ свои цѣли.

— Такъ илоты не ненавидятъ меня?

— Тебя одного любятъ они изъ всѣхъ Спартацевъ.

— Еслибы жизнь моя была въ опасности отъ эфоровъ...

— Илоты поднялись бы какъ одинъ человѣкъ.

— Еслибы я водрузилъ мое знамя на Тайгетъ, хотя бы вся Спарта пошла на меня войной...

— Всѣ рабы пробились бы къ тебѣ. О Павзаній, подумай насколько достойнѣе царствовать надъ десятками тысячъ людей, освобожденныхъ по твоему слову, нежели быть однимъ изъ десяти тысячъ тирановъ!

— Илоты дерутся хорошо подъ хоронимъ начальствомъ, сказалъ Павзаній какъ будто про себя.—Слускай лодку.

— Прости меня, Павзаній! Благоразумно ли довѣряться Лизандру? Онъ образцовый спартанскій юноша. Онъ въ Спарту влюбленъ. Онъ не можетъ не разболтать ей всѣхъ своихъ тайнъ.

— О Спарта, Спарта! воскликнулъ Павзаній, — неужели ты ни одного друга не оставишь мнѣ? Нѣтъ, Аלקманъ, я не отдаю отъ себя Лизандра, пока не потеряю надежду на его содѣйствіе. За весла, скорѣе!

На звукъ ихъ шаговъ Лизандръ, неподвижно лежавшій около лодки, всталъ и пошелъ на встрѣчу Павзанію. Въ его лицѣ, на правильныя, словно рѣзцомъ выстѣченныя черты котораго сіяніе мѣсяца бросало блѣдный, мраморный цвѣтъ, было столько тревоги, привязанности, опасенія, столько явнаго дружескаго участія, что Павзаній, какъ всѣ люди привыкшіе встрѣчать лишь зависть и вражду, дорожившій даже подобіемъ дружбы, пробормоталъ про себя: „Нѣтъ! Ты не оставишь меня; и я тебя не оставлю!“

— Мой другъ! Мой Павзаній! сказалъ Лизандръ, подходя.— Я ислуганъ. Я видѣлъ знаменіе. Не предпринимай ничего, умоляю тебя, что задумалъ ты въ эту ночь.

— Что же ты видѣлъ? спросилъ Павзаній, слегка мѣняясь въ лицѣ.

— Я молился богамъ за тебя и за Спарту, какъ вдругъ ладучая звѣзда пронеслась по небу. Павзаній, теперь востъ-

мой годъ, тотъ годъ, когда въ безлунныя ночи эфоры наблюдаютъ небо....

— И если ладаеъ звѣзда, прервалъ Павзаній съ надменною усмѣшкой,—они рѣшаютъ что ихъ цари прогнѣвали боговъ, и лишаютъ ихъ власти, пока Дельфійскій оракулъ или олимпійскій жрецъ не оправдаетъ ихъ. Мудрое суетворіе. Но, Лизандръ, ночь не безлунная, стало-быть знаменіе не имѣетъ силы.

Лизандръ грустно покачалъ головой и пошелъ за вождемъ своимъ къ лодкѣ въ мрачномъ молчаніи.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

На слѣдующій день, въ полдень, не только на судахъ въ заливѣ замѣтна была та же праздноѣсть и лустота, но и лагерь казался оставленнымъ. Павзаній перешелъ съ корабля своего въ крѣпость, гдѣ обыкновенно жилъ когда находился въ городѣ. Начальники и моряки большею частью разошлись по трактирамъ и литейнымъ домамъ, которыми и тогда уже извѣстна была Византія.

Въ одномъ изъ простѣйшихъ домовъ такого рода, въ болѣе грязной комнатѣ или лучше сказать въ снѣгахъ, отдѣленныхъ отъ жилого строенія, собралась толпа Лаконскихъ плотовъ. Одни изъ нихъ служили моряками, другіе состояли при правителѣ и сопровождающихъ его Спартанцахъ.

Эти несчастные люди были въ полномъ разгарѣ той дикой, печальной веселости, которая свойственна рабамъ въ часы отдыха, и въ которой современные наши писатели находятъ проблески природнаго юмора. Иные жадно пили, бранились, шутили, громко смѣялись. У другаго стола слышался голосъ пѣвца напѣвающий одну изъ пѣсенъ извѣстныхъ только этимъ униженнымъ потомкамъ Гомеровыхъ Ахейцевъ, болѣе древнюю, можетъ-быть, нежели сказаніе о Троѣ, пѣсню полную грубаго шутовства, но минутами выражающую мысли, рисующую картины достойныя языка музъ. Товарищи слушали съ удовольствіемъ рѣзкій голосъ, знакомые звуки, и по временамъ прерывали разговоры за другими столами, громкими требованіями молчанія, на

которыя никто вниманія не обращалъ. Кое-гдѣ небольшія кучки играли въ кости; страстное напряженіе видно было на ихъ лицахъ. Рабамъ, какъ извѣстно, свойственна страсть къ игрѣ. Многие изъ этихъ людей, участь которыхъ богатство не могло облегчить, набрали тайкомъ сокровища изъ добычи при Платѣ, и продавали эгипетскимъ торговцамъ золото по цѣнѣ мѣди. Наружность лирующихъ невольно поражала, наводила грусть. Они большею частью были приземисты, словно придавлены, какъ обыкновенно бываетъ потомство дѣтей нужды и горя. Они похудѣли, потемнѣли въ лицѣ отъ раннихъ трудовъ и невзгодъ; спины ихъ согнулись отъ привычнаго униженія; но мышцы ихъ затвердѣли въ работѣ и горномъ воздухѣ; подъ густыми нависшими бровями горѣли злые, коварные глаза; подъ вліяніемъ веселости, игры, лѣтнія, въ грубыхъ чертахъ проступали страсти не подавленные игомъ рабства, сказывалась природа звѣря не укрощеннаго покорностью. Кое-гдѣ виднѣлись, однако, личности не похожія на остальныхъ: высокія, статныя, носящія божественныя черты греческой красоты. Болѣе благородная природа у нѣкоторыхъ изъ нихъ проявлялась не веселостію — послѣднюю насмѣшкой надъ крайнимъ горемъ — а строгимъ выраженіемъ задумчивой, холодной грусти; другіе напротивъ громче всѣхъ кричали, шумѣли, буйствовали, словно высшее физическое развитіе давало имъ право только на такое жалкое превосходство. Въздъ здоровье и сила могутъ составить аристократію даже между плотами. Одежда этихъ весельчаковъ усиливала впечатлѣніе производимое ихъ наружностью. Илоты на войнѣ не носили, конечно, овчинъ, въ которыхъ ходили дома ихъ соплеменники прикрѣпленные къ землѣ. Моряки сбросили, для прохлады, свои кожаные куртки, и съ обнаженными руками и грудью казались какимъ-то первобытнымъ родомъ, котораго еще не коснулось просвѣщеніе.

Рѣзкую противоположность съ товарищами представляли состоящіе при правителѣ, чисто одѣтые въ широкое цвѣтное платье восточныхъ рабовъ. Они по временамъ съ самодовольствомъ оглядывали свой нарядъ. Словомъ, эта комната представляла зрѣлище которое могло смутить, какъ наглядное и потрясающее свидѣтельство о непрочности всего земнаго, лова выдающаго въ грубой, дикой толпѣ лотомковъ того племени, надъ которымъ нѣкогда царствовалъ

Иселелъ, Атрей, Менелай, Агамемнонъ, пастырь народовъ. Еще грустнѣе задумался бы предъ этимъ зрѣлищемъ мыслитель, вѣряющій, какъ написалъ съ благородною простотою Менандръ, что „природа не знаетъ рабовъ“.

Внезапно, среди нестройнаго шума, дверь отворилась, и Алькманъ вошелъ въ комнату. При его появленіи шумъ тотчасъ же стихъ, все встало и столпилось вокругъ него.

— Друзья, сказалъ онъ, оглядывая ихъ со свойственнымъ ему спокойнымъ, холоднымъ равнодушіемъ, — вы хорошо дѣлаете что веселитесь, пока можно. Думается мнѣ, почему-то, что не долго вамъ веселиться. Придется вѣхать назадъ въ Лаконію. Вы хмуритесь. Вамъ стало-быть не весело возвращаться домой?

— Домой! пробормоталъ одинъ изъ илотовъ, и слово это, уныло произнесенное, повторяясь съ разныхъ концовъ, прошло по толпѣ какъ стонъ.

— А вѣдь у васъ есть дѣти, также какъ и у свободныхъ людей, сказалъ Алькманъ.

— Намъ больно смотрѣть какъ дѣти наши играютъ, не зная что ждетъ ихъ впереди, сказалъ илотъ болѣе благообразной наружности чѣмъ другіе.

— А вы развѣ знаете, отозвался Алькманъ пристально глядя на говорившаго, — что вашихъ дѣтей ждетъ не лучшая участь?

— Полно! воскликнулъ одинъ изъ несчастныхъ, прежде-временно состарѣвшійся, необыкновенно суровый, свирѣлый съ виду: — Уже цѣлые годы слышимъ мы отъ тебя такіе намеки. А что толку? Развѣ есть оракулы для илотовъ?

— И Аполлоновъ оракулъ не славился пока служащіе Аполлону Дорійцы не сдѣлались завоевателями. Оракулы — дѣти побѣды.

— Нѣтъ для насъ побѣды, отозвался уныло первый изъ говорившихъ илотовъ.

— Ихъ никогда не будетъ, если вы откажетесь, сказалъ Алькманъ выразительно. — Какъ? продолжалъ онъ, окидывая взглядомъ толпу, — вы не видите что встала для насъ заря надежды съ тѣхъ поръ какъ тридцать пять тысячъ нашихъ доулиценъ были къ участію въ войнѣ и въ побѣдѣ при Платеѣ? Съ этой минуты мы узнали свою силу. Слышите меня. Въ Самосѣ однажды тысяча рабовъ, вы слы-

шите, одна только тысяча, ушли отъ господъ, взялись за оружіе, бѣжали въ горы,—а горы есть и въ Лаконіи—и по временамъ спускались оттуда опустошать поля, разорять своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Навыкъ научилъ ихъ войнѣ; отчаяніе сдѣлало ихъ нелюбимыми. Что же случилось съ этими рабами? Перебили ли ихъ? Погибли ли они отъ холода, отъ меча, въ полѣ или въ темницѣ? Нѣтъ, эти молодцы были основателями Элидавра.

— Но Самосцы не Спартацы, пробормоталъ старый илотъ.

— Какъ хотите, какъ хотите, сказалъ Альяманъ съ прежнею своею холодною.—Я и не советую вамъ вступать въ бой если вы не рѣшились побѣдить или погибнуть.

— Нѣкоторые изъ насъ рѣшились, сказалъ молодой илотъ.

— Такъ принесите лѣтуча въ жертву Судьбамъ.

— Да почему ты думаешь, спросилъ одинъ изъ илотовъ,— что насъ скоро пошлютъ назадъ въ Лаконію.

— Потому что пока вы, безтолковые, здѣсь пьете да гуляете, тамъ въ аѳинскомъ ульѣ шевелятся. Дѣло въ томъ что Персъ Аріаманъ и Датисъ Мидянскій бѣжали. Союзники, въ особенности Аѳиняне, злятся. Многіе изъ нихъ пошли уже гурьбой къ Павзанію, котораго они обвиняютъ въ содѣйствіи побѣгу лѣтвичниковъ.

— Ну?

— Ну, такъ если Павзаній не уumasлитъ ихъ рѣчами, а рѣчи его не маслянисты, пчелы стануть жалить, вотъ и все. Трирема будетъ отправлена въ Спарту съ жалобами. Павзаній будетъ отозванъ. Можетъ-быть жизнь его подвергнется опасности.

— Опасности! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Да. Да что вамъ до этого? Что для васъ Павзаній? Спартанецъ!

— Да, но онъ былъ добръ къ илотамъ, воскликнулъ одинъ.

— Мы дрались съ нимъ рядомъ, прибавилъ другой.

— Онъ своею рукой перевязалъ мнѣ рану, пробормоталъ третій.

— Мы съ нимъ нажили денегъ, проворчалъ четвертый.

— А главное, сказалъ Альяманъ громкимъ голосомъ,— если онъ останется въ живыхъ, онъ саомитъ правительствомъ Спарты. Вы не дадите такому человѣку умереть.

— Не дадимъ! закричала вся толпа.

Алкманъ глядѣлъ съ равнодушною презрительностью на ихъ разгорѣвшіяся лица, на ихъ взволнованныя тѣлодвиженія, и сказалъ холодно:

— Такъ вы готовы биться за одного человѣка?

— Да, готовы!

— А за свою свободу, за свободу еще не рожденныхъ дѣтей вашихъ вы биться не хотите?

Наступило мертвое молчаніе, но насмѣшка затронула за живое всѣ эти грубыя сердца.

Вдругъ дверь лорыисто отворилась; плоть въ одеждѣ царскихъ слугъ залыхавшись бросилась въ комнату.

— Алкманъ! Слава богамъ что ты здѣсь! Павзаній зоветъ тебя. Не мѣшкай ни минуты! Да и вы, товарищи, не цѣлый же день вамъ бражничать. Пойдемте въ крѣпость. Можетъ-быть тамъ нужно насъ будетъ.

— Для чего? спросилъ кто-то. — Павзаній насъ отпустилъ. Теперь при немъ сухопарые Египтяне.

— Кто, зная Павзанія, спрашиваетъ „для чего?“ Кто съ часу на часъ можетъ предвидѣть что потребуется? отвѣчалъ самодовольный посланный весьма презрительно.

Между тѣмъ Алкманъ, всѣ движенія котораго отличались молчаливостью и быстротой, былъ уже на пути къ крѣпости. Разстояніе было порядочное, но Алкманъ ходилъ скоро. Затанувъ юмась, онъ пустился бѣглыми шагами, ювидишму не особенно слѣпшымъ, но ровнымъ и размишнымъ, подобно шагу страуса. Такою походкой въ то время носились вѣсти изъ города въ городъ, и длина пути проходимого вѣстниками безъ отдыха изумила бы самаго лучшаго изъ нашихъ современныхъ пѣшеходовъ. Такъ быстро шелъ Алкманъ что около крѣпости онъ догналъ греческихъ вождей, отправившихся къ Павзанію прежде разговора его съ плотами. Ихъ было четырнадцать или пятнадцать человѣкъ. Они такъ загородили дорогу, узкую въ этомъ мѣстѣ, что Алкману пришлось остановиться.

— Куда ты такъ бѣжишь, молодецъ? спросилъ Уладъ изъ Самоса, оглянувшись когда услышалъ шаги позади.

— Позвольте, господинъ, я иду къ начальнику.

— А! Ты его рабъ. Что жь, отлускаетъ онъ тебя на волю что ли?

— Я человѣкъ вольный, хотя нѣтъ у меня своего города.

— Вотъ какъ! Спартанскіе рабы также грубы какъ ихъ господа. Что? Ты толкаешь меня, агадай!

— Простите! Я стараюсь пройти.

— Не пущу! Чтобы ты опередилъ Самосца! Никогда! Оставайся сзади.

— Не смѣю.

— Пропусти его, сказалъ молодой Хиосецъ. Агитаторъ. — Его выпустятъ если онъ опоздаетъ. Можетъ быть Павзаній, какъ Персы, носить фальшивые волосы и желаетъ чтобы рабъ причесалъ его для нашего прихода.

— Полно, шелгуешь Афинянинъ, — благоразумно ли такъ настаивать?

Тутъ послышалось громкое ругательство Улиада, который, оставшись немного позади, грубо схватилъ рукой Аликмана старавшагося опередить его. Аликманъ вырвался такъ ловко и сильно что самосскій вождь улетѣлъ на колѣни. Воспользовавшись минутой, Аликманъ бросился впередъ и, проскользнувъ мимо остальныхъ, скрылся въ воротахъ крепости.

— Вы видѣли дерзкое оскорбленіе? проговаривалъ сквозь зубы Улиадъ, оправдываясь. — Господины отвѣтите мнѣ на раба. У меня у самого дома сорокъ рабовъ.

— Полно, не думай объ этомъ! сказалъ Агитаторъ всада. — Видякъ берегъ свою скину.

— Кому дѣло до его скины! У меня рабы съ дѣтства такъ воспитываются что и не знаютъ больше ли скинъ ихъ или нѣтъ. Щипли ихъ хоть цѣлый часъ, не пощечиваясь. Такъ и щиплять ихъ мои дѣти, дайте боги намъ здорovia, чтобы укрѣплялись дѣланы.

— Прекрасное упражненіе. Но вотъ они пришли въ крепость. Смѣлѣе. У спартацкой собаки зубъ длиннѣе.

Павзаній скороими шагами ходилъ взадъ и впередъ по узкимъ, длиннымъ стѣнамъ предъ отведенными ему локалами, когда Аликманъ явился предъ нимъ.

— Ну! нетерпѣливо воскричалъ Спартаецъ, увидѣвъ Аликмана, — ты видѣлся съ этими доблестными мордаками, съ этими новыми людьми, съ этими Ионянами. Насколько ли уже потеряли они страхъ предъ Спартацами что рѣшатся исполнить приказанія своихъ мятежныхъ вождей?

— Павзаній, надо сказать правду, рѣшатся.

— О боги! Подумаешь, у каждого изъ этихъ говорунцовъ въ лодкѣ цѣлое персидское войско! Я помню время когда

если входилъ Спартанецъ въ какое-нибудь собраніе Грековъ, при одномъ видѣ его шалки и трости страхъ овладевалъ всеми присутствующими.

— Такъ, Павзаній! Но они предполагаютъ что Спарта сама отречется отъ своего вождя.

— Они такъ говорятъ?

— Въ одинъ голосъ.

Павзаній остановился въ тревожномъ раздумьи.

— Какъ ты думаешь, они уже осмѣлились послать въ Спарту?

— Кажется, нѣтъ еще; но трирема готова отплыть послѣ вашей бесѣды съ вождями.

— Ахъ, какъ, всѣ замыслы мои погибнутъ, если я буду отозванъ пока... пока...

— Пока не наступитъ часъ примкнуть къ Персамъ на фригійской границѣ. Да.

— Еще одно слово. Ты говорилъ съ плотами?

— Только сейчасъ. Они постоятъ за тебя. Подними лишь руку, и вокругъ тебя изъ замка выростутъ люди, которые менѣе самихъ Спартанцевъ боятся смерти.

— Помощь ихъ здѣсь была бы безполезна противъ цѣлаго греческаго флота; но въ ущельяхъ Лаконіи другое дѣло. Итакъ, я готовъ на худшее, даже на смерть.

Вошелъ рабъ.

— Греческіе вожди желаютъ видѣть тебя.

— Пусть идутъ! воскричалъ Павзаній сердито.

— Послушай, Павзаній, шепнулъ Ахъманъ, — не лучше ли успокоить ихъ, притвориться, прикрыть дѣла лисьею шкуркой?

Правитель, нахмурилъ брови, обернулся на своего мелочнаго брата, словно удивленный и разгнѣванный что онъ смѣетъ давать ему совѣты. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ Павзаній дѣлалъ сыну плота свои преступные замыслы, Ахъманъ присвоилъ себѣ такую вольность въ обращеніи съ нимъ, которая минутами сердила его, но допускалась однако и мало-по-малу входила въ привычку. Между преступниками скоро сглаживаются условныя различія и умъ свободно говоритъ уму. Спартанецъ сдержался въ присутствіи посторонняго раба и чрезъ минуту его природная провинцальность, великая когда страсти не мѣшали ей, убѣдила его что Ахъманъ правъ.

— Постой, сказалъ онъ рабу, — объяви греческимъ вож-

дамъ что Павзаній сейчасъ къ ихъ услугамъ. Стулай. Алькманъ, я уговорю этихъ любезныхъ совѣтниковъ. Не даромъ я воспитанъ въ Спартѣ. Однако, на случай что мнѣ бы не удалось, будь готовъ отправиться въ Спарту сію же минуту. Надо опередить враговъ. У меня есть золото, а кто больше пускаетъ въ ходъ этого блестящаго оратора, того дѣло и право предъ эфорами. Дай мнѣ трость. Жди въ комнатѣ слѣва.

II.

Въ большой залѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ по срединѣ, греческіе вожди ожидали Павзанія. Разговоры въ полголоса велись въ маленькихъ кучкахъ. Громче всѣхъ слышался голосъ Уліада. Вдругъ говоръ стихъ; шаги послышались за дверью. Тяжелый занавѣсъ у входа, въ концѣ зады, отдернулся, и, въ сопровожденіи трехъ Спартанцевъ, между которыми былъ Лизандръ, и двухъ гадателей, всегда въ военное время находившихся при царственномъ Гераклидѣ, Павзаній медленнымъ шагомъ вошелъ въ комнату. Такъ величественна, спокойна и сдержанна была осанка и наружность спартакаго вождя что пробудилось невольное уваженіе, съ какимъ Греки привыкли смотрѣть на родъ его, и раздраженная толпа поклонилась ему молча, нѣсколько робко. Хотя сильныя страсти, природная надменность, не давали Павзанію проявлять въ своемъ обращеніи то терпѣливое, выдержанное, неизмѣнное притворство, которымъ въ сношеніяхъ съ иностранцами часто отличались его соотечественники и которое, по глубокому искусству своему, доводило порокъ почти до гениальности; однако, пріученный съ дѣтства скрывать свои помыслы, владѣть своею наружностью и влагать въ краткія слова двусмысленное значеніе, спартацкій начальникъ умѣлъ въ случаѣ нужды пустить въ ходъ всю хитрость, какою Греки славилась и которую, по мнѣнію Фукидида, Спартацы довели до высшаго совершенства. Теперь, когда соединяла любезность хозяина съ достоинствомъ вождя, онъ отвѣтилъ на поклонъ начальниковъ и привѣтствовалъ ихъ улыбкой, непривычная въ немъ привѣтливость удивила недовольныхъ и самыхъ сердитыхъ на половину уже расположила въ его пользу.

— Нечего спрашивать васъ, Греки, зачѣмъ вы пришли

ко мнѣ, сказалъ Павзаній.—Вы узнали о побѣгѣ Аріамана и Датиса. Странный, необъяснимый случай!

Начальники молча переглянулись; всѣ глаза обратились на Кимона. По знаменитому роду, по уваженію своему къ Спартѣ, а также и по извѣстной всѣмъ непріязни къ ея вождю, онъ, несмотря на свою молодость, казалось, могъ лучше всякаго другаго говорить за товарищей. Кимонъ понималъ нѣмое обращеніе, и со смѣлостью, никогда не измѣнявшею ему, поднялъ голову и послѣ минутнаго колебанія отвѣтилъ Спартанцу:

— Павзаній, ты угадалъ причину нашего прихода. Это были знаменитѣйшіе изъ плѣнниковъ. Они достались всѣмъ намъ въ награду за нашу храбрость. Они къ тому же искусные, знаменитые военачальники. Они самими неудачами своими узнали какъ сражаются Греки. Еслибы Ксерксъ опять пошелъ войной на Грецію, эти два человѣка больше пользы принесли бы ему нежели несчетныя полчища, перешедшія Геллеспонтъ. Но это не все. Оружіе варваровъ мы встрѣтимъ безъ опасенія. Только измѣны у себя дома боимся мы.

Между Ионянами слышался при этихъ словахъ сдержанный ропотъ. Павзаній съ отлично разыграннымъ удивленіемъ на лицѣ поглядѣлъ на Кимона, потомъ на ропшущихъ, потомъ опять на Кимона.

— Измѣны? повторилъ онъ,—чьей же, сынъ Мильтіада?

— Вотъ вопросъ который мы предлагаемъ тебѣ, Павзаній; тебѣ, чьи глаза, какъ вождя нашихъ войскъ, конечно слѣдятъ денно и нощно за интересами Греціи.

— Я не слѣлъ, отозвался Павзаній, какъ будто не понимая ироніи,—но я не Аргусъ. Если ты замѣтилъ что-нибудь укрывшееся отъ меня, говори прямо.

— Ты сдѣлалъ Гонгила Эретрійца правителемъ Византіи; за какія великія заслуги, намъ неизвѣстно. Онъ долго жилъ въ Персіи.

— Поэтому-то именно здѣсь, на границѣ ея владѣній, онъ лучше другаго способенъ провидѣть ея замыслы и противодѣйствовать имъ.

— Этотъ Гонгиль, продолжалъ Кимонъ,—какъ извѣстно, часто посѣщалъ плѣнниковъ.

— Чтобъ узнать отъ нихъ какими силами еще располагаетъ царь; онъ дѣйствовалъ такъ по моему приказанію.

— Не оспариваю этого. Но скажи, Павзаній, продолжалъ Кимонъ выразительно, возвышая голосъ, — по твоему ли также приказанію пріѣзжалъ онъ опять вчера ночью съ твоей галеры въ крѣпость?

— Да. Такъ что же?

— И какъ только побывалъ онъ здѣсь, Персы исчезаютъ. Странный случай, по истинѣ! Но это не все. Вчера ночью, прежде прихода его въ крѣпость, Гонгила видѣли одного, въ уединенномъ мѣстѣ, на окраинахъ города.

— Одного? отозвался Павзаній.

— Одного. Если былъ съ нимъ еще кто-нибудь, такъ этого не замѣтили. То мѣсто было вовсе ему не по дорогѣ. Тамъ, возлѣ, оказались слѣды копытъ, а въ кустахъ не далеко найдена вотъ эта улика. — Кимонъ вынулъ изъ-за пазухи нить жемчугу, какія носили только восточные лавіануки.

— Тутъ что-то не ладно, сказалъ Ксантилъ. — Требуется по крайней мѣрѣ разъясненіе. Не угодно ли тебѣ, Павзаній, велѣть позвать сюда Гонгила.

Лицо заговорщика на минуту потемнѣло; но Греки глядѣли на него; отказать было также опасно какъ и исполнить требованіе. Онъ обернулся къ одному изъ своихъ Спартанцевъ и велѣлъ позвать Гонгила.

— Ты сказалъ хорошо, Ксантилъ. Надо рассмотреть это дѣло.

Затѣмъ, движеніемъ пригласивъ начальниковъ занять мѣста вдоль стѣны за длиннымъ столомъ, онъ самъ бросился на стулъ, и молча, съ замираніемъ сердца, ждалъ прихода Эретрійца. Единственная надежда его была теперь на чуждость и провицательность его друга. Если ловкость или смѣлость измѣнить Гонгилу, если онъ въ одномъ словѣ проговорится — Павзаній пропалъ. Онъ окруженъ былъ людьми ненавидящими его; и въ темныхъ, сердитыхъ глазахъ Іонійцевъ, гордость которыхъ онъ такъ часто оскорблялъ, метельность которыхъ возбуждалъ такъ неосторожно, онъ читалъ ясно неминуемую себѣ гибель. Подъ складками платья онъ судорожно прижималъ руку къ груди въ мучительной тревогѣ. Но спокойное, холодное лицо не обнаруживало ни слѣда оласенія.

Опять занавѣсь отдернулся, и Гонгилъ тихо вошелъ.

Привыкнувъ съ первой молодости къ опасностямъ вся-

каго рода, Эретріецъ умѣлъ сейчасъ же замѣтить являющуюся опасность. Какъ только увидѣлъ онъ Грековъ въ молчаніи торжественно сидящихъ вдоль стѣны, оглядывая его такими взглядами въ которыхъ не трудно было прочесть озлобленіе и безъ Эдиповой догадливости, мрачное, потупленное лицо Павзанія, и припомнилъ какъ раздражено было все войско извѣстіемъ о побѣгѣ Персовъ, онъ сразу понималъ какого свойства совѣтъ на который призвали его.

Опираясь на трость, медленно стулая, онъ успѣлъ, сохраняя равнодушный видъ, осмотрѣть всю группу, и когда остановился у конца стола, прямо противъ Павзанія, онъ только разъ быстро взглянулъ на Спартанца, но въ этомъ взглядѣ было столько смѣлости, пониманія, самоувѣренности, что Павзаній перевелъ духъ, точно гора свалилась съ плечъ, и спокойно обращаясь къ Кимону, сказалъ:

— Вотъ вашъ свидѣтель. Кто будетъ допрашивать и кто судить?

— Это все равно, отвѣчалъ Кимонъ.—Предъ нами правда не можетъ не обнаружиться.

— Тебѣ предоставляется, Павзаній, сказалъ Ксантиппъ,—передать правителю Византіи какія подозрѣнія онъ возбуждалъ.

— Гонгилъ, началъ Павзаній,—тебѣ поручилъ я надзоръ и наблюденіе за плѣнными варварами Аріаманомъ и Датисомъ. Я не велѣлъ тебѣ, въ видахъ челоуѣколюбія, чрезмерно стѣснять ихъ ненужною строгостью, но въ то же время я тебя предупредилъ что ты жизнью отвѣчаешь мнѣ за нихъ. Они бѣжали. Греческіе начальники спрашиваютъ тебя, и я тоже тебя спрашиваю: какимъ способомъ, съ чьею помощью? Говори правду, и помни что измѣна открывается легко и наказывается смертью.

Строгость въ голосѣ и во взглядѣ Павзанія понравилась Грекамъ, успокоила всѣхъ ихъ, кромѣ умнаго Кимона. Его подозрѣнія тоже нѣсколько поколебались, однако онъ продолжалъ глядѣть внимательно не столько на Эретріюца сколько на Павзанія.

— Павзаній, отвѣчалъ Гонгилъ, выпрямляя свой тощій станъ словно въ гордомъ сознаніи невинности,—чтобы на меня могло пасть подозрѣніе, мнѣ трудно повѣрить. Возведенный твоею благосклонностью до начальства надъ Визан-

тѣй, что могъ бы я выиграть измѣной или нерадѣніемъ? Этихъ Персовъ я зналъ хорошо. Я зналъ ихъ въ Сузѣ, зналъ когда служилъ Дарію, будучи изгнанъ изъ Эретріи. Вамъ извѣстно, соотечественники, что когда Дарій пошелъ войной на Грецію, я оставилъ его дворъ и войска и вернулся на родину, побѣдить или умереть за нее. Итакъ я тогда еще знакомъ былъ съ этими варварами. Здѣсь я видался съ ними часто; частію можетъ-быть для того чтобъ оказать имъ въ бѣдѣ ту же внимательность, какую они мнѣ когда-то оказывали. Вѣдь вы Греки; вы не осудите меня за благодарность и человеколюбіе! Но у меня была и другая цѣль. Я зналъ что Аріаманъ пользуется у Ксеркса большимъ вліяніемъ. Я зналъ что великій царь согласится на все чтобы возвратить свободу своему другу. Я убѣждалъ Аріамана что благоразуміе требуетъ заключить миръ съ Греками на тѣхъ условіяхъ, какія они предложатъ. Я говорилъ ему что когда Ксерксъ пришлетъ за него выкупъ, мирныя предложенія лучше подѣйствуютъ нежели мѣшки золота. Онъ слушалъ меня и соглашался со мною. Дурно ли поступалъ я, Павзаній? Нѣтъ. Ты самъ, уважающій, по глубокому уму своему, казаться на половину Персомъ, потому что ты всецѣло Грекъ, ты самъ одобрялъ мои старанія на пользу Греціи.

Павзаній молча окинулъ совѣтъ торжествующимъ взглядомъ, а Ксантилъ кивнулъ одобрительно.

— Чтобы расположить ихъ къ себѣ, я постепенно ослаблялъ строгость ихъ заключенія, слишкомъ довѣряясь ихъ честному слову. Это была ошибка, сознаюсь. Ихъ комнаты выходили во дворъ, въ которомъ я позволялъ имъ гулять безпрепятственно. Но я поставилъ тамъ двухъ часовыхъ, на которыхъ полагался вполнѣ. Не моихъ соотечественниковъ, Эретрійцевъ, и не твоихъ Спартанцевъ, или Лаконцевъ, Павзаній. Нѣтъ, я счелъ лучшимъ, на случай что подозрительность Грековъ, похвальная подозрительность, конечно, потребовала бы у меня отчета въ моей бдительности, имѣть свидѣтелями земляковъ тѣхъ именно, кто съ наибольшимъ недоувѣріемъ всегда относился ко мнѣ. Одинъ изъ часовыхъ былъ Самосецъ, другой Платеецъ. Эти люди предали меня и Грецію. Вчера вечеромъ, вернувшись сюда съ корабля, я посѣтилъ Персовъ. Они собирались ложиться спать, и я ушелъ отъ нихъ, ничего не подозревая. Сегодня

утромъ оказалось что они бѣжали, а съ ними и сообщники ихъ, часовые. Я послѣдшилъ прежде всего послать воиновъ въ погоню, а затѣмъ увѣдомить Павзанія на его галерѣ. Если я виновенъ, покоряюсь вашему суду. Накажите мою оплошность, но признайте мою добросовѣстность.

— А для чего, спросилъ Кимонъ рѣзко,—зашелъ ты далеко въ сторону отъ дороги съ корабля Гераклида къ крѣпости, въ поле около храма Афродиты, между крѣпостью и заливомъ? Ты блѣднѣешь! Глядите на него, Греки! Скорѣе, отвѣчай!

Дѣйствительно, Гонгиль измѣнился въ лицѣ. Пропала его бодрость и самоувѣренность. Громкій голосъ Кимона, дѣйствіе произведенное его смущеніемъ на Грековъ, изъ которыхъ иные, преимущественно Іоняне, не владѣя собою, приподнялись съ мѣста съ громкимъ ропотомъ и сердитыми движеніями, ото всего этого Гонгиль еще болѣе растерялся. Оторопѣвъ, онъ взглянулъ на Павзанія. Павзаній отвернулся. Наступило молчаніе. Спартаецъ считалъ себя погибшимъ. Но какъ усилился еще его страхъ когда Гонгиль, бросивъ на Грековъ моющій взглядъ, сказалъ нервнѣе:

— Не спрашивайте меня больше. Я не смѣю говорить.

И съ этими словами онъ указалъ на Павзанія.

— Онъ не признается потому что боится твоего гнѣва, Павзаній, сказалъ Кимонъ холодно.—Благоволи успокоить его.

— Эретріецъ! проговорилъ Павзаній, ударивъ кулакомъ по столу.—Не знаю какая ложъ вертится у тебя на языкѣ; но все равно, выговори ее, я приказываю!

— Для тебя пошелъ я къ храму Афродиты, сказалъ Гонгиль тихимъ голосомъ.

Громкій ропотъ пронесся при этихъ словахъ по всему собранію. Всѣ Греки вскочили съ мѣстъ. Спартацы, позади Павзанія, ближе подступили къ нему, но не защиту обѣщали ихъ лица, еще болѣе омраченныя, болѣе грозныя нежели у остальныхъ Грековъ. Павзаній одинъ остался на своемъ мѣстѣ непоколебимо. Грозящая опасность пробудила всю его смѣлость, всю его гордость, все сознаніе своего превосходства. Не мѣняясь въ лицѣ, надменнымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ устремленные на него глаза, и махнувъ рукой, словно довольно было этого движенія чтобы всѣхъ укротить, онъ сказалъ:

— Отъ имени Греціи, надъ которой я еще начальствую,

которой когда-то я былъ защитникомъ, повелѣваю вамъ сѣсть на мѣста свои и слушать Эретрійца. Спартанцы, отступите! Правитель Византіи, продолжай свой разказъ.

— Да, Павзаній, началъ снова Гонгиль,—только ради тебя пошелъ я къ храму Афродиты.

— Ну, что жь дальше? сердито крикнулъ Павзаній, мѣняя глазами разстояніе на какомъ стоялъ отъ него Гонгиль, какъ будто хотѣлъ удостовѣриться достанетъ ли сабля до его головы. Такъ по крайней мѣрѣ поглялъ Гонгиль свирѣпый взглядъ Спартанца, и отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Подъ ваше покровительство, о Греки, ставлю я себя, сказалъ онъ.—Опасно обличать слабости великихъ людей. До меня, какъ правителя Византіи, доходить многое, чего вы и не подозреваете. Я сторожу, пока вы спите. Такъ знайте же что Павзаній не свободенъ отъ слабости предка своего Алкида. Онъ любитъ дѣвushку, Византію, Клеонику, дочь Діагора.

Это неожиданное заявленіе, сдѣланное такимъ серьезнымъ голосомъ, вызвало улыбку у веселыхъ Іонянъ; но восклицаніе ревливой злобы вырвалось у Антагора, и краска не то отъ стыда, не то отъ оскорбленной гордости, проступила на смугломъ лицѣ Павзанія. Кимонъ, самъ хорошо знакомый съ увлеченіями молодости, раздвинулъ строго нахмуренныя брови и сказалъ послѣ короткаго молчанія:

— Стало-быть слѣдить за прекрасною Клеоникой и содѣйствовать ея знаменитому поклоннику входитъ въ обязанности правителя Византіи?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гонгиль,—но жизнь греческаго военачальника дорога.... по крайней мѣрѣ признательному правителю Византіи. Греки, вы знаете что между вами у Павзанія есть много враговъ. Возвращаясь вчера отъ него и проходя мимо кустовъ, я услышалъ не подалеку голоса. Я уловилъ имя Павзанія. „Спартанецъ, говорилъ одинъ голосъ, лосѣщается по вечерамъ домъ Діагора. Онъ является обыкновенно одинъ. Съ высоты у храма мы удобно можемъ слѣдить за нимъ, такъ какъ ночь свѣтла. Если съ нимъ никого не будетъ, мы можемъ напасть на него на обратномъ пути.“ Идемъ на высоту! вскричалъ другой голосъ. Мнѣ казалось что голоса знакомые, но деревья скрывали говорившихъ. Я пошелъ по слѣдамъ къ храму, ибо мнѣ надлежало знать кто угрожа-

еть вождю Греціи. Но вамъ извѣстно что лѣсъ доходитъ до самаго священнаго зданія, и люди эти укрылись въ храмѣ прежде чѣмъ я успѣлъ узнать ихъ. Я спрятался чтобы слѣдить за ними. Но оказывается что они меня замѣтили; ибо видѣвшій, и теперь обвиняющій меня, несомнѣнно одинъ изъ убійцъ. Счастье если мое присутствіе удержало ихъ отъ преступленія. Опасаясь ли открытія, или въ виду неблагоприятныхъ для нихъ обстоятельствъ, такъ какъ Павзаній въ этотъ вечеръ воротился на свою галеру ранѣе обыкновеннаго, злодѣи удалились, ничего не сдѣлавъ. Видѣть ихъ я не могъ, но я слышалъ ихъ шаги въ кустахъ. Греки, я все сказалъ. Кто мой обвинитель? Узнайте въ немъ одного изъ людей намѣревавшихся посягнуть на жизнь Павзанія.

— Лжецъ! воскликнулъ громкій негодующій голосъ въ средѣ греческихъ начальниковъ, и Антагоръ выступилъ изъ ихъ круга.

— Я видѣлъ тебя. Осмѣлишься ли ты обвинять Антагора Хіосца?

— Чтò привело въ такой часъ Антагора Хіосца къ храму Афродиты? возразилъ Гонгилъ.

Глаза Грековъ обратились на молодаго начальника. Смущеніе выразилось на лицѣ его. Однако, скоро оправившись, Хіосецъ отвѣчалъ:

— Чего мнѣ стыдиться, скрываться? Поклоненіе Афродитѣ не унижительно въ глазахъ Іонійцевъ. Я пошелъ въ храмъ, по нашему обыкновенію, принести жертву, помолиться богинѣ.

— Понятно, сказалъ Кимонъ.—Надо сознаться что Афродита мощно владычествуетъ въ Византіи. Можно ли оправдать Павзанія и обвинить Антагора?

— Простите, еще одинъ вопросъ, сказалъ Гонгилъ.—То женское сердце, которое Антагоръ молилъ богиню склонить къ нему, не есть ли сердце той самой Клеоники о которой мы говорили? Вы видите, онъ этого не отрицаетъ. Греки, Хіосцы страшны въ любви, а кто страшенъ въ любви, тотъ злобенъ къ сопернику.

Эта ловкая рѣчь мгновенно подѣйствовала на болѣе молодыхъ и неопытныхъ изъ присутствующихъ. Кто рѣшительно отвергнулъ бы виновность Антагора изъ политическихъ побужденій, тотъ готовъ былъ вѣрить умыслу объ-

являемому любовною ревностью. Пылкій, горячій характеръ Хюса придавалъ вѣроятность подозрѣнію. Между тѣмъ умы присутствующихъ были ловко отвлечены отъ главной, существенной дѣлы собранія, бѣгства Персовъ, и легкое живое любопытство замѣнило гнѣвное настроеніе, господствовавшее сначала между Греками. Павзаній со свойственно ему ловкостью воспользовался выгоднымъ для него оборотомъ дѣла, и прежде чѣмъ Хюсецъ успѣлъ оправиться отъ смущенія, произведеннаго въ немъ и самымъ обвиненіемъ, и дѣйствіемъ его на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, Спартанецъ протянулъ руку и сказалъ:

— Греки, Павзаній не слушаетъ сказокъ о грозящей будто бы ему лично опасности. Я охотно вѣрю что Гонгилъ или преувеличилъ значеніе какихъ-нибудь необдуманныхъ угрозъ высказанныхъ сгоряча подъ вліяніемъ ревности, или что слышанныя имъ слова были произнесены не Антагоромъ. Можетъ-быть кто-нибудь другой приходилъ въ храмъ не съ такою нѣжною цѣлью какъ нашъ союзникъ изъ Хюса. Оставимъ это. Такія дѣла не стоить обсуждать на совѣтѣ взрослыхъ людей. Слишкомъ много уже говорилось о шалостяхъ порожденных нашею праздностью. Не оправдываясь, Антагоръ. Мы устраняемъ всякое направленное противъ тебя обвиненіе. Съ другой стороны, вы вѣроятно признаете достаточноымъ объясненіе данное Гонгиломъ относительно присутствія его около храма. Что Персы, позднѣе ночью, на этомъ же самомъ мѣстѣ спрятали своихъ коней—это только случайное совпаденіе, довольно естественное. Густота лѣса, восточное направленіе, сами собою указывали бѣглецамъ на эту мѣстность. Не будемъ болѣе терять времени, а позаботимся о логовѣ. Тебѣ, Кимонъ, поручается это дѣло. Я уже отправилъ пятьдесятъ человекъ легко вооруженныхъ на быстрыхъ ессалійскихъ коняхъ. Ты, Кимонъ, возьми еще сколько нужно тебѣ людей. Можетъ-быть еще удастся догнать бѣглецовъ. Предстоитъ ли еще что-нибудь достойное обсуждения? Если такъ, говорите; если нѣтъ, удалитесь.

— Павзаній, сказалъ Антагоръ твердо, — пусть Гонгилъ беретъ назадъ обвиненіе противъ меня или нѣтъ, я поддерживаю мое обвиненіе на него направленное. Совершенная ложь что я замышлялъ что-либо противъ тебя, хотя многимъ, не какъ влюбленный въ Клеонику, а какъ греческій начальникъ, я имѣю поводъ быть недоволенъ. Совершенная

ложь что былъ со мною товарищъ. Я былъ одинъ. Выйдя изъ храма, гдѣ повѣсилъ вѣнокъ, я ясно увидѣлъ Гонгила при свѣтѣ звѣздъ. Онъ стоялъ какъ бы прислушиваясь подлѣ священной миртовой роши. Я послѣдшилъ къ нему, но онъ кажется не замѣтилъ меня. Онъ тихо отвернулся, вошелъ въ рошу и исчезъ съ моихъ глазъ. Я ступилъ на мягкую траву, всегда влажную отъ наклоненныхъ низко вѣтвей. Тутъ увидѣлъ я слѣды подковъ. Въ кустахъ нашелъ я жемчугъ, показанный тебѣ Кимономъ. Ясно слѣдовательно что человѣкъ этотъ лжетъ, что Персы въ то время уже бѣжали, хотя Гонгилъ увѣряетъ будто послѣдилъ ихъ, возвратившись въ крѣпость. Объясни это, Эретріецъ!

— Кто рѣшился лжесвидѣтельствовать, отвѣчалъ Гонгилъ съ твердостью не уступавшею твердости Хиосца,—тотъ можетъ находить жемчугъ въ какое угодно ему время. Греки, этотъ человѣкъ вынуждаетъ возобновить противъ него обвиненіе, которое Павзаній великодушно хотѣлъ устранить. Я все сказалъ. Въ заключеніе, я, правитель Византіи, прошу совѣтъ греческихъ начальниковъ поддержать мою власть и защитить своего вождя.

Тутъ поднялся смутный, горячій говоръ. Іонійцы большею частью стояли за Антагора, другіе, не отдѣлавшіеся еще отъ дорійскаго вліянія, заступались за Гонгила.

Настойчивость Антагора поставила Павзанія въ немалое затрудненіе. Природное великодушіе не позволяло ему поддерживать Гонгила въ обвиненіи, которое онъ считалъ несправедливымъ. Съ другой стороны, онъ не могъ покинуть своего сообщника въ ловкой и оласной попыткѣ скрыть ихъ общую вину.

— Сынъ Мильтіада, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, въ продолженіе котораго составилъ искусный планъ дѣйствій,—я прошу твоей помощи для прекращенія спора, который, какъ я думаю, можетъ повести только къ водворенію несогласія; между нами свидѣтелей нѣтъ ни у Антагора, ни у Гонгила. Кто возьмется рѣшить вопросъ по однимъ только показаніямъ обвинителя и обвиняемаго? Въ послѣдствіи, если сочтемъ дѣло достаточно важнымъ, мы можемъ обратиться къ безошибочному оракулу. Между тѣмъ время и случай могутъ разсѣять мракъ теперь для насъ непроницаемый. Что до тебя касается, правитель Византіи, я долженъ сказать что бѣгство Персовъ вѣреннѣе

твоему надзору вызываетъ дѣятельность, если не подозрѣніе. Мы взвѣсимъ на свободѣ достаточно ли этого повода чтобы лишить тебя начальства надъ Византіей. Глашатаи, выступайте; нашъ совѣтъ оконченъ.

Съ этими словами Павзаній всталъ и величіе его осанки и непривычная въ немъ обходительность, вмѣстѣ съ его высокимъ званіемъ, такъ подѣйствовали на присутствующихъ что никто не позволилъ себѣ даже неодобрительнаго ропота.

Собраніе разошлось и только за оградой крѣпости обнаружались признаки неудовольствія и подозрѣнія. Тутъ, столпившись въ кучки, Іонійцы въ особенности со злобой обсуждали все происходившее, и со свойственною имъ провицательностью объясняли кротость Павзанія желаніемъ выгородить Гонгила и избѣгнуть дальнѣйшаго разслѣдованія бѣгства Персовъ. Недовольные искали глазами Кимона, но молодой Аѣнианинъ послѣшно удалился отъ толпы и распорядившись погоней за бѣглецами пошелъ къ Аристиду въ домъ на пристани, гдѣ онъ жилъ.

Кимонъ разказалъ своему другу что происходило на собраніи и закончилъ отчетъ свой такими словами:

— Жаль что тебя съ нами не было. Будь ты налицо, мы больше могли бы себѣ позволить.

— И меньше было бы пользы, отвѣчалъ мудрый Аѣнианинъ съ улыбкой.—Именно для того чтобы не подвергнуть мою родину нареканію будто она возбуждаетъ раздоры между Греками ради своей выгоды, я и не пошелъ на собраніе, зная хорошо что Павзаній выручитъ своего любимца въ виду неподдержаннаго ничѣмъ обвиненія Антагора. Ты дѣйствовалъ хладнокровно и благоразумно, Кимонъ. Спартавецъ самъ опутываетъ себѣ ноги роковою нитью. Пусть опутываетъ, не надо мѣшать ему. Приближается часъ когда Аѣны овладѣютъ владычествомъ на морѣ. Пусть часъ этотъ ударитъ какъ громъ Зевеса при ясномъ небѣ.

(Продолж. слѣд.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Въ чудный міръ, въ обитель грезъ далекихъ
Хоть на мигъ я бѣ улетѣлъ душой,
И опять у позабытой двери
Постучался бѣ трепетной рукою.

Я вошелъ бы въ свѣтлые чертоги
Гдѣ всегда встрѣчалъ меня привѣтъ,
Гдѣ витають золотыя тѣни
Беззавѣтныхъ, невозвратныхъ лѣтъ.

Вновь свое покинутое ложе
Я нашелъ бы на пиру боговъ,
И вливалъ бы нектаръ возрожденья,
Ароматъ невянущихъ цвѣтовъ.

Да боюсь — на зовъ души усталой,
Отягченной ношею земной,
Не придетъ никто къ завѣтной двери,
Не введетъ въ блистающій покой...

Да боюсь — на лиришествѣ волшебномъ,
Жизни рабъ, причастный злобѣ днѣ —
Я войду — и золотыя тѣни
Разлетятся въ страхъ отъ меня!...

II.

Да, ты права — метелью беспощадной
Со всѣхъ сторонъ нашъ домикъ занесло;
Да, ты права — уходить въ ночь вѣмую
И прежній свѣтъ, и прежнее тепло...

Вотъ поднялись печальныя видѣнья,
Вотъ налегла безмолвная тоска...
И все сильнѣй въ рукѣ моей холодной
Дрожить твоя холодная рука...

Но подави и ропотъ свой и слезы,
Прижмись ко мнѣ безплодный страхъ гоня
И — можетъ-быть ужь утро недалеко
Тепло и свѣтъ безоблачнаго дня!...

III.

... Изъ сада, гдѣ лица предъ нами мелькали, мелькали,
Гдѣ звуки оркестровъ подъ каждою вѣткой дрожали,
Откуда умчались и тѣни ночныя и птицы
Я помню мы вышли... Далеко сверкали зарницы,
Глубокая полночь надъ черной рѣкой засыпала
И влажной прохладою въ лицо намъ беззвучно дышала...
Ты прыгнула въ лодку — едва я послѣлъ за тобою —
И вотъ мы плыли широкой, безмолвной рѣкою.
Огни яркой лентой ея берега окаймляли,
Мигали, двоились и въ темную даль убѣгали...
Я помню — какую-то пѣсню ты тихо запѣла
И вдругъ замолчала — въ ночное лишь небо глядѣла,
А съ неба срывались звѣзды одна за другою
И вмигъ исчезали, серебристой мелькнувъ полосой.
Невольнымъ движеньемъ къ плечу моему ты склонилась
И сердце твое подъ рукой моей трепетно билось...
Какія-то странныя рѣчи ты тихо шептала,
Безумную повѣсть былого ты мнѣ повѣряла.
Я слушалъ безмолвно, какъ будто въ чаду ольняненья,
Боялся постигнуть рѣчей твоихъ странныхъ значенье,
И весь отдавался блаженству невѣдомой муки,
И крѣпче сжималъ я твои холодѣвшія руки...
Все это казалось какого-то сна повтореньемъ,
Какимъ-то забытымъ, когда-то прожитымъ мгновеньемъ —
И ночь, и рѣка, и столпы отъ огней подъ водою,
И блѣдный твой обликъ, склоненный во мглѣ надо мною...

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Февраль 1877.

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Въ истекшемъ году появился третій и послѣдній томъ весьма замѣчательнаго нѣмецкаго сочиненія о французской революціи: „Состояніе Парижа въ революціонный періодъ 1789—1800 годовъ“ Адольфа Шмидта (*Pariser Zustände während der Revolutionszeit von 1789 — 1800*). Авторъ его профессоръ Іенскаго университета уже достаточно извѣстенъ своими предшествовавшими трудами. Не задолго предъ симъ издалъ онъ сборникъ чрезвычайно любопытныхъ историческихъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Eroschen und Katastrophen“ (1874), въ которомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ изображеніе состоянія Афинъ при Периклѣ: это поистинѣ мастерская картина, начертанная и съ глубокимъ знаніемъ дѣла, и съ рѣдкимъ литературнымъ талантомъ. Особенно одна изъ главъ этой статьи отличается яркимъ колоритомъ, а именно та въ которой Шмидтъ изображаетъ цѣлительный кружокъ собиравшійся около Перикла и Аспазіи, состоявшій изъ философовъ Анаксагора, Зенона, Протагора и Сократа, и предметомъ бесѣдъ коего служили „облагороженіе демократіи въ политической жизни, просвѣтленіе религіознаго сознанія философіей и наконецъ вопросы

литературы и искусства.“ Фигура Аспазіи выступаетъ предъ нами такъ рельефно какъ ни въ одномъ изъ другихъ сочиненій объ упомянутой эпохѣ, авторы коихъ, говоря объ этой замѣчательной женщинѣ, слишкомъ полагались на не совсѣмъ точно понятыя ими слова Аристофана.

Въ послѣднее время впрочемъ исключительнымъ предметомъ своихъ занятій А. Шмидтъ избралъ кажется французскую революцію конца прошлаго столѣтія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1867 — 1870) издалъ онъ „Tableaux de la revolution française“, обширный сборникъ документовъ состоящихъ изъ донесеній агентовъ парижской тайной полиціи того времени. Донесенія эти очень интересны и очень важны: лица отъ которыхъ исходили они не касаются высшей политики, намѣреній и дѣйствій правительства, того что происходило въ законодательныхъ собраніяхъ, они ограничиваются лишь наблюденіями на улицахъ, въ клубахъ, даже въ кофейняхъ и харчевняхъ, безо всякой системы и порядка заносить со дня на день въ свои бумаги все что приходится имъ видѣть и слышать, но именно поэтому мы имѣемъ предъ собою картину будничной, неприкрашенной жизни парижскаго населенія въ одинъ изъ многознаменательныхъ для него моментовъ. Несмотря на весь интересъ такого рода донесеній, впервые изданныхъ А. Шмидтомъ, чтеніе ихъ представляется довольно утомительнымъ и авторъ поступилъ какъ нельзя лучше рѣшившись, на основаніи ихъ, написать особое изслѣдованіе. О немъ-то и хотимъ мы сказать теперь нѣсколько словъ и сожалѣемъ заранѣе что не можемъ какъ бы слѣдовало исчерпать содержаніе его, такъ какъ оно касается весьма многихъ и самыхъ разнообразныхъ сторонъ парижской жизни. Остановимся преимущественно на послѣднемъ, т.-е. третьемъ томѣ.

Изъ первыхъ двухъ мы заимствуемъ лишь слѣдующія въ высшей степени интересныя свѣдѣнія сообщенныя авторомъ. Онъ подвергъ тщательному изслѣдованію вопросъ, какъ велики были численныя силы партіи игравшей главную роль въ непрерывномъ рядѣ смутъ, театромъ коихъ служилъ Парижъ при господствѣ революціоннаго террора? Съ перваго взгляда кажется что слово „партія“ тутъ совершенно неумѣстно: французскіе историки пріучили насъ къ мысли что революція была дѣломъ если не въ одинако-

вой степени всѣхъ классовъ общества, то всего „народа“, подъ которымъ они привыкли понимать лишь низшіе слои населенія. Посмотримъ же, дѣйствительно ли на весь народъ—даже въ такомъ ограниченномъ смыслѣ—падала ответственность за совершавшіяся событія.

Въ началѣ революціи считалось въ Парижѣ около 600.000 жителей; число это впрочемъ нѣсколько понизилось когда зажиточныя семейства слѣшили покинуть городъ, рассчитывая укрыться отъ преслѣдованій если не за границей, то по крайней мѣрѣ гдѣ-нибудь въ провинціальной глуши; послѣ лавина Робеспьера оно снова возросло, и полицейскіе агенты извѣщали что въ „maisons garnies нѣтъ рѣшительно ни одной не занятой комнаты“. Многочисленные секретныя донесенія, обнародованныя профессоромъ Шмидтомъ, несомнѣнно убѣждаютъ что среди этой массы жителей собственно революціонную армію составляло лишь самое незначительное меньшинство. По словамъ протокола клуба Якобинцевъ, воплотивъ подтвержденнымъ свѣдѣніями тогдашней тайной полиціи, армія эта формировалась почти исключительно изъ людей бездомныхъ, не имѣвшихъ никакого имущества, общее число коихъ не превышало 33.000 душъ обо его пола; но и изъ этого числа далеко не всѣ принимали участіе въ смутахъ, такъ что отчаянныхъ революціонеровъ, всегда готовыхъ откликнуться на призывъ демагоговъ, было не болѣе пяти или шести тысячъ. Въ минуты крайняго изступленія страстей присоединялись къ нимъ многіе изъ остальныхъ ихъ собратьевъ по нищетѣ, присоединялись люди изъ другихъ классовъ общества, увлекаемые своими теоріями или ходомъ обстоятельствъ, но даже вмѣстѣ съ ними собственно въ Парижѣ означенная цифра никогда не превышала 16.000. Въ этомъ одинаково согласны всѣ показанія. Правда, слѣдуетъ еще причислить сюда всякій сбродъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ окрестностей столицы, о которомъ мѣстный департаментскій совѣтъ выразился въ 1792 году что состоялъ онъ „изъ тунеядцевъ совершенно равнодушныхъ къ общему благу, зараженныхъ пороками и жаждавшихъ безпорядковъ въ надеждѣ извлечь изъ нихъ для себя пользу“. Эта сволочь ожидала только сигнала чтобы тотчасъ нахлынуть на Парижъ; съ воллями и угрозами толпилась она на улицахъ, площадяхъ и въ публичныхъ садахъ. Несомнѣнно однако что по самому

широкому разчету численность ея не доходила болѣе чѣмъ до 20.000 человекъ: въ соединеніи съ упомянутыми выше парижскими революціонерами это составляетъ 36.000. Здѣсь приведена самая крупная цифра, въ дѣйствительности же надо было бы значительно уменьшить ее. Мы видѣли сейчасъ изъ какихъ элементовъ состояла эта анархическая сила! Полицейскій комиссаръ Дютаръ говоритъ что огромное большинство ея вербовалось изъ людей „которые не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, готовыхъ израсходовать столь же легко 50 ливровъ, еслибы нашлась у нихъ эта сумма, и одинъ ливръ, еслибы не оказалось болѣе; они способны только тратить, но не сберегать. Именно этотъ людъ—продолжаетъ тотъ же агентъ—разрушилъ Бастилію, произвелъ переворотъ 10го августа и т. л.; онъ наполняетъ постоянно трибуны Конвента, устрашаетъ своими неистовыми криками ораторовъ, испровергаетъ правительства...“ Вотъ именно этой-то толпѣ и присвоено было демагогами названіе *peuple de Paris* или еще лучше—*peuple souverain*...

Нужно сознаться что 36.000 противъ 600.000—это еще не слишкомъ страшная сила! А между тѣмъ она произвела всѣ громадныя перевороты, ареной коихъ служилъ Парижъ начиная съ 1792 года, а масса остальнаго населенія малодушно поддавалась ея терроризму: чѣмъ объяснить такой поразительный фактъ? Адольфу Шмидту не приходитъ неслѣлая мысль доказывать, на основаніи его, будто бы французская революція конца прошлаго столѣтія была дѣломъ случайности, нѣтъ, совершенно другой выводъ является тутъ самъ собою. Главное зло заключалось не во мнимомъ могуществѣ революціоннаго элемента, а въ томъ что консервативные классы общества, имѣвшіе всѣ причины дорожить сохраненіемъ собственности и порядка, очутились въ состояніи какаго-то оцѣпененія. Причины этого опять-таки какъ нельзя болѣе понятны. Еще недавно Тень въ блестящей своей книгѣ „*Les origines de la France contemporaine*“ поразительными красками изобразилъ ту расшатанность въ понятіяхъ французскаго общества которая господствовала предъ созваніемъ Генеральныхъ Штатовъ. Она усиливалась затѣмъ съ каждымъ днемъ; въ первые годы революціи всѣ находились подъ вліяніемъ одной мысли, одного побужденія—разрушить старый порядокъ вещей, въ надеждѣ что на развалинахъ его самъ собою возникнетъ новый, отвѣчающій

самыми обольстительными идеалами; эта борьба съ въѣзными учрежденіями—безразлично, и съ тѣми которыя утратили свое содержаніе, и съ тѣми которыя еще могли существовать, увѣщивалась полнымъ успѣхомъ, но затѣмъ когда пришлось воздвигать новое зданіе, то общество очутилось въ самомъ безвыходномъ положеніи, ибо не находило для него почвы, не знало къ чему прилѣпиться. Отсюда его упадокъ и упадокъ духа. Съ этой минуты разчищено было поприще для ничтожнаго меньшинства, явившагося страшнымъ орудіемъ въ рукахъ демагоговъ и дѣйствовавшего будто бы отъ имени всей націи.

Подвиги этого меньшинства долгое время почти исключительно занимали французскихъ историковъ. Они не видали или не хотѣли видѣть за ними дѣйствительнаго настроенія страны; не только у Мишле, Ламартина, Луи Блана, но даже у Тьера, Минье и у другихъ писателей консервативнаго образа мыслей мы присутствуемъ при борьбѣ двухъ лагерей, изъ которыхъ одинъ представляетъ собою революціонный потокъ, а другой—энергическій отпоръ ему. Такимъ образомъ эпоха о которой мы говоримъ получила чисто легендарный характеръ, но теперь пора кажется разрушать эту легенду, какъ разрушены были многія другія, наполняющія собою страницы исторіи. Книга А. Шмидта оказываетъ большую услугу въ этомъ отношеніи. Мы можемъ прослѣдить по ней что думало, чувствовало громадное большинство французскаго населенія въ то время какъ страна была терзаема раздорами партій и какое непреодолимое противодѣйствіе оказывало оно замысламъ демагоговъ именно потому что это противодѣйствіе было пассивнымъ, лежало въ укоренившихся понятіяхъ и привычкахъ.

Для примѣра обращаемся къ третьему тому занимающаго насъ изслѣдованія. Здѣсь особенно интересны двѣ главы: о религіозномъ состояніи Франціи и о состояніи народнаго просвѣщенія въ революціонный періодъ.

Весьма справедливо замѣчаетъ А. Шмидтъ что ученія Вольтера, Гольбаха и Руссо породили въ различныхъ слояхъ французской публики не сознательное отчужденіе отъ религіи, а лишь индифферентизмъ, который не былъ достаточно силенъ для того чтобъ опираясь на него можно было произвести какой-либо коренной переворотъ въ религіозной сферѣ. Въ низшихъ слояхъ безнравственность духовенства

возбуждала отвращеніе къ нему, которое далося только до тѣхъ поръ пока духовенство это пользовалось властью и влияніемъ, но затѣмъ, когда обрушились на него тяжкія бѣдствія, чувство, о которомъ упомянули мы, не только исчезло, но даже уступило мѣсто состраданію. Вотъ почему нововведенія коснувшіяся церковнаго устройства въ самомъ началѣ революціи встрѣчены были весьма сочувственно. Совершенно другое дѣло нѣсколько лѣздиѣ, когда наступили жестокія преслѣдованія противъ всѣхъ членовъ духовнаго сословія, и принешихъ присягу въ вѣрности конститутціи, и уклонившихся отъ нея; когда силой принуждали ихъ къ брачной жизни; когда государство совершенно отказывало имъ въ матеріальномъ обезпеченіи; когда церкви были предаваемы поруганію; когда воспрещено было совершать въ нихъ богослуженіе и строго слѣдили за тѣмъ чтобы никто не соблюдалъ постовъ и праздничныхъ дней; когда христіанскій календарь замѣненъ былъ революціоннымъ и т. п. Прежняя религія была устранима и вмѣсто нея возникъ культъ Разума—самый неразумный изъ всѣхъ культовъ по замѣчанію Шмидта—главнымъ жрецомъ коего явился Шометъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ однако Робеспьеру удалось склонить Конвентъ къ заявленію большинствомъ голосовъ, что „Французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа и безсмертіе души“; явился культъ Верховнаго Существа, но и у него вскоре оказалось соперникъ со стороны культа теофилаантроповъ, основаннаго Лаверьеромъ-Денд. Во всѣхъ декретахъ правительства, устанавливавшихъ эти культы, повторялась стереотипная фраза о полной свободѣ вѣроисповѣданій, но горькая дѣйствительность не замедлила бы разочаровать всякаго кому пришла бы охота испробовать на себѣ какъ далеко простирается эта свобода. Казалось, революціонная вакханалія достигла послѣднихъ своихъ предѣловъ! Въ виду ея можно было только изумляться какъ глубоко упало религіозное чувство во Франціи, но подобный выводъ былъ въ высшей степени ошибоченъ. Напротивъ, всмотрѣвшись пристальнѣе въ положеніе вещей, мы убѣждаемся что люди столь отважно навязывавшіе обществу свои дикія фантазіи сознавали на каждомъ шагѣ свое крайнее безсиліе и что общество, по видимому, работало подчинявшееся имъ, никогда не отказывалось отъ своихъ заветныхъ вѣрованій. У него не хватало только силъ раз-

сбывать этот странный шираж и заявить о действительном своем настроении.

Взгляните на всѣ доносимія агентами Парижской коммуны за упомянутое время! Это безпрерывный рядъ опустительствъ до какой степени не удавалось отступить народъ отъ всего что напоминало ему о религіи. Въ мѣсѣ 1793 года одинъ изъ полицейскихъ комиссаровъ доноситъ министру Гара: „Религія еще не утратила своего господства надъ парижскимъ населеніемъ. Сегодня утромъ священникъ въ полномъ облаченіи прошелъ мимо моего дома съ Дарами къ какому-то больному: женщины и мужчины, молодежь и старики, преклоняли предъ нимъ колѣна“... Коммуны особенно заботился о томъ чтобы народъ предавался только республиканскія празднества, а въ церквахъ, — устроенныхъ церковью, — не прерывалъ своихъ обычныхъ занятий. 19 мая, читаемъ мы въ доносѣи агента комиссара, было днемъ праздника Троицы. Жены священниковъ много квартала разрядились какъ можно лучше и провѣдали время, вместе со своими мужьями, въ посѣщеніи другъ къ другу; всѣ лавки въ городѣ были заняты; ни одного удара молоткомъ. Въ кварталѣ герольского рынка (Найе) ветошники, — всѣ бѣлызатыя, Якобинцы или Кордильеры, — правдошата не одинъ, а цѣлыя два дня всѣмъ не появлялись на улицахъ со своимъ товаромъ.“ Мы привели только эти показанія, но еслибы къ нимъ распространиться на ту же тему, то могла бы накопиться цѣль десятка страницъ. Коммуна не переставала работать отъ своихъ агентовъ усиленною дѣятельности для искорененія того что называла она „нежелательными предразсудками“, и агенты старались такъ нельзя лучше оправдать ее доверіе; такъ, напримеръ, въ послѣдніе дни господства Робеспьера полицейскій комиссаръ Бюго удостоился дубовичей похвалы за „успѣшныя мѣры принятыя имъ съ цѣлю внушить гражданамъ почитаніе Верховнаго Существа,“ — онъ получилъ прибавку къ жалованью. Энергія администраціи въ означенномъ смыслѣ особенно усилилась при директоріи. Новое правительство цѣлостно создало что революціонная эпопея приходитъ къ концу, что въ обществѣ распространяется мало-по-малу совершенно иное направленіе; и тѣмъ отчаяннѣе стремилось оно поддерживать республиканскія учрежденія. При немъ-то рѣшено было придать какъ

можно болѣе лыпности празднованію декады *. Въѣсть съ тѣмъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь строгія мѣры были приняты противъ соблюденія церковныхъ празднествъ. Ничто однако не помогло. Полицейскіе комиссары доносили что въ торжественные республиканскіе дни они неизмѣнно слышатъ отъ рабочихъ одну и ту же фразу: „Мы идемъ работать, а ужъ тамъ ваше дѣло — арестовать насъ или нѣтъ.“ Комиссаръ Гюйель доносилъ, между прочимъ, министру внутреннихъ дѣлъ: „Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ я сознаться что народъ, въ большинствѣ своемъ, рѣшительно не примиряется съ установленными учрежденіями. Это упорное сопротивленіе происходитъ не изъ вражды къ республикѣ, ибо онъ прѣннть оказанныя ею благодѣянія, а изъ укореившейся привязанности къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ и привычкамъ, безъ разбора — хороши они или дурны, ошибочны или справедливы. Во всякомъ случаѣ не рѣшаюсь скрыть отъ васъ что не только въ самомъ Парижѣ, но и въ сельскомъ населеніи, считается дѣломъ хорошаго тона оказывать прервѣніе ко всему что находится въ связи съ республиканскими обычаями. Конечно, значительная доля вины падаетъ въ этомъ случаѣ на священниковъ; впрочемъ вліяніе ихъ уменьшается съ каждымъ днемъ; многіе изъ нихъ согласились даже приурочить свои празднества къ празднованію декады, но къ сознанію самъ народъ не хочетъ и слышать о подобной перемѣнѣ.“

Директорія не теряла однако надежды сломить эту оппозицію народныхъ массъ и наряду съ суровыми мѣрами противъ служителей католической религіи всячески старалась заманить публику торжественною и какъ можно болѣе привлекательною обстановкой республиканскихъ празднествъ. Съ ними соединено было, между прочимъ, совершеніе браковъ и раздача наградъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, — мѣры весьма разумныя, замѣчаютъ агенты правитель-

---

* Конвентъ декретомъ 5го декабря 1793 года ввелъ новый календарь, начинавшійся съ 22го сентабря. Каждый мѣсяцъ состоялъ изъ тридцати дней и распадался на три декады, послѣдніе дни коихъ были предназначены для празднованія. Кроме того, пять послѣднихъ дней, оставшихся въ году при подобномъ распредѣленіи, посвящались особымъ празднествамъ: Добродѣтели, Генія, Труда, Общественнаго мнѣнія и Наградъ.

етва, ибо иначе храмы оставались бы совершенно лусты".— „Слѣдуетъ придумать еще что-либо другое для вышшаго блеска, говорить министръ внутреннихъ дѣлъ, лишь только дозволить это состояніе нашихъ финансовъ.“ Въ ожиданіи этой вождѣнной минуты чиновный людъ изоощрялъ свой умъ—какъ достигнуть означенной цѣли при имѣвшихся налицо средствахъ. „Въ настоящее время празднества, доносятъ комиссары, совершаются безо всякаго подобающаго имъ приличія. Никто ничего не видитъ и не слышитъ. Происходить это не столько отъ неудобнаго расположенія храмовъ, сколько отъ небрежности главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ можно въ этомъ случаѣ улодобить актерамъ не желающимъ играть съ одушевленіемъ если театральная зала недостаточно наполнена. Наибольшій блескъ должно было бы придать этимъ зрѣлищамъ совершеніе браковъ, но даже и такіа церемоніи происходятъ какъ-то вяло, безучастно, подъ звуки органа, который наигрываетъ нелѣпыя мелодіи въ родѣ *Pas de deux* или *Allez vous en, gens de la pose*.“ И чего только не придумывалось чтобы выдвинуть дѣло на другой луть. Проекты поступали со всѣхъ сторонъ. По словамъ однихъ вся бѣда заключалась „въ отсутствіи опредѣленнаго плана, ибо никто не зналъ въ точности что надлежало ему дѣлать, что говорить, гдѣ стоять или сидѣть, а потому для каждаго празднества нужно было бы назначать главнаго распорядителя съ достаточно широкою властью;“ другіе доказывали необходимость „перестроить храмы въ видѣ амфитеатровъ; чтобы поощрить изобрѣтательность архитекторовъ, можно было бы назначить съ этою цѣлью преміи“; предлагали также учредить во время празднествъ публичныя чтенія: „разумѣется чтенія эти должны были отличатся строго нравственнымъ характеромъ и обязанность эту слѣдовало бы возложить на старцевъ или извѣстныхъ своими добродѣтелями отцовъ семействъ“. Въ одномъ изъ проектовъ шла рѣчь о томъ чтобы „разставить въ храмахъ бюсты знаменитыхъ людей, преимущественно древнихъ философовъ, и изобразить на стѣнахъ изреченія изъ ихъ твореній.... Разумѣется, благоразумно замѣчаетъ проектъ, изреченія эти предварительно должны быть представлены на просмотръ министра внутреннихъ дѣлъ“. Авторъ другаго проекта сомнѣвался однако чтобы всѣми подобными мѣрами можно было достигнуть цѣли, ибо

говорилъ онъ, „фанатизмъ“ (тогдашній терминъ для обозначенія Католической религіи) все еще сохранялъ обаяніе надъ умами, а потому сдѣлало „прибѣгнуть къ содѣйствію философовъ и драматическихъ писателей: они обязаны были взять на себя трудъ разсѣять суевѣріе, привлечь чувствительныя души и чистыя сердца къ принципамъ истинной морали“. Нельзя сказать чтобы всѣ эти проекты оставлены были безъ вниманія; напротивъ, правительство сдѣлало приходить въ исполненіе почти каждый изъ нихъ, и дошло наконецъ до того что какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ городахъ, театральныя дирекціи обязаны были посылать на празднества декадъ своихъ актеровъ чтобы сдѣлать празднества привлекательными для публики, и все это тѣтено! Оставалось лишь обольщать себя утѣшеніями въ родѣ того которое встрѣчаемъ мы въ докладѣ Дюлена, правительственнаго комиссара при центральномъ управленіи Сельскаго департамента: „Празднества декадъ, говоритъ онъ въ декабрѣ 1797 года, подобно нѣжнымъ цвѣтамъ гибнущимъ отъ жестокихъ морозовъ, сильно страдаютъ въ теплѣе зимнее время, которое служитъ для гражданъ предлогомъ уклоняться отъ нихъ. Будемъ однако надѣяться что они воскреснутъ къ жизни при первомъ дуновеніи весны.“

Какая пышная обстановка, какія блестящія декораціи, и при всемъ томъ полнѣйшее отсутствіе внутренняго содержанія! И еще люди забывшіе изреченіе Спасителя: „Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, Азъ есмь посреди нихъ,“ имѣли наивность изумляться что глупѣйшія зрѣлища устраиваемыя ими оставляли народъ безучастнымъ, между тѣмъ какъ самый убогій храмъ, если только позволяли совершать въ немъ богослуженіе, привлекалъ толпы вѣрующихъ....

Когда переворотъ 18го брюмера (то-есть 9го ноября) 1799 года проложилъ нуть къ диктатурѣ Наполеона Бонапарте, то новый правитель старался на первое время сохранить республиканскія формы. Онъ были выгодны ему во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ орудіе противъ возстановленія законной монархіи, а во-вторыхъ, потому что многое въ этихъ формахъ могло служить для упроченія его власти. Такъ между прочимъ и празднества декадъ не только не пришли съ самаго начала въ упадокъ, но получили даже широкое развитіе. Разница только въ томъ что мѣсто от-

сутствующаго Божества заявлять въ нихъ самъ Наполеонъ. Агенты его пользовались какъ нельзя лучше рѣчами и чтеніями, игравшими столь видную роль на этихъ празднествахъ, для прославленія „героя, полубога, который призвалъ сласти націю отъ позорнаго ига духовенства, дворянскаго сословія и кроваваго ига демагогіи“. Чиновничій людъ нашелъ тутъ широкое поприще для своихъ ораторскихъ дарованій. „Желательно было бы, доносить правительственный комиссаръ Гравье, умножить число этихъ республиканскихъ торжествъ, ибо они доставляютъ благонамѣреннымъ людямъ прекрасный случай внушать публикѣ слѣдое довѣріе къ гению великаго человѣка, который держитъ въ своихъ рукахъ наши судьбы....“

Таковъ былъ результатъ попытокъ произвести коренной переворотъ въ вѣрованіяхъ народа. Посмотримъ теперь удачнѣе ли былъ онъ въ другой области, а именно въ области народнаго просвѣщенія.

Читая то что высказано по этому поводу А. Шмидтомъ, не разъ вспоминали мы о статьяхъ Н. А. Любимова, появившихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Почтенный профессоръ Московскаго Университета пришелъ въ главныхъ чертахъ къ совершенно такимъ же выводамъ какъ и авторъ разбираемой нами книги, которая въ этомъ отношеніи не представляетъ уже ничего особенно новаго. Достоинства ея заключаются въ томъ что если г. Любимовъ, на основаніи рѣчей членовъ Конвента и декретовъ революціоннаго правительства, изобразилъ всю безплодность тогдашнихъ попытокъ воздвигнуть народное образованіе на новыхъ основахъ, то А. Шмидтъ, благодаря матеріалу находившемуся въ его рукахъ, начерталъ не менѣе поразительную картину того какъ относилось къ этимъ попыткамъ само общество.

Нѣмецкій авторъ начинается съ весьма любопытнаго замѣчанія. Изучая документы онъ убѣдился что начальное народное образованіе, развивавшееся во Франціи весьма успѣшно еще въ XVII столѣтіи, пришло именно въ XVIII вѣкѣ, который привыкли называть по преимуществу просвѣщеннымъ, къ самому жалкому уладку. Изъ документовъ видно что въ первомъ изъ упомянутыхъ столѣтій всѣ, или почти всѣ жители окрестныхъ съ Парижемъ деревень были грамотные, а предъ началомъ революціи въ каждой изъ нихъ

едва можно было отыскать одного или двухъ которые умѣли подписать свое имя. Объясняетъ онъ это тѣмъ что въ XVI столѣтіи, при династіи Валуа, и затѣмъ въ XVII, при Бурбонахъ, мѣстное самоуправленіе имѣло еще достаточно широкое развитіе. Не только въ городахъ, но и въ селахъ созываемы были собранія для обсужденія различныхъ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ; крестьяне относились къ нимъ съ видимымъ участіемъ и грамотность была для нихъ необходимою потребностью. * Все это быстро измѣняется начиная съ Генриха IV, котораго слѣдуетъ считать основателемъ всеподавляющей административной централизаціи во Франціи. Бюрократія все стянула въ свои руки; привычка и умѣнье завѣдывать своими мѣстными дѣлами исчезаютъ, а параллельно съ этимъ пустѣютъ школы, народъ становится равнодушнымъ къ грамотности. Все это привело къ тому что предъ наступленіемъ революціи высшіе слои общества отличались утонченнымъ образованіемъ, а народъ погрязалъ въ грубомъ невѣжествѣ. Напрасно стараются увѣрить будто переворотъ конца прошлаго вѣка былъ результатомъ вполне созрѣвшаго развитія народныхъ массъ, напротивъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію что сравнительно съ прежнимъ не только не продвинулись онѣ впередъ, но огрубѣли болѣе чѣмъ когда-нибудь, и всѣ эти рабочіе, ремесленники и крестьяне, толковавшіе съ голоса демагоговъ о самыхъ сложныхъ вопросахъ общественнаго устройства, не умѣли ни читать, ни писать.

Революція не только не помогла этому злу, но довела его до послѣднихъ предѣловъ. Никогда еще не говорили такъ много о благахъ просвѣщенія, о необходимости возвысить умственный уровень народа, но вмѣсто того чтобы сдѣлать что-нибудь съ этою цѣлію старались какъ бы умышленно водворить въ странѣ самый дикій обскурантизмъ. Въ то время укоренилось убѣжденіе что направленіе умовъ зависитъ отъ идей которыя съ ранняго возраста усваиваетъ молодежь: на основаніи этого каждое изъ быстро-смѣнявшихся одно за другимъ правительствъ заботилось не о томъ чтобы учить чему слѣдовало, а чтобы сочинить такую учебную систему съ помощію которой можно было бы превра-

---

* См. между прочимъ интересныя замѣчанія Токвиля о самоуправленіи въ Старой Франціи (*Ancien régime et la révolution*, III.)

тить дѣтей въ приверженцевъ тѣхъ или другихъ революціонныхъ доктринъ. Задача эта была не легкая, особенно при поразительной несостоятельности людей старавшихся разрѣшить ее: вполнѣ справедливо выразился г. Любимовъ что „тщетно было бы искать въ рѣчахъ и докладахъ ихъ знанія дѣла, серьезной мысли, осуществимыхъ плановъ; все имѣло неопредѣленный характеръ разгулявшихся мечтаній мысли, не сдерживаемой никакою нравственною дисциплиной“. Но если долгое время не возникало ничего новаго, то ярость реформаторовъ съ неистовствомъ обращалась противъ стараго, которое было ненавистно имъ только потому что напоминало о монархіи; учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ подверглись безплодному разгрому; ни вѣковая ихъ репутація, ни громадныя заслуги оказанныя ими, не спасли ихъ отъ гибели, можно сказать что при Конвентѣ не уцѣлѣло на всемъ протяженіи Франціи почти ни одного общественнаго училища. Странѣ угрожало въ ближайшемъ будущемъ совершенное одичаніе.

Авторъ разбираемой нами книги весьма убѣдительно доказываетъ что плачевный результатъ о которомъ мы говоримъ порожденъ былъ не отсутствіемъ только школъ, но и еще другимъ явленіемъ. Когда революціонныя власти схватились наконецъ за умъ и вознамѣрились сдѣлать хоть что-нибудь для удовлетворенія потребности общества къ образованію, то училища учреждаемыя ими оставались пусты. Мы присутствуемъ тутъ при точно такомъ же зрѣлищѣ на которое указано было выше: если общество обнаруживало упорное сопротивленіе попыткамъ навязать ему вмѣсто опредѣленной религіи чудовищныя quasi-религіозныя фантазіи, то съ не меньшимъ, хотя и пассивнымъ, упорствомъ не поддавалось оно планамъ имѣвшимъ цѣлью сдѣлать изъ школы рассадникъ революціи. А. Шмидтъ обнаруживалъ массу документовъ указывающихъ на эту глухую, но тѣмъ не менѣе ожесточенную борьбу. Конвентъ издавалъ декреты относительно устройства народнаго просвѣщенія, которые оставались на бумагѣ; въ 1794 году, послѣ паденія Робеспьера, постановлено было имъ учредить начальныя (écoles primaires) и центральныя школы, а также особое учебное заведеніе — Нормальную Школу, предложенную служить для подготовленія учителей. Центральныя школы, то-есть гимназій, должно было находиться пять въ Парижѣ

и но одной въ каждомъ изъ 86 департаментовъ. Но и эта мысль осуществилась лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ: устройство нормальной школы окончилось полнѣйшимъ фiasco, а школъ центральныхъ вмѣсто 93 возникло не болѣе одного десятка. Въ такомъ положеніи находились дѣла когда власть перешла въ руки Директоріи: уже Конвентъ, ораторы коего постоянно твердили о необходимости создать національное воспитаніе въ духѣ революціонныхъ добродѣтелей, созналъ полнѣйшее свое безсиліе достигнуть этой цѣли и не за долго предъ тѣмъ какъ разойтись заговорилъ другимъ языкомъ: въ декабрѣ 1793 года провозгласилъ онъ полную свободу обученія. Каждому „гражданину“ и каждой „гражданкѣ“ предоставлено было право, на основаніи свидѣтельствъ отъ мѣстныхъ муниципалитетовъ, учреждать школы, съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ чтобы въ этихъ школахъ не внушалось ученикамъ ничего „противнаго правиламъ республиканской морали“: за нарушение этого предписанія учредителямъ угрожали строгія кары. Тогда произошло явленіе которое слѣдовало предвидѣть, а именно, родители начали оказывать явно предпочтеніе частнымъ училищамъ, ибо какъ ни былъ строгъ присмотръ за ними, все-таки относительно направленія они рѣзко отличались отъ училищъ общественныхъ. Это не могло, разумѣется, радовать правительство, и начиная съ 1793 года до государственнаго переворота, сосредоточившаго власть въ рукахъ Наполеона, оно изнемогаетъ въ безплодныхъ усиліяхъ, съ одной стороны, привлечь воспитанниковъ къ своимъ школамъ, а съ другой, побороть соперничество ненавистныхъ ему частныхъ школъ, которыя оно не отваживалось закрыть послѣ того какъ сами собою получили онѣ столь широкое развитіе.

Всему этому находимъ мы обильныя доказательства въ книгѣ А. Шмидта. Вотъ напримѣръ что говоритъ одинъ изъ агентовъ правительства о грамотности въ народѣ: „Позволяю себѣ замѣтить что было бы въ высшей степени полезно уменьшить число муниципалитетовъ, ибо въ средѣ многихъ изъ нихъ не находится буквально ни одного гражданина который умѣлъ бы прочесть поступающія бумаги. Если до правительства доходятъ извѣстія что цѣлые муниципалитеты состоятъ изъ людей безграмотныхъ, то оно и не должно видѣть тутъ какого-

либо преувеличенія; справедливость этого факта подтвердить ему всякій кто судить о дѣлѣ не по слухамъ, а по собственному наблюденію.“ Казалось бы что въ виду такого печальнаго упадка народонаселеніе должно было отнестись весьма сочувственно къ начальнымъ школамъ, но вмѣсто того во всѣхъ официальныхъ донесеніяхъ слышится обычный приливъ что родители не хотятъ ни посылать въ нихъ дѣтей, ни платить деньги на ихъ содержаніе и учителя, за неимѣніемъ воспитанниковъ, отказываются отъ своихъ должностей. „Зрѣлище представляемое начальными школами—читаемъ мы въ докладѣ представленномъ въ 1797 году министру внутреннихъ дѣлъ Латурнѣ—таково что оно способно смутить духъ всякаго истиннаго республиканца. Въ борьбѣ съ недоброжелательствомъ и клеветой, лишенные самыхъ необходимыхъ средствъ существованія, осылаемыя насмѣшками, онѣ склоняются къ упадку уже теперь, когда только-что вызваны были къ жизни... А между тѣмъ на ряду съ ними съ непостыжимою дерзостью возникаетъ множество частныхъ школъ, пансіоновъ и т. л., въ которыхъ завѣдомо проповѣдуются принципы враждебныя правительству и конституціи, и процвѣтаніе коихъ обезпечено повидимому тѣмъ болѣе чѣмъ предосудительнѣе начала лежація въ ихъ основѣ. Противъ этихъ-то притоновъ фанатизма, стремящихся подавить драгоценныя ошмена республиканскихъ добродѣтелей и похитить у отчества—въ лицѣ подрастающей молодежи—его лучшія надежды, слѣдуетъ правительству вооружиться отеческою строгостью.... Несчастныя дѣти! Они не понимаютъ что порочное заблужденіе обрекаетъ ихъ съ ранней зари на погибель; они родились чтобы быть свободными, но вѣроломныя руки приготавливаютъ для нихъ цѣли рабства: равенство должно было бы быть ихъ удѣломъ, а ихъ обрекаютъ на служеніе другимъ властелинамъ чѣмъ закону“ и т. д. все въ томъ же родѣ. Эти призывы къ правительству объ учрежденіи суроваго надзора за частными школами становились все чаще. „Если не будетъ установленъ надзоръ, гласитъ докладъ центрального управленія Сенскаго департамента, то у насъ явятся два разряда школъ: однѣ, которыя будутъ слѣдовать въ системѣ воспитанія принципамъ чистой морали и республиканскихъ добродѣтелей, и другія, которыя сочтутъ долгомъ внушать юношеству предраз-

судки суевѣрія и нетерпимости. Слѣдствіемъ того явится раздоръ мѣстный, фанатизмъ и взаимная ненависть гражданъ...“ Правительство Директоріи не нуждалось впрочемъ въ томъ чтобы твердили ему о необходимости „отеческой строгости“; оно было какъ нельзя болѣе щедро на мѣры противъ частныхъ учебныхъ заведеній. Такъ напримѣръ предписано было постановить на первомъ планѣ ихъ учебнаго плана изученіе „Правъ человека“ и республиканской конституціи, пользоваться только тѣми руководствами которыя не содержали ничего противнаго новому порядку вещей, строго соблюдать республиканскіе праздники; учителя, а также ученики старшихъ классовъ, должны были обращаться другъ къ другу не иначе какъ съ наименованіемъ „гражданинъ“. Очевидно что въ этой системѣ надзора исключительное вниманіе обращено было на направленіе; что же касается самыхъ знаній, какія изъ нихъ и какъ именно усваиваемы были молодежью—этотъ вопросъ не занималъ никого. Мы убѣждаемся въ этомъ между прочимъ изъ весьма любопытнаго доклада представленнаго въ 1798 году главнымъ комиссаромъ Дюленомъ министру внутреннихъ дѣлъ. „Только злонамѣренные люди, говорилъ онъ, могутъ утверждать будто въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не сдѣлано было ничего для народнаго образованія. Правда, въ изученіи наукъ произошла нѣкоторая остановка, но за то именно въ это время юнство наше сдѣлало несравненно болѣе полезныя пріобрѣтенія въ другомъ отношеніи. Событія революціи заставили ее призадуматься надъ многимъ, изошрили его умъ, а это такая высшая школа что пройти черезъ нее гораздо важнѣе чѣмъ поглотить мудрость которая была преподаваема въ прежнихъ коллегіумахъ. Теперь далеко не рѣдкость встрѣтить мальчика 15 лѣтъ, разсуждающаго о принципахъ политики такъ разумно какъ никогда не удастся разсуждать о нихъ престарѣлымъ сановникамъ Вѣнскаго двора.... Мы не сомнѣваемся, продолжаетъ Дюленъ развивать ту же мысль въ другомъ докладѣ, что подростающее поколѣніе превзойдетъ образованіемъ всѣ предшествовавшія ему. Сыновья наши будутъ республиканцами, ибо уже въ самомъ раннемъ возрастѣ получаютъ они нѣкоторое понятіе о конституціи; они будутъ также ораторами, ибо публичное чтеніе избранныхъ отрывковъ на празднествахъ Декадъ сообщитъ имъ само-

увѣренность свободныхъ гражданъ и разовѣтъ въ нихъ сѣмена краснорѣчія.“

Дюпенъ вообще отличался оптимизмомъ, но подѣ ко- нецъ даже и у него вырвалось признаніе что дѣло вовсе не такъ блистательно какъ хотѣлось ему увѣрить. Въ одномъ изъ своихъ донесеній министру, не задолго до паденія Директоріи, онъ соболѣзнуетъ что „въ Парижѣ центральныя и начальныя школы посѣщаются гораздо менѣ чѣмъ школы частныя; изъ числа этихъ послѣднихъ особенныхъ услѣхомъ пользуются тѣ которыя служатъ пристанищемъ для суевѣрія и фанатизма.“ Другіе комиссары были гораздо откровеннѣе: въ одинъ голосъ повторяютъ они что во многихъ кантонахъ нѣтъ вовсе начальныхъ школъ; что было бы бесполезно учреждать ихъ, ибо публика рѣшительно имъ не довѣряетъ; что тамъ гдѣ учреждены эти школы, происходятъ непрерывныя пререканія между родителями и учениками; что очень трудно приискать для нихъ свѣдущихъ преподавателей; что не менѣ плачевно состояніе и центральныхъ училищъ, и что вообще относительно образованія Франція „гигантскими шагами идетъ по пути къ варварству“ (фразу эту встрѣчаемъ мы и въ донесеніи комиссара Рокена). Многие настоятельно требовали отнять господствовавшее для жителей запрещеніе говорить о религіи, ибо—какъ выражались они—„при слабости человеческого сердца родители именно этого и желаютъ, именно вслѣдствіе подобнаго запрета и относятся недоброжелательно къ школамъ“.

Только при первомъ консулѣ наступаетъ поворотъ къ лучшему. Министръ внутреннихъ дѣлъ Шалпаль писалъ въ мартѣ 1804 года префектамъ: „Пора отрезвиться отъ сумасбродныхъ теорій и создать рациональную систему народнаго просвѣщенія. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ общество не переставало требовать восстановленія прежнихъ цвѣтущихъ коллегіумовъ, въ которыхъ юношество получало именно то образованіе которое было ему нужно“. Увы, нельзя уже было восстановить многое что въ прежнее время приносило блестящіе плоды и пало подъ ударами невѣжественныхъ фанатиковъ, а съ другой стороны, при возведеніи новаго зданія, правительство Первой Имперіи далеко не отказалось отъ мысли воспользоваться народнымъ просвѣщеніемъ для своихъ династическихъ цѣлей: если Конвентъ

и Директорія хотѣли прежде всего воспитать молодежь въ правилахъ крайнихъ республиканскихъ доктринъ, то и оно постоянно преслѣдовало задачу внушить ей съ равнаго возраста ненависть къ республикѣ и легитимизму. Впрочемъ таковы были стремленія и всѣхъ послѣдующихъ правительствъ во Франціи, не исключая и правительства июльской монархіи, которое болѣе чѣмъ другія имѣло въ виду дѣйствительные интересы народнаго образованія. Вопросъ этотъ и въ настоящее время служить во Франціи вопросомъ партій и находится въ самой тѣсной связи съ политикой: печальное наслѣдіе завѣщанное революціей!

Мы указали лишь отчасти на богатое содержаніе книги А. Шмидта. Было бы въ высшей стѣпени любопытно прослѣдить также факты на основаніи коихъ указываетъ онъ на тѣсную связь существовавшую между революціоннымъ движеніемъ и явленіями экономической жизни народа. Уже Зибель пролилъ яркій свѣтъ на эту сторону тогдашнихъ событій, но едва ли гдѣ-нибудь выступаетъ она такъ рельефно какъ въ изслѣдованіи на которое обратили мы вниманіе нашихъ читателей.

II.

Въ концѣ прошлаго года во многихъ нѣмецкихъ журналахъ появились статьи подъ заглавіемъ: „Столѣтній юбилей Иосифа Гёрреса“; кажется кое-гдѣ въ Германіи устроены были даже торжества по этому поводу. Кто такой былъ Гёрресъ? Едва ли ошибаемся мы предположивъ что имя это совершенно незнакомо для значительнаго большинства нашей образованной публики, а между тѣмъ было время когда оно пользовалось громкою славой не только въ своемъ отечествѣ, но и вообще въ Европѣ. Существовали вполнѣ основательныя причины какъ для этой популярности, такъ и для того чтобы въ послѣдствіи, еще при жизни своей, Гёрресъ былъ забытъ и для того чтобы теперь снова пробудились о немъ воспоминанія. Изъ послѣдующаго очерка его дѣятельности читатели наши увидятъ почему мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ,—они увидятъ что при всей своей несостоятельности во многихъ отношеніяхъ, эта личность была въ высшей стѣпени замѣчательна именно потому что какъ нельзя лучше отражалась

на ней различныя направленія господствовавшія въ Германіи первой половиной текущаго столѣтія. При имени Гёрреса—публициста, профессора, который началъ съ того что былъ отчаяннымъ рационалистомъ, а подъ конецъ жизни сдѣлался мистикомъ и служилъ интересамъ Римской курии не переставалъ мечтать о величіи своего отечества—предъ нами возстаетъ вся эта эпоха, исполненная поразительныхъ противорѣчій и тѣмъ не менѣе въ высшей степени привлекательная...

Поводомъ для предлагаемыхъ замѣтокъ послужила появившаяся недавно подробная біографія Гёрреса, составленная однимъ изъ друзей его, профессоромъ Сеппомъ (*Görres und seine Zeitgenossen. 1776—1848, von prof. Dr. Sepp*). Нельзя сказать, чтобы чтеніе этой книги доставляло особенное удовольствіе: авторъ ея предложилъ себѣ, во первыхъ, неисполнимую задачу доказать, что вся дѣятельность Гёрреса отличалась строгою послѣдовательностью, а во вторыхъ, въ изложеніи своемъ онъ обнаружилъ совершенное отсутствіе таланта. Говоря о современникахъ и друзьяхъ своего героя не умѣлъ изобразить сколько-нибудь рельефно ни одной фигуры; на каждомъ шагу прерываетъ онъ свой разсказъ длинными и утомительными отступленіями; стиль его въ высшей степени вульгаренъ; далеко не рѣдкость встрѣтить у него фразы въ родѣ слѣдующей—въ томъ мѣстѣ гдѣ упоминается онъ объ увлеченіи короля Лудвига Баварскаго извѣстною тавровщицею Лолой Монтесъ: „Лордъ Брумъ, старый оселъ (der alte Esel), принадлежалъ также къ числу ея поклонниковъ“. При всемъ томъ начитанность профессора Сепла весьма обширна; онъ собралъ обильный матеріалъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ еще не обнародованную корреспонденцію Гёрреса съ болѣе или менѣе замѣчательными дѣятелями того времени, и если его книга не даетъ всего того, чего слѣдовало отъ нея ожидать, то во всякомъ случаѣ читатель можетъ придти на основаніи ея къ любопытнымъ выводамъ.

Гёрресъ выступилъ на политическое поприще въ самый разгаръ революціоннаго разгрома во Франціи, который отразился громадными послѣдствіями и на его отечествѣ. Извѣстно каково было положеніе германскаго общества наканунѣ этихъ событій и вообще въ теченіе всего XVIII вѣка: политическіе интересы совершенно изсякли въ немъ; это было какое-то оцѣпенѣніе, изъ котораго оно могло быть

выведено только сильнымъ толчкомъ со стороны. Конечно, безразсудно было бы утверждать что страна породившая такихъ мыслителей, поэтовъ и художниковъ какъ Лессингъ, Кантъ, Фихте, Геллеръ, Клопштокъ, Гёте, Шиллеръ, Вилкельмъ, Себастьянъ Бахъ, Моцартъ, Бетховенъ и такихъ правителей какъ Фридрихъ Великій, лишена была богатыхъ жизненныхъ силъ, но для Германіи наступило время когда, несмотря на высокія достоинства отдѣльныхъ личностей въ своей средѣ, она осуждена была какъ нація на непробудный застоѣ. Лучшіе люди находили единственный для себя исходъ въ литературѣ и наукѣ; не было вовсе политическихъ партій, а существовали только литературные кружки; никто не интересовался тѣмъ что происходило въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, да и можно ли было слѣдить съ интересомъ за препирательствами на примѣръ членовъ имперскаго сейма въ Регенсбургѣ кому изъ нихъ судить на какихъ лодушкахъ, препирательствами столь живо наломивавшими византийскія распри сивихъ и зеленыхъ? Національныя воззрѣнія, національные интересы менѣе всего служили руководствомъ для тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей. Извѣстна фраза, которая вырвалась однажды даже у такого гениальнаго человѣка какъ Лессингъ: „Я не имѣю никакого понятія о любви къ отечеству; чувство это кажется мнѣ геройскою слабостью, безъ которой можно обойтись очень легко“. Однимъ изъ видныхъ представителей этого печальнаго направленія служить путешественникъ и естествоиспытатель Георгъ Форстеръ, натура въ высшей степени симпатичная и обаятельно дѣйствовавшая на современниковъ, имя котораго и до сихъ поръ произносится въ Германіи не иначе какъ съ сочувствіемъ. „Жизнь моя была весьма разнообразна, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; долгое время оставался я въ Англіи, занимаясь научными изслѣдованіями; совершилъ кругосвѣтное путешествіе, былъ преподавателемъ въ Майнцѣ, Касселѣ, даже въ Вильнѣ. Куда ни бросала меня судьба, вездѣ старался я быть хорошимъ гражданиномъ: *Ubi bene, ibi patria*, вотъ что ло моему мнѣнію должно быть девизомъ ученаго.“

Удивительно ли что при такомъ настроеніи умовъ первые успѣхи Французовъ не встрѣтили упорнаго противодѣйствія со стороны національнаго чувства въ Германіи. Когда утвердились они въ Прирейнскихъ областяхъ, то

нашли тамъ многочисленную партію относившуюся къ нимъ въ высшей степени дружелюбно. Только духовенство, дворянство и нѣкоторые города были недовольны, потому что совершившійся переворотъ нарушилъ ихъ интересы, что же касается до массы народа, то онъ встрѣченъ былъ ею съ несомнѣннымъ одобреніемъ. Нужно только составить себѣ вѣрное понятіе о безобразіяхъ прежняго порядка вещей чтобы понять почему огромное большинство населенія насколько не жалѣло такъ-называемаго стараго добраго времени и привѣтствовало измѣнившіеся обстоятельства какъ рѣшительный поворотъ къ лучшему. Конечно, новое управление вырывало часто съ гнилью и добрыя сѣмена; оно стремилось все подвести подъ одинъ уровень и вслѣдствіе того точно также враждовало противъ общественныхъ и сословныхъ вольностей, какъ и противъ средневѣковой старины. Но всѣ эти недостатки отступали на задній планъ въ сравненіи съ благами правильной и дѣятельной администраціи, о которой не имѣли до того времени и понятія въ занятыхъ Французами областяхъ: прежній произволъ былъ замѣненъ уваженіемъ къ закону и равенствомъ предъ нимъ всѣхъ гражданъ; подати были распредѣлены болѣе равномерно, отмѣнена система продажи государственныхъ должностей, данъ толчокъ промышленности и торговлѣ, крестьянинъ почувствовалъ значительное облегченіе своей судьбы, отстранены были вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго скопленія церковныхъ и монастырскихъ помѣстій и т. д. Мы отсылаемъ нашихъ читателей къ превосходному и вполне безпристрастному сочиненію Пертеса: *Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft*, если захотятъ они составить себѣ вѣрное понятіе о превосходствѣ для Германіи новаго порядка вещей надъ старымъ.

Подобно Форстеру, о которомъ упоминали мы сейчасъ, Гёррессъ, только-что локинувшій школьную скамью, съ безграничнымъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ перемѣну происшедшую въ Прирейнскихъ областяхъ. Революція имѣла въ немъ страстнаго адепта; онъ бросился въ водоворотъ безъ оглядки и старался увлечь за собою другихъ. Когда въ родномъ его городѣ, Кобленцѣ, образовался клубъ, почему-то носившій названіе „патріотическаго“, хотя онъ былъ наполненъ восторженными поклонниками Французовъ, Гёрресу

принадлежало въ немъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ революціонныя сатурналии, которыя совершались въ Парижѣ, тотчасъ же находили отголосокъ въ Прирейнскихъ областяхъ: и здѣсь точно также возникъ культъ Разума, нашлась какая-то Графъ Мандель, которая разыгрывала роль его богини, на улицахъ раздавались звуки *Марсельезы*, введены были республиканскія празднества Юности, Старости, Весны и Цвѣтовъ, произносились зажигательныя рѣчи вокругъ такъ-называемыхъ деревьевъ свободы и т. п. Гёрресъ послѣдшилъ основать газету, о направленіи коей можно судить уже по самому ея названію, *Красный Листокъ* (*Das rothe Blatt*) и ежедневно проповѣдывалъ въ немъ о необходимости совершеннаго присоединенія лѣваго берега Рейна къ Франціи. „Тогда, восклицалъ онъ, Рейнъ сдѣлается Иорданомъ, а Франція съ новымъ Иерусалимомъ—Парижемъ, обѣтованною землею.“ Во всѣхъ его писаніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ его отъ того времени не замѣтно и слѣда патріотическаго чувства, ни малѣйшаго смущенія при мысли что какъ бы ни казались ему привлекательны новые правители, все-таки они были чужеземцы. Напротивъ, каждый новый ударъ который обрушался и на его родину, и вообще на Германію, возбуждалъ въ немъ лишь радость. Съ ядовитою проніей, составлявшею отличительную черту его яркаго, блестящаго таланта, начинавшаго уже въ то время обращать на себя вниманіе, отзывался онъ между прочимъ на лаженіе Священной Римской Имперіи. По этому поводу помѣстивъ онъ въ своей газетѣ статью, изъ которой мы приводимъ здѣсь лишь ея начало: „Въ памятный отнынѣ день 30го декабря 1797 года, въ три часа пополудни, скончалась въ Регенсбургѣ тихо и спокойно, вслѣдствіе совершеннаго истощенія силъ и послѣдовавшаго за тѣмъ паралича, въ цвѣтущемъ возрастѣ 955 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 28 дней отъ роду Священная Римская Имперія. О Боже, зачѣмъ восхотѣлъ Ты излить свой гнѣвъ на это добродушное существо? Безвредно и самодовольно щипало оно траву на тучныхъ поляхъ своихъ предковъ, по десяти разъ въ годъ допускало стричь съ себя шерсть, и всегда было такъ безобидно, такъ скромно, что его можно приравнять развѣ къ тому длинному выючному животному, которое брыкается и кричитъ лишь когда несносные мальчишки опалятъ ему уши зажженнымъ трутомъ. Злополучная Имперія впервые увидала свѣтъ въ го-

родъ Верденъ въ 843 году; именно въ то самое первое время появилась на небосклонѣ комета въ видѣ парика; юное созданіе было воспитано при дворѣ Карла Простаго, Лудвига Дитяти и ихъ пріемниковъ; гувернерами приставлены были къ нему палы, которые старались воспитать его въ страхъ Божиємъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ приличныхъ его высокому сану; съ гордостью взирали римскіе педагоги на возмужавшаго подъ ихъ руководствомъ юношу, съ гордостью говорили, что онъ—вполнѣ ихъ созданіе, „затѣмъ еще при жизни былъ онъ причисленъ ими къ лику святыхъ и отъ нихъ же получалъ свой пышный титулъ“ и т. д... Уже въ это время своей ранней молодости Гёрресъ выказалъ себя такимъ, какимъ онъ и оставался всю жизнь: то была натура въ высшей степени страстная, но которой было совершенно чуждо чувство мѣры, способная увлечься до послѣдней крайности какою-нибудь идеей, какимъ-нибудь стремленіемъ, но въ которой увлеченія самыя противоположныя могли быстро смѣняться одно другимъ. Ко всему этому человѣкъ относился не столько головой сколько сердцемъ: онъ былъ въ состояніи подѣйствовать на умы своихъ современниковъ, подѣйствовать даже очень сильно, но дѣйствіе это никогда не могло быть продолжительнымъ, потому что въ самомъ Гёрресѣ не находило оно надежной опоры.

Послѣ страстнаго увлеченія революціей вообще и Французами въ особенности столь же быстро наступило для него разочарованіе. Чужеземный гнетъ давалъ чувствовать себя все сильнѣе; напрасны были ожиданія что завоеватели забудутъ о своихъ выгодахъ, перестанутъ эксплуатировать занятые ими области, позволятъ имъ устроиться по-своему и установить у себя—какъ полагали нѣкоторые мечтатели—республиканскія учрежденія. Убѣдившись въ этомъ Гёрресъ началъ колебаться, а за колебаніемъ быстро наступилъ поворотъ въ другую сторону. Въ 1799 году избираютъ его однимъ изъ депутатовъ, которымъ было поручено отправиться въ Парижъ чтобы ходатайствовать объ облегченіи судьбы Прирейнскихъ областей: онъ разказывалъ въ послѣдствіи что на пути во французскую столицу произошло съ нимъ такое же превращеніе какъ съ Савломъ и вдругъ отрезвился онъ отъ якобинства. Декретъ перваго консула отъ 1802 года, которымъ округа Кёльна, Майнца и

Трира были присоединены къ Франціи какъ простые департаменты, окончательно сдѣлавъ его врагомъ того народа, на который еще недавно смотрѣлъ онъ какъ на освободителя своей родины.

Съ этой минуты наступаетъ въ Гёррессѣ новое направленіе, наиболѣе благотворное изъ всѣхъ тѣхъ, которыя владѣли имъ въ теченіе его жизни,—направленіе, снискавшее ему завидную популярность въ отечествѣ. Оно было плодотворно, потому что исходило изъ самыхъ возвышенныхъ и законныхъ побужденій и раздѣляемо было всею Германскою націей. То было чувство стыда въ виду порабощенія которое тяготѣло надъ страной, чувство непреодолимаго желанія свергнуть чужеземное иго. Здѣсь Гёррессъ стоялъ на твердой почвѣ: онъ являлся отголоскомъ всего что было наиболѣе благороднаго въ общественной средѣ, и громадный талантъ его, посвященный на служеніе патріотическому дѣлу, обнаружился съ такимъ блескомъ какъ никогда, ни прежде, ни позднѣе. Конечно, пока владычество Наполеона казалось незыблемымъ, онъ вынужденъ былъ сдерживать себя, подобно многимъ другимъ, которые таили въ глубинѣ души безграничную скорбь, но лишь только началась война за независимость, онъ далъ полную волю накопившимъ въ немъ чувствамъ. Основанный имъ *Рейнскій Меркурій* имѣлъ громадный, невѣроятный успѣхъ. До того времени Германія не имѣла почти вовсе политической газеты въ настоящемъ смыслѣ слова, и вдругъ явилась у нея газета, съ пламеннымъ энтузіазмомъ умѣвшая выражать то что было у всѣхъ на душѣ, не дававшая ни на минуту остынуть національному движенію. Это было что-то совершенно новое, непривычное и именно поэтому могущественно дѣйствовавшее на умы. „Германская нація, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, нашла наконецъ свой органъ: *Рейнскій Меркурій*, блиставшій оригинальностью мысли и силой языка, умомъ и остроуміемъ, глубокимъ пониманіемъ какъ прошлыхъ судебъ страны, такъ и современныхъ ея потребностей, произвелъ въ полномъ смыслѣ слова эпоху въ нашей литературѣ.... Словно Эоль—прибѣгаетъ г. Селль къ вычурному сравненію—напрягъ всѣ свои силы, чтобы раздуть въ громадный пламень священный огонь любви къ отечеству...“ Нѣмцы не рѣдко выражаются о *Рейнскомъ Меркуріи* что онъ былъ „платою державой въ борьбѣ съ Наполеономъ“: въ сущности ни-

какой пятой державы не было, но одна из четырех держав, а именно Германия, доказала что общественное мнѣніе ея вполне созрѣло, что борьба, которую вела она наравнѣ съ другими, была борьбой не правительства только, но всего народа и именно въ немъ находила главную опору. Правительства относились крайне недоброжелательно къ газетѣ Гёрреса: въ 1814 году была она даже запрещена въ Баваріи, Ваденѣ и Виртембергѣ, но это только возвысило ея успѣхъ. Въ книгѣ г. Сепла помѣщено множество восторженныхъ отзывовъ о *Рейнскомъ Меркуриі*, принадлежащихъ людямъ которые занимали видное мѣсто въ наукѣ, литературѣ и политикѣ; знаменитый Штейнъ былъ въ восторгѣ отъ него. „Этотъ необыкновенный человекъ, писалъ между прочимъ Стеффенсъ о Гёрресѣ, перешедшій отъ ликаго якобинства къ консервативнымъ принципамъ, издаетъ нынѣ газету, которая принадлежитъ конечно къ самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ. Съ полнымъ основаніемъ можно утверждать что никогда еще ни одинъ листокъ не пользовался такимъ громаднымъ вліяніемъ. Это совершенно самостоятельная сила: съ жадностью читаютъ *Рейнский Меркурій* вездѣ—во дворахъ, хижинахъ и въ общественныхъ собраніяхъ...“

Съ прекращеніемъ борьбы за независимость Гёрреса, подобно всѣмъ другимъ которые мечтали о лучшей будущности для своего отечества, былъ поглощенъ мыслью о внутреннихъ реформахъ. Реформы эти касались двухъ вопросовъ—общаго устройства Германіи и водворенія либеральныхъ учреждений въ германскихъ государствахъ. Борьба по этому поводу не могла быть ведена съ успѣхомъ, потому что не существовало для нея твердой почвы: когда дѣло шло о низверженіи чужеземнаго ига, передовые люди могли разчитывать на поддержку со стороны общества, которое дѣйствительно было одушевлено сознательнымъ и крѣпкимъ національнымъ чувствомъ, но переустройство Германіи вообще и различныхъ ея государствъ въ отдѣльности—все это оставляло довольно равнодушнымъ массу общества, которому были еще не по силамъ подобныя задачи. Почти всѣ историки, говорившіе объ упомянутомъ періодѣ, не сомнѣваются въ этой истинѣ: „Настоятельная необходимость оградить себя отъ французскаго владычества, замѣчаетъ напримѣръ Гервинусъ, побудила Германію

соединить свои силы для борьбы: по окончаніи ея многіе понимали что нужно упрочить и развить этотъ союзъ, возникшій лишь на время, но если таково было убѣжденіе мыслящихъ людей, то огромное большинство народа вовсе не раздѣляло ни ихъ опасеній, ни ихъ надеждъ.—„Германія, говоритъ Бернгарди, была утомлена болѣе чѣмъ вся остальная Европа и прежде всего нуждалась въ спокойствіи чтобы залѣчить свои тяжкія раны; теперешнее молодое поколѣніе не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ какъ была тогда жалка и бѣдна общественная жизнь, какъ трудно было сблизиться для общихъ цѣлей, а вопросъ объ устройствѣ Германіи принадлежалъ къ числу именно такихъ которые требовали чрезвычайнаго напряженія силъ.“ Въ 1814 и 1815 годахъ шла рѣчь о томъ чтобы выработать такую политическую организацію для Германіи, которая придавала бы единство и быстроту всѣмъ дѣйствіямъ этой сложной машины, связала бы крѣпкою связью разрозненныя части страны, уничтожила бы взаимное ихъ недоверіе, заставляла бы ихъ добровольно подчиниться единой власти, достаточно могущественной для того чтобы отвсюду встрѣчать ревностную поддержку въ дѣлахъ какъ внѣшней такъ и внутренней политики: задача громадная и которая осталась далеко неразрѣшенной! Самымъ законнымъ оправданіемъ для конституціи сочиненной на Вѣскомъ конгрессѣ, должно служить то что при тогдашнихъ обстоятельствахъ—какъ ни была она неудовлетворительна—могло бы возникнуть и нѣчто несравненно худшее: могло это случиться потому что общество не обнаруживало живаго участія къ дѣлу; правительства вышли изъ разгрома, которому подверглась Германія, съ сильнѣйшимъ чѣмъ когда-нибудь взаимнымъ недоверіемъ, а проекты, принадлежавшіе различнымъ реформаторамъ, начиная со Штейна, представляли невыразимый хаосъ по своимъ противорѣчіямъ. Они вполнѣ оправдывали сдѣланное Фихте замѣчаніе что „Нѣмецъ никогда не желаетъ какой-нибудь одной опредѣленной вещи, а одновременно стремится достигнуть и совершенно противоположнаго ей.“

Вслѣдствіе того надежды естественно сосредоточивались на будущемъ: съ теченіемъ времени конституція могла бы постепенно подвергаться измѣненіямъ до тѣхъ поръ пока

не удовлетворила бы она законнымъ интересамъ страны. Но для этого нужно было чтобы общество обнаруживало давленіе на правительства, а чтобы въ состояніи было оно принять на себя подобную роль, слѣдовало позаботиться о развитіи въ немъ политическаго самосознанія; лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли представлялись либеральныя учрежденія—и вотъ почему вопросъ о нихъ тотчасъ же сталъ на первомъ планѣ. Событія не замедлили доказать что нечего въ этомъ отношеніи разчитывать на Австрію, но тѣмъ сильнѣе были ожиданія отъ Пруссіи: государство это своими широкими реформами въ годину обрушившихся на него тяжкихъ бѣдствій доказало что оно вполне способно идти по пути прогресса; къ тому же Фридрихъ-Вильгельмъ III, декретомъ изданнымъ въ Вѣнѣ 22го мая 1815 года по совѣту Гарденберга и Штейна, положительно обнадѣжилъ своихъ подданныхъ что они получаютъ народное представительство. Отнынѣ всѣ взоры обращены были на то какимъ образомъ будетъ исполнено это обѣщаніе.

Оно не исполнено было вовсе или исполнено такъ что отнюдь не оправдало надеждъ просвѣщенной части общества. Еще не такъ давно тогдашній образъ дѣйствій Прусскаго правительства относительно этого вопроса подвергался безусловному порицанію, но теперь встрѣчаетъ онъ многочисленныхъ защитниковъ. „Не слѣдуетъ забывать, говоритъ профессоръ Трейчке *, что Прусское правительство уже и безъ того имѣло предъ собою чрезвычайно важныя задачи: нужно было сплотить съ монархіей вновь присоединенныя провинціи, радикально отличавшіяся отъ нея своими преданіями, нужно было среди глубокаго мира водворить всеобщую воинскую повинность, осуществить унію евангелической церкви—эту давнишнюю любимую мечту Гогенцоллернскаго дома,—упрочить окончательное развитіе городского самоуправленія. Не подлежитъ сомнѣнію что разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ значительно усложнилось бы еслибы нарушенные интересы различныхъ слоевъ общества нашли себѣ выраженіе въ парламентѣ, еслибы приходилось безпрерывно считаться съ враждою политическихъ партій, которыми изобилуетъ конституціонная жизнь;

---

* *Historische und politische Aufsätze*, 4 Ausg., III, 503.

даже величайшее дѣло того времени—учрежденіе таможеннаго союза—сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ или встрѣтило бы на пути своемъ громадныя препятствія если бы къ партикуляристическому противодѣйствию южно-германскихъ палатъ присоединилась оппозиція Прусскаго сейма. Подъ покровомъ образцовой бюрократіи возростало общество въ своемъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ образованіи и въ средствахъ для борьбы съ врагами: то было время собиранія политическихъ силъ, которыя въ послѣдствіи должны были заявить о себѣ на поляхъ Садовой. Авторъ продолжалъ развивать свою мысль что къ пяти милліонамъ, изъ которыхъ состояло народонаселеніе Пруссіи предъ Вѣнскимъ конгрессомъ, присоединилось еще пять съ половиною милліоновъ, представлявшихъ лоразительную смѣсь, что присоединены были области находившіяся еще не задолго предъ тѣмъ подъ управленіемъ Франціи, Швеціи, Саксоніи, великаго герцогства Варшавскаго и т. д.; настроеніе ихъ было далеко не надежно; особенно сильныя опасенія возбуждали Познань и Прирейнскія провинціи,—одинъ изъ губернаторовъ этихъ провинцій доносилъ уже чрезъ четыре года послѣ того какъ перешли онѣ подъ власть Пруссіи: „Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка который не былъ бы готовъ отъ всего сердца благодарить Бога, еслибы страна очутилась снова подъ французскимъ владычествомъ.“ Полезно ли было бы чтобы стремленія такого рода были заявляемы открыто на парламентской трибунѣ? Къ тому же еслибы конституціонный порядокъ вещей возникъ въ Пруссіи, то это имѣло бы громадное, но отнюдь не благотворное вліяніе и на ея внѣшнюю политику, на отношенія ея какъ къ Австріи, такъ и вообще къ европейскимъ державамъ. Въ то время тенденціозной политики, основанной на принципѣ легитимности, разсуждаетъ Трейчке, система европейскихъ союзовъ находилась въ тѣсной зависимости отъ положенія дѣлъ внутри того или другаго государства,—а потому конституція въ Пруссіи означала бы разрывъ съ Австріей и Россіей. Конституціонная Пруссія очутилась бы совершенно изолированной, не встрѣтила бы вѣрной и вполнѣ надежной опоры въ средне-германскихъ правительствахъ и быть-можетъ была бы вынуждена тяготѣть къ Франціи,—во всякомъ же случаѣ ей пришлось бы постоянно помышлять о

самосохраненіи, быть готовою къ самымъ неожиданнымъ событіямъ и отказаться отъ политики выжиданія, собиранія силъ, которой она могла слѣдовать съ успѣхомъ только подъ условіемъ сохраненія мира. Эта перспектива не устрашала либеральную партію; по ея мнѣнію Прусское правительство, не теряя ни минуты, должно было бы приступить къ разрѣшенію вопроса отъ котораго зависѣла вся будущность Германіи: конечно, на эту тему легко было приискать много пышныхъ фразъ, но какъ исполнить подобное требованіе, когда не хватало для того матеріальной силы, когда умы еще вовсе не были подготовлены... „Прусское правительство могло бы подвергнуться упреку въ томъ лишь случаѣ, еслибы, отказываясь выступить на путь на который хотѣли увлечь его люди либеральнаго образа мыслей, оно не достигало другимъ путемъ важныхъ и благотворныхъ результатовъ. Напротивъ, дѣятельность его именно теперь, когда можно судить о ней совершенно безпристрастно, представляется въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; то была дѣятельность лишенная всякаго вѣшняго блеска, плоды коей созрѣвали не вдругъ, а по истеченіи долгаго времени, но въ значительной части именно ей обязана Пруссія теперешнимъ своимъ высокимъ положеніемъ: она обнимала одинаково всѣ отрасли внутренняго управленія, начиная съ финансовъ, находившихся въ жалкомъ состояніи послѣ громадныхъ войнъ, и кончая учебною системою, которая установлена была на вполнѣ раціональныхъ основахъ знаменитымъ министромъ Альтенштейномъ и примѣнялась имъ съ замѣчательною энергіей.

Мы привели здѣсь мнѣніе одного изъ ревностныхъ прусскихъ патріотовъ, который въ виду великихъ результатовъ, достигнутыхъ Пруссіей на нашихъ глазахъ, относится болѣе чѣмъ снисходительно къ политикѣ ея правительства и въ прежнее время, не перестаетъ доказывать что именно она посѣяла все то что удалось положить теперь. Но и люди другаго образа мыслей склоняются почти къ такому же взгляду. Утверждая что конституціонный порядокъ вещей могъ лучше всего содѣйствовать сліянію вновь пріобрѣтенныхъ провинцій съ остальною монархіей, что онъ не замедлил бы привлечь къ Пруссіи симпатіи Германіи, которыя послѣ 1815 года обратились въ другую сторону, они соглашаются однако что введеніе конституціи было дѣло не

легкое и могло бы совершиться вполне благополучно въ томъ лишь случаѣ еслибы во главѣ прусскаго управленія стоялъ тогда человѣкъ съ геніальными способностями. Но людьми такого рода Пруссія не обладала въ то время. Менѣе всего напоминалъ о нихъ собою самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III: человѣкъ въ высшей степени честный, правдивый, исполненный благихъ намѣреній, но въ то же время робкій, сосредоточенный и никому вполне не довѣрявшійся, онъ не отличался качествами политическаго дѣятеля въ настоящемъ смыслѣ слова. Всякія слишкомъ смѣлыя и выходившія изъ обычной рутины предпріятія видимо смущали его; только безвыходное положеніе страны заставило его оказать поддержку реформамъ Штейна и Гарденберга; Штейну же удалось вырвать у него обѣщаніе даровать конституцію своимъ подданнымъ, но давая это обѣщаніе, онъ самъ далеко не былъ убѣжденъ въ его необходимости. Не столько дорожилъ онъ при этомъ своею самодержавною властью, сколько пугала его мысль о страстной борьбѣ парламентскихъ партій, объ ожесточенныхъ преніяхъ въ палатахъ и необходимости во многихъ случаяхъ выступать собственною персоной. Вокругъ короля образовалась камарилья, состоявшая съ одной стороны изъ представителей такъ-называемой феодальной партіи, а съ другой—изъ бюрократовъ старой школы, въ родѣ Витгенштейна и Шукмана, одинаково враждебныхъ всякимъ переменамъ въ государственномъ управленіи. Нѣтъ ничего любопытнѣе исторіи той комиссіи которая подъ предѣтельствомъ канцлера Гарденберга занималась обсужденіемъ конституціоннаго вопроса,—исторіи весьма подробно и съ большимъ талантомъ изложенной профессоромъ Трейчке въ упомянутомъ уже нами трудѣ его *Der erste Verfassungskampf in Preussen*. Мы видимъ какимъ образомъ либеральные члены комиссіи, какъ напримѣръ самъ канцлеръ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, отступали мало-по-малу предъ своими противниками до тѣхъ поръ пока дѣло не кончилось тѣмъ что конституція была отсрочена, а вмѣсто нея возстановили старинное, давно уже отжившее сословное представительство, имѣвшее своими органами провинціальныя собранія. Подобное рѣшеніе вопроса не возвысило конечно популярность Прусскаго правительства среди той части общества которая мечтала о новомъ порядкѣ вещей и для

Пруссіи и вообще для Германіи. Агитація усилилась; нерѣдко подавала она поводъ къ прискорбнымъ явленіямъ; берлинскіе государственные люди, налуганные ею,—хотя въ сущности лугаться было нечего, ибо все это волненіе происходило лишь на поверхности и отнюдь не проникало въ глубь народныхъ массъ,—поддались безусловно вліянію австрійской политики. Отвѣтомъ на броженіе умовъ были Карльсбадскія совѣщанія, министерскія конференціи въ Вѣнѣ, затѣмъ Майнцская коммиссія, назначенная для разслѣдованія происковъ направленныхъ противъ спокойствія государствъ, а въ концѣ-концовъ Франкфуртскій сеймъ превратился въ чисто полицейское учрежденіе, которому суждено было служить органомъ самой неаппетитной реакціи.

Мы говорили о Пруссіи, но тѣ же самыя стремленія съ которыми приходилось имѣть дѣло правительству этой страны проявлялись еще съ большею силой въ средне-германскихъ государствахъ. Здѣсь привели они повидимому къ положительному результату, потому что во многихъ изъ упомянутыхъ государствъ возникли конституціонныя учрежденія. Эти учрежденія пользовались когда-то большими симпатіями и еще не далѣе какъ дѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ нельзя было встрѣтить почти ни одной нѣмецкой книги которая, разсуждая о состояніи Германіи послѣ 1815 года, не отзывалась бы съ сочувствіемъ о роли средне-германскихъ правительствъ. Въ настоящее время произошла рѣзкая перемѣна въ этомъ отношеніи. Со всѣхъ сторонъ слышатся голоса что главную язву страны составлялъ „партикуляризмъ“, обособленность каждой изъ ея областей, а въ первой половинѣ текущаго столѣтія опорой этого партикуляризма послужили конституціонныя учрежденія, существовавшія въ различныхъ второстепенныхъ государствахъ Германіи. Вотъ какъ разсуждаетъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ тогдашняго южно-германскаго либерализма: * „Было чистою бессмыслицей, ни съ чѣмъ несообразнымъ противорѣчіемъ, что маленькія государства, не обладавшія ни значеніемъ, ни силой, вознамѣрились выступить учителями Пруссіи въ вопросахъ политики. Извѣстно какими побужденіями вызванъ

* Трейчке, см. *Das constitutionelle Königthum*.

былъ въ нихъ конституціонный порядокъ вещей: желаніемъ перецеголять Прусское правительство, которое медлило выполненіемъ своего обѣщанія, затаенною надеждой что предоставивъ своимъ маленькимъ народцамъ (*kleinen Völkchen*) кое-какія невинныя права, можно будетъ этимъ самымъ отвлечь ихъ отъ національныхъ цѣлей. Въ палатахъ, въ журналисткѣ, въ безчисленномъ количествѣ брошюръ ловторались фразы рабски заимствованныя изъ евангелія французскаго либерализма, но на дѣлѣ всѣ эти толки не порождали ровно ничего. Нѣмецкіе государи благоразумно остереглись навязать себѣ такія условія которымъ должны были подчиниться возвратившіеся во Францію Бурбоны; въ сущности они оставались полпрежнему неограниченными властелинами и только по нѣкоторымъ вопросамъ нуждались въ согласіи народнаго представительства. Тѣ основы самоуправленія, которыя водворилъ Штейнъ въ Пруссіи, были совершенно чужды южнымъ государствамъ; всемогущая бюрократія, усовершенствованная во времена Рейнскаго союза по французскому образцу Наполеоновской школы, играла вполне самостоятельную роль относительно жалкаго подобія парламентовъ. Либеральной партіи оставалось только забавлять себя, при обсужденіи бюджетовъ, бесплодною критикою правительственныхъ дѣйствій и распоряженій. Ни на что другое не могла она разчитывать, ибо даже ей самой не приходило въ голову чтобы при тогдашнемъ давленіи Меттерниховской системы способна была она занять мѣсто во главѣ управленія. Очень естественно что не пользуясь вліяніемъ и не неся на себѣ никакой отвѣтственности, она усвоила себѣ всѣ недостатки политическаго дилеттантизма. Форма была въ ея глазахъ несравненно важнѣе содержанія, средства важнѣе цѣли. Политическая дѣятельность превратилась въ какую-то игру, и всякій благонамѣренный человѣкъ считая только долгомъ, на малѣйшимъ образомъ не примѣняясь къ обстоятельствамъ, съ лавосомъ проповѣдывать на трибунѣ свои убѣжденія: вопросъ о томъ, можно ихъ примѣнить или нѣтъ, оставался въ сторонѣ. Одинъ изъ такихъ ораторовъ весьма добросовѣстно воскликнулъ: „Противъ моего предложенія нельзя приискать ни одного аргумента; можно сдѣлать ему развѣ только одинъ упрекъ—что оно неисполнимо на практикѣ“. Слова: конституція, народное представительство, свобода—пользова-

лись почти божескимъ почитаніемъ; достаточно было стоять на сторонѣ правительства чтобы заслужить подозрѣніе въ подкупности и другихъ низкихъ порокахъ; чѣмъ безсильнѣе была либеральная партія, тѣмъ болѣе возрастало ея самодовольство; а такъ какъ она пользовалась тою сомнительною выгодой что пресса находилась въ ея рукахъ, то отсюда возникло ошибочное предположеніе будто огромное большинство народонаселенія раздѣляло идеи и стремленія оппозиціи. Въ этой мѣткой картинѣ есть много вѣрнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ложнаго. Вѣрно то что южно-германскій парламентаризмъ былъ явленіемъ эфемернымъ, не имѣвшимъ глубокихъ корней въ обществѣ. Гервинусъ, писатель совершенно другой школы чѣмъ Трейчке, вполне согласенъ съ нимъ въ этомъ отношеніи; и онъ говоритъ что южно-германскія палаты „были безсильны достигнуть чего бы то ни было даже въ сферѣ непосредственной своей дѣятельности, если не встрѣчали одобренія со стороны правительства, а правительства страшились болѣе всего раздражить всемогущаго австрійскаго министра.“ У Гервинуса собрано много примѣровъ до какой степени индеферентно относилось народонаселеніе къ вопросу о представительствѣ: въ Виртембергѣ, даже въ самый разгаръ борьбы между сословными собраніями и королемъ, народъ ходатайствовалъ о томъ чтобы избавить его отъ права производить выборы, а въ нѣкоторыхъ округахъ хотѣлъ даже назначить самого короля своимъ депутатомъ; въ Баденѣ обнаруживалось точно такое же настроеніе. Вполнѣ несомѣнно что въ южныхъ государствахъ правительства вовсе не были вынуждены даровать конституцію своимъ подданнымъ, но добровольно даровали ихъ, и не изъ какихъ-либо либеральныхъ стремленій, а съ намѣреніемъ воспользоваться ими какъ средствомъ для противодѣйствія двумъ великимъ германскимъ державамъ; они пытались образовать какъ бы отдѣльный союзъ въ союзѣ,—союзъ во имя просвѣщенія и свободы; они хотѣли увѣрить что только средняя и южная Германія должна считаться родиной чистой Германской народности (*reine Deutschland*), въ противоположность полуславянской Пруссіи и разноцвѣтной Австріи; непрерывно слышались голоса что никакимъ усиліямъ не удастся связать Югъ съ Сѣверомъ, — „скорѣе медвѣди и орлы, писалъ Ансельмъ Фейербахъ, будутъ составлять

одну семью чѣмъ произойдетъ что-либо подобное“. Мы видимъ тутъ въ зародышѣ планъ который въ послѣдствіи такъ сильно занималъ умы государственныхъ людей средней и южной Германіи, планъ пресловутой триады. Но этотъ планъ не могъ осуществиться ни прежде, ни позднѣе; государства, о которыхъ идетъ рѣчь, могли обособиться въ томъ лишь случаѣ еслибы—какъ и случилось это при Наполеонѣ—захотѣли стать подъ покровительство какой-нибудь чужеземной державы, а сама она, собственными средствами, не была въ состояніи образовать союза, который занималъ бы независимое положеніе между Пруссіей и Австріей. Справедливо замѣтилъ кто-то по поводу ихъ образа дѣйствій, что одно безсиліе въ сочетаніи съ другимъ никогда не составитъ силы, что сколько бы ни писать нулей, никогда не составлять они числа, если во главѣ ихъ не будетъ поставлена единица. Поклонники южно-германскаго парламентаризма ставили ему между прочимъ въ заслугу то обстоятельство что если онъ и не содѣйствовалъ стремленіямъ Германіи къ объединенію, то благодаря ему по крайней мѣрѣ самая раздробленность, отъ которой страдала страна, приносила пользу. Административный гнетъ не давалъ чувствовать себя слишкомъ сильно; если господствовалъ онъ въ одной области, то наряду съ нею всегда находилась другая, предоставлявшая достаточно пространства для свободы мысли и слова. Аргументы такого рода, имѣвшие когда-то большой успѣхъ, не встрѣчаютъ пощады въ настоящее время, и не безъ основанія: справедливо возражаютъ противъ нихъ что націи неприлично было утѣшать себя мыслью, что во всѣхъ тридцати государствахъ не могутъ существовать одинаково дурныя правительства и непременно найдется между ними хоть одно, гдѣ человѣкъ можетъ безпрепятственно высказывать свой образъ мыслей. Надо было заботиться о томъ чтобы свобода распространилась на всю Германію, а не перебѣгать въ поискахъ за нею изъ одного мѣста въ другое. Да и дѣйствительно ли при тогдашнемъ порядкѣ вещей люди, подвергавшіеся за свой образъ мыслей гоненію въ одномъ изъ германскихъ государствъ, находили безопасное для себя поприще въ другомъ? Укажемъ для примѣра на событіе, породившее въ 1837 году чрезвычайно сильное впечатлѣніе: семь профессоровъ Геттингенскаго университета, братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы, Дальманъ, Гервинусъ, Аль-

брехтъ, Эвальдъ и Веберъ—были лишены своихъ кафедръ за протестъ противъ отѣны конституціи королемъ Эрнстомъ-Августомъ; изъ нихъ первые четверо даже подверглись изгнанію изъ предѣловъ Ганновера. Приглашаемъ всякаго заглянуть въ книгу, гдѣ весьма подробно изложена печальная *Одиссея* этихъ людей, всюду пользовавшихся тогда почетною репутаціей. * Общественное мнѣніе было рѣшительно на ихъ сторонѣ; многія правительства также принимали въ нихъ участіе, но достаточно было того что изъ Пруссіи послышался строгій противъ нихъ голосъ чтобы прекратилась для нихъ всякая возможность дѣятельности. Не только университеты сдѣлались недоступны для братьевъ Гриммовъ, Гервинуса и Дальмана, но не нашлось даже книгопродавца, который дерзнулъ бы напечатать составленное ими оправданіе своего поступка; послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ попытокъ Дальманъ имѣлъ полное право воскликнуть въ разговоръ своемъ съ саксонскимъ министромъ Линденау: „если такъ, то несравненно лучше жить въ Турціи чѣмъ въ Германіи!“ Очевидно что южно-германскій парламентаризмъ далеко не служилъ оградой противъ системы, которая подъ могущественнымъ покровительствомъ Пруссіи и Австріи тяготѣла надъ всею страной; онъ оставлялъ только возможность выражать въ пышныхъ фразахъ чувство безсильнаго негодованія противъ главныхъ виновниковъ этой системы; это удалось ему отчасти какъ нельзя лучше, то-есть Пруссія, опираясь на свою союзницу, обнаруживала во всемъ могучее вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ была до такой степени не популярна что никому и не приходила въ голову та великая роль которую она призвана была исполнить въ будущемъ. Въ наше время вдругъ прославилось въ Германіи имя человека, далеко не пользовавшагося извѣстностью при своей жизни: мы говоримъ о Пфигерѣ, членѣ Вюртембергской палаты депутатовъ и авторѣ небольшой книжки *Briefwechsel zweier Deutschen*. Объ этой книгѣ говорятъ что во всей тогдашней нѣмецкой литературѣ только въ ней выразилась истинная политическая проникательность, а проникательность эта заключалась въ томъ что Пфигеръ выступилъ рѣшительнымъ лоборникомъ прусской гегемоніи и врагомъ того космополитическаго направ-

* F. C. Dahlmann, von A. Springer, II, 10—40.

ленія которое владѣло умами. О Пфцицерѣ лишуть телерь статьи, ламять его окружена необыкновеннымъ почетомъ, но сорокъ лѣтъ тому назадъ ни въ комъ и нигдѣ не встрѣтилъ онъ отголоска.

Мы собрали здѣсь всѣ возраженія противъ конституціоннаго порядка вещей, возникшаго преимущественно въ южныхъ германскихъ государствахъ, но судить о немъ только съ точки зрѣнія этихъ возраженій было бы несправедливо. Конечно, водворивъ его въ своихъ владѣніяхъ, правительства желали лишь пріобрѣсти извѣстную популярность для отпора гнету со стороны двухъ германскихъ державъ; конечно, потребность политической свободы отнюдь не проникла въ массу народонаселенія, и либеральная партія, поставленная между индиферентизмомъ народа и недовѣріемъ къ ней правительства играла довольно жалкую роль; конечно все это такъ; но явленіе о которомъ мы говоримъ получаетъ полное свое оправданіе, если сопоставимъ его съ реакціей, которую въ двадцатыхъ годахъ поддерживали Пруссія и Австрія и которую даже челоѣкъ столь консервативнаго образа мыслей какъ Штейнъ заклеимъ словами „скотская глупость“ (*viehsche Dummheit*), реакцію, лозунгомъ коей, по выраженію Гагерна, было „*cogitat ergo est jacobinus*“. Чего могли бы требовать телерешніе лорицатели южно-германскихъ государствъ отъ политики ихъ въ описываемое время? Они нападаютъ на *profession de foi* выраженное въ слѣдующихъ словахъ Роттекомъ, однимъ изъ корифеевъ тогдашняго либерализма: „я желаю политическаго единства не иначе какъ въ союзъ со свободой и гораздо болѣе дорожу свободой безъ единства чѣмъ единствомъ безъ свободы“; они выхваляютъ Пфцицера, который рѣшился возвысить голосъ противъ этой программы, но чтобы подобные упреки были справедливы, надлежало по крайней мѣрѣ чтобы Пруссія обнаруживала какую-нибудь готовность вести Германію по пути къ объединенію. Но она не предъявляла никакихъ притязаній въ этомъ смыслѣ. Оставалось слѣдовательно проникнуться мыслью что когда-нибудь уразумѣетъ она свое призваніе, а въ ожиданіи того слѣло преклониться предъ ея реакціонною политикой. Можно ли удивляться что подобный идеалъ казался слишкомъ непривлекательнымъ для извѣстной части тогдашняго общества и что то враждебное къ Пруссіи чувство, которымъ была проникнута либераль-

ная партія въ юго-западной Германіи, имѣла законное основаніе?

Остановившись быть-можетъ подробнѣе чѣмъ бы слѣдовало на настроеніи германскаго общества и германскихъ правительствъ послѣ 1815 года, мы упустили изъ виду Гёрреса. Уже изъ сказаннаго о немъ выше можно заключить что человѣкъ съ такими необузданными страстями, человѣкъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ отличавшійся вѣрнымъ чутьемъ дѣйствительности и привыкшій ничѣмъ не стѣснять свою фантазію, менѣе всего былъ способенъ примѣниться къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Онъ брошился очертя голову въ борьбу. Во время засѣданій Вѣнскаго Конгресса газета его сдѣлалась главнымъ органомъ партіи требовавшей возстановленія имперіи; почти ежедневно появлялись въ ней проекты въ этомъ смыслѣ, проекты находившіеся въ рѣзкомъ противорѣчій между собой и которые доказывали только какой хаосъ господствовалъ тогда въ умахъ по означенному вопросу. Еще залазливѣе преслѣдовалъ Гёрресъ мысль о необходимости конституционныхъ учрежденій для Пруссіи, будучи убѣжденъ что только подъ этимъ условіемъ его родина, т.-е. Прирейнскія провинціи, могла бы примириться съ прусскимъ владычествомъ. Онъ убѣждалъ между прочимъ жителей Кобленца составить адресъ, который и былъ представленъ имъ, во главѣ депутаціи, канцлеру князю Гарденбергу, когда тотъ предпринималъ поездку по Рейну. Адресъ сильно смутилъ правительство, прежде всего потому что подъ нимъ находилось не менѣе 5.000 подписей, обстоятельство казавшееся тогда совершенно необычнымъ, а затѣмъ своимъ рѣзкимъ и настоячивымъ тономъ; почти одновременно съ адресомъ появлялась брошюра Гёрреса *Германія и революція*, въ которой содержались уже просто угрозы на тотъ случай если не будутъ удовлетворены требованія либеральной партіи. Не забудемъ что все это происходило въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда реакціей овладѣло какое-то изступленіе, когда она не задумывалась преслѣдовать даже людей весьма умѣреннаго образа мыслей, обнаружившихъ на дѣлѣ—въ борьбѣ съ Наполеономъ—свой высокій патріотизмъ. Не замедлилъ пострадать отъ нея и Гёрресъ. *Рейнскій Меркурій* былъ запрещенъ, а въ официальной газетѣ появилось слѣдующее заявленіе:

„Профессора Гёрреса велѣно арестовать и заключить въ

крѣпость; виновность его до такой степени очевидна что въ настоящемъ случаѣ не оказывается никакой нужды въ судебной процедурѣ.“ Гёрресъ предпочелъ однако добровольное изгнаніе тюрьмѣ и успѣлъ скрыться: печальная судьба человека, который, несмотря на всѣ свои увлеченія и странности оказалъ однако важныя услуги своему отечеству въ одинъ изъ критическихъ моментовъ его существованія...

Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ Швейцаріи томясь одиночествомъ и бездѣйствіемъ. Осудить себя на безплодную оппозицію, пробавляться брошюрами и статейками противъ существовавшаго порядка вещей казалось ему слишкомъ мизернымъ, онъ жаждалъ болѣе широкаго полприща и вскорѣ напелъ его, къ величайшему изумленію и негодованію либеральной партіи, которая разчитывала удержать его въ своихъ рядахъ: прежній яростный демагогъ, за тѣмъ поборникъ конституціонныхъ учрежденій, переходитъ въ католицизмъ и является однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Римскаго двора. И это отнюдь не было ни расчетомъ, ни увлеченіемъ съ его стороны, а вытекало какъ нельзя болѣе естественно изъ его натуры. Подобно многимъ людямъ, которые въ короткое время пережили очень много и не находили отвѣта на тревожившіе ихъ вопросы, онъ искалъ успокоенія въ религіи, но протестантизмъ не удовлетворялъ его; признаки сильнаго мистическаго направленія обнаруживались еще гораздо ранѣе во всемъ что писалъ онъ, даже въ ученыхъ его сочиненіяхъ, которыя преимущественно отличаются тѣмъ, что онъ давалъ въ нихъ широкую волю своей фантазіи. Извѣстно что католическая церковь пользуется для своихъ цѣлей самыми разнообразными орудіями, что люди не имѣющіе повидимому ничего общаго по своимъ тенденціямъ способны дѣйствовать заодно въ ея рядахъ и Гёрресъ какъ нельзя лучше испыталъ на себѣ это удобство. Онъ шелъ къ католицизму тѣмъ же самымъ путемъ, который привелъ къ нему Шлегеля, а именно путемъ крайне романтическаго настроенія. „Романтиковъ, говоритъ Гервинусъ, особенно радовала возможность примирять самыя рѣзкія противорѣчія: одновременно были они поборниками либерализма и обскурантизма; старались соединить утонченное пониманіе древности съ поклоненіемъ средневѣковому варварству; обнаруживали готовность жить

подъ открытымъ небомъ съ древними и въ мрачныхъ кельяхъ со средневѣковыми монахами; увѣряли себя что только и мечтаютъ о красотѣ природы и искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ относились съ величайшимъ презрѣніемъ къ дѣйствительному міру.“ Если романтизмъ оказывалъ эту услугу Гёрресу, то, становясь католикомъ онъ могъ утѣшать себя что въ сущности не измѣняетъ ни одному изъ прежнихъ своихъ убѣжденій, а пріобрѣтаетъ лишь возможность служить имъ съ большимъ чѣмъ когда-нибудь усердіемъ. Его занимала мысль о томъ чтобы остаться такимъ же лоборникомъ народныхъ правъ какимъ былъ онъ прежде, вести упорную борьбу съ Прусскимъ правительствомъ, которое не оказало ему ни малѣйшей пощады, и отстаивать противъ него интересы своей родины, Прирейнскихъ провинцій, гдѣ католицизмъ имѣлъ одну изъ главныхъ своихъ опоръ: все это надѣялся онъ исполнить подъ покровомъ могущественнаго авторитета Римскаго престола. Гёрресъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ ту точку зрѣнія, на которую становился онъ, перемѣняя свои вѣрованія: „Среди нынѣшняго времени хочу я быть средневѣковымъ католикомъ, когда протестантизмъ еще не выдѣлился изъ католицизма, когда вѣра и знаніе были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ... Католическая іерархія дорога мнѣ, потому что въ теперешнюю эпоху представляется она единственною силой, которая можетъ противопоставить оплотъ монархической власти...“ Въ словахъ этихъ слышится прежній демагогъ, и такимъ дѣйствительно оставался Гёрресъ до конца, служа однимъ изъ борцовъ Клерикальной партіи. Для Пруссіи Римскій дворъ нуждался именно въ такомъ человѣкѣ. Демократическая подкладка Гёрреса была бы не пригодна въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ, но она представлялась далеко не излишнею въ виду распрей, которыя не замедлили возникнуть между Римомъ и Берлиномъ.

Исторія этихъ распрей, воспоминаніе о которыхъ было какъ нельзя болѣе живо вызвано теперешними церковными событіями въ Германіи, породила цѣлую литературу. Мы видимъ что положеніе католической церкви въ этой странѣ было вовсе не таково чтобы давать поводъ къ основательнымъ жалобамъ съ ея стороны. Послѣ 1815 года папская власть съ большимъ искусствомъ пользовалась благоприятными для нея обстоятельствами. Подъ вліяніемъ только

что пережитыхъ ими переворотовъ правительство заботилось главнымъ образомъ о томъ чтобъ установить у себя по возможности прочный порядокъ вещей, а такъ какъ католическая церковь, по мнѣнію ихъ, могла оказать особенно надежное содѣйствіе при достиженіи этой цѣли, то они и не считали удобнымъ противиться слишкомъ рѣзко ея притязаніямъ. Немногочисленная партія, во главѣ коей стоялъ баронъ Вессенбергъ, предлагала учредить въ Германіи такъ-называемую національную католическую церковь, нѣчто въ родѣ патріархата, поставивъ его въ почти независимыя отношенія къ Риму, но мысль эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Второстепенныя государства знали очень хорошо что при подобной организаціи церкви примасомъ ея сдѣлается какой-либо изъ членовъ Габсбургскаго дома, а это облегчитъ Австріи возможность вмѣшиваться во внутреннія ихъ дѣла; они послѣдили заключить конкордаты съ папой. Отъ соглашенія съ нимъ не уклонилась и протестантская Пруссія: здѣсь весьма вліятельный кружокъ правительственныхъ лицъ, во главѣ коего находились министръ Альтештейнъ и знаменитый историкъ Нибуръ, поглощенъ былъ заботой о томъ чтобы соединить всѣ консервативныя силы противъ демона революціи и готовъ былъ на самыя широкія уступки Риму, коему не удалось осуществить вполнѣ свою программу. Фридрихъ Вильгельмъ III не рѣшился заключить формальный конкордатъ съ папскою властью, но вступилъ съ нею въ соглашеніе все-таки въ высшей степени выгодное для нея: онъ удерживалъ за собою право назначать епископовъ въ восточныхъ провинціяхъ, а въ провинціяхъ западныхъ архіепископы и епископы (Кёльнскій, Мюнстерскій, Трирскій, Падерборнскій) должны были избираться церковными капитулами, впрочемъ не иначе какъ заручившись одобреніемъ короля. Папѣ предоставлено было по собственному его усмотрѣнію распредѣлять въ епархіяхъ приходы и правительство обязывалось обезпечивать ихъ содержаніе. Ничего болѣе нельзя было кажется и требовать отъ протестантской страны и католическая церковь могла быть вполнѣ довольна еслибы не одно соображеніе: она никогда не забывала что Пруссія—оплотъ протестантизма въ Германіи, что государство это призвано быть непримиримымъ ея антагонистомъ, а потому съ самаго начала всѣ ея дѣйствія отмѣнены были съ одной

стороны недовѣріемъ къ Прусскому правительству, а съ другой—желаніемъ воспользоваться временными благоприятными обстоятельствами и новыми захватами обезпечить свое положеніе въ будущемъ.

Столкновенія, и даже весьма сильныя, начались еще при жизни короля Фридриха-Вильгельма III. Поводомъ къ нимъ послужилъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Католическое духовенство отказывалось совершать ихъ иначе какъ подъ непремѣннымъ условіемъ чтобы дѣти отъ этихъ браковъ становились католиками; папа Пій VIII не считъ благоразумнымъ принять открыто сторону духовенства и въ 1830 году издалъ бреве довольно уклончиваго содержанія, а именно предписывавшее священникамъ объяснять невѣстамъ что вопросъ о вѣроисповѣданіи ихъ будущихъ дѣтей зависитъ отъ воли ихъ супруговъ что не слѣдовало бы вступать въ брачныя узы на подобныхъ условіяхъ; если же останутся онѣ непреклонны, то не отказывать въ совершеніи таинства. Такимъ образомъ установился довольно сносный *modus vivendi*, продолжавшійся до 1835 года: въ этомъ году предстояло назначить преемника умершему архіепископу Кельнскому Шлигелю и ко всеобщему изумленію правительство заявило что оно не откажетъ въ своемъ согласіи если выборъ падетъ на Дросте-Фишеринга, одного изъ самыхъ крайнихъ приверженцевъ ультрамонтанской партіи. Утверждаютъ будто самъ кардиналъ Ламбрусскини воскликнулъ въ разговорѣ съ прусскимъ посланникомъ что подобная мѣра была чистымъ безуміемъ. Случилось то чего и слѣдовало ожидать: новый архіепископъ тотчасъ же возбудилъ заглухнувшій было вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ и обнаружилъ въ этомъ вопросѣ такую запальчивость, такое непреклонное упорство что всякое соглашеніе съ нимъ оказалось невозможнымъ. Извѣстны послѣдствія этой борьбы: заключеніе въ крѣпость архіепископа Фишеринга, а также познанскаго епископа Мартина Дунина, вполнѣ усвоившаго его образъ дѣйствій; сильное волненіе въ Прирейнскихъ провинціяхъ, которое неоднократно приходилось усмирять вооруженною рукой; вмѣшательство въ эту распрю папы Григорія XVI, не считавшаго уже нужнымъ на этотъ разъ слѣдовать осторожной политикѣ его предшественника. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ вступилъ на Прусскій престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

За нѣсколько времени предъ тѣмъ Гёррестъ занялъ мѣсто профессора исторіи въ Мюнхенскомъ университетѣ: его склонилъ къ этому король Лудвигъ I, объ отношеніяхъ котораго къ нему, выражается его біографъ что они „давно уже носили другъ друга въ своемъ сердцѣ“. Царственный покровитель Гёрреса принадлежитъ конечно къ числу самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ явленій своего времени. Романтизмъ, подъ вліяніемъ котораго сложились всѣ его понятія, наклонности и симпатіи, отразился на немъ со всѣми своими привлекательными и темными сторонами. Прежде всего это была въ полномъ смыслѣ слова артистическая натура, человѣкъ для котораго не было въ мірѣ ничего выше искусства, который съ такою страстью отдавался этому призванію что нельзя ни на минуту сомнѣваться въ совершенной искренности восклицанія вырвавшагося у него въ одномъ изъ его стихотвореній: „всѣ сокровища отдалъ бы я за то чтобы быть не правителемъ государства, а гражданиномъ Эллады!“ Призванный съ ранней молодости участвовать въ политическихъ событіяхъ величайшей важности, онъ относится ловидимому съ горячимъ къ нимъ участіемъ лишь настолько насколько они говорили его фантазіи и ищеть предмета для художественныхъ образовъ даже тамъ гдѣ не было къ тому никакого повода. Баварскія войска напримѣръ принимали участіе въ походѣ Наполеона противъ Россіи; они потерпѣли жестокую участь—и Лудвигъ, бывшій тогда еще наслѣднымъ принцемъ, спѣшилъ воздвигнуть погибшимъ памятникъ со странною надписью: „И они также умерли за освобожденіе отечества“ (auch sie starben für des Vaterlandes Befreiung). Можно ли удивляться послѣ этого что еще прежде, во время самаго позорнаго униженія Германіи, онъ былъ поглощенъ мыслью о сооруженіи Валгаллы для прославленія германскихъ доблестей и величія: поразительный образецъ того, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчій находились его помыслы съ окружавшею его дѣйствительностью! Въ самый разгаръ переговоровъ о Парижскомъ мирѣ не утерпѣлъ онъ чтобы не съѣздить въ Лондонъ полюбоваться эльгинскими мраморами; на Вѣнскомъ конгрессѣ все его вниманіе сосредоточено на томъ чтобы купить одну рѣдкую греческую статую; первымъ побужденіемъ его при извѣстіи о Ватерлооской битвѣ было заказать монументъ Блюхеру; генералъ Гейдекъ

разказывалъ что въ битвѣ подъ Эмюлемъ насѣдѣнный привѣзъ подсказалъ къ нему и воскликнулъ: „съ моста открывается превосходный видъ на передвиженія войскъ; я уже поручилъ набросать мнѣ рисунокъ“, * Сдѣлавшись королемъ, Лудвигъ далъ полную волю поглощавшей его страсти: заветною его мечтой было сдѣлать Мюнхень средоточіемъ искусства, наполнить его образцовыми произведеніями живописи, скульптуры, такими зданіями, которыя были бы вполне достойны предназначенныхъ для нихъ сокровищъ и ему удалось какъ нельзя лучше достигнуть этой цѣли. „Вскорѣ, говоритъ Гервинусъ, — который отнюдь не принадлежалъ, замѣтимъ мимоходомъ, къ покровникамъ короля Лудвига—вниманіе всей Германіи сосредоточилось на Мюнхенѣ, на который даже иностранцы смотрѣли съ чувствомъ зависти: въ Англійскомъ парламентѣ было прямо высказано что правительству этой страны, при всѣхъ громадныхъ его средствахъ, не удалось сдѣлать и половины того что было сдѣлано для украшенія Баварской столицы... Король походилъ на хозяина какого-нибудь громаднаго магазина древностей и художественныхъ произведеній, зоркій взглядъ коего обращенъ всюду, который со всѣхъ концовъ получаетъ каталоги, посылаетъ своихъ агентовъ на аукціоны и имѣетъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ не разорился ли кто-либо изъ обладателей сокровищъ и нельзя ли приобрести эти сокровища по выгодной цѣнѣ.“ Стоитъ только прочесть его письма, помѣщенные у Гейделя, чтобы подивиться къ какимъ убѣжденіямъ, къ какимъ мольбамъ и страннымъ доводамъ прибѣгалъ онъ когда шло дѣло о томъ чтобы обогатить Мюнхень рѣдкою картиною или статуей. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ разчитывалъ онъ на возможность купить Св. Цецилію Рафаеля, находящуюся въ Болоннѣ. „Скажите папѣ—читаемъ мы въ письмѣ его къ Баварскому посланнику при Римскомъ дворѣ — что когда Болонцы возмущались противъ него, то они уступили бы мнѣ картину, ибо вслѣдствіе низверженія правительства она сдѣлалась собственностью города, но я не хотѣлъ вступать въ сдѣлку съ ними, не хотѣлъ чтобы мои деньги перешли въ

* Всѣ эти подробности заимствованы изъ весьма обстоятельной, хотя далеко не безпристрастной монографіи Гейделя: „Ludwig I, König von Baiern“, 1872.

ихъ карманы и послужили имъ средствомъ для продолженія борьбы; да и вообще вы можете покуситься выставить на видъ всегдѣшнее мое рвеніе на пользу нашей святой религіи, за которое я подвергался столькимъ озлобленнымъ выходкамъ....“ Король Лудвигъ имѣлъ полное право гордиться что главная задача, которой онъ посвящалъ свою жизнь, была выполнена имъ съ блестящимъ успѣхомъ: его имя должно занимать почетное мѣсто въ исторіи развитія искусства въ текущемъ столѣтіи.

Онъ былъ однако не просто артистъ, но артистъ на престолѣ и къ сожалѣнію богатая его фантазія царяла даже въ области государственнаго управленія. Трудно было бы отыскать единство въ его дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ: съ одной стороны національное чувство было ему присуще кажется болѣе чѣмъ кому-либо изъ другихъ германскихъ государей, онъ не переставалъ толковать о славіи и величіи Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ относился враждебно къ проявлявшимся въ обществѣ стремленіямъ, имѣвшимъ цѣлю вывести Германію изъ ея политическаго упадка; онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ попытку Грековъ освободиться изъ-подъ мусульманскаго ига, но еще болѣе плѣнялся мыслью возбудить въ Европѣ мысль о крестовомъ походѣ для освобожденія Іерусалима; хотѣлъ быть покровителемъ науки, много заботился о Мюнхенскомъ университетѣ, и подчинялъ всѣ школы католическому духовенству; самымъ ревностнымъ образомъ возстановлялъ ихъ старинные духовные орденъ и это главнымъ образомъ потому что онъ надѣялся видѣть ихъ такими какими они были въ Средніе Вѣка, когда напримѣръ монастыри Бенедиктинцевъ служили средоточіемъ ученой дѣятельности и высокихъ христіанскихъ добродетелей. По словамъ короля Лудвига ничего не было такъ дорого ему какъ уваженіе къ исторически сложившимся формамъ государственной и общественной жизни, но въ сущности это уваженіе—чувство въ высшей степени почтенное—переходило у него непрерывно въ инстинктивное отвращеніе къ новымъ требованіямъ времени и въ желаніе вызвать къ жизни то что уже давно было обречено на смерть. Отсюда проистекалъ тотъ разладъ, которымъ отмѣчена политика Баварскаго правительства тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Король собиралъ сокровища искусства, возстановлялъ старинные монастыри и церкви,

окружалъ необычайнымъ блескомъ католическія процессіи и горько соболъзновалъ о томъ что окружавшая его среда оставалась равнодушною или даже враждебною къ его звѣтнымъ помысламъ. „Одинъ изъ мудрецовъ *Сто одной ночи*, говоритъ онъ въ письмѣ къ Корнеліусу, воскликнулъ что онъ очень хорошо понимаетъ пользу луны, ибо луна свѣтитъ ночью, но что для него совершенно непонятно зачѣмъ среди свѣтлаго дня появляется на небѣ солнце. Не похожи ли на этого мудреца люди которые считаютъ бесполезнымъ все то чтò я дѣлаю для искусства? Увы, нужно примириться съ мыслью что для огромнаго большинства кружка лива будетъ всегда дороже лучшаго изъ художественныхъ произведеній.“ Замѣчаніе это вполнѣ справедливо, но тѣмъ удивительнѣе что король Лудвигъ не признавалъ сколько было искусственного въ томъ направленіи, которымъ исключительно отличалась его дѣятельность.

Въ натурѣ Лудвига было много сходнаго съ другимъ германскимъ государемъ, который былъ призванъ играть гораздо болѣе видную роль, мы говоримъ о королѣ Прусскомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. То была въ высшей степени даровитая и блестящая личность, которой не суждено было однако достигнуть никакихъ положительныхъ и прочныхъ результатовъ. И Фридриха-Вильгельма не безъ основанія упрекали въ томъ что идеалы свои онъ искалъ въ давно минувшихъ временахъ, что умъ его любилъ витать среди готическихъ соборовъ и рыцарскихъ замковъ. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ средневѣковаго феодальнаго государства, въ которомъ, по твердому его убѣжденію, каждому отведено было подобающее ему мѣсто, въ которомъ общественная жизнь была не только своеобразнѣе, не только отличалась болѣе яркимъ колоритомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была и несравненно счастливѣе чѣмъ въ нашу эпоху революціонныхъ переворотовъ, соціальной нивелировки и утилитарныхъ стремленій. Мысль объ объединеніи Германіи, о болѣе славной для нея роли, никогда не покидала его, но съ одной стороны, онъ самъ хотѣлъ руководить этимъ дѣломъ, а съ другой, никакъ не мирился съ тѣмъ чтобы выставить враждебно противъ Габсбургскаго дома, съ которымъ было связано столько историческихъ преданій, а болѣе всего устрашало его предоставить при этомъ какое-нибудь участіе общественной инициативѣ. „Его душа, гово-

рить Ранке, * была наполнена живыми образами славной, отдаленной древности. Ему казалось совершенно возможнымъ возстановить санъ Римскаго императора, который всегда считался почетнѣйшимъ во всемъ мѣрѣ, и предоста- вить этотъ санъ непременно Австрійскому монарху, кото- рый, удовлетворившись имъ, отказался бы отъ вниматель- ства во внутреннія германскія дѣла: вотъ луть которымъ онъ надѣялся совмѣстить воспоминанія о прошедшемъ съ современными требованіями. Собственное же его честолюбіе было бы удовлетворено тѣмъ еслибы при особѣ императора облеченъ былъ онъ властью короля всей Германіи: счастли- вымъ почелъ бы онъ себя еслибы для избранія такого рода собрались во франкфуртской церкви Св. Вареоламея цар- ствующіе государи — внизу, а князья на хорахъ и еслибы имя его было провозглашено при восклицаніяхъ несмѣтной толпы народа.“ Но блаженная эта минута не наступала, а въ ожиданіи ея Фридрихъ-Вильгельмъ занимался предпріяті- ями, которыя онъ истолковывалъ въ смыслѣ своей любимой идеи, но на которыя другіе отказывались смотрѣть его гла- зами. Извѣстно какое важное значеніе придавалъ онъ до- вершенію зданія Кёльнскаго собора: по собственнымъ его словамъ, эта постройка должнаствовала служить „символомъ германскаго единства, братскаго согласія всѣхъ правителей, исповѣданій и племенъ“. Но общество оставалось равно- душнымъ: оно не способно было лѣняться осуществлені- емъ своихъ стремленій только въ области архитектуры. Въ послѣдствіи результатомъ страшнаго потрясенія, которому подверглась вся Германія, было то, что Имперская корона была предложена Фридриху-Вильгельму, но онъ отвернулся отъ нея потому что этотъ актъ народной воли былъ выра- женіемъ слишкомъ ненавистныхъ ему современныхъ идей. Если таковъ былъ его образъ дѣйствій въ вопросѣ объ обще- щегерманскомъ устройствѣ, то не менѣ фантазіи вносилъ онъ и во внутреннее управленіе своимъ государствомъ. На- прасно Бунзенъ, связанный съ королемъ узами старинной дружбы и говорившій съ нимъ откровеннымъ языкомъ, пи- салъ ему: „Вамъ слѣдуетъ остерегаться чтобы не смотрѣли на васъ только какъ на цѣнителя антиковъ, но быть зако- нодателемъ и правителемъ той эпохи, въ которую вы при-

* *Aus dem Briefwechsel F. W. IV mit Bunsen, 204.*

званы дѣйствовать.“ Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ преодолѣть мысли что все совершившееся съ XVIII вѣка было, по его словамъ, не болѣе какъ „нравственною холерой.“ Даже Ранке, столь осторожный въ своихъ приговорахъ и отличающійся столь объективными воззрѣніями, замѣчаетъ объ его планахъ: „Всѣ они выражались въ формахъ, въ которыхъ фантазія и преклоненіе предъ стариной занимали такое важное мѣсто что основная мысль ихъ оставалась совершенно недосыгаемою для современниковъ.“

Въ одномъ только, а именно въ вопросахъ религіозныхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV отличался строгою послѣдовательностью. Его идеаломъ было христіанское государство и онъ оставался неизмѣнно вѣренъ этому идеалу въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ когда осуществить его представлялось дѣломъ далеко не легкимъ. Не забудемъ что въ XVIII вѣкѣ образовался глубокій разладъ между умственнымъ развитіемъ высшихъ классовъ общества и духовными потребностями массы народа,—и протестантизмъ долгое время сознавалъ свое безсиліе примирить его; въ началѣ нынѣшняго столѣтія предпринята была имъ попытка въ этомъ смыслѣ; Шлейермахеръ положилъ начало сильному движенію въ области теологіи, но не прошло много времени какъ слабыя стороны этой новѣйшей созданной имъ теологіи обнаружились какъ нельзя болѣе ясно. Съ одной стороны справедливо упрекали ее что возникши въ кабинетахъ ученыхъ, обращаясь преимущественно къ избранному кругу образованнаго общества, она слишкомъ отличалась философскими тонкостями и не говорила ничего ни уму, ни сердцу народа; съ другой стороны Шлейермахеръ окончательнo потрясъ принципъ авторитета, который и безъ того уже не былъ силенъ въ протестантизмѣ и замѣнилъ его принципомъ безграничной свободы. Главною его задачей было какъ можно болѣе примѣнить теологію къ современнымъ идеямъ, умалить ту черту, которая отдѣляетъ ее отъ свѣтской науки; для критическаго изслѣдованія былъ открытъ самый широкій просторъ и подъ вліяніемъ его теологія все болѣе и болѣе стала утрачивать всякое положительное содержаніе, такъ что въ виду нѣкоторыхъ школъ, порожденныхъ ею, невольно рождался вопросъ, почему называется она христіанскою, когда не задумывалась отрицать даже самые основные догматы христіанства? Тщеты были

однако ея надежды что этими уступками рационализму она примиритъ его съ собою, что образуется тѣсный союзъ между нею и господствовавшимъ тогда философскимъ направлениемъ.. Нужно только послушать съ какою злою ироніей отзывался напимѣръ Штраусъ объ этихъ несбыточныхъ мечтахъ: „Казалось, говорилъ онъ, что распря между религіей и философіей положенъ былъ конецъ и что долженъ возникнуть новый порядокъ вещей, при которомъ волки будутъ жить въ тѣсной дружбѣ съ овцами, а леопарды съ козлами. Протестантская церковь не задумывалась выдать свѣтской мудрости аттестатъ въ благонамѣренности и приглашала свою паству относиться къ ней какъ можно снисходительнѣе; богословы различныхъ школъ безъ боязни позволяли змѣю сомнѣнія ползать по груди своей и вокругъ своей головы, разчитывая что у нихъ есть талисманъ, которыми они могутъ сдѣлать его безвреднымъ....“ Богословское движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, не встрѣчало ни малѣйшаго сочувствія со стороны Фридриха-Вильгельма; онъ сознавалъ необходимость противопоставить ему точно опредѣленные догматы, прочныя церковныя учрежденія и не переставалъ дѣйствовать въ этомъ духѣ, опираясь на довольно многочисленную партію, главный недостатокъ коей заключался въ томъ что она слишкомъ смѣшивала интересы религіозные съ интересами политическими и являлась орудіемъ господствовавшей тогда реакціи въ правительственныхъ сферахъ. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить что намѣренія и дѣйствія Фридриха-Вильгельма въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ подвергались самымъ превратнымъ толкованіямъ? И затѣмъ еслибы по крайней мѣрѣ здѣсь сдерживалъ онъ лорывы своей роскошной фантазіи! Но нѣтъ, до какой степени давалъ онъ ей волю, видно изъ задуманнаго имъ въ 1841 году плана учредить англо-прусскую епископію въ Іерусалимѣ. Извѣстно что въ то время только-что миновалъ опасный кризисъ на Востоку; европейскія державы оградилъ султана отъ разгрома, которымъ угрожалъ ему египетскій его вассалъ; для всякаго было ясно что Англія, игравшая при этомъ главную роль, заботилась объ интересахъ мусульманскаго владычества, но Фридрихъ-Вильгельмъ IV непремѣнно хотѣлъ истолковать совершившіяся событія въ смыслѣ торжества христіанства надъ Исламомъ, и Исламъ, познавшій на дѣлѣ могущество христіанской Европы, обя-

занъ былъ принести ей жертву, — отказаться въ ея пользу отъ обладанія Святыми Мѣстами. Этотъ проектъ короля возбудилъ однако лишь изумленіе, но за то Англія отнеслась весьма сочувственно къ мыслямъ Фридриха-Вильгельма — назначить по крайней мѣрѣ въ Іерусалимъ епископа который былъ бы представителемъ англиканской и евангелической церкви: государственные люди въ родѣ лорда Пальмерстона имѣли при этомъ въ виду чисто практическую цѣль: установить хотя въ чемъ-нибудь общность интересовъ между Пруссіей и своею страной по Восточному вопросу, но очевидно что соображенія такого рода не прижились на умѣ Прусскому королю.

Конечно, не отъ такого государя могла католическая церковь ожидать какихъ-либо для себя преслѣдованій. Онъ былъ исполненъ глубокаго уваженія ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; онъ готовъ былъ предоставить католицизму полную свободу въ предѣлахъ своей страны, потому что, по собственному его выраженію, подобный образъ дѣйствій могъ только снискать благословеніе Божіе христіанскому государству. Первымъ его дѣломъ по вступленіи на престолъ было отправить графа Брюля для переговоровъ съ Римскимъ дворомъ и переговоры окончились какъ нельзя болѣе благопріятно для Рима: распря, вызванная вопросомъ о смѣшанныхъ бракахъ, окончилась тѣмъ что папа отказался требовать возвращенія въ Кёльцъ Дросте-Фишеринга, назначилъ на его мѣсто архіепископомъ Кёльнскимъ Гейсселя, но за то король съ своей стороны сдѣлалъ важныя уступки по самому существу дѣла: онъ разрѣшилъ непосредственныя сношенія между католическими епископами и римскою куріей и отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ прерогативъ при замѣщеніи посредствомъ выборовъ епископскихъ кафедръ. Въ 1844 году возникло въ Германіи сильное движеніе въ средѣ самого католицизма: духовенство въ Трирѣ выставило для поклоненія священную ризу, которую, по увѣренію его, носилъ Спаситель во время Своей земной жизни. Съ протестомъ противъ этого выступилъ католическій священникъ изъ Силезіи Іоганнъ Ронге, нашедшій ревностнаго союзника въ лицѣ другаго священника Черскаго. Имъ удалось образовать общину такъ-называемыхъ „германскихъ католиковъ“ (Deutschkatholiken), которая въ первое время — когда еще не вполне опредѣлился крайне демократическій

характеръ, сообщенный этому движенію его руководителями—начала разрастаться съ неудержимою быстротою, но Прусское правительство не оказывало ей ни малѣйшей поддержки и вовсе не думало усвоить относительно его такой же образъ дѣйствій, какому оно слѣдуетъ на нашихъ глазахъ относительно старо-католиковъ. Послѣ этого отнюдь не удивительно что когда извѣстный дипломатъ лордъ Гоутонъ (Houghton) обратился однажды къ государственному секретарю папы съ вопросомъ, какимъ образомъ могло бы Англійское правительство удовлетворить ирландскихъ католиковъ, то получилъ въ отвѣтъ: „установите у себя по церковнымъ дѣламъ такой же порядокъ вещей какой господствуетъ въ Пруссіи“.

Гёрресъ—мы опять-таки уклонились отъ разказа о его дѣятельности—не прекращалъ однако съ тѣхъ поръ какъ занялъ онъ кафедру профессора исторіи въ Мюнхенскомъ университетѣ своей запальчивой полемики противъ Пруссіи. Распря по поводу смѣшанныхъ браковъ, смута произведенная „германскими католиками“ и другія событія въ томъ же родѣ вызвали цѣлый рядъ брошюръ и даже весьма обширныхъ сочиненій съ его стороны; первое мѣсто между ними по таланту принадлежитъ книгѣ появившейся еще въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма III подъ заглавіемъ: *Athanasius*, онъ основалъ также католическій органъ *Historisch-politische Blätter*, который еще и теперь продолжаетъ оказывать важныя услуги ультрамонтанской партіи въ Германіи. Вездѣ въ произведеніяхъ его проходитъ одна и та же мысль: съ безпощадною ироніей возстаеъ онъ противъ современнаго понятія о государствѣ, въ которомъ религіозная терпимость была для него не болѣе какъ индиферентизмомъ и которое рано или поздно, какъ онъ былъ твердо убѣжденъ, должно будетъ вступить въ союзъ съ радикалами. Гёрресъ какъ бы предвидѣлъ ту участь которая ожидала въ Германіи католическую церковь. Онъ нападалъ на Пруссію именно потому что философско-раціональное направленіе, быстрое развитіе коего совпадаетъ съ его дѣятельностью, именно благодаря ей призвано, какъ ему казалось, одержать полную побѣду, слѣдовательно нападки его обращены были главнымъ образомъ противъ этого направленія, а оно со своей стороны платило ему столь же язвительною полемикой. Гёрресъ подавалъ къ

ней не мало поводов: онъ былъ дѣйствительно однимъ изъ яростныхъ представителей ультрамонтанства и вмѣстѣ съ тѣмъ мистицизмъ доводилъ его до поразительныхъ странностей. О характерѣ его лекцій можно судить потому что исторію дѣлил онъ только на слѣдующіе два періода: отъ потопа до реформациі XVI вѣка и отъ реформациі до нашихъ дней. Генрихъ Гейне, къ вѣщему удовольствію либеральной партіи постарался очертить его слѣдующимъ образомъ: „Гёрресъ служитъ главною опорой католической пропаганды въ Мюнхенѣ. Тамъ видѣлъ я его въ полномъ блескѣ его ладенія. Въ аудиторіи, наполненной по большей частіи католическими семинаристами, читалъ онъ лекціи о всеобщей исторіи и уже дошелъ до потопа. На какую печальную судьбу осуждены всѣ эти ненавистники Франціи: Гёрресу не остается ничего болѣе какъ ежегодно излагать исторію потопа предъ своею аудиторіей, которую можно назвать *Ecole polytechnique* обскурантизма! Въ лекціяхъ его, какъ и въ его книгахъ царитъ страшнѣйшая путаница, истинное Вавилонское столпотвореніе; видно что въ головѣ его сталкиваются, спорятъ одна съ другой, противорѣчатъ другъ другу тысячи самыхъ дикихъ мыслей и онъ рѣшительно не можетъ справиться съ ними; во временахъ пробуждаются въ немъ прежніе демагогическіе порывы и онъ дѣлаетъ на каедрѣ такіа странна движенія, говоритъ такимъ зловѣщимъ шепотомъ что точно видишь предъ собою тонзурированную гіенну (*eine tonsurirte Hyäne*)“.

Не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но какая поразительная перемѣна! Гейне, котораго читали съ такою жадностью, который одно время былъ полубогомъ либеральной партіи, совершенно утратилъ теперь свое прежнее обаяніе: ему не хотятъ простить ни его космополитизма, ни его воисторженнаго поклоненія предъ Франціей; напротивъ, если Гёрресъ и не заставилъ еще нѣмецкую публику примириться съ собою—до этого конечно далеко,—то все-таки чаще и чаще слышатся сочувственные о немъ отзывы. Ему выпало нѣкогда на долю служить однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ истолкователей національнаго чувства, онъ мечталъ о созданіи Германской имперіи, воѣмъ тѣ заслуги ради которыхъ прощается ему много. Правда, то рвеніе, съ которымъ Гёрресъ служилъ подъ конецъ дѣлу католицизма, не можетъ—особенно въ настоящее время—привлекать къ

нему симпатіи, но покаонники его памяти убѣждены что еслибы дожилъ онъ до нашихъ дней, то неминуемо освобо-
дился отъ этого, какъ выражаются они, временнаго заблуж-
денія. Въ этомъ нисколько не сомнѣвается между прочимъ
и его біографъ. Онъ говоритъ что Гёрресь по всему вѣро-
ятію послѣдовалъ бы примѣру своего сотоварища по Мюн-
хенскому университету, знаменитаго Дёлингера... Не рѣ-
шаемся судить что ожидало бы его впереди, но во всякомъ
случаѣ это былъ одинъ изъ видныхъ представителей ум-
ственного движенія Германіи въ первой половинѣ текущаго
столѣтія и неудивительно что имя его не забыто даже те-
перь, когда на первомъ планѣ стоятъ совершенно другіе
интересы.

Р.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856

Восточная война 1853—56. Сочиненіе генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича. Спб. 1876.

VI.

Прошло полгода со дня заятія нашими войсками Дунайскихъ Княжествъ и положеніе наше не только не улучшилось, но день ото дня становилось хуже и хуже; было ясно что дальнѣйшая потеря времени и нерѣшительность съ нашей стороны, въ виду образовавшагося тройственнаго союза, могли вызвать для насъ крайне неблагопріятныя послѣдствія, а потому волей-неволей приходилось дѣйствовать энергично.

Императоръ Николай, вѣрный первоначальному образу своихъ мыслей что только смѣлымъ движеніемъ можно достигнуть счастливыхъ результатовъ, думалъ совершить главную переправу около Виддина, отвлекая вниманіе Турокъ различными приготовленіями на нижнемъ Дунаѣ. Выгода этого плана заключалась въ перенесеніи театра военныхъ дѣйствій въ среду славянскихъ населеній, ожидавшихъ первой возможности приступить къ возстанію; а самая мысль

---

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣст.* № 4.

вполнѣ соотвѣтствовала первоначальному мнѣнію князя Паскевича, желавшаго опереться на сочувственныя намъ племена. Къ крайнему удивленію, планъ этотъ, какъ впрочемъ и всѣ планы покойнаго императора въ Восточную войну, не былъ одобренъ его ближайшими совѣтниками и руководителями дѣла. Фельдмаршалъ Паскевичъ, которому государь сообщилъ свои предположенія по этому предмету, признавая мысль переправы у Виддина новою и блестящею, считалъ невозможнымъ привести ее въ исполненіе ранѣе весны, какъ по недостатку лодожнаго корма, такъ и по трудности перевозки зимой на отдаленный правый флангъ осадной артиллеріи, а также продовольственныхъ и военныхъ запасовъ. Но дабы не потерять зимнихъ мѣсяцевъ въ бездѣйствиіи фельдмаршалъ предлагалъ за это время воспользоваться теченіемъ Дуная какъ главнымъ путемъ для доставки нашихъ транспортовъ къ центру и правому флангу; онъ совѣтовалъ заготовить въ Измаилѣ всѣ военные и продовольственные запасы, нагрузить ихъ на суда Дунайской флотиліи, изготовить пловучій мостъ и выждать прибытія резервовъ, а затѣмъ уже между 1го и 15го февраля перейти съ сильнымъ корпусомъ на правый берегъ Дуная и двигаться вверхъ по теченію рѣки наравнѣ съ флотиліей, постепенно забирая рядъ турецкихъ крѣпостей и оставляя въ нихъ соотвѣтствующіе гарнизоны. Этимъ способомъ фельдмаршалъ разсчитывалъ совершенно очистить правый берегъ Дуная, подвинуться со всѣми запасами къ Малой Валахіи и около 15го апрѣля открыть кампанію со стороны Виддина по предназначенному плану. Несмотря на многосложность этого плана, несмотря на очевидную трудность предсказать заранѣе его результаты, онъ все-таки заключалъ въ себѣ стремленіе впередъ и потому болѣе соотвѣтствовалъ настроенію государя, чѣмъ отличавшійся осторожностью проектъ князя Горчакова. Князь Горчаковъ опасаясь рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій находилъ рискованнымъ форсировать переправу на нижнемъ Дунаѣ; по его мнѣнію Турки могли воспользоваться нашимъ движеніемъ и двинувшись въ свою очередь отъ Силистріи и Рущука съ арміей болѣе восьмидесяти тысячъ человекъ занять у насъ въ тылу слабо обороняемую Валахію; вообще, по мнѣнію князя Горчакова, устройство мостовъ на Дунаѣ было крайне затруднительно, а предпринимать какія-либо важныя дѣйствія

пока не просохнутъ дороги и не появится подножный кормъ, то-есть до половины или конца апрѣля, въ тамошнемъ краю невозможно. Поэтому князь Горчаковъ полагалъ главнымъ образомъ удовольствоваться обороной Малеѣ Валахи; заняться устройствомъ моста у Галаца, съ тѣмъ чтобы ранею весной сдѣлать демонстрацію на одномъ изъ удобныхъ пунктовъ нижняго Дуная и смотря по обстоятельствамъ совершить дѣйствительную переправу, а если можно то и овладѣть Тульчей, Исакчей, Мачиномъ и Гирсовымъ, наконецъ, избравъ удобнѣйшее время, перейти Дунай выше Руцука, для дѣйствій въ западной Болгаріи. „Я полагаю, писалъ Горчаковъ, что можно будетъ предпринять осаду Руцука и взять эту крѣпость. Зимовать же войскамъ можно въ западной Болгаріи, гдѣ стоянка ихъ будетъ имѣть самое выгодное вліяніе на возстаніе православыхъ племенъ“. Вместе съ тѣмъ однако князь Горчаковъ сознавалъ всю трудность переправы чрезъ Дунай въ особенности выше Руцука, въ виду построенныхъ Турками батарей и укрѣпленій противъ устья рѣкъ Ольты и Жю. Проектъ князя Горчакова, по волѣ государя, былъ переданъ на разсмотрѣніе фельдмаршала; такимъ образомъ въ то самое время когда должно было перейти къ наступленію не было даже выработаннаго плана, а обилие мыслей по этому поводу замедлялся разстояніемъ между Петербургомъ, Варшавой и Букурештомъ. Фельдмаршалъ во многомъ не соглашался съ княземъ Горчаковымъ; опровергая его по пунктамъ и возвращаясь къ своимъ предположеніямъ онъ писалъ между прочимъ: „Полагаю что переправа займетъ два или три дня, взятіе Исаки—четыре или пять дней, до Мачина—два марша, взятіе Мачина—три дня, до Гирсова—три марша, взятіе Гирсова—пять дней: всего 24 или 25 дней. Слѣдовательно около 15го или 20го марта можемъ быть подъ Силистріей“. Далѣе фельдмаршалъ полагалъ подходя къ Силистріи начинать осаду немедленно и думалъ что если ничто не помѣшаетъ, то Силистрія можетъ быть взята въ три недѣли; допуская однако вѣроятность что Турки для защиты Силистріи соберутъ всю свою армію и вычисляя къ тому времени наши силы въ 85 тысячъ человекъ, фельдмаршалъ находилъ совершенно возможнымъ уничтожить Турецкую армію, но совѣтовалъ не увлекаться успѣхомъ, а имѣть постоянно въ виду главный предметъ нашихъ дѣйствій, т.-е. правый

флангъ. Императоръ одобрилъ предположенія фельдмаршала и такимъ образомъ князь Горчаковъ поставленъ былъ въ необходимость приводить въ исполненіе планъ которому не только не сочувствовалъ, но который считалъ даже невозможнымъ.

Исполняя волю государя, князь Горчаковъ поручилъ генералу Лидерсу собрать свѣдѣнія о мѣстности и укрѣпленіяхъ по нижнему Дунаю; что и выполнено было послѣднимъ весьма обстоятельно, причемъ генералъ Лидерсъ указалъ на Браиловъ какъ на лучший пунктъ для переправы. Одобривъ это мнѣніе, князь Горчаковъ однако, чтобы привлечь вниманіе Турокъ, предпочелъ устроить одновременную переправу на трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ, а чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли продолжалъ демонстраціи по всему занимаемому русскими войсками пространству Дуная. Основательное намѣреніе князя Горчакова затруднялось тѣмъ что съ нашей стороны заготовленъ былъ только одинъ мостъ въ Галацѣ, но искусный инженерный генералъ Шильдеръ нашелъ возможнымъ съ помощью мѣстныхъ средствъ построить два моста, въ Галацѣ и Браиловѣ. Къ исходу февраля уже оканчивались всѣ необходимыя приготовленія и въ виду настойчиваго желанія государя чтобы переправа была совершена въ началѣ марта, приступлено къ передвиженію войскъ согласно установленнаго плана. Всѣ войска предназначенныя для переправы были раздѣлены на три отряда и сосредоточились въ слѣдующемъ порядкѣ: 1й отрядъ въ Браиловѣ, подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова; второй въ Галацѣ, подъ начальствомъ генерала Лидерса, и третій въ Измаилѣ, подъ командой генерала - лейтенанта Ушакова. Всѣхъ войскъ для переправы назначено было до сорока пяти тысячъ человекъ со 166 орудіями.

Въ виду особеннаго значенія этой переправы теперь, когда всѣ взоры вновь устремлены на тотъ же самый театръ военныхъ дѣйствій, считаемъ не безынтереснымъ привести нѣкоторыя топографическія подробности сообщаемыя генераломъ Богдановичемъ.

„Дунай на половинѣ разстоянія отъ Туртукая до Силистріи раздѣляется на два большіе рукава (не считая множества малыхъ, образующихъ мелкіе острова), и соединяясь въ одно русло у Гирсова течетъ оттуда опять двумя ши-

рокими рукавами до Браилова: правый называется Мачинскимъ, а лѣвый Браиловскимъ. Оба эти рукава судоходны. Браиловъ и Галацъ избраны были для переправы нашихъ войскъ потому что между этими городами рѣка соединяется въ одно русло, и хотя по ширинѣ своей отъ 250 до 600 сажень требуетъ длиннаго моста, однакоже по господству лѣваго берега надъ правымъ наши батареи могли удобно обстрѣливать противоположную сторону рѣки; къ тому же мы надѣялись найти въ Браиловѣ и Галацѣ нужныя для дополненія нашихъ средствъ при постройкѣ мостовъ кирлаши и лодки. Пунктъ для переправы у Браилова былъ выбранъ очень удачно: входящій уголъ, образуемый теченіемъ Дуная ниже города и Мачинскимъ рукавомъ, способствовалъ сосредоточенному обстрѣливанію праваго берега съ батарей лѣваго и острова Бындоя; подъ прикрытіемъ огня ихъ, предварительно высаженная небольшая часть лѣхоты могла удерживаться въ ожиданіи переправы прочихъ войскъ. Переправа у Галаца не представляла такихъ выгодъ, и даже сопряжена была съ неудобствомъ движенія къ селенію Гарванъ, по крутому подъему на значительную высоту. Но за то непріятель вовсе не ожидалъ чтобы мы стали переправляться на этомъ пунктѣ. Для переправы же отряда генералъ-лейтенанта Ушакова, отъ Измаила, избрано мѣсто въ полтора верстѣ выше мыса Четала, гдѣ рѣка суживается до 120 сажень...

Переправу на всѣхъ трехъ пунктахъ предполагалось произвести одновременно 10го марта, но по причинѣ бурной погоды и утомленія войскъ она была отложена до слѣдующаго дня. Между тѣмъ съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ дѣйствительныхъ пунктовъ переправы, 9го марта былъ посланъ къ Гирсову отрядъ, подъ начальствомъ полковника Зурова, которому предписано было произвести сильную демонстрацію. Зуровъ исполнилъ порученіе и счастливо отдѣлался, такъ какъ изъ отряда его не было ни одного человѣка.

11го марта въ четыре часа пополудни, послѣ усиленной канонады со всѣхъ нашихъ батарей построенныхъ у Браилова и на островѣ Бындоя, приступлено было въ этомъ мѣстѣ къ форсированію переправы. Посаженный на суда десантъ подъ командой бывшаго начальника штаба Дунайской арміи генералъ-адъютанта Коцебу благополучно достигъ

противоположнаго берега, гдѣ и утвердился. Подъ прикрытіемъ десанта приступлено было къ наводкѣ моста, но сильный напоръ воды при противномъ вѣтрѣ замедлялъ работы, а потому къ десанту на судахъ же высылались подкрѣпленія. Непріятель, не прелятствовавшій первоначальной переправѣ генерала Коцебу, замѣтивъ работы по наводкѣ моста, направилъ противъ этого пункта огонь изъ двухъ орудій главной береговой батареи, которую не удалось сбить нашей артиллеріи, и продолжалъ огонь до самой ночи по войскамъ картечью, а по работамъ предмостнаго укрѣпленія и по мосту ядрами; кромѣ того Турки скрываясь за ложементами два раза открывали батальный огонь, не причинившій намъ никакого вреда. Съ наступленіемъ ночи, пользуясь темнотой, неприятель окончательно очистилъ свои батареи и отступилъ по дорогѣ къ Мачину; такимъ образомъ у Браилова успѣхъ переправы былъ обезпеченъ совершенно и достался намъ цѣной незначительныхъ потерь въ десантномъ отрядѣ.

Немного ранѣ князя Горчакова, а именно на разсвѣтѣ 11го марта, генералъ-адъютантъ. Лидерсъ приступилъ къ переправѣ вѣреннаго ему отряда у Галаца. Здѣсь также какъ и у Браилова наводка моста была замедлена по причинѣ сильного вѣтра, а потому войска принуждены были переправляться на пароходѣ *Ординареуцъ*, лодкахъ и кирасахъ. Непріятель не ожидавшій насъ въ этомъ пунктѣ не принялъ никакихъ мѣръ для обороны и переправа совершилась безпрепятственно. Выждавъ наводку моста, который былъ окончательно изготовленъ только 13го марта, и переправивъ тяжести, генералъ Лидерсъ немедленно открылъ сообщеніе съ Браиловскимъ отрядомъ, двигавшимся къ Мачину.

Труднѣе всѣхъ обошлась переправа отряду генералъ-лейтенанта Ушакова: двигаясь по направленію отъ Измаила въ томъ мѣстѣ гдѣ Дунай раздѣляется на два рукава, Килийскій и Мачинскій, Ушаковъ, подъ прикрытіемъ нашей рѣчной флотиліи, собралъ отъ жителей сто сорокъ семь лодокъ и четыре паромы для перевозки десанта; несмотря на принятые мѣры съ цѣлью по возможности отвлечь вниманіе Турокъ, движеніе нашихъ судовъ было въ самомъ началѣ замѣчено съ неприяТЕЛЬСКИХЪ батарей, которыя и открыли по нимъ огонь, но безъ вреда для двигавшихся лодокъ. Въ

одиннадцать съ половиной часовъ утра вышли на непріятельскій берегъ первая части десанта и постепенно усиливались вновь прибывающими войсками. Между тѣмъ Турки рѣшились обороняться въ укрѣпленіяхъ Тульчи прикрытыхъ съ фронта Сомовымъ Гирломъ Дуная. Генералъ Ушаковъ дабы обезпечить переправу рѣшилъ взять открытою силой непріятельскія укрѣпленія, что и было исполнено послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ приступовъ къ 9¹/₂ часамъ вечера. Потери наши въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ были весьма значительны, простираясь до 759 человекъ убитыми и ранеными, но за то геройскій штурмъ укрѣпленій навелъ ланчикскій страхъ на Турокъ, которые торопливо бросили свои позиціи у Тульчи, Исакии и Сатуновской лаптины.

Блестательный результатъ переправы, которую еще не задолго до того самъ князь Горчаковъ считалъ невозможною, и торопливое отступленіе Турокъ, очистившихъ Бабадагскую область, открывали намъ свободный путь къ Силистріи, въ то время слабо обороняемой двѣнадцатитысячнымъ гарнизономъ, но какой-то нелостижимый фатумъ тяготѣлъ надъ всѣми нашими дѣйствіями. Весьма вѣроятно что увлеченный легко доставшимся успѣхомъ князь Горчаковъ и рѣшился бы на наступленіе, еслибы въ самый день совершенія переправы не прибылъ курьеръ изъ Варшавы отъ князя Паскевича. Фельдмаршалъ предписывалъ *не переходить* за Дунай, „а если переправа совершена, то не двигаться далѣе Мачина, вывести войска изъ Малой Валахи и немедленно приступить къ вывозу раненыхъ и больныхъ, а также всѣхъ излишнихъ тяжестей, изъ Княжества въ Бессарабію и въ губерніи Подольскую, Киевскую и Херсонскую.“ Предписаніе это, вызванное опасеніями двусмысленнаго поведенія Австріи, конечно, поколебало нерѣшительнаго князя Горчакова; привыкнувъ ловиноваться фельдмаршалу безпрекословно, онъ не могъ по свойству своего характера взять на себя тяжелой отвѣтственности, а потому по занятіи Мачина въ тотъ же день вернулся въ Браиловъ, а на другой, 15го марта, уѣхалъ въ Букурештъ.

Во время пребыванія князя Горчакова въ Браиловъ, имъ получено было донесеніе объ очищеніи Турками Гирсова. Князь Горчаковъ хотя и колебался въ виду категорическаго приказанія фельдмаршала, однако въ виду представленныхъ ему выгодъ разрѣшилъ отряду Зурова занять

оставленный Турками городъ и даже приказалъ соединеннымъ отрядамъ Браиловскому и Галацкому, подъ общимъ начальствомъ генерала Лидерса, двинуться въ томъ же направленіи; оставалось только продолжить наступленіе къ Силистріи на какихъ-нибудь двѣнадцать переходовъ—но этого уже не могъ принять на себя князь Горчаковъ, ожидавшій къ тому же пріѣзда самого фельдмаршала.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Дунаѣ, когда къ арміи прибылъ новый главнокомандующій, фельдмаршалъ князь Варшавскій, призванный замѣнить нерѣшительнаго и медлительнаго князя Горчакова. Казалось бы что съ назначеніемъ новаго главнокомандующаго, испытаннаго въ бояхъ и привычнаго повелѣвать, многое должно было измѣниться, а вслѣдствіе его проекты и тѣ маршруты которые онъ назначалъ своему предмѣстнику можно было разчитывать на дѣйствія энергичныя и рѣшительныя, но событія не оправдали такихъ предположеній.

Уже въ февралѣ мѣсяцъ вызванный въ Петербургъ князь Паскевичъ, ссылаясь на неблагонадежность Австріи, настойчиво защищалъ самый осторожный образъ дѣйствій, а по пріѣздѣ къ арміи, озабоченный делешами полученными имъ отъ нашего вѣнскаго посланника, прежде всего предписалъ отряду Липранди отступить къ Крайову, а генералу Лидерсу приказалъ подвинуться всего на два перехода къ Черноводамъ. Затѣмъ ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на нижнемъ Дунаѣ фельдмаршалъ писалъ государю что „въ случаѣ войны съ Австріей намъ невозможно держаться на Дунаѣ и въ Княжествахъ, и потому нельзя предпринять никакихъ наступательныхъ движеній до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи.“ Далѣе онъ выражалъ мнѣніе что „можетъ-быть лучше бѣ было очистить добровольно Княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами.“

Можно легко себѣ представить впечатлѣніе произведенное на покойнаго государя этимъ письмомъ; нетерпѣливо ожидая отрядныхъ донесеній, смѣнивъ главнокомандующаго и назначивъ своего любимца, онъ въ правѣ былъ ожидать отъ него если не утѣшительныхъ извѣстій, то по крайней мѣрѣ строгаго исполненія выраженной ему воли, а потому послѣ-

дующій отвѣтъ Императора служить яснымъ выраженіемъ не только наболѣвшей, но и негодующей души.

„Неужели, спрашивалъ Государь, появленіе флотовъ у Одессы, и даже потеря ея, ежели она должна послѣдовать, были не предвидены?.. Неужели появленіе какихъ то французскихъ партій съ артиллеріей у Кюстенджы, тогда какъ ихъ туда просить надобно чтобы навѣрно уничтожить? Право, стыдно и подумать. Итакъ, остается боязнь появленія Австрійцевъ. Дѣйствительно, могло бы быть дурно мѣсяцъ тому, когда мы были слабы, и войска, съ тѣмъ предвидѣніемъ приведенныя, не были еще на мѣстахъ. Но они уже тамъ. Да и нѣтъ никакихъ свѣдѣній чтобы подобное нападеніе готовилось теперь, а развѣ когда бы мы двинулись къ Балканамъ, чего мы и не затѣваемъ.... Словомъ, эта опасность дальняя и во многомъ измѣниться можетъ по нашимъ успѣхамъ. Между тѣмъ время дорого; мы положительно знаемъ что ни Французы, ни Англичане въ силахъ и устройствѣ не могутъ примкнуть къ Омеръ-пашѣ, развѣ какъ въ юнѣ. И при такихъ выгодныхъ данныхъ, мы все должны бросить даромъ, безъ причинъ, и воротиться со стыдомъ!!! Мнѣ право больно и писать подобное. Изъ сего ты положительно видишь что я отнюдь не согласенъ съ твоими странными предложеніями, а напротивъ, требую чтобы ты самымъ дѣятельнымъ образомъ исполнилъ свой прежній прекрасный планъ, не давая себя сбивать опасеніями, которыя ни на чемъ положительномъ не основаны. Здѣсь стыдъ и гибель, тамъ честь и слава! А буде бы Австрійцы измѣннически напали, разбей ихъ 4мъ корпусомъ и драгунами: станетъ и этого для нихъ. Ни слова больше: ничего прибавить не могу....“ Въ концѣ приписка: „Ожидая нетерпѣливо твоего донесенія что Лидерсъ подѣ Силистріей, и удалось ли устроить новую переправу, у Калараша. Ради Бога, не упускай драгоценнаго времени.“

Такого письма послушаться было невозможно; генералу Лидерсу приказано было подвигаться впередъ, но несочувствіе фельдмаршала къ наступленію сказалось въ медленномъ движеніи нашихъ войскъ; только 19го апрѣля перешелъ Лидерсъ съ главными силами къ Черноводамъ, гдѣ и простоялъ десять дней, а потомъ, тронувшись вверхъ по Дунаю, небольшими переходами подошелъ къ Силистріи 4го мая.

„Такимъ образомъ, говорить историкъ, потеряно было болѣе мѣсяца драгоцѣннаго времени. Этому обстоятельству должно, по всей справедливости, приписать неудачу нашихъ послѣдующихъ дѣйствій за Дунаемъ.“

Въ то время пока на нижнемъ Дунаѣ происходили вышеизложенныя событія, въ остальныхъ частяхъ Горчаковской арміи было болѣе или менѣе спокойно; только генералъ Липранди, расположенный въ Малой Валахиі, произвелъ усиленную рекогносцировку къ Калафату, да согласно приказанію главнокомандующаго генералъ Хрулевъ еще въ концѣ февраля занялъ позиціи по лѣвому берегу Дуная противъ Силистріи, гдѣ и возвелъ батареи предназначенныя обстрѣливать эту турецкую крѣпость. Здѣсь произошло удачное дѣло, въ которомъ Хрулевъ уничтожилъ попытку Турокъ переправиться съ значительными силами на нашу сторону, чѣмъ и обезпечилъ свое положеніе. Къ 30 апрѣля въ Калафатѣ сосредоточились значительныя силы въ составѣ 20³/₄ баталіоновъ, 14 эскадроновъ и трехъ казачьихъ сотенъ съ 72 пѣшими и 16 конными орудіями и кромѣ того прибыли: понтонный, осадный артиллерійскій и инженерный парки. Наконецъ одновременно съ прибытіемъ главныхъ войскъ генерала Лидерса приступлено къ наводкѣ моста черезъ рукавъ Дуная въ двухъ верстахъ выше селенія Острова и такимъ образомъ между двумя отрядами установилось сообщеніе.

Грустно было историку описывать послѣдующія событія, грустно слѣдить за его изложеніемъ. Исполнилась воля государя, многократно обсужденный планъ приводился въ исполненіе, но при какихъ условіяхъ? Вынужденный вопреки своему желанію начать осаду крѣпости, князь Варшавскій съ первыхъ же шаговъ показалъ всю неохоту, съ которою онъ приступалъ къ этому рискованному по его мнѣнію дѣлу. Болѣзненно опасаясь Австрійцевъ, ожидая постояннаго появленія Англо-Французской арміи на своемъ флангѣ, фельд-маршалъ, не вѣря въ успѣхъ, продолжалъ склонять государя къ осторожности. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать хорошихъ результатовъ. А между тѣмъ, какъ и оказалось въ послѣдствіи, Австрійцы не были еще готовы, а союзники выжидали подкрѣпленій.

Относительныя силы воюющихъ сторонъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ то время представлялись въ

слѣдующемъ видѣ: у Турокъ, за исключеніемъ собственно гарнизона въ Силистрію, простиравшагося въ началѣ осады до двѣнадцати тысячъ, а затѣмъ усиленнаго до восемнадцати тысячъ, считалось въ Шумлѣ сорокъ пять тысячъ, въ Варнѣ шесть тысячъ, въ Калафатѣ и Виддинѣ двадцать тысячъ и въ прочихъ укрѣпленныхъ пунктахъ на Дунаѣ около пятнадцати тысячъ человекъ. Съ нашей стороны противъ одной Силистріи было собрано около 90.000. Съ такими силами казалось совершенно возможнымъ привести въ исполненіе планъ генерала Шильдера, предполагавшаго въ дополненіе къ правильной осадѣ, подвергнуть Силистрію совершенному обложению, дабы прекратить снабженіе крѣпости необходимыми запасами, съ ея открытыхъ фасовъ южнаго и западнаго. Но опасаясь нападенія Омеръ-паши совмѣстно съ англо-французскими войсками, фельдмаршалъ рѣшилъ вовсе не блокировать крѣпости; мало того, не согласившись также съ генераломъ Шильдеромъ относительно самаго плана осады, онъ вынудилъ его начать таковую съ крайняго нагорнаго укрѣпленія (Арабскаго форта). Генераль Шильдеръ, хорошо знакомый съ Силистріей еще по 1829 году, въ секретномъ отношеніи на имя князя Горчакова объяснивъ всю трудность подобной осады говоритъ что „рѣшился на это предпринятіе, чтобы только вовлечь насъ въ осадныя работы.“ А такъ какъ ему отказывали во всемъ (въ людяхъ въ орудіяхъ и проч.), то онъ объявилъ, что возьметъ крѣпость лопатами, и шутя, называлъ Арабъ-Табію учебнымъ полигономъ. Однако несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, инженерныя работы съ нашей стороны подвигались правильно и искусно, мы постепенно приближались траншеями къ двумъ восточнымъ фортамъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно, безъ всякаго приказанія отъ кого бы то ни было, командовавшій на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ генераль Сельванъ, въ ночь на 16е мая кинулся на штурмъ форта Арабъ-Табія. Стремительность неожиданнаго натиска по началу увѣнчалась успѣхомъ, штурмующій баталіонъ, безъ лѣстницъ и фашинъ, взобрался на валъ неприятельскаго укрѣпленія; происходила жестокая схватка; въ это время Сельванъ былъ смертельно раненъ, кто-то ударилъ отбой и отступавшія побѣдоносныя войска понесли значительныя, ни чѣмъ не вызванныя, потери. Эпизодъ этотъ, возбуждавшій вообще не мало толковъ, объясняетъ

ся историкомъ не только увлеченіемъ самого Сельвана, но и состоявшихъ при немъ офицеровъ главной квартиры, столь же храбрыхъ, сколько неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ.

Между тѣмъ рѣшеніе фельдмаршала не блокировать Силистрію естественно вело къ усиленію ея гарнизона, а инженерныя работы направленные съ одной восточной стороны повидимому не грозили Туркамъ особенными бѣдствіями, къ тому же нерѣшительность и сомнѣнія главнокомандующаго не только не ослабѣвали, но напротивъ росли по мѣрѣ осады, это и подтверждается его письмами къ покойному императору. Трудно подыскать въ военной исторіи другой примѣръ болѣе неблагоприятныхъ условій созданныхъ не столько событіями, сколько самими дѣятелями, но мы не въ правѣ къ сожалѣнію въ нихъ сомнѣваться, имѣя предъ глазами официальные свидѣтельства нашего военного исторіографа. Прошло болѣе трехъ недѣль со дня появленія нашихъ войскъ у Силистріи, и 28го мая фельдмаршалъ рѣшилъ произвести подъ личнымъ своимъ начальствомъ сильную рекогносцировку съ цѣлью ознакомиться съ расположеніемъ турецкихъ войскъ и непріятельскихъ отдѣльныхъ укрѣпленій. Рекогносцировка эта не имѣла особенныхъ послѣдствій въ военномъ отношеніи, но замѣчательна по другому поводу, какъ ближайшая причина отъѣзда князя Паскевича изъ арміи. Вотъ какъ по словамъ историка происходило дѣло:

„Фельдмаршалъ, обозрѣвъ съ высоты непріятельскія укрѣпленія, поѣхалъ обратно къ селенію Калопетри. Турки, видя огромную свиту и конвой, его сопровождавшіе, обратили на нихъ огонь съ форта Абдуль-Меджида, и въ то время когда фельдмаршалъ остановился для спроса жителей вышедшихъ на встрѣчу ему изъ селенія, одно изъ непріятельскихъ ядеръ упало у самыхъ ногъ его лошади, которая, сдѣлавъ прыжокъ, завертѣлась на мѣстѣ. Ближайшіе къ нему изъ его свиты думали что онъ раненъ, однакоже въ первую минуту у него не оказалось ни раны, ни малѣйшей боли отъ контузіи, и даже фельдмаршалъ, подѣхавъ къ изгородямъ Калопетри, слѣзъ съ лошади и продолжалъ обозрѣніе въ зрительную трубу форта Абдуль-Меджида. Затѣмъ, когда подали на травѣ походный завтракъ, онъ былъ веселъ и не чувствовалъ никакой боли, и только лишь уступая просьбамъ окружавшихъ его лицъ, согласился свѣсть въ коляску и отправиться для отдыха въ Каларашъ, тѣмъ бо-

лѣе что рекогносцировка кончилась и войска получили приказаніе возвратиться въ свои лагери. Состояніе здоровья фельдмаршала не возбуждало никакихъ опасеній, но на слѣдующій же день онъ слегъ въ постель, отъ контузіи и старинной молдавской лихорадки, и вскорѣ потомъ отправился въ Яссы, передавъ начальство надъ войсками и продолженіе осады Силистріи князю Горчакову.

Вторично получивъ командованіе, князь Горчаковъ на этотъ разъ еще менѣе выказывалъ увѣренности въ успѣхѣ. Одни только инженеры, подъ руководствомъ энергичнаго, увлекавшагося Шильдера, продолжали свое дѣло, приближаясь къ недоступной, по мнѣнію главнокомандующихъ, цѣли. Къ сожалѣнію храбрый генералъ Шильдеръ, 1го іюня, при осмотрѣ осадныхъ работъ, былъ опасно раненъ и вскорѣ скончался; дѣло его однакоже не остановилось. Заступившій его мѣсто генералъ Бухмейеръ передалъ инженерныя работы на лѣвомъ флангѣ неизвестному еще тогда подполковнику Тотлебену и чрезъ нѣсколько дней, даровитый защитникъ Севастополя рядомъ удачныхъ взрывовъ настолько ослабилъ наружныя верки форта Арабъ-Табія что князь Горчаковъ рѣшилъ 8го іюля штурмовать этотъ ключъ турецкой позиціи. Успѣхъ повидимому былъ несомнѣненъ; казалось что сама судьба вопреки людскимъ соображеніямъ давала намъ возможность однимъ рѣшительнымъ ударомъ вознаградить не мало тяжелыхъ ошибокъ. Но и на этотъ разъ не суждено было сбыться столь вѣроятнымъ предположеніямъ.

Атаку назначено было вести въ ночь съ 8го на 9е іюня. „Всѣ приготовленія къ штурму, говоритъ генералъ Богдановичъ, были окончены и войска уже двинулись на указанныя имъ мѣста, какъ вдругъ, около полуночи, прибылъ адъютантъ князя Варшавскаго, гвардіи ротмистръ Протасовъ, съ предписаніемъ фельдмаршала немедленно снять осаду и перейти со всѣми силами на лѣвую сторону Дуная. Приказаніе объ отмѣнѣ приступа было получено нѣкоторыми войсками только за четверть часа до ракеты—сигнала кровопролитной сѣчи. Никогда вѣстникъ самаго бѣдственнаго событія не былъ встрѣченъ такъ непривѣтливо, какъ встрѣтили наши офицеры и солдаты Протасова. Конечно отмѣной штурма были сохранены тысячи храбрыхъ; но они, не ломытая о себѣ, изъясняли сожалѣ-

ніе о товарищахъ своихъ, лавшихъ въ продолженіе осады и не отмищенныхъ покореніемъ Силистріи.“

Это ли не роковая судьба? Адъютантъ Протасовъ былъ за нѣсколько минутъ до начала приступа; самая обыкновенная остановка въ дорогѣ могла имѣть величайшее вліяніе на будущія событія! Вообще какъ ни неудачны были распоряженія главныхъ лицъ руководившихъ дѣломъ, нельзя не усмотрѣть въ дѣяніяхъ послѣдней войны цѣлаго ряда фактовъ совершенно выходящихъ изъ общаго круга человѣческаго предвидѣнія. Достаточно вспомнить приказъ Паскѣвича полученный Горчаковымъ въ день перехода чрезъ Дунай, упомянутый прїѣздъ Протасова, странную путаницу распоряженій наканунѣ Инкерманскаго боя и повѣрно понятое приказаніе Горчакова въ день сраженія при Черной Рѣчкѣ.

Имѣлъ ли основаніе князь Горчаковъ безпрекословно по виновать въ волѣ своего начальника, удаленнаго отъ мѣста дѣйствія, вопросъ подверженный спору, но можно предполагать что еслибъ эта воля расходилась съ собственнымъ настроеніемъ князя Горчакова, онъ счелъ бы себя въ правѣ ея осудиться. Къ сожалѣнію они совпадали. Вотъ что читаемъ мы въ письмѣ фельдмаршала къ князю Горчакову: „Желаніе наше, любезный князь, не исполнилось: государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная.“ Результатомъ было дѣйствительно послѣднее отступленіе чрезъ Дунай, предпринятое менѣе чѣмъ чрезъ двое сутокъ послѣ дней предполагавшагося штурма. Отступившія войска расположились главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ, частію у Калафата и Слободзеи, подѣ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса, частію ближе къ австрійской границѣ, подѣ личнымъ начальствомъ князя Горчакова. По полученіи извѣстія о боѣ лѣзни фельдмаршала государь, признавъ справедливость его доводовъ касательно необходимости отступленія, но опасаясь неудачи вслѣдствіе отсутствія *единоначалія*, вновь передалъ власть въ руки князя Горчакова.

По переходѣ русскихъ войскъ на лѣвую сторону Дуная, Турки, ободренные неожиданно удачей, рѣшились перейти въ наступленіе, и хотя попытка ихъ въ этомъ направленіи не увѣнчалась серіознымъ успѣхомъ, но вновь возбудила опасенія поместить русскую армію между двухъ огней, вслѣд-

ствіе чего и рѣшено было оставить вовсе Княжества и отступить въ Россію на сообщеніе съ войсками предназначенными для обороны нашего южнаго побережья.

Отступленіемъ Дунайской арміи въ предѣлы Имперіи закончилась первый актъ великой драмы. Утратилась возможность нанести рѣшительный ударъ противнику, исчезла надежда повліять на Европу обаяніемъ успѣха, приходилось, наоборотъ, напрягать неимоверныя усилія, дабы защитить собственныя границы отъ напора сильныхъ армій. Послѣдствія слишкомъ извѣстны и мы не будемъ ихъ касаться; цѣль настоящаго очерка заключалась только въ томъ чтобы воскресить въ памяти читателей главнѣйшія подробности нашихъ дипломатическихъ усилій и первыхъ военныхъ дѣйствій, столь поучительныхъ нынѣ, въ виду современныхъ событій.

Съ Дуная уже долетаютъ вѣсти къ счастью совершенно не похожія на тѣ отъ которыхъ томилась Россія во времена похода 1853—1854 года и остается только надѣяться что не одно военное вѣдомство умудрилось опытомъ прошедшаго, но что и русская дипломатія извлекаетъ для себя не мало полезныхъ уроковъ изъ исторіи войны 1853—1856 годовъ.

В. И.

НА ГОРАХЪ

XXVI.

Ръзво и бойко одна за другой выбѣгали вверхъ по Волгѣ баржи Меркуловскія. Цѣлу лутину вѣтеръ полутный имъ дулъ, на меляхъ, на перекатахъ воды вдоволь стояло. Рабочіе на баржахъ были веселы, лоцманъ радовался высокой водѣ, водоливы вѣдру, всѣ ровному вѣтру безъ лорыновъ, безъ перемежекъ. „Святой воздухъ“ широко разстидалъ „апостольскія скатерти“, ** и баржи ровно лтицы летѣли, а бурлаки либо слали, либо ѣли, либо тѣшились межъ собой. Одиъ хозяинъ нѣ веселъ по лалубѣ похаживалъ — тюлень у него съ ума не сходилъ.

Какъ ни быстро бѣжалъ караванъ Никиты Ѳеодорыча, однако посланная изъ Царицына эстафета упредила его.

Для черезъ четыре послѣ отправки той эстафеты рано по утру, только-что успѣлъ Марко Данилычъ протереть заспанные очи и помолиться по лѣстовкѣ, крадучись ровно кошка, робкими стопами вошелъ къ нему Василиій Ѳадѣевъ. Помолясь Богу и отдавъ низкій поклонъ хозяину, осторожно развязалъ онъ бумажный платокъ, и подалъ письмо.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 5 и 10й 1875 и № 8й и 10й 1876.

** Бурлацкія выраженія. Святой воздухъ — вѣтеръ, апостольская скатерть — паруса.

— Штафета изъ Царицына, вполгблоса примолвилъ онъ и глубоко вздохнулъ, ровно непосильную тяжесть съ плечъ сбросилъ.

Жадно схватилъ письмо Смолокуровъ, быстро сѣрвалъ печатъ и принялся читать неразборчивое посланье Корнеево. Сначала радостью просіяло лицо его, потомъ покраснѣлъ весь, и глаза гнѣвомъ загорѣлись.... Такого крѣпко при этомъ онъ выругался, что Оадѣвъ на всякій случай отступилъ къ двери шага на четыре.

— Зарѣзалъ!... вскричалъ Марко Данилычъ, бросая смятое письмо. Потомъ заложа руки за спину, принялся шагать взадъ и впередъ по горницѣ.

А Василий Оадѣвъ къ самому порогу полатылся. Въ знакъ покорности склонилъ онъ низко голову, робко вытянулъ впередъ гусиную шею свою, а самъ искоса то и дѣло поглядывалъ на всплывшаго хозяина.

— Чтобъ его вдоль и поперекъ!... Что ни гроба ему ни савана!..... продолжалъ тотъ браниться. И вдругъ ни съ того ни съ сего накинулся на Оадѣва.

— Ты чего торчишь?... Вонъ пошелъ!... Мошенники!... Ироды проклятые!...

Богу не помолясь, хозяину не поклонясь, юркнулъ изъ комнаты Василий Оадѣвъ.

„Не выгорѣло! разсуждалъ самъ съ собой Марко Данилычъ. Дѣло теперь бросовое!... И какъ это мнѣ на мысли не вспало что Митька съ Микиткой земляки?... Другъ дружкѣ извѣстны, къ тому жъ одной масти, одной выучки.... Что бѣла собака, что чѣрна собака — все одинъ лесъ.... Да я жъ съ большого-то ума и свелъ Митьку съ Доровиными.... Позвалъ тогда его на катанье... Прометнулся!... Вотъ тѣ и барышъ, вотъ тѣ и тюлень!... Господи, Батюшка, ризу вѣдь я обѣщаль на Владычицу!.. Червоннаго золота!... Мало развѣ?... Такъ я бы прибавилъ еще!...“

Чуть-чуть отворилась входная дверь, и высунулось побитое оспой лицо Василья Оадѣва.

— Еще два письма почтальионъ привозилъ на пристань, робко промолвилъ онъ.

— Знаю, крикнулъ Марко Данилычъ.—Ступай до грѣха!... Да убирайся же, чтобъ черти тебя на томъ свѣтѣ жарили да всякой мерзостью за мѣсто масла поливали!

И неистово затопалъ ногами.

— О одного не нашли, настойчиво молвилъ Василій Ѡадѣевъ, и тотчасъ же скрылся за дверью.

— Кого не нашли?... Стулай сюда, крикнулъ ему Смолокуровъ.

Прикащикъ опять появился въ дверяхъ.

— Доронина какого-то искалъ почтальйонъ, сказалъ онъ входя въ комнату. — А такого у насъ по всей пристани нѣтъ. А на письмѣ означено: „на Гребновскую“. Спрашивалъ почтальйонъ не знаетъ ли кто гдѣ тотъ Доронинъ живетъ—не знаетъ никто. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

— Съ письмомъ?

— Съ письмомъ, отвѣтилъ Ѡадѣевъ.—Говорилъ что отдастъ его въ почтову контору—что говоритъ тамъ хотятъ, то пускай съ нимъ и дѣлаютъ.

— А — а!... Ну, за это тебѣ спасибо, маленько повеселѣй промолвилъ Марко Данилычъ.—Другое-то письмо къ Веденѣеву? спросилъ онъ маленько помолчавши.

— Такъ точно-съ, послѣднѣй прежняго отвѣчалъ Ѡадѣевъ.

— Самъ получалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, прикащикъ получалъ, Веденѣевъ на караванѣ не живетъ.

— Тотчасъ повезъ прикащикъ письмо? спросилъ Марко Данилычъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Самъ, говоритъ, скоро на баржи прѣдетъ, тогда отдамъ, отвѣчалъ Василій Ѡадѣевъ.

Рублевку подалъ ему Марко Данилычъ.

— За то что письмо послѣднѣй привезти... примолвилъ онъ, когда Ѡадѣевъ раболопно цѣловалъ щедрую руку.— Съ Богомъ!

Отвѣсилъ низкій поклонъ Ѡадѣевъ и молча ушелъ.

Мрачно ходилъ Марко Данилычъ по комнатамъ, долго о чемъ-то раздумывалъ... Дуня вошла. Думчивая такая, цѣлтъ съ лица какъ будто сбѣжалъ. Каждый день подолгу выдается она съ Аграфеной Петровной, но того нѣтъ о комъ юныя думы, неясныя, непонятныя ей еще хорошенько помышленья. Какъ волной его смыло, какъ вѣтромъ снесло. „Вотъ ужъ недѣля, какъ нѣтъ его“, думаетъ Дуня... Думаетъ, передумываетъ и теряется въ напрасныхъ догадкахъ.

Только-что взглянулъ на Дуню Марко Данилычъ вдругъ измѣнился. Ни гнѣва, ни досады. Съ нѣжностью поцѣловалъ онъ дочь.

— Что это, погаяжу я на тебя, ровно ты не по себѣ? спросилъ онъ, одной рукой обнимая ее, а другой ласково глядя по волосамъ.

Чуть-чуть вспыхнула Дуня. Тихо подняла на отца голубые глаза, и силась казаться беззаботной, съ улыбкой ему отвѣчала:

— Нѣтъ, я ничего.

— Да ты здорова ль? заботно спросилъ ее отецъ, прикладывая широкую закорузлую ладонь къ нѣжному бѣло-снѣжному челу дочери.

— Здорова.

— Чтò жь глаза-то у тебя какіе?.. Ровно плакала?...

Смутилась Дуня, поалѣла, однакожь твердо, спокойно, съ улыбкой промолвила:

— О чемъ мнѣ плакать, тятя?

— То-то, ты у меня смотри, молвилъ Смолокуровъ.

И поцѣловавъ Дуню отошелъ къ окошкѣ.

А она и въ самомъ дѣлѣ чуть не половину ночи проплакала отъ неотвязчивыхъ думъ.

— Давно ль съ подругами видѣлась, съ Дорониными? спросилъ Марко Данилычъ, пристально глядя на что-то въ окно.

— Дня три не видались, отвѣтила Дуня.

— Чтò жь ты? Побывай у нихъ... Дѣвицы хорошія, любятъ тебя, молвилъ Марко Данилычъ, полпрежнему глядя на улицу. — А то съ одной Аграфеной Петровной хоровадишься.... Только и свѣта въ окошкѣ... Такъ не годится.

— Груня любитъ меня. Опять же знала меня еще махонькой.

— Видаться съ ней запрета не кладу, сказалъ Марко Данилычъ. — Баба она хорошая, дѣльная, разумная. А все жь нельзя ради ея одной другихъ покидать. Такъ не водится, моя сердечная.

— Сегодня жь побываю у Дорониныхъ, тихо отвѣтила Дуня.

— А вотъ попьешь чайку да тотчасъ же къ нимъ и сту-

лай. По маломъ времени я самъ подожду, сказалъ Марко Данилычъ.

Молча, головку склоня пошла Дуня къ Дарьѣ Сергѣевѣ, а тамъ ужъ стоялъ самоваръ на столѣ.

Когда въ Царицынѣ Меркуловъ лисьма писалъ, былъ онъ въ сильной тревогѣ. Отъ безсонной ночи и душевнаго волненья, мысли у него перепутались, и написавши адресъ Веденѣва: „на Гребновскую пристань“, безсознательно поставилъ онъ его и на лисьмѣ къ Зиновью Алексѣичу. Изъ того лутаница вышла. Хорошо еще что Веденѣвъ у Макарья былъ, а то бы лисьмо къ Дороницу такъ и завалилось въ почтовой конторѣ.

Еще Дуня сидѣла у Дорониныхъ, и Марко Данилычъ не приходилъ къ нимъ, какъ съ праздничнымъ видомъ влѣтъ въ комнату Дмитрій Петровичъ. Первымъ его словомъ было:

— Получили эстафету?

— Какую? съ удивленьемъ спросилъ Зиновѣй Алексѣичъ.

— Отъ Меркулова, отъ Никиты Федорыча, изъ Царицына? сказалъ Дмитрій Петровичъ.

Еще больше удивился Зиновѣй Алексѣичъ... Лизавета Зиновьевна вспыхнула, Татьяна Андревна руки сложивъ на груди умильно спросила Веденѣва:

— А вы нешто Никитушку-то нашего знаете?

— Другъ мой, пріятель закадычный. Къ тому жъ земляки, отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Не съ родни ли какъ? озабоченно спросила Татьяна Андревна, пристально глядя на Веденѣва.

— Ни родства ни свойства, за то дружно, союзно. Дай Богъ всякимъ сродникамъ такъ жить, какъ мы живемъ съ Меркуловымъ, сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Да что за штафета такая? перебилъ ихъ Зиновѣй Алексѣичъ.

— Читайте что пишетъ Никита Сокровенный, сказалъ Веденѣвъ, подавая лисьмо Зиновью Алексѣичу.

— Какъ вы, батюшка, его называли? добродушно спросила Татьяна Андревна.

— Никита Сокровенный, весело улыбаясь отвѣтилъ Веденѣвъ. — Такъ его въ дружескомъ нашемъ кружкѣ зовутъ:

Никита Сокровенный, да Никита Сокровенный, а иной разъ и просто Сокровенный. Онъ ужъ знаетъ свое имя.

— За чтò жь вы такъ его прозвали, батюшка? спросила Татьяна Андревна.

— А за то что человекъ онъ въ самомъ дѣлѣ скрытный. Лишняго слова не молвитъ, все подумавши, не то что нашъ братъ, сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Дѣло не худое, молвила Татьяна Андревна. — Сказанно слово серебряное, не сказано — золотое.

— Конечно дѣло не худое, отвѣтилъ Веденѣвъ. — Опять же именинникъ онъ на Никиту Сокровеннаго бываетъ. Отъ того больше его и прозвали такъ.

— Вотъ ужъ это не хорошо, замѣтила Татьяна Андревна. — Грѣхъ!... Божьихъ угодниковъ все поминать не слѣдуетъ. И передъ Богомъ грѣхъ и люди за то не похвалятъ... Да... Прелодобный Никита Сокровенный великій былъ угодникъ. Всю жизнь въ пустынѣ спасался, не видя людей, разъ только Созонтъ діаконъ видѣлъ его. Читалъ ли ты, сударь, житіе-то его?

— Благодарѣть! прочитавъ письмо, воскликнулъ Зиновій Алексѣичъ и сталъ обнимать Веденѣва. — Какая жь цѣна-то?

— Покамѣстъ никакой, товаръ еще не троганный, отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ, — а недѣльки черезъ двѣ цѣна объявится. Будетъ два съ полтиной, а не то и два шесть гривенъ.

Назадъ даже полятился отъ удивленья Зиновій Алексѣичъ. Два рубля шесть гривенъ!... Промелькнули у него въ умѣ слова Смолокуровскія, что любить Дмитрій Петровичъ ради лотѣхи пустой слухъ распускать, но изъ письма Меркулова видно что они дружны межъ собой, другъ другу стало-быть не стануть обманывать.

— Какъ два рубля шесть гривенъ? громко воскликнулъ Зиновій Алексѣичъ. — Да я отъ вашихъ же рыбаковъ слыхалъ что тюленя ни на фабрики, ни на мыльны заводы въ нынѣшнемъ году луда не потребуется, и вся цѣна ему рубль, много, много рубль съ гривной.

— Орошишь что ли это вамъ сказывалъ? Онисимъ Самойлычъ? улыбаясь спросилъ Веденѣвъ.

— Не онъ, молвилъ Зиновій Алексѣичъ, и чуть было не назвалъ Смолокурова... Лишь вѣзремя взглянувъ на Дуню примолкъ.

— А кто сказывалъ вамъ такія цѣны, не торговалъ ли у васъ тюленя-то?

— Было дѣло, усмѣхнулся Дорониныхъ.

— То-то и есть, молвилъ Дмитрій Петровичъ. — Намедни на томъ же тюленѣ хотѣли провести Марка Данилыча.... Я выручилъ, при всѣхъ показалъ письмо изъ Петербурга... Оно со мной.

И подавъ письмо Зиновью Алексѣичу, примолвивъ:

— Извольте прочесть.

Прочелъ Зиновій Алексѣичъ и думаетъ: „Такъ это ты, Марко Данилычъ, вкругъ насъ ручки хотѣлъ погрѣть... Ай да пріятель!... Хорошо!.. Можно положиться!.. Нечего сказать!“

— Гдѣ жъ мое-то письмо? Ко мнѣ не приносили, вдругъ сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

— За письмомъ надо будетъ вамъ самимъ сѣздить въ почтовую контору, а не то дайте вашъ паспортъ, я за васъ получу. Безъ того не выдадутъ, сказалъ Веденѣевъ.

— Какъ такъ? Ко мнѣ бы на квартиру должны принести.

— Маленько напуталъ Меркуловъ, сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Написалъ на вашемъ письмѣ что вы на Гребновской живете. Почтальионъ искалъ васъ тамъ и повезъ письмо въ контору. Дайте паспортъ, мигомъ слетаю.

И минутъ черезъ пять Дмитрій Петровичъ катилъ ужъ на почту.

Во все время разговора мужа съ Веденѣевымъ Татьяна Андревна словечка не проронила. И она и Лизавета Зиновьевна со слезами нѣмой благодарности смотрѣли на Дмитрія Петровича, а Наташа съ какимъ-то величавымъ самодовольствомъ поглядывала то на мать, то на сестру и будто говорила ясными взорами: „Что? Чья правда? Станете теперь журить меня? Такъ ли бы еще надо было обойтись тогда съ этимъ заимъ, съ этимъ обманщикомъ?“ Ничего не видя, ничего не слыша сидѣла Дуня; на душѣ у ней была своя заботная дума, своя горькая кручина. „Гдѣ-то онъ? Что съ нимъ?“ думала и съ нетерпѣньемъ ждала отца, чтобъ уйти лоскорѣй отъ Дорониныхъ и замкнуться въ своей горенкѣ съ Аграфеной Петровной.

Только-что уѣхалъ Веденѣевъ, Лиза съ Наташей лѣзвали Дуню въ свою комнату. Перекинувшись двумя-тремя сло-

вами съ женой, Зиновій Алексѣвичъ оказалъ ей чтобъ и она шла къ дочерямъ, Смолокуровъ де скоро придетъ, а съ нимъ надо ему одинъ-на-одинъ побесѣдовать.

Марко Данилычъ не замедлилъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ онъ къ пріятелю, дружески поздоровался, и даже повелъ о чемъ-то шутиливый разговоръ. Когда Зиновій Алексѣвичъ велѣлъ закуску подать, онъ ѣлъ и пилъ какъ слѣдуетъ.

— Ну, что? Какъ на Гребневской дѣла? спросилъ Доронинъ.

— Ничего. Полегоньку стали расторговываться, отвѣчалъ Марко Данилычъ разбѣзывая окорочокъ бѣлоснѣжнаго московскаго поросенка. — Суть всю почти продали, цѣны подходящія, двинулась и коренная. На нее цѣны такъ себѣ. Икра дорогъ будетъ, Орошинъ почти всю скупили, а онъ охотки на руку не положить, такую цѣну заворотитъ что на Масляницѣ по всей Россіи безъ икры ѣшь блины: Бѣдовыи!...

— А насчетъ тюленя какъ? спросилъ Доронинъ, прищуривъ лѣвый глазъ и облокотясь щекой на правую руку.

— Цѣна еще не обнаружилось, преспокойно отвѣтилъ Марко Данилычъ, уписывая за обѣ щеки поросенка подъ хрѣномъ и сметаной. — Надо полагать маленько поднимутся. Теперь могу тебѣ рубль восемь гривенъ дать... Пожалуй еще гривенку накину. Денегъ половина сейчасъ на столъ, оставшая къ Рождеству. По рукамъ?

И протянулъ руку.

— А по два рубля по шести гривенъ желаешь? усмѣхнулся Доронинъ, наливая другу стаканъ краснаго кахетинскаго.

— Услѣлъ съ Веденѣвымъ покаякать? тоже усмѣхнулся Марко Данилычъ.

— Услѣлъ, подвигая стаканъ сказалъ Зиновій Алексѣвичъ.

— Значить, тюленя у тебя не купить?

— Видно что такъ, шутиливо промолвилъ Доронинъ.

— Дѣло, сказалъ Марко Данилычъ. — Важный у тебя поросенокъ, Зиновій Алексѣвичъ... Неужто здѣсь лѣнь?

— Московскій, сказалъ Зиновій Алексѣвичъ. — Гдѣ oprичъ Москвы такихъ поросятъ найти?.. И въ Москвѣ-то не вездѣ такого найдешь—въ Новотроицкомъ, да въ Патрикеев-

скомъ, у Гурина да въ Эрмитажъ, по другимъ мѣстамъ и не спрашивай.

— Вѣрно, согласился Марко Давилычъ.—И селедка важная... Почему покупалъ?

— Три цѣлковыхъ боченокъ. Цѣна извѣстная, отвѣтилъ Зиновій Алексѣвичъ.

— Вѣдь вотъ лоды жъ ты тутъ. У насъ въ Волгѣ этой селедки видимо-невидимо, а такой какъ голландская не водится, молвилъ Марко Давилычъ.

И пошелъ разговоръ объ разныхъ-разностяхъ. Пересылался онъ веселыми шутками, яснымъ искреннимъ смѣхомъ, сердечностью. Лишь подъ конецъ бесѣды съ рюмками мадеры въ рукахъ, пожелавъ другъ другу здоровья и всякаго благополучія, вспомнили опять про тюленя.

— А больно тебѣ хотѣлось поддѣть насъ съ Меркуловымъ? усмѣхнулся Зиновій Алексѣвичъ.

— Еще бы! смѣясь отвѣчалъ Марко Давилычъ.—На плохой бы конецъ тысячъ сорокъ въ карманъ положилъ. На улицѣ не поднимешь!

— Ахъ вотъ тебѣ и шить, добродушно захохоталъ Дорохинъ, поднявъ палецъ передъ пріятелемъ.

— Ничего! отшутился Марко Давилычъ. — Дней у Господа впереди много: одинъ карась сорвется, другой сорвется, третій Богъ дастъ и попадется.

— А за чтò жъ бы ты Меркулова-то обездолил? спросилъ Зиновій Алексѣвичъ.

— Бѣды бъ ему отъ того никакой не было... сказалъ Марко Давилычъ.—Убытки умъ даютъ. А Меркуловъ чело-вѣкъ молодой, ему надо ума набираться.

Потомъ други-пріятели повернули бесѣду на иныя дѣла и долго разлюбезно бесѣдовали.

XXVII.

Узнавъ что Дмитрій Петровичъ друженъ съ Никитишкою, Татьяна Андревна и его считала близкимъ человекомъ. Та ея догадка чтò пришла на умъ послѣ Наташиной выходки противъ Смолокурова съ каждымъ днемъ казалась

ей больше и больше сбыточной. Зоркій материнскій глазъ по взглядамъ Веденѣва и Наташи замѣчалъ что было у нихъ на сердцахъ. По совѣту мужа, положила она во всемъ на волю Господню и ни малѣйшаго виду не подавала дочери что догадывается о чувствахъ ея къ Веденѣву. Однако, каждый день молясь Богу о Наташѣ, не забывала поминать и раба Божія Димитрія. Оттого-то, какъ узнала она о дружбѣ Димитрія Петровича съ нареченнымъ зятемъ, тотчасъ и спросила, не не въ родствѣ ли они. То было у Татьяны Андревны на разумѣ что ежели они сродни, нельзя будетъ объ свадьбѣ вѣнчать.

Когда Наташа услышала о дружбѣ Веденѣва съ Меркуловымъ, стало ей радостно, а вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала она невольный страхъ, и какою-то робость.

Когда жъ у отца зашелъ разговоръ про дѣвы на тюленій жиръ и вспомнила она какъ Марко Данилычъ хотѣлъ обмануть и Меркулова, и Зиновья Алексѣича и какія обидныя слова говорилъ онъ тогда про Веденѣва, глаза у ней полыхнѣвъ загорѣлись, лицо багрецомъ подернулось, двинулась она, будто встать хотѣла и вмѣшаться въ разговоръ, но взглянувъ на Дуню опустила глаза, осталась на мѣстѣ и только кидала полные счастья взоры то на отца, то на мать, то на сестру. А когда Димитрій Петровичъ передъ тѣмъ какъ ѣхать на почту подошелъ къ ней и взглянулъ такъ ясно и радостно, Наташа поняла его, зардѣлась пуще прежняго и ея лучезарныя очи ослѣпили не влосновившаго себя отъ восторга Веденѣва. Хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Пока Зиновій Алексѣичъ дружелюбно разговаривалъ про тюленя съ Маркомъ Данилычемъ, а потомъ благодушно бесѣдовалъ съ нимъ за закуской, объ дочери его съ Дуней видѣли. Лишь изрѣдка красавицы отрывочными словами перекидывались, больше молчали, каждая про свое дѣло раздумывала. Лиза сгорала нетерпѣньемъ увидаться наконецъ съ женихомъ и радовалась что не попался онъ въ сѣти, разставленныя старымъ плутоватымъ рыбакомъ; не дни, а часы считала она что оставались до желаннаго свиданья... Въ золотыхъ мечтахъ воображала она первую встрѣчу, радость, слезы счастья, крѣпкія объятія, горячіе поцѣлуи... Наташа думала: когда жъ это Митенька скажетъ на

словахъ то что ясно говорить очами.... Было бы скучно сидѣть съ ними Дунюшкѣ, но она сама въ думахъ потонула. Думы тяжкія, думы мрачныя, не такія, какъ у счастливыхъ подругъ. Только и было теперь у ней на умѣ: „скоро ли, скоро ль тятенька кончитъ свои разговоры?“ Насилу дождалась.

Только-что ушли Марко Данилычъ съ Дуней отъ Дороновыхъ, воротился съ почты Дмитрій Петровичъ. Прочитали письмо Меркулова и разочли что ему надо быть дня черезъ четыре. Такой срокъ Лизаветѣ Зиновьевнѣ показался черезчуръ длиннымъ, и слезы на глазахъ у ней навернулись. Замѣтилъ отецъ шутиливо спросилъ:

— Али не рада?

— Долго, чуть слышно отвѣтила Лиза.

— Ну, матушка, четыре мѣсяца ждала, четырехъ дней не хочешь подождать, съ доброй улыбкой сказалъ дочери Зиновій Алексѣичъ, да тутъ и вспомнилъ что выдалъ передъ чужимъ семейную тайну.

А Татьяна Андревна того не замѣтила. Совсѣмъ ужъ своимъ считала она Дмитрія Петровича.

Догадаться Веденѣву было нѣ трудно „Эхъ какъ бы намъ съ Сокровеннымъ свояками бытъ!...“ подумалъ онъ, то-то бы хорошо было!“ И взглянулъ на Наташу. А та сіяетъ пышной красой да ясной радостью...

— Старуха! молвилъ женѣ Зиновѣй Алексѣичъ.—Никакъ я обмолвился?... Никакъ проболтался?... Нашъ-отъ гость дорогой пожалуй теперь догадался. Не сказать ли ужъ ему всю правду, всю истинную? Другъ вѣдь онъ пріятель Никитушкѣ-то. Почитай-ка что лишеть онъ про него... Все едино что братья... Ась?... Какъ, сулруга ты моя, въ такомъ дѣлѣ мнѣ присовѣтуешь?

— Чего еще разказывать-то? добродушно улыбаясь отвѣчала Татьяна Андревна.—Безъ того, батька, все разказалъ какъ размазалъ... Вотъ невѣста вашего пріятеля, Дмитрій Петровичъ, примолвила она показавъ Веденѣву на старшую дочь.

Съ радостнымъ чувствомъ поздравилъ Веденѣвъ невѣсту, сказалъ ей, что теперь они будутъ свои, что ежели Никита Федорычъ ему за брата, такъ она будетъ ему за сестру. И взявъ невѣстину руку крѣпко поцѣловалъ ее.

„Не надо бы такъ, не водится, подумала Татьяна Андреевна, ну да онъ человѣкъ столичный, съ новымъ обхожденіемъ. То же что Никитушка... Олять же не пріи людяхъ.“ И ни слова сѣпротивъ не молвила.

Поздравилъ Веденѣевъ и Татьяну Андреевну и у нея поцѣловаль руку.

— Чтой-то ты, батька, съ ума что ли спятилъ? вскрикнула она.—Нешто я полтъ?.. Опрічь дочерей никто у меня съ роду рукъ не цѣловывалъ....

— На радостяхъ, Татьяна Андреевна, ей Богу на радостяхъ, сказалъ Дмитрій Петровичъ, — и еслибы можно козломъ проскакалъ бы по комнатамъ.

Къ Наташѣ подошелъ. Какъ стрѣлой пронзило сердце, когда прикоснулся онъ къ нѣжной, стройной рукѣ ея. Опустила глаза Наташа и замѣла вся... Вздохнула Татьяна Андреевна глядя на нихъ... А Наташа?... Не забыть ей той минуты до бѣла савана, не забыть ее до гробовой доски...

Трижды, со щеки на щеку разцѣловался съ Дмитриемъ Петровичемъ Зиновѣй Алексѣичъ. Веселъ старикъ былъ и радостенъ. Ни съ того, ни съ сего сталъ „куманькомъ“ да „сватушкой“ называть Веденѣева, а посматривая какъ онъ и Наташа другъ на дружку поглядывали, такіа мысли на разумъ раскидывалъ: „чего тянуть-то? По рукамъ бы и дѣло съ концомъ“.

Весело, незамѣтно летѣло время въ душевныхъ разговорахъ. Про жениха больше рѣчи велись. Разказывалъ Веденѣевъ про петербургское ихъ житье-бытье, про разные случаи, встрѣчи, знакомства, каждый разказъ его милъ и дорогъ казался семьѣ Дорониной. Кончить Дмитрій Петровичъ, примолкнетъ, а имъ бы еще слушать его, еще бы что хорошее узнать про Никитушку. Такъ время вплоть до обѣда прошло. Сколько ни отговаривался Веденѣевъ, какіе доводы не приводилъ о крайней надобности побывать тамъ и сямъ, Зиновѣй Алексѣичъ не пустилъ его, а Татьяна Андреевна лишнихъ рѣчей не разводя спрятала его картузъ въ своей комнатѣ.

— Теперь, сватушка, ты у насъ подъ карауломъ, молвилъ Зиновѣй Алексѣичъ.—Выпустимъ на волю когда захочемъ. И залился добродушнымъ, веселымъ смѣхомъ.

Тихо, мирно пообедали и весело провели остатокъ дня. Сбирались было ѣхать на ярманку, но стало небо заволакивать и свѣжій вѣтеръ потянулъ. Волга заволоновалась, по оконнымъ стекламъ застучали крупныя капли дождя. Остались, и былъ радъ тому Дмитрій Петровичъ. Такъ легко, такъ отрадно было ему. Вѣкъ бы сидѣть въ гостяхъ у Дорониныхъ.

— Когда жь, Татьяна Андревна, думаете вы окрутить друга моего любезнаго? спросилъ онъ.

— Поскорѣ хотѣлось бы, Дмитрій Петровичъ, да не знаю управимся ли, отвѣчала Татьяна Андревна.—Захарія Елизаветы—Лизины именины въ среду будутъ, а жениховы въ первое послѣ того воскресенье. Не въ тѣ, такъ въ другія именины желательно было бы ихъ повѣнчать. Да наврядъ ли къ тому времени управимся. Все готово, все припасено, хотъ сейчасъ подъ вѣнецъ, да не знаемъ какъ дѣлать порѣшится. Домой тоже надобно слѣзть, и на то время... Какъ ни гадай, къ именинамъ не успѣтъ. Видно Покровъ придетъ—дѣвкѣ голову покроетъ.

— Больше мѣсяца значить придется ждать, молвилъ Веденѣвъ.

— Что жь дѣлать-то, батюшка? сказала Татьяна Андревна.—Долго ждали, маленько-то подождутъ. Да вотъ еще Богъ знаетъ скоро ль Никитушка съ тюленемъ покончить...

— Скоро покончить, молвилъ Дмитрій Петровичъ.—Орошнѣе хотѣтъ скупать, охота ему все что ни есть въ привозѣ тюленя къ своимъ рукамъ подобрать. Статья обозначилась выгодная. Недѣли двѣ назадъ про тюленя слышать никто не хотѣлъ, теперъ съ руками оторвутъ.

— Стало-быть какъ прїѣдетъ Никитушка, такъ и покончить? спросила Татьяна Андревна.

— На другой же день, сказалъ Веденѣвъ.—Я сведу его съ покупателями. А мой бы совѣтъ не торопиться. Дольше подыдержитъ, больше возьметъ барыша.

— Долго-то ждать не охота бы. И то наши князь со княгиней стосковались совсѣмъ, молвила улыбаясь Татьяна Андревна.

— До Покрова вѣдь рѣшились отложить? сказалъ Веденѣвъ.

— Охъ, ужъ и не знаю какъ вамъ сказать, Дмитрій Петро-

вичъ! со вздохомъ промолвила Татьяна Андревна.—Какъ Господь подастъ!

А Дмитрій Петровичъ на умѣ держитъ свое: „Авось и мое дѣло до Покрова выгоритъ. Скорѣй бы пріѣзжалъ Никита Сокровенный. Я ему тюленя сосватаю, а онъ мнѣ сватой Наташу!..“

Взглянулъ онъ тутъ на нее. Облокотясь на правую руку, склонивъ головку, тихимъ взоромъ смотрѣла она на него. И показалось ему что цѣлое небо любви сіяетъ въ лучезарныхъ очахъ дѣвушки. Хотѣлъ что-то сказать—не можетъ, не смѣетъ...

Поздно вечеромъ пришлось ему оставить пріютную, милую семью, гдѣ блаженство онъ ощущалъ, гдѣ испыталъ высшую степень наслажденія души. И когда вышелъ нашла на него тоска, тяжело ровно свинецъ пало на душу одиночество... Мнилось ему что изъ свѣтлаго рая вдругъ попалъ онъ на трудную землю, полную бѣдъ, горя, печали, лишений....

Выйдя изъ гостиницы сталъ на крыльцѣ. Дождикъ такъ и хлещетъ, тьма стоитъ непроглядная, едва свѣтятся уличные фонари, съ шумомъ и звономъ стучатъ крупныя дождевыя капли о желѣзные листы наддвернаго зонта.

Самъ не зная зачѣмъ, ровно вкопанный стоитъ на крыльцѣ Веденѣвъ. Все еще видится ему милое лицо дорогой дѣвушки, все еще слышатся ея сладкія, тихія рѣчи. Задумался, и не можетъ сообразить гдѣ онъ, зачѣмъ тутъ стоитъ, что ему надобно дѣлать.... Съ громомъ подкатилъ къ крыльцу извозчикъ въ крытой пролеткѣ.

— Извозника вашей чести требуется?

— Да, безсознательно молвилъ Дмитрій Петровичъ, и не торгуясь быстро вскочилъ въ пролетку. Застегнувъ кожаный запонъ и сѣвъ на козлы, извозчикъ спросилъ:

— Куда прикажете?

— Туда, махнувъ рукой къ ярманкѣ, сказалъ Веденѣвъ и тотчасъ же погрузился въ сладкія думы.

Съ хитрой улыбкой головой извозчикъ кивнулъ и послѣдова не молвивъ поѣхалъ къ мосту, потомъ повернулъ направо вдоль по шоссе.

Ѣдутъ, Ѣдутъ.... Пріѣхали въ какую-то песчаную немощеную улицу.... Своротили. Еще повернули, остановились передъ большимъ ярко освѣщеннымъ домомъ.

— Пріѣхали... весело осклаблѣвъ молвилъ извозчикъ. — Подождать вашу честь прикажете?

Завесѣ было ногу вонъ изъ пролетки Дмитрій Петровичъ... но вдругъ оглядѣлся. Видитъ растворенныя настежь двери, ведутъ онъ въ грязный корридоръ, тускло освѣщенный лампой съ закопченнымъ стекломъ. Едва держась на ногахъ пьянымъ шагомъ пробирается тамъ вдоль стѣнки широкоплечій кулчина съ маслянистымъ лицомъ. Осторожно подерживаетъ его лодъ руку молодой человѣкъ, надо думать прикащикъ, взятый хозяиномъ ради сохранности. Заботливо, почтительно старому кутилъ онъ приговариваетъ: „Полегче, батюшка Алексѣй Сампсонуичъ, не остулитесь тутъ стуленька.“ А батюшка Алексѣй Сампсонуичъ въ нагладу за такую заботливость хрилымъ голосомъ ругаетъ прикащика на чемъ свѣтъ стоитъ.

Оглядѣлся Дмитрій Петровичъ и ровно проснулся.

— Куда ты завезъ меня? напустился онъ на извозчика.

— Куда приказывали, бойко тотъ отвѣчалъ.

— Когда я приказывалъ? Чтѣ городишь? закричалъ Веденѣевъ.

— Изволили сказать: „пошелъ туда“, я и поѣхалъ, оправдывался извозчикъ. — Дѣло ночное, непогода... „Туда“ извѣстно значитъ „куда“...

Стоявшая у подѣзда толпа извозчиковъ во все горло расхохоталась. Залился смѣхомъ самъ городской, приставленный къ дверямъ на всякій случай.

— На Театральную площадь, къ Ермолаеву, крикнулъ раздраженный хохотомъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ бы и говорили, ворчалъ извозчикъ. — А то: „туда“. Ночь, ярманка—извѣстно куда въ эту пору ѣздить купцы.

— Безъ разговоровъ! крикнулъ на него Веденѣевъ.

И всю дорогу отливывался.

XXIV.

Когда Меркуловъ доплылъ до Казани, тамъ на Бакалдѣ* засталъ небольшой пароходъ. Онъ совсѣмъ былъ готовъ къ отвалу. Бѣжалъ вверхъ по Волгѣ. Тогда еще мало ходило пароходовъ и Никитѣ Ѳедорычу такая нечаянность показала особеннымъ, неожиданнымъ счастьемъ. На плохой конецъ двумя сутками раньше увидить невѣсту.

Сдавъ баржи надежному, испытанному прикащику, взялъ онъ мѣсто на пароходѣ, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа ступилъ на палубу. Все казалось ему такъ хорошо, такъ красиво—и борты и машины и убранство каютъ, хоть на самомъ дѣлѣ ничего тутъ особеннаго не было. Угрюмый капитанъ показался Никитѣ Ѳедорычу такимъ прекраснымъ, такимъ душевнымъ человѣкомъ, что познакомившись съ нимъ онъ съ перваго же слова едва не бросился обнимать его. Капитанъ, не говоря ни слова, съ ногъ до головы мрачно оглядѣлъ восторженнаго кулчика и подумалъ: „должно-быть здорово хлебнулъ на проводахъ“. Рабочій, что перетаскивалъ на богатырскихъ своихъ плечахъ грузный чемоданъ Меркулова, показался ему такимъ хорошимъ и добрымъ, что онъ объ этомъ высказалъ ему напрямикъ и тутъ же подарилъ рубль сребромъ. Рабочій выпучилъ удивленные глаза на Меркулова, но опомнившись, крѣпко сжалъ въ увѣсистомъ кулакѣ бумажку и наскоро отвѣсивъ низкій поклонъ щедрому пассажиру, бѣгомъ пустился вдоль по палубѣ, думая про себя „Подгулялъ, сердечный!... Уйти до грѣха, а то пожалуй опомнится, да назадъ потребуетъ.“ И всѣ пассажиры показались Никитѣ Ѳедорычу такими хорошими и добрыми, а рѣчи ихъ такими разумными, что онъ тотчасъ же со всѣми перезнакомился и до такой степени сталъ веселъ и разговорчивъ, что и пассажиры про него то же самое подумали что и капитанъ съ богатыремъ рабочимъ. Грязная, плохими лачугами обстроенная Бакалда, восторженнымъ глазамъ Меркулова представлялась прекрасно устроенной пристанью, самое небо съ нависшими свинцовыми тучами—яснымъ, лучезарнымъ. Одно

* Бакалда—казанская пристань на Волгѣ.

лишь было ему не по мысли — очень ужъ долго, по мнѣнiю его, медлили сборами, долго не отваливали отъ пристани....

Подняли сходни,* и пароходъ заворотивъ къ верху, быстро побѣжалъ, извергая изъ желѣзныхъ усть клубы густаго чернаго дыма и снопы огненныхъ искръ... Мѣрно бьетъ онъ крылами многоводное лоно матери рѣкѣ и ручьевъ, кипитъ по бокамъ его мощно разсѣкаемая влага, а онъ летитъ все быстрѣй, все впередъ. Берега такъ и мелькаютъ. На широкихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ ларусахъ и топселяхъ,** одинъ за другимъ вылетаютъ длинныя роспины съ высокими носами, съ узкими кормами, съ бортами огороженными низкими перильцами, въ догонку за ними бѣгутъ большія, грузныя, но легкія на ходу гусанки съ небольшою оснасткой и съ низкими, открытыми бортами, дальше плетутся черепашьимъ шагомъ нагруженные пермскою солью уемистыя, неуклюжія лоды, бархоты, шитики и проконопаченные мочаломъ межеумки, вдали сверкаютъ бѣлизной ветаужскія сплавныя бѣяны, чернѣютъ густо осмоленные кладушки. Всѣхъ оставляя далеко за собой, вольной птицей летитъ по рѣкѣ пароходъ, а Меркулову кажется что онъ чуть ли не на мель сѣлъ... Охъ, еслибъ крылья—такъ бы и ринулся онъ впередъ соколинымъ полетомъ...

Не сидится Никитѣ Федорычу въ тѣсной душной каютѣ, вышелъ на палубу освѣжиться. Съ лѣваго берега подувало холоднымъ вѣтромъ, то и дѣло начинался косой дождикъ, но только-что пропустилъ онъ хорошенько, тотчасъ притихнетъ, а потомъ опять и олять. Быстро тучи несутся по небу, и рѣка и берега кроются вечернимъ сумракомъ... Пассажиры сидятъ по каютамъ, укрываясь отъ непогоды, одинъ Меркуловъ остается на кормовой палубѣ. Походилъ онъ, походилъ взадъ и впередъ, къ ларовику подошелъ, и долго, пристально глядѣлъ какъ ровно, мѣрно, почти беззвучно поднимаются и опускаются рычаги машины. Долго стоялъ онъ тутъ, защищенный отъ вѣтра и дождя каютками капитана и лоцмана, что построены надъ колесными кожухами. Насмотрѣвшись на машину, Никита Федорычъ подошелъ къ перильцамъ, отдѣ-

* *Сходня* или *сходни* — доска съ набитыми на ней брусками для схода съ судна на берегъ.

** *Топсель*—верхній парусъ; онъ поменьше нижняго—*кореннаго* или *ходоваго*.

лавнымъ налугу третьяго класса, окинулъ глазами бывшихъ тамъ. Одно лицо показалось ему знакомымъ. Русский, лѣтъ еорока, невысокаго роста, въ теплой суконной сибиркѣ, только-что потрапезовалъ онъ на сонъ грядущій и, собираясь улечься на боковую, обратился лицомъ къ востоку, снялъ картузъ и сталъ на молитву, крестясь по старинѣ двуперстно. Стоялъ онъ примехонько передъ Меркуловымъ. Взглядывая въ его лицо, Никита Ѳеодорычъ убѣждался что гдѣ-то видалъ его... Усиленно старается вспомнить гдѣ и когда встрѣчался съ русымъ, но какъ нарочно захлестнуло у него въ памяти... А любопытство между тѣмъ возбуждалось до крайности, и только-что русский кончилъ молитву Меркуловъ подошелъ къ нему, спросилъ:

— Кажется мы гдѣ-то съ вами видались?

Пристально поглядѣвъ русский на Меркулова.

— Ахъ, батюшка! вскакнулъ онъ. — Никакъ господинъ Меркуловъ будете?

— Онъ самый, молвилъ Никита Ѳеодорычъ, радуясь что русский призналъ его. — Скажите однако гдѣ мы съ вами видались? У меня что-то изъ памяти вонъ.

— Въ Питерѣ, сударь, въ Питерѣ, весело отвѣчалъ русский. — Въ Питерѣ, у Дмитрія Петровича Веденѣва. Въ прикащикахъ у его милости служу, Флоръ Гавриловъ, если припомните...

— Ахъ, Флоръ Гаврилычъ! Какъ я радъ что встрѣтился съ вами! говорилъ съ увлеченьемъ Меркуловъ. — Гдѣ теперь Дмитрій Петровичъ?

— У Макарья въ ярманкѣ, отвѣчалъ Флоръ Гавриловъ. — Бду къ нему съ отчетами изъ Саратова.

— Какъ я радъ, какъ радъ такой пріятной встрѣчѣ, говорилъ Никита Ѳеодорычъ, обнимая и крѣпко-цѣлуя Флора Гаврилова, къ немалому его изумленью. „Что за Свѣтло Воскресенье нашло на него“, думаетъ Флоръ Гавриловъ. И вспало ему на умъ то же самое что подумалось и капитану и рабочему съ богатырскими плечами и пассажирамъ: „хлебнулъ должно-быть лишнее ради сырой погоды.“

— Давно ли Митенька въ ярманкѣ? спросилъ Меркуловъ у Флора Гаврилова.

— Дмитрій-отъ Петровичъ? Да какъ вамъ доложить—дня за три либо за четыре до перваго Спаса прибыли. Теперь вотъ ужъ безъ малаго мѣсяцъ, сказалъ Флоръ Гавриловъ.

— Гдѣ присталъ? На Гребловской что ли, на баржѣ? спрашивалъ Никита Ѳедорычъ.

— Какъ возможно?... молвилъ Флоръ Гавриловъ.—И далеко тамъ и грязно, а ужъ зона такая что не приведи Господи. Теперь на самой ярманкѣ много гостиницъ настроили, хозяевамъ по пристанямъ не слѣдъ теперь проживать....

— Гдѣ жъ онъ остановился?

Флоръ Гавриловъ сказалъ гдѣ остановился Веденѣевъ. Никита Ѳедорычъ ногъ подъ собой не слышалъ отъ радости скорого свиданья не только съ невѣстой, но и съ самымъ близкимъ пріятелемъ... „Кстати, очень кстати подѣхалъ Митенька къ Макарью, думаетъ, онъ про себя, теперь мою эстафету онъ ужъ получилъ. Пособить моему горю, развяжетъ меня съ тюлемъ.“ И крѣпко Меркуловъ жалъ руку Флору Гаврилову, звалъ его въ рубку * чайку напиться, поужинать, побесѣдовать. Надвинуться не могъ прикащикъ такимъ ласкамъ хозяйскаго пріятеля.

— Покорнѣйше благодаримъ, Никита Ѳедорычъ, только увольте пожалуйста, отвѣчалъ онъ на приглашенья Меркулова.—Намъ вѣдь ходу туда нѣтъ, мы вѣдь третьяго класса—на то порядокъ. Вы вотъ въ первомъ слѣц, такъ вамъ вездѣ чистый путь, а нашему брату за эту перегородку нельзя пройти.

— Ничего, я скажу тамъ, перебилъ Меркуловъ.

— Нѣтъ ужъ увольте, стоялъ на своемъ Флоръ Гавриловъ.—Я же... Очень благодарны за ваши ласки.... Я ужъ признаться и чайку лопилъ, и чѣмъ Богъ послалъ поужиналъ, спать теперь надо. Пора. Наши за Волгой давно ужъ спать. **

— Гдѣ жъ вы ляжете? заботливо спросилъ Меркуловъ.

— А вотъ тутъ же на палубѣ.

— На вѣтру, на дождѣ? Какъ это можно! воскликнулъ Никита Ѳедорычъ.

— Не сахарные, не растаемъ, съ улыбкой отвѣтилъ Флоръ Гавриловъ.

— А постель-то гдѣ же у васъ?

— Постель-то! усмѣхнулся Флоръ Гавриловъ.—Одинъ кулакъ въ головы, другой лодъ бокъ—вотъ и постель.

* Свѣтлая каютка, поставленная у кормы на пароходной палубѣ надъ сходомъ въ каюты.

** Поговорка, употребляемая на Горахъ—она значитъ: поздно. На лѣвомъ берегу Волги, въ Лѣсахъ, эта поговорка не употребляется.

— Какъ это возможно! вскрикнулъ Меркуловъ.

— Дѣло, сударь, привычное, отозвался Флоръ Гавриловъ.— Наме вамъ наиглубочайшее, и вамъ тоже чать пора на боковую.

И не хотѣлось, а пошелъ Меркуловъ на кормовую палубу.

Темнѣло. Одинъ за другимъ пассажиры стали на опочивъ укладываться. Въ третьемъ классѣ невзыскательные мужики, бабы, солдаты, Татары, поужинавъ здоровыми ломтями чернаго хлѣба съ огурцами и незрѣлыми яблоками, развалились по палубѣ. Зипунъ, лодъ голову, постель досчатый, рубчатый помость, одѣяло синее небо, хоть въ тотъ вечеръ оно было вовсе не синее, а ровно смоль черное. Ни единой звѣздочки, ни единого клочка небеснаго свода... Нѣтъ, нѣтъ, а дождичекъ и почнетъ накрапывать, а потомъ и прилустить, и зачастить, а тѣ спать себѣ, во славу Божію, лишь только изрѣдка который-нибудь съ холоду да отъ сырости маленько пожметса... Поужинали и въ первомъ классѣ. Долго тутъ бѣгала пароходная прислуга съ мисками, съ тарелками, съ блюдами. Тамъ не то что на носу въ третьемъ классѣ: ѣли дольше и больше, не огурцы съ рѣшетнымъ хлѣбомъ, а только-что изловленныхъ стерлядей, вкусныя казанскія котлеты, цыплятъ и молодую дичь изъ Коктайскихъ лѣсовъ. Наконецъ всѣ поужинали, всѣ по мѣстамъ разлеглись. Ходить сонъ по людямъ, спать они ровно маковой воды напились.

Меркуловъ взялъ особую каюту, чтобъ быть одному, чтобъ не мѣшали сосѣди ночнымъ думамъ его... Легъ на койку не спится: то невѣста мерещится, то тюлень. Пароходъ бѣжалъ и ночью — паводокъ стоялъ высокій, погода была мокрая, татинцовскій * лоцманъ Волгу знаетъ какъ ладонь свою—значить перекатовъ да мелей бояться нечего. Мѣрный шумъ колесъ, мѣрные всплески воды о стѣны парохода, мѣрные звуки дождя бившаго въ окно каюты, звонъ стакана, оставленнаго на столѣ рядомъ съ графиномъ и отъ дрожанья парохода лѣвшаго свою нескончаемую унылую пѣсню, хралъ и носовой свистъ во всю сласть славшихъ пассажировъ, все наводило на Меркулова тоску невыносимую. Лампа въ общей каютѣ погасла и повсюду стала тьма непроядная.

* Лучшіе волжскіе лоцманы изъ села Татинца, что немного выше Лыскова.

И вдругъ голоса. Будто издалека несутся они.

— Пять!

Тихе колеса шумятъ, пароходъ малымъ ходомъ пошелъ.

— Пять!

Еще меньше шума, еще медленнѣй пошелъ пароходъ.

— Четыре съ половиной!

— Бери на лѣво, отозвался другой голосъ, немножко поближе.

— Есть на лѣво! раздается третій голосъ вдали.

— Пять!

— Пять!

Знакомы Меркулову волжскіе клики... „Мель, подумалъ онъ. Неужто мы Козловку пробѣжали, неужто въ Анѣшенскомъ затонѣ теперь? * Солнышко ужъ совсѣмъ почти сѣло какъ мы отваливали отъ Бакалды. Неужто пятьдесятъ верстъ выбѣжали?..“ Хотѣлъ на часы взглянуть, но лампы нѣтъ, свѣчекъ нѣтъ, наверхъ сходить—одѣваться не охота. Подъ хлестъ дождя, подъ шумъ колесъ, подъ мѣрные всплески волны такъ хорошо пригрѣлся онъ подъ теплой шинелью, что раскрыться было бы ему теперь не малымъ лишеніемъ... Да и какъ взойти на верхъ?... Темъ страшная, ходы незнакомые, ощулю идти, чего добраго въ люкъ угодишь.... Пой тогда „вѣчную память“. За чѣмъ же теперь умирать?.. И невѣста ждать и пріятель, да и тюлень Богъ дастъ съ выгодой можно будетъ продать.

— Пять съ четвертью!

— Шесть!

— Шесть!

„Что жъ это они? Съ ума слетили?“ думаетъ лежа въ темнотѣ Меркуловъ. „Пять съ четвертью, шесть наконецъ, а промѣрщикъ все не кладетъ шеста, все мѣряетъ да кричитъ. Морской глубины что ль ему надо? А пароходъ все тихе да тихе... Не случилось ли чего?“

И вдругъ шумъ... Секунда—онъ удвоился, еще секунды двѣ—утроился, учетверился... Блеснулъ въ окно каюты ар-

---

* Козловка — село Чебоксарскаго уѣзда и пристань на правомъ берегу Волги въ 45 верстахъ выше Казани. Выше Козловки верстахъ въ четырехъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу рѣка Илеть, напротивъ ея устья Анѣшенская мель и затонъ (рѣчной заливъ) того же названія.

кѣй кроваво-красный свѣтъ и тотчасъ исчезъ. Страшная громада несется мимо парохода.... Какой-то испанскій звѣрь странной осанки плыветъ на встрѣчу всего въ трехъ-четыреихъ сажняхъ... Вотъ другой огонь загорѣлся зеленый, подъ тѣмъ огнемъ громадные крылья мелко воду дробятъ.... Быстро, неудержимо несется чудовище... Вотъ миновало—и опять блеснуло краснымъ огнемъ... Живѣй заходили колеса, быстрѣй лобѣжалъ пароходъ... И не можетъ понять Меркуловъ: во снѣ ль видѣлъ все это, иль наяву ему померещилось.

„Значить мы въ узкомъ мѣстѣ. Рѣчной стержень чудищу отдала, а сами къ бочку. Отъ того-то видно и мѣряли по ляти, да по шести... А еслибъ нельзя было уйти, еслибы чудище столкнулось съ нами?.. Что скорлапу раздавило бы нашъ пароходъ... Принимай тогда смерть неминуемую, о спасеньѣ и думать бы нечего!.. Намедни въ Царицынѣ чумахъ собаченку фуруй переѣхалъ—не взвизгнула даже сердечная... Такъ бы и съ нами было—пошелъ бы я ко дну и былъ бы таковъ.“

И напалъ на него страхъ смерти и тоска одолѣла его. „Утонуть!.. Утонуть наканунѣ свиданья съ Лизой.... Помилуй Господи и сохрани отъ напрасныя смерти!.. Мнѣ что?.. Захлѣбнулся и дѣло и съ концомъ, а ей-то бѣднаяжкѣ какво будетъ?.. Убиваться станетъ, изноетъ вся, истоскуется... А впрочемъ молода еще — поплачетъ, потоскуетъ, а по времени забудетъ и утѣшится... Молода еще—другаго найдетъ... А ты лежи себѣ смиренхонько въ могилѣ... Холодно, сыро, темно!.. Вотъ и здѣсь и холодно и сыро и темно... Господи! ужъ я не въ могилѣ ль?... Вотъ и шевельнуться не могу, потому что холодно и сыро. Тогда какъ это чудище сверкнуло кровавыми огненными глазами, можетъ-быть оно ударилося объ нашъ пароходъ и затопило его... Отъ удара я не вспомнилъ, обезламятѣлъ, а теперь въ могилѣ очнулся... Да нѣтъ—у меня мысли въ головѣ, значить я живъ, въ могилѣ мыслей нѣтъ... Сидѣли мы разъ съ Митенькой у Брайтона въ Петербургѣ... Чай пили... Англичанинъ изъ Америки былъ тутъ—какъ бишь его?.. Нѣтъ, не вспомню!.. Еще такъ хорошо по-нашему говорить. Какой-то особенной вѣры—въ Америкѣ вѣдь много вѣръ, что ни городъ — то вѣра... Какой бишь онъ вѣры-то?.. Не могу вспомнить... У насъ такой нѣтъ... Такъ онъ говорилъ... что бишь онъ говорилъ?.. Тогда я много думалъ надъ тѣмъ что онъ ска-

зываетъ и повѣрилъ и теперь вѣрю, если женюсь и Лиза велю вѣрить, дѣти родятся и имъ велю такъ вѣрить... Что жъ онъ говорилъ?.. Не могу вспомнить... Ахъ, да... Человѣкъ не умираетъ, въ минуту смерти онъ только что забудется, тотчасъ очнется—и увидитъ что стоитъ онъ на страшномъ судѣ... И всѣ тутъ съ нимъ, всѣ отъ Адама до послѣдняго человѣка и всѣмъ кажется что они забылись на одну только секунду... Тысячи лѣтъ прошли, а каждому секундой они показались... И всѣмъ такъ, всѣмъ отъ Адама до послѣдняго человѣка... Вѣдь у Бога что мигъ, что тысячу лѣтъ все одно... Значитъ я еще не умеръ, а то бы стоялъ на страшномъ судѣ... А хорошо говорилъ тотъ Американецъ—такъ бы все и слушалъ его... Ежели я думаю, значитъ я живу, говорилъ онъ, стало-быть не умеръ... А какъ темно, сыро и холодно!... Господи! когда жъ это кончится, скоро ли свѣту намъ дашь?.. А, вотъ и свѣтъ!... Разсвѣтаетъ!.. Отчего жъ это сегодня разсвѣтъ такъ быстро идетъ?.. Не успѣла заря заняться, а ужъ совсѣмъ свѣтло... Это что-то особенное, что-то невозможное... Живу ли я?.. Нѣтъ, нѣтъ, вспомнилъ—у насъ въ Коммерческой Академіи физикѣ учили... Оптическія явленія... Нѣтъ не въ физикѣ, а въ физической географіи... Ну да, конечно, въ физической географіи—еще учитель такой былъ рябинкой, приземистый, какъ билишь его—забылъ... Онъ это разказывалъ, а физикѣ училъ высокій, гладкій, съ рыжими баками... А Флоръ Гавриловъ вѣдь ничего не знаетъ объ оптическихъ явленіяхъ и какъ я думаю теперь онъ удивляется такому скорому разсвѣту... И всѣ удивляются... боятся даже... Народъ вѣдь суевѣрный, ничего не знаетъ про оптическія явленія... Сходить къ Флору Гаврилову, объяснить ему?... Да нѣтъ, холодно, сыро; кажется сними только шинель, тотчасъ замерзнешь... А! пристаемъ... Скоренько же доѣхали... Какъ не хочется одѣваться... А надо... Ну, ничего, одѣнемся... Ничего, теперь тепло, не сыро... Что это за колокольчикъ?... Въ городахъ вѣдь запрещено ѣздить съ колокольчиками... Звенитъ, и не простой колокольчикъ, а ровно серебряный, или стеклянный... Что жъ это такое?... Это не Макарій... А!.. Устье Иргиза.... Должно-быть лоцманъ-отъ въ просонкахъ давича назадъ повернуть.... Просту покорно! И по Иргизу бѣжитъ пароходъ... Какіе нынче

однако стали у насъ хорошіе пароходы строить — по песку ходять... Пріѣхали!... Доронинская мельница!.. Ишь какъ шумить, ишь какъ плещутся волны... Десять поставовъ!.. Кому-то отдастъ ее Зиновій Алексѣичъ? Лизѣ или Наташѣ?.. Я бы тутъ иное завелъ — тюленя бы сталъ молоть... Славный у нихъ домъ на мельницѣ... И зачѣмъ было имъ въ Вольскѣ переѣзжать, понапрасну тратить-ся?.. Цвѣты-то какіе!.. Осень на дворѣ, а у нихъ розыны въ полномъ цвѣту... Розаны-то какіе!.. Безъ малаго аршишь перекрѣкъ... Яблоки-то!.. Котлы ливные. И какъ это они сучьевъ не обломать?.. А! Это отъ того что Лиза садами занимается, она все можетъ... А!.. На крыльцо Татьяна Андревна вышла... Съ чулокъ... Чулокъ вяжетъ, а слицы въ рукахъ такъ и вертятся... Зиновья Алексѣича должно-быть дома нѣтъ... Ну, конечно, нѣтъ дома — въ Астрахань вѣдь онъ уѣхалъ, тамъ у него бѣлугу поймали въ двадцать саженъ длиной... Икры-то должно-быть сколько!... Чуть не на цѣлую баржу... А Лизы нѣтъ... Чтò жъ это такое?.. А!.. Колокольчикъ!.. Бѣгутъ... Таратайка подѣхала — Наташа съ Веденѣевымъ... А Лизы нѣтъ... Спросить бы — да нѣтъ, не могу, силы нѣтъ... А!.. Мчится чудовище, и все тометъ въ кровавомъ блескѣ страшныхъ его глазъ... Живъ ли я?.. Нѣтъ, думаю, значить живу... Американецъ такъ говорилъ... Опять же я не на страшномъ судѣ, стало-быть не умираю!.. Чтò жъ это?.. А, догадался... Давеча на Бакалдѣ хотѣлъ я рубашку смѣнить да позабылъ... Это теперь не я думаю, а рубашка... Ну, да, да... Экая окверная!.. Вотъ я же тебя!.. Въ клочки изорву!..“

И только-что поднималъ руку какъ рубашка его въ зубы. Проснулся Никита Федорычъ съ синякомъ на скулѣ: съ вечера положилъ онъ на верхнюю койку тяжелую, суковатую козмодемьянскую палку — свалилась она и прямо ему на лицо...

Одѣлся, вышелъ на палубу. Послѣднія тучи минувшей непогоды еще видѣлись на западѣ, а солнце стояло ужъ довольно высоко. Посмотрѣлъ на часы — восемь. На палубѣ сидѣло ужъ нѣсколько человѣкъ. Никита Федорычъ прошелъ въ третій классъ, но не нашелъ тамъ Флора Гаврилова.

Поднялся на верхъ къ рулю, тамъ сидѣли капитанъ, лоцманъ и еще два, три человѣка. Хоть по правиламъ входъ на верхъ запрещенъ, но первоклассныхъ пассажировъ пускаютъ

безъ всякой помѣхи. Ласково поздоровался Меркуловъ съ капитаномъ и спросилъ у него:

— Что это ночью случилось?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ капитанъ.

— Какъ ничего? Дѣлали промѣры до шести футовъ. И потому что-то такое чудное, странно.

— Сампсонъ на встрѣчу попался. Мѣсто было узенько, пришлось въ сторону принять, сказалъ капитанъ.

— Сампсонъ? спросилъ Меркуловъ.

— Да, Сампсонъ — первенецъ нашихъ большихъ лароходовъ, отвѣчалъ капитанъ. — Безъ малаго лятьсотъ силъ. Такому богатырю поневоля дорогу дашь?

— Слышать-то слыхалъ я про Сампсона, а до сихъ поръ не видывалъ, молвилъ Меркуловъ. — А сколько баржъ онъ водить за собой?

— Какъ случится, отвѣчалъ капитанъ. — По пяти, по шести.

— Шесть баржъ! удивился Меркуловъ и пошелъ къ Флору Гаврилову.

Его все-таки не было видно. Думая что сошелъ онъ внизъ за кипяткомъ для чая, Никита Федорычъ сталъ у перегородки. Рядомъ стояло человѣкъ десять молодыхъ ларей, внимательно слушали они рассказы пожилаго бывалаго человека. Одѣтъ онъ былъ въ полушубокъ и разказывалъ про волжскія были и отжитыя времена.

— А вотъ на этой на самой горѣ разбойникъ Галани въ старыя годы живалъ. На своихъ на косныхъ съ молодцами удалыми разѣзжалъ Галанюшка отъ Саратова до Нижняго и много на Волгѣ бѣдъ натворилъ. Держался больше въ Жигуляхъ, а какъ только зачнется бывало торгъ у Старога Макарья, сюда переберется. Тутъ у него въ горѣ выходы были вырыты и какихъ богатствъ не было въ нихъ сорокано. Околовъ Галани надѣлалъ, валы насыпалъ для обороны, и теперь ихъ знать. Пушки на окопахъ-то стояли у него. Сколько разъ солдатъ на него высылали — каждый разъ либо отобьется, либо на Низъ, въ Жигули улизветъ. Всѣмъ обиды были отъ него великія, никому слуску не было, одну Хмѣлевку не трогалъ: тамъ ему бабы хлѣбы пекли и всякій харчъ его артели доставляли. Отъ того и не трогалъ, отъ того и было Хмѣлевцамъ житье ловольное, хорошее, вдоволь нажились они отъ Галани.... Вонъ она Хмѣлевка-то! прибавилъ разказчикъ, указывая на выглянувшую изъ-за

нагорнаго мыса слободу, что раскинулась въ полугорѣ вдоль по теченію Волги.

— Хмѣлевка! съ удивленьемъ сказалъ Меркуловъ.— Неужто въ самомъ дѣлѣ? Значить, къ Васильсурску подходитъ.

— Еще мысокъ обогнемъ, на Сурѣ будемъ, замѣтилъ разкащикъ.

— Скоро-жъ идемъ, сказалъ Меркуловъ, взглянувъ на часы.— Девяти еще нѣтъ, а мы больше половины пути пробѣжали.

— Гораздо бѣжимъ, молвилъ разкащикъ.— Солнышко не закатится будемъ на мѣстѣ. И маленько помолчавъ, опять ловелъ разказы про старинныхъ волжскихъ разбойниковъ.

XXIX.

Бѣжитъ, стрѣлой летитъ пароходъ. Берега то и дѣло мѣняются. Вотъ они крытые густой изумрудной зеленью, вотъ они обнаженные давними олознями, разукрашенные бѣлыми, зеленоватыми, бурыми и ярко-красными лентами. олоки. Впереди желтѣютъ пески лѣваго берега и пески отмелей; кажется водный путь прегражденъ, не будетъ выхода ни въ право, ни на лѣво. Но вотъ выдвинулся крутой мысъ, съ низу до верху облѣпленный деревянными домиками, а лодъ нимъ широкая, синеводная Сура, славная жирными, янтарными стерлядьми.

Пароходъ остановился, но къ Васильурской пристани не причалилъ. Дровъ до Исады * было достаточно, надо было только свезти на берегъ пассажировъ вѣхавшихъ до Василія и принять новыхъ ежели случатся. Нѣсколько лодокъ окружили пароходъ. Приплывшія бабы протягивали вверхъ третьекласснымъ пассажирамъ колоба лшеничнаго хлѣба, сайки, крендели, яблоки, огурцы, леченныя лица, вареную рыбу. Зазыванья торговокъ, ихъ перебранки и звонкіе крики разносились по всему плесу. Напрасно водоливъ и рабочіе во все горло кричали на бабъ чтобъ не лѣзли къ пароходу, лодчонки кругомъ облѣпили его. Наконецъ привезли новыхъ пассажировъ, пароходъ слегка двинулся и минутъ черезъ пять летѣлъ ужъ по рѣкѣ, межъ пологихъ лесча-

---

* Пристань Исады въ 68 верстахъ отъ Васильурска и въ 88 верстахъ отъ Нижняго.

ныхъ береговъ... Суры ужъ не видно было, стала теряться изъ виду и высокая, крутая гора Васильсурская.

Новыхъ пассажировъ было всего только двое: тучный кулчина съ маслянымъ смуглымъ лицомъ, въ суконномъ тоже замасляномъ сертукѣ и съ животомъ горѣ подобнымъ. Вошелъ онъ, сѣлъ на скамейку и ни съ мѣста. Сначала молчалъ, потомъ сталъ въ полголоса молитву творить. Икота его одолевала.

Еще сѣла на пароходъ какая-то странная женщина. По виду и одеждѣ ея трудно было догадаться кто она такая. Была не молода, но еще и не стара, слѣды рѣдкой красоты сохранились въ чертахъ лица ея. Одѣта въ черное шелковое платье, подпоясана чернымъ шагреевымъ поясомъ, на голову надѣтъ въ распускъ большой черный кашемировый платокъ. Ни по платью, ни по осанкѣ не походила она ни на скитскихъ матерей, ни на монахинь, что шатаются по бѣлу свѣту за сборами, ни на странницъ-богомолокъ. Все было на ней чисто, опрятно, даже изящно. Стройный станъ, скромно опущенный взоръ и какой-то особенный блескъ кроткихъ голубыхъ глазъ невольно остановили на ней вниманье Меркулова. „Не изъ простыхъ“, подумалъ онъ, глядя на прекрасныя ея руки и присматриваясь къ пріемамъ.

— Воды бы выкушали, сказала она, обращаясь къ тучному кулчинѣ.

— Не годится, матушка! Не поможетъ, едва могъ отвѣтить онъ.

— Отъ чего жъ не поможетъ? Попробуйте.

— Не годится, матушка.... Потому это отъ ботвинья... Отдышусь, Богъ милостивъ.

Черезъ нѣсколько минутъ кулчина въ самомъ дѣлѣ отдышался, а отдохнувши вступилъ въ разговоръ.

— Изъ Талызина, матушка, изволите ѣхать?

— Изъ Талызина.

— На сдаточныхъ?

— На сдаточныхъ.

— Дорогонько чать дали? молвилъ кулчина и не дождавшись отвѣта, продолжалъ:— Нонича, сударыня, эти ямщики, лесъ ихъ возьми, и съ живаго и съ мертваго дерутъ что захотятъ. Страху на нихъ не стало. Знаютъ собаки, лѣшкомъ не лойдешь, ну и ломаютъ сколько въ дурацкую башку имъ забредеть... На ярманку собрались, Марья Ивановна?

— Придется денька два либо три и на ярманкѣ пробыть, отвѣчала Марья Ивановна.

— А тамъ опять въ Талызино?

— Нѣтъ, въ Муромѣ надо мнѣ лобываться... По близости отъ него деревушка есть у меня, Родаково прозывается. Давненько тамъ не бывала—хочется поглядѣть... А изъ Родакова къ своимъ проберусь въ Рязанскую губернію.

— А въ Талызино-то когда же?

— И сама не знаю, Василій Петровичъ. Развѣ послѣ Рождества, а то пожалуй и всю зиму не приѣду. Въ Рязань-то у меня довольно дѣлъ накопилось, закончить надо.

— Эхъ-ма! А я было думалъ опять къ вашей милости лобываться... На счетъ лѣску-то, сказалъ Василій Петровичъ.

— Да вѣдь у насъ съ вами объ этомъ лѣсѣ не разъ было толковано, Василій Петровичъ, отвѣчала Марья Ивановна.— За безцѣнокъ не отдамъ, а настоящей цѣны вы не даете. Стало-быть нечего и говорить про лѣсъ.

— Растащутъ же вѣдь его у насъ, матушка. Вѣдь что ни годъ то порубка, сказалъ Василій Петровичъ.

— Ежели три, четыре дубочка, да десятокъ, другой осинику срубятъ, бѣда еще не велика, замѣтила Марья Ивановна.— Опять же у меня лѣсъ не безъ призора.

— Караулы-то ваши не больно крѣпки, сударыня, сказалъ Василій Петровичъ.

— Нѣтъ, молвила Марья Ивановна,—Сергѣюшкой я очень довольна и другими кто съ нимъ живетъ. Берегутъ лѣсокъ пуще глаза.

— Ужъ больно велики хоромы-то вы имѣ въ лѣсу-то поставили. Что твой господскій домъ!

— Пуцай просторнѣй живутъ, улыбнулась Марья Ивановна.— Что жъ? Лѣсъ свой, мохъ свой, кирпичъ свой, плотники да пильщики тоже свои. За одно желѣзо деньги плачены... А отчего жъ мнѣ не успокоить стариковъ?... Они заслужили. Сергѣюшка теперь больше тридцати годовъ изъ лѣсу почти шагу не дѣлаетъ.

— Намолвка не больно хороша про него, прищурясь молвилъ Василій Петровичъ.

— Что такое? пристально поглядѣвъ на тучнаго купчину, спросила Марья Ивановна.

— Кудесничаетъ, колдуетъ слышь что ли въ лѣсу-то, промолвилъ Василій Петровичъ...

Едва замѣтный румянецъ мгновенно пробѣжалъ по лицу Марьи Ивановны, но тотчасъ же безслѣдно исчезъ. Лежавшая вдоль бортоваго лѣручья рука ея чуть-чуть вздрогнула. Но голосъ былъ совершенно спокоенъ.

— Какой вздоръ! она молвила. — Мало ль какихъ глулостей народъ не наскажетъ. Нельзя же всякому толку вѣру давать.

— Оно конечно, можетъ и врутъ, согласился Василій Петровичъ. — Однако жь вотъ это я и самъ замѣчалъ, что Сергій почти совсѣмъ отъ Божьей церкви отсталъ, да и тѣ что съ нимъ въ лѣсу живутъ тоже рѣдко въ храмъ Господень заглядываютъ.

— Церковь-то далековъко отъ нихъ, Василій Петровичъ, сказала Марья Ивановна. — А зѣмой ину пору въ лѣсу-то изъ сугробовъ и не выдерешься. А не случилось ли вамъ когда-нибудь говорить про Сергѣюшку съ нашимъ батюшкой съ отцомъ Никифоромъ? Знаете ли что Сергѣюшка-то не меньше четырехъ разъ въ году у него исповѣдуются да общаются... Вотъ какой онъ колдунъ! Вотъ какъ бѣгаетъ онъ святой церкви. И не одинъ Сергѣюшка, а и всѣ что въ лѣсу у меня живутъ и мужчины и женщины.

— Слыхать-то это я точно слыхалъ, и не одинъ даже разъ съ отцомъ Никифоромъ разговаривалъ, молвилъ Василій Петровичъ. — Въ томъ только у меня сумнительство что вѣдь народъ-отъ съ чего-нибудь да взялъ же про него такъ разказывать. Безъ огня дыма, матушка, не бываетъ.

— Людскихъ рѣчей, Василій Петровичъ, не переслушаешь, сухо отвѣтила Марья Ивановна. — Однако-жь холодно стало. Сойти было въ каюту да чаю спросить.

И медленной, величавой походкой пошла.

— Кто такая? спросилъ Меркуловъ у Василья Петровича.

— Алымова помѣщица, отвѣчалъ Василій Петровичъ. — Сосѣдка намъ будетъ. Мы и сами прежде Алымовскіе были, да я еще отъ родителя ея откупился, вольную значить получилъ.

— Зачѣмъ это она такъ радится? спросилъ Никита Оедорычъ. — Старица не старица, а Богъ знаетъ на кого похожа. Въ дорогу что ли она такъ одѣвается?

— Завсегда такъ: и дома, и въ гостяхъ, и въ дорогѣ, сказалъ Василій Петровичъ.

— Что за чудиха!

— Кто ее знаетъ.... Теперь вотъ ужъ болѣ пятнадцати лѣтъ какъ дурь на себя накинута, сказалъ Василій Петровичъ. — Теперь ей безъ малаго сорокъ... Постарѣла конечно, а посмотрѣть бы на нее какъ молоденькая была. Что за красота такая. И умная и добрая барыня.

— А много-ль у нея крестьянъ? полюбопытствовалъ Меркуловъ.

— Сотъ шесть, а пожалуй и болѣ, молвилъ Василій Петровичъ. — Въ нашей вотчинѣ три ста душъ, во Владимірской двѣсти, да въ Рязанской съ чѣмъ-то сотня. У барина, у покойника, домъ богатѣйшій былъ... Сады какіе, а въ садахъ всякія древа и цвѣты заморскіе.. Опять же ранжереи, псарня, лошади... Дворни видимо-невидимо—ста полтора. Широко жить, нечего сказать.

— И все Марья Ивановна досталось?

— До послѣдней капельки. Единственная была дочь. При ней не то житье пошло. Извѣстно, ежели некому добрымъ хозяйствомъ путемъ распорядиться, не то что вотчина, царство пропадетъ. А ея дѣло дѣвичье. Куда жь ей? Опять же и чудить. И пошло все врознь, пошло да поѣхало... А вы, смѣю спросить, тоже изъ господъ будете?

— Нѣтъ, я саратовскій купецъ Никита Ѳедоровъ Меркуловъ.

— Такъ-съ. Дѣло хорошее, подходящее, можно значить съ вашей милостью про господъ маленько поволянѣй говорить... Я и самъ, государь мой, алатырскій купецъ Василій Петровъ Морковниковъ. Маслами торгуемъ, да земаями помаленьку заимствуемся, беремъ у господъ въ короткому, въ годы. Заводишки тоже кой-какіе имѣемъ,—живемъ благодаря Бога, управляемся всевышней милостью. Теперича для нашего брата купца времена подошли хорошія: господа почитай всѣ до единого поистратились, кармашки-то у нихъ поизѣрвались малешенько, деньжонкамъ не водъ, такъ намъ и можно свой антересъ соблаюсти. Вотъ теперь про волю пошли толки — дай-ка, Господи, пошли Свое совершеніе. Тогда, сударь, помаленьку да потихоньку все до нашихъ рукъ дойдетъ—и зѣмли, и дома господскіе, все. Завѣряю васъ. Одно только нашему брату теперича надо въ помысленьи держать: „не зѣвай“... Смѣлкаку значить имѣй въ головѣ. А вы, государь мой, чѣмъ, торгуете?

— Рыбой да тюленемъ, отвѣчалъ Меркуловъ.—Ловимъ по волжскимъ низовьямъ да въ морѣ, а продаемъ у Макарья.

— Вотъ Господь-отъ свелъ! весело сказалъ Морковниковъ.—Не шибется ль у васъ, Никита Федоровъ, тюленька у Макарья-то?

— Теперь нѣтъ, а дня черезъ два либо черезъ три будетъ довольно, отвѣтилъ Меркуловъ.—Я самъ отъ Царицына ѣхалъ при тюленѣ, въ Казани только свѣлъ на пароходъ чтобы улредить караванъ, оглядѣться до него у Макарья, да къ цѣнамъ приноровиться.

— Такъ-съ! Дѣло хорошее, поглаживая бороду и улыбаясь сказалъ Морковниковъ.—Можетъ сойдемся... Поставилъ я, изволите видѣть, заводецъ мыловаренный. Поташныхъ у меня два давненько-таки заведены, а съ Покрова имѣю намѣреніе заняться мыловарнѣю въ ходъ пустить. По нашимъ мѣстамъ добротнаго мыла не надо, нашимъ чулахамъ, особливо Мордовкамъ, не яичнымъ рожи-то мыть, годить и тюленье. А рубахи да портки стирать и тюлень будетъ имъ на удивленье, — все-таки лучше мыловки али волнянки.* Совѣтовался я тоже кой съ кѣмъ... Свелъ меня однажды Господь этакъ же вотъ какъ съ вами на пароходѣ съ однимъ бариномъ. Изъ Петербурга его отъ выпшняго начальства присылали осматривать да описывать здѣшніе заводы да фабрики. Свидѣлся я еще послѣ того съ нимъ у одного нашего помѣщика. Ну и побесѣдовали. Ума, сударь! палата, а къ настоящему дѣлу рѣчи не подходящи. Надо, говоритъ, варить мыло изъ оленки** да изъ соды. Про тюленя да про поташъ и слышать не хочетъ. А кажись бы человекъ хорошій, душевный, хитрости ни на капельку.... Ну, я его не послушался,—хочу на поташѣ съ тюленемъ испробовать. Куда нашимъ Мордовкамъ соду да оленку! Толстоноги чулахи*** пожалуй за мѣсто пряниковъ хорошо-то

---

* *Мыловка*—ископаемое, мыловатое на ощупь, изъ породы талька, вещество, употребляется при валяньи сукожь. *Волнянка*—растеніе *Dianthus superbis*. И мыловка и волнянка употребляются по захолустьямъ вмѣсто мыла.

** Олень.

*** Мордовки навиваютъ на ноги множество портянокъ и полотенецъ, такъ что ноги у нихъ ровно бревно. Это почитается большой красой и щегольствомъ. Отъ того Мордовокъ и зовутъ *толстоногими* либо *толстопятами*.

...ило сожруть. Не можно ль у васъ, Никита Федорычъ, тюленька-то получить? Только мнѣ не мало потребуется. Найдется ль столько у васъ?

— А сколько? спросилъ Меркуловъ.

— Да тысячь восемь пудовъ потребуется, съ важнымъ видомъ молвилъ Морковниковъ.

— Найдется, сказалъ Никита Федорычъ.—Въ десять разъ не въ десять, а въ восемь разъ больше того удовлетворить васъ могу.

„Э! Да это видно изъ коренныхъ рыбаковъ,“ подумалъ Василий Петровичъ, и со сладкой улыбкой маслянаго лица обратился къ Меркулову, прищуривъ лѣвый глазъ:

— А цѣна ваша будетъ какая?

— Еще не знаю. Завтра, ежели вамъ угодно будетъ со мной повидаться, скажу, отвѣтилъ Никита Федорычъ.

— Не въ примѣръ бы лучше теперь же здѣсь на досугъ порѣшить, съ заискивающей улыбкой молвилъ Морковниковъ.—Вотъ бы мы сейчасъ съ вами въ общу каюту пошли, да ушину бы стерляжью, аль московску соляночку заказали, осетринки бы хорошенькой, у нихъ лоди и бѣлорыбицы елабужской можно дослѣть. Середя сегодня—мяснаго не подобаетъ, а пожелаете, что жь дѣлать? можемъ для васъ и согрѣшить—оскоромиться. Бутылочку бы холодненькаго распили, — все бы какъ слѣдуетъ.

— Если хотите позавтракаемъ пожалуй вмѣстѣ, теперь же и время, сказалъ Меркуловъ.—Только напередъ уговоры: ни вы меня, ни я васъ не угощаемъ — всѣ расходы пополамъ. Другой уговоръ еще, цѣна на тюлень та, что будетъ завтра у Макарья, а теперь и рѣчей про нее не заводить.

Маленько нахмурился Василий Петровичъ.

— Два бы рублика за лудъ положили, и по рукамъ бы, оказалъ онъ.

„Два рубля! подумалъ Меркуловъ.—Вотъ оно что! А писали про рубль да про рубль съ гривной... Не порѣшить ли?“ Однако не рѣшился. Сказалъ Морковникову:

— Черезъ сутки, даже раньше мою цѣну узнаете. А чтобъ доказать вамъ мое къ вамъ уваженіе, напередъ согласенъ десять копѣекъ съ рубля уступить вамъ противъ цѣны что завтра будетъ у Макарья.... Идетъ что ли? прибавилъ онъ, протягивая руку Морковникову.

— Идетъ, радостно и самодовольно улыбаясь, воскликнулъ Василій Петровичъ.—А не въ примѣръ бы лучше здѣсь же, на пароходѣ, покончить. Два бы рубляка взяли, десять процентовъ, по вашему слову, скидки. По рублю бы по восьми гривенъ и порѣшили.... Подумайте, Никита Ѳеодорычъ, сообразитесь,—ей Богу въ обидѣ не останетесь. Увѣраю васъ честнымъ словомъ. Деньги бы всё слодна сейчасъ же на столѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ до завтра, рѣшительно сказалъ Никита Ѳеодорычъ.—Пойдемте-ка лучше завтракать.

— Пожалуй, лѣнливо и маленько призадумавшись проговорилъ Морковниковъ, и тяжело привсталъ со скамьи.

— Эй, ты, любезный! крикнулъ онъ наскоро проходившему каютному половому.

— Чтò требуется вашей милости? спросилъ тотъ, укорачивая шагъ, но не останавливаясь.

— Уху изъ самолучшихъ стерлядей, чтò есть на пароходѣ, съ налимьими печенками, на двоихъ, сказалъ Морковниковъ.—Да чтобы стерлядь была сурская, да не мелюзга какая, а мѣрнал, отъ глаза до пера вершковъ тринадцать, четырнадцать.

Половой приостановился.

— Телячьи котлеты съ трюфелями, въ свою очередь приказалъ Меркуловъ.

Половой поближе подошелъ къ нему.

— Холодненькаго бутылочку, приказалъ Василій Петровичъ.

— Заморозить его хорошенько, прибавилъ Никита Ѳеодорычъ.

— Редеру прикажите али клико?

— Клику подавай, сказалъ Василій Петровичъ.— Оно, слышь, позабористѣй, обратился онъ къ Никитѣ Ѳеодорычу.

— Слушаю-сь, проговорилъ половой, почтительно стоя передъ Меркуловымъ и Морковниковымъ.

— Зернистой укры къ водкѣ подай, балыка, да чтобы было все самое наилучшее. Слышишь? говорилъ Морковниковъ.

— Слушаю-сь. Все будетъ въ настоящей готовности для вашей милости.

— Рейнвейнъ хорошій есть? спросилъ Меркуловъ.

— Есть-сь.

— Бутылку. Да лущенаго гороха со сливочнымъ масломъ. Понимаешь?

— Можемъ понимать-сь, утвердительно кивнувъ головой сказалъ каютный.

— Можно бы, я полагаю, и осетринки прихватить, будто нехотя проговорилъ Морковниковъ. — Давеча въ Василѣ ботвиньи я съ осетриной похлѣбалъ, разчудесная, а у нихъ на пароходѣ отминыше еще. Такая, я вамъ доложу, Никита Федорычъ, на этихъ пароходахъ бываетъ осетрина что въ иномъ мѣстѣ ни за какія деньги такой не получишь.... Такъ говорилъ Василій Петровичъ, забывъ какво пришлось ему послѣ васильсурской ботвиньи.

— Осетрины холодной съ провансалемъ, приказалъ Никита Федорычъ.—Вы любите провансаль?... обратился онъ къ Василью Петровичу?

— Чтò за штука такая? съ недоумѣньемъ спросилъ Морковниковъ. — Мнѣ съ хрѣнкомъ да укусукомъ, примодвиль онъ обращаясь къ половому.

Въ это самое время изъ окна рубки, чтò надъ каютами, высунулся тощій, болѣзненный, съ рѣдкими прилизанными бѣловатыми волосами и съ желтозеленымъ отливомъ въ лицѣ, бѣдно одѣтый молодой человѣкъ. Задыхаясь отъ кашля, кричалъ онъ на полового.

— Телячьи ножки тебѣ приказаны, а ты ни съ мѣста!... Чтò это такое? На чтò похоже? Чтò у васъ за дикіе порядки?

И, страшно закашлявшись, оперся обѣими руками о подоконникъ.

— Сейчасъ-сь, небрежно отвѣчалъ ему половой, видимо предпочитавшій новый заказъ заказу чахоточнаго.

„Копѣйки мѣдной на чай съ тебя не получишь, думалъ онъ, а съ этихъ по малости два двугривенныхъ перепадеть.“

— Обличить васъ надо!... Въ газетахъ пропечататы!... Погидите!.. Узнаете вы меня!... задыхаясь отъ злобы и кашля, неистово кричалъ чахоточный.—Капитана подай мнѣ!.. Это ни на чтò не похоже!

Капитана не подали, а ножки тотчасъ привесли. Съ жадностью накинулся на нихъ чахоточный, успѣвъ передъ тѣмъ опорожнить три-четыре уемистыхъ рюмки очищеннаго.

— Изъ кутейниковъ надо-быть, тихонько замѣтилъ Морковниковъ.—Теперь очень много изъ лоповичей такого народа развелось.

Завтракать подали въ рубку. Расправившись съ телячьими ножками, поповичъ куда-то скрылся, должно-быть отправился на боковую; а можетъ-быть писать обвинительную статью о телячьихъ ножкахъ. Остался Меркуловъ вдвоемъ съ новымъ знакомцемъ. Морковниковъ сталъ было опять къ Никитѣ Ѳедорычу на счетъ тюлена подъѣзжать, но Меркуловъ устоялъ и рѣшительно сказалъ что до прїѣзда на ярманку ни одного слова не скажетъ по этому дѣлу. Морковникову дѣлать было нечего, пришлось уступить. За то ужъ позавтракалъ онъ. Ни васьурской ботвиньи, ни мучительной икоты ровно никогда и не бывало, ѣлъ будто сказано было ему что трое сутокъ во рту у него маковой росинки не будетъ. И закуска, и уха, и котлеты, и осетрина ровно въ безднѣ исчезли. Умѣлъ покушать Василій Петровичъ. Когда завтракъ поконченъ былъ, онъ съ довольной улыбкой сказалъ Меркулову:

— Обѣдать-то придется видно поздневнко, часика этакъ черезъ три.

— Охъ, ужъ право не знаю, отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ.— Я сытехонекъ.

— Какъ такъ? Да нешто можно безъ обѣда? съ удивленьемъ воскликнулъ Морковниковъ.— Господь указалъ человѣку четырежды въ день вкушать: по утру завтракать, потомъ полудничать, какъ вотъ мы теперь, послѣ того обѣдать, а вечеромъ ужинать на сонъ грядущій.... Законъ, батюшка.... Супротивъ Господня повелѣнья идти не годится. Мы вотъ что сдѣлаемъ: теперича отдохнемъ, а вставши тѣмчасъ и пообѣдаемъ.... На счетъ ужина теперь не стану говорить, придется у Макарья.... Вы гдѣ пристанете?

— У Ермолаева, если найдется свободный номеръ, сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— И разлюбезное дѣло, молвилъ Морковниковъ.— Я самъ завсегда у Ѳедора Яковлича пристаю. Хорошо у него, ото всего близко; опять же спокойно, а главное дѣло всякое кушанье знатно готовить.

— Скажите пожалуста, Василій Петровичъ, зачѣмъ эта барышня, Марья-то Ивановна, чудитъ при такомъ состояніи? спросилъ Меркуловъ, передъ тѣмъ какъ расходиться по каютамъ.

А спросилъ о томъ Меркуловъ такъ, спросту, не то чтобъ изъ любопытства, не то чтобъ очень занимала его

Марья Ивановна; молвилъ такъ; чтобы сказать что-нибудь на прощанье Василію Петровичу.

— Должно-быть по ихней вѣрѣ такъ надо, тихо промолвилъ Василій Петровичъ.

— По какой вѣрѣ? спросилъ съ удивленьемъ Меркуловъ.

— По ихней.

— А что у нихъ за вѣра такая?

— Шутъ ихъ знаетъ, молвилъ Василій Петровичъ. — Фармазонами ихъ зовутъ. А въ чемъ вѣра состоитъ, доподлинно никто не знаетъ, потому что все по тайности.... И говорить-то много про нихъ не слѣдъ.

— А много у васъ такихъ? спросилъ Меркуловъ.

— Есть, отвѣчалъ Василій Петровичъ. — Довольно-таки.... Носятся слухи что и домъ-отъ въ лѣсу Марья Ивановна ради фармазонства поставила. Сергѣй-отъ лѣсникъ за покла слышь у нихъ!...

— Значитъ есть и господа въ той вѣрѣ? спросилъ Никита Федорычъ.

— И господа не мало, отвѣтилъ Меркуловъ. — Въ роду Марьи Ивановны довольно было этихъ фармазоновъ. А родъ Алымовскій, хорошій родъ, старинный, отобоводъ... Да что Алымовы!... Изъ самыхъ слышь важныхъ, изъ самыхъ сильныхъ людей въ Петербургѣ фармазоны есть.

И, зѣвнувъ во весь ротъ, протянулъ руку Никитѣ Федорычу.

— Приятнаго сна.... Наме вамъ науглубомайшее!

И сонными шагами пошелъ въ каюту.

XXX.

Номеръ Никитѣ Федорычу у Ермолаева нашелся. Номеръ хорошій, удобный, чистый по возможности, но главное въ одномъ корридорѣ съ номеромъ Веденѣва. По правдѣ сказать, несмотря на все усердіе чистившихъ номеръ чуть ли не двое сутокъ сряду, не вышли изъ него ни смрада ни вонь отъ жившихъ передъ тѣмъ астраханскихъ Армянъ и другихъ восточныхъ челоѣковъ. Запахивавшіе обои, испачканный полъ, порядочное во всей мебели количество клѣповъ, достаточно свидѣтельствовали о свистѣхъ прежнихъ обитателей. Никитѣ Федорычу,

какъ ни привыкъ онъ къ лучшимъ удобствамъ жизни, это было ни по чемъ. Главное — рядомъ съ Митенькой. Тотчасъ же какъ прѣхалъ въ гостиницу онъ прямо къ нему. Запертъ номеръ Дмитрія Петровича, и никто не знаетъ куда онъ уѣхалъ. Наскоро переодѣвшись, поспѣхалъ Меркуловъ къ Доронинымъ. И тамъ никого нѣтъ дома; а куда уѣхали, тоже никто не знаетъ. Въ досадѣ и волненіи вышелъ Меркуловъ на улицу. „Немного погода опять заверну“, подумалъ, и пошелъ пѣшкомъ по мосту на свою квартиру.

Темнѣло. И на мосту и по улицамъ стали фонари зажигать; одинъ за другимъ загорались огни и на пароходахъ что стояли стройными рядами на Окѣ и на Волгѣ. Неслышнымъ шагомъ, оглядываясь по сторонамъ, идетъ Никита Федорычъ. То разгадываетъ баржи стоявшія у моста въ ожиданіи его разводки, то смотритъ на пламенные столбы стальныхъ заводовъ, на множество ярманочныхъ огней и отражавшійся въ водѣ лодный почти мѣсяцъ, вырвавшій среди останныхъ тучъ минувшаго ненастья. Перейдя мостъ, Меркуловъ прямо пошелъ къ номерамъ Ермолаева, но и тутъ все смотрѣлъ по сторонамъ, аинъ бы чѣмъ время скоротать. Пришелъ на квартиру. Веденѣва еще нѣтъ. Тутъ только пришла на умъ Меркулову что надо пріятелю записочку написать, чтобы онъ воротившись безъ него, подождалъ бы. Написавши, вспомнилъ что не худо такую же записку и у Дорониныхъ оставить. И вотъ сунувъ рублевку корридорному, сказалъ ему чтобы отдалъ записку Веденѣву какъ только онъ воротится, а самъ поѣхалъ къ Доронинымъ. Чтобы затянуть еще какъ-нибудь время слѣзъ онъ съ извозицѣй пролетки и пошелъ черезъ мостъ пѣшкомъ. Шелъ медленнѣе прежняго, и опять то и дѣло останавливался и облакачивался на мостовыя перила пристально оглядывая проходящихъ. Разѣзжавшіе по мосту казаки ѣхали подозрительно на него поглядывать.

Только что перешелъ мостъ, издали стали доноситься жѣрные удары колокола. Часы били. Разъ, два, три... семь... ну еще! — восемь... ну еще! нѣтъ, больше не бьютъ, такая досада. И такъ озлобился на часы Никита Федорычъ что попалось тутъ ему подъ руку несносный колоколъ, въ куски бы его раздробилъ... „Вѣрны ли городскіе часы? Дай

взгляну на свои, они всегда вѣрны.“ А онъ до тѣхъ поръ нарочно не смотрѣлъ на часы чтобы время затянуть, не зная его... Хватъ — нѣтъ часовъ, видно забылъ надѣтъ, въ номерѣ оставилъ.... Нѣтъ.... Выходя отъ Дорониныхъ, онъ вынималъ часы, хотѣлъ посмотреть, но не смотрѣлъ и положилъ назадъ въ карманъ, тоже чтобы не зная который часъ... Тутъ вспомнилъ Никита Ѳедорычъ что не заставъ Дорониныхъ онъ, перейдя мостъ, встрѣтилъ страшную грязь отъ выпавшаго наканунѣ дождя. У желѣзнаго дома биржи сталъ пробираться сторонкой, а тутъ толпа сѣраго люда, тутъ и ловкіе „вольные промышленники“. * Вспомнилъ Никита Ѳедорычъ что двое молодцовъ въ пальто съ очень короткими рукавами сжимали его съ обѣихъ сторонъ, а третій сильно напиралъ сзади... Такъ и есть. Улыбнулись часики, достались московскимъ жуликамъ, либо петербургскимъ мазурикамъ, что во множествѣ ѣздятъ на Макарьевскую для своей коммерціи.... А жаль, очень жаль часовъ... Были они подаренье Брайтона.... Олустья голову, медленными шагами идетъ Никита Ѳедорычъ, вспоминая объ украденныхъ часахъ, а сердце такъ и занываетъ.... На часахъ былъ треугольникъ изъ голубой эмали, въ немъ кругъ, по ободку надписи какая-то, сначала онъ ее не могъ разобрать. Даря часы, добрый Англичанинъ что-то много говорилъ о безконечномъ времени, о безконечномъ пространствѣ, и о томъ что духъ превыше и безконечнаго времени и безконечнаго пространства. И показалъ на треугольникъ и надписи... Очень любилъ меня Брайтонъ, думаетъ Никита Ѳедорычъ; даря часы, сказалъ онъ мнѣ: „съ ними проникните туда, куда немногіе проникаютъ...“ Долго спустя послѣ отъѣзда его на родину надо было Меркулову по одному порученью часы купить. Приходить къ часовщику-Нѣмцу, выбираетъ дорогой хронометръ, и вынимаетъ свои часы свѣрить ихъ... Часовщикъ такъ и влился въ нихъ глазами. „Давайте, говорить, на промѣнъ“. Не хочу. „Два хронометра даю.“—Не хочу. „Три хронометра, и пятьсотъ рублей придачу.“ Не согласился Меркуловъ, и ушелъ поскорѣй отъ соблазна. И съ той поры считалъ тѣ часы своимъ талисма-

* Карманные воры.

номъ... И вдругъ пропали... И когда же?... Только-что прѣхалъ къ невѣстѣ послѣ долгой разлуки... Всегда думалъ онъ что какъ скоро у него тѣхъ часовъ не станетъ, найдутъ на него бѣды и напасты... „Господи! да что жь это такое?... думаетъ онъ. Счастье свое потерялъ!.. Нужно же было пѣшкомъ идти, нужно же было входить въ толлу черни!.. Ахъ, Лиза, Лиза! Что будетъ намъ съ тобой впредь?“

И тутъ только опознался на мѣсто. Съ версту прошелъ онъ дальше квартиры Дорожныхъ. Взойдя на Ивановскую гору, Меркуловъ стоялъ передъ самымъ Кремлемъ. Тутъ по ночамъ мѣсто не чисто. Одинъ такъ-называемый Переплетчиковскій домъ чего стоить? Петербургскаго Вяземскаго да московскаго Шилова съ Хитровымъ Рынкомъ на придачу мало дать за этотъ домъ. Да кромѣ его тутъ же по сосѣдству домъ Махотина, больше зовутъ его „полициѣмейстерскимъ“. Тотъ еще пожалуй будетъ получше... Слышалъ Никита Ѳедорычъ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ домовъ и бѣгомъ лустился подъ гору. Клики раздались за нимъ — ловить ли хотѣли, грабить ли, но благодаря рѣзвости молодыхъ ногъ успѣлъ онъ обѣжать къ устью Зеленскаго съѣзда. Тутъ безопасно. Едва переводя духъ сѣлъ онъ на тротуарную надолбу и сталъ раздумывать о покраденныхъ часахъ. Ровно половина души съ тѣми часами пропала у него... Вспоминалъ и о таинственной надписи. Послѣ, долго послѣ того какъ Брайтонъ ему часы подарилъ, одинъ магистръ-протопопъ сказалъ ему что написано на нихъ по гречески: *ὅς τις συντελείας τῆς εὐνομίας* *, что въ этой надписи таится великій смыслъ и что по-русски она значить: *до скончанія вѣка*, а треугольникъ съ кольцомъ знакъ масоновъ... Знакъ масоновъ!.. А тутъ встрѣча съ фармазонкой и вслѣдъ за нею пролажа завѣтныхъ часовъ!.. „Что жь все это значить?“ думаетъ Никита Ѳедорычъ и совсѣмъ истомленный духомъ и тѣломъ опустилъ голову на руки, сѣдя на надолбѣ.

— Чего ты тутъ? крикнулъ городской. — Проваливай... Мошеники!.. Спокою съ вами нѣтъ!.. Хочешь къ господину квартальному?

* ὅς τις συντελείας τοῦ αἰῶνος — *до скончанія вѣка*. Надпись употреблявшаяся какъ у масоновъ, такъ и у русскихъ хлыстовъ образованнаго общества.

Какъ холодной водою обдало Меркулова. Всталъ онъ и тотчасъ же раздался часовой бой... Девять!.. Только-то!.. И когда бой пересталъ и начали куранты играть, въ ихъ звукахъ чудилось ему: *écess tuss synteliass tu ébness.*

Нанявъ въхавшаго шажкомъ порожняка сълъ Никита Федорычъ въ пролетку и поѣхалъ вдоль по Нижнему Базару къ гостиницѣ гдѣ жили Доронины.

Пробѣжавъ на верхъ, свернулъ направо.

— Дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, не пріѣзжали, отвѣчалъ корридорный.

— Залисочку напишу. Пожалуста бумажки да карандашикъ.

Отдавъ записку съ приложеньемъ рублевки, Меркуловъ назадъ пошелъ. Проходя корридоромъ, въ полурастворенной двери одного номера увидалъ онъ высокую женщину въ черномъ платьѣ. Она звала прислугу.

— Четыре раза звонила, а все никого нѣтъ, кротко говорила она. — Самоваръ мнѣ подайте пожалуста да чайный приборъ.

Взглянулъ мимоходомъ на нее Никита Федорычъ—и узналъ „фармазонку“.

Воротась домой еще на лѣстницѣ освѣдомился Меркуловъ не воротился ли Дмитрій Петровичъ. Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ. Досада разбираетъ Никиту Федорыча, горячился онъ, сердился, а самъ не зналъ на кого. И надобно жъ было въ тотъ день случиться столькимъ неудачамъ!... „Дурной знакъ, нехорошая примѣта!“ думалъ онъ, бросая картузъ и пальто на первый попавшійся стулъ. Въ сильномъ волненіи прошелся раза три по комнатѣ, заглянулъ за ширмы, гдѣ приготовили ему постель.... Видитъ на ночномъ столикѣ часы лежать... Какъ такъ?... Какъ они туда попали?... Часы тѣ самые чтó Брайтонъ подарилъ, вотъ и кругъ и треугольникъ и надпись... Появление часовъ на столикѣ объяснялось очень просто—воротась въ первый разъ въ номеръ, Меркуловъ безсознательно снялъ ихъ и положилъ у постели, а потомъ и забылъ. Но теперь казалось это ему дѣломъ необычайнымъ, непостижимымъ, сверхестественнымъ. „Добрый знакъ, хорошая примѣта“, рѣшилъ онъ и вдругъ разсвистался. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ дразнили и сердили его слышныя издалека крики дыганской лѣсни и звуки роговой музыки.

Теперь и роговая музыка показалась пріятной, и даже чрезвычайно изящной, алѣсни Цыганъ просто восхитительными... Даже въ звукахъ турецкаго барабана, что безъ умолку бухалъ въ какомъ-то сколоченномъ изъ барочныхъ досокъ комедіантскомъ балаганѣ, Никита Федорычъ находилъ что-то прелестное, необычайно гармоничное... Взглянулъ на часы—десять... Ну теперь Митенька скоро воротится, а можетъ-быть и отъ Дороновыхъ пришлютъ, можетъ-быть самъ Зиновій Алексѣичъ пріѣдетъ... Чѣмъ бы заняться?... Позвонилъ, спросилъ газетъ какихъ-нибудь. Подали *Ярмарочный Листокъ*, и онъ углубился въ чтеніе. Читаетъ сколько ржи на пристаняхъ, сколько овса, пшена, муки—все цифры, цифры и цифры.... Глядитъ онъ на тѣ цифры внимательно, но ничего въ нихъ не видитъ и вовсе не объ нихъ думаетъ.... Думаетъ про невѣсту, про Веденѣва, про тюленя, про Морковникова, про Брайтона и про Марью Ивановну, но ни надъ чѣмъ не можетъ остановиться, ни надъ какимъ предметомъ не можетъ сосредоточиться... Больше все Брайтонъ, да Брайтонъ, да его подаренье.... Съ годъ прошло какъ не вспоминалъ Англичанина, а сегодня онъ безпрестанно у него на умѣ.... „Это отъ того сна, думаетъ Меркуловъ. Какъ однако живо видѣлъ я его, какъ есть на яву.... Такъ же точно и послѣ смерти—тогда вѣдь все равно что день, что тысяча, миллионъ лѣтъ.... Американецъ тогда у Брайтона правду говорилъ.... А у насъ мытарства!... Нѣтъ, такъ лучше, какъ Американецъ говорилъ: только-что умрешь, тотчасъ тебѣ и судъ, тотчасъ тебѣ и мѣсто, гдѣ Господь присудитъ.... А какъ Онъ милосердъ и премудръ, какъ это Онъ хорошо все устроилъ!... Что часть, что тысяча лѣтъ—Ему все одно.... А чтѣ это за вѣра фармазонская?... Тайная.... Какъ бы узнать?... Морковниковъ не знаетъ.... Развѣ съ Марьей Ивановной познакомиться, ее расспросить?... Не скажетъ!... Тайности.“

Дверь съ шумомъ растворилась.

— Наконецъ-то! вскрикнулъ Никита Федорычъ и кинулся было обнимать Веденѣва.

Но то былъ не Веденѣвъ.

— Давича, въ обѣденну пору, стучалъ я, стучалъ къ вамъ, государь мой, въ каюту, такъ-таки и не могъ добудиться. Одинъ пообѣдалъ... Теперь не уйдете. Поидемте ужинать.... Одинадцатый часъ...

Такъ говорилъ Василій Петровичъ, растолпыря врозь руки, будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изловить Меркулова, ежели тотъ вздумаетъ дыжи отъ него наострить.

— Я вѣдь не ужищаю, Василій Петровичъ. Да и ѣсть-то вовсе не хочется, сказалъ Меркуловъ.

— Какъ таѣ?... съ удивленіемъ вскрикнулъ Морковниковъ.— Не обѣдалъ да и ужинать не хочется!... На что это похоже?... Смирять что ли себя вздумали?... Нѣтъ, батюшка, этого я не позволю. Покопчимъ съ тюленѣмъ, тогда хоть совсѣмъ отъ ѣды откинѣся, хоть съ голоду помремъ тогда все равно... А теперь не позволю, ни за что не позволю. Извольте-ка, сударь, идти со мной въ общу залу. У Федора Яковлича рыба отмѣнная, по всей ярманкѣ славится. Куда до него Барбатеякъ, да хоша бъ и самому вашему модному Никитѣ Егорову... У нихъ на счетъ рыбнаго тѣхъ же щей да ложкиже влей. Подаютъ красиво, только ѣда-то по брюху намъ не приходится, не по-русскому скусу она... Идемъ же, идемъ, нечего полусту ласы точить.

И схватилъ Меркулова за руку.

— Хоша силкомъ, а стащу друга ужинать, говорилъ онъ.— Сердись, не сердись, по мнѣ все одно... А на своемъ поставлю!.. Какъ это безъ ужина?... Помилуйте!

— Да ей-Богу же кусокъ въ горло не пойдетъ.— Я такъ съ вами назавтракаю, что кажется и завтрашній день не захочется ѣсть.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя, стоялъ на своемъ Морковниковъ.— Ты продавецъ, я покупатель—безъ того нельзя чтобъ не угоститься... я тебя угощаю... И перечить не могу... Нечего тутъ—расходы поподамъ... Это, батюшка, штуки нѣмецкія, нашему брату русскому человѣку онѣ не подъ стать... я угощаю—перечить мнѣ не могу... Ну, поцѣлуй меня, душа ты моя Никита Федорычъ, да пойдемъ скорѣй. Больно ужъ я возлюбилъ тебя.

И не дождавшись отвѣта, купчина облапилъ Меркулова и принялся цѣловать его со щеки на щеку.

— Какія бѣ цѣвы на тюленя завтра ни стали, тотчасъ плачу сплона чистоганомъ, говорилъ Василій Петровичъ.— Слова не молваю, разомъ на столъ всѣ до послѣдней колѣйки выложу. Помни только давшій уговорецъ—гривну

съ рубля скинуть... Уговоръ пуще денегъ.... Да ну же, пойдемъ!... Чего еще корячиться-то?... Не на бѣду, а на вѣду зовутъ, а ты упираешься!... Вѣда, любезный мой, перво дѣло!... Чтѣмъ бы мы были безъ вѣды?... Олостылабъ бы весь бѣлый свѣтъ... А и на предбудущую ярманку и на- всегда я твой покупатель. Хорошо пойдетъ заводъ, второе, вчетверо больше буду брать у тебя... Того только изъ памяти не выкинь — гривна скидки... Да ну же, пойдемъ... Нечего кочевряжиться!.. Пойдемъ, говорю, — больно ужъ я возлюбилъ тебя.

И потащилъ Меркулова за руку.

XXXI.

А Митеньки нѣтъ какъ нѣтъ. Чтѣмъ станешь дѣлать Пошелъ Никита Ѳедорычъ съ безъотвязнымъ Морковниковымъ, хотъ и больно не хотѣлось. „Все равно, подумалъ, не дать же покоя съ своимъ хлѣбосольствомъ. Телерь его ни крестомъ, ни лестомъ не отгонишь.“ И наказавъ коридорному что какъ только воротится Веденѣвъ или другой кто станетъ его спрашивать, тотчасъ бы повѣстилъ его, — Никита Ѳедорычъ пошелъ съ Морковниковымъ въ общую залу.

Едва отыскали порожній столѣкъ, — зала полнымъ полнехонька. За всѣми столами ужинали молодые кулчики и прикащики. Особенно много было Армянъ. Склонные къ чувственности, сладострастные сыны Арарата устались поближе къ помосту гдѣ лѣла и танцовали смазливыйя дщери Остзейцевъ. За однимъ столикомъ сидѣли Сибиряки, передъ ними стояло больше полдюжины порожнихъ бѣлоголовыхъ бутылокъ, на другихъ столахъ виднѣлись болѣе скромныя бутылки съ ливомъ мѣстнаго завода Барбатенки. Очищенная стояла всюду.

Подлетѣлъ половой въ синей канаусовой рубахѣ, отороченной тоненькими серебряными лозументами. Ловко перекинувъ салфетку на лѣвое плечо и низко нагнувшись передъ Морковниковымъ, спросилъ у него:

— Чтѣмъ требуется вашему почтенію?

— Сперва на перво, милый ты мой человѣкъ, поставь намъ водочки да икорки хорошенькой порцію, сказалъ Василій Петровичъ.

— Зернистой прикажете, аль лаюсной? почтительно онуская глаза спросилъ половой.

— Знамо зернистой, — лаюсну самъ ѣшь, отвѣтилъ Морковниковъ.—Самой наилучшей зернистой.

— Стерляжъей не прикажете ли? Сейчасъ только вынули, во весь ротъ осклабясь, сказалъ половой.

— Тащи порцію. Да еще балыка подай. Семга есть?

— Есть-съ, только вашей чести не совсѣмъ будетъ хороша, отвѣтилъ половой.

— Ну, такъ ко лсамъ ее. Икры подай да балыка, огурчиковъ съѣжепросольныхъ, приказывалъ Василій Петровичъ.— Нехорошее подашь — назадъ отдамъ, денегъ не залащу, Федору Яковличу пожелаюсь. Слышишь?

— Слушаю-съ, съ улыбкой молвилъ половой.— Еще чего не пожелается ли вашей милости?

— Росписанье подай, сказалъ Василій Петровичъ.

— Какое росписанье? въ недоумѣнны спросилъ половой.

— Рослись кушаньямъ какія у васъ готовить, появила голось, крикнулъ съ досадою Морковниковъ.

— Карточку, значить? Сю минуту-съ, сказалъ половой и подалъ Василью Петровичу карточку.

— Закуски: — по складамъ почти читаетъ Морковниковъ.—Икра лаюсная конторская... Мимо, — закуску мы ужъ заказали. „Мясное: лангетъ а ланглезъ, рудетъ де филе де бѣфъ, ескалопъ ѿ трюфъ.“ Песъ ихъ знаетъ что тутъ нагорожено!.. Кобылятина, пожалуй, аль собачье мясо... Ты мяѣ, любезный, по-русскому подай... Слышишь? строго обратился онъ къ улыбавшемуся половому.

— Другой карточки не имѣется-съ, отвѣтилъ половой.

— Отчего жъ не имѣется? вскрикнулъ Василій Петровичъ.— Не одна чать нехристь къ вамъ въ гостиницу жалуетъ, больше все люди росейскіе, православные значить христіане. Носомъ бы тыкать вотъ сюда Федора-то Яковлича вашего, чтобы зналъ порядки, прибавилъ Морковниковъ, тыкая пальцемъ въ неловятныя для него слова на карточкѣ.

— Зачѣмъ же-съ? Помилуйте, вступился за хозяина половой.—Осетринки не прикажете ли, стерлядки отличныя есть, поросенокъ подъ хрѣномъ — московскому не уступить, цыплята, молодые тетерева.

— Слушай: Давай ты намъ ракову похлебку да лироги плодовые съ рыбой... Имѣется?

— Раковый супъ? Имѣется-съ.

— Стерлядку разварную.

— Слушаю-съ.

— Осетрины хорошей съ хрѣномъ.

— Слушаю-съ.

— Поросенка подъ хрѣномъ. Это я для тебя, обратился Морковниковъ къ Никитѣ Ѳеодорычу.—Мнѣ-то не слѣдуетъ—середа.

Меркуловъ не отвѣчалъ. Далекó въ то время носились думы его.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ между тѣмъ половой Морковникову.

— Цыплятъ жареныхъ можно?

— Можно-съ.

— Цыплятъ порцію да леца жаренаго на подсолнечномъ маслѣ.

— Слушаю-съ.

— Чего бы еще спросить? обратился Морковниковъ къ задумавшемуся Никитѣ Ѳеодорычу.

— Помилуйте, Василий Петровичъ. Да и того что заказали не съѣсть, сказалъ Меркуловъ.

— Богъ потерпитъ—все, голубчикъ, съедемъ во славу Господню, все безъ остаточка, молвилъ Морковниковъ.—Тебѣ особеннаго чего не въ охотку ли? Такъ говори.

— Я ужъ сказалъ что вовсе ѣсть не хочу, отвѣчалъ Меркуловъ.

— Это ты шалишь-мамомишь. Попадуть, ставешь ѣсть... Какъ можно безъ ужина?.. Помилосердуй, ради Господа! И обращаясь къ половому, сказалъ:

— Шампанскаго въ ледокъ поставить, да мадерки бутылочку поставь, самой наилучшей. Слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣтилъ половой.

— Съ Богомъ. Стулай. Готовъ живѣе.

Летомъ полетѣлъ половой вонъ изъ залы.

А на ложостѣ межъ тѣмъ брѣнчала арфа, звучаи несомнѣнно стройныя фортельяны, неистово визжала скрипка, и съ дюжину арфистокъ съ тремя, четырьмя молодцами не то Жидами, не то сынами Германскаго отечества наярива-

ли пѣсенки, чуждыя русокому уху. Но когда которая-нибудь изъ толстомасыхъ дочерей Liv-Est-und Kurl-ланда выходила на середину чтобъ танцовать и подаявъ подолъ, начинала повертывать дебѣвыми плечами и обнаженною грудью, громкое *брасо*, даже *ура* раздавалось по залѣ. Полу-пляные кулчики и молодые приканчики неистовыми *канка-*ми дружно встрѣчали самый безцеремонный, настоящій ар-мапочный канканъ, а Гайканскій народъ * даже съ жеста вскакивалъ, страстно причмокивая губами.

— Экая гадость! брезгливо отплюнувшись и потряхнувъ съдой головою, молвилъ Василій Петровицъ.—Сколько монѣ у Макарья этихъ Иродіадъ расплодилось!.. Бѣда!.. По-обѣдать негдѣ стало какъ слѣдуетъ, по-христіански, аба передъ ѣдой перекрестить невозможно... Ты съ крестомъ да съ молитвой, а эта треклятая нежить ** съ пидякой да съ пѣснями срамными! Ровно въ басурманской землѣ!

— Хорошаго тутъ конечно немного, однакожь... началъ было Никита Федорычъ.

— Чего тутъ „однакожь“? вскинулся на него Василій Петровицъ.—Обойди ты теперь всю здѣшнюю арманку, загляни въ любой трактиръ, въ любую гостиницу—вездѣ воняетъ сѣдомскій и гоморрскій, вездѣ вавилонское смѣшеніе языковъ... Въ прежніе времена такого нечестія здѣсь и въ душахъ не бывало. На послѣднихъ только годахъ развелось... А купечество того не желаетъ, не потребно противное ему, потому хотя мы люди и грѣшныя, однакожь по силѣ возможности бѣгаемъ кобей бѣсовскихъ. *** И вездѣ опрочь Макарья, ни на единой арманкѣ такой мерзости нѣтъ... Гляди-ка, вонъ гляди, ~~шасылазъ~~ полкъ сатанцы, разсѣлся по студьямъ на помостѣ скверныя еретицы, цѣлый десятокъ * никакъ... И у каждой нечистой *** руки, плечи, и грудь на голо ради соблазна слабыхъ, а ежели ялсать пойдетъ которая, сейчасъ подолъ кверху, это про-дѣнему

* Армяне.

** *Нежить*—все что живетъ безъ души и безъ плоти, но въ видѣ человека. Это не дьяволъ, не мертвецъ и не привидѣнье, но особыя существа. По народнымъ помятіямъ, къ нежити относятся: домовый, лѣтій, водяной, кукимора, шшига, лобѣста, русаака и пр.

*** *Кобѣ*—погань, скверность, также волхвованіе.

**** *Нечистый*—нечистый, дьявольскій, сатанинскій.

значить канканъ. * И подлинно? канканъ молодымъ кул-дамъ, особливо прикащикамъ... Распалаяются, разжигаются и пойдутъ съ этими нѣмецкими дѣвками пьянствомъ да всякимъ срамнымъ дѣломъ заниматься... И гдѣ прокудять бѣсу въ честь эти лобасты окаянныя, ** тамъ же и крещенные трапезуютъ... Глянь-ка въ угла-то что.... Догадаешь Федоръ Яковичъ, и Богу и дьяволу заодно хочетъ угодить—на помость-отъ нѣмецкой нечисти араву нагналъ, а надъ лю-мостомъ Богородичень образъ въ золоченой ризѣ поста-вилъ, лампаду передъ нимъ негасиму повѣсилъ... Подъ святыней-то у него богомерзкія шутовки *** царю своему Сатанѣ и служатъ бѣсовски молебны... У невѣрныхъ, Бога не знающихъ Калмыковъ, доводилось мнѣ на ярманкахъ бы-вать и у нихъ такой срамоты я не видывалъ, какъ здѣсь подъ кровомъ преподобнаго Макарія, Желтоводскаго чудотвор-ца!.. Наши первостатейные не разъ приговоры писали пре-крапать бы это безчинство, однакожь хлопоты ихнія втунѣ оставались... Съ крестомъ да съ молитвой пообѣдать мѣста не омыселя, а шутовкамъ ширь да просторъ. Начальство!...

Подъ это слово подлетѣлъ быстроногія, чистотѣлый Лю-бимоведъ и ловко поставилъ закуску на столъ.

— А вотъ и шорка съ балычкомъ, вотъ и водочка цѣ-лительная, сказалъ Василій Петровичъ.—Милости просимъ, Никита Федорычъ... Не обезсудьте на угощеньи—не домаш-нее дѣло, что хозяинъ далъ, то и Богъ послалъ... А ты, любезный, постой-погоди, прибавилъ онъ, обращаясь къ Лю-бимовцу.

Посовой какъ вкопанный сталъ, въ ожиданьи заказа.

— Вотъ что я скажу тебѣ, милый человекъ, молвилъ Мерковниковъ.—Заказали мы тебѣ осетринку. Помнишь?

— Какъ можно забыть, ваше степенство. Готовать-ся?...

— Подай-ка ты намъ ее съ ботвиньей. Можно?

— Можно-ся.

* Канканъ.

** Лобаста—родъ русалки, живущей въ камышахъ. Это некре-щенныя младенцы и проклятыя родителями дѣти, нетерпѣливо ожидающіе конца міра, а до тѣхъ поръ забавляющіеся разными проказами надъ людьми.

*** Шутъ, шутовка—въ смыслѣ нечистой силы. Шутъ—чортъ, шутовка—русалка и всякая другая нежить женскаго пола.

— А коли можно, такъ значить ты хорошій человекъ. Тури-ка поди, да потуривай.

Половой ушелъ... За ведочкой да закусочкой. Василий Петровичъ продолжалъ релатъ и плакаться на новые порядки и худые нравы на ярманкѣ.

— Я еще къ Старому Макарью на ярманку-то ѣзжалъ, разказывалъ онъ Меркулову,—такъ и знаю какіе тамъ порядки бывали. Не то что въ Госпожино, въ середу, а въ пятницу опричь татарскихъ харчевень ни въ одномъ трактирѣ скоромятины ни за какія деньги бывало не найдешь, а здѣсь погляди-ка что... Захочешь попустыничать, голоднымъ насидишься... У Старого Макаря бывало цѣлый день въ монастырѣ колокольный звонъ, а колокола-то были чудные, звонъ-отъ серебристый, малиновый—сердце бывало не радуется... А здѣсь бубны да гусли, звуки свирѣльные, да эти окаянныя лискульки, что съ утра до ночи спокоемъ не даютъ христіанамъ!.. Кажись бы не ради окомороховъ люди ѣздить сюда, а ради добраго торгоу, а тутъ тебѣ и во-лынники и гудочники, и гуслиры и свирѣльщики и всякій другой неподобный каицъ... Слабъ сталъ новъ народъ. Песѣвды времена!.. Охъ, Ты Господи милостивый!

И при этомъ такъ громко зывнулъ что все на него оглянулись.

Принесъ половой ботвинью и парекинулъ салфетку черезъ плечо, ожидая новыхъ приказовъ.

— Значить ты, милый мой человекъ, изъ мѣста родина изъ города Любима? спросилъ у него Василий Петровичъ, разливая ботвинью по тарелкамъ.

— Такъ точно-съ, любимовскіе будемъ, потрянувъ свѣтло-русыми кудрами, съ ужимкой отвѣтилъ половой.

— Козу пряникомъ, значить, кормилъ? улыбаясь приподвинулъ Василий Петровичъ.

— Должно-быть что такъ-съ... кругомъ повода голубыми глазами, съ ужимкой отозвался половой.

— Вѣдь у насъ въ Любимѣ не учи козу—сама отянетъ съ козу, а рука пречиста все причистить... * Такъ что ли? прищурясь продолжалъ шутить Морковниковъ.

— Кажинному городу своя поговорка есть, молвилъ Лю-

---

* Про Любимовцевъ всѣ эти поговорки издавна сложены народомъ.

бимолецъ, перекинувъ салфетку съ одного плеча на другое.—Что еще вашей милости потребуется?

— А вотъ бы что мнѣ знать требовалось, какое у тебя имя крещеное? спросилъ Василій Петровичъ.

— Полъ Васильемъ называлъ, Васильемъ съ того часу и пошелъ называться... отвѣчалъ половой.

— Тезка мнѣ будешь. И меня полъ Васильемъ крестилъ, шутило примолвилъ Морковниковъ. — А по батюшкѣ-то какъ тебя величать?

— Петровымъ.

— Ну, братъ, какъ есть въ меня. И я Василій Петровъ. А прозванье-то есть ли у тебя какое?

— Какъ не быть прозванью? трянувъ кудрями молвилъ половой.—Мы вѣдь Ярославцы, не чувашска лопатка * какъ-нибудь. У насъ всякъ человѣкъ съ прозвищемъ вѣкъ свой живетъ.

— Какъ же прозываютъ тебя?

— Полушкины лишемся.

— Ну вотъ прозванье-то у тебя, тезка, не изъ хорошихъ, сказалъ Василій Петровичъ.—Тебѣ бы, братецъ ты мой, Рублевымъ прозываться, а не Полушкинымъ.

— Капиталовъ на то не хватаетъ, ваше степенство, подхватилъ разбитной половой, лукаво поводя глазами то на Морковникова, то на Меркулова.—Удостоите хоша маленькимъ какимъ капитальцомъ—Червонцевымъ бы стали прозываться, оно бъ и сходящъ было съ настоящимъ-то нашимъ прозваньемъ.

— Нешто у тебя два прозванья-то? спросилъ Морковниковъ.

— А то какже-съ? Полушкины лишемся, Червонцы прозываемся, отвѣчалъ Любимовецъ.—По нашей оторонѣ все такъ... Изстари такъ ведется... Какже насчетъ капитальду-то, ваше степенство?.. Прикажете въ надеждѣ оставаться? немного помолчавъ, бойко обратился половой къ Василью Петровичу.

— Надѣйся, тезка, надѣйся. Молодъ еще, Богъ дастъ и до денегъ доживешь. Дождешься времени и къ тебѣ на дворъ взойдетъ солнышко, сказалъ Василій Петровичъ.

---

* Чувашей зовутъ „чувашска лопатка“; у нихъ всѣ Василы Изымычи, а прозваній нѣтъ.

— Эхъ, ваше степенство, ждять-то не охота бы. Пожа-
ловали бы теперь же тысячку другую и дѣлау бѣ конецъ.
закинувъ руки назадъ и склонившись впередъ Морковнико-
вымъ, говорилъ половой.

— Малого захотѣлъ! засмѣялся Василій Петровичъ.— Не
спесешь пожалуй такую кучу.

— На этотъ счетъ не позволяте безпокоиться. Постарались
бы, попотужились, сказалъ половой.

— Ну ладно, ладно, молвилъ Морковниковъ.— А ты слетай-
ка къ буфетчику, да спроси у него еще мадерцы бутылочку,
да такой смотри, котору самъ Федоръ Яковличъ по боль-
шимъ праздникамъ пьетъ... Самой наилучшей!

Схватя порожнія тарелки, Полуткинъ-Червецовъ опро-
метью кинулся изъ комнаты вонъ.

Поеживали и бутылочку съ бѣлой головкой рослили да
мადеры двѣ. Разговорился словоохотный Морковниковъ,
хоть Меркуловъ почти вовсе не слушалъ его. Только
и было у него на умѣ: „не воротился ли Веденѣвъ, да какъ-
то завтра Богъ приведетъ съ невѣстой встрѣтиться, да еще
какія цѣны на тюлений означатся.“ То и дѣло поглядывалъ
онъ на дверь, „завось не подойдетъ ли, думалъ онъ, Митень-
ка“. Отъ того и рѣдко отвѣчалъ онъ на докучные вопросы
Морковникова.

— Что молчишь? Тебя спрашиваю, спросилъ наконецъ
Василій Петровичъ, тронувъ Меркулова за кофѣнку.

— Что такое? ровно ото сна очнувшись спросилъ Никита
Федорычъ.

— Чего нось-отъ повѣсилъ?...

— Спать хочется, молвилъ Меркуловъ, и зѣвнулъ во весь
ротъ.

— И впрямь, брательникъ, пора на боковую, согласился
Василій Петровичъ.— Вильемъ еще по калашкѣ * да и
спать.

Взявшись за рюмку Никита Федорычъ сказалъ Морков-
никову:

— А я давеча на Нижнемъ Базарѣ въ гостиницѣ знако-
мыхъ разыскивалъ. Ту барыню встрѣтилъ....

---

* *Калашка*—стаканъ, рюмка. Отъ латинскаго *calix*. Въ ведико-
русскій народный языкъ перешло изъ Бѣлоруссін еще въ XVII
столѣтіи.

— Какую барыню? зѣвая спросилъ Морковниковъ.

— А что на пароходъ-то съ нами ѣхала, сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— Марью Ивановну? Ну вотъ, сударь! молвилъ Василій Петровичъ.—Такъ впрямь она въ гостиницѣ пристала? Надо думать, что изъ своихъ никого не отыскала здѣсь... Не любить они на многолюдствѣ быть, имъ бы все покой, да за-тишье. Говорятъ даже больше все шепоткомъ, да втихомолку, громкаго слова ни кто отъ нихъ не слыхивалъ.

— Отчего жъ это? спросилъ Меркуловъ.

— Такое ужъ поведеніе, сказалъ Морковниковъ. — По уставу что ли по ихнему такъ требуется, дѣшій ихъ знаетъ, прости Господи.

— Да что это за фармазоны такіе, Василій Петровичъ?... Растолкуйте мнѣ пожалуста, съ любопытствомъ спрашивалъ Никита Ѳедорычъ.

— Вѣра такая. Потаенная значитъ, молвилъ Василій Петровичъ, отирая платкомъ лицо и разглаживая бороду.

— Что жъ за вѣра такая? Въ чемъ состоитъ? съ возрастающимъ любопытствомъ спрашивалъ Меркуловъ.

— Кто ихъ знаетъ въ чемъ она состоитъ... Все по тайности, сказалъ Морковниковъ.—У нихъ, слышь, ежели какой человѣкъ приступаетъ къ ихней вѣрѣ, такъ они присягу съ него берутъ, заклиняютъ страшными клятвами чтобъ никакихъ ихнихъ тайностей никому не смѣлъ открывать: ни отцу съ матерью, ни роду ни племени, ни полу на духу, ни судѣ на судѣ. Кнутъ и плаху, толоръ и огонь, холодъ и голодъ претерли, а ихняго дѣла не выдай и тайностей ихъ никому не ловѣдай. И еще у нихъ, слышь, такой уставъ—не женатый не женись, а женатый разженись.... Хмѣльнаго въ ротъ не берутъ: ни пива, ни вина, ни браги, ни сыченаго квасу. На пиры, на братчины, на сватьбы, на крестины не ходятъ, пѣсень не поютъ, ни на игрища, ни въ хороводы, ни на другія деревенски гулянки ни за что на свѣтѣ. Мяснаго въ ротъ не берутъ, а молочнаго ловѣсть и въ Велику Пятницу во грѣхъ не поставятъ.... А впрочемъ народъ смирный, кроткій, обиды вѣтъ отъ нихъ никому, до церкви Божьей усердны... Худаго за ними не видится.

— И между крестьянъ такіе есть? спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— А то какже! отозвался Морковниковъ. — Сергѣй-отъ дѣсвикъ, про коего вѣчоръ на пароходъ у меня съ Марьей

Ивановной разговоръ былъ—за пола у нихъ. Святѣмъ почитаютъ....

— А изъ господъ много въ той вѣрѣ?

— Всякаго сословія есть: и господъ, и купцовъ и мужиковъ, отвѣчалъ Василій Петровичъ. — У Марьи Ивановны вся родня, говорятъ, въ этой фармазонской вѣрѣ состоитъ... Дядя ей родной, богатый баринъ, Луловицкимъ прозывается, по этой вѣрѣ у нихъ, слышь, самымъ набольшимъ былъ, равно бѣ архіерей.... Такъ его въ монастырь услали, въ Соловкахъ такъ и померъ... У него Марья-то Ивановна по смерти родителей и проживала, да тамъ видно этого духа и набралась... Да что Марья Ивановна, что господишъ Луловицкій! Толкуютъ будто изъ самыхъ что ни на есть важнѣйшихъ людей, изъ енараловъ, да изъ сенаторовъ по той фармазонской вѣрѣ не мало есть.... А все по тайности... Иному и хотѣлось бы пожалуй изъ той вѣры вонъ, да нельзя,—въ одночасье помреть.

— Какъ такъ, Василій Петровичъ? спросилъ Меркуловъ.

И сомъ прошепелъ у него, про Веденѣва, про невѣсту, про тюленя и думать забылъ.

— Самъ того я не знаю, отвѣчалъ Морковниковъ,—а по людямъ въ нашей сторонѣ такая намолвка идетъ: ежели кто въ ихню вѣру переходитъ, прощается онъ со всѣмъ съ, томъ и ото всего отрекается. „Ты прости-прощай, горящій-небо ясное, ты прости-прощай солнце красное, вѣра, озера те мѣсяцъ, звѣзды поднебесныя, вы прощай-прости-прощай и рѣки, вы прощайте лѣса, поля и горы, Тангелы, серафимъ сыра земля, вы простите ангелы, что всего, выходить, мы, херувимы и вся сила небесная“... И послѣ того отрекается, со всѣмъ значитъ, ежели некому портрета на-портретъ съ него пишутъ, и тутъ волхвованье бываетъ... лисать, берутъ рукописанъ, и ихней вѣрѣ станетъ некрѣлокъ, Ежели потомъ кто ихней вѣрѣ откроетъ, на портретъ лицо по-любое тайность чужому откроетъ, на портретъ лицо пропадутъ. Потому и узна-тускнѣетъ, съ рукописанья слова пропадутъ. Потому и узна-ютъ они невѣрныхъ.... И тогда въ тотъ портретъ стрѣляютъ, а рукописанье жгутъ на огнѣ. И отъ того человекъ тотъ-часъ помираетъ, хоша бы на другомъ концѣ свѣта былъ.... Отъ того отъ самого фармазонамъ и нельзя изъ ихней вѣры выходить...

— Какъ же вы-то объ этомъ узнали, Василий Петровичъ? больше и больше увлекаемый любопытствомъ спросилъ Меркуловъ.

— Слухомъ земля полнится, Никита Федорычъ, отвѣтилъ Морковниковъ. — Съ чего-нибудь люди говорятъ же... Вонъ и за Волгой въ низовыхъ стеляхъ такихъ фармазоновъ довольно. Только тамъ съ чего-то монтанами ихъ называютъ. А тѣ же фармазоны. А то еще „вертячками“ ихъ тамъ прозываютъ. Года три назадъ довелось мнѣ за Самару ѣздить, барановъ въ стели на вытопку сала тогда закупалъ. Прожилъ тогда я въ одномъ селѣ больше двухъ недѣль и довольно наслушался про этихъ монтановъ. Старыхъ дѣвокъ больше всего въ той вѣрѣ, бываютъ однако и молодыя. А живутъ тѣ дѣвки отъ семейныхъ отдѣльно, кельи у нихъ особня на задворкахъ поставлены. Про себя говорятъ: „хатба не сѣмъ, работы не работаемъ, потому что сѣмъ слово Господне и работаемъ на Бога, по вся дни живота своего въ трудахъ и въ молитвѣ пребываемъ“. А по вечерамъ, особливо подъ праздники, сходятся они въ келью, котора попросторѣй и тамъ сначала божественныя книги читаютъ, а потомъ зачнутъ лѣтъ свои фармазонскія лѣтси. И подъ тѣ лѣтси скачутъ и пляшутъ, да по избѣ вертятся, отъ того и „вертячками“ прозвали ихъ. А ходить въ черномъ, тогда же на бесѣды сойдутся, бѣлы рубахи надѣваютъ, длинныя до самого полу... И мушны ихняго согласу на тѣхъ бесѣдахъ бываютъ и тоже въ бѣлыхъ рубахахъ—такое ужъ у нихъ заведеніе. По уставу что ли по какому, несть ихъ знаетъ...

— Странно все это, Василий Петровичъ, въ раздумѣ молвилъ Меркуловъ. — А мнѣ бы, признаться, хотѣлось узнать хорошенько что за вѣра такая...

— Узнавать-то нечего, молвилъ Морковниковъ. — Хоша ни доловъ ни церкъ. Божьей они не чуждаются, служба въ церкви начнется, приидуть, первы, отойдетъ—уйдутъ просѣбани, хоша раза по три да по четыре въ году на духъ къ полу приходятъ и причастье отъ него принимаютъ, а все жь ихняя вѣра не отъ Бога. Отъ врага на рожденіе, потому что ежели бь ихняя вѣра прямая была, богоугодная, зачѣмъ бы тантъ ее? Опять же тутъ и волхвованія, и пляска, и верченье, и осканье. Божеско ли то дѣло, сами посуди...

— Странное дѣло! молвилъ Меркуловъ.

— Чуднѣе, какъ есть чуднѣе, сказалъ Василій Петровичъ.—А никакъ невозможно понять ихъ, потому тайность.... Опять же вотъ еще что у нихъ. Разъ у хозяина, гдѣ при-ставалъ я въ степяхъ-то, съ сестрой съ его, съ дѣвкой разговорился, съ монтанкой то-есть. Многого-то она не открыла мнѣ, а про то сказала, что по ихнему Богъ человѣка не всего сотворилъ, отъ Бога слышь только душа одна, а плоть отъ дьявола. Душа де какъ въ темницѣ залерта въ дьявольской плоти, страдаетъ въ ней, мучится, тоскуетъ, на волю-то вишь хочется ей вырваться. И для того де слѣдуетъ плоть свою ненавидѣть, потому что она-самъ дьяволъ.

— А полы что про нихъ говорятъ? спросилъ Никита Федорычъ.

— Что полы? Поламъ хорошо отъ нихъ, отвѣтилъ Василій Петровичъ.—Говорилъ вѣдь я, что монтане по три да по четыре раза на духъ ходятъ; полу, значить, доходъ. Да окромѣ того кто холстика попадѣтъ, кто овощей со своего огорода, работа какая у цола случится, безо зва придутъ и мѣдной колѣйки съ него не возьмутъ. Отъ того полы и берегутъ ихъ, отъ того и говорятъ что по всему приходу они самые усердные.... Однакожь закалякались мы съ тобой, Никита Федорычъ. Глянь-ка послѣдніе остались—еретицы даже спать захотѣли, разбрелись по мурьямъ. Выльемъ еще по калишкѣ, покончимъ бутылку, да и спать айда.

Покончили бутылку и пошли. Прощаясь съ Меркуловымъ у дверей его номера Василій Петровичъ сказалъ:

— Такъ ужъ завтра пожалуста порѣшимъ съ тюленемъ-то. Я ужъ на тебя въ полной надеждѣ. Встанемъ пораньше, я на Гребновску схожу, поразузнаю тамъ про послѣднія цѣны, и ты узнай, а тамъ Богъ дастъ и покончимъ... Пожалуста не удержи. Мнѣ бы ко дворамъ поскорѣй охота—заводъ пора въ ходъ пускать. Ежели бъ завтра съ тобой мы покончили, послѣзавтра бы отправился, а товаръ принять прикащика оставилъ бы. Завтрашняго числа долженъ онъ безпремѣнно пріѣхать.

Меркуловъ обѣщалъ.

(Продолж. слѣд.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

I.

Вмѣсто вступленія.

Походъ! Война! Государь ѣдетъ въ Кишиневъ!

Вотъ вѣсти, которыя въ послѣднихъ числахъ марта быстро облетѣли изъ конца въ конецъ Русское Царство.

Все разомъ измѣнилось подъ вліяніемъ этихъ извѣстій. Одинъ вопросъ слышался отовсюду: когда?

Въ иностранныхъ газетахъ мы читали что переходъ русской арміи черезъ Прутъ назначенъ на 10 апрѣля и что Государь самъ будетъ присутствовать при переправѣ; но вскорѣ было официально заявлено что Государь Императоръ выѣзжаетъ изъ Петербурга только 8го числа и что проездомъ въ Кишиневъ Онъ будетъ смотрѣть войска дѣйствующей арміи, расположенныя на пути Его свѣдованія.

Начались догадки и предположенія. Стали говорить о днѣ рожденія Государя, 17го апрѣля. Говорили что манифестъ о войнѣ съ Турціей будетъ объявленъ именно въ этотъ день и притомъ не иначе какъ въ Москвѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать 17 число.

12го апрѣля, въ часъ полудни, на Скаковое поле въ Кишиневѣ, покрытое войсками и громадными толпами народа, прибылъ Государь Императоръ. Когда кончился Высочайшій объѣздъ войскъ, находившихся въ строю, барабаны

ударили „на молитву“ и войска по командѣ обнажили головы. Преосвященный Павелъ, выступивъ впередъ въ полномъ епископскомъ облаченіи, вскрылъ поданный ему пакетъ и во всеуслышаніе яснымъ голосомъ прочелъ по писанному тексту Высочайшій манифестъ, которымъ повелѣвалось нашимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи.

Свершилось великое событіе, котораго давно ожидала вся Русская земля.

Манифестъ былъ прочитанъ и на нѣсколько минутъ воцарилась глубокая тишина. Но вотъ снова раздался голосъ архипастыря, обратившагося съ напутственнымъ словомъ къ Главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ.

„Мужественно, дерзновенно идите на подлежащій подвигъ!“ говорилъ онъ, обращаясь къ войскамъ. „Предлежащій вашъ путь хорошо извѣстенъ русскому воинству: онъ утоптанъ русскою ногой, усѣянъ костями и напоенъ кровію защитниковъ и враговъ Русскаго народа, Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и доли, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ воиновъ. Кагулъ, Ларга, Рымникъ, Измаилъ, истоки родной Русскому народу Дунай съ вражескими на немъ твердынями, Балканы, Адрианополь, Константинополь и неисчисленное множество другихъ мѣстностей: все это свидѣтели славныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ. Предъ вами будутъ возставать какъ живые то величавые лики древнихъ князей-витязей русскихъ, Олега, Игоря, Святослава; то величавые образы великихъ царей и царицъ: Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, доблестнаго Николая; то величавые лики великихъ вождей: Румянцева, Суворова, Кутузова и другихъ, съ ихъ чудо-богатырями. Эти и многіе другіе славные мужи Россіи неоднократно заставляли трепетать Царьградъ, Стамбулъ, предъ силой ихъ оружія; прославили своими подвигами, возвеличили Россію, расширили ея предѣлы присоединеніемъ къ ней отъ Турціи обширныхъ и богатыхъ областей. Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ!....“

Кончивъ свое прекрасное напутственное слово, преосвященный благословилъ Главнокомандующаго, и въ лицѣ его всю армію, образомъ Спасителя; а генерала Драгомирова

образомъ Гербовецкой Божіей Матери и за тѣмъ начался молебенъ о ниспосланіи побѣды русскому воинству. Раздалось пѣніе хора: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“ и тѣлая сердечная молитва тысячей воиновъ и громадной народной толпы понеслась къ престолу Всевышняго.

Молитвенный шепотъ многотысячной толпы сливался со стройнымъ пѣніемъ хора и возгласами священнослужителей. Такія картины даже при скромной обстановкѣ бываютъ всегда невыразимо трогательны и торжественны: что же можно сказать о всеобщей молитвѣ въ Кишиневѣ гдѣ

И Онь державный нашъ Отецъ,
Хвала очей, любовь сердецъ,
И Онь молился вмѣстѣ съ нами;
Но та молитва не о Себѣ:
Молился Царь передъ войсками
О русской славы и судьбѣ!

Молебенъ кончился. Преосвященный окропилъ войска святою водою. Государь, обратясь къ Августѣйшему брату Своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ облобызалъ его. Главнокомандующій благоговѣнно и въ трогательномъ волненіи приникъ устами къ рукѣ Монарха.

Отъ самаго чтенія манифеста и до окончанія молебна на смотровомъ полѣ царяла глубокая тишина; но вотъ раздался трубный звукъ кавалерійскаго похода и войска начали проходить мимо Государя Императора.

По окончаніи церемоніальнаго марша.... но далѣе мы расскажемъ словами очевидца: „въ ту самую минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: „прощайте! До свиданія!.... Возвращайтесь поскорѣе со славой.... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!“ Только послѣ этихъ съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ войска разразились громовыми криками. Но что это были за крики! Что за мощная сила вырвала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяли на лицахъ, какъ вся эта масса въ невольномъ порывѣ восторженно ринулась къ Монарху и обступила Его съ поднятыми вверхъ шалками, саблями, штыками..... Солдатскія шалки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ..... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними то-

же мелькало въ воздухѣ множество шалохъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ, мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. „Ура! За братіи! За святое дѣло! За вѣру Христову! За свободу Славянъ!“ раздались повсюду мощные крики. Казалось самый воздухъ гремѣть надъ этими слившимся воедино и сплотившимися вокругъ своего Царя массаами войска и народа.... Но описать этого невозможно. Такія минуты народныхъ порывовъ во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ не забываются; онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи.“

Въ то время когда происходило чтеніе манифеста въ Кичиневѣ, при другой обстановкѣ, повторилось то же самое въ долину Арпаши, въ пограничной крѣпости Александрополь, гдѣ собрался цвѣтъ Кавказской арміи, готовый по первому слову ринуться на давно знакомыя поля Карса, Эрзерума, Кюрюкъ-Дара и другія, прославленные чуть не сказочными подвигами нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Но вотъ ударили „походы“: мелкою дробью съ переборами, затрещали барабаны, затрубила кавалерійская труба и всюду по дорогамъ потянулись войска, направляясь къ границѣ. Прежде другихъ тронулись съ мѣсто казаки, покачиваясь на своихъ маленькыхъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошаденкахъ. Впереди каждой сотни ѣхала небольшая толпа пѣсенниковъ. За казаками стройными рядами потянулись кавалерійскіе полки съ конною артиллеріей, тоже съ пѣснями и трубачами; а за кавалеріей пошла пѣхота.

Бодро шли солдатики по грязной дорогѣ, размытой дождями; густо разливалась въ воздухѣ ихъ веселая болтовня; а тамъ впереди баталіона тоненькій фальцетъ-запѣвало старательно выводило:

Ахъ на что жь бы огородъ городить,

Да къ чему же бы капусту садить.

и вотъ отозвались ему бубны, звякнули тарелки, задребезжали ложки:

Здравствуй миленькій пріятель дорогой,

Не видалися лѣтъ двадцать мы съ тобой,

дружно гаркнулъ хоръ и разлилась въ воздухѣ залихваткая пѣсня.

Весело разливалась русская лѣсня и по степямъ Бессарабскимъ и среди ущелій Малаго Кавказа, все ближе и ближе надвигалась ко вражеской границѣ; а на вострѣчу ей уже неслись радостныя вѣсти:

„Барбошскій мостъ занятъ Русскими,“ гремѣла вѣсть съ роднаго Дуная.

„Передовые турецкіе посты сдались безъ боя,“ слышалось съ береговъ Куры, Арлачая и отъ подножья Арарата. Война началась.

II.

Европейскій театръ военныхъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ приступимъ къ обзору военныхъ дѣйствій нашихъ армій въ Европѣ и Азіи, бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ мѣстности на которыхъ имъ приходится производить свои операціи, такъ какъ послѣднія всегда находятся въ самой строгой зависимости отъ разныхъ топографическихъ условій, которыя представляетъ тотъ или другой театръ войны. Начавшаяся кампанія открылась въ мѣстностяхъ давно уже намъ знакомыхъ. Не разъ уже приходилось нашимъ войскамъ проходить тѣми же дорогами, которыми идутъ, и переправляться черезъ тѣ же рѣки, черезъ которыя переправляются теперь. Города, которые они занимаютъ теперь, носятъ тѣ же названія, которыя встрѣчались и въ прежнія войны и изъ которыхъ многія очень дороги намъ по воспоминаніямъ о бывшихъ подвигахъ нашихъ воинахъ.

Такимъ образомъ намъ приходится повторять зады, но не повторять ихъ нельзя. Трудно указать на двѣ кампаніи которыя велись бы въ одной и той же мѣстности и были бы во всемъ похожи одна на другую. Непремѣнно существуютъ большія измѣненія и притомъ такія которыя не объясняются простыми измѣненіями только одного плана дѣйствій, но также и тѣми политическими колебаніями которыя являются какъ слѣдствіе заключеннаго мира и еще болѣе тѣми которыя предшествуютъ и сопровождаютъ время объявленія войны. Причины эти, не сдвигая горъ, не измѣняя направленій теченія рѣкъ и не прокладывая новыхъ путей, придаютъ имъ совершенно иное значеніе, причемъ нѣкоторые изъ пунктовъ, рѣкъ, путей и проч., имѣв-

шіе громадное стратегическое значеніе въ предшествовавшія кампаніи, не имѣютъ никакого значенія теперь, и наоборотъ, многіе изъ нихъ, не игравшіе никакой роли прежде, выдвигаются теперь вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ на первый планъ, облегчая приведеніе въ исполненіе однихъ операцій и создавая трудно преодолимые препятствія для другихъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ не пренебрегать обзоромъ театровъ военныхъ дѣйствій и эту главу мы посвящаемъ очерку театра войны въ Европейской Турціи.

Рѣка Дунай вытекаетъ съ восточныхъ склоновъ Шварцвальда, вблизи истоковъ Некара, въ предѣлахъ Баденскаго королевства, и оросивъ своими водами части королевствъ Вюртембергскаго и Баварскаго, близъ крѣпости Линца вступаетъ въ предѣлы Австро-Венгерской Имперіи. Все теченіе его въ предѣлахъ упомянутыхъ королевствъ и части Австріи до города Вагценна имѣетъ направленіе юго-восточное, но у этого города Дунай круто поворачиваетъ на югъ и въ этомъ направленіи течетъ до города Вукувара, отъ котораго снова принимаетъ свое прежнее направленіе и сохраняетъ его до выхода изъ Желѣзныхъ Воротъ. Отъ Вукувара до устья Савы оба берега Дуная принадлежатъ Австріи; отъ устья же Савы онъ служитъ границей между Австро-Венгріей и Сербіей и въ этой своей части, нѣсколько ниже устья рѣки Сербской Моравы, онъ прорываетъ горный кряжъ, служа такимъ образомъ гранью двухъ отдѣльных горныхъ системъ, Карпатской и Балканской. Участокъ гдѣ эти двѣ системы ближе всего подходятъ другъ къ другу, называется *Желѣзными Воротами*: Въ этомъ мѣстѣ Дунай оставляетъ границы Австріи и далѣе до устья служитъ раздѣльною чертой до рѣки Тимока между Сербіей и Румыніей, а на остальномъ протяженіи между послѣдней и Турціей. Въ настоящемъ обзорѣ мы коснемся только послѣдняго участка Дуная, на который обращены теперь взоры всего міра.

Отъ Желѣзныхъ Воротъ до 4го градуса западной долготы отъ Пулкова долина Дуная имѣетъ видъ полуэллипса, очерченнаго гребнями горъ Карпатскихъ и Балканскихъ; на востокъ отъ этого меридіана южная граница долины продолжается идти по прежнему направленію до самаго Чернаго Моря; сѣверная же граница вдругъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и уходитъ далеко къ истокамъ рѣкъ Серета и Прута, который отъ Новоселицъ до мѣстечка Катомаръ служитъ

границей Румыніи и Бессарабской области Россійской Имперіи. Общее направленіе склона Нижне-Дунайской долины есть восточное т.-е. къ Черному Морю; частныя же паденія почвы обусловлены направленіемъ склоновъ хребтовъ Карпатскаго и Балканскаго и ихъ отроговъ, и выражаются вполнѣ направленіемъ теченія Дуная и его притоковъ.

Такимъ образомъ Дунай на всемъ своемъ протяженіи отъ Желѣзныхъ Воротъ до устья постоянно слѣдуетъ направленію сѣвернаго крыжа Балканскихъ горъ и его Добруджскаго отрога и такъ-сказать лежитъ на ихъ предгоріяхъ. Отсюда непосредственно вытекаетъ характеръ его береговъ, изъ которыхъ правый на всемъ своемъ протяженіи возвышенъ, а лѣвый низменъ, кромѣ двухъ участковъ, а именно: отъ Желѣзныхъ Воротъ до Калафата, гдѣ подходитъ къ Дунаю рядъ возвышенностей отдѣляющихся отъ плоскогорья составляющаго водораздѣлъ Дуная и притока его Жіула, и отъ Браилова до Галаца, гдѣ къ Дунаю подходятъ невысокіе холмы, наполняющіе междурѣчныя пространства Калициуа, Бузео, Серета и Прута.

Правый или нагорный берегъ Дуная состоитъ изъ ряда отдѣльных холмовъ и небольшихъ гребней, абсолютная высота которыхъ простирается отъ 240 до 1.200 футовъ, и только въ участкѣ на востокъ отъ Тульчи до моря и узкою полосой вдоль всей рѣки правый берегъ Дуная сравнивается съ противоположнымъ ему, лѣвымъ, который вообще низменъ и болотистъ, изрѣзанъ множествомъ протоковъ и покрытъ огромнымъ числомъ озеръ самой разнообразной формы и величины. Ширина дунайскаго разлива неодинакова. Въ этомъ отношеніи описываемый участокъ рѣки можетъ быть раздѣленъ на двѣ почти равныя части: верхній отъ Желѣзныхъ Воротъ до Рущука и нижній отъ послѣдняго пункта до устья. Въ верхнемъ участкѣ Дунай течетъ большею частію однимъ русломъ и рѣдко раздѣляется на два, образуя въ этихъ мѣстахъ острова, большая часть которыхъ противулежитъ устьямъ вливающихъ въ Дунай рѣкъ, которымъ острова эти и обязаны своимъ существованіемъ. Ширина разлива этого участка рѣки колеблется отъ 2 до 10 верстъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, какъ напримѣръ у Калафата, Гадяча, Бестречула, Островенъ, Излаца, Турна, Зимницы и Журжево, гдѣ

линія разлива очень близко подходит къ рѣкѣ, и потому въ этихъ мѣстахъ лѣвый берегъ рѣки лишенъ болотъ и состоитъ изъ обширныхъ луговъ или песчаныхъ полосъ, поверхность которыхъ только слегка взволнована небольшими буграми. Отъ Рущука до устья Дунай течетъ въ многочисленныхъ протокахъ, образуя огромное число большихъ и малыхъ острововъ. Въ этой части разливъ рѣки очень часто превосходить 20 и даже 30 верстъ и только въ двухъ мѣстахъ, и то на сравнительно небольшомъ протяженіи, Дунай принимаетъ характеръ теченія перваго участка. Мѣстности эти слѣдующія: 1) отъ Ольтеницы до Калафата и 2) отъ Браилова до раздѣленія Дуная на Килийское и Сулинское гирла. Лѣвый берегъ нижняго участка рѣки еще болѣе болотистъ чѣмъ берегъ верхняго и кромѣ того онъ усеянъ цѣлою массой большихъ и малыхъ озеръ, а линія разлива здѣсь нерѣдко удаляется отъ рѣки на громадное разстояніе и противоположными свойствами отличаются только берега прилежащіе къ Ольтеницѣ, Гурѣ-Яломницѣ, Браилу, Гадацу, Рени и почти на всемъ протяженіи протока Борча (между Каларашемъ и устьемъ рѣки Яломницы). Въ этихъ участкахъ къ самому берегу Дуная подходятъ незначительныя высоты, командующія отъ 40 и до 100 футовъ надъ поверхностью воды.

Описанный нами характеръ береговъ Дуная показываетъ что эта рѣка представляетъ собою превосходную лограничную линію для Европейской Турціи, оборонять которую довольно легко, въ особенности если принять во вниманіе ширину ея русла, которая колеблется здѣсь между 250 и 1300 саженьями и быстроту теченія рѣки, которая почти на всемъ ея протяженіи до раздѣленія на гирла составляетъ до четырехъ футовъ въ секунду.

Естественныя оборонительныя свойства Дуная значительно усиливаются еще расположенными по его берегу сильными крѣпостями и небольшими укрѣпленными пунктами, которые сооружены тамъ гдѣ лѣвый берегъ рѣки по своему характеру наиболѣе способствуетъ форсированію переправы. Пункты эти тѣ же, перечень которыхъ мы дали, говоря о направленіи линіи разлива Дуная, а потому, во избѣжаніе повторенія, мы ограничимся теперь перечнемъ укрѣпленныхъ пунктовъ праваго берега рѣки, начиная съ Виддина, который противулежитъ Калафату. Далѣе внизъ

по теченію рѣки лежатъ: Ломъ, Цыбра-Полянка, Рахово, Никополь (Издацъ и Турнаъ на лѣвомъ берегу), Систова, Руцукъ, Туртукай, Силистрія, Гирсова, Мачинъ, Исакии и Тульча. Но не всѣ эти пункты заслуживаютъ названіе крѣпостей; къ послѣднимъ принадлежатъ Виддинъ, Руцукъ и Силистрія, а въ самое послѣднее время Турки сильно работаютъ надъ укрѣпленіями Никополя и Туртукай и ставятъ батареи противъ устья рѣки Алуты, впереди селенія Черновицы.

Всѣ притоки Дуная какъ праваго, такъ и лѣваго берега не особенно широки и въ лѣтнее время бѣлая часть ихъ проходима въ бродъ; но весной и лѣтомъ во время дождей они превращаются въ бурные, непроходимые потоки, которые руютъ всѣ поставляемыя имъ на пути преграды, сносятъ мосты и размываютъ дорожныя гати, ведущія къ мостамъ. Разливы этихъ рѣкъ уже не разъ оказывали свое вліяніе на наши дѣйствія въ Румыніи и за Дунаемъ, они даютъ намъ чувствовать себя и теперь, затрудняя сосредоточеніе нашихъ силъ на театрѣ войны и отдаляя время рѣшительнаго удара.

Выше мы уже сказали что долину нижняго Дуная очерчиваютъ хребты горъ Карпатскихъ и Балканскихъ. Карпатскія горы, окаймляя долину Дуная съ сѣверной стороны, служатъ границей между Австро-Венгріей и Румыніей. Высота главнаго пограничнаго хребта Карпатовъ вездѣ переходитъ 5.000 фут.; отдѣльныя же высоты его имѣютъ болѣе 8.000 фут. Карпаты вообще скалисты, покрыты дремучими лѣсами и замѣчательны особенною дикостью и отсутствіемъ удобныхъ путей.

Изъ проходовъ въ этихъ горахъ заслуживаютъ вниманія: изъ Тургошиа (въ Румыніи) въ Броошъ (въ Трансильваніи), долиной рѣки Жиула; изъ Питешти въ Германштадтъ, долиной рѣки Алуты; изъ Кимполунга въ Кронштадтъ, долиной Дымбовицы, притока Аржессы; изъ Плоешти и Бузео въ Кезды-Васархелы, долинами рѣки Бузоо и незначительными притоками Яломицы. Изъ Окна въ Цивъ-Череду, долиной рѣки Братуша. До сихъ поръ проходы эти не имѣютъ никакого для насъ значенія, но они приобретутъ особенную важность, еслибы Австрія отказалась отъ объявленнаго ею нейтралитета и встала открыто во враждебное къ намъ отношеніе, какъ это было въ кампанію 1854 года,

когда вооруженный нейтралитетъ Австріи заставлялъ насъ очистить сперва Малую Валахію, а затѣмъ отказаться и отъ производства операцій на Дунаѣ, гдѣ счастье войны очевидно склонялось на нашу сторону. Ширина долины лѣваго берега Дуная, отъ гребня Карпатскаго хребта до рѣки, колеблется между 150 и 200 верстами и по характеру мѣстности можетъ быть раздѣлена на двѣ части: сѣверную и южную. Сѣверная часть, границей которой можетъ служить линія проведенная чрезъ города: Калафатъ, Краіово, Слатину, Плоешти, Бузео, Рымнакъ, Фокшаны, Бирлодъ и селеніе Фальчи, наполнена отрогами Карпатскаго хребта, изъ которыхъ очень многіе достигаютъ высоты шести и семи тысячъ футовъ и также дики и мало доступны какъ и главный хребетъ. Но по мѣрѣ удаленія на югъ отъ роги эти постепенно сглаживаются и на югѣ отъ вышеупомянутой линіи они принимаютъ сперва видъ невыносочныхъ холмовъ, а еще южнѣе мѣстность принимаетъ видъ нѣскольکو волнистой равнины съ очень плодородною черноземно-суглинистою почвой, которая даетъ теперь себя чувствовать, обратившись отъ сильныхъ дождей въ грязь, служащую не малою помѣхой въ передвиженіяхъ нашей арміи.

Балканскія горы окаймляютъ долину Дуная съ южной стороны и служатъ водораздѣльною чертой рѣкѣ текущихъ съ одной стороны въ Дунай, а съ другой въ Черное и Эгейское моря. По высотѣ Балканы почти равны Карпатамъ и проходы въ нихъ также мало доступны какъ и въ послѣднихъ. Слѣдуя параллельно теченію Дуная въ разстояніи отъ него (по главному гребню) отъ 50 до 100 верстъ, Балканы представляютъ превосходную вторую оборонительную линію со множествомъ почти неприступныхъ позицій.

Такъ какъ въ настоящую войну намъ придется можетъ-быть перенести свои операціи за Балканы, то мы опишемъ нѣсколько подробнѣе существующіе проходы въ этихъ горахъ къ Софіи, Татаръ-Базарджику, Филиппополю, Казанлыку, Сливнѣ, Ямболу, Карнабату, Айдосу и Бургосу.

Къ Софіи ведутъ проходы, слѣдуя по притокамъ Дуная: Моравѣ, Огосту, Истру и Видду, отъ Виддина, Лома, Цыбра-Паланки, Рахова и Никополя. Отъ Виддина къ Софіи путь идетъ на Арцеръ-Паланку и Бѣлградчикъ въ Чупренѣ, гдѣ къ этому пути подходитъ дорога изъ Лома. Въ Чупренѣ путь вступаетъ въ проходъ Св. Николая и миновавъ

Вратаницкую планину онъ круто поворачиваетъ къ Пироту, лежащему въ роскошной долинѣ Сербской Моравы. Отъ Пирота начинается подъемъ на Драгоманскій перевалъ съ системы рѣки Моравы на систему рѣки Искера къ Софіи. Кромѣ этого пути изъ Лома ведетъ еще другой путь къ Софіи: Онъ слѣдуетъ къ Берковацу на рѣкѣ Огостѣ, гдѣ оставляетъ эту рѣку и близъ селенія Гонцы перваливается къ Костину Броду, въ которомъ соединяется съ вышесписаннымъ путемъ въ двадцати верстахъ отъ Софіи. Отъ Цибра-Паланки къ Софіи ведетъ только-что описанный Ломскій путь, къ которому отъ Паланки идетъ дорога къ Кутловицу на рѣкѣ Огостѣ. Отъ Рахова къ Софіи дорога по рѣкѣ Скитулу подымается къ Врацѣ и Челопеку, лежащему на рѣкѣ Искерѣ, долиной которой и подымаются къ Софіи. Отъ Никополя къ Софіи путь идетъ на городъ Плевны и далѣе рѣки Витъ до Глажени. Здѣсь дорога оставляетъ долину рѣки и начинается подъемъ на Златицкій перевалъ къ городу Златицѣ, лежащему на рѣкѣ Топольницѣ, системы рѣки Марыцы и Эгейскаго моря. Чтобы перейти отъ Златицы къ Софіи, надлежитъ слѣзть еще одинъ перевалъ черезъ отрогъ горы Рыло и Златицкаго Балкана у селенія Дальни Комарцы. Изъ всѣхъ перечисленныхъ путей самыми удобными должны быть признаны первый и послѣдній и, сколько намъ извѣстно, Турки принимаютъ всѣ мѣры къ укрѣпленію позицій на этихъ путяхъ, а равно и самой Софіи, которой они придаютъ большое стратегическое значеніе.

Только-что описанные нами пути служатъ также къ сообщенію Татаръ-Базарджика съ перечисленными пунктами на Дунаѣ, такъ какъ въ немъ сосредоточиваются всѣ пути ведущіе изъ Софіи и Златицы въ долину Марыцы. Изъ Софіи въ Татаръ-Базарджикъ ведутъ двѣ дороги: на Ихтиманъ и Самановъ. Оба пути дѣлаютъ перевалы черезъ одинъ и тотъ же отрогъ горы Рыла; но перевалъ Самановскій лежитъ у самой подошвы этой горы, Ихтиманскій же въ 25 верстахъ на сѣверъ отъ перваго. Изъ Златицы къ Татаръ-Базарджикъ путь идетъ все время долиной рѣки Топольницы, и хотя слѣдуя этими путями не приходится дѣлать большихъ переваловъ, но несмотря на это онъ несравненно труднѣе первыхъ двухъ, въ особенности для передвиженія обозовъ и артиллеріи.

РЦІИ.

Къ Филиппополю изъ долины Дуная, кромѣ вышеописанныхъ путей, сообщающихся съ Филиппополемъ при посредствѣ Татаръ-Базарджика, идетъ еще самостоятельный путь изъ города Плевны, въ которомъ сходятся дороги изъ Рахова, Никополя и Систова. Изъ Плевны къ Филиппополю нуть идетъ на Ловчу въ долину Осмы и эту последнюю подымается до Трояна, отъ котораго начинается подъемъ на Зеленицкій перевалъ, мимо монастыря того же наименованія, и за симъ спускается въ долину рѣки Гекъ-Су, ближе устья которой на рѣкѣ Марыцѣ расположенъ Филиппополь, одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Европейской Турціи. Къ Казанлыку съ Дуная идутъ пути: Изъ Плевны чрезъ Ловчу, Сельвы, Малкачу и Габрово; изъ Слетова на Малкачу и на соединеніе съ первымъ путемъ и изъ Рущука на Тырново, Драново и Габрово, гдѣ этотъ путь также сливается съ вышепоименованными. Перевалъ черезъ Балканскій хребетъ лежитъ въ участкѣ пути между Габрово и Казанлыкомъ, который расположенъ у самой подошвы хребта въ верховьѣ рѣки Тунджи, при устьѣ которой лежитъ городъ Адрианополь. Казанлыкскій перевалъ считается однимъ изъ наиболѣе удобныхъ, вслѣдствіе чего онъ также приводится въ оборонительное положеніе, для чего какъ въ Казанлыкѣ, такъ равно въ Терновѣ, Ловчѣ и Габровѣ Турки возводятъ укрѣпленія довольно серьезныхъ профилей.

Чрезъ Сливно въ Забалканскій край идутъ дороги изъ Тырнова и Османъ-Базара; но пути эти такъ мало разрабатаны, что ими пользуются только пѣшеходы и вѣдущіе верхомъ; движеніе же въ колесныхъ экипажахъ сопряжено на этихъ путяхъ съ большими опасностями.

Въ Ямболѣ (на рѣкѣ Тунджѣ) идетъ черезъ Балканы одинъ изъ самыхъ важныхъ путей. Путь этотъ начинается въ Шумлѣ, переваливаетъ черезъ хребетъ между селеніями Дервентъ и Кедырѣ-Феклы и перейдя дорогу изъ Сливно въ Карнабатъ черезъ 20 верстъ вступаетъ въ долину рѣки Тунджи у самаго Ямболя. Еще болѣе важенъ и лучше разработанъ путь ведущій изъ Шумлы въ забалканскій край на городъ Карнабатъ. Путь этотъ важенъ тѣмъ что на немъ нѣтъ особенно большихъ переваловъ, которые встрѣчаются на всѣхъ вышеописанныхъ путяхъ.

Про дорогу изъ Приводовъ въ Айдошъ должно повторить то же что уже было сказано о Сливновскихъ путяхъ; что

же касается пути изъ Варны до Бургосъ, то онъ не представляетъ никакихъ особенно важныхъ затрудненій для передвиженія войскъ всѣхъ родовъ оружія; но пролегая въ недалекомъ разстояніи отъ морскаго берега, путь этотъ легко можетъ быть обстрѣливаемъ съ непріятельскихъ судовъ.

Изъ этого краткаго обзора балканскихъ проходовъ мы видимъ что они довольно правильно распределены вдоль всего хребта и что, кромѣ того, почти каждому изъ нихъ соответствуетъ одинъ изъ пунктовъ на Дунаѣ, съ которыми онъ и связанъ кратчайшею дорогой. Но къ болѣе важнымъ и лучше другихъ разработаннымъ переваламъ, какъ наприкладъ Софіѣскому, Казанлыкскому и Карнабадскому, собираются пути отъ нѣсколькихъ пунктовъ, которые, миновавъ хребетъ, направляются всѣ къ одному центру, городу Адрианополю, одному изъ самыхъ важныхъ пунктовъ въ забалканской части Европейской Турціи.

Отъ главнаго гребня Балканскихъ горъ отдѣляется множество отроговъ, наполняющихъ собою междурѣчныя пространства Болгаріи и Румыніи; но изъ всѣхъ этихъ отроговъ заслуживаютъ особеннаго вниманія только четыре: Добрудженскій въ Болгаріи и Деспотодагскій, Адрианопольскій и Истрандайтскій въ Румыніи.

Добрудженскій отрогъ, отдѣляясь отъ Балканскаго хребта въ верховьяхъ рѣкъ Камчина (впадаетъ въ Черное Море) и Кара-Лома (притокъ Дуная), на всемъ своемъ протяженіи держится сѣверо-восточнаго направленія, параллельнаго западному берегу Чернаго Моря, и служитъ водораздѣломъ небольшихъ рѣкъ, впадающихъ съ одной стороны въ это море, а съ другой въ Дунай. Добрудженскій отрогъ, или вѣрнѣе плоскогорье, вообще довольно низокъ и не имѣетъ горнаго характера, кромѣ той его части у верховья рѣки Камчина которая носитъ названіе Малаго Балкана. Онъ состоитъ изъ ряда холмовъ, имѣющихъ отъ 350 до 2500 футовъ абсолютной высоты, причемъ наиболѣе низменныя мѣста отрога лежатъ въ его средней части, т.-е. на линіи желѣзной дороги изъ Черноводъ въ Кюстенджи и Троянова Вала и этой-то собственно мѣстности и принадлежитъ названіе Добруджи. На сѣверъ и на югъ отъ Линіи Черноводы-Кюстенджи мѣстность постепенно повышается и достигаетъ maximum'a высоты впереди Шумы, гдѣ отъ описываемаго отрога отдѣляется замѣтный гребень высотъ, имѣю-

щихъ до 2000 ф. абсол. выс., направляющійся къ крѣпости Руцукъ по правому берегу рѣки Акъ-Ломы и прикрывающій такимъ образомъ желѣзную дорогу соединяющую Руцукъ съ городомъ Разградомъ и съ первоклассными крѣпостями Шумлой и Варной. На сѣверъ отъ Троянова Вала, т. е. въ Бабадагской области, Добрудженское плоскогорье достигаетъ наибольшей высоты въ верховьяхъ рѣкъ Тапцы, Майданки, Тростянки и Телицы, гдѣ нѣкоторые отдѣльные холмы переходятъ 2000 футовъ. Сѣверная возвышенная площадь Бабадагской области, а также Акъ-Ломскій отрогъ и Малый Балканъ покрыты лѣсами; остальная же часть Добруджи очень бѣдна растительностью, а мѣстами и вовсе лишена ея и въ этихъ мѣстахъ она являетъ видъ скучной и однообразной пустыни съ весьма скуднымъ населеніемъ.

Деспотодагскій отрогъ или Деспотовакская ланина отдѣляется отъ Балканской горы Рыло, имѣющей около 8.500 футовъ высоты, и наполняетъ своими развѣтвленіями всю площадь между рѣкой Марьицей и Эгейскимъ моремъ. Отдѣльные хребты описываемой ланины достигаютъ высоты 5 и 7 тысячъ футовъ; они скалисты, покрыты дремучими лѣсами, но долины между ними необыкновенно роскошны разнообразіемъ растительности и привлекательностью видовъ и очень жаль что нельзя того же сказать о дорогахъ, которыя въ этой мѣстности изъ рукъ вонъ плохи, даже въ самое благопріятное время года, то-есть въ концѣ лѣта и началѣ осени.

Андріанопольскій отрогъ отдѣляется отъ Балканъ вблизи Зеленицкаго перевала, откуда идетъ къ Адрианополю, наполняя своими вѣтвями междурѣчныя пространства притоковъ рѣкъ Марьицы, Тунджи и Сюютли. Андріанопольскій хребетъ не высокъ. Онъ рѣдко гдѣ переходитъ высоту 3.500 футовъ, кромѣ небольшого участка у 42 параллели между рѣками Сюютли и Тунджей, въ 35 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Адрианополя. Черезъ описываемый отрогъ переваливаются къ городу Ески-Загра два пути: изъ Казанлыка на Дервентъ и изъ Сливно на Іени-Загра. Кромѣ того отрогъ этотъ прорѣзывается вѣтвью Константинопольско-Софійской желѣзной дороги, отдѣляющей отъ послѣдней въ Тырновѣ у устья рѣки Сюютли и оканчивающейся у Ямбола на рѣкѣ Тунджѣ.

Истрандштайскій отрогъ отдѣляется отъ Балканъ у Карнабата и служитъ водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Туаджи, Марыцы и Ергине съ одной стороны и Чернаго Моря съ другой; хребетъ этотъ дѣлится на нѣсколько отдѣльных группъ, между которыми лежатъ удобные проходы: Кизиль-Агачскій, Алмазы-Карамзинскій и Дерскіой-Кайовскій. Отъ Астрандштайскаго хребта у Сарая отдѣляются пребины выеотъ, которыми наполнена вся мѣстность лежащая между лѣвыми берегами рѣкъ Марыцы и Ергине и Мраморнымъ Моремъ съ его проливами Константинопольскимъ и Дарданельскимъ. Горы эти вообще невысоки, но представляютъ довольно большія затрудненія для наступающаго, благодаря множеству прекрасныхъ позицій, обзъ укрѣпленію которыхъ, какъ и вообще на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, позаботилась сама природа.

Но не мало думалъ о томъ же самомъ и человекъ и въ этомъ отношеніи Турки успѣли сдѣлать очень многое, не щадя ни денегъ, ни трудовъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, которые тысячами употреблялись и до сихъ поръ еще употребляются на укрѣпленіе различныхъ пунктовъ и позицій, которыя мы и разберемъ теперь, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Выше мы уже указали на значеніе Дуная какъ пограничной черты между Румыніей и Турціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оборонительной линіи послѣдней противъ наступающаго съ этой стороны противника. Мы дали также перечень пунктовъ посредствомъ которыхъ усилена оборона этой линіи, имѣющей до 700 верстъ протяженія. Слѣдующая таблица, распредѣляющая численность турецкой арміи по этимъ пунктамъ, указываетъ на тѣ изъ нихъ которыми Турки придаютъ особое значеніе и гдѣ по ихъ мнѣнію имъ угрожаетъ наибольшая опасность.

НАЗВАНІЕ ПУНКТОВЪ.	Ч И С Л О:				
	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Батареи.	Прислуга крѣпостной артиллеріи.	Приблизительный итогъ числа людей.
<i>По Дунаю.</i>					
Виддинъ	50	6	13	700	33.000
Рахово	5	—	1	—	3.200
Никополь	6	3	2	1.200	5.700
Систово	3	2	1	—	2.300
Рущукъ	40	2	9	900	27.000
Туртукай	6	—	2	200	4.200
Силистрія	26	6	8	1.200	19.300
Тульча, Мачинъ и Исакча .	14	10	4	—	10.000
Итого	150	29	40	4.200	105.400
<i>Между Дунаемъ и Балканами.</i>					
Плевна	2	—	—	—	1.200
Ловча	2	—	—	—	1.200
Тирново	4	—	1	—	2.600
Разградъ	3	—	—	—	1.800
Нѣумъ	42	10	10	1.500	30.200
Праводы	3	—	1	—	2.000
Варна	18	—	8	1.000	12.700
Базарджикъ	3	—	—	—	1.800
Итого	77	10	20	2.500	53.500
<i>За Балканами въ дефилеяхъ.</i>					
Софія	10	2	5	—	7.300
Казанлыкъ	6	—	2	—	4.000
Итого	16	2	7	—	11.300
Всего	243	41	67	6.700	170.200

Эти данныя почерпнуты нами изъ письма рущукскаго корреспондента *Kölnische Zeitung*, отъ 4го мая; но отъ насъ только регулярныя войска, что же касается нерегулярныхъ, то численность ихъ намъ неизвѣстна и рущукскій корреспондентъ къ приведеннымъ даннымъ прибавляетъ только что въ Ямболѣ, Сливѣ и Филиппополѣ (всѣ три за Балканами) формируются народныя ополченія и редицы, которые

раздѣлены на четыре очереди, въ порядкѣ отправления ихъ на театръ войны, въ Шумлу и другія мѣста въ Болгаріи. Кромѣ того изъ газеты *Turquie* намъ извѣстно что Черкесы направляются къ Дунаю на линію Разградъ - Туртукай.

Изъ этой таблицы и примѣчанія къ ней очевидно что турецкій главнокомандующій обратилъ особенное вниманіе на оборону части Дуная между Руцукъ и Силистріей, гдѣ на протяженіи 102 верстъ сосредоточено 50.500 человекъ регулярнаго войска при 17 батареяхъ, имѣя въ резервѣ за собою на линіи Тирново - Варна 51.100 человекъ солдатъ съ 20 батареями артиллеріи, и такимъ образомъ на этомъ сравнительно небольшомъ участкѣ собрано около 59% всей турецкой Дунайской регулярной арміи, что объясняется конечно тѣмъ что какъ разъ за линіей Тирново - Варна лежатъ всѣ наиболѣе удобные проходы черезъ Балканы.

Позиція Руцукъ - Силистрія съ фронта прикрыта рѣкой Дунаемъ, который на этомъ участкѣ представляетъ только три пункта наиболѣе удобныхъ для переправы. Пункты эти противолежатъ крѣпостямъ Руцукъ и Силистріи, находящимся на флангахъ описываемой позиціи и противъ укрѣпленнаго города Туртукай, который находится въ центрѣ позиціи почти на равномъ разстояніи отъ обоихъ фланговъ. Фронтъ позиціи по ту сторону Дуная состоитъ изъ ряда высотъ покрытыхъ кустарникомъ и небольшими рощами и командующихъ надъ уровнемъ воды Дуная отъ 300 до 750 футовъ. Самая слабая часть этой позиціи есть конечно ея лѣвый флангъ (Руцукъ); но оборона Руцука теперь усилена желѣзною дорогой, которою этотъ пунктъ связанъ съ крѣпостями Шумлой и Варной, а потому сюда легко могутъ быть направлены всѣ резервы стоящіе по этой линіи и затруднить такимъ образомъ операціи противъ Руцука. Атака Туртукай и Силистріи можетъ быть затруднена Турками посредствомъ тѣхъ же резервовъ, которые могутъ явиться и къ Руцукъ; но кромѣ того по взятіи Туртукай и Силистріи наступающему приходится форсировать очень сильная позиція на линіи Акъ-Ломской гряды, которая послѣ постройки желѣзной дороги Варны - Руцукъ приобретаетъ громадное значеніе въ операціяхъ атакующаго со стороны Добруджи.

Изъ остальныхъ позицій на Дунаѣ наиболѣе сильною является теперь Видинская. Арміи которой придется

дѣйствовать со стороны Добруджи предстоитъ побороться же препятствія которыя представляются для наступающаго отъ Силистріи и Туртукая и кромѣ того нужно форсировать очень сильную позицію Черноводы-Кюстенджа, которая, какъ слышно, приводится Турками въ сильное оборонительное положеніе.

Этимъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ театра военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи, который мы ограничили пока только двумя вилайетами, Тумскимъ или Дунайскимъ и Адрианопольскимъ, представляющими площадь въ 114.200 квадратныхъ верстѣ съ 3.980.194 душъ населенія, въ числѣ котораго христіанъ православнаго исповѣданія считается 2.316.808 или 60% всего населенія упомянутыхъ вилайетовъ.

III.

Азіатскій театръ военныхъ дѣйствій.

Театромъ военныхъ дѣйствій въ Азіи является сопредѣльная намъ часть Анатоліи, а именно вилайеты Эрзерумскій и Требизондскій, пространство которыхъ равняется 149.143 квадратнымъ верстамъ. Оба вилайета представляютъ собою страну пересѣченную въ различныхъ направленіяхъ высокими хребтами горъ, продолженіемъ которыхъ служить наша Закавказская горная система, извѣстная подъ общимъ именемъ Малаго Кавказа.

Главнымъ узломъ горной системы наполняющей Эрзерумскій вилайетъ служатъ гора Бингельдагъ, лежащая въ 90 верстахъ прямо на югъ отъ Эрзерума и имѣющая 12.300 футовъ абсолютной высоты. Отъ этой горы отдѣляются двѣ системы хребтовъ: одна изъ нихъ идетъ въ направленіи къ Ахалцыху (въ Россіи), а другая къ горѣ Пердидагу. Этими системами хребтовъ театръ военныхъ дѣйствій въ Анатоліи дѣлится на три отдѣла: Черноморскій, Каспійскій и Персидскій, причемъ эти названія нами даны по имени морей, къ бассейнамъ которыхъ принадлежатъ вышеозначенные отдѣлы.

Самый важный изъ этихъ отдѣловъ есть Каспійскій, который представляется въ видѣ треугольника, въ ближайшемъ разстояніи отъ вершины котораго расположенъ городъ

Эрзерумъ, а основаніемъ ему служить русско-турецкая граница отъ горы Ташпури на Аджарско-Ахалцыхскомъ хребтѣ до горы Перлидага въ 40 верстахъ на юго-востокъ отъ Кагызмана. Стороны этого треугольника составляютъ: сѣверо-западную — хребты горъ Девобонъ, Каргабазаръ, Киреченлю, Саганлугскихъ, Канлы-дага или Канлы-Теле и Аджарскихъ; южную — хребты горъ Казбелъ-дага, Шеріанъ-дага, Каса-дага и Бозъ-дага или Агей-дага. Отъ вершины къ основанію описываемый треугольникъ прорѣзывается тремя системами рѣкъ: Куръ, Карсъ-Чая и Аракса, водораздѣлами которыхъ служатъ также высокіе хребты горъ, а именно между Курой и Карсъ-Чаемъ — хребты Кизилъ-дага и Кысыръ-дага; а между Карсъ-Чаемъ и Араксомъ — горы Саганлугскія и Кара-дага. Средняя высота всѣхъ перечисленныхъ хребтовъ простирается отъ 7 до 9 тысячъ футовъ, но нѣкоторыя отдѣльныя высоты въ нихъ переходятъ даже за 10.000 футовъ. Снѣжныхъ хребтовъ здѣсь нѣтъ, но бываютъ годы что на сѣверныхъ склонахъ горъ снѣгъ не стаиваетъ до половины іюля; вообще же всѣ эти горы очень дики, скалисты и нѣкоторыя изъ нихъ покрыты дремучими лѣсами, другія же, напротивъ, совсѣмъ безлѣсны и имѣютъ очень непріятный видъ желто-сѣроватыхъ скалъ, подобныхъ тѣмъ которыми богатъ нашъ Дагестанъ. Но насколько дики здѣсь горы, настолько же прекрасны долины, растительность которыхъ болѣе чѣмъ роскошна; травы рослы и сочны, а урожаи достигаютъ баснословныхъ размѣровъ, чѣмъ конечно и обуславливается довольство мѣстнаго населенія и прекрасное состояніе скотоводства и вообще всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, несмотря на первобытные приемы обработки земли. Нѣкоторыя изъ этихъ долинъ очень густо заселены; но горы почти лишены населенія и служатъ болѣе какъ пастбища, на которыхъ въ лѣтніе мѣсяцы являются кочевники съ своими табунами коней и стадами овецъ. Дорогъ въ этомъ краѣ мало, да и тѣ которыя имѣются изъ рукъ вонъ плохи и мало пригодны для передвиженія на колесахъ. Турки сохранили до сихъ поръ традиціонную привычку къ верховой ѣздѣ и потому мало обращаютъ вниманія на свои дороги: лошадь его пройдетъ вездѣ. Насколько мало пользуются Турки удобствами путей, видно изъ того что извѣстному путешественнику Дейроллю (Deyrolle) приходилось видѣть что даже по

хорошо устроенному Эрзерумско-Требизондскому шоссе Турки возятъ почту на вьюкахъ, а не на колесахъ. Если здѣсь и сдѣлано кое-что, то Турція обязана за сдѣланное инициативѣ европейскихъ державъ, которыхъ побуждалъ заботиться о чужихъ путяхъ сообщенія ихъ собственныи торговый интересъ. Большая часть дорогъ въ этомъ краѣ проложена по долинамъ и служитъ сообщеніемъ мѣстныхъ городскихъ поселеній съ Эрзерумомъ, а также между собою и съ прилежащими къ нимъ русскими городами. Въ Кадлійскомъ отдѣлѣ театра войны только три города: Ардаганъ, въ долинѣ Куры; Карсъ, въ долинѣ Карсъ-Чая и Кагызманъ, въ долинѣ Аракса. Къ этимъ городамъ изъ Россіи ведутъ пути къ Ардагану изъ Ахалциха и Ахалкалаки черезъ перевалы Чалдырскаго хребта Джачи-Саманскій, Карзахскій и Чамдранскій; къ Карсу изъ Ахалкалаки черезъ Сулдинскій перевалъ Чалдырскаго хребта и Александрополя съ переправой на границѣ черезъ рѣку Арпачай; къ Кагызману изъ Эривани долиной Аракса.

Всѣ эти пути уже пройдены нашими войсками, а равно и тѣ которыми эти города соединяются между собою, а потому мы и не будемъ ихъ подробно описывать теперь, тѣмъ болѣе что многое изъ этого описанія пришлось бы повторить при изложеніи хода военныхъ дѣйствій.

Изъ путей ведущихъ къ Эрзеруму лучше другихъ устроенъ путь соединяющій этотъ городъ съ Карсомъ, а потому на оборону его и обращено Турками наиболѣе вниманія. Наступающая армія по этому пути встрѣчаетъ двѣ сильныя укрѣпленныя позиціи: одну—въ самомъ городѣ Карсѣ, самой сильной крѣпости въ Азиатіи, и въ дефилеяхъ Сагалугскаго хребта, которыми переходятъ изъ долины Карсъ-Чая въ долину рѣки Аракса, и которыя, посредствомъ сооруженныхъ здѣсь укрѣпленій, могутъ представлять очень большія препятствія для наступающаго, примѣромъ чего можетъ служить походъ Паскевича 1828 года. Впрочемъ, во взятіи Ардагана и Кагызмана операціи наши противъ Эрзерума значительно облегчаются, давая возможность ослабить оборону противника на Сагалугѣ обходомъ этой позиціи на Ольту и Дали-Баба, угрожая такимъ образомъ его тылу. Но для того чтобы рѣшиться на подобное дѣйствіе, необходимо или овладѣть крѣпостью Карсомъ, или же имѣть очень большія силы, дабы оставитъ

подъ его отѣнами сильный обсервационный корпусъ, который былъ бы въ состоянн сдерживать вылазки сильнаго гарнизона крѣлости и обезпечивать сообщенія арміи съ ея операціонною базой.

Черноморскій отдѣлъ Азіатскаго театра военныхъ дѣйствій лежитъ на сѣверо-западъ отъ Каспійскаго. Граница этихъ двухъ отдѣловъ уже описана нами; что же касается границы отдѣляющей Черноморскій отдѣлъ отъ Персидскаго, то ее составляютъ горы Гяюръ-Дага и отрогъ Думау-Дага, отдѣляющіа истоки верхняго Евфрата отъ рѣки Чорохъ-Су.

Изъ рѣкъ Черноморскаго отдѣла заслуживаютъ вниманія рѣка Чорохъ-Су съ притоками Ольта-Су, Арданучемъ и Аджаръ-Чаемъ и кромѣ того небольшая рѣчонка Кивтришъ, берега которой были уже свидѣтелями нѣсколькихъ побѣдъ нашего Ріонскаго отряда, оперирующаго на Батумъ. Характеръ мѣстности Черноморскаго отдѣла тотъ же что и Каспійскаго; но горы его еще болѣе дики и еще менѣе доступны, въ особенности же лежація по ту сторону рѣки Чороха и хребты: Карчхалъ-Шавшетъ, наполняющій своими отрогами всю мѣстность между рѣками Аджаръ-Чаемъ и Арданучемъ и Мезра-Дагъ между Арданучемъ и Ольтой. Изъ городовъ расположенныхъ въ описываемомъ отдѣлѣ заслуживаютъ вниманія: Батумъ, одинъ изъ лучшихъ портовъ Чернаго Моря; Артвинъ на рѣкѣ Чорохъ-Су; Арданучъ и Ольта на рѣкахъ тѣхъ же наименованій, и Тавискаръ на рѣкѣ Ольтѣ. Изъ путей сообщеній въ этомъ отдѣлѣ болѣе другихъ доступны для движенія войскъ дороги Ардагано-Батумская и Ардагано-Эрзерумская. Первая изъ этихъ дорогъ принадлежитъ отдѣлу отъ перевала Яланустъ-Чама, а вторая отъ хребта Канлы-Теле (или дага). Обѣ дороги обладаютъ большимъ числомъ превосходныхъ позицій, которыми, впрочемъ, едва ли удастся играть какую-нибудь роль въ настоящей кампаніи, такъ какъ съ уничтоженіемъ Ардаганскаго гарнизона онѣ лишились своихъ защитниковъ и могутъ быть заняты нами безнаказанно, что отчасти уже и исполнялось при рекогносцировкѣ отрядомъ Шереметьева Ардагано-Ольтинской дороги и перевала черезъ Канлы-Теле.

Путь этотъ очень дурно устроенъ и кромѣ того онъ представляетъ цѣлый рядъ очень сильныхъ позицій, располо-

женныхъ вдоль гребней отроговъ хребта Колова-Дага, которые, впрочемъ, можно обойти, направляясь къ Батуму по Ахаццкой дорогѣ, ведущей чрезъ Городерскій перевалъ Аджарскаго хребта на Дыды-Аджаръ въ долину рѣки Аджаръ-Чая и далѣе этою долиною и долиною рѣки Чороха къ Батуму; но путь этотъ находится въ чрезвычайномъ состояніи и кромѣ того онъ кружеиъ и вслѣдствіе всего этого онъ можетъ служить только вспомогательнымъ путемъ, но не главнымъ. Кромѣ этихъ путей, къ Батуму ведутъ отъ Озургетъ дороги на Гомскій и Чедокскій форпосты на Аджарскомъ хребтѣ, отъ которыхъ идутъ къ селеніямъ Чорокеу и Земохину на рѣкѣ Кинтришъ. Отъ Чороха къ Батуму путь идетъ по берегу моря на Чакву, а отъ Земохина, на рѣкѣ Кинтришъ, Земохина дорога идетъ на селеніе Чаквасъ-Тави на Чакву же, гдѣ соединяется съ первымъ путемъ.

Теперь обратимся къ краткому обзору Персидскаго отдѣла театра военныхъ дѣйствій. Отдѣлъ этотъ тѣмъ важнее что въ предѣлахъ его находится главный городъ Эрзерумскаго вилаета, Эрзерумъ, который уже два раза служилъ театромъ нашихъ кампаній въ Малой Азіи. Эрзерумъ лежитъ въ долинѣ верхняго Евфрата. Значеніе онъ получалъ вслѣдствіе того что въ немъ сосредоточены всѣ главнѣйшіе транзитные пути восточной части Азіи; къ нему подходит хорошо устроенное шоссе изъ Требизонда и отъ него же отходитъ главный транзитный путь въ Персію и Эривань—Эрзерумско-Баязидское шоссе, отъ котораго у селенія Кепри-Кей отдѣляется путь чрезъ Карсъ въ Александрополь, у селенія Гасанъ-Када, путь на Ольту и Ардаганъ, въ Ахаццыхъ и Ахакалаки и у селенія Куруджуха—дорога въ городъ Хамсъ-Када и Мушъ и Битлисъ. Главныя рѣки этого театра войны: верхній Евфратъ и Евфратъ-Мурадъ; кромѣ того, довольно важное значеніе имѣетъ громадное озеро Ванъ, — центръ Курдистана. Главное направленіе нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ есть Эрзерумско-Баязидское шоссе, которое частію, до Сурль-Аганеса, т.-е. на протяженіи 54 верстъ, пройдено нами, при чемъ въ нашихъ рукахъ находятся города Баязидъ и селеніе Діадинъ (Агадинъ) съ ключами путей къ городу Вану и селенію Сурль-Аганецъ, отъ котораго отдѣляется дорога на городъ Эджевасъ-када (на оз. Ванъ). Впереди насъ долина Евфрата, образуемая склонами хребтовъ, слѣва Ала-

дага, Кавъ-гядага и Шаринъ-дага, а справа хребтовъ Перли-дага, Базъ-дага и Коса-дага. Долина эта въ первой своей половинѣ очень узка; но предъ жвѣсточкомъ Кара-Килисой она вдругъ расширяется, образуя Алашкертокую плоскость, на сѣверной окраинѣ которой лежитъ городъ того же наименованія. На этой плоскости у Кара-Килисы Турки устроили укрепленный лагерь, прикрывая имъ путь на Эрзерумъ и подходящія къ Каракилису въ этомъ мѣстѣ дороги на Алашкертъ, Кызыманъ, Битансъ и Мушъ. Между селеніями Джениголь и Эшамъ-Эллясъ Эрзерумско-Баязедскій путь переваливается черезъ Косы-дагъ въ Каплинскій отбѣлъ и выходитъ снова въ Персидскій уже подъ самымъ городомъ Эрзерумомъ послѣ перевала черезъ горы Деве-боинъ.

Этими краткими очерками мы и ограничимъ нашъ обзоръ Азіятскаго театра войны, прибавивъ къ нему нѣсколько словъ о населеніи Эрзерумскаго вѣлаета, съ которыми мы не лишнимъ считаемъ познакомить читателя въ виду того что оно не только что извѣщаетъ воюющаго насъ полководца, но кромѣ того часть его обращается даже съ просьбой о допущеніи на службу въ ряды нашей арміи для совокупнаго дѣйствія противъ общаго имъ и намъ врага. Все населеніе Эрзерумскаго вѣлаета состоитъ изъ 1.230.000 душъ, въ томъ числѣ:

Турокъ.....	272.000
Курдовъ.....	357.000
Армянь и Грековъ.....	411.000
Евреевъ.....	1.200
Исидовъ.....	2.000
Персовъ.....	158.000
и Терекмановъ.....	29.000

Христіане, которыхъ 411.000, дѣлятся на:

Армяно-Грегоріанъ.....	287.000
Несторіанъ.....	110.000
Католиковъ.....	8.000
Протестантовъ.....	1.300
и Православныхъ.....	4.700

Мы не будемъ касаться Турокъ, Армянь (армяно-грегоріанскаго, католическаго, протестантскаго и православнаго исповѣданія), Грековъ, Евреевъ, Персовъ и Курдовъ, кото-

рые намъ бодѣе или менѣе уже знакомы, а скажемъ только о тѣхъ племенахъ о которыхъ имѣется менѣе всего свѣдѣній, а именно: Арманахъ, Несторіанахъ, Іезидахъ и Терекманахъ.

— Несторіане дѣлятся на двѣ группы: одни воинственные, аскираты, отказывающіеся даже платить подати и живущіе въ неприступныхъ горахъ; другіе, раія, живутъ въ долинахъ, мирнаго характера и покорны Оттоманскому правительству. Несторіане сосредоточены большею частію близъ персидской границы.

Среди курдскихъ племенъ въ окрестностяхъ Сипанъ-дага (на сѣверъ отъ озера Ванъ) живетъ 2.000 Іезидовъ, родственныхъ тѣмъ 3.000 Іезидамъ, которые населяютъ русскій Курдистанъ. Племя это замѣчательно своими религіозными убѣжденіями. Іезиды почитаютъ діавола; вслѣдствіе той основной мысли, что благодѣяніе Божіе безконечно, они считаютъ излишнимъ обращаться къ нему съ молитвой и обращаютъ свое поклоненіе къ діаволу, отъ котораго могутъ оласаться всего. Обожая генія зла, подъ именемъ Великаго Шейха, Іезиды считаютъ себя въ правѣ дѣлать все что осуждается законами божескими и человѣческими, а потому ученіе ихъ одинаково вселяетъ отвращеніе какъ христіанамъ такъ и магометанамъ. Іезиды храбры и предпріимчивы и ихъ привычка къ разбоямъ и грабежамъ дѣлаетъ ихъ страшными въ округахъ Мелесгердъ и Буланликъ, гдѣ они грабятъ караваны и армянскія деревни. Ихъ узнаютъ по одеждѣ темнаго цвѣта съ вышивками красною шерстью и по ихъ желтымъ и чернымъ чалмамъ.

Терекемановъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Туркменами, которыхъ считаютъ не болѣе 200 близъ Ардагана. Терекеманы магометане, ихъ зовутъ также Кара-лалахами, по ихъ кожанымъ чернымъ шалкамъ. Можно предполагать что они родомъ Персіане и поселились въ Чальдерѣ, Ганинлянѣ и Дсадимѣ въ то время когда эти мѣстности были завоеваны Шахъ-Абасомъ.

Въ заключеніе этой главы намъ слѣдовало бы сказать о численности турецкой арміи на Азіатскомъ театрѣ и о распредѣленіи ея по разнымъ мѣстностямъ; но сдѣлать это довольно трудно, такъ какъ оказывается что всѣ свѣдѣнія которыя передавались по этому предмету иностранными корреспондентами невѣрны; но мы все-таки считаемъ

полезнымъ помѣстить эти свѣдѣнія, такъ какъ они даютъ возможность хоть приблизительно судить о значеніи нѣкоторыхъ пунктовъ и отдѣльныхъ мѣстностей на Азіатскомъ театрѣ войны.

НАЗВАНІЕ ПУНКТОВЪ И МѢСТНОСТЕЙ.	Ч И С Л О:			
	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Батарей.	Приблизительный итогъ числа людей.
<i>Батумскій театръ.</i>				
Батумъ	6	—	—	3.600
Цихедзиери	14	—	1	8.600
Чурукъ-Су	6	—	3	4.200
На Кинтришъ	8	—	1	5.000
Итого	34	—	5	21.400
<i>Карскій театръ.</i>				
Карсъ	16	6	2	10.900
Ардаганъ	10	2	5	7.400
Ольта	2	—	—	1.200
Эрзерумъ	13	2	12	9.500
Саганлугъ	27	20	7	20.600
Итого	68	30	26	49.600
<i>Каракилисскій театръ.</i>				
Каракилиса	16	3	5	11.000
Всего.	118	33	36	82.000

IV.

Военныя дѣйствія на Дунаѣ.*

Сорокъ дней протекло съ тѣхъ поръ какъ раздалось слово Государя Императора, которымъ призывалась наша храбрая армія перейти границу и идти на защиту Славянъ Балканскаго полуострова и вообще всего христіанскаго населенія

* См. карту Европейской Турціи и р. Дуная отъ Браилова до Измаила.

Турецкой имперіи. Сорокъ дней тому назадъ, въ 4 часа утра, 12го апрѣля, 29й казачій полкъ полковника Пономарева съ начальникомъ передоваго отряда полковникомъ Струковымъ во главѣ перешелъ русскую границу по мосту, переброшенному черезъ пограничную канаву у Троянова Вала, между русскимъ селеніемъ Кубей и небольшою румынской деревушкой Болгаріей.

Такимъ образомъ первая деревушка на чужестранной землѣ, въ которую вступила голова колонны 11го корпуса, носила названіе Болгаріи, той страны на страдальческій стонъ которой откликнулась братски земля Русская и двинула своихъ сыновъ мечомъ и кровью добывать ей дорогу свободу.

Черезъ 12 часовъ по выступленіи изъ Кубей 29й казачій полкъ, потерявъ на переправу черезъ рѣку Прутъ у города Рени три часа времени, достигъ желѣзнодорожной станціи Барбошъ и еще черезъ четверть часа вступилъ въ отправленіе возложеннаго на него порученія—охрану Барбошскаго желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Сереть.

Читатели конечно помнятъ какой шумъ подняли всѣ туркофильскія газеты, когда до нихъ дошла вѣсть объ этомъ первомъ успѣхѣ Русскихъ, который гарантировалъ намъ пользованіе румынскими желѣзными дорогами для передвиженія войска и тяжестей и такимъ образомъ ускорилъ сосредоточеніе нашихъ силъ на Дунаѣ. Успѣхъ Турки разрушить Барбошскій мостъ, положеніе наше какъ наступающаго было бы очень невыгодное. Что Турки сознавали необходимость воспрепятствовать намъ овладѣть Барбошскимъ мостомъ, теперь уже положительно извѣстно. Съ цѣлью взорвать мостъ, какъ только получится извѣстіе о разрывѣ съ Россіей, Гобартъ-паша держалъ у устья рѣки Серета два броненосца, на которыхъ и было возложено это порученіе; но по неловкой безпечности приказаніе Гобарта не было исполнено, а между тѣмъ взорвать было легко, такъ какъ румынскій мостовой караулъ былъ снятъ еще утромъ 12го числа и такимъ образомъ мостъ въ теченіе восьми часовъ находился внѣ всякаго военнаго надзора. Вечеромъ того же 12го числа Селингинскій пѣхотный полкъ занялъ городъ Рени и обезпечилъ переправу черезъ рѣку Прутъ. Такимъ образомъ въ первый день похода голова колонны 11го корпуса сдѣлала: пѣхота 70, а кавалерія 115

версть, причемъ мы не имѣли ни отсталыхъ ни заблѣвшихъ и не оказалось ни одной набитой подъ сѣдломъ спящимъ у лошадей. Первый шагъ былъ удаченъ во всѣхъ отношеніяхъ.

12го же числа и всѣ остальные части нашей Дунайской дѣйствующей арміи выступили въ походъ и начали переходить русскую границу въ трехъ пунктахъ въ Кубеляхъ, Леовахъ и Унгенахъ.

Иностранныя газеты полны всевозможныхъ похвалъ нашимъ войскамъ. Корреспонденты ихъ не нахвалятся бодрому виду солдатъ, несмотря на ужасныя трудности похода по дорогамъ въ концѣ испорченными проливными дождями. Не будь этихъ дождей, причинившихъ страшную распутицу и производшихъ ненормальное повышение уровня воды во всѣхъ рѣкахъ, вслѣдствіе чего многіе мосты были снесены, дамбы разрушены и испорчено полотно желѣзныхъ дорогъ, сосредоточеніе войскъ было бы давно уже окончено. Теперь же пришлось вмѣсто того чтобъ идти безостановочно, занимать части войскъ работами по исправленію путей и нерѣдко отказываться отъ пользованія желѣзною дорогой и передвигать тяжести по грунтовымъ путямъ; но несмотря на все это, сосредоточеніе войскъ шло довольно успѣшно и, сколько намъ извѣстно, оно уже окончено и теперь близокъ моментъ начала рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, сигналъ которому будетъ поданъ изъ Плоешти, куда на дняхъ изволилъ выѣхать Государь Императоръ. Пожелаемъ отъ всего сердца чтобъ предстоящая переправа была также успѣшна какъ и переправа 1828 года, которою лично руководилъ покойный императоръ Николай I.

До сихъ поръ мы не имѣемъ пока серіозныхъ указаній на расположеніе нашей арміи по линіи Дуная. Мы знаемъ навѣрно только одно, что ею занятъ весь берегъ рѣки отъ устья Килійскаго гирла до устья рѣки Алуты, за которою стоятъ румынскія войска. Есть правда указанія нѣкоторыхъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ на скопленіе русскихъ войскъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего дѣлаются даже предположенія о возможности перехода черезъ Дунай въ томъ или другомъ пунктѣ; но мы остережемся приводить въ этомъ обзорѣ подобнаго рода извѣстія, точно такъ же какъ не позволимъ себѣ гадать и предсказывать будущее. Мы лишьмъ лѣтопись,

IA.

а не предсказанія, а потому вернемся опять къ фактамъ, которыхъ и будемъ строго держаться въ нашей хроникѣ. По мѣрѣ того какъ наша армія вытягивалась вдоль Дуная, на болѣе важныхъ пунктахъ рѣки возводились укрѣпленія и строились батареи. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано на пространствахъ между Рени и Браиловымъ. Вся эта часть Дуная съ нашей стороны представляетъ теперь одну сплошную укрѣпленную позицію, многія батареи которой вооружены осадными орудіями и мортирами, Результаты которыхъ достигли этимъ очень важны. Во-первыхъ, мы обезпечили себя отъ возможнаго перехода Турокъ на лѣвый берегъ Дуная тамъ, гдѣ онъ непосредственно соприкасается съ нашею операціонною базой, и во-вторыхъ, возводя батареи мы заперли въ отдѣльных частяхъ Дуная турецкій броненосный флотъ и тѣмъ парализовали его дѣйствіе на тѣхъ пунктахъ которые будутъ избраны для форсированія переправы черезъ рѣку. Кроме того, нѣкоторымъ изъ этихъ батарей вѣроятно будетъ суждено играть очень видную роль въ предстоящей операціи. Въ то время когда подъ выстрѣлами турецкихъ броненосцевъ сооружались и вооружались батареи, кипѣла также работа постройки рѣчныхъ понтоновъ и сбора мостовыхъ частей; собирались доставленные въ разобранномъ видѣ ларовые катеры, приводились въ порядокъ купленные на мѣстѣ лароходы и другія рѣчныя суда, однимъ словомъ создавалась флотилія, необходимая при переправѣ черезъ рѣку. По мѣрѣ того какъ Русскіе укрѣплялись на участкѣ Дуная между его устьями и Алутой, Румыны дѣлали то же на остальномъ его протяженіи, причемъ особенное вниманіе было обращено на укрѣпленіе и вооруженіе Калафата, и по приведеніи этой работы къ концу было приступлено немедленно къ бомбардированію Виддина, причемъ первый выстрѣлъ былъ произведенъ Румынскимъ княземъ Карломъ, принявшимъ командованіе надъ румынскою арміею и приданнымъ ей русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ.

Когда наши работы были еще въ началѣ и батареи не были вооружены, Турки старались своимъ броненоснымъ флотомъ помѣшать нашимъ работамъ. Съ этою цѣлію они бомбардировали многіе побережные города, селенія и монастыри, стрѣляли и по нашимъ работавшимъ войскамъ; но не долго пришлось имъ разгуливать безнаказанно

со своими броненосцами по Дунаю. Первый отпоръ почувствовали на себѣ турецкіе мониторы 21го апрѣля, отъ 5й батареи, прибывшей въ Браиловъ съ 1ю бригадой 11й пѣхотной дивизіи. Выстрѣлы этой батареи противъ мониторовъ бомбардировавшихъ городъ были такъ мѣткі что на одномъ изъ нихъ имъ удалось сбить трубу и испортить руль, а на второмъ зажечь палубу. Вслѣдствіе этихъ поврежденій бомбардированіе Браилова было прекращено и одинъ изъ мониторовъ, зажженный, ушелъ тушиться въ Мачинскій рукавъ, а другой послѣдшилъ причалить къ берегу и сталъ послѣдно выпускать пары. Урокъ былъ данъ, но Турки не уговорились и 27го мая снова бомбардировали наши инженерныя работы Браилова въ то самое время, когда его послѣдилъ Великій Князь Главнокомандующій; но это было послѣднее нападеніе на Браиловъ. 28го апрѣля были вооружены наши двѣ батареи: мортирная, предназначенная для продольнаго обстрѣливанія Мачинскаго рукава, и батарея № 3й, вооруженная 24фунтовыми орудіями, для дѣйствія противъ Гечета (Потбаши) и его окрестностей, и на другой же день они были вписаны на страницы нашей славной военной лѣтописи. Въ этотъ день, во второмъ часу дня, въ виду Браилова появился трехмачтовый броненосный корветъ, тотъ самый что бомбардировалъ Браиловъ 27го числа. Около этого большого судна расхаживали взадъ и впередъ два другіе броненосца меньшихъ размѣровъ. Въ исходѣ втораго часа вблизи ихъ появилось новое судно, дотолѣ еще не замѣчавшееся въ водахъ Мачинскаго рукава; длинное, бѣлое, оно походило болѣе на пассажирскій пароходъ чѣмъ на военное судно. Пароходъ этотъ вскорѣ спустилъ шлюпку, которая подошла къ большому корвету и на этомъ послѣднемъ въ ту же минуту былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. Но адмиралъ Бугонъ-паша не остался на этомъ мониторѣ, а переправился съ него на другое судно. Тѣмъ не менѣ адмиральскій флагъ остался на мачтѣ. Между тѣмъ корветъ, вмѣстѣ съ остальными турецкими судами, занялъ въ Мачинскомъ рукавѣ боевую позицію, съ видимымъ намѣреніемъ начать бомбардировку, но огня еще не открывалъ. Разстояніе отъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій до корвета равнялось 1.700 саженьямъ или нѣсколько болѣе. Нашимъ батареямъ приказано было открыть огонь. Мортирная сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ не

долетѣвшихъ до цѣли; батарея № 3 взяла хорошее направленіе, ея снаряды совсѣмъ близко ложились около корвета, но пока еще не задѣвали его и онъ продолжалъ сохранять свое вызывающее положеніе молча.

Выпущено было до тридцати снарядовъ, и уже хотѣли было прекратить пальбу, тѣмъ болѣе что Турки не отвѣчали, какъ вдругъ въ два часа и десять минутъ пополудни, въ одно и то же мгновеніе съ двухъ различныхъ батарей разомъ грянули два выстрѣла. Эта одновременность была дѣломъ чистой случайности. Прошло десять секундъ. Вдругъ весь корветъ закрылся дымомъ, сквозь который какъ молнія пробился темно-багровый огонь. Многіе присутствовавшіе подумали что непріятель далъ залпъ; но чрезъ двѣ-три секунды раздался ужасный, громоподобный трескъ, отдавшійся на Браиловскомъ берегу сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, и громадный столбъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся языковъ огня и чернаго густаго дыма съ глухимъ гуломъ взвился къ небу саженъ на сорокъ въ высоту и сталъ надъ корветомъ. Въ бинокли было видно какъ летѣли вверхъ двѣ мачты, доски, бревна и разные осколки; замѣтны были даже и люди падавшіе сверху внизъ которые, по словамъ очевидцевъ, казались имъ издали словно бы червячки или рои черныхъ мухъ.

Взорванъ былъ броненосный корветъ *Лифти-Джелиль* и громкое ура огласило берегъ Дуная. Главными виновниками этого радостнаго событія были поручикъ Самойло и подпоручикъ Романовъ. Наводчиками при орудіяхъ были: Романъ Давидюкъ и Иванъ Помпоръ. Послѣ взрыва два другіе броненосца бросились въ Мачинскій рукавъ, оставивъ утопать своихъ соотечественниковъ, сдѣлавшихся жертвою катастрофы. Только одинъ изъ нихъ былъ спасенъ нашими катерами, лодослѣвшими на всѣхъ паряхъ на мѣсто происшествія, причемъ лейтенантомъ Дубасовымъ былъ снятъ вице-адмиральскій флагъ, оставшійся висѣть на третьей удѣлѣвшей мачтѣ.

Послѣ взрыва корвета *Лифти-Джелиль* Русскіе приступили къ загражденію Мачинскаго рукава посредствомъ торпедъ, что и было исполнено благополучно Это мая нашими моряками подъ выстрѣлами турецкихъ мониторовъ. Послѣ этого подвига все успокоилось и только по временамъ берега Дуная оглашались выстрѣлами нашихъ батарей, да при-

ходили короткія извѣстія о визитахъ нашихъ казаковъ на турецкій берегъ съ цѣлью очистить его отъ кустовъ, сжечь имѣющіяся строенія и уничтожить запасы угля и въ особенности судовъ и лѣсныхъ матеріаловъ, которые могли бы служить Туркамъ для производства набѣговъ на нашъ берегъ. Но вотъ среди этой тишины вдругъ раздалась новая радостная вѣсть: еще погибъ одинъ и притомъ самый большой турецкій мониторъ. Онъ сдѣлался жертвой неустрашимой храбрости нашихъ моряковъ, шедшихъ на вѣрную смерть и спасенныхъ только волей Всемогущаго Провидѣнія. Объ этомъ событіи капитанъ Рогуля официально доноситъ слѣдующимъ образомъ.

Въ четыре минуты перваго часа ночи съ тринадцатаго на четырнадцатое мая, когда шелъ проливной дождь, лейтенантъ Дубасовъ, испросивъ согласіе капитана Рогули и разрѣшеніе генерала Салова, отвалилъ отъ Браиловской пристани и съ четырьмя паровыми катерами направился въ Мачинскій рукавъ съ цѣлю отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины хотя одно изъ нихъ. Въ составѣ рискованной экспедиціи участвовали катеры: *Цесаревичъ*, взятый отъ Румынскаго правительства, на немъ: лейтенантъ Дубасовъ, майоръ румынской службы Муржеско и 14 матросовъ; на разстояніи двадцати сажень отъ него — *Ксенія* съ лейтенантомъ Шестаковымъ и 9 матросами; на такомъ же разстояніи отъ нея *Джигитъ* съ мичманомъ Персинымъ и 8 матросами и *Царевна* съ мичманомъ Балемъ и 9 матросами. Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ серединѣ Мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ, вправо впереди его во мглѣ ненастной ночи обрисовывалась темная масса другаго, влѣво отъ средняго — двухтрубный военный пароходъ. Дубасовъ, рѣшившись атаковать средній, какъ самый большой, приказалъ Шестакову быть готовымъ къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ поддерживать наладеніе. Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ сталъ приближаться къ нему.

На окликъ часоваго на мониторѣ, Дубасовъ на удачу отвѣчалъ извѣстный ему турецкій отзывъ: „сызынадамъ“, что значитъ „вашъ человекъ“, но произнесъ неправильно. Непріятель сразу понялъ фальшивый отзывъ и далъ по

шлюпкѣ ружейный выстрѣлъ, что сдѣлали и остальные суда, но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой средняго судна хватился за ударный снуръ девятидюймового орудія... острѣчка. Второй, третій разъ—то же. На лубахъ трехъ судовъ, встревоженныхъ выстрѣлами, поднялась суматоха. Въ это время Дубасовъ нанесъ монитору ударъ правою носовою миной въ лѣвый бортъ, выше лѣвой кормовой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, вода наполнила катеръ Дубасова. Онъ приказалъ машинисту дать задній ходъ, а командѣ откачивать воду, крикнулъ: *Шестаковъ подходит!* Послѣдній подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ судовъ, подойдя къ монитору сильно острѣвшему кормой, но державшемуся еще на поверхности, нанесъ второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ. Судно окончательно погрузилось. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ ударами минъ, продолжавшійся десять минутъ, всѣ шлюпки оставались подъ самымъ бѣглымъ огнемъ. Шестаковъ послѣ взрыва, запутавъ свой винтъ въ обломкахъ монитора, очищалъ его почти у самаго непріятельскаго борта, и отстрѣливаясь изъ револьвера съ помощью четырехъ матросовъ отъ штуцернаго огня, направленнаго изъ башни погружавшагося монитора. Катеръ *Персина* получилъ пробоину въ кормѣ ядромъ, а всплескомъ другаго снаряда былъ залитъ. Принужденный отправиться къ берегу для того чтобы заткнуть пробоину, катеръ этотъ запуталъ винтъ въ кустахъ и долго не могъ высвободиться. Востокъ сталъ быстро занимать зарей, можно было различать предметы вблизи и вдали, почему огонь турецкихъ судовъ усилился. Дубасовъ приказалъ шлюпкамъ отступать; всѣ онѣ вмѣстѣ двинулись въ Браиловъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ не было. „Только волею Всемогущаго Провидѣнія“, говоритъ Дубасовъ, „могу объяснить тотъ фактъ что мы вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который Турки открыли по намъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двѣнадцать минутъ.“ Во все время боя офицеры и команда выказали полное самообладаніе и истинно геройское мужество. Во время боя не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное, торжественное ура вырвалось у всѣхъ одновременно когда мониторъ окончательно погрузился въ воду. Дубасовъ представилъ флагъ со взорваннаго имъ и Шестаковымъ монитора.

Россія дружно привѣтствовала молодыхъ героевъ; Государь наградилъ ихъ знаками ордена Св. Георгія 4й степени. На этомъ подвигѣ мы прерываемъ нашу лѣтопись военныхъ событій въ Европейской Турціи и перенесемся теперь на другой театръ войны—въ Азіатію.

IV.

Военныя дѣйствія на Азіатскомъ театрѣ.*

До 12го апрѣля наша дѣйствующая Кавказская армія раздѣленная на четыре отряда была расположена на тѣсныхъ квартирахъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Ріонскій отрядъ генерала Оклобжію въ окрѣстностяхъ Озургетъ; Ахалцыхскій отрядъ генераль-лейтенанта Девеля въ окрѣстностяхъ Ахалцыха и Ахалкалаки; Александропольскій отрядъ у Александрополя и Эриванскій отрядъ въ Эривани и окрѣстныхъ мѣстностяхъ.

Настоящій обзоръ мы начнемъ съ описанія дѣйствій Александропольскаго и Ахалцыхскаго отрядовъ, которые какъ оказалось преслѣдовали одну и ту же цѣль: соединиться подъ Карсомъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ этой азіатской твердыни. Оба эти отряда, какъ и всѣ другіе, выступили въ походъ изъ своихъ зимнихъ расположеній одновременно, въ день объявленія манифеста о войнѣ, т. е. 12го апрѣля.

Первыми перешли границу отдѣльные кавалерійскіе отряды и какъ снѣгъ на голову упали на передовые турецкіе посты.

Какъ ни готовились Турки ко встрѣчѣ грознаго противника, но на этотъ разъ появленіе драгунъ и казаковъ предъ ихъ саклями было совершенною неожиданностью. На большей части постовъ Турки не успѣли даже взяться за оружіе какъ уже были полонены, и къ вечеру дня объявленія войны этихъ лѣнныхъ собралось въ Александрополь 107 человекъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ.

Въ то время какъ наши отдѣльные кавалерійскіе разѣзды снимали турецкіе передовые посты, главныя силы, перейдя Арпачай, двинулись двумя колоннами по направленію къ Карсу. Лѣвая колонна 12го апрѣля дошла до Мулла-

* См. карту театра военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.

Муса, а правая до Башъ-Шурагеня; въ авангардѣ обѣихъ колоннъ шла кавалерія съ конною артиллеріей.

13го апрѣля войска перешли къ селенію Кизиль-Чахъ-Чаху, лежащему на берегу Карсъ-Чая, на главномъ и самомъ удобномъ пути изъ Александрополя въ Карсъ, въ 47 верстахъ отъ послѣдняго.

Трудны были эти первые переходы. Дороги въ Турціи, очень дурныя сами по себѣ, послѣ дождей, непрерывно лившихъ нѣсколько дней, сдѣлались просто непроѣздными. Обозы растаянулись и не послѣвовали за своими частями. Войска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шли чуть не по колѣно въ грязи, но шли бодро и весело. Жители всюду встрѣчали ихъ съ изъявленіемъ покорности, нѣкоторые просились на службу въ русскую армію.

14го числа, пѣхота Александропольскаго отряда оставалась въ Кизиль-Чахъ-Чахѣ, а кавалерія произвела рекогносцировку до Хаджи-Вали, селенія лежащаго на южной Карско-Александропольской дорогѣ (на юго-востокъ отъ крѣпости Карса). До 14го числа селеніе это было занято бую баталіонами турецкой пѣхоты съ артиллеріей; но получивъ извѣстіе о движеніи нашихъ войскъ, баталіоны эти, еще до полудня 14го числа, отошли къ Карсу, и Хаджи-Вали было занято нами, какъ и другія полутинныя селенія, безъ выстрѣла.

15го апрѣля пѣхота наша перешла къ Кюрюкъ-Дара, а кавалерія занимала Субатанъ и Хаджи-Вали.

16го и 17го апрѣля пѣхота была на походѣ къ Заиму,* селенію лежащему на рѣкѣ Карсъ-Чай на сѣверо-востокъ и въ 20 верстахъ отъ Карса, а кавалеріи былъ данъ приказъ произвести рекогносцировку мѣстности къ югу и западу отъ Карса черезъ Каны-Кевъ въ обходъ крѣпости. Этотъ кавалерійскій поискъ, въ которомъ участвовали 27 эскадроновъ и сотенъ при 16 конныхъ орудіяхъ, произведенъ былъ двумя отдѣльными отрядами черезъ Каны-Кевъ, Владикарсъ, Тикма-Санебутивъ и Базыгранъ; при этомъ отрядъ генераль-майора Лорисъ-Меликова, командира Нижегородскаго драгунскаго полка, дошелъ до Лашгирта, гдѣ онъ уничтожилъ на десятиверстномъ протяженіи Карско-Эрзерумскую телеграфную линію; а другой отрядъ, изъ дивизіи генераль-майора Шереметева, дошелъ до Варимона.

* См. карту окрестностей Карса.

Такимъ образомъ, въ эти два дня кавалерія наша совершила поискъ до самаго Саганлуга, гдѣ она настигла 8 баталіоновъ непріятельской лѣхоты съ батареей артиллеріи, которые слѣдовали изъ Карса въ Эрзерумъ, имѣя во главѣ мушира Мухтаръ-пашу. Баталіоны эти долго и настойчиво были преслѣдуемы частью нашей кавалеріи, и движеніе ихъ мало-по-малу обратилось въ формальное бѣгство. Турки побросали свои выюки и латронные ящики, которые стали боевыми трофеями нашихъ удалыхъ кавалеристовъ.

Молодецки исполненная рекогносцировка произвела очень сильное впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, которые толпами являлись къ командирующему нашими войсками извѣщать свою покорность и предлагать себя въ его распоряженіе; но чтобъ еще болѣе усилить это впечатлѣніе и, главное, чтобъ предупредить всякую случайность съ далеко ушедшими отрядами нашей кавалеріи, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выступилъ 17го апрѣля изъ Заума съ 12ю баталіонами гренадеръ при 40 орудіяхъ и пяти сотняхъ казаковъ къ Калифъ-Оглу и далѣе въ Визинкевъ, гдѣ и остановился въ ожиданіи прибытія бывшей въ поискѣ кавалеріи.

Въ Визинкевѣ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ простоялъ все 18е число, и вечеромъ въ этотъ день наша кавалерія, только-что вернувшаяся съ поиска, имѣла двухчасовой артиллерійскій бой съ непріателемъ, вышедшимъ изъ крѣпости въ числѣ восьми баталіоновъ съ полевой артиллеріей. Во все время этого дѣла непріатель держался подъ защитой крѣпостныхъ верковъ, и единственнымъ результатомъ боя было подбитіе непріятельскаго орудія батареей Терскаго казачьяго войска.

19го апрѣля командующій съ лѣхотой возвратился въ лагерь у Заума, а кавалерія осталась у Визинкева. Такимъ образомъ, черезъ 5 дней по объявленіи войны, главныя силы Кавказской арміи уже стояли предъ грозною твердыней Малой Азіи, Карсомъ, преградивъ ему небольшими кавалерійскими отрядами сообщенія съ Эрзерумомъ и Батумомъ.

Выборъ Заума для временнаго расположенія главныхъ силъ былъ очень удаченъ. Селеніе это лежитъ на СВ. въ двадцати верстахъ отъ Карса на лѣвомъ берегу рѣки Карсъ-Чай. Оно соединяетъ въ себѣ дороги изъ Александрополя, Ахалкалаки, Карса и селенія Джелауса, лежащаго въ 8 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Заума, на большой

дорогѣ изъ Карса въ Ардаганъ, которая была занята отдѣльнымъ отрядомъ расположеннымъ у Меликъ-Кея. Генераль Лорисъ-Меликовъ конечно имѣлъ въ виду прервать сообщеніе Карса съ Ардаганомъ, черезъ который проходить путь въ Батумъ, и тѣмъ совершенно разобщить этотъ важный портъ съ Карсомъ, перенявъ путь которымъ эта крѣпость могла бы получать подкрѣпленія и запасы. Наблюденіе за сообщеніями Карса съ мѣстностью лежащею предъ Саганлугскимъ хребтомъ поручено было кавалеріи съ конною артиллеріей, которая занимая Визинкевъ, имѣла кромѣ того возможность во всякое время дѣйствовать противъ непріятеля еслибъ онъ рискнулъ выйти въ поле изъ Карса.

Въ Заимѣ Александропольскій отрядъ простоялъ до 28го апрѣля, а въ этотъ день генераль Лорисъ-Меликовъ вышелъ съ частію своей арміи изъ Заума и направился къ Ардагану, къ которому подступилъ 30го апрѣля и расположился лагеремъ у Бурдосана.

Въ то время когда главные силы стояли у Заума, кавалерія, занимавшая Визинкевъ, продолжала производить поиски и вокругъ Карса, и по сторонамъ. Изъ этихъ рекогносцировокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ: 24го и 27го апрѣля.

24го апрѣля, полкъ графа Граббе при шести сотняхъ казаковъ, изъ Кульпы, и отрядъ генераль-майора Лорисъ-Меликова (Нижегородскій драгунскій полкъ съ 6 сотнями казаковъ), изъ Визинкева, заняли городъ Кагызманъ безъ боя. При обратномъ слѣдованіи отрядъ генераль-майора Лорисъ-Меликова совершилъ поискъ къ Тихнису и Берну, и возвратился черезъ Хаджи-Халиль въ Визинкевъ.

27го апрѣля, отрядъ генераль-майора Шереметева, съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя сотнями Горско-Моздокскаго казачьяго полка, произвелъ рекогносцировку черезъ Айналь на Топаджикъ и Чахмауръ. При обратномъ слѣдованіи колонна эта имѣла у Бердыкъ-Чая жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, высланнымъ изъ Карса конницу съ батареей и четырьмя баталіонами съ цѣлью отрѣзать нашей кавалеріи отступленіе.

Турки устроили засаду за рѣкой Бердыкъ - Чаемъ; но удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ драгунъ и казаковъ, причемъ первые дѣйствовали какъ въ конномъ такъ и въ пѣшемъ

строѣ, планъ Турокъ былъ разстроенъ. Отряду генералъ-майора Шереметева вполне удался его поискъ.

Ахалцыхскій отрядъ, выступивъ 12го апрѣля подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Девеля изъ Ахалцыха, въ восемь дней дошелъ до Ардагана и расположился лагеремъ въ Чагестанѣ и Ольчикѣ. Задача этого отряда заключалась, повидимому, въ томъ чтобы заявъ этотъ укрѣпленный городъ и оставивъ тамъ гарнизонъ для обезпеченія праваго фланга арміи оперирующей на Карсъ отъ внезапнаго нападенія противника со стороны Ольты и Батума, идти съ остальными войсками къ Карсу на соединеніе съ Александропольскимъ отрядомъ.

Такъ какъ въ предшествовавшія войны Ардаганъ не оказывалъ особаго препятствія движенію нашей арміи, причемъ какъ въ 1828, такъ равно и въ 1854 году онъ былъ занятъ русскими войсками или безъ боя (1854 годъ), или оказавъ самое слабое сопротивленіе (1828 годъ), то и въ настоящую кампанію къ нему были направлены сравнительно очень небольшія силы; но Ардаганъ уже былъ не тотъ, которымъ мы его прежде знали и у генерала Девеля оказалось черезчуръ мало войска чтобы форсировать атаку уже не просто укрѣпленного города съ цитаделью, а сильной и хорошо вооруженной крѣпости подъ непосредственнымъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ. Понадобилось подкрѣпленіе, которое и не замедлило явиться.

1го мая подошла къ Ардагану часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, и расположилась лагеремъ съ юго-восточной стороны сперва подъ Бурдосаномъ, а затѣмъ близъ горы Алагеза, чѣмъ она отрѣзала Ардаганъ отъ Карса.

1го мая, какъ только отрядъ дѣйствующаго корпуса прибылъ къ Бурдосану, командующій корпусомъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ предпринялъ рекогносцировку ардаганскихъ укрѣпленій, дозволивъ лицамъ составлявшимъ его штабъ сопровождать его, если они того пожелаютъ. Почти всѣ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, за исключеніемъ лицъ обязанность которыхъ требовала ихъ присутствія въ лагерѣ.

При этой рекогносцировкѣ выяснилось вполне положеніе Ардагана и его оборонительная сила.

Городъ этотъ лежитъ въ цвѣтущей долинѣ рѣки Куры, у того мѣста гдѣ долина эта примыкаетъ къ тѣсному

ущелью Куры, спертому съ обѣихъ сторонъ довольно значительными горами, подступающими къ самой рѣкѣ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на лѣвомъ берегу Куры, фронтъ къ долинѣ. Цитадель примыкаетъ къ нему съ восточной стороны.

У Ардагана Кура, вступая въ свою тѣснину, образуетъ поворотъ почти подъ прямымъ угломъ. Со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ западной, толпятся бугры и высоты, господствующіе надъ городомъ и ущельемъ Куры. На большей части этихъ бугровъ и высотъ Турками возведены форты, и въ эти форты нагромождено множество орудій всякаго калибра. Еще прошлою зимою, по словамъ жителей, сюда привезено изъ Карса двѣнадцать круловскихъ орудій большого калибра.

Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ несомнѣнно слѣдуетъ считать фортъ Рамазанъ, построенный на горѣ Магласе, къ сѣверу отъ Ардагана, и господствующій не только надъ городомъ, но и надъ большею частью ардаганскихъ укрѣпленій. Этотъ фортъ неприступенъ, такъ какъ гора Магласе возвышается надъ равниною почти отвѣсною скалою. Единственный доступъ къ Рамазану со стороны горы Гюргуна, еще и теперь покрытой снѣгомъ, прегражденъ тѣмъ что фронтъ укрѣпленій обращенъ именно въ эту сторону, а не къ городу или ущелью. Очевидно, Турки, боясь занятія Русскими горы Магласе, построили фортъ Рамазанъ съ единственною цѣлью воспротивиться такой попыткѣ.

У подножья горы Магласе, какъ разъ на Ахалцыхской дорогѣ, возведено укрѣпленіе Кара-Ташъ-Чахуръ, въ 700 саженьяхъ отъ Ардаганской цитадели. Гораздо ближе къ ней возведены, на лѣвомъ же берегу Куры, на возвышенности господствующей надъ Ардаганомъ, два укрѣпленія Кая-Баши, №№ 1 и 2, первое въ 150 саженьяхъ отъ цитадели, а второе въ 200. На правомъ берегу Куры построены укрѣпленія Ахали-Табіе, Казъ-Таласи и Сингеръ, всѣ три на значительной высотѣ. Всѣ эти форты и укрѣпленія оберегаютъ Ардаганъ съ сѣвера, востока и юга. Независимо отъ нихъ, въ долинѣ рѣки Куры, на низменности, стоятъ укрѣпленія Дюзъ, Мехрабъ и Кудіанъ-Чалръ, господствующія надъ дорогами въ Ольту и Батумъ. На правомъ же берегу Куры, съ восточной стороны Ардагана, возвышаются форты Чума-Кенъ и Геля-Верди. Послѣдній господству-

еть надъ всѣми безъ исключенія ущельями ведущими къ Ардагану съ восточной, южной и даже отчасти съ сѣверной стороны, и построены на громадной высотѣ, видной за 15 верстъ въ окрестностяхъ.

Ближайшее изъ укрѣпленій праваго берега отстоитъ отъ Ардаганской цитадели на 500 сажень. Отдаленнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее—Геля-Верди на 4 версты.

Такимъ образомъ въ настоящемъ своемъ положеніи Ардаганъ представляется сильнѣйшимъ образомъ укрѣпленною позиціей. Его цитадель окружена со всѣхъ сторонъ отдаленными передовыми укрѣпленіями, болѣею частью возведенными на значительномъ возвышеніи.

Послѣ рекогносцировки укрѣпленій Ардагана, было рѣшено штурмовать ихъ, форсируя прежде атаку Гелявердинскихъ укрѣпленій.

Наши войска подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ съ сѣверо-востока, а часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса—съ юго-востока. 2е и 3е мая употреблены были на подготовленіе атаки и на подвозъ артиллеріи, въ особенности осадной, привезенной чрезъ Ахалкалаки и Ольчекъ. Ночью съ 3го на 4е мая установлены были инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ наши батареи на высотахъ, обстрѣливаемыхъ непріателемъ, то-есть доступныхъ огню его фортовъ. Какъ провозъ осадной артиллеріи изъ лагеря Ахалцыхскаго отряда въ нашъ лагерь у Алагеза, такъ и установленіе батарей, могли встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны Турокъ. Но и то и другое было сдѣлано ночью, съ замѣчательною ловкостью и осторожностью съ нашей стороны, при непонятномъ невниманіи непріятеля. Турки, вообще говоря, пропускали мимо своихъ фортовъ наши отдѣльныя колонны, не тревожа ихъ своими выстрѣлами, несмотря на то что онѣ проходили ближе лучечнаго выстрѣла. Все время до открытія бомбардированія Турки стрѣляли вяло и скупо, быть-можетъ съ цѣлью приберечь снаряды для критическихъ минутъ. Слѣдуетъ ли приписать этому разчету то обстоятельство что турецкіе форты не воспрепятствовали сооруженію нашихъ батарей или дѣло объясняется просто тѣмъ что Турки въ темнотѣ не замѣтили нашихъ работъ—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ наши войска, безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля, успѣли установить

всѣ свои батареи. Только разъ, когда баталіонъ Эриванскаго полка, подкрѣпленный затѣмъ баталіономъ Тифлискаго, занялъ высоты надъ селеніемъ Гурджи-Бекъ, въ него пущено было изъ Геля-Верди до 24—30 гранатъ, не причинившихъ особеннаго вреда войскамъ. Эти высоты господствуютъ надъ городомъ и надъ правобережными передовыми его укрѣпленіями, хотя и обстрѣливаются съ Геля-Верди и съ Казъ-Таласи. Тутъ установлена была одна изъ нашихъ батарей, изъ трехъ девятифунтовыхъ орудій и двухъ мортиръ. Къ сожалѣнію, мортиры не могли быть подвезены на высоту въ желаемое время; разсвѣтъ засталъ ихъ на ея склонѣ.

Другая батарея, еще важнѣе этой, какъ по своему составу, такъ и по назначенію, возведена была на возвышенности, надъ деревней Бурдосанъ, противъ Геля-Верди. Эта батарея должна была громить Геля-Верди и сосѣднія съ нимъ укрѣпленія, лежавшія значительно выше ея самой. Затѣмъ съ южной стороны отъ села Санискеви почти до Гурджи-бека заложены были на склонѣ Алагеза четыре батареи на различныхъ мѣстахъ и высотахъ, частію полевая, частію же осадная. Эти послѣднія батареи должны были бомбардировать городъ и ближайшіе форты праваго берега: Казъ-Таласи, Слigerъ, Дюзъ и Ахали-Табіе.

Всѣ наши батареи возведены были на высотахъ доступныхъ артиллерійскому огню непріятельскихъ фортовъ, что несомнѣнно говоритъ въ пользу строителей Ардаганскихъ укрѣпленій, сумѣвшихъ затруднить атаку этой важной позиціи.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ геройскій штурмъ этой крѣпости.

4го мая, рано утромъ, большая часть батарей готова была открыть огонь. Но для того чтобъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ батарей, еще не вполне установленныхъ, генералу Девелю, начальнику Ахалцыхскаго отряда, поручено было открыть съ сѣвера перестрѣлку. Съ этою цѣлью генералъ Девель придвинулъ къ укрѣпленіямъ свои войска и открылъ канонаду съ Кубанскою конною батареей. Ему отвѣтили изъ Геля-Верди непрерывнымъ рядомъ залповъ, и съ этой сѣверной стороны артиллерійская перестрѣлка тянулась довольно долго, безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ.

Около 7 часовъ утра командующій корпусомъ обѣхалъ Алагезскія батареи, измѣнилъ отчасти ихъ расположеніе, выдвинувъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣсколько сотъ сажень впередъ. Ровно въ 8 часовъ пущена была сигнальная ракета и всѣ наши батареи, полукругомъ олесявавшія съ юго-востока Ардаганъ и всѣ его укрѣпленія, одновременно открыли огонь. Пальба производилась на каждой батарее по очереди, съ промежутками около двухъ минутъ между выстрѣлами. Особенно громки были выстрѣлы нашихъ новыхъ двухпудовыхъ мартиръ, бьющихъ въ цѣль почти на 6 верстѣ. Въ отвѣтъ на первые же наши выстрѣлы загудѣли форты Сигеръ, Казъ-Таласи и Геля-Верди и даже самъ Рамазанъ пустилъ въ пространство нѣсколько гранатъ, очевидно для очищенія совѣсти, такъ какъ его выстрѣламъ недоступны были наши батареи, да и всѣ вообще городскія укрѣпленія (фронтъ этого замѣчательнаго укрѣпленія направленъ не въ сторону города, а противъ сосѣднихъ горъ, примыкающихъ къ нему съ сѣвера). Первые выстрѣлы непріятеля ложились въ цѣлой верстѣ отъ нашихъ батарей, тогда какъ наши орудія свободно забрасывали гранатами рвы и стѣны Ардаганскихъ укрѣпленій. Но съ теченіемъ времени гранаты все болѣе и болѣе начали приближаться; кононада съ обѣихъ сторонъ велась усердно и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ оживленіемъ.

Часовъ въ 11 командующій корпусомъ со своимъ штабомъ двинулся къ главной батарее, возведенной на возвышенности надъ Бурдосаномъ.

Въ часъ полудни со стороны Ахалцыхскаго отряда поведена была атака противъ передовыхъ эlementовъ, защищавшихъ лагерь, расположенный къ сѣверо-востоку отъ Геля-Верди, на одномъ изъ отроговъ той группы возвышенностей, къ которой принадлежитъ самъ Геля-Верди. Солдаты шли на штурмъ со стройностью изумительною въ людяхъ въ первый разъ видящихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ ветерановъ: одинъ изъ молодыхъ солдатъ Елисаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ предъ рядами, увидя направленные къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ, и закричалъ: „за мной ребята, этому вотъ Турку въ ротъ пулю всажу“, и всадилъ увлекши за собою всю свою роту.

Пока Елисаветпольцы, предводимые своимъ храбрымъ

командиромъ, княземъ Амираджуби, брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою, съ южной стороны наши батареи „жарили“, какъ говорили солдаты, фортъ Геля-Верди, осылая его мѣтками выстрѣлами. Наконецъ, около часу по полудни, къ командиру корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля съ извѣстіемъ что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны атакѣю съ южной стороны. Наши колонны давно ждали этого момента. Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня и повелъ Эриванцевъ и Бакинцевъ на штурмъ. Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей 2¼ версты, а между тѣмъ вмѣсто гранатъ съ батарей во всякую минуту могли открыть по войскамъ стрѣльбу картечью.

Со вторымъ баталіономъ Эриванскаго полка шелъ на штурмъ знаменосецъ перваго баталіона, 73 лѣтній ветеранъ, Василій Колесовъ, который еще въ прошломъ году вѣдиль добровольцемъ въ Сербію и вернувшись вновь записался на службу. Онъ шелъ съ первымъ баталіономъ, но дряхлыя ноги отказались служить и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ-Богомъ командира втораго баталіона взять его на штурмъ. И онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле-еле передвигая ноги, поддерживаемый кучей солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него.

Войска бодро шагали, рассыпавшись въ розницу, и только одна груда тѣла сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы и своею численностью и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ лѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Съ Геля-Верди впрочемъ продолжали стрѣлять въ нашу батарею, но когда штурмующіе дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились. Наши батареи тоже замолчали, чтобы не попасть въ своихъ.

Въ это время Елисаветпольцы первыми вломились въ укрѣпленіе, а за ними Эриванцы и Бакинцы подошли съ юга. Непріятель бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни орудія, ни снарядовъ, ни даже заклепать пушки. Держались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы. Они усылали своими трупами рвы крѣпости и платформы своихъ батарей.

Взятіемъ Гелявердинскихъ укрѣпленій была выполнена лишь часть задачи, но до главной цѣли было еще далеко.

На 5 мая предполагалось лишь продолжать бомбардированіе остальныхъ укрѣпленій. Что же касается до употребленія открытой силы, то-есть штурма, опредѣленіе его момента зависѣло отъ результатовъ бомбардированія. Утромъ 5го мая наши батареи установлены были на Геля-Верди, значительно ниже турецкихъ укрѣпленій занятыхъ наканунѣ по скату горы къ Ардагану. Здѣсь поставлены были двѣ батареи, каждая изъ восьми девятифунтовыхъ полевыхъ орудій. Эти батареи составляли правое крыло атакующихъ. Въ центрѣ, на высотѣ горы, осталась батарея, дѣйствовавшая тутъ наканунѣ и составленная изъ четырехъ осадныхъ девятифунтовыхъ орудій. Часть этихъ орудій, наканунѣ направленная противъ Геля-Верди, повернута была въ сторону города. На лѣвомъ флангѣ, по скатамъ горы Алагезъ, расположены были четыре батареи, изъ которыхъ одна вооружена была тремя шестидюймовыми мортирами, другая двумя такими же мортирами, а двѣ остальные девятифунтовыми полевыми орудіями, по восьми въ каждой. Батареи Алагезскаго склона были спущены и установлены гораздо ниже тѣхъ высотъ гдѣ онѣ стояли наканунѣ и несравненно ближе къ городскимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ наши батареи охватывали полукругомъ оставшіяся укрѣпленія Ардагана.

Позади этихъ батарей, довольно далеко отъ расположенія ихъ зарядныхъ ящиковъ, стояла въ безопасныхъ мѣстахъ пѣхота, скрытая отъ непріятеля неровностями пригорковъ.

Цѣлое утро прошло въ выжиданіи отвѣта ардаганскихъ жителей на сдѣланное имъ предложеніе сдаться безъ дальнѣйшаго боя. Но турецкія власти предложили такія условія сдачи что принять ихъ было невозможно: онѣ требовали чтобы войскамъ дано было право выступить изъ укрѣпленій, вывезти оружіе, запасы, орудія, имущество и т. п. и удалиться безо всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Вслѣдствіе этого, въ три часа пополудни началась канонада города и его правобережныхъ укрѣпленій. Наша артиллерія мѣткостью своей стрѣльбы въ этотъ день превзошла всѣ ожиданія. Снаряды ея сыпались градомъ въ ограду укрѣпленій и разрывались съ ужасающимъ громомъ среди артиллерійской прислуги непріятеля. Мы нашли внутреннее пространство этихъ укрѣпленій буквально изборозженнымъ и изрытымъ нашими снарядами, и масса грудой

находящихся тутъ труповъ непріятеля свидѣтельствунала объ убійственности этихъ снарядовъ; съ своей стороны Турки отвѣчали изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій за исключеніемъ Рамазана, хранившаго упорное молчаніе. Укрѣпленія Кая-Баши. Слугеръ, Дюзъ, Ахали-Табіе и Мехрабъ безустанно забрасывали гранатами наши батареи, но вреда отъ ихъ выстрѣловъ причинялось мало, потому что большая часть снарядовъ не долѣтала до батарей, или ложилась у валовъ прикрывавшихъ наши орудія. Но съ продолженіемъ бомбардировки, непріятельскіе форты все болѣе и болѣе ослабляли огонь своихъ орудій, и это ослабленіе сочтено было наилучшимъ доказательствомъ дѣйствительности нашего артиллерійскаго огня. Въ 6 часовъ вечера, командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, далъ сигналъ къ штурму.

Ахалцыхскій отрядъ, отличившійся наканунѣ при взятіи штурмомъ Гелявердинскихъ укрѣпленій, не принималъ ни малѣйшаго участія въ штурмѣ 5го мая. Онъ расположенъ былъ къ сѣверу отъ Геля-Верди, на обоихъ берегахъ нижняго теченія Куры. Правый флангъ отакующихъ составляла колонна генерала Геймана, изъ двухъ баталіоновъ (1го и 4го) Эриванскаго полка и 4й роты перваго сапернаго баталіона. Въ резервъ эта колонна имѣла баталіонъ (2й) того же Эриванскаго полка. Во главѣ колонны, какъ и наканунѣ, вѣдалъ генералъ Гейманъ, съ инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ. За нимъ слѣдовалъ кучкой штабъ генерала Геймана, съ его синимъ значкомъ. Пѣхота этой колонны, шедшая стрѣлковыми цѣлями, слѣдовала сначала по балкѣ идущей отъ Гелявердинскихъ высотъ по направленію къ укрѣпленію Слугеръ, составляющему, благодаря новѣйшимъ работамъ, одно укрѣпленіе съ прежнимъ отдѣльнымъ люнетомъ, Казъ-Таласи. По другой балкѣ по тому же направленію и также разсыпнымъ строемъ, подвигались два баталіона Бакинскаго полка. Стоявшіе на тѣхъ же высотахъ двѣ батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады въ началѣ штурма участили свои выстрѣлы въ селеніе Слугеръ; но вскорѣ послѣ начала атаки онѣ снялись и пошли впередъ на помощь штурмующимъ.

Въ центрѣ, по балкамъ Алагезскаго Мата, выдвинулись два баталіона Тифлискаго полка, направившіеся къ укрѣпленіямъ Дюзъ и Ахали-Табіе. Эти баталіоны тоже двига-

лись разсыльнымъ строемъ, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому и представляя видъ нѣсколькихъ стрѣлковъ въ цѣлѣй.

На лѣвомъ флангѣ, между деревьями Сазора и Санисъ-Кеви, выступилъ 4й баталіонъ Тифлисскаго же полка, имѣвшій цѣлюю предмостное укрѣпленіе Мехрабъ, послѣднее изъ правобережныхъ укрѣпленій Ардагана. Въ помощь этому баталіону двигалась кавалерія изъ Тверскаго драгунскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ конной Кубанской артиллеріи, стоявшей на высотахъ противъ деревни Чунчури и подвигавшейся по Ольгинской дорогѣ.

Съ началомъ штурма непріятель напрягъ всѣ свои усилія: онъ принялся стрѣлять изъ орудій картечью и открылъ ружейный огонь гораздо раньше чѣмъ наши силы подошли на ружейный выстрѣлъ. О степени смущенія непріятеля можно было судить по беспорядочности его огня: цѣлые залпы картечи перелетали черезъ головы лѣхоты, вреда лишь немногимъ стрѣлкамъ, и десятки тысячъ ружейныхъ патроновъ разстрѣляны были даромъ, безъ малѣйшаго ущерба для нашихъ солдатъ. Наши молодые солдаты, которые казалось бы могли растеряться въ эти горячія минуты, сохранили полное спокойствіе духа, они шли медленно, не открывая огня по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго получаса, несмотря на сильный и непрерывный огонь непріятеля, направленный въ нихъ. Но подойдя на разстояніе ружейнаго выстрѣла, они принялись стрѣлять съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, которое принесло громаднѣйшую пользу штурму. Наши патроны не пропадали даромъ, лѣхота не горячилась, твердо исполняя возложенную на нее задачу; непріятель же, страдавшій отъ мѣткого огня нашихъ стрѣлковъ и видя упорный натискъ все болѣе и болѣе терялъ голову. Онъ стрѣлялъ не заботясь о мѣткости, такъ что въ иные моменты валы укрѣпленія освѣщались непрерывнымъ и слабымъ пламенемъ и застилались густымъ облакомъ порохового дыма. Отъ залповъ, долженствовавшихъ уложить сотни двѣ солдатъ, погибали или падали по три, по четыре, по пяти человѣкъ.

Такимъ образомъ медленно и одновременно подвигались всѣ эти колонны, все болѣе и болѣе окружая свою цѣлю правобережныя укрѣпленія Ардагана. И чѣмъ болѣе приближались они къ непріятелю, тѣмъ сильнѣе становилась

ихъ огонь. По мѣрѣ приближенія ко рвамъ колонны становились гуще и цѣль образовывала кучки. Видя такое непреодолимое наступленіе нашимъ войскъ, готовыхъ ударить въ штыки, непріятельская пѣхота добросала оружіе и аммуницію и стремглавъ пустилась въ бѣгство на лѣвый берегъ Куры, наводя ужасъ и панику на городскихъ жителей и на гарнизоны береговыхъ укрѣпленій. Турецкіе артиллеристы остались немного дольше, но часть ихъ была заколота, а остальная бѣжала, не успѣвъ даже заклепать множество превосходныхъ и драгоцѣнныхъ орудій, которыми вооружены были въ избыткѣ всѣ ардаганскія укрѣпленія.

Такимъ образомъ укрѣпленія праваго берега были заняты атакующими. Предстояло переправиться на лѣвый берегъ, штурмовать находившіяся на нихъ и въ особенности два главныя: Кая-Баши и Рамазанъ.

Городъ Ардаганъ дѣлится Курой на двѣ неравныя части. На правомъ берегу стоитъ нѣсколько домовъ жилищныхъ жителей, жилище паши, инженерная канцелярія, госпиталь, казармы, пороховой погребъ и немного убогихъ хатъ или землянокъ; остальная часть города, съ цитаделью, караванъ-сараемъ, торговыми рядами и со множествомъ частныхъ и казенныхъ зданій, помѣщается на лѣвомъ берегу. Два моста соединяють обѣ эти части, одинъ близъ укрѣпленія Мехрабъ, а другой между Слугеромъ и Кая-Баши. Первый мостъ устроенъ безъ всякихъ сводовъ, изъ круглыхъ брусковъ, безъ перилъ и тротуаровъ. Второй предназначенъ лишь для пѣшихъ и имѣетъ видъ подмостковъ самой грубой работы. Замѣчательно что ни одно изъ орудій ни одного изъ множества ардаганскихъ укрѣпленій не обстрѣливало этихъ мостовъ! Но когда наши войска приближались къ городу Кая-Баши выслало свой гарнизонъ впередъ къ крутому слѣску Куры, какъ разъ надъ вторымъ мостомъ, и этотъ гарнизонъ оттуда открылъ по нашей колоннѣ, подходившей къ мосту, сильный штурцверный огонь, причинившій не мало вреда. Но дальнѣйшее наступленіе колонны Эривандцевъ навело панику на этотъ гарнизонъ: какъ только Эриванцы перешли мостъ и начали подыматься въ гору, гарнизонъ Кая-Баши бѣжалъ, предоставивъ артиллерійскую прислугу ея горькой судьбѣ.

Между тѣмъ гарнизонъ укрѣпленій праваго берега успѣлъ отчасти взойти на первый обширный мостъ чтобы

по немъ бѣжать въ городъ и за городъ. Подлетѣвшая къ тому времени казачья конная артиллерія пустила въ толпу спасавшихся бѣгствомъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ и масса солдатъ полетѣла въ воду. Остальной части отступавшихъ отрѣзавъ былъ путь къ мосту Тифлиссцами занявшими его. Цѣлые баталіоны Турокъ, побросавъ оружіе, бросились въ рѣку чтобы переплыть ее. Наши солдаты и тутъ преслѣдовали ихъ и вся эта масса Турокъ потонула въ Курѣ. Часть же гарнизона, спасаясь въ госпиталь и сосѣднихъ казармахъ и принявшаяся стрѣлять изъ оконъ, была перебита или переколота солдатами Тифлисского полка.

Бѣгство Турокъ было безпорядочное, оружіе все было сброшено, люди спасались кому какъ пришлось и куда ни попало. Раненые умирали въ окрестныхъ селеніяхъ. Наша кавалерія преслѣдовала бѣглецовъ на протяженіи восьми верстъ. Темнота ночи, не позволявшая разглядѣть непріятеля, заставила ее вернуться назадъ въ городъ съ военнопленными, схваченными дорогой.

Упорное молчаніе Рамазанскихъ укрѣпленій приводило въ недоумѣніе войскъ нашихъ; поминутно ожидалось что онѣ осылаютъ гранатами наши войска. И дѣйствительно когда колонна Эривандцевъ придвигалась къ Слугеру, изъ Рамазана выкатили одно орудіе, поставили его ниже укрѣпленій, на косогорѣ, и пустили изъ него нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Но этимъ и ограничилась вся роль этой неприступной твердыни: орудіе скоро перестало стрѣлять, такъ какъ солдаты наши, подошедшіе къ валамъ Слугера, открыты были отъ дѣйствія Рамазанскихъ орудій, а выкаченная пушка такъ и осталась на косогорѣ. Послѣ взятія лѣваго берега, на Рамазанъ отряжены были два баталіона Эриванскаго полка съ приказаніемъ взойти на гору, пользуясь темнотой ночи и къ разсвѣту атаковать гарнизонъ. Эриванцы, подошедшіе къ Рамазану, увидѣли что фортъ оставленъ Турками, бросившими въ нихъ оружіе, заласы, снаряды и даже недоѣденный супъ, и немедленно же заняли его, безъ выстрѣла.

Послѣ паденія Ардагана генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, оставивъ въ этомъ городѣ гарнизонъ подъ начальствомъ генералъ-майора Комарова, съ остальными войсками двинулся обратно къ Зауму. Но такъ какъ послѣ овладѣ-

нія Ардаганаомъ этотъ пунктъ потерялъ свое прежнее значеніе, то генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ перешелъ со своими главными силами къ Ардосту, лежащему въ долинѣ Карсъ-Чая на южной сторонѣ крѣпости. Этимъ новымъ расположеніемъ нашей главной квартиры открывается новый отдѣлъ кампаніи, цѣлью котораго вѣроятнѣе будетъ овладѣніе Карсомъ.

Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова, перейдя границу, 18го апрѣля въ 7 часовъ утра подступилъ къ городу Баязиду, въ которомъ было 1.700 человекъ гарнизона. Турецкія войска, видя приближеніе Русскихъ, поспѣшно отступили въ горы Алла-дага, оставивъ въ наше распоряженіе значительные запасы военного имущества. Въ тотъ же день городъ и цитадель были заняты нашими войсками и генераль Тергукасовъ съ остальными силами двинулся чрезъ Діадинъ къ Сурль-Аганесу, не встрѣтивъ на пути противника. Прибывъ въ Сурль, Эриванскій отрядъ остановился, выславъ впередъ кавалерію, которой удалось открыть что Турки, въ числѣ семи баталіоновъ при девяти орудіяхъ, стали лагеремъ у Каракилиса и тамъ укрѣпились.

Во время стоянки у Сурла, генераль Тергукасовъ получилъ свѣдѣнія, въпервыхъ, о движеніи Турокъ противъ Баязида, вовторыхъ о намѣреніи сильнаго турецкаго отряда, въ числѣ 3.500 Курдовъ, 12.000 башибузуковъ, пяти баталіоновъ и семи орудій, перейти изъ долины сѣверной стороны озера Ванъ на Хамуръ къ Каракилису, дабы соединиться съ укрѣпившимися тамъ войсками.

Для обезпеченія Баязида отъ случайнаго нападенія, генераль Тергукасовъ отрядилъ 6го мая изъ Сурль-Аганеса часть своихъ войскъ подъ начальствомъ генераль-майора Амилахварова. Отрядъ этотъ въ тотъ же день прибылъ въ Баязидъ, сдѣлавъ 60 верстъ, и Турки, намѣревавшіеся атаковать городъ, отступили къ озеру Ванъ. Послѣ этого генераль Амилахваровъ произвелъ рекогносцировку въ направленіи къ вышеупомянутому озеру и дошелъ до рѣки Соукъ-су (притокъ рѣки Бендимачи-су, впадающей въ озеро Ванъ). Результатомъ этого движенія было приведеніе одного курдскаго племени къ покорности, чего ожидаютъ и отъ другихъ племенъ.

Что же касается турецкаго отряда который шелъ отъ озера Ванъ на Хамуръ къ Каракилису, то повидимому ему.

удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ въ телеграммѣ изъ Балзиды отъ 11го мая сказано что непріятель, значительно усилившись въ Каракилисѣ, намѣревается перейти въ наступленіе.

Ріонскій отрядъ по переходѣ за границу встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны противника. Ему еще до сихъ поръ приходится каждый шагъ отвоевывать; но тѣмъ не менѣе хотя и медленно, но онъ подвигается какъ и другіе отряды впередъ и уже успѣлъ покрыть себя лаврами двухъ очень важныхъ одержанныхъ имъ побѣдъ.

Послѣ удачной атаки Мухастатинской позиціи Ріонскій отрядъ генерала Окложію остановился здѣсь до 29го апрѣля, занимаясь устройствомъ этой укрѣпленной позиціи (впереді Легвы) и дѣлалъ рекогносцировки и фуражировки къ сторонѣ рѣки Кинтрышъ.

Рѣка Кинтрышъ беретъ начало изъ Аджарско-Ахалцхскаго хребта, верстахъ въ сорока отъ моря, близъ перевала чрезъ Аджарскій хребетъ изъ лоста Гомскаго (въ Россіи) къ селу Земохину въ Турціи и описавъ небольшую дугу, у укрѣпленія Чурукъ-Су вливается въ Черное Море.

Отъ Земохина къ Чурукъ-Су внизъ по рѣкѣ находятся селенія Зерабосели, Цхетловани, Чахаты и Кобулеты.

Впереді рѣки Кинтрыша за рѣчкой Ачуа лежатъ высоты Хацубани. Какъ долина Ачуа, такъ равно лежащая за ней высоты представляютъ мѣстность необыкновенно волюстую, поросшую густымъ, роскошнымъ лѣсомъ. Эту-то позицію и пришлось штурмовать нашимъ войскамъ 29го апрѣля. Атаку позиціи повелъ генераль-майоръ Денибековъ. Ставъ лично во главѣ штурмующихъ, онъ двинулся впередъ.

Баталіоны ринулись въ штыки. Природную крѣпость надо было взять во что бы ни стало. Гурійцы и Закаталцы опередили всѣхъ и чрезъ минуту были уже на высотахъ. Бердановская пуля поразила въ грудь главнаго предводителя враговъ, Эдибека, непріятель далъ сигналъ отбоя; наши продолжали подниматься все выше и выше, но до штыковаго дѣла не дошло. Враги бѣжали...

Другая колонна генераль-майора Шереметева двигалась въ вѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки Ачуа, въ видѣ боковой цѣли съ резервами изъ двухъ ротъ 2го стрѣлковаго баталіона подъ общюю командой майора Лейстена. Едва успѣли показаться изъ лѣса боковые патрули и стали вытягиваться на

лѣсистую поляну, лежащую на берегу Ачкуа, какъ они были встрѣчены залпомъ непріятеля засѣвшего въ глубокой заросшей лѣсомъ канавѣ. Такимъ образомъ эти двѣ роты первыя приняли на себя огонь противника. Въ числѣ прочихъ первыми выстрѣлами былъ тяжело раненъ командовавшій цѣлью майоръ Дейстень и контуженъ въ колено самъ командиръ 2го стрѣлковаго баталіона, подполковникъ Макѣвъ, выѣхавшій осмотрѣть стрѣлковую позицію. Медлить было нельзя: обѣ роты быстро кинулись на стрѣлавшаго непріятеля, который, не дождавшись ихъ приближенія, оставилъ канаву и бѣжалъ на ту сторону рѣки Ачкуа.

Въ то же время непріятель тѣснымъ колонной генерал-майора Денибекова напалъ на колонну генерал-майора Шереметева. Находящаяся на лѣвомъ флангѣ цѣль заняла изгибъ рѣки Ачкуа и своими выстрѣлами заставила непріятеля значительно ослабить огонь съ одной изъ впереди лежащихъ высотъ. Около 6 часовъ утра, толпы непріятеля, постоянно замѣняемыя другими, начали направляться вдоль своего фланга къ сторонѣ Кобулетъ и Цихидзири, и ружейный бой сталъ особенно силенъ. Въ этотъ моментъ на первую роту Ленкоранскаго полка, которая занимала центръ цѣли, напала масса непріятельскихъ стрѣлковъ, но была отбита удачнымъ огнемъ артиллеріи. Около 7 часовъ утра новая толпа непріятеля, состоявшая изъ мѣстныхъ жителей и регулярныхъ войскъ, перейдя рѣку Ачкуа, верстахъ въ трехъ ниже нашей позиціи, показала изъ лѣса противъ дивизіона Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, охранявшаго нашъ правый флангъ. Съ крикомъ и гиканіемъ противникъ бросился изъ лѣса, желая очевидно охватить этотъ флангъ, но бѣ сотня, подѣ личнымъ начальствомъ своего сотеннаго командира, штабъ-ротмистра князя Дибудадзе и прапорщика той же сотни князя Дадіана, разсыпалась въ цѣль по опушкѣ лѣса и открыла огонь по наступающему противнику; въ это же время была направлена изъ резерва на поддержку всадниковъ 1я рота Ленкоранскаго полка. Залпы означенной роты и огонь цѣли скоро заставили непріятеля броситься опять въ лѣсъ и держаться до конца боя въ ружейнаго выстрѣла. Одновременно съ симъ турецкіе броненосцы подойдя къ берегу открыли огонь по нашимъ войскамъ.

Три роты стрѣлковаго баталіона, подѣ личною командой командира баталіона подполковника Макѣва, быстро пере-

шли рѣку Ачкау и бросились на высоты занятыя Турками. Непріятель, завидя быстрое наступленіе нашихъ стрѣлковъ, сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ залповъ и бѣжалъ съ занимаемой имъ позиціи по дорогамъ на Кобулеты и Цихидзири.

Число войска непріятеля занимавшаго эту чрезвычайно сильную позицію въ точности невозможно опредѣлить, но, судя по показаніямъ жителей явившихся къ намъ послѣ дѣла, а также по величинѣ фронта позиціи и по другимъ признакамъ, число ихъ было отъ четырехъ до пяти тысячъ.

Послѣ одержанной побѣды на высотахъ Хацубани, Ріонскій отрядъ, замедляемый въ своемъ движеніи къ Батуму крайне пересѣченною и трудно доступною мѣстностью, продолжалъ настойчиво разрабатывать дороги и производилъ рекогносцировки рѣки Кинтриша. 16го мая генераль-лейтенантъ Оклобжіо двинулъ свой авангардъ на лѣвый берегъ рѣки, гдѣ на высотахъ Самеба расположенъ былъ лѣвый флангъ турецкихъ силъ; авангардъ нашъ съ бою овладѣлъ этими высотами и заставилъ непріятеля отступить въ Цихидзири, по направленію къ морю. Въ то же время другая небольшая колонна съ такимъ же успѣхомъ проникла въ Кабулетскій округъ, населеніе котораго начало изъявлять покорность и добровольно выдавать нашимъ войскамъ оружіе, доставленное имъ Турками.

Этою недавнею побѣдой мы окончиваемъ наше настоящее обозрѣніе, откладывая обзоръ кавказскихъ событій, а равно дѣйствія турецкаго и нашего флота на Черномъ Морѣ до тѣхъ поръ когда они получаютъ болѣе опредѣленный видъ и будетъ возможность объяснить замѣшательства между нашими магометанскими подданными Кавказа.

М.

Въ предыдущей книжкѣ подъ романомъ *Анны Каренина* выставлено: „окончаніе слѣдуетъ“. Но со смертію героини собственно романъ кончился. По плану автора, слѣдовалъ бы еще небольшой эпилогъ, листа въ два, изъ коего читатели могли бы узнать что Вронской, въ смущеніи и горѣ послѣ смерти Анны, отправляется добровольцемъ въ Сербію и что всѣ прочіе живы и здоровы, а Левинъ остается въ своей деревнѣ и сердится на славянскіе комитеты и на добровольцевъ. Авторъ быть-можетъ разовѣетъ эти главы къ особому изданію своего романа.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1877 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1877 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Итацію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1877 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1877 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей**; съ доставкой и пересылкой **восемнадцать рублей**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

